

9(4)

В 17

Вандаль А.

Возвышение

Тонапарта

1905

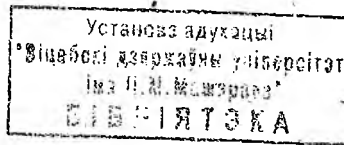
Альбертъ Вандаль

ВОЗВЫШЕНІЕ БОНАПАРТА

I

Происхожденіе брюмерскаго консульства.

Конституція III^{го} года

524228

Переводъ съ XI-го французскаго изданія

З. Н. Журавской

Цена 2 р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-литографія „Герольдъ“ (Вознесенскій пр., № 3)

1905

ВОЗВЫШЕНІЕ БОНАПАРТА

I

Происхождение брюмерскаго консульства.

Конституція III^{го} года

ПРЕДИСЛОВІЕ

Эта книга — политико-историческое изслѣдованіе. Задача ея—показать, какимъ образомъ Бонапартъ послѣ революціи завладѣлъ властью во Франціи и какъ, освобождая французовъ отъ тираніи якобинцевъ и еще не угнетая ихъ всей тяжестью собственнаго деспотизма, онъ заложилъ первыя основы примиренія и возстановленія націи.

На эту высоту онъ поднялся не сразу и не внезапно; то было постепенное восхожденіе, этапами котораго являются возвращеніе изъ Египта, дни *брюмера*, расширеніе консульскихъ полномочій и Маренго. Бонапартъ въ моментъ высадки близъ Фрежюса пока только выдающійся полководецъ, несущій французамъ надежду на возрожденіе республики и побѣдоносный миръ; послѣ *брюмера* онъ лишь одинъ изъ трехъ консуловъ, временно управляющихъ страной; наканунѣ Маренго онъ лишь первый гражданскій чинъ и представитель гражданской власти во Франціи, весьма заботящійся о соблюденіи конституціонныхъ и республиканскихъ формъ; на другой день послѣ битвы подъ Маренго онъ — хозяинъ Франціи и чувствуетъ себя хозяиномъ. Съ этого момента онъ, дѣйствительно, все можетъ и все умѣетъ. Онъ сознательно возвращается къ нѣкоторымъ изъ великихъ пережитковъ прошлаго, примиряя ихъ съ интересами, порожденными революціей, и нѣкоторыми революціонными

идеями, глубоко укоренившимися въ сознаниі націи, и въ замиренной такимъ образомъ Франціи, управляемой мощной рукой, воздвигаетъ грозное зданіе монархіи, которое суждено расшатать въ послѣдствіи роковымъ случайностямъ и безумствамъ его внѣшней политики. До сихъ поръ онъ много работалъ, дѣйствовалъ непрерывно, но въ то же время наблюдалъ, колебался, шель оцупью. Онъ не увѣренъ ни въ себѣ, ни во Франціи. Неизвѣстно еще, станетъ ли онъ главою славной, объединенной твердой властью республики, или же основателемъ имперіи. Обстоятельства и его воздѣйствіе на нихъ лишь постепенно приводятъ его къ рѣшенію, по какому пути ему направить Францію. Этотъ то важный поворотный пунктъ нашей исторіи, обнимающій въ общемъ промежутокъ немного болѣе года, — отъ іюня 1799 г. до сентября 1800—мы и намѣреваемся изслѣдовать.

Французская революція не закончена, ибо если Бонапартъ и выполнилъ успѣшно свою задачу, какъ администраторъ и гражданинъ, въ области политики онъ въ концѣ концовъ потерпѣлъ крушеніе. Франція и по сію пору живетъ въ тѣхъ административныхъ рамкахъ и съ тѣми гражданскими законами, какіе онъ завѣщалъ ей, но ея политическія и соціальныя проблемы остаются приблизительно въ томъ же видѣ, въ какомъ застала ихъ революція, оборвавшая нить нашихъ судебъ; почти всѣ онѣ восходятъ къ этому неизгладимому событію и носятъ на себѣ его печать. А между тѣмъ, во всемъ послѣдующемъ, въ цѣломъ рядѣ нашихъ кризисовъ, нашихъ острыхъ или затяжныхъ конфликтовъ, нѣтъ ничего похожего по быстротѣ чередованія событій на этотъ безпримѣрный, конвульсивный переворотъ, гдѣ все было чрезмѣрно, грозно и кратко. Притомъ же, если факты продолжаютъ жить въ своихъ послѣдствіяхъ, положенія никогда не повторяются въ точности; вотъ почему отъ исторіи можно требовать поученій, уроковъ, примѣровъ, но только не образцовъ.

Революціи не понять, если брать ее, какъ отдѣльный фактъ, обособляя ее отъ внѣшняго кризиса, съ которымъ она постоянно сталкивалась и соприкасалась. Тѣмъ не менѣе, чтобы не выходить изъ рамокъ, мы оставляемъ въ сторонѣ подробности дипломатическихъ переговоровъ и войнъ, исторію внѣшнихъ событій, показывая только, какой непрерывный и глубокий откликъ они находили внутри страны, какъ отражались на правителяхъ, партіяхъ и общественномъ мнѣніи. Изученіе настроенія общества, выясняющее намъ тонъ и смыслъ эпохи, постепенно должно занять видное мѣсто въ исторіи. Мы старались по возможности разобратъся въ стремленія различныхъ классовъ, въ ихъ нуждахъ, въ инстинктѣ массъ; мы прислушивались къ жалобамъ, доносившимся изъ хижинъ и мастерскихъ, къ болтовнѣ въ лавкахъ не менѣе внимательно, чѣмъ къ крикамъ на *форумѣ* и спорамъ въ собраніяхъ. Въ эпоху директоріи мы принуждены были констатировать общую усталость воли, которой опротивѣла борьба, застой и какъ бы перерывъ въ теченіяхъ общественной мысли; по мѣрѣ возвышенія консульства мы различали сперва неясный, но вскорѣ одобрительный говоръ народныхъ массъ, затѣмъ клики высокаго энтузіазма, и поставили себѣ задачей снова разбудить эти мощные отголоски вокругъ политическихъ и военныхъ дѣлъ, которыя долго одни гремѣли въ исторіи.

Чтобы прослѣдить происхожденіе консульства, какъ учрежденія, надо вернуться къ послѣднимъ временамъ директоріи. Идея предшествовала человѣку; Бонапартъ присвоилъ ее себѣ и заставилъ восторжествовать, доводя ее до крайности, согласно своему темпераменту, достигая великихъ результатовъ, не отступая передъ беззаконіями, но у него были непосредственные предшественники, гражданскіе и военные, еще до него мечтавшіе организовать и закончить революцію; только роль свою они понимали иначе. Въ общественной сферѣ, какъ и въ мірѣ физическихъ явленій при-

рода отнюдь не прибѣгаетъ къ внезапнымъ нововведеніямъ; прежде чѣмъ вполне осуществить свою мысль, она пробуетъ себя на наброскахъ, эскизахъ, рудиментарныхъ конценціяхъ и такимъ путемъ создаетъ для идей и фактовъ извѣстную среду, благопріятствующую ихъ расцвѣту. Возможно, что въ 1799 году ничего не могло бы сдѣлаться безъ Бонапарта, потому что онъ былъ тогда единственнымъ человѣкомъ, по своей геніальности стоявшимъ на высотѣ положенія, но, помимо его геніальности и сильной воли, онъ нашелъ еще прекрасно подготовленную почву.

Старый порядокъ рухнулъ; новый никакъ не налаживался. Въ области внутреннихъ дѣлъ директоріи достался въ наслѣдство весь пассивъ революціи; трудности предстояли огромныя, и ни съ одной она не сумѣла справиться, какъ слѣдуетъ. Ея задача была не изъ легкихъ, но она оказалась совсѣмъ ужъ не на высотѣ задачи. Она ничего не сумѣла поправить и установить; она не дала французамъ ни порядка, ни свободы.

Виновны въ томъ и учрежденія, и люди, и обстоятельства. Конституція III-го года, дѣло принциповъ и вмѣстѣ случая, имѣла цѣлью организовать революцію и республику. Построенная на ложныхъ основаніяхъ, она всюду внесла раздоръ и нигдѣ не создала авторитета. Введенный ею режимъ именовался представительнымъ, не будучи тѣмъ, что мы теперь зовемъ парламентскимъ режимомъ. Корпусъ избирателей съ извѣстнымъ цензомъ, выдѣленный массой гражданъ, выбиралъ оба совѣта, ежегодно обновляя ихъ на одну треть. Совѣтамъ полностью принадлежала законодательная власть. Совѣтъ 500 первый вотировалъ законъ, совѣтъ старѣйшинъ утверждалъ его. Кромѣ того, совѣты выбирали исполнительный комитетъ, директорію изъ пяти членовъ, опять-таки выбывавшихъ по одному ежегодно. Какъ исполнительная власть, директорія была высшимъ въ государствѣ учрежденіемъ, но ограниченнымъ въ правахъ:

она по произволу выбирала министровъ, не составлявшихъ совѣта и не зависѣвшихъ отъ собраній, но не имѣла ни законодательной инициативы, ни права распускать палаты. Исполнительный и законодательный комитеты не имѣли никакихъ законныхъ правъ другъ надъ другомъ, и за отсутствіемъ посредника, который бы могъ разсудить ихъ, всякій конфликтъ между ними приводилъ къ насилію. Въ сущности, по своей манерѣ съ самаго начала приравнивать режимъ къ выгодѣ исключительно революціонеровъ, по всѣмъ своимъ дальнѣйшимъ продѣлкамъ надъ конституціей, ея нарушеніямъ, искаженіямъ и подлогамъ, правленіе директоріи и совѣтовъ въ теченіе большей половины ихъ существованія было не чѣмъ инымъ, какъ посмертной тиранией конвента.

Это зло въ значительной степени слѣдуетъ приписать революціонерамъ, ихъ неспособности управлять, сектантской необузданности ихъ страстей, коренной испорченности многихъ изъ нихъ. Оно обусловливается также и непрерывностью внѣшней и внутренней гражданскихъ войнъ, поддерживавшихъ одна другую. Оппозиція, съ которой приходилось имѣть дѣло директоріи, никогда не была вполне легальной, конституціонной оппозиціей, не оспаривающей установленной формы правленія; къ ней всегда примѣшивались крамольническія махинаціи, имѣвшія цѣлью низвергнуть правительство. Среди тѣхъ, кого революція лишила имущества и привилегій, кого она давила, преслѣдовала, мучила, довела до отчаянія, многіе не отказывались отъ надежды снова насильно овладѣть Франціей. Вступая въ союзы съ чужеземцами, они устраивали вторженія и высадки, организовали заговоры, волновали города, бунтовали деревни, раздували пламя мятежа на западѣ, наводняли югъ шайками убійць. Красный и бѣлый терроры уживались бокъ о бокъ. Поэтому и такъ называемый конституціонный режимъ не исцѣлилъ золъ, вызванныхъ революціоннымъ состояніемъ

страны. Оспариваемая другъ у друга съ оружіемъ въ рукахъ двумя народами одной расы, воинствующими приверженцами и противниками революціи, Франція, несмотря на безстыдную роскошь, воцарившуюся въ ея столицѣ, оставалась ареной битвъ, юдолью опустошенія, кровавымъ хаосомъ.

Подъ хронической распрей партій лежала недвижная народная масса, умершая для высокихъ порывовъ энтузіазма, для всякой политической вѣры. Пора ожесточеннаго, бѣшенаго патріотизма, когда любовь къ республикѣ дѣйствительно, сливалась съ любовью къ Франціи, отошла въ далекое прошлое. Казалось, сила, жаръ, богатство галльской крови уцѣлѣли только въ арміяхъ, продолжавшихъ защищать республику, да въ отрядахъ повстанцевъ, искавшихъ погубить ее.

Если революція подняла внутри страны такую грязную пѣну, какой никогда еще не вскипало и не бродило на поверхности народнаго моря, зато у нашихъ границъ она вызвала прибой героизма. Во время великаго спазма энергія, накопленная многими поколѣніями французовъ, выкованная суровой дисциплиной стараго режима, внезапно пробужденная идеей, вырвалась наружу страшнымъ взрывомъ. Съ тѣхъ поръ, благодаря постояннымъ войнамъ, перемѣнѣ противниковъ, ольяненію и выгодамъ побѣды, вначалѣ безкорыстный героизмъ превратился въ карьеру, ремесло, вѣчную погоню за славой и наживой. Впереди груды развалинъ стояло неизблемо военное учрежденіе, армія; революція заразила ее своими страстями, но, разрушая все кругомъ, вынуждена была падить ее, ибо вначалѣ ей необходимо было побѣждать, чтобы жить, а затѣмъ она жила войной; она вынуждена была втинуть своихъ добровольцевъ и рекрутовъ въ кадры старыхъ полковъ, утилизировать остатки бывшаго офицерскаго сословія, превозносить воинскія добродѣтели, чтить

дисциплину, прославлять храбрость, и во все это она вдохнула великое пламя энтузиазма, толкавшего къ новымъ и новымъ подвигамъ.

Разумѣется, ея войска совсѣмъ не походили на теперешнюю нашу армію, этотъ цѣльный организмъ, превосходно выдѣланное, точное боевое орудіе. Плохо снаряженные, еще того хуже организованныя, буйныя, лихорадочно пылкія, голодныя, оборванныя, съ плюмажами и въ лохмотьяхъ, они были лишены всего и въ то же время гордились своей живописной формой; но духъ воинской доблести, этотъ жизненный огонь армій, въ нихъ удивительно развился и окрѣпъ. Этотъ военный духъ становился однимъ изъ проявленій революціоннаго духа, которому суждено было въ концѣ концовъ спасти революцію, подчинивъ ее себѣ. Среди мирнаго населенія молодежь отказывается итти въ солдаты, т. е. на войну и на бойню; но завербованные насильно юноши, разъ попавъ въ колесо, поддаются заразѣ, примѣра, обаянію вождей; они проникаются любовью къ этой чисто народной арміи, уже создавшей себѣ традицію побѣдъ и собственную эпопею; эти дѣти, никогда не покидавшіе родного селенія, эти крестьяне, взятыя прямо съ пашни, потонувъ въ великомъ единомъ цѣломъ, которое сражается на границахъ, получаютъ представленіе о болѣе обширной общинѣ, начинаютъ понимать, что значитъ отечество. Они научаются гордиться, даже кичиться своей ролью; они чувствуютъ себя самымъ необходимымъ, самымъ лучшимъ, наиболѣе французскимъ элементомъ тогдашней Франціи. Это объясняетъ, почему военный институтъ оставался сильнымъ и вліятельнымъ въ странѣ, возненавидѣвшей войну и уклонявшейся отъ военной службы. Итакъ, Франція по прежнему развертывала передъ иностранцами фронтъ живучихъ и сильныхъ армій, рвущихся въ бой; но внутри страны царили разложеніе, вялость, уныніе; не столько обезсилѣвшій, сколько усталый народъ, раз-

битый, упавший духомъ, не чувствовалъ ничего, кромѣ своихъ невзгодъ.

Эти невзгоды были различнаго рода; намъ слѣдуетъ разобратся въ нихъ. Не всѣ классы населенія, не всѣ части Франціи одинаково страдали отъ нихъ. Революція протекала не вездѣ одинаково, но въ каждомъ департаментѣ различно; и въ пространствѣ, какъ во времени, она не поддается оцѣнкѣ въ цѣломъ. Тѣмъ не менѣе мы повсюду находимъ, хотя и въ различной степени, то же неистовство партій, упадокъ авторитета власти, язву продажности, возмутительный произволь, подрывъ кредита и дѣловые крахи, отсутствіе личной безопасности, необезпеченность имуществъ. Эти невзгоды шли въ перемежку съ нарастаніемъ жизненныхъ силъ страны, но еще не сложившихся или находившихся въ скрытомъ состояніи, съ ростомъ плодоносныхъ зародышей будущаго, ибо „эта нація, казалось, разлагавшаяся, готовилась дать жизнь новому міру» ¹⁾.

Подъ ужасами и преступленіями революціи глухо шла эволюція лучшаго будущаго, въ смыслѣ большаго благосостоянія, свободы и справедливости, но этого не признавали, видя передъ собой лишь гнусность настоящаго и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. За вычетомъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей и группъ, интересы вездѣ пережили принципы, но и самые интересы повсемѣстно нарушались или рисковали быть нарушенными. Люди кое-что сберегшіе, боялись потерять это; люди, кое-что нажившіе, не пользовались нажитымъ добромъ или пользовались имъ не въ достаточной степени, а желали пользоваться. Революція, создавшая множество новыхъ и не вполне ограбившая всѣхъ старыхъ собственниковъ, но заставлявшая жить тѣхъ и другихъ въ вѣчной тревогѣ, въ итогѣ привила намъ духъ матерьяльнаго консерватизма, но этотъ гру-

¹⁾ *Chateaubriand*, „Mémoires d'outre tombe“, edition Biré II, 235.

бый инстинктъ не умѣлъ найти себѣ формулы и защиты... Франція, жаждавшая покоя и безопасности, отданная во власть плодившихся въ ней, какъ грибы, тираній и анархій, не имѣла силы самостоятельно освободиться отъ нихъ и организовать; готовая принять вождя или господина, она была неспособна сама поставить его; съ другой стороны, революціонная власть, хотя и вдохновляемая, въ свою очередь, свирѣпымъ инстинктомъ самосохраненія, была одновременно и слишкомъ необузданна и слишкомъ слаба, для того чтобы прочно утвердиться въ настоящей своей формѣ. Люди, послѣ 9-го термидора захватившіе въ свои руки революцію, остались партіей, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться правительствомъ; они удерживали власть насиліемъ, все время не имѣя твердой почвы подъ ногами, и превратности ихъ судьбы объясняютъ, какимъ образомъ наиболѣе интеллигентные изъ нихъ мало-по-малу дошли до того, что стали искать и призывать человѣка, достаточно сильнаго для того, чтобы взять подъ свою защиту ихъ интересы и возстановить государство.

ВВЕДЕНИЕ

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ - ПРИСТРОИВШЕСЯ

Правительство

Революционеры противъ націи. — Господство олигархіи; управленіе при помощи періодическихъ государственныхъ переворотовъ. — Теорія и практика. — Институтъ. — Роялисты и якобинцы. — Прострація народа. — Армія замѣняетъ народъ въ смыслѣ революціонной силы и въ каждомъ кризисѣ играетъ рѣшающую роль. — Директорія. — Баррасть. — Продажность. — Низость. — Политика качель. — 18 фрюктидора. — 22 флореаля. — Невозможность для правителей удержать власть, не прибѣгая къ ряду насилій.

I.

Отъ гибели Робеспьера до возвышенія Бонапарта въ политической исторіи революціи на первомъ планѣ стоитъ одно: упорныя усилія пристроившихся революціонеровъ, захватившихъ высшія мѣста и вліяніе, удержать власть, упрочить ее за собой помимо и противъ желанія націи. Во главѣ этихъ революціонеровъ эпохи упадка никогда не стояли крупныя личности; великіе вожди погибли; приходилось довольствоваться второразрядными. Они не составляли дисциплинированной и сплоченной партіи, но лишь измѣнчивую ассоціацію интересовъ и страстей. Центромъ и основнымъ ядромъ этой партіи были термидорцы. 9-е термидора ¹⁾ было дѣломъ группы террористовъ, диссидентовъ, враговъ Робеспьера, но не менѣе его жестокихъ и болѣе низкихъ душою; сравнительно умѣренными ихъ сдѣлало лишь возмущеніе общественнаго мнѣнія и уменьшеніе внѣшней опасности. Къ нимъ присоединились снова вошедшіе въ милость жи-

¹⁾ День казни Робеспьера. *Прим. пер.*

рондисты, монтаньяры, спустившіеся съ горы на равнину, огромное большинство членовъ конвента и почти вся группа вотировавшихъ смерть короля, — словомъ, всѣ тѣ, кто создалъ республику и, уцѣлѣвъ во время террора, хотѣлъ насладиться дѣломъ своихъ рукъ.

Они-то и рѣшили, провозгласивъ конституцію, что двѣ трети конвента должны войти въ составъ совѣтовъ. Со времени этого законодательнаго покушенія, Парижъ и вся Франція трижды возставали противъ нихъ, законнымъ порядкомъ или путемъ насилія объявляя имъ свою волю, и трижды,—въ вандемьерѣ IV-го года, фрюктидорѣ V-го и флореалѣ VI-го—эти возмущенія были подавлены при помощи пушекъ или жестокихъ репрессій. Новое правительство жило государственными переворотами (*coups d'Etat*), влачило отъ насилія къ насилію шаткое существованіе, неспособное управлять, упорное въ самозащитѣ, подстрекаемое мыслью, что, лишившись власти, оно лишится всего, въ томъ числѣ и жизни, по всей вѣроятности, а «когда приходится выбирать между тѣми, кто хочетъ пробить себѣ дорогу, и тѣми, кто не хочетъ попасть на висѣлицу, всегда выгоднѣе держать пари за послѣднихъ»¹⁾. Въ промежуткахъ между серьезными кризисами, уже пробившіеся революціонеры препирались и поносили другъ друга, перебрасываясь обвиненіями. Какъ только возникала общая опасность, правительство группировалось заново, сплочивалось въ одно цѣлое противъ врага, и самые умѣренные, порой со вздохомъ, шли вслѣдъ за насильниками.

• Такимъ образомъ, правительство Франціи было олигархическимъ, а сама она—военной добычей замкнутой касты, пополняющейя собственными средствами, оторванной отъ народа и уже не составлявшей съ нимъ одного цѣлаго. Во всѣхъ свидѣтельствахъ современниковъ, представителей и правой, и лѣвой, и умѣренныхъ, среднихъ людей, встрѣчается это слово—олигархія или термины равнозначущіе: «революціонная олигархія» «фракція олигарховъ», «люди, создавшіе себѣ привилегію изъ революціи», «грубая, завистливая и недовѣрчивая аристократія, порожден-

¹⁾ Письма М-ме де Сталь къ Редереру, 1-ое октября 1796 г. *Rédérer, „Oeuvres“, VIII, 650.*

ная революціей», сборище людей, желавшихъ превратить республику въ «аристократію угнетателей и всю свою жизнь пользоваться этимъ»¹⁾. Человѣкъ, страстной преданности котораго принципамъ французской революціи никто не станетъ оспаривать, знаменитый либераль и прежде всего либераль, Ляфайетъ, пишетъ: «Представьте себѣ это скопище индивидуумовъ, которые путемъ политическихъ и соціальныхъ преступленій захватили всѣ должности и мѣста. Самые низкіе изъ нихъ награбили себѣ состояніе; у другихъ есть у каждаго на душѣ два-три дѣла, за которыя его мучить совѣсть, хотя эта совѣсть и не изъ чуткихъ, два-три поступка, навлекшихъ на него общее негодованіе. Самые безобидные изъ нихъ—это люди, которые только вотировали смерть короля да засѣдали въ конвентѣ рядомъ съ Робеспьеромъ, не осмѣливаясь возражать противъ его декретовъ, а теперь не смѣютъ взглянуть въ глаза честнымъ людямъ. Представьте себѣ затѣмъ, толпу низшихъ должностныхъ лицъ, творившихъ, каждый въ своей коммунѣ, и святотатства, и насилія, его навсегда погубившія, хотъ они и прикрывались республиканскимъ флагомъ. Вотъ чѣмъ въ сущности сдѣлалась французская республика. Эта партія опирается на интересы многихъ и на небольшую кучку энтузіастовъ республиканцевъ»²⁾.

Въ дѣйствительности, революціонное ядро состояло не исключительно изъ бывшихъ проконсуловъ-террористовъ, подмоченныхъ политиковъ и людей, запятнавшихъ себя преступленіями, хотъ такихъ и было въ немъ весьма большое количество. Въ немъ были также люди, оставшіеся чистыми, глубоко вѣрившіе въ революцію; и на ряду съ ними много людей закона, бывшихъ юристовъ и прокуроровъ, людей, которые безвѣстно, но съ пользою работали въ комитетахъ конвента и позже должны были войти въ составъ экипажа консульства.

Были также теоретики, мыслители; за собраніями стоялъ Институтъ. Это славное ученое учрежденіе, дѣтище

¹⁾ Souvenirs du baron de Barante. I, 39, 47, 50; Fiévée „Correspondance et relations avec Bonaparte“, 70; Mémoires et correspondance de La Fayette, V, 111. См. также тогдашнія газеты и въ особенности „Journal des hommes libres“ и „Gazette de France“, года, VII и VIII *passim*.

²⁾ Mémoires et correspondance de La Fayette, V, 105.

конституціи, точно такъ же, какъ директорія и оба совѣта, являвшееся почти четвертой властью въ государствѣ, было хранилищемъ доктрины; оно поставляло многихъ членовъ въ правительственныя учрежденія и само отчасти вербовало въ нихъ своихъ работниковъ. Прославленный, осыпанный высокими почестями, Институтъ имѣлъ въ своихъ рядахъ предвѣстниковъ великаго научнаго движенія, которое въ наши дни преобразило міръ; но правили и владычествовали въ немъ послѣдніе могоканы энциклопедіи, философы школы Кондильяка, будущіе идеологи Бонапарта. То были по большей части люди суровой внѣшности, кроткихъ нравовъ и надменнаго ума. Будучи для той эпохи весьма учеными въ своей области, они считали себя призванными повелѣвать умами. Въ грубо-реалистической Франціи время директоріи они мечтали возстановить духовную власть, возложивъ заботу о выполненіи ея приговоровъ на свѣтскую. Предоставивъ этой послѣдней покушенія на личную свободу, некрасивыя насилія, передъ которыми они всегда склонялись, они приберегли для себя иную задачу и мнили передѣлать французскую душу согласно своему высокому и холодному идеалу.

Не одинъ впрочемъ матеріальный интересъ связывалъ между собой всѣхъ пристроившихся революціонеровъ; у нихъ были общія идеи, общія страсти. Прежде всего глубокая ненависть къ христіанству. Насчетъ этого свѣтила Института были совершенно одного мнѣнія съ мелкими ненавистниками поповъ въ администраціи и собраніяхъ. Во времена террора война противъ религіи была лишь гнусной сатурналіей, не одобряемой Робеспьеромъ. При режимѣ III года она организовалась въ систему. Чтобы лучше искоренить религію, ей придумали замѣну. Академія пыталась извлечь изъ своей доктрины сборникъ правилъ и предписаній на всякіе случаи жизни. На это то и намекалъ Бонапартъ, когда говорилъ, желалъ польстить своимъ коллегамъ: «Я держусь религіи Института» ¹⁾. Правительство субсидировало теофилантроповъ, смѣшившихъ народъ, и навязало ему культъ декады (десятаго дня), докучавшій ему. Въ своихъ

¹⁾ Слова, приводимыя *M. Aulard* омъ въ „*Etudes et leçons sur la Révolution française*“, II, 143.

усиліяхъ одолѣть католицизмъ правительство наталкивалось на сопротивленіе, которое и раздражало его, и смущало, на неискоренимую преданность массъ своимъ стариннымъ національнымъ вѣрованіямъ; ибо революція взбудоражила Францію, но измѣнила ее лишь отчасти.

Такъ же глубока была ненависть пристроившихся революціонеровъ къ бывшей знати; какъ они ни преслѣдовали аристократовъ, разоряя ихъ, отправляя въ изгнаніе, разбивая по всѣмъ концамъ Европы, они не могли не завидовать имъ. И тѣмъ больше ненавидѣли бывшій правящій классъ, что сами стремились создать такой же.

Въ политикѣ они выдвигали извѣстные принципы, которые нагло попирали на практикѣ: верховная власть народа; система представительства, раздѣленіе власти, выборное начало и частое обновленіе правящихъ группъ. Нѣкоторые изъ нихъ искренно считали себя либералами; они платонически обожали свободу, но откладывали ее до того невозможнаго дня, когда вся Франція будетъ думать, какъ они. Въ сущности, многіе изъ нихъ были менѣе всего республиканцами. У нихъ была задняя мысль, затаенная и неотступная: упрочить свою олигархію, поставивъ во главѣ ея короля, взятаго изъ чужой династіи или изъ младшей линіи своей, короля, который не будетъ настоящимъ властелиномъ, но лишь ихъ креатурой, который будетъ править имъ на пользу и черезъ ихъ посредство, посадивъ пѣрами королевства цареубійцъ. Такое государственное устройство, которое упрочило бы ихъ власть и сдѣлало бы ихъ несмѣняемыми, казалось имъ болѣе надежнымъ, чѣмъ республика, всегда измѣнчивая и шаткая.

Ненавистные большинству французовъ, осужденные общественнымъ мнѣніемъ, они должны были бороться съ болѣе или менѣе организованными партіями, — прежде всего съ настоящими умѣренными, съ либералами; затѣмъ, со всѣми разновидностями роялистовъ, отъ *монархическихъ* буржуа, членовъ учредительнаго собранія въ 1789 г. и поборниковъ конституціи въ 1791 г., до неизмѣнныхъ приверженцевъ стараго режима, заговорщиковъ въ Парижѣ, мятежниковъ и убійцъ на югѣ, шуановъ въ Нормандіи, Вандеѣ и Бретани, и — другая крайность — съ ультра-революціонерами, неправильно называвшимися тогда яко-

бинцами. Эта партія состояла прежде всего изъ низкихъ и гнусныхъ террористовъ, остатковъ орды, которая въ 1793 и 1794 г. калѣчила Францію; но въ ней были и пылкія головы, искренно возстававшія противъ выборнаго ценза, установленнаго въ III году, требуя возвращенія правъ народу, отнынѣ лишенному всякаго участія въ законодательствѣ; были приверженцы истинной демократіи, тѣ, кто хотѣлъ итти дальше, чьи стремленія и надежды были незадолго передъ тѣмъ формулированы Бабѣфомъ и его школой; люди видѣвшіе въ полномъ социальномъ переворотѣ естественный финалъ революціи, которая, какъ имъ казалось, остановилась на полпути и пошла назадъ, раздѣливъ между новыми привилегированными ризы стараго режима и обездоливъ чернь.

Съ этой партіей правители воевали не сплошь; подчасъ они мирились съ ней и натравливали ее на умѣренныхъ и либераловъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ обуздать ее снова. Партія якобинцевъ была для нихъ то противникомъ, то резервомъ. Она стояла на рубежѣ власти, одной ногой здѣсь, другой тамъ. Многіе изъ ея членовъ занимали государственныя должности; другіе, выгнанные, мечтали снова попасть на службу. Въ ней было нѣсколько главныхъ вожаковъ и много второстепенныхъ, но кадры пустовали, ибо народъ Парижа и большихъ городовъ не заполнялъ ихъ болѣе.

Разочарованное и отрезвленное рабочее населеніе Парижа не вѣрило больше изобрѣтателямъ системъ, торговцамъ общественнымъ благомъ. Для народа демагоги и даже демократы стали безразличны, если не ненавистны. Одна изъ газетъ той эпохи изображаетъ массу пролетаріата требующей только работы, смирившейся, готовой „искать въ трудѣ исцѣленія своимъ недугамъ . . . ; ее такъ часто обманывали пустыми обѣщаніями, что теперь въ ней преобладающее чувство—недовѣріе ¹⁾“. Эта масса упрямо отворачивалась отъ

¹⁾ *Le Publiciste*, 20 термидора VIII г. Выдержки изъ газетъ, которыя мы цитируемъ, были по большей части уже приведены нами въ *Revue des Deux Mondes* (апрѣль—май 1900, мартъ—май 1901) и въ *Correspondant* (ноябрь—декабрь 1900). Послѣ того много выдержекъ изъ газетъ VII и VIII г. г. до 19 брюмера были приведены *Aulard'*омъ въ его сборникъ: „Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire“, t. V.

арены политической борьбы и не хотѣла заглядывать въ этотъ огромный балаганъ. Ея послѣднимъ усиленіемъ былъ свирѣпый набѣгъ на конвентъ въ жерминаль и преріаль III-го года во время жестокаго голода и вызваннаго имъ кризиса; тогда домогавшимся мѣсть удалось увлечь за собою домогавшихся хлѣба. Сейчасъ народъ жилъ бѣдно, но все-же кое-какъ жилъ; къ тому же у предмѣстій отняли пушки и пики: отъ національной гвардіи осталась одна тѣнь. Среди этой инертной и безоружной массы якобинцы были разбросаны отдѣльными группами, жужжащими ульями, «маленькими колоніями»¹⁾ смутьяновъ; дѣйствительная сила ихъ не соответствовала болѣе внушаемому ими страху.

Пристроившіеся революціонеры также не имѣли вліянія на народъ, но за ними стояла армія. Въ минуту опасности, грозившей всей націи, лагери сдѣлались очагомъ благородныхъ страстей. Революція не только подняла духъ, но и нравственность арміи, по крайней мѣрѣ, въ низшихъ рядахъ, обезпечивъ ей притокъ лучшихъ силъ французскаго народа. Въ ней были тогда герои-стойки, безъ страха и упрека, рыцари революціи. Съ тѣхъ поръ, какъ оборонительная война смѣнилась войною съ цѣлою пропаганды, а затѣмъ и завоеваній, и арміи коснулось и загрязнило ее растлѣвающее вѣяніе времени, въ ней пробудилась неудержимая жажда матерьяльныхъ выгодъ, золота и наслажденій. И все же многіе офицеры и солдаты, въ особенности въ рейнской и швейцарской арміяхъ, оставались вѣрны старому идеалу безкорыстія и простоты. Они брали себѣ за образецъ римлянъ, какъ ихъ принято представлять, и спартанцовъ изъ трагедіи, образами которыхъ было полно ихъ воображеніе, и создали типъ высокой военной доблести, думая, что воспроизводятъ его. То были по-истинѣ великіе люди, но и менѣе крупные оставались въ общемъ удивительно храбрыми, закаленными въ бояхъ, выносливыми, предприимчивыми, полными жизни и силъ; въ нихъ по прежнему горѣлъ революціонный огонь. Считаая себя сортомъ выше остальнаго человѣчества, на томъ осно-

¹⁾ Рѣчь Куртуа въ совѣтъ старѣйшинъ, *Moniteur*, 25 вандемьера, VIII г.

ваніи что имъ дано было услышать глаголь освобожденія, они мнили освободить народы, разбивая старыя общественныя формы, замѣняя своею тираніей тиранію древнихъ кастъ; какъ неистовые миссіонеры, они несли и навязывали всюду законъ уравниенія. Въ общемъ войска оставались ярко республиканскими, съ легкой яacobинской окраской; они сохранили въ себѣ этотъ духъ, ибо Франція и республика для нихъ слились воедино, а также и потому, что революція, внутри страны ставшая узко буржуазной, въ ихъ средѣ оставалась честно демократической, открывая самому маленькому человѣку, будь онъ только храбрецомъ, дорогу къ почестямъ и богатству. И какъ только внутри страны арміямъ показывали призракъ реакціи, попытку контръ-революціи, онѣ, не взвидѣвъ свѣта, яростно кидались на врага. Впутываемыя такимъ образомъ въ наши распри, онѣ не разъ чувствовали искушеніе захватить въ свои руки государство и власть. Наиболѣе благороднымъ изъ ихъ вождей, а также наиболѣе крупнымъ и честолюбивымъ, смутно рисовалась роль распорядителя и посредника. А пока они стояли за существующее правительство, за тѣхъ, кто, какъ имъ казалось, хранилъ наслѣдіе революціи и фактически владѣлъ имъ. Гошъ предлагалъ этому правительству свои услуги, каждый разъ, какъ являлась надобность образумить реакцію и аристократовъ; Бонапартъ подлаживался къ нимъ, чтобы сдѣлаться ихъ господиномъ.

2.

Весной 1799 г., т. е. въ моментъ, когда начинаютъ выясняться непосредственныя причины 18-го брюмера, во главѣ революціоннаго правительства стояла директорія, изъ пяти человѣкъ: Рейбель, Ларевельеръ-Лепо, Баррасъ, Мерленъ и Треильяръ. Прославленная развращенность этого правительства слишкомъ часто заставляла забывать о его жестокостяхъ. Репутацію «неслыханной продажности»¹⁾ директорія приобрѣла уже послѣ ухода великаго честнаго Карно и Бартеlemi, изгнанныхъ своими коллегами; она обязана ею

¹⁾ Correspondance diplomatique du baron de Staël-Holstein et du baron Brinkman, письмо Бринкмана къ Спарре, 369.

грязнымъ сплетнямъ, какъ грибы, плодившимся вокругъ нея, и открытому, наглому взяточничеству одного изъ своихъ членовъ; другіе выказывали себя скорѣе недобросовѣстными слугами, чѣмъ откровенными ворами. Нѣкоторые изъ нихъ были не лишены дарованій. Мерлэнъ (изъ Дуэ), даровитый юрисконсультъ и очень ловкій прокуроръ, превосходно умѣлъ легализировать преступленіе; враги его увѣряли, что онъ годился бы самое большее «въ хранители печати при Людовикѣ XI»¹⁾. Трейльяръ впоследствии, при другомъ режимѣ, оказался весьма полезнымъ. У Ларевельера, безукоризненно честнаго, сектанта и мечтателя, умъ былъ такой же исковерканный, какъ и его обиженное природою тѣло; зато эльзасецъ Рейбель, жестокой, алчный, изворотливый, отличный работникъ, повидимому, думалъ за всѣхъ.

Члены директоріи хоть и радились въ театральные костюмы и завели себѣ почетный караулъ, жили въ общемъ не очень роскошно; не было толковъ ни про «ихъ любовницъ», ни про «ихъ экипажи»²⁾. Жили они всѣ въ Люксембургскомъ дворцѣ, раздѣленномъ для нихъ на пять квартиръ, изукрашенныхъ коврами, тканями и золоченой мебелью, взятой изъ королевскихъ дворцовъ. Директора вели въ этихъ роскошныхъ апартаментахъ очень буржуазный образъ жизни. Карно жилъ совсѣмъ ужъ скромно, фамиллярно приглашая друзей «похлебать супу; за столъ садятся между 4½—5, и я всегда обѣдаю дома»³⁾. Ларевельеръ съ дочерью ходили по вечерамъ къ сосѣдямъ, супругамъ Туэнъ, «посидѣть часокъ-другой въ ихъ скромной кухонькѣ»⁴⁾. Рейбель слылъ большимъ скрягой, который не прочь обмошенничать при расчетѣ⁵⁾. Жена Мерлэна была

1) Засѣданіе Пятисотъ 30 преріала VII г.

2) „Lettre de Charles de Constant“, 63.

3) Письмо къ Ле Козу, цитируемое *Roussel* емъ въ „Un Evêque assermenté“, 259.

4) *Mémoires de Laréveillère-Lépeaux*, II, 411.

5) Когда онъ вышелъ изъ состава Директоріи и съ печати вновь снята была узда, въ газетахъ писали: „Ех-директоръ Рейбель, выходя изъ директоріи, все увезъ съ собой: мебель, вещи, дорогой фарфоръ, составлявшій національную собственность, между прочимъ, одинъ сервизъ, оцѣненный въ 12,000 фр.“ Затѣмъ была напечатана поправка: „Гражданинъ Рейбель возвратилъ вещи, дѣйствительно,

хорошая хозяйка и страшно вульгарна: *Мадамъ Анго* — говорилъ про нее Бонапартъ¹⁾. Вначалѣ директора, путемъ вычетовъ изъ жалованья, создавали общій капиталъ, который въ концѣ года доставался выбывающему члену. Позже они стали прибѣгать къ менѣе дозволеннымъ средствамъ, чтобы не уходить съ пустыми руками. Они присвоили себѣ также право по выходѣ оставлять у себя возокъ (*voiture bourgeoise*), полагавшійся имъ на время службы; отказаться отъ этого удобства имъ было бы слишкомъ трудно.

Одинъ Баррасъ окружалъ себя роскошью, выставляя ее на показъ; онъ былъ «султанчикомъ» директоріи, красиво носилъ костюмъ, заказанный по рисунку Давида — широкій алыи плащъ съ кружевнымъ воротникомъ, кинжалъ римскаго образца и шляпу со множествомъ перьевъ. Въ исполненіи служебныхъ обязанностей, онъ ходилъ обыкновенно въ длинномъ камзолѣ синяго сукна и высокихъ сапогахъ²⁾. Грудь колесомъ, плечи назадъ, — своей осанкой онъ напоминалъ, по выраженію Бонапарта, молодцоватаго «учителя фехтованія»³⁾. Голосъ у него былъ сильный и звучный, гудѣвшій, какъ колоколъ, въ буряхъ конвента.

Онъ умѣлъ принимать и постигъ науку представительства. Когда онъ открывалъ свои салоны въ Люксембургѣ, разношерстная публика, толпившаяся въ нихъ, расхаживая среди «большихъ креселъ алаго бархата съ золотомъ обшивкой»⁴⁾, дивясь на анфиладу раззолоченныхъ покоевъ, счастливая увидѣтъ снова роскошь, яркіе огни, туалеты, поражавшіе своимъ воздушнымъ изяществомъ, и красивое женское тѣло, мнила себя перенесенной на Олимпъ, гдѣ госпожа Талльенъ и ея соперницы разыгрывали роли богинь, въ соотвѣтствующихъ костюмахъ. Баррасъ устраивалъ приемы и въ своемъ замкѣ въ Гробуа, и на дачѣ въ

при отъѣздѣ его, вывезенныя изъ Люксембурга, не принадлежавшія ему и лишь предоставленныя въ его пользованіе. Увѣряютъ, впрочемъ, что это похищеніе было учинено не имъ самимъ и не по его приказу, а сыновьями, по приказу его жены и свояченицы.“ См. *Gazette de France*, 5 и 6 мессидора, г. VII.

1) *Journal du général Gourgaud*, I, 468.

2) *Mémoires de madame de Chastenay*, 359.

3) *Journal de Gourgaud*, I, 468.

4) *M-me de Chastenay*, 360.

Сюрэнѣ. Когда онѣ катилъ туда въ своемъ экипажѣ, запряженномъ булаными («*soupe au lait*») ¹⁾ лошадьми въ серебряной сбруѣ, парижане говорили, что онѣ, должно быть, много накралъ, чтобы такъ пускать пыль въ глаза. Обычный кругъ его составляли крупные финансисты и ажіотеры, всякаго рода дѣльцы, паразиты, подозрительныя личности, женщины хорошаго рода, но съ подмоченной репутаціей, дворяне, впутавшіеся въ революцію; а онѣ среди всего этого разврата расхаживалъ павлиномъ и изъ полусвѣта создавалъ себѣ иллюзію свѣта. Самъ развращенный до мозга костей, весь изъѣденный пороками, необузданный и утонченный въ наслажденіяхъ, знатокъ вина, женщинъ, всего изящнаго, онѣ всегда приберегалъ для себя раздушенные барыши (*profits parfumés*) и розы власти.

Покладистый характеръ, склонность сорить деньгами, извѣстная свобода мысли и довольно тонкое политическое чутье выгодно отличали Барраса отъ его ограниченныхъ сотоварищей, но тамъ, гдѣ были задѣты его интересы или удовольствія, онѣ становился способенъ на все. Обыкновенно лѣнивый и вялый, онѣ, однако, время отъ времени вновь обрѣталъ въ себѣ свою врожденную энергію для крутыхъ мѣръ, создавшихъ ему репутацію кулачнаго бойца и надежнѣйшей опоры партіи конвента; но путанья интриги были ему больше по душѣ. Предатель по натурѣ, онѣ лгалъ съ упоеніемъ, продаваясь каждому и обманывая всѣхъ; это была душа публичной женщины въ тѣлѣ красиваго мужчины. Ларевельеръ находилъ его («моветономъ» ²⁾); дѣйствительно, его рѣчь и манеры выдавали человѣка, который всю свою жизнь якшался съ подозрительными личностями; и, однако-же, онѣ сохранилъ нѣкоторое врожденное благородство обличья и осанки; какъ ни опустился онѣ, какъ ни изгадился, все же онѣ не могъ отрѣшиться отъ «нѣкоторыхъ привычекъ, принятыхъ между порядочными людьми» ³⁾). Онѣ охотно выставлялъ себя военнымъ человѣкомъ, руба-

¹⁾ *Edmond et Jules de Goncourt* „Histoire de la société française pendant le Directoire“, 300.

²⁾ *Mémoires de Larévellière-Lépeaux*, I, 337.

³⁾ *Eclaircissements inédits de Cambacérès*, драгоценный документъ, съ которымъ мы познакомились, благодаря любезности графа Камбасереса.

кой, любилъ, когда его называли *гражданинъ-генераль*. Съ другими директорами онъ держалъ себя съ нарочито грубой фамиллярностью, охотно говорилъ имъ *ты* и въ глубинѣ души презиралъ ихъ мелкія слабости. Этотъ отщепенецъ, этотъ сбившійся съ пути дворянчикъ съ юга, смотрѣлъ свысока на выскочекъ, которыхъ случайности ежегодныхъ выборовъ дѣлали его коллегами.

Отличительная черта всѣхъ этихъ людей — ихъ нравственная низость. Ни признака возвышеннаго пониманія своихъ обязанностей и правъ, ни тѣни великодушія сердца или ума, ни одной попытки примирить и сплотить націю, ни капли жалости къ этой несчастной Франціи, такъ много пострадавшей. Они правили подло, грубо, жестоко. Ихъ политика заключалась въ томъ, чтобъ наносить удары то вправо, то влево, держаться чередованіемъ насилій: то была знаменитая система качель, принижавшая одну партію только для того, чтобъ возвысить другую.

Въ 1797 г., послѣ двойныхъ выборовъ, измѣнившихъ, наконецъ, составъ совѣтовъ и оставившихъ въ меньшинствѣ бывшихъ членовъ конвента, большинство, состоявшее изъ умѣренныхъ и роялистовъ, вотировало, несмотря на сопротивленіе директоріи, законы, клонившіеся къ исправленію зла: оно старалось ввести религіозную свободу, преобразовать финансы, облегчить заключеніе мира съ внѣшнимъ врагомъ. Франція начинала дышать. То была попытка перемѣны служебнаго персонала и системы, если не перемѣны режима. Въ этомъ поединкѣ съ исполнительнымъ комитетомъ нравственность и разумъ были, несомнѣнно, на сторонѣ совѣтовъ. Изъ среды большинства одни испытанные представители народнаго сознанія хотѣли только одного — покончить съ тираніей революціонеровъ и вернуть странѣ свободу располагать своей участью. «Партія добрыхъ намѣреній, говоритъ Барбэ-Марбуа, призвала насъ на помощь; то была національная партія: она стала нашей» ¹⁾). Правда, большинство этихъ умѣренныхъ надѣялись, что республика, избавленная отъ революціонеровъ, незамѣтно придетъ къ конституціонной королевской власти. Другіе, — и такихъ было не мало — принимали участіе въ интригахъ и загово-

¹⁾ *Journal d'un déporté*, p. 2.

рахъ роялистовъ, вступали въ соглашенія съ людьми, которые хотѣли полнаго и насильственнаго обращенія вспять. Угадываемые многими замыслы этихъ депутатовъ, самыя ихъ имена были пугаломъ для республиканцевъ всѣхъ отѣнковъ, видѣвшихъ, что на нихъ грозитъ хлынуть потокъ ретроградства. Выбирать приходилось на дѣлѣ не между узурпаторами конвенціоналистами съ одной стороны и сторонниками свободы и порядка — съ другой, а между революціей и контръ-революціей.

Трое бывшихъ членовъ конвента, составлявшихъ большинство въ директоріи: Баррасъ, Ларевельеръ и Рейбель, собрали вокругъ себя всѣхъ тѣхъ, кто не хотѣлъ позволить вырвать у себя изъ рукъ общественный пирогъ. Они собрали также много французовъ, видѣвшихъ въ революціи добро или надежду добра, начало возрожденія и прогресса, добытое цѣною страшныхъ страданій, и не допускавшихъ, чтобы столько крови и слезъ пролилось даромъ.

Вышеупомянутый *триумвиратъ* былъ недостойнымъ служителемъ дѣла защиты революціи. Готовя ударъ совѣтамъ, онъ обратился за помощью къ арміямъ. Гошъ только о томъ и просилъ, чтобы ему позволили вступить; Бонапартъ яростнымъ ропотомъ своихъ армій, казалось, требовалъ и навязывалъ актъ насилія. Депутаты, видя приближеніе опасности, въ свою очередь, обратились къ элементамъ смуты — къ шуанамъ, пробравшимся въ Парижъ, къ шумной дружинѣ *черныхъ воротниковъ* (*collets noirs*); они кричали о необходимости мѣръ защиты, которыя можно было бы обратиться въ мѣры нападенія, и на практикѣ ничего не сдѣлали; они не сумѣли ни удержаться на почвѣ строгой законности, ни смѣлымъ шагомъ сойти съ нея; они замышляли предупредить своихъ противниковъ и въ концѣ концовъ дали захватить себя врасплохъ.

18-го фрюктидора V-го года (4 сентября 1797 г.), съ войсками Гоша подъ начальствомъ одного изъ генераловъ Бонапарта, *триумвиры* устроили свой *coup d'Etat*, — нарушили конституцію, чтобы спасти ее, ибо торжество совѣтовъ, по всей вѣроятности, было бы ея гибелью. Ночью зданіе парламента было занято отрядомъ Ожеро. Два другихъ директора, Карно и Бартеlemi, пятьдесятъ три депутата, много агентовъ-роялистовъ, генералы Пишегрю и Гамель, были

безъ суда приговорены къ ссылкѣ. Тѣхъ, кого удалось схватить, сажали въ тяжелые фургоны безъ рессоръ, съ отверстиями вмѣсто оконъ, заложенными желѣзными рѣшетками, въ клѣтки на колесахъ, и отправляли въ Рошфоръ, а оттуда въ адъ Гвіаны. Сто пятьдесятъ три народныхъ представителя были изъяты изъ состава палаты. Урѣзанный такимъ образомъ законодательный корпусъ предоставилъ директоріи или, вѣрнѣе, триумвирату исключительныя полномочія. Результатомъ были новыя мѣры строгости противъ всѣхъ подозрительныхъ лицъ. Чѣмъ сильнѣй была тревога, чѣмъ грознѣй надвигающаяся опасность, тѣмъ болѣе жестокіе удары наносили триумвиры и депутаты ихъ лагеря. При этомъ зловѣщемъ триумвиратѣ, вѣчно дрожавшемъ за свою шкуру, снова начался терроръ,—терроръ безкровный убивавшій исподтишка, замѣнившій гильотину медленной пыткой Гвіаны; да и то военныя комиссіи, превращенныя въ военные суды, приговорили къ смерти не мало народу.

Этотъ тяжкій гнетъ придавилъ общественное мнѣніе. За предѣлами страны побѣды нашихъ армій, чудеса Бонапарта, блестящія кампаніи Моро и Гоша, покореніе Италіи, вторженіе въ Германію, миръ въ Кампо-Форміо, навязанный австрійскимъ Габсбургамъ, окружали лучезарнымъ ореоломъ славы эту Францію, внутри представлявшую собой добычу низкихъ тирановъ. Но триумвиры, чтобы отдѣлаться отъ роялистовъ и умѣренныхъ, принуждены были искать опоры въ худшихъ элементахъ смуты. Ультра-революціонеры вновь подняли голову. На частичныхъ выборахъ VI года восторжествовали яacobинцы.

Теперь опасность грозила слѣва. Чтобы отразить ее, директорія, включившая въ число своихъ членовъ Мерлена и позже Треильера, прибѣгла къ возмутительной операціи 22-го флореала VI-го года (11 мая 1798 г.) Этой продѣлкѣ нѣтъ имени. То былъ не *coup d'Etat* при помощи сабли, какъ учиненный Ожеро, но предупредительная мѣра—чистка законодательнаго корпуса путемъ произвольной сортировки избранныхъ. Совѣты, созванные для провѣрки полномочій вновь избранныхъ членовъ, дѣйствуя подъ давленіемъ директоріи, не ограничились тѣмъ, что полностью забраковали выборы многихъ избирательныхъ собраній, но и приняли кандидатовъ отколовшихся группъ. Такимъ мане-

ромъ были устранены демагоги, а съ ними заодно и слишкомъ ярые, хотя и чистые республиканцы, и даже просто члены оппозиціи, и директорія, «спасшая республику» въ фрюктидорѣ, провозгласила себя теперь спасительницей общества. Это циническое покушеніе дало ей передышку; она совершила новое преступленіе, чтобы просуществовать годомъ больше.

Окруженная бандой своихъ приверженцевъ, она снова могла считать себя полновластной госпожей, такъ какъ ей удалось помѣшать парламентскому бунту возродиться въ новой формѣ. Совѣты состояли изъ революціонеровъ, болѣе и менѣе крайнихъ; директорія опиралась поочередно то на одну, то на другую фракцію, превращая ее въ большинство присоединеніемъ рабски угодническихъ голосовъ. Если директоріи угодно провести крутую мѣру, она сейчасъ же находитъ поддержку у якобинцевъ. Если ей нуженъ мудрый законъ, она опирается на умѣренныхъ. Такимъ образомъ она болѣе хозяйка въ странѣ, чѣмъ покойный Людовикъ XVI, у котораго отняли всѣ полномочія ¹⁾). И все же положеніе ея съ каждымъ днемъ становилось болѣе критическимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ росли и насилія, ибо крутыя мѣры, повторяемыя до безконечности, оставались для нея единственнымъ закономъ самосохраненія. Предоставъ она избирателямъ свободу высказываться, они, въ своей ненависти къ правящей группѣ, никогда не удержались бы на той точкѣ, на которой этой послѣдней желательно было ихъ удержать; всегда былъ бы недостатокъ или переизбытокъ; они посылали бы въ парламентъ представителей или правой, или крайней лѣвой, одинаково опасныхъ для установленнаго порядка. Нормальный ходъ дѣлъ въ учрежденіяхъ привелъ бы ихъ къ гибели.

¹⁾ Memoires de *Dufort de Cheverny*, II, 390.

Страна

Революціонное положеніе затягивается.—Экономическая неурядица.—Агитація якобинцевъ и *бѣлый терроръ*.—Разбой съ политической окраской. Шуаны. — Общая неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. — Бессиліе и низость администраціи; безденежье.—Общественныя повинности заброшены; порча дорогъ и памятниковъ: Франція въ развалинахъ.—Тиранія фрюктидорцевъ.—Почему французы примутъ Бонапарта, какъ избавителя.— Настоящее убіеніе свободы.—Послѣ фрюктидора народное представительство только фикція.—Порабощеніе печати.—Религіозная жизнь.—Конвентъ термидорцевъ и культы.—Возрожденіе католицизма. — Возобновленіе гоненій.—Все духовенство поставлено внѣ закона въ силу предоставленнаго директоріи права безъ суда ссылать священниковъ.—Новая присяга. — Республиканскій календарь—орудіе борьбы противъ христіанства.—Условія религіознаго замиренія. — Тиранія *декады*; ея крайности и нелѣпыя изощренія.—Народное обученіе.—Школа, улица, зрѣлища, праздники. — Кокарда.—Списокъ эмигрантовъ. — Экономическое и социальное положеніе.—Застой въ крупной торговлѣ и промышленности. — Облегченіе, принесенное революціей земледѣльческому классу.—Освобожденіе земли.—Налоги.—Рекрутскій наборъ. — Свобода торговли и промышленности; въ Парижѣ меньше пролетаріевъ, чѣмъ при старомъ режимѣ. — Бѣдственное положеніе *рантые*; состоянія, нажитыя во время революціи. — Крупныя и мелкіе паразиты.—Важность роли финансистовъ и поставщиковъ; партія *новоспеченныхъ богачей*. — Видъ Парижа; безумное мотовство и горькая нужда.—Лѣтніе вечера.—Паденіе всѣхъ сословныхъ перегородокъ.—Женщины, балы, моды, нравы.—Разложеніе общества.—Послѣдствія развода по взаимному согласію; характерныя примѣры.—Различныя оцѣнки общаго состоянія нравовъ. — Извѣстная часть французовъ упорно хранитъ въ душѣ республиканскій и философскій идеаль.—Господствующая черта общественнаго настроенія—желаніе мира. — Франція враждебно относится къ старому режиму, а революціонеры ей опротивѣли.—Правители внушаютъ лишь изъ апатіи и страха новыхъ потрясеній.—Состояніе умовъ въ среднихъ и либеральныхъ классахъ; ихъ способъ оппозиціи. — Бонапартъ въ перспективѣ.—*Герой*. — Бонапартъ не могъ завладѣть властью въ 1797 г., потому что не нашель поддержки и соощниковъ среди правительства; путь къ власти былъ ему проложенъ одной изъ правящихъ группъ во время Египетскаго похода.

Какъ же жила сама Франція при этомъ безстыдномъ режимѣ? Раны, нанесенныя революціей, все еще продолжали

кровоточить, и неистовства директоріи вновь раскрыли тѣ, которыя начинали уже заживать. Франція, уже не дѣлающая революціи, оставалась революціонной, т. е. въ состояніи полного переворота; отсюда проистекала масса золь. Всѣ ихъ можно свести къ нѣсколькимъ главнымъ причинамъ, постояннымъ эндемическимъ, дѣйствовавшимъ болѣе или менѣе сильно въ различныхъ мѣстностяхъ Франціи.

Прежде всего безпорядки. Правду сказать, въ началѣ 1799 года, до того, какъ зародилась и стала глухо расти идея консульства, во Франціи не замѣтно было крупныхъ мятежныхъ движеній. Во всей революціи не найдется эпохи, когда бы правительство было такъ презираемо, а страна въ общемъ такъ покорна. Впрочемъ, это было скорѣе бездѣйствіе, чѣмъ покорность, и то волнуемое тысячью тревогъ, постоянно осаждаемое и притѣсненіями правителей, и насиліями крайнихъ партій. Хотя директорія и выставляла себя правительствомъ общественной защиты и золотой середины, она не могла помѣшать откровеннымъ террористамъ во многихъ мѣстахъ угнетать и терроризировать жителей. Въ 1798 г. мы еще видимъ въ Турѣ звѣрства, напоминающія терроръ ¹⁾. Даже въ періоды временнаго обузданія анархистовъ лѣвой, *санжюлотовъ* и *красныхъ шапокъ*, всегда чувствуется ихъ близость, и всѣ дрожатъ при мысли, что они могутъ снова перейти въ наступленіе. Во многихъ городахъ и посадахъ группы ненавистниковъ конспирируютъ, мечтая о полномъ переворотѣ, ниспроверженіи всего существующаго, о бабувизмѣ въ дѣйствиіи, и эта человѣческая тина глухо волнуется. Землевладѣльцы въ смятеніи говорятъ себѣ, что рано или поздно Франція придетъ къ аграрному закону ²⁾ (раздѣлу земель).

Съ другой стороны вездѣ кишатъ анархисты правой, анархисты активные, люди дѣла. Роялисты на время отка-

¹⁾ *Dufort de Cheverny*, III, 376.

²⁾ *Dufort de Cheverny*, II, 365. Дюфоръ де Северни жилъ въ Блезуа; его мемуары цѣнны тѣмъ, что они написаны человѣкомъ, чуждымъ сильныхъ страстей, и рассказываютъ почти день за днемъ исторію революціи въ департаментѣ ^{установивъ адукацыи} и дифференнаго образа мыслей.

зались отъ вооруженныхъ стычекъ, отъ возстаній въ широкихъ размѣрахъ, но гражданская война какъ бы тонкой пылью носится въ воздухѣ. Теперь она приняла форму политическаго разбойничества. Злодѣямъ и отчаяннымъ открыты теперь два пути: одинъ — якобинство, другой — роялизмъ большой дороги.

Исколесите всю Францію, пройдите ее съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ,—всюду только и рѣчи, что о «*королевскихъ бригантахъ*», объ остановленныхъ дилижансахъ, ограбленныхъ почтахъ, убитыхъ *патриотахъ*. Лѣсъ, что темной массой высится на горизонтѣ, гора, вырисовывающаяся на небѣ своей зубчатой вершиной, и ближнія рощи, и долины, заросшіе кустарникомъ овраги, развалины замковъ, заброшенные каменоломни, полузащипанные шахты, — все, кромѣ людныхъ центровъ и открытой равнины служить имъ убѣжищемъ. Почва Франціи послѣ сотрясенія вся изрѣзана трещинами, и въ каждой трещинѣ засѣла человѣческая накипь, поминутно переливающаяся черезъ край на дорогу.

Путешествіе по Франціи въ эту пору дѣло рискованное. Почтовая карета—рѣдкая и опасная роскошь. Ѣздить въ дилижансѣ, грязномъ, ободранномъ, чуть живомъ, запряженномъ «клячами въ веревочной упряжи» ¹⁾; эта фура съ трудомъ движется по ужаснымъ дорогамъ, черезъ ухабы и рытвины; иной разъ приходится объѣхать препятствіе, тогда дилижансѣ сворачиваетъ прямо на поле, гдѣ грязь по колѣна, и, чтобы вытащить его оттуда, нужны усилія десятка быковъ. Если мѣстность не открытая, вечерній привалъ несетъ съ собою тревогу, и вамъ снятся дурные сны въ гостиницахъ, которыя всѣ слывутъ разбойничьими притонами. Вы ѣдете дальше и чѣмъ ближе къ опушкѣ бора, чѣмъ больше по дорогѣ холмовъ и откосовъ, тѣмъ больше опасность. Но вотъ на одномъ изъ поворотовъ блеснули наведенныя ружья, и изъ кустовъ выскакиваютъ какія-то сатанинскія фигуры съ черными лицами, закрытыми крепомъ, или выпачканными сажей. Эти страшныя маски окружаютъ карету. Лошади бьются въ постромахъ; почтальонъ и кондукторъ, видя направленные на нихъ ружейныя дула, подъ

¹⁾ *Chateaubriand*, „Mémoires d'outre-tombe“ edit. Biré, II, 236.

страхомъ смерти принуждены остановиться. Разбойники шарятъ въ каретѣ, выбираютъ изъ взломанныхъ сундуковъ казенныя деньги, бумаги, мѣшки съ пакетами. Путешественники подвергаются строгому допросу, и горе тому, кто окажется чиновникомъ, священникомъ, присягавшимъ конституціи, офицеромъ, покупщикомъ національныхъ имуществъ или просто извѣстнымъ *патріотомъ*. Чаще всего его тутъ же на мѣстѣ и пристрѣляютъ и ужъ самое меньшее, если ограбятъ до-чиста, отберутъ деньги и платье и бросятъ на дорогѣ, избитымъ и голымъ. Остальнымъ пассажирамъ обыкновенно велятъ проваливать на всѣ четыре стороны.

Таковы обычные подвиги разбойниковъ, которые зовутъ себя борцами за правое дѣло: они даже не столько разбойники, сколько бандиты, въ буквальномъ и этимологическомъ значеніи этого слова, бандиты, т. е. изгои (*bandits—bannis*), отверженцы новаго общества, объявившіе ему войну не на животъ, а на смерть; нѣчто въ родѣ турецкихъ *гайдуковъ* или англійскихъ *outlaws*, которые продолжали бороться съ побѣдителями норманнами и послѣ того, какъ было сломлено сопротивление саксовъ, и долго еще поддерживали въ странѣ разсѣянные вспышки мятежа. «Вооруженныя шайки ихъ разбойничали на большихъ дорогахъ, по которымъ ходили обозы норманновъ; они хитростью отбирали назадъ у побѣдителей то, что тѣ взяли силой, заставляя такимъ образомъ уплачивать себѣ выкупъ за наслѣдье своихъ отцовъ, или же мстили убійствами за избіеніе своихъ соотечественниковъ» ¹⁾. Такъ и сторонники контръ-революціи творятъ жестокой судъ и расправу надъ личностями, такъ или иначе причастными къ революціи, надъ имуществами, запятанными первороднымъ грѣхомъ; они дѣлаются анархистами изъ ненависти къ существующей власти; они не столько хотятъ вернуть прежній порядокъ, сколько отомстить за него.

Ихъ шайки соединяютъ въ себѣ все, что живетъ внѣ закона: прежде всего, остатки стараго режима, мародеровъ, контрабандистовъ, продавцовъ корчемной соли (*faux-sauniers*); затѣмъ, всякаго рода ослушниковъ революціи, укло-

¹⁾ *Augustin Thierry*, „Conquête de l'Angleterre“ I, 314—315.

няющихся отъ уплаты налога крови, бѣглыхъ рекрутовъ и дезертировъ солдатъ, бунтовщиковъ, уцѣлѣвшихъ отъ федералистскихъ и вандейскихъ возстаній, вернувшихся на родину эмигрантовъ, отчаяніемъ или нуждой доведенныхъ до преступленія, священниковъ, сдѣлавшихся атаманами бандъ, жангильомовъ тонкаго воспитанія, въ промежуткахъ между двумя вооруженными стычками складывающихъ элегію въ честь своей дамы, и свирѣпыхъ сыновъ народа, рѣзавшихъ въ 1795 г. якобинцевъ въ Ліонѣ и Провансѣ; и тутъ же рядомъ—революціонеровъ перебѣжчиковъ, бывшихъ поставщиковъ гильотины, оказавшихся не у дѣль; всевозможныхъ бродягъ, дезертировъ непріятельскихъ армій, авантюристовъ изъ чужихъ земель, влекомыхъ жаждой приключеній въ эту страну безпорядка; и, наконецъ, профессиональныхъ преступниковъ, бѣглыхъ арестантовъ-воровъ, бѣглыхъ каторжниковъ, людей во всѣ времена воевавшихъ съ законами, объявившихъ войну революціи, ибо она воплощаетъ въ себѣ установленный законный порядокъ, и усиливающихся разрушить ее по частямъ.

Смотря по мѣстности, шайки болѣе или менѣе многочисленны, пѣшія или конныя, и приемы ихъ различны; здѣсь—вся банда состоитъ изъ четырехъ-пяти человекъ, живущихъ среди мирнаго населенія и какъ будто мирно занимаясь своимъ ремесломъ, но время отъ времени сходясь для набѣга; тамъ—цѣлая войска, вооруженная хорошими ружьями и всегда готовая къ бою; однѣ банды переходятъ съ мѣста на мѣсто, другія выискали себѣ какое-нибудь мало доступное убѣжище и основались тамъ осѣдло. Въ Альпахъ мы видимъ цѣлыя деревни, населенныя разбойниками, живущими внѣ всякаго общенія съ администраціей и закономъ. Въ окрестностяхъ Оржера, въ департаментѣ Эры-и-Луары, откопали цѣлое разбойничье племя съ превосходной организаціей, съ «атаманами, податаманами, смотрителями складовъ, шпионами, гонцами, цирюльникомъ, лекаремъ, швеями, поварами, наставниками ребятъ (*gosses*) и даже священникомъ»¹⁾.

¹⁾ Предисловіе Викторьена Сарду къ послѣднему тому *M. G. Lendôtre's „Tournebut“*, XVIII.

Разбойники хозяйничаютъ не только на большихъ дорогахъ; они врываются и въ дома для убійства и вымогательства денегъ. Они бродятъ вокругъ селеній, гдѣ обывательскія распри нерѣдко даютъ имъ сообщниковъ. Во многихъ деревняхъ и посадахъ только день принадлежитъ революціи, фразерамъ, чиновникамъ, деспотамъ, въ трехцвѣтныхъ шарфахъ и шляпахъ съ султанами. Съ наступленіемъ ночи беретъ реваншъ прошлое: какія-то тѣни крадутся въ коммуну; дерево свободы оказывается на другой день срубленнымъ, или изуродованнымъ, а фригійскій колпакъ—сорваннымъ съ древка и запачканнымъ испражненіями; изъ-за угла переулка, на глухой тропинкѣ, глядишь, блеснулъ свѣтъ, раздался выстрѣлъ, упалъ человекъ, обливаясь кровью; невѣдомая рука ударомъ кинжала рассчиталась съ мѣстнымъ якобинцемъ за давнюю обиду; иной разъ захватятъ врасплохъ всю семью—мужъ изрубленъ саблей, женщины изнасилованы; домъ горитъ, заливая горизонтъ заревомъ пожара.

Отъ этого сельскаго террора болѣе или менѣе страдаетъ вся Франція. Но у политическаго разбойничества есть свои центры, свои главные очаги. На западѣ шуанство охватило около десяти департаментовъ; отъ этого огромнаго нарыва болѣютъ и лихорадятъ всѣ сосѣднія области. Попробуемъ перерѣзать наискось Францію. На юго-восточной окраинѣ, въ устьяхъ Роны, Воклюзѣ, Варѣ и Нижнихъ Альпахъ, мы находимъ другой видъ шуанства, провансальское шуанство, исторія котораго еще не написана. Вся долина Роны въ ея нижнемъ и среднемъ теченіи дышетъ мезью; надъ всѣмъ этимъ царствомъ убійствъ носится разъяренная Немезида. Въ Пиринейской области броженіе не прекращается. Вдоль цѣпи Севенновъ бродятъ остатки роялистскихъ партій, которыя вели съ конвентомъ и директоріей войну *камизаровъ*¹⁾. Въ другихъ департаментахъ разбойничество проявляется по большей части спорадически, отдѣльными нападеніями; даже въ окрестностяхъ столицы нѣтъ вполне безопасныхъ дорогъ;

¹⁾ Протестанты Севеннскихъ горъ, возставшіе послѣ отмѣны папскаго эдикта (1685); они носили поверхъ платья сорочку, *chemise*, на мѣстномъ нарѣчій *camiso*; отсюда и прозвище: камизары.

годъ спустя послѣ учрежденія консульства разбойники останавливаются дилижансѣ въ Шарантонѣ¹⁾; гдѣ только есть мѣстечко удобное для засады, тамъ они, гляди, ужъ свили гнѣздо, и революція какъ будто всѣ лѣса превратила въ лѣсъ Бонди²⁾.

Внѣ запада, юга и нѣкоторыхъ центральныхъ областей, разбойничество почти утратило характеръ партизанской войны противъ революціи и превратилось въ простые набѣги рекрутовъ, укрывающихся отъ воинской повинности, беспаспортныхъ бродягъ и *шофферовъ*³⁾. Тѣмъ не менѣе эти негодяи пытаются придать себѣ политическую окраску, уничтожая эмблемы республики, нападая всего чаще на государственныхъ чиновниковъ и на покупателей національныхъ имуществъ. Въ самомъ Парижѣ и его окрестностяхъ роялисты боевого закона, предвѣстники Кадудала и его сподвижниковъ, мечтаютъ похитить или умертвить директоровъ⁴⁾. Ни одинъ человекъ, извлекающій выгоду изъ революціи, не чувствуетъ себя въ полной безопасности отъ вооруженной и бродячей реакціи.

Съ этой укоренившейся смутой, каковы бы ни были ея причины, власти ничего или почти ничего не могли подѣлать. Хотя безчисленное множество коммунъ и были объявлены въ осадномъ положеніи, войскъ часто не хватало, ибо постоянныя войны удерживали большую часть армій

1) Бумаги генерала *Mortier'a*, командира 17-й военной дивизіи, въ тревизскомъ архивѣ, открытомъ для насъ любезностью герцога де Тревизъ.

2) Лѣсъ (въ департаментѣ Сены), гдѣ были убиты король Хильдерикъ II (673) и Обри де Мондидье, вельможа при дворѣ Карла V. Послѣдній былъ отомщенъ своей собакой, которая всюду по пятамъ преслѣдовала убійцу. Эта странная ненависть возбудила подозрѣніе; по повелѣнію короля, было устроено нѣчто въ родѣ поединка между заподозрѣннымъ убійцей и собакой (1371 г.). Макэру (убійцѣ) дали огромную палку; тѣмъ не менѣе онъ былъ побѣжденъ, сознался въ своемъ преступленіи и умеръ на эшафотѣ.—Лѣсъ Бонди долгое время былъ притономъ воровъ и разбойниковъ и тѣмъ вошелъ въ пословицу.

Прим. пер.

3) *Chauffeurs*, разбойники, поджаривавшіе надъ огнемъ пятки своимъ жертвамъ, съ цѣлью выпытать у нихъ, гдѣ спрятаны деньги.

Прим. пер.

4) См. документы, цитируемые *Lebon'омъ* въ „L'Angleterre et l'émigration“, 265—269.

внѣ предѣловъ страны. Жандармерія была плохо организована, и притомъ въ рядахъ ея нашли себѣ пріютъ якобинцы. Національная гвардія, изъ которой вербовались летучіе отряды для преслѣдованія бандъ и облавъ на нихъ, обнаруживала упадокъ духа и слабость. Гражданскія власти, зависимыя, часто мѣнявшіяся, нигдѣ не оказывали населенію серьезной защиты.

Конституція создала на бумагѣ регулярную администрацію, искусно скомбинировала вѣдомства и формы, установила іерархію власти: во главѣ каждого департамента *центральная администрація*, выборное правленіе, изъ пяти-семи человекъ; ступеню ниже окружныя (*cantonales*) правленія, также выборныя, изъ муниципальныхъ агентовъ каждой коммуны; выборныя же судебныя власти; при каждомъ изъ этихъ учрежденій агентъ исполнительнаго комитета, на обязанности котораго лежало слѣдить за точнымъ исполненіемъ законовъ, и спеціально прикомандированный къ правленію департамента комиссаръ директоріи, префектъ въ зародышѣ.—Конституція III-го года сдѣлала первый шагъ къ усиленію центральной власти. Но директорія постоянно мѣняла комиссаровъ, соотвѣтственно колебаніямъ своей политики. Всѣ учрежденія были выборныя, ежегодно частію обновлявшіяся, что лишало ихъ устойчивости. Кромѣ того, въ промежуткахъ между выборами директорія имѣла право отозвать любого администратора, замѣнивъ его своимъ человекомъ, и пользовалась этимъ правомъ произвольно, глупо. Смотря по тому, откуда дулъ вѣтеръ, она поощряла по очереди различные оттѣнки революціонныхъ убѣжденій, назначала, смѣщала и вновь назначала все тѣхъ же людей, заставляя ихъ карабкаться вверхъ и внизъ по служебной лѣстницѣ и перепрыгивать съ мѣста на мѣсто съ головокружительной быстротой. Это было постоянное передвиженіе внутри страны ея служебнаго персонала, какое-то мельканіе чиновниковъ, которые проходили, исчезали и появлялись снова, не чувствуя и не внушая ни малѣйшаго довѣрія.

Среди нихъ было множество неспособныхъ и недостойныхъ. Якобинская революція отдала власть въ руки отбросовъ населенія, и директорія послѣ фрюктидора начала дѣлать то же. По свидѣтельству весьма умѣреннаго человека—

рѣчь идетъ объ одномъ бельгійскомъ департаментѣ — на административныя должности назначали «самыхъ неподходящихъ людей, или же совершенно не внушающихъ къ себѣ уваженія. Неспособные творить добро, они творили зло съ широкимъ размахомъ и съ упоеніемъ».....¹⁾ А вскорѣ затѣмъ генераль Монсей пишетъ изъ Ліона о томъ, въ какомъ состояніи онъ нашелъ второй городъ Франціи: «Теперешнія власти и въ особенности центральная администрація, благодаря своему взяточничеству и лихоимству, стали поистинѣ общественнымъ зломъ. Администрація все портитъ своимъ вмѣшательствомъ, все расколаживаетъ своими внушеніями, самымъ своимъ присутствіемъ»²⁾.

Раздача мѣстъ такимъ людямъ подрываетъ всякое уваженіе къ власти; самое понятіе о власти утрачено. Публика знаетъ только, что на всѣхъ ступеняхъ административной лѣстницы, сверху до низу, идетъ грабежъ и хищеніе; каждый чиновникъ, не получая въ срокъ жалованья, считаетъ себя въ правѣ житьяся, чѣмъ только можетъ. Революція создала невѣроятное количество новыхъ должностей, дабы удовлетворить алчности всѣхъ, кто копошился около нея, но не въ состояніи была аккуратно выплачивать имъ жалованье; а между тѣмъ, при самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ, какой службы можетъ требовать начальникъ отъ подчиненнаго, когда ему нечѣмъ платить? Поэтому мы видимъ кучу администраторовъ и очень плохую администрацію; въ деревняхъ тысячи полевыхъ и лѣсныхъ стражниковъ, а результатовъ ихъ дѣятельности почти не замѣтно; превосходное учрежденіе, институтъ мировыхъ судей, испорчено выборнымъ началомъ, превращающимъ этихъ судей въ орудія мѣстныхъ партій;—въ городахъ, при массѣ всевозможныхъ надзирателей, канцелярскихъ чиновниковъ и полицейскихъ, очень мало полицейскаго надзора, если не считать политическаго сыска; въ судахъ, терроризируемыхъ по очереди то якобинствомъ, то реакціей, очень мало правосудія; повсюду беспорядокъ въ счетной части, беспорядокъ въ записи приходовъ и рас-

¹⁾ Докладъ *Herbouville*, 19 брюмера, г. IX; *Lanzac de Laborie*, „la domination française en Belgique, I, 300.

²⁾ „Le maréchal Moncey“, par de duc de *Conegliano*, г. IX; письмо отъ 9-го нивоза, г. VIII. Cf. *La Sicotière*, „Frotté et les insurrections normandes“, II, 342.

ходовъ, беспорядокъ въ самыхъ помѣщеніяхъ различныхъ канцелярій и въ храненіи документовъ,—беспорядокъ, которому не приберешь названія, невозможная путаница.

А затѣмъ, такъ какъ принципъ гласить, что всѣмъ коллективнымъ потребностямъ гражданъ должно удовлетворять само государство, безъ помощи посредниковъ и частныхъ корпорацій, государство изнемогаетъ подъ бременемъ обязанностей, имъ самимъ на себя возложенныхъ. По уговору, республика обязана не только заботиться объ удовлетвореніи главныхъ нуждъ народа и о національной защитѣ, но и воспитывать въ республиканскомъ духѣ дѣтей, ходить за больными, помогать неимущимъ, призрѣвать сиротъ, обо всѣхъ пецись, всѣхъ кормить, учить и лечить. А такъ какъ на дѣлѣ она поглощена политическими распрями и заботой о самозащитѣ, да, съ другой стороны, и денегъ ей взять негдѣ, то въ странѣ оказывается во всемъ недостаца.

По отчетамъ первыхъ дней конвента, народное обученіе сводится къ нулю ¹⁾. Больницы и убѣжища представляютъ самое печальное зрѣлище, хотя закономъ 16-го вандемьера V года въ принципѣ постановлено возвратить имъ имущества, и кромѣ того обѣщаны имъ субсидіи; въ VI и VII годахъ, въ двадцати-девяти городахъ и департаментахъ они все время, кажется, вотъ-вотъ закроются, выбросивъ на улицу больныхъ и увѣчныхъ ²⁾. Въ Экс'скомъ госпиталѣ два лазаретныхъ служителя душатъ больного, чтобы обокрасть его: «они разыгрывали республиканцевъ — пришлось дать имъ занятіе» ³⁾. Призрѣваемая дѣти—*дѣти республики* тысячами гибнутъ отъ истощенія на рукахъ деревенскихъ женщинъ, которымъ они отданы на воспитаніе ⁴⁾. Тюрьмы—вонючія клоаки, зато стѣны ихъ въ такомъ состояніи; что бѣжать совсѣмъ не трудно, и порой арестанты весь день разгуливаютъ по улицамъ, съ разрѣшенія тюремщика. Недостатокъ въ деньгахъ, небрежность и взяточничество свели

¹⁾ См. *Alexis Chevalier*, „Les Frères des écoles chrétiennes et l'instruction primaire après la Révolution“, 5—6.

²⁾ См. документы, цитируемые Лаллеманомъ въ „*La Révolution et les pauvres*“, 205—208, 310—376.

³⁾ *Gazette de France*, 4 жерминаля года VII.

⁴⁾ *Lallemand*, 237—250.

на нѣтъ и общественныя работы. Дороги въ ужасномъ состояніи ¹⁾. Каналы засорены, плотины рушатся, порты заносить пескомъ; природа наверстываетъ потерянное, напирая на отступающую цивилизацію. Вокругъ плохо защищенныхъ деревень бродятъ стаи волковъ, вновь пристрастившихся къ человѣческому мясу; вокругъ городовъ прежде населенныя веселыя мѣстности, разукрашенныя садами, превращаются въ какіе-то пустыри, зато крестьяне дѣлятъ между собой общественныя земли и рубятъ дрова въ помѣщичьихъ и частныхъ лѣсахъ. Во многихъ мѣстахъ французы испытываютъ всѣ неудобства и преимущества первобытнаго состоянія.

2.

Къ революціонному безпорядку присоединялась во всѣхъ точкахъ воздѣйствія государства на общественную жизнь самая тягостная и трусливая тиранія. Кто не оказывалъ вооруженнаго сопротивленія законамъ или не умѣлъ обойти ихъ хитростью, долженъ былъ выносить на своихъ плечахъ всю ихъ жестокость. Революціонеры, стоявшіе у власти, отрекавшіеся отъ имени якобинцевъ и не открывавшіе вновь знаменитаго клуба, оставались насквозь проникнутыми духомъ якобинства, т. е. маніей преслѣдованія. Свобода существовала только для нихъ; другимъ они въ ней отказывали, повелѣвая въ то же время поклоняться ей; они боготворили ея имя и гнали ее на дѣлѣ. Вотъ почему французы приняли Бонапарта, какъ избавителя и такъ охотно промѣняли гнетъ презрѣнныхъ деспотовъ на верховную и безпристрастную тиранію.

Среди ходячихъ и привившихся легендъ о 18-мъ брюмера нѣтъ болѣе ошибочной, чѣмъ легенда объ убіеніи свободы. Въ исторіи долго было общимъ мѣстомъ изображать Бонапарта разбивающимъ ударомъ сабли плашмя законный порядокъ вещей и заглушающимъ грохотомъ своихъ барабановъ въ оранжереѣ Сенъ-Клу послѣдніе вздохи французской свободы. Передъ лицомъ изслѣдованныхъ и провѣ-

¹⁾ *Rocquain*, „l'Etat de la France au 18 brumaire“, 135.

ренныхъ фактовъ уже неопозволительно повторять эту торжественную чепуху. Можно упрекать Бонапарта въ томъ, что онъ не насаждалъ свободы, но нельзя обвинять его въ убійствѣ ея, по той простой причинѣ, что онъ, вернувшись во Францію, нигдѣ не нашель ея; онъ не могъ уничтожить то, чего не было. Въ первыя времена директоріи, среди бурныхъ реакціонныхъ движеній, власть нѣсколько ослабѣла и допускала кой-какія поблажки, но днемъ убіенія свободы было не 18-е брюмера, а 18-е фрюктидора, когда революціонеры, чтобы сломить новый напоръ роялизма, снова натянули возжи, прибѣгнувъ къ грубой диктатурѣ. Послѣ этого *coup d'État*, направленного противъ націи, почти всѣ вольности, гарантированныя французамъ конституціей, были отняты отъ нихъ коварствомъ, или же явнымъ насиліемъ.

Первое право освобожденнаго народа свободно выбирать себѣ представителей и черезъ ихъ посредство контролировать завѣдываніе дѣлами страны. Всѣ индивидуумы, за которыми конституція признаетъ гражданскія права должны принимать участіе въ этой передачѣ верховной власти избранной группѣ. Въ фрюктидорѣ директорія рядомъ исключительныхъ законовъ изъяла изъ среды избирателей цѣлую категорію французовъ, — родственниковъ эмигрантовъ и бывшихъ дворянъ, не присягнувшихъ формально революціи, лишивъ ихъ такимъ образомъ правъ гражданства. Съ другой стороны, законодательный корпусъ, дважды урѣзанный, въ фрюктидорѣ и флореалѣ, никоимъ образомъ не представлялъ собою отраженія избирательнаго корпуса, также произвольно уменьшеннаго въ своемъ составѣ; это было представительство по существу изуродованное, фиктивное, курамъ на смѣхъ.

Печать жила въ крѣпостной зависимости, такъ какъ свободный доступъ на трибуну имѣли только революціонеры, снабженные правительственной этикеткой. Послѣ фрюктидора были отправлены въ ссылку по особому указу владѣльцы и редакторы тридцати-пяти оппозиціонныхъ газетъ — вѣрное средство уничтожить эти изданія. Далѣе закономъ, изданнымъ въ V году и подтвержденнымъ въ VI всѣ газеты и журналы отданы были подъ надзоръ полиціи, облеченной дискреціонной властью и закрывавшей ихъ по произволу; у общественнаго мнѣнія не было больше голоса,

чтобы высказаться. Свобода союзовъ и сходовъ существовала только на бумагѣ, въ текстѣ конституціи. Произвольные аресты произвольной длительности ежеминутно нарушали свободу личности.

Религіозная свобода была пустымъ звукомъ. Послѣ террора и святотатственной ярости 1793 года, конвентъ, вернувшись къ основнымъ принципамъ, провозгласилъ свободу вѣроисповѣданій. Законъ 3-го вентоза III года гласитъ: «Отправление какого-бы то ни было культа не должно встрѣчать препятствій; республика не оказываетъ денежной поддержки ни одному». Это была замѣна знаменитой гражданской конституціи отдѣленіемъ церкви отъ государства; схизматическая церковь теряла свои привилегіи; всѣ вѣроисповѣданія были признаны равными передъ лицомъ государства и свободными. Эту дарованную въ принципѣ свободу конвентъ на дѣлѣ свелъ къ минимуму путемъ ея регламентаціи; по отношенію къ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ правительство объявило себя нейтральнымъ и осталось враждебнымъ¹⁾. Были приняты всевозможныя предосторожности и ограничительныя мѣры: обязательство отправлять религіозные обряды исключительно внутри помѣщеній, особо для того отведенныхъ, запрещеніе проявлять себя какими бы то ни было наружными знаками или способами созыванія вѣрующихъ, запретъ звонить въ колокола, запретъ священникамъ носить внѣ церкви священническую одежду, именоваться членами церковной іерархіи, издавать приказы, инструкціи, вообще какія бы то ни было письменныя наставленія; исповѣдывать ту или другую религію приходилось если не украдкой, то подъ сурдинку, подъ надзоромъ чиновниковъ, всегда недовѣрчивыхъ и преслѣдующихъ. Законъ 11-го преріаля III года предписывалъ возвращеніе духовенству неотчужденныхъ церквей, но былъ исполненъ лишь отчасти. Законы объ изгнаніи не присягнувшихъ священниковъ единственный разъ были предметомъ откровеннаго обсужденія въ представительныхъ собраніяхъ, нака-

¹⁾ Дебидуръ очень справедливо замѣчаетъ о революціонерахъ III года: „Въ общемъ, въ недавно состоявшемся отдѣленіи церкви отъ государства они видѣли только способъ уничтожить церковь.“ *Debidour, „Histoire des rapports de l'Eglise et de l'Etat en France depuis 1789 jusqu'à 1870“, 158.*

нунѣ фрюктидора, когда обѣ палаты были полны роялистами.

И тѣмъ не менѣе въ промежутокъ времени между 1795 и 1797 г.г. всюду наблюдается возрожденіе католицизма, которое остается однимъ изъ крупнѣйшихъ общественныхъ явленій той эпохи. Презирая новые догматы, рухнувшіе въ море крови, вѣра поднималась изъ сохранившихъ ее глубинъ народной души и властно пробивала себѣ дорогу. Церковь вышла изъ катакомбъ усѣченной, но болѣе сильной; спрятанные священники выходили изъ тайниковъ, бѣглецы возвращались и вновь начинали отправлять церковныя службы въ возвращенныхъ церквахъ или частныхъ помѣщеніяхъ, и не только конституціоналисты, но и католики добивались повсемѣстнаго возстановленія своего культа¹⁾. Обманчивый отдыхъ, мимолетный проблескъ лазури между бурь! Послѣ фрюктидора, подѣ властью безстыдныхъ жуировъ и узкихъ сектантовъ, была произведена новая и солидно обставленная жестокая попытка искоренить христианство во Франціи.

Главныхъ средствъ для этого употреблено было три. Во-первыхъ, установленъ для всего духовенства особый режимъ—убійственный. Огнынѣ для священниковъ нѣтъ закона; законъ—это организованный произволь. Не только духовныя лица, изгнанныя на основаніи прежнихъ законовъ и вернувшіяся на родину, пользуясь затишьемъ, приглашаются въ теченіе пятнадцати дней выѣхать изъ предѣловъ Франціи, но, по указу, вотированному 19 фрюктидора послушными совѣтами, вообще, всякое лицо духовнаго званія, принесшее или не принесшее присяги, можетъ быть выслано въ силу простого мотивированнаго постановленія, приказа съ печатью директоріи.

Пользуясь этимъ правомъ, которымъ не пользовался даже комитетъ общественнаго спасенія, директорія, съ фрюктидора V года и до преріала VII года, издала 9,969 постановленій о ссылкѣ; изъ нихъ 1,756 относились къ французскимъ священникамъ, остальные къ бельгійскимъ, которыхъ хватили и ссылали сотнями и до, и послѣ возстанія въ ихъ

¹⁾ Относительно этого движенія см. изслѣдованія аббата Сикара въ *Correspondant* 10 и 25 апрѣля 1800.

родной странѣ¹⁾); революціонеры лгали, провозглашая въ принципѣ свободу культа и устраняя её на дѣлѣ путемъ устранения его служителей. Однихъ священниковъ сослали за проступки, доказывающіе ихъ причастность къ контр-революціи; другихъ просто по подозрѣнію и потому, что ихъ присутствіе *могло вызвать безпорядки*²⁾; третьихъ за дѣйствія, связанныя съ ихъ саномъ, но признанныя соблазнительными и запятнанными суетвѣремъ; одного сослали въ Гвіану за изгнаніе бѣсовъ³⁾. Правду говоря, не всѣхъ постигала эта неправедная кара; многие, даже большинство ускользали отъ розысковъ, но зато обречены были вновь на бродячую жизнь изгнанниковъ внутри страны.

Во-вторыхъ, директорія снова ввела для священниковъ, желающихъ отправлять церковныя требы, обязательную присягу—уже не гражданской конституціи, въ глазахъ государства болѣе не существующей, но республикѣ III года. Присягали въ «ненависти къ королевской власти и анархіи, въ вѣрности и преданности республикѣ и конституціи III года». Наряду съ друзьями конституціи присягнуло и нѣсколько католическихъ священниковъ, не усмотрѣвъ никакой ереси въ налагаемомъ на нихъ обязательствѣ; но гораздо больше было отказавшихся связать себя торжественною клятвой съ политическимъ строемъ, принципы котораго были противны ихъ совѣсти. Они покидали храмы; одни скрывались, совѣмъ отказавшись отъ исполненія обязанностей своего званія; другіе прятались въ ригахъ, въ лѣсахъ, въ подземельяхъ и тамъ героически правили тайную церковную службу. Священника теперь легче было найти въ лѣсу, чѣмъ въ городѣ. Были цѣлые департаменты, гдѣ результатомъ введенія новой присяги, въ связи съ предоставленнымъ администраціи правомъ высылки священниковъ, былъ вторичный перерывъ въ правильномъ отправленіи культа и превращеніе церкви въ пустыню.

Третьимъ средствомъ было превращеніе республиканскаго календаря съ его праздниками въ орудіе разрушенія

¹⁾ *Victor Pierre*, „la Terreur sous le Directoire“, 253.

²⁾ Постановленія, приводимыя *Sciout* въ „Histoire du Directoire“, III, 168.

³⁾ *Barbé-Marbois*, „Journal d'un déporté“, 24. Cf. *Vic. Pierre*, 235.

христіанскихъ культѣвъ. Этотъ календарь съ звучными поэтическими названіями мѣсяцевъ, вызывающими передъ нами весь циклъ года съ его золотыми и скорбными днями, теперь внушаетъ лишь снисходительное любопытство. Слишкомъ часто забываютъ, что онъ ввелъ во Франціи лишнюю тиранію и въ теченіе многихъ лѣтъ причинялъ народу жестокаго огорченія.

Декады (le décadi), десятый, послѣдній и кульминаціонный день *декады*, былъ избранъ для отправленія культа, сдѣланшагося государственной религіей и обыкновенно называемаго десятичнымъ (*décadaire*). Не забывайте, что революція, сдѣлавшись жестокимъ врагомъ христіанства, продолжала оставаться религіозной; она сохранила страсть къ литургіямъ, къ обрядности, и часть своего времени посвящала фабрикаціи религіи. Религія декады была не чѣмъ инымъ, какъ организованнымъ культомъ отечества. Въ назначенный день, въ торжественной или пасторальной обстановкѣ, окружныя власти собирали обывателей вокругъ *алтаря отечества*, читали и разъясняли законы, произносили проповѣди въ свѣтскомъ духѣ, задавали вопросы дѣтямъ, приводили черты гражданской доблести и пр. и пр., подъ акомпаниментъ органа и пѣнія. Идея развивать патріотическія чувства при помощи зрѣлищъ, дѣйствующихъ на воображеніе народа, сама по себѣ похвальна и возвышенна; она отвѣчала театральному вкусу эпохи; безуміемъ со стороны революціонеровъ было противопоставить ее традиціоннымъ вѣрованіямъ.

Алтарь отечества, жертвенникъ античной формы, украшенный изображеніями и эмблемами, воздвигался посерединѣ храма, нерѣдко вытѣсняя дарохранильницы за клиросъ или въ боковые придѣлы церкви. Во время свѣтской службы приказано было всюду выносить или завѣшивать религіозныя эмблемы; у католиковъ отняли не только храмъ, но и обычные часы богослуженія: въ Парижѣ въ десятый день служба въ храмахъ должна была оканчиваться равно въ 8^{1/2} часовъ утра и могла быть возобновлена лишь по окончаніи гражданскихъ церемоній, и то не позднѣе шести часовъ вечера лѣтомъ и восьми зимою¹⁾. Въ про-

¹⁾ *Sciout*, IV, 400.

винціи церемонились и того меньше; въ иныхъ мѣстахъ власти, подѣ предлогомъ, что декадї—единственный день, закономъ опредѣленный для отдыха, остальные же принадлежать труду, запретили открывать церкви во всѣ другіе дни, кромѣ этого, когда христіанское богослуженіе принуждено было смиряться передъ десятичнымъ и уступать ему первое мѣсто ¹⁾. Десятый день упразднялъ такимъ образомъ воскресенье, съ которымъ онъ отнюдь не совпадалъ, упразднялъ и воскресную службу, обѣдную, важнѣйшую и необходимѣйшую часть богослуженія, — главное, чѣмъ знаменуется религіозная жизнь въ глазахъ населенія.

Эта радикальная мѣра привилась далеко не вездѣ, но не было департамента, гдѣ бы администрація, поощряемая директоріей, не пыталась добиться всѣми мѣрами, кромѣ открытаго принужденія, перенесенія обѣдни съ седьмого дня на десятый. Точно также и мѣры строгости противъ священниковъ не вездѣ примѣнялись одинаково усердно. Мѣстами они терпѣли жестокія гоненія—тамъ, гдѣ произволъ властей соотвѣтствовалъ суровости законовъ; мѣстами, наоборотъ, власти, смущаясь сложностью законовъ, нагромождавшихся одинъ на другой, не умѣя разобраться въ этой путаницѣ, а отчасти и побаиваясь негодованія обывателей, смотрѣли сквозь пальцы. Вездѣ и во всемъ коррективомъ произвола былъ беспорядокъ. Въ общемъ смѣшеніи, во мракѣ неизвѣстности, покрывавшемъ легальное состояніе безчисленнаго множества лицъ, нѣкоторымъ священникамъ удавалось скрывать нелегальность своего положенія; ихъ забывали и терпѣли. Въ итогѣ получались странныя несообразности въ условіяхъ религіозной жизни Франціи; въ каждомъ департаментѣ свои.

Здѣсь культъ совершенно упраздненъ, тамъ онъ влачитъ жалкое, шаткое существованіе, трепеща передъ угрозой кары, постоянно висящей надъ головой его священнослужителей. Вотъ, напримѣръ, два смежныхъ департамента Эндры-Луары и Луары-Шеры. Дюфоръ де Шверни, жившій въ окрестностяхъ Блуа, пишетъ: «Въ цѣлой Турени ни сыскать теперь ни одного священнослужителя.

¹⁾ См. наставленіе консуловъ 7-го нивоза года VIII, объ отмѣнѣ этихъ мѣръ, *Correspondance de Napoléon*, VI, 4471.

Въ департаментѣ Луары и Шеры иные порядки; тамъ священники и до сихъ поръ живутъ очень спокойно. Они могутъ сказать про себя, какъ тотъ челоуѣкъ, что, упавши съ башни Собора Парижской Богоматери, кричалъ на лету: «Пока недурно, лишь бы и дальше такъ!» (*Cela va bien pourvu que cela dure*)¹⁾. Въ департаментѣ Эры и Луары комиссаръ директоріи пишетъ: «Въ большей части моего округа католическаго вѣроисповѣданія не существуетъ болѣе»²⁾. Въ деревняхъ Вандеи оно сперва было отмѣнено фрѣктидорскимъ указомъ; затѣмъ нѣсколькимъ священникамъ, присягнувшимъ конституціи, разрѣшено было служить обѣдною³⁾. Въ 1798 г. населеніе Дромы совершенно лишено духовной помощи; въ 1799 г. въ Марсели священники правятъ богослуженіе въ храмахъ, при большомъ стеченіи народа⁴⁾. Въ Парижѣ церкви возвращено было пятнадцать храмовъ, изъ нихъ восемь католикамъ, подъ условіемъ, что они будутъ совмѣщать въ себѣ богослуженіе съ культомъ декады и теофилантропическими обрядами; чтобы восполнить недостатокъ храмовъ, католики, съ разрѣшенія закона, отвели подъ нихъ нѣсколько частныхъ домовъ; но послѣ фрѣктидора всѣ эти часовни были закрыты⁵⁾. Конституціональный культъ, хотя и сдѣлался подозрительнымъ и нерѣдко терпѣлъ гоненія, все же въ общемъ держался, но огромное большинство вѣрныхъ отрекались отъ него.

Странныя аномаліи приходилось иной разъ допускать революціонерамъ. Въ этой Франціи, полной разрушенныхъ и оскверненныхъ обителей, оставили нетронутыми нѣсколько женскихъ монашескихъ общинъ, посвятившихъ себя уходу за больными и помощи бѣднымъ,—оставили, потому что иначе нельзя было, потому что не нашлось никого замѣнить ихъ. Въ знаменитомъ бонскомъ *Hôtel-Dieu* (страннопріимномъ домѣ) монахини, сбросивъ свой костюмъ, который онѣ носили четыре столѣтія, продолжали стоять на стражѣ католицизма. Во многихъ коммунахъ и даже въ самомъ Парижѣ сестры, переодѣтыя лазаретными сидѣлками,

1) Мемуары, III, 386—387.

2) *Sciout*, IV, 374.

3) *Chassin*, „Les pacifications de l'Ouest“ III, 85.

4) *Военный архивъ*, общая переписка, августовская папка 1779 г.

5) *Sciout*, III, 176—177.

продолжали украдкой исполнять свой уставъ и обряды своей религіи¹⁾.

Зато въ другихъ отношеніяхъ антирелигіозная манія перешла всякія границы, достигла верха смѣхотворной нелѣпности. Постановленіемъ отъ 14 жерминаля IV года запрещено было въ дни, прежде носившіе названіе пятницъ, вывозить рыбу на рынокъ; посту объявлена была война, и рыба воспрещена, какъ католическая пропаганда, къ большому ущербу для нашихъ рыбныхъ ловель; въ Парижѣ закрыта была ораторія при часовнѣ кармелитокъ за то, что тамъ отслужили обѣдню въ праздникъ Крещенія²⁾; въ Страсбургѣ оштрафованъ купецъ за то, что у него въ лавкѣ въ постный день было больше рыбы, чѣмъ обыкновенно, и триста пятьдесятъ огородниковъ отданы подъ судъ за то, что они въ воскресный день по случаю праздника не вывезли овощей на рынокъ³⁾. Эти запреты пережили даже брюмеръ благодаря мѣстнымъ агентамъ—грубымъ орудіямъ раціоналистической тираніи. О, разумъ, сколько глупостей люди творять во имя твое!

Этимъ дикимъ крайностямъ нѣтъ оправданія. Надо сознаться, однако, что революціонеры руководствовались не исключительно нелѣпнымъ желаніемъ насиловать совѣсть, искорснять религіозное чувство, насильно вырывать съ корнемъ вѣрованія и традиціи. Въ большинствѣ случаевъ они встрѣчали въ ортодоксальномъ духовенствѣ политическаго врага. Со времени первыхъ промаховъ революціи, силою стеченія обстоятельствъ, католицизмъ оставался религіей борьбы противъ ея.

Въ самомъ началѣ низшее духовенство въ огромномъ большинствѣ привѣтствовало революцію, какъ обѣтованіе матеріальнаго и нравственнаго возрожденія и евангельскаго братства людей. Гражданская конституція, поставивъ между революціей и церковью вопросъ совѣсти, вызвала разрывъ, пробудила сопротивление съ одной стороны и ярость — съ другой. Даже и послѣ того, какъ государство сложило съ себя роль официальнаго защитника и покровителя схизмы,

1) См. *Lallemand*, 137—146.

2) *Sciout*, III, 176.

3) См. выдержки, приводимыя *Sciout*, III, 390.

много возвратившихся священниковъ продолжали повиноваться политическимъ указаніямъ эмигрировавшихъ епископовъ и получать лозунги изъ-за границы; они проповѣдывали неповиновеніе законамъ, подстрекали рекрутовъ къ бѣгству, были агентами роялистской реакціи, словомъ, оставались на военномъ положеніи. Однако, въ періодъ затишья было нѣсколько попытокъ сближенія и примиренія. Довольно многочисленная группа священниковъ, согласно ученію церкви въ чистомъ видѣ, да кстати и папскому приказу, признавала принципъ установленной власти, проникнутая духомъ высокаго милосердія, прощала обиды, избѣгала всякаго намека на ужасное прошлое, воздерживалась отъ критики гражданскихъ законовъ, ограничиваясь чисто религиозной пропагандой, утѣшала народъ, посвящала себя добрымъ дѣламъ и апостольскому уловленію душъ¹⁾. То было усиліе отдѣлать алтарь отъ трона, и князья церкви встревожились. Но въ этотъ моментъ возникъ терроръ фрюктидора, поставившій преграду этому движенію, создавшій, или по крайней мѣрѣ обострившій въ католическомъ духовенствѣ нѣчто въ родѣ раскола по вопросу о сопротивленіи или подчиненіи республикѣ.

Впрочемъ, для католическихъ священниковъ и невозможно было по совѣсти примириться со всѣми совершившимися фактами. Помимо гражданской конституціи, камнемъ преткновенія оставалась секуляризація церковныхъ имуществъ, не утвержденная Римомъ. Когда какой-нибудь покупатель церковныхъ имуществъ являлся на исповѣдь, чтобы примириться съ Богомъ, не отказываясь отъ своей доли добычи, священникъ, если онъ самъ былъ изъ мирныхъ, пускался въ околичности, говорилъ иносказательно, требовалъ скорѣе покаянія, чѣмъ возвращенія взятаго, но совѣсть запрещала ему цѣликомъ отпустить грѣхъ революціонеру, раскаявшемуся лишь на половину²⁾. Онъ требовалъ возвращенія церковныхъ сосудовъ и движимаго имущества, или же возмѣщенія его стоимости, а относительно недви-

1) См. „Manuel des missionnaires“, составленный въ 1796 г., разобранный *Aulard'*омъ въ „Etudes sur la révolution française“, II, 174—175. *Léon Séché*, „les Origines du Concordat“, I passim.

2) Выдержки изъ Manuel des missionnaires *Aulard'*a, 176—178.

жимаго ссылался на будущее, на возможность соглашения. И Римъ, конечно, пошелъ бы на такое соглашеніе, но для этого ему нужно было имѣть кого-нибудь, съ кѣмъ войти въ переговоры, а парижское правительство бравировало грубымъ безбожіемъ. Для прекращенія религіозной распри, отравившей всю революцію, нужно было сильное правительство, которое бы обезпечило одновременно фактическую свободу культа, права гражданской власти и успокоеніе умовъ.

А пока гоненіе на христіанство на всякіе лады терзало Францію; это была тиранія чрезвычайно плодovitая, порождавшая массу другихъ. Въ особенности разнообразныя формы принимало гоненіе изъ-за десятаго дня. На этотъ день хотѣли цѣликомъ перенести воскресенье со всѣми его различными, съ незапамятныхъ временъ установленными атрибутами. Базарные и ярмарочные дни уже и были перенесены, и это вызывало ропотъ въ народѣ, нарушая его привычки. Браки рѣшено было заключать только въ десятые дни, и притомъ въ храмѣ главнаго города округа (кантона), что принуждало сельскихъ новобрачныхъ къ дальнимъ поѣздкамъ и дѣлало ихъ предметомъ грязныхъ шутокъ всѣхъ шалопаевъ городка. Дошло до того, что заставляли обывателей снимать съ себя праздничное платье въ воскресные дни и наряжаться въ десятый. 17-го термидора VI года революціонное правительство подтвердило обязательность празднованія десятаго дня и прекращенія въ этотъ день всѣхъ работъ, кромѣ тѣхъ, которыя административной властью признаны срочными.

Народъ не слушался, не хотѣлъ разрывать съ традиціей пятнадцати вѣковъ; народъ упорствовалъ въ сопротивленіи законамъ, правительство упорствовало въ насиліи надъ обычаями. Чтобы заставить не работать въ десятый день, прибѣгали къ штрафамъ, къ тюремному заключенію, порою даже къ грубому кровавому насилію; въ Маносскомъ округѣ, (департаментъ Нижнихъ Альпъ) организована была цѣлая военная экспедиція противъ ослушниковъ, и «войска стрѣляли въ нѣсколькихъ пахарей, которые пытались убѣжать»¹⁾.

¹⁾ Донесеніе отъ 1-го преріала, года VI; *Sciout*, IV, 385.

Вопросъ о томъ, какія именно работы должны быть запрещены и какія могутъ быть допущены въ десятый день, служилъ предлогомъ для хитроумныхъ споровъ и пробнымъ камнемъ для революціонной казуистики. Въ Сень-Жерменъ-ан-Лэй дѣло кузнеца, въ десятый день подковавшаго лошадь проѣзжаго («подковами, изготовленными и выкованными въ теченіе декады»), повело къ форменной консультаціи у министра внутреннихъ дѣлъ ¹⁾. Въ Страсбургѣ, если правительственные агенты, проходя по улицамъ въ десятый день, услышатъ подозрительный шумъ, стукъ верстака, или жужжанье прялки, они врываются въ домъ и составляютъ протоколъ ²⁾. Въ Иллъ-и-Вилэнъ приговорена къ денежному взысканію реакціонерка, бѣдная старуха, которую застали за прялкой, работающей «на виду у прохожихъ» ³⁾. Эти пуритане директоріи желаютъ сдѣлать десятый день, за вычетомъ гражданскихъ ассамблей, безмолвнымъ и унылымъ, какъ шотландское воскресенье. Главное, чтобы не отпирали лавокъ въ десятый день и не запирали ихъ въ воскресенье; а если поселяне вздумаютъ въ упраздненный воскресный день повеселиться, какъ встарину, и потанцовать подъ зеленой листвою, жандармы ужь тутъ, какъ тутъ и безъ церемоніи разгоняютъ танцующихъ. Въ Йоннѣ крестьяне кричатъ имъ: «Какая же это свобода, если намъ нельзя и потанцовать, когда хочется?» ⁴⁾. И слова эти весьма знаменательны; они показываютъ, какъ обратилась противъ революціи идея свободы, которую, однако, она же вложила въ народную душу. Революція была вначалѣ надеждой простыхъ людей и вызывала въ нихъ такой же энтузіазмъ, какъ и въ упивавшихся ею ученыхъ и книжникахъ; теперь, во имя отвлеченнаго и въ своемъ родѣ аристократическаго идеала, она обрушилась на вѣрованія, нравы и обычаи бѣдняковъ, на привычки, глубоко пустившія корни въ жизнь или милыя сердцу, и въ простомъ народѣ повсемѣстно росло

¹⁾ Выдержки, приводимые *Sciout*, IV, 386—387.

²⁾ Дошли до того, что запретили мастеровымъ работать *даже у себя на дому, при закрытыхъ окнахъ и дверяхъ и безъ шума*. *Sciout*, выдержка изъ донесенія, IV, 390.

³⁾ „Memoire de l'evêque constitutionnel Le Coz, dans *Roussel*, 339.

⁴⁾ Выдержки изъ донесеній у *Sciout*, IV, 386.

недовольство противъ этой мономаніи, губительной для свободы.

Революціонеры говорили: народъ цѣпляется за старые предрасудки, потому что онъ невѣжественъ, а коварные просвѣтителы внушаютъ ему суевѣріе и фанатизмъ. Значить, надо придать республиканскій характеръ образованію и въ то же время распространить его на народную массу, заливъ страну свѣтомъ просвѣщенія. Въ сферѣ высшаго образованія конвентъ имѣлъ высокія заслуги передъ наукой, основавъ въ Парижѣ такія учрежденія, какъ политехническая школа, музей, нормальная школа, консерваторія искусствъ и ремесль. Въ дѣлѣ начальнаго и средняго образованія онъ начерталъ грандіозный планъ, впоследствии урѣзанный, и предоставилъ своимъ преемникамъ заботу о выполненіи его. Директорія взялась за дѣло, попробовала открыть вездѣ начальныя школы и въ каждомъ департаментѣ *центральною* но успѣхъ былъ весьма неполный.

Съ другой стороны конвентъ 16-го брюмера III-го года провозгласилъ свободу обученія: «Законъ отнюдь не посягаетъ на присущее каждому гражданину право открывать *частныя и вольныя* школы подъ надзоромъ установленныхъ властей». Вслѣдствіе этого закона открылось множество школъ, называвшихся тогда *частными*; многія изъ нихъ содержали бывшіе священники, принужденные сложить съ себя свой санъ, или бывшія монахини; въ этихъ школахъ дѣтямъ давали христіанское воспитаніе, а гражданскимъ пренебрегали. Что же вышло? Отцы семействъ, оставшіеся или снова сдѣлавшіеся католиками, или, по крайней мѣрѣ, вѣрившіе въ нравственную цѣнность католицизма, посылали своихъ дѣтей въ школы, гдѣ учили закону божію и очень мало—уваженію къ республикѣ. И въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, произошелъ полный разрывъ между націей и правительствомъ ¹⁾.

Объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ документы; отчетъ VI года о народномъ образованіи въ Парижѣ гласитъ: «Частныя учебныя заведенія отняли у государственныхъ начальныхъ школъ почти всѣхъ учениковъ. Принужденные

¹⁾ См. *Albert Duruy*, „l'Instruction publique et la Révolution“, 336—351, и *Victor Pierre*. „l'École sous la Révolution française“, 159—219.

обучать только бѣдняковъ, которые не могутъ платить за право ученія, получая за свои труды лишь малое вознагражденіе, котораго едва хватаетъ на квартиру, многіе изъ нихъ упали духомъ и вышли въ отставку» ¹⁾; слѣдующій отчетъ констатируетъ, что учителя, назначаемые государствомъ, проповѣдуютъ въ пустынь. Къ большому соблазну парижской полиціи, даже извѣстные революціонеры, публично хваставшіеся своимъ невѣріемъ, въ семейной жизни подпадали вліянію старыхъ предрасудковъ и давали своимъ дѣтямъ христіанское воспитаніе; въ «школахъ фанатизма» учились дѣти генераловъ и депутатовъ: «эти депутаты, которые въ 1792 и 1793 г. больше всего ратовали, противъ священниковъ, не считаютъ образованіе своей дочери законченнымъ, пока она не конфирмовалась» ²⁾.

Чтобъ устоять противъ этой гибельной конкуренціи и оживить свои чахоточныя школы, директорія прибѣгала къ различнымъ приемамъ. Особымъ постановленіемъ она обязала чиновниковъ посылать своихъ дѣтей въ государственныя школы. Комиссаръ департамента Сены предлагалъ болѣе радикальное средство: «Пусть законъ постановитъ, что, начиная съ извѣстнаго срока, никто не можетъ сдѣлаться чиновникомъ, не пройдя всѣхъ классовъ начальной и центральной школы» ³⁾. До этого государственная власть не дошла, но все же приняла рядъ мѣръ, являвшихся посягательствами на свободу: увольненіе учителей и учительницъ свободныхъ школъ за недостатокъ гражданскихъ чувствъ, приказъ частнымъ школамъ праздновать десятый день и не прекращать занятій въ воскресенье, приказъ вывѣшивать въ школьныхъ помѣщеніяхъ крупными буквами отпечатанную *Декларацію правъ и обязанностей гражданина*, строгій надзоръ за преподаваніемъ, съ цѣлью придать ему единообразный и республиканскій характеръ. «Мы полагаемъ,—говорятъ администраторы Сены,—что, если оставить эти заведенія безъ строгой инспекціи и надзора, въ республикѣ окажется два вида школъ, два рода воспитанія; въ

¹⁾ Отчетъ, цитируемый *Alexis Chevalier*, въ его книгѣ „Монахи въ христіанскихъ школахъ и начальное обученіе послѣ революціи“.

²⁾ *Schmitt*, „Tableaux de la Révolution“, III, 374.

³⁾ *Ibid.*, III, 377.

государственныхъ начальныхъ школахъ нашихъ дѣтей воспитываютъ въ принципахъ чистой морали и республиканства; въ частныхъ школахъ они впитываютъ въ себя предрасудки суевѣрія и нетерпимости; такимъ образомъ разница мнѣній, фанатизмъ, взаимная вражда будутъ безъ конца переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе» ¹⁾.

Идеаломъ революціонеровъ было бы заставить всю Францію учиться и воспитываться, а затѣмъ жить, мыслить дѣйствовать и чувствовать по уставу. Имъ надо было, чтобы все воспитывало французовъ въ этомъ направленіи: матерьяльный обликъ вещей, внѣшній видъ улицъ, ободранные фасады церквей, сломанные кресты, пустыя ниши, заново окрещенныя улицы, стертыя надписи на памятникахъ, измѣненіе или сокращеніе старинныхъ названій, — теперь говорили просто улица Онорэ, ворота Мартина, предмѣстье Антуана ²⁾, даже святыхъ обратили въ мірянъ,—обиліе эмблемъ и девизовъ, вѣчное сплетеніе греко-римскаго орнамента и національныхъ цвѣтовъ, доходившее до оргіи трехъ красокъ, многочисленность гражданскихъ и языческихъ праздниковъ, періодически смѣнявшихъ другъ друга. Изъ этихъ праздниковъ, одни были красиво задуманы и производили внушительное впечатлѣніе, такъ какъ революція умѣла устраивать торжества; другіе — смѣшны, такъ какъ революція сохранила пристрастіе къ мифологическимъ костюмированнымъ шествіямъ, къ поддѣльнымъ римлянамъ, процессіямъ гипподрома, и оставалась торжественно карнавальною.

Желательно было также, чтобы литература и театръ прониклись революціоннымъ духомъ, а между тѣмъ этотъ источникъ вдохновенія совершенно изсякъ. Поэзія превратилась въ версификацію и, несмотря на самыя добросовѣстныя усилія, трагедія окончательно застываетъ отъ соприкосновенія съ ледяной холодною публики, которой ужь не оживляютъ великія вѣянія. Что касается литературы, Парижъ читаетъ газеты, перелистываетъ кое-какія брошюры и питается романами Анны Радклиффъ. Парижъ ѣздитъ въ театръ на пьесы съ преступленіями и мрачною сверхъестественной фавулой, отвѣчающей запросамъ его

¹⁾ *Chevalier*, 7—8.

²⁾ Въмѣсто св. Антуана, св. Мартина

разстроеннаго воображенія. Театральная публика выказываетъ нарочитую невнимательность во время обязательнаго исполненія патріотическихъ и революціонныхъ арій, которыя музыканты оркестра съ уныло-скупающимъ видомъ играютъ передъ началомъ спектакля.

Дошло до объявленія гражданской властью войны словамъ, до запрещенія произносить на сценѣ названія упраздненныхъ вещей, до поддѣлки текста и заглавій старинныхъ пьесъ, до запрета выходить на сцену въ мундирахъ въ тѣхъ пьесахъ, гдѣ дѣйствіе происходитъ во времена монархіи, до гоненія на классиковъ, на самую древность. Въ преріалѣ VII года, возобновленіе оперы Мегюля, *Адрианъ (Hadrien)*, вызвало цѣлую бурю въ совѣтѣ пятисотъ; депутатъ Бріо кричалъ: «Короновать на сценѣ императора—это оскорбленіе республиканцамъ!» И затѣмъ прочелъ нѣсколько стиховъ либретто, «вызвавшихъ взрывъ негодованія въ совѣтѣ» ¹⁾, какъ отмѣчено въ протоколѣ засѣданія. Для успокоенія пятисотъ директорія заявила, что Адрианъ отнынѣ будетъ выходить на сцену въ простой генеральской формѣ, безъ императорскихъ регалій; его триумфу постарались придать республиканскій характеръ, самое большее, если въ немъ можно усмотрѣть намекъ на побѣды генерала Бонапарта.

Такимъ образомъ на все наклеивался революціонный этикетъ; былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы наложить его на самую особу гражданина, сдѣлать его неотъемлемой частью костюма. Давидъ нарисовалъ модель костюма французскаго гражданина; ношеніе его не было обязательнымъ, но все же французовъ обоего пола пытались помѣтить національными цвѣтами и заштемпелевать кокардой. Эта мѣра привилась не повсемѣстно, но во многихъ департаментахъ подъ конецъ директоріи не пускали въ города лицъ, не имѣвшихъ при себѣ трехцвѣтнаго значка; таковымъ воспрещенъ былъ доступъ въ собранія и на засѣданія учредительныхъ комитетовъ ²⁾. Въ Парижѣ гренадеры законодательнаго корпуса грубо выталкивали изъ Тюльерійскаго сада

¹⁾ Отчетъ въ *Moniteur*ѣ о засѣданіи 18-го преріала.

²⁾ „Mémoire de Le Coz“ у *Roussel*я, 339. Постановленіе, цитируемое *Bonnefoy*, „Administration civile du département du Puy-de-Dôme“, 218—219.

гражданокъ, пытавшихся прогуливаться тамъ, не надѣвъ на себя установленной кокарды ¹⁾).

Итакъ, французъ притѣсняются на всякіе лады. Пользуется ли онъ, по крайней мѣрѣ, элементарной свободой — ходить и ѣздить, куда вздумается, отлучаться изъ дому по дѣламъ? Если только его гражданская благонадежность не выше всякихъ подозрѣній, пусть онъ остерегается покидать, хотя бы не надолго, свою коммуну, ѣздить, хотя бы въ сосѣдній департаментъ. Надъ нимъ вѣчной угрозой виситъ и сторожитъ его списокъ эмигрантовъ, всегда открытый, никогда не законченный. Всякій обыватель, временно отсутствующій, рискуетъ попасть въ этотъ списокъ волею администраціи, на которую нѣтъ ни суда, ни управы. Всякій французъ, покидающій свое мѣсто жительства, можетъ быть превращенъ въ эмигранта, т. е. разсматриваемъ по возвращеніи, какъ *вернувшійся на родину эмигрантъ* и безъ всякихъ формальностей разстрѣлянъ по капризу одного изъ тирановъ низшаго разряда, этихъ добровольныхъ ищеекъ революціи. Для попавшаго въ роковой списокъ отнынѣ единственное средство спасенія — скрыться; имущество же его будетъ секвестровано, въ ущербъ всѣмъ, съ кѣмъ онъ заключалъ договоры. Въ виду такой необезпеченности имущества, всѣ сдѣлки шатки, въ дѣлахъ отъ робости застой, и чудовищный произволъ законодательства содѣйствуетъ глубокому разстройству въ общей экономіи страны.

3.

Каково же было въ то время экономическое и социальное положеніе Франціи? Великіе кризисы, переживаемые націями, тѣмъ разнятся отъ болѣзней отдѣльной личности, что не парализуютъ всего организма; они губятъ множество индивидуумовъ и сильно реагируютъ на всѣхъ остальныхъ; но все же эти остальные продолжаютъ ѣсть, одѣваться, ежедневно вести счетъ своимъ расходамъ, заботиться о своихъ нуждахъ и даже удовольствіяхъ; они покупаютъ, продаютъ, поддерживаютъ сношенія съ себѣ подобными.

¹⁾ *Gazette de France*; 4 жерминаля, VII года.

Даже терроръ и законъ *maximum'a* не могли окончательно задучить экономической жизни Франціи, хотя и внесли въ нее жестокое разстройство. Теперь пытались вернуться къ болѣе нормальному порядку вещей; въ странѣ имѣлась торговля, промышленность, мануфактуры, биржи въ большихъ городахъ, окружныя ярмарки, но все это въ до странности миניатюрныхъ размѣрахъ и какое-то ненадежное; общая неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ и куча препятствій мѣшали поправить зло, а добытое благо лишь съ большимъ трудомъ могло выбиться изъ общей путаницы. Чтобы дать трезвую оцѣнку положенію вещей, въ хорошемъ и дурномъ, нужно сравнить его съ тѣмъ, что было наканунѣ катастрофы.

Франція послѣднихъ временъ стараго режима была страной контрастовъ; дѣятельные, цвѣтущіе округа и рядомъ — огромные, унылые пустыри; привилегированные классы, буржуазія, съ необычайно разросшимися капиталами и общественнымъ вліяніемъ, — и рядомъ — рабочій, крестьянинъ, по прежнему зажатый въ экономическихъ тискахъ; бездна всякихъ неправдъ, упорное сопротивленіе прогрессу — и въ то-же время все яснѣе и яснѣе сказывающееся стремленіе къ улучшенію общей участи. Никогда еще мыслящіе классы не интересовались такъ живо государственной и соціальной экономіей; никогда не видано было столько правителей и администраторовъ, принимавшихъ къ сердцу заботу о народномъ благѣ и религію прогресса. Но усилія ихъ, наталкиваясь на всевозможныя привилегіи и разбиваясь о сплоченную глыбу злоупотребленій, достигали цѣли, содѣйствуя прогрессу, лишь по временамъ и, главное, мѣстами.

Нѣкоторые города процвѣтали, и каждый былъ какъ бы столицей своего района; въ нихъ замѣчалось необычайное развитіе торговли, промышленности, колонизаціи. Марсель захватилъ по меньшей мѣрѣ двѣ трети всей торговли Востока; Бордо представлялъ собой какъ бы монументальныя ворота, въ которыяплыли богатства, привозимыя съ Антильскихъ острововъ ¹⁾; Ліонъ по части шелковыхъ издѣлій не

¹⁾ „То были золотые дни исторіи Бордо“, говоритъ Марсель Маріонъ въ своихъ очеркахъ о состояніи земледѣльческихъ классовъ въ XVIII столѣтіи въ бордосскомъ округѣ. *Revue des études historiques* мартъ—апрѣль 1902 г.

имѣлъ себѣ равнаго; Руанъ и его нормандскіе братья выдѣлывали превосходныя ткани, хотя и жаловались, что торговый договоръ съ Англіей 1786 г. нанесъ имъ серьезный ущербъ. Внутри страны различныя отрасли мѣстной промышленности, локализованныя въ ловкихъ и добросовѣстныхъ рукахъ приносили благосостояніе отдѣльнымъ группамъ. А въ центрѣ дивилъ свѣтъ Парижъ, столица идей и наслажденій. Никогда еще цивилизація не распускалась тамъ такими нѣжными цвѣтами, хотя опять таки вокругъ кварталовъ, гдѣ обитали роскошь и привилегированная промышленность, тянулись окопы нищеты, населенія лачугъ и чердаковъ, становища варваровъ, и въ этомъ Парижѣ, полномъ радостей, несчастные жестоко страдали, доходя до отвращенія къ жизни¹⁾. Что касается сельскаго населенія, оно жило очень бѣдно, подъ гнетомъ привилегій высшихъ классовъ, подъ бременемъ налоговъ, подъ тяжестью барщины, подъ всѣмъ этимъ «хаосомъ несправедливостей»²⁾. Недостаточно бережное отношеніе къ его ресурсамъ оставляло вопросъ о его пропитаніи всегда открытымъ. Положительно установлено, что въ концѣ царствованія Людовика XVI, гуманнѣйшаго изъ королей, огромное большинство французовъ не знало, что значитъ ѣсть досыта. Богатство, роскошь, довольство, оставались привилегіями извѣстныхъ мѣстностей еще больше, чѣмъ извѣстныхъ классовъ населенія. Большіе торговые города, порты, промышленные центры были блестящими точками, озарявшими вокругъ огромное пространство нищеты.

Революція и война, эти два тѣсно связанныхъ между собою явленія, которыхъ никогда не слѣдуетъ разсматривать отдѣльно, сбили головы пышности и довольству. Паденіе государственнаго строя, крахи большихъ состояній, разгулъ варварства, закрытіе портовъ, блокада страны лишили Францію ея вѣнка цвѣтущихъ городовъ. Въ Ліонѣ изъ пятнадцати тысячъ мастерскихъ осталось только двѣ³⁾; Марсель умираетъ; въ Бордо перестали освѣщать улицы по вечерамъ⁴⁾. Вывозъ полотенъ изъ Бретани и Нормандіи

¹⁾ См. *Thiébaud*, „Mémoires“, I, 139.

²⁾ *Marcel Marion*, *loc. cit.*, по выраженію одного субделегата.

³⁾ „Lettres de Talleyrand à Napoléon“, изд. Пьера Бертрана, 14.

⁴⁾ *Gradis*, „Histoire de Bordeaux“, 385.

прекращень, точно такъ-же, какъ и вывозъ суконъ изъ Лангедока. Въ Тьерѣ ножевыя фабрики наполовину сократили производство ¹⁾). Въ Гаврѣ въ теченіе всего V-го года закрыты всѣ магазины; въ гавани Калэ едва виднѣется нѣсколько матгъ; навстрѣчу рѣдкому гостю-кораблю выходятъ на пристань люди въ бумажныхъ колпакахъ и карманьолахъ шлепая деревянными башмаками ²⁾). Повсюду страшные рубцы недавнихъ ранъ; въ Арра одна улица совершенно обезлюдена гильотиной; здѣсь-же разрушено столько церквей, что некому даже продавать матерьялы ³⁾; Валянсьеннъ, раздавленный въ 1793 г. австрійскими пулями, остается трупомъ. Въ Парижѣ характерны донесенія полиціи о положеніи ремесленниковъ: «кто держалъ прежде шестьдесятъ-восемьдесятъ рабочихъ, теперь не держитъ и десяти» ⁴⁾). Напрасно директорія въ рѣдкіе промежутки отдыха и просвѣтлѣнія пытается поднять экономическую дѣятельность страны и торжественно открываетъ въ 1798 г. на Марсовомъ полѣ первую выставку продуктовъ промышленности. Все, чѣмъ держалось насиженное и прочное благосостояніе городовъ,—крупные дѣловые обороты, обращеніе капиталовъ, работа на мануфактурахъ,—все пошло ко дну во время бури, или всплыло наверхъ чуть живое.

Зато внѣ очаговъ постоянныхъ волненій, каковъ, напримеръ, западъ, весь израненный, земледѣльческое населеніе, наоборотъ, выиграло отъ революціи. Въ деревняхъ крупные землевладѣльцы, эксъ-дворяне, не эмигрировавшіе, стали несчастнѣйшими въ мірѣ людьми. Нравственныя муки и униженія, матерьяльныя притѣсненія, ожесточенныя придирки фиска, упражняющагося на нихъ въ произволѣ,—ничто не минуетъ ихъ; любопытно, что даже такой чело-вѣкъ, какъ Дюфоръ де Шеверни, не пожелавшій эмигрировать и въ своемъ помѣстьѣ въ Влезуа благополучно пережившій весь терроръ, въ 1797 году готовъ покинуть родину, все бросить и переселиться въ другую страну—слиш-

¹⁾ *Georges Bonnefoig*, „Histoire de l'administration civile dans le département du Puy-de-Dôme“, II, 357.

²⁾ *Chateaubriand*, „Mémoires d'outre-tombe“, II, 234.

³⁾ *Mémoires de l'abbé Baston*, III, 20—21.

⁴⁾ *Schmidt*, „Tableaux de la Révolution“, III, 383.

комъ ужъ донимають его разныя мелкія непріятности, до-
куки, булавочные уколы, и у него больше не хватаетъ
терпѣнія¹⁾. Землевладѣльцевъ средняго достатка меньше
обижаютъ. Мелкіе же собственники, которыхъ и до рево-
люціи было уже немало, люди мало образованные, одно-
дворцы, фермеры, мызники, батраки, поденщики, т. е. боль-
шинство, приобрѣли кое-какой достатокъ.

Революція отнюдь не создала мелкой собственности, но
она освободила ее изъ подъ гнета. Теперешніе налоги, какъ
они ни обременительны, не могутъ сравниться съ преж-
ними тяготами; устанавливая ихъ, учредительное собраніе
руководствовалось мудрыми принципами. Притомъ же крестья-
нинъ, при неупорядоченности сбора налоговъ, или вовсе
не платитъ ихъ²⁾, или платитъ обезцѣненными бумагами,
никуда не годнымъ тряпьемъ. Отмѣна феодальныхъ правъ,
оброковъ, десятинъ и барщины, упраздненіе внутреннихъ
таможенъ, заставъ, проѣздныхъ и рѣчныхъ пошлинъ, осво-
бодили земледѣльческій трудъ, облегчили сбытъ продук-
товъ, развязали руки крестьянину.

Жакъ Простакъ³⁾, какъ Гулливеръ у Свифта, чувство-
валъ себя до 89 года привязаннымъ къ землѣ тысячей ско-
вывающихъ его узъ; эти узы вдругъ перерѣзали; гигантъ
потянулся, расправилъ члены, всталъ; не зная, какъ излить
свою радость, онъ, какъ истый варваръ, для начала изло-
малъ все кругомъ. Теперь онъ живетъ среди развалинъ;
здѣсь деревенская церковь, ободранная, лишенная креста и
аляповатыхъ скульптурныхъ украшеній; тамъ опустошенный
замокъ, безъ мебели, открытый вѣтру и дождю, съ зіяю-
щими дырами вмѣсто оконъ, съ проломанной крышей;
всюду слѣды опустошенія, на кладбищѣ повалены кресты,
въ паркѣ поломаны деревья, изгороди, сорваны рѣшетки, въ
лѣсу идетъ беспорядочная рубка, мачтовый лѣсъ исчезъ съ

¹⁾ „Mémoires“, III, 365.

²⁾ По словамъ министра Годена, къ началу IX года накопилось
отъ прошлыхъ годовъ до 400 милліоновъ недоимокъ. (Stourm, „Fi-
nances du Consulat“, 181). Къ концу VII года изъ 45.000 приблизи-
тельно списковъ плательщиковъ налоговъ, 35.000 еще не были со-
ставлены.

³⁾ *Jacques Bonhomme*,—прозвище французскаго крестьянина.

лица земли, дороги брошены на произволъ судьбы и превратились въ озера грязи. Кажется, будто Франція пережила нашествіе варваровъ; оно такъ и есть, но отъ этого не изсякли главные источники жизни, какъ они, напримеръ, изсякли, и надолго, въ Германіи послѣ тридцатилѣтней войны. Революція была губительницею капитала, почти свела на нѣтъ обращавшееся въ странѣ количество звонкой монеты, уничтожила чудныя сокровища искусства и красоты, но она же посѣяла среди развалинъ зародыши новой и болѣе полной жизни.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ освобожденная земля уже успѣла подняться въ цѣнѣ. Въ Лиманѣ «земельные участки продаются въ полтора раза, а то и вдвое дороже, чѣмъ до революціи . . .¹⁾ Крестьяне разбогатѣли, земля лучше обрабатывается, женщины лучше одѣваются»²⁾. Теперь, когда обширные участки, обработывавшіеся крѣпостными, пущены въ обращеніе, земля стала какъ бы гибче и производительнѣе. Многіе крестьяне выступили въ качествѣ покупателей національныхъ имуществъ, прикупили кусокъ земли, увеличили свой надѣлъ³⁾. Правда, они живутъ модъ страхомъ мести реакціонныхъ бандъ, но герои политическаго разбоя не трогаютъ крестьянъ, ставшихъ теперь собственниками земли, и сельскихъ рабочихъ.

Въ деревняхъ мы уже не наблюдаемъ болѣе приступовъ общей паники, жестокой дрожи, время отъ времени охватывавшихъ весь народъ передъ началомъ революціи и предвѣщавшихъ великую горячку соціального организма.

¹⁾ *La Fayette*, V, 533.

²⁾ *Ibid*, 108. *Bonnefoy*, „Histoire de l'administration civile dans la province d'Auvergne et le département du Puy-de-Dôme“, II, 366. Относительно сѣвера Франціи. См. „Lettres de Malmesbury“, октябрь 1796 г.

³⁾ По вопросу о томъ, среди какого класса населенія главнымъ образомъ были распределены національныя имущества, извѣстны труды и различные взгляды *Tocqueville'*я, *Avenel'*я и Лучицкаго, а также Англада („*Sécularisation des biens ecclésiastiques*“, par *Maurice Anglade*) и послѣднее изслѣдованіе *Lecarpentier* въ „*Revue Historique*“, сентябрь—октябрь 1901 г. Выводъ изъ этихъ имѣющихъ большое значеніе, хотя и неполныхъ изслѣдованій тотъ, что крестьяне одновременно съ буржуа пріобрѣтали національныя имущества, тѣ и другіе въ большемъ или меньшемъ размѣрахъ, соотвѣтственно мѣстности.

Подъ грохотъ вокругъ еще бушующей бури, крестьянинъ уже взялся за работу. Если мужъ на войнѣ, за него работаетъ, и не хуже его, жена; она идетъ за плугомъ, беретъ заступъ и лопату, пашетъ и полетъ. Крестьянинъ живетъ на своей землѣ, которую чувствуетъ теперь болѣе прежняго своей, расширяетъ площадь посѣва, чаще прежняго ѣстъ убоину, напивается до пьяна, когда вино дешево, и плодитъ дѣтей. Во время революціи населеніе увеличилось¹⁾. Это установленный фактъ, который можетъ быть объясненъ подъемомъ жизненныхъ силъ въ началѣ и затѣмъ общей распущенностью; но есть и особыя причины: въ рекруты не берутъ женатыхъ, и молодые люди женятся, начиная съ шестнадцатилѣтняго возраста, поэтому ребятъ во всѣхъ коммунахъ оказывается вдвое и втрое противъ прежняго²⁾. Добросовѣстный наблюдатель долженъ сознаться, что опустошенная Франція таитъ въ нѣдрахъ своихъ нарастающія силы, что изъ земли, заваленной обломками, уже пробиваются наружу сѣмена новаго и болѣе многочисленнаго человѣчества, зародыши будущаго благоденствія.

Уже теперь земледѣльческому классу легче дышется, тѣмъ болѣе, что урожаи недурны, зерновыхъ хлѣбовъ изобиліе, и цѣны на предметы обычнаго потребленія стоятъ низкія. На основаніи свѣдѣній, получаемыхъ имъ въ изгнаніи, Ляфайетъ пишетъ Латуръ Мобуру: «Вы знаете, сколько въ вашихъ краяхъ было нищихъ, людей, умиравшихъ съ голоду; теперь ихъ почти не видно». Самъ Дюфоръ де Шeverни признается, что удручающаго безденежья, которое такъ тяготитъ людей его сословія и ближайшихъ къ нему, не существуетъ въ земледѣльческомъ классѣ. «Въ департаментѣ царитъ спокойствіе — и нищета, по крайней мѣрѣ, среди помѣщиковъ, ибо поденщикамъ вино обходится три су, хлѣбъ два, а поденщина даетъ тридцать-сорокъ. Непозбѣжный результатъ — кабаки переполнены, и народъ самъ диктуетъ условія своего труда»³⁾.

Это еще не значитъ, что народъ въ деревняхъ доволенъ своей судьбой и живетъ въ мирѣ съ законами. Про-

1) *Levasseur*, „La population française“, I, 298—299.

2) *Dufort de Cheverny*, III, 422.

3) „Mémoires“, IV, 386; *La Fayette*, V, 103.

тивъ гоненія на религію, противъ тираніи десятого дня, которая вкрадывается даже въ мелочи его жизни и въ концѣ концовъ всѣхъ дѣлаетъ послушниками закона, онъ не только ропщетъ—онъ становится на дыбы и лягается. Онъ нерѣдко отбиваетъ у жандармовъ арестованныхъ священниковъ, отстаиваетъ своихъ старыхъ деревянныхъ святыхъ и горки съ крестами¹⁾; которыя сельскія власти продолжаютъ уничтожать. Ненавистны ему также приемы, къ которымъ прибѣгаетъ правительство при сборѣ податей; онъ негодуетъ, когда постой, присланный ему въ наказаніе, врывается въ его домъ, садится у его очага, его нужно содержать и кормить. Цѣлая армія такихъ экзекуціонеровъ наводняетъ страну, а цѣль не достигнута: кошель не развязываются. Размѣры подати въ принципѣ установлены справедливо, но распредѣленіе не равномерное; департаменты жалуются, что они обложены несоотвѣтственно ихъ ресурсамъ; въ коммунахъ распредѣленіе земельного налога муниципальными агентами ведетъ къ возмутительнымъ несправедливостямъ: «Всѣ плательщики согласны въ томъ, что налогъ былъ бы не высокъ, будь онъ равномерно распредѣленъ. . . Въ различныя эпохи революціи партійность, личный интересъ, подкупъ вліяли на распредѣленіе. Съ одного участка взимають чуть не двѣ трети чистаго дохода, а другой тутъ же рядомъ платитъ десятую-двѣнадцатую часть. . . Муниципальные агенты совсѣмъ освободили отъ обложенія свои земли и участки своихъ друзей, а враговъ обложили сверхъ мѣры. Есть много совершенно забытыхъ земель, которыя вотъ ужъ десять лѣтъ не платятъ никакихъ налоговъ»²⁾).

Тѣмъ не менѣе всѣ чувствуютъ, что налоги растутъ вслѣдствіе продолжительной войны и хищеній и становятся непомѣрными.

Къ обложенію недвижимаго и движимаго имущества присоединяется съ 1798 года налогъ на двери и окна. Одновременно съ этимъ возстановленъ другой старинный видъ налоговъ, а именно городскія пошлины, и поговариваютъ о возстановленіи ненавистой соляной пошлины. Революція,

¹⁾ Голгофа, *Calvaire*.

²⁾ *Rocquain*, 59.

упразднившая заставы на дорогахъ, вначалѣ имѣла на своей сторонѣ всѣхъ возчиковъ; съ восстановленіемъ проѣздныхъ пошлинъ всѣ они становятся реакціонерами, но дальше крика не идутъ: «Это мимолетная вспышка; баранья порода скоро смирится и станетъ послушной, подобно реквизиціонерамъ»¹⁾.

Недавно введенный рекрутскій наборъ ненавистенъ крестьянству; онъ прививается съ большимъ трудомъ, но все же прививается; число уклоняющихся отъ воинской повинности возрастаетъ до необычайныхъ размѣровъ²⁾, и все же пойманные бѣглецы въ концѣ концовъ смиряются, ибо у галльской расы покорность въ крови вотъ ужѣ восемнадцать вѣковъ. Она на все жалуется и всему подчиняется; за исключеніемъ мѣстностей, гдѣ люди особенно пылки и упрямы, какъ на югѣ и на западѣ, да покоренныхъ странъ, какъ Бельгія, недовольство не переходитъ предѣла, за которымъ уже начинается бунтъ. Притомъ же, по глубокому замѣчанію Малле дю Пана, «старый режимъ оставилъ по себѣ такую память, что даже терроръ не могъ окончательно изгладить ея»³⁾.

Даже и въ городахъ не всѣ матерьяльно пострадали отъ революціи. Крахи крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій были бѣдствіемъ для многихъ, но число пролетаріевъ, зарабатывающихъ себѣ пропитаніе трудомъ рукъ своихъ, значительно уменьшилось. Свобода торговли и промышленности сдѣлала свое дѣло. Иерархія ремесль уничтожена, и многіе рабочіе могли подняться до положенія полу-буржуа, завели торговлишку, открыли лавочку, кое-что заработали. И они тѣрпятъ отъ теперешняго плачевнаго состоянія дѣлъ, ибо, если торговцевъ и прибыло, торговля идетъ не такъ ходко, какъ прежде, но все же эти крохотные капиталисты уже успѣли сдѣлаться ярыми консерваторами, очень держатся за свою кубышку и ужъ

¹⁾ *Dufort de Cheverny*, III, 381.

²⁾ Национальные архивы, А. Ф. III, 150. Рекрутскій наборъ (*conscription*) фримера года VII; военный министръ потребовалъ 200.000 рекрутовъ; изъ 18 департаментовъ 16 вначалѣ отказались поставлять новобранцевъ. За весь брюмеръ и первую декаду фримера, изъ 150.000 ожидаемыхъ новобранцевъ удалось набрать всего 23,899.

³⁾ Переписка, изданная *M. Descostes* оми „*La Révolution française vue de l'étranger*“, 379.

не стануть рисковать ею, участвуя въ уличныхъ волненіяхъ. Вотъ еще объясненіе, почему Парижъ отнынѣ предоставляетъ политикамъ рѣшать свои споры съ оружіемъ въ рукахъ, или инымъ путемъ, не вмѣшиваясь самъ, почему мы видимъ теперь столько переворотовъ и не видимъ больше мятежей. Многие въ Парижѣ составили себѣ маленькое состояніе во время революціи, что очень расширило классъ мелкой буржуазіи, и этотъ классъ есть то, что я называю народомъ Парижа, который, повторяю, въ будущемъ не будетъ вмѣшиваться въ междоусобныя распри правителей или вожаковъ»¹⁾.

Для представителей средней и высшей буржуазіи, до 1789 года спокойно жившихъ своей рентой или доходами, это ужасный моментъ. Они пережили трудные дни: принудительные займы, произвольные вычеты въ счетъ будущаго, отсрочку недоимокъ,—противъ всего этого трудно устоять. Государственное банкротство 1797 года добиваетъ ихъ, ибо двѣ трети государственнаго долга фактически скинуты со счетовъ, а консолидированная треть или вовсе не выплачивается, или выплачивается бумагами, не имѣющими цѣнности на денежномъ рынкѣ. Весной 1799 г. курсъ консолидированной трети, главнаго государственнаго фонда, колеблется между *десятью* и *одиннадцатью* франками. Люди, нѣкогда богатые или зажиточные, теперь просятъ милостыни: скоро мы увидимъ дочерей ранѣе распѣвающими на набережной ради нѣсколькихъ су, которыя имъ можетъ бросить сострадательный прохожій²⁾.

Между тѣмъ другіе буржуа, болѣе предусмотрительные, сумѣвшіе припрятать свои сбереженія или накопить ассигнацій, накинудись на національныя имущества, на земли, идущія въ продажу за безцѣнокъ. Правда, эти земли даютъ мало, а то и вовсе не даютъ дохода, вслѣдствіе обременительности налоговъ и невзноса аренды. Капиталь этотъ остается непроизводительнымъ; тѣмъ не менѣе, онъ существуетъ и современемъ цѣнность его увеличится. Приобрѣтатели находятся въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, и все же они богаче прежняго; у нихъ меньше денегъ и

1) *Le Contentx de Cantelou, y Lescure* a „Mémoires sur les journées révolutionnaires et les coups d'Etat de 1789--1799“, II, 215—216.

2) *Répertoire anecdotique*, 1797.

больше земли; идетъ не бьющая въ глаза закладка фундамента будущаго благоденствія буржуазіи, основаннаго на недвижимой собственности, хотя сейчасъ она и не даетъ еще возможности наслаждаться жизнью.

Наконецъ, сколько народу живетъ революціей! Въ общемъ разстройствѣ дѣлъ и дѣловыхъ оборотовъ, одно дѣло стоитъ, однакоже, твердо—огромное, колоссальное, необычайное: это сама революція. Неслыханный ростъ государственныхъ нуждъ и надобностей, потребности армій вызвали къ жизни толпу, народъ, цѣлую расу поставщиковъ, провіантмейстеровъ, кригсъ-комиссаровъ, завѣдующихъ продовольственной частью, откупщиковъ и подрядчиковъ, крупныхъ и мелкихъ торговцевъ, тощихъ и жирныхъ, кичливыхъ и смиренныхъ; они кишмя кишатъ на разлагающемся государственномъ тѣлѣ и кормятся этой гнилью. Затѣмъ, такъ какъ ликвидація стараго режима еще не закончена, земли, замки и обстановка все еще ждутъ покупателей, и одна половина Франціи продаетъ съ молотка другую, такъ какъ разстройство дѣлъ и крахи вызываютъ безконечное множество тяжбъ; нужны оцѣнщики, эксперты, пристава, адвокаты, судейскіе и адвокатскіе писцы,—и весь этотъ людъ кормится около революціи.

Тѣмъ не менѣе деньги становятся что дальше, то рѣже, кредита вовсе нѣтъ, и «такъ называемые честные люди не даютъ въ долгъ иначе, какъ за два съ половиной, а то и всѣ три процента въ мѣсяцъ»¹⁾, поэтому развелось многое множество всякаго рода маклаковъ, ростовщиковъ, дающихъ займы подъ залогъ вещей или подъ огромные проценты, содержателей ссудныхъ кассъ, евреевъ. Противъ этихъ все-свѣтныхъ барышниковъ въ народѣ уже прорывается глухое раздраженіе; въ двухъ газетахъ, подрывая провозглашенный революціей принципъ гражданскаго равенства и свободной конкуренціи, формулируются теоріи ненавистничества; въ послѣднемъ номерѣ «*Régulateur*» читаемъ: «Если начать изслѣдовать всѣ причины оскудѣнія кассъ во Франціи и недоѣданія армій, въ концѣ концовъ придешь къ одной: слѣпому равнодушію политическихъ законовъ относительно крупной

¹⁾ Архивъ Шантильи, письмо одного изъ агентовъ Кондэ, отъ 1-го дополнительнаго дня VII года.

ошибки правительства, приравнявшаго жида къ французскому гражданину. Французская конституція, если правильно толковать ее, формальнымъ образомъ исключаетъ евреевъ изъ числа лицъ, имѣющихъ права гражданства (*droit de cité*) ибо таковыя предоставлены ей лишь отдѣльнымъ личностямъ Еврей же отнюдь не можетъ быть разсматриваемъ, какъ отдѣльная личность; напротивъ, онъ, подобно *баніану*¹⁾, является нераздѣльной частью собирательной личности (*individu collectif*). Со времени революціи французъ ежедневно принужденъ вступать въ сношенія съ евреемъ по своимъ торговымъ или хозяйственнымъ дѣламъ, и ничто не предостерегаетъ его, не напоминаетъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ человѣкомъ, а съ врагомъ, честность котораго ограничена кругомъ понятій его единовѣрцевъ²⁾.

Все это кишачія внизу насѣкомыя-паразиты: а вотъ и крупные хищники: поставщики, нажившіе милліоны, снабжая нашихъ солдатъ вышедшими изъ употребленія ружьями и попорченнымъ провіантомъ,—спекуляторы, умѣвшіе въ время реализовать свое имущество въ пору острыхъ кризисовъ ажіотажа, — побѣдители въ битвѣ ассигнацій. Крупный подрядчикъ, забывшій всякій стыдъ капиталистъ — вотъ господствующій типъ, характеризующій эпоху. Онъ могущественъ и смѣшенъ, надъ его владычествомъ издѣваются, про него слагаютъ пѣсни, какъ про королей, его выводятъ на сцену въ комедіяхъ и водевиляхъ и все же подчиняются его власти. Изъ этихъ «новыхъ Тюркарэ»³⁾ нѣкоторые въ своемъ родѣ гениальны, какъ напримѣръ Увраръ. Другіе, подобно Сегэну, который собираетъ царскія коллекціи и окружаетъ себя сокровищами искусства, сохраняя въ то-же время виѣшность «полотѣра»⁴⁾, дѣйствительно сослужили службу національной защитѣ своей изобрѣтательностью и

1) Членъ индусской секты, которая представляла собой главнымъ образомъ торговую корпорацію.

2) *Le Propagateur*, отъ 17-го брюмера, года VIII.

3) *Железные уста, или крикъ истины*, современный памфлетъ.— Тюркарэ—персонажъ одной изъ комедій Лесажа, который безъ ума, безъ образованія, безъ честности, ухитрился нажитья. Синонимъ ловкаго разбогатѣвшаго дѣльца, ни по уму, ни по образованію не стоящаго на высотѣ своего общественнаго положенія.

4) *Mémorial de Norvins*, II, 301.

смѣлымъ практическимъ умомъ. Директорія, у которой по части денегъ и кредита не густо, принуждена безпрестанно обращаться къ ихъ помощи, чтобы заплатить жалованье чиновникамъ, одѣть, прокормить, экипировать войска, чтобы худо-ли, хорошо-ли поддерживать ходъ машины. Это правительство, тиранящее Францію и угнетающее Европу, не можетъ обойтись безъ денежныхъ тузовъ и крѣпко сидить у нихъ въ лапахъ.

Крупный подрядчикъ имѣетъ право входа въ Люксембургъ, возвышаетъ голосъ въ министерствахъ, командуетъ въ канцеляріяхъ, подкупаетъ депутатовъ, принимая ихъ въ организуемые имъ акціонерныя общества, и не требуя иного вклада, кромѣ ихъ парламентскаго вліянія¹⁾; у него вездѣ свои агенты, свои ходы. Онъ располагаетъ волшебной властью, ибо владѣетъ рѣдчайшей вещью, исчезнувшей, всѣми разыскиваемой и призываемой, какъ невѣдомый богъ—деньгами. Только у него, въ его конторахъ и кассахъ и услышишь волшебный звонъ металла. Деньги — они падаютъ въ его карманъ, едва лишь выйдя изъ кармановъ плательщиковъ налоговъ, въ силу *полномочій (délégations)*, предоставленныхъ ему правительствомъ; деньги — онъ ихъ захватываетъ на монетномъ дворѣ, предъявляя свои векселя и ужъ, заграбаставъ, держитъ крѣпко. Зайдемъ къ нему, проходя по улицѣ Анжу:—«...я вступаю въ обширный дворъ и поднимаюсь на величественное крыльцо... Я въ огромной залѣ, служащей кассой; какое зрѣлище! груды золота и серебра представляются глазамъ моимъ, жаднымъ до этой новизны, во множествѣ разнообразныхъ формъ, но безъ всякихъ знаковъ, которые помогли бы мнѣ опредѣлить ихъ цѣнность. Быть можетъ, я такъ и остался бы въ невѣдѣніи, еслибъ сострадательная душа не выручила меня, сообщивъ, что эти деньги привезены съ монетнаго двора, гдѣ ачность подрядчиковъ не дождалась даже чеканки²⁾.

Люди, разжившіеся на поставкѣ и спекуляціяхъ, уже слывуть особой партіей въ республикѣ. О нихъ говорятъ:

¹⁾ См. въ газетахъ за январіозъ и вантозъ VIII года, отчетъ о процессѣ между депутатомъ Куртуа и банкирской фирмой Фюльширонъ и К^о.

²⁾ *Живемъ не худо, лучше бы у чорта побывать въ гостяхъ*. (*C'a ne va pas si mal, visitez pire que celle du diable*), насквилъ той эпохи

«партія новыхъ богачей»¹⁾. Предвидятъ, что они будутъ пытаться установить «такую форму правленія, которая бы гарантировала ихъ личность и имущество отъ опасностей, ужь много лѣтъ висящихъ надъ собственниками»²⁾. Кто поосмотрительнѣй, дробить рискъ, держитъ деньги въ англійскихъ банкахъ, или устраивается такъ, чтобы въ случаѣ чего можно было моментально переправить туда капиталы. Сегэнъ пишетъ: «Я могу однимъ почеркомъ пера послать въ Лондонъ два-три милліона»³⁾. Этимъ объясняются подозрительныя сближенія, пристрастія, доходящія до сообщничества, объясняется, почему, идя въ разрѣзъ съ воинственнымъ и завоевательнымъ духомъ революціи, нѣкоторые денежные дѣльцы измѣннически потворствуютъ Англіи: они не могутъ допустить, чтобы войска Гоша или Бонапарта разграбили эту огромную кассу вкладовъ.

Большинство разжившихся дѣльцовъ спѣшатъ наслаждаться жизнью, дивятся Парижъ своей новоиспеченной роскошью; швыряньемъ денегъ и пирами. Въ Парижѣ царятъ крайности и роскоши, и нищеты. Хотя послѣ III-го года цѣна на съѣстные припасы значительно понизилась, хотя и прошло время голода, когда голытьба изъ предмѣстій ходила къ воротамъ боенъ лизать кровь убитыхъ животныхъ, стекавшую въ желоба, мы все же видимъ позорные контрасты, наряду съ наглою, сумасбродной роскошью — отвратительную нищету. Ажіотеры, поставщики не столько заботятся о томъ, чтобы упрочить свое богатство, сколько о томъ, чтобы блеснуть имъ. Иные покупаютъ земли, роскошныя усадьбы, задаютъ пикники на зеленыхъ лужайкахъ Рэнси, въ дворянскихъ замкахъ и столѣтнихъ паркахъ; но главный ихъ капиталъ—движимое имущество, деньги, бумаги; этотъ капиталъ катится, переходитъ изъ рукъ въ руки, кружится въ вихрѣ, и отъ шумныхъ тратъ тѣхъ, кто владѣетъ имъ, кормится часть населенія. Ихъ крупными заказами держится мебельное производство, индустрія домашней обстановки; они даютъ эпохѣ ея искусство и стиль.

1) Отчетъ Мальмсебѣри отъ 13 ноября, цитируемый Альбертомъ Сорелемъ въ „*Journal des savants*“, мартъ 1902.

2) Ibid.

3) *Mémorial de Norvins*, II, 302. *Albert Lorel*, „*Lectures historiques; une agence d'espionnage sous le Consulat*“, 131—132.

Отрасли промышленности, выдѣлывающія предметы роскоши и фантази, также процвѣтають, ибо послѣ термидора, когда каждый изумлялся и радовался, что онъ еще живъ, всѣ набросились на удовольствія, дурачества, танцы, на опьяненіе чувствъ, всѣ пребываютъ въ сплошномъ одуряющемъ возбужденіи. Подъ оживленные звуки смычковъ и гобоевъ Парижъ вертится, пляшетъ, кружится въ вальсѣ въ приливѣ неистовой чувственности.

Характерная черта Парижа время директоріи — терпѣть недостатокъ въ необходимомъ и гоняться за излишествомъ. Въ театръ ходятъ, а за квартиру нечѣмъ платить. Огонь на очагахъ погасъ, но рестораны блещутъ огнями. «Иной не знаетъ, будетъ ли онъ завтра обѣдать, а сегодня тратить десять франковъ на мороженое»¹⁾. Въ городѣ движенія мало, экипажи рѣдкость; одинъ прохожій забавы ради сосчиталъ, сколько экипажей попались ему на встрѣчу по пути между Одеономъ и Лувромъ: восемь извозчичьихъ каретъ и одна собственная. Зато по улицѣ Онопэ катается и сама правитъ кокоетка («въ легкомъ фазтонѣ, изукрашенномъ живописью самого вольнаго содержанія, блистающемъ золотомъ и жемчугами въ оправѣ изъ драгоценныхъ металловъ»²⁾). Для катанья въ Тиволи, Италіи, въ Булонскомъ лѣсу у *элегантовъ* или *дульциней* имѣются *boghei, wiskey*, фазтоны. Мода требуетъ для каждой изъ этихъ прогулокъ особаго экипажа особой отдѣлки и цвѣта, такъ что измѣнчивый составъ катающихся каждый день кажется новымъ³⁾. Въ городѣ, мѣстами заваленномъ щебнемъ и загрязненномъ нечистотами, словно расположилась на развалинахъ постоянная ярмарка со всевозможными зрѣлищами, балаганами, оглушительной музыкой, выставками и шарлатанскими афишами. Въ лѣтніе вечера отъ Итальянскаго бульвара и до Елисейскихъ полей тянется аллея наслажденій: боскеты, иллюминированные разноцвѣтными стаканчиками, роскошные кафе, террасы съ толпой гуляющихъ, которые присаживаются къ столикамъ освѣжиться прохладительными напит-

¹⁾ *Mallet du Pau*, „La Révolution française vue de l'étranger“, 434.

²⁾ *Répertoire anecdotique*, 1797.

³⁾ „Свѣтъ наизнанку“ или „Все идетъ вкривъ и вкось“, современный памфлетъ.

ками, народные балы, фееріи подь открытымъ небомъ, картонные алоесозы, а вдали залитые огнями парки Марбѣфа и Елисейскихъ полей. По всему городу гремятъ оркестры; разноцвѣтныя ракеты взвиваются къ небу, разсыпая букеты алмазовъ, рубиновъ и изумрудовъ ¹⁾.

Въ этой фантастической обстановкѣ мечется толпа въ какомъ-то радостномъ неистовствѣ, не помышляя о завтрашнемъ днѣ, не предполагая, чтобъ это завтра могло наступить. Не надо, конечно, слишкомъ обобщать и судить о Парижѣ въ цѣломъ по тому, что выдѣляется и бьетъ въ глаза съ перваго взгляда. Какъ и всегда, парижане группировались въ различныя общества, въ кружки, разнившіеся между собою и по внѣшности, и по манерѣ держать себя, но самыя блестящія и шумныя, ослѣплявшія и увлекавшія за собой толпу своимъ примѣромъ толкали её къ лихорадочному наслажденію даннымъ моментомъ.

Этотъ переливающийся всѣми цвѣтами радуги потокъ, берущій свое начало въ революціи, уноситъ и обломки стараго режима. Въ общемъ паденіи сословныхъ перегородокъ никто уже не знаетъ, кто онъ таковъ и куда идетъ. Сыновья знатныхъ семействъ, не видя передъ собой никакого будущаго, чужіе въ родной странѣ, тоже приняли участіе въ общемъ революціонномъ разгулѣ; они живутъ въ Парижѣ, какъ въ кабакѣ, или еще худшемъ притонѣ. Все, что они успѣли спасти отъ кораблекрушенія, уходитъ на мелкіе расходы. То же самое и со многими возвратившимися эмигрантами, живущими день за день подь чужимъ именемъ, каждый вечеръ спрашивая себя, не разстрѣляютъ ли ихъ завтра на Гренелльской площади. Новое общество, съ своей стороны, отрекаясь отъ своего происхожденія, забавляется контръ-революціонной болтовней, обезьянничаетъ, копируя тонъ, манеры, смѣшныя стороны и развратъ бывшихъ вельможъ, что не мѣшаетъ ему сохранять всѣ уличныя замашки, оно соединяетъ въ себѣ «пороки двора и придворной челяди—чудовищное смѣшеніе» ²⁾.

¹⁾ Эдмондъ и Жюль де Гонкуръ, *La société française sous le Directoire*, 31.

²⁾ *Lettres de Charles de Constant*, 31.

Все въ этомъ обществѣ поддѣльно, все отдаетъ контрабандой. Въ довершеніе лживости этой эпохи, когда столько людей говорятъ, мыслятъ и живутъ подложно, установившіяся моды придаютъ толпѣ совершенно маскарадный видъ. Молодежь (*les jeunes gens*) ходитъ въ цвѣтныхъ фракахъ, квадратныхъ, умышенно плохо скроенныхъ и лѣзущихъ вверху на спинѣ, съ слишкомъ короткимъ жилетомъ шалью зеленого цвѣта, и высокихъ штанахъ; лицо зажато между шляпой съ опущенными книзу углами и необычайно пышнымъ галстухомъ; плечи стянуты, бюстъ укороченъ; поглядѣтъ на эти шутовскія фигуры на тощихъ ножкахъ—сущіе полишинели, изломавшіеся на подмосткахъ. Женщины, подъ предлогомъ перехода къ греческому костюму, показываются раздѣтыми и становятся общественнымъ достояніемъ.

Престарѣлый *ci-devant* ¹⁾, прибывшій въ Парижъ изъ провинціи, дивится этой метаморфозѣ и, повидимому, не доволенъ ею.— Юньскій вечеръ; всѣ женщины въ бѣломъ, одѣтыя такъ легко, что кажутся совсѣмъ раздѣтыми. «Шель дождь, и онѣ одной рукой подбирали свои платья, такъ натягивая ихъ, что легко было рассмотреть всѣ ихъ формы. Современная грація и мода не позволяютъ имѣть въ карманѣ ничего, кромѣ тоненькаго платочка; такимъ образомъ ничто не скрывало пріятныхъ очертаній» ²⁾. На женщинахъ, о которыхъ всѣ говорятъ и восхищаются ими, можно прослѣдить всѣ превращенія и крайности пластической моды ³⁾: талія подъ грудью, платье, превращенное въ воздушный фуляръ изъ газа или крепа, безъ рукавовъ, спадающее съ плечъ, раскрывающееся сбоку на трико тѣлеснаго цвѣта; подъ нимъ сорочка, легкая, какъ паръ, а то и вовсе никакой; на ногахъ котурны съ алыми шнурками, на большомъ пальцѣ золотой обручъ.

У этихъ женщинъ временъ директоріи, вышедшихъ изъ различныхъ сословій, во всемъ противорѣчія: въ одеждѣ и позахъ аффектированное пристрастіе къ античнымъ линіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ чисто парижскому безпкойному щегольству; цвѣтущее плебейское здоровье, аппе-

¹⁾ Урожденный, бывшій аристократъ.

²⁾ *Dupont de Cheverny*, II, 340.

³⁾ *Lettres de Charles de Constant*, 34.

титъ маркизантки, любовь къ утомительнымъ физическимъ упражненіямъ, страсть, катаясь, непремѣнно править самой, мальчишескія хватки; и наряду съ этимъ жеманство, пересаливанье въ подражаніи тону стараго режима. Говорятъ пришептывая какимъ-то разслабленнымъ языкомъ, точно не имѣя силы расчленять слова, и вдругъ среди этого воркованья прорвется какой-нибудь тривіальный и вульгарнѣйшій оборотъ, акцентъ предмѣстья, крѣпкое слово ¹⁾. Тѣмъ не менѣе обязательно въ свои пріемные часы напускать на себя сантиментальный, томный, меланхолическій видъ, и женщины млѣютъ, когда Эллевиу воркуетъ ариетту подъ аккомпаниментъ нѣжныхъ надтреснутыхъ звуковъ клавесина. Наравнѣ съ гривуазными куплетами и грубыми двусмысленностями въ большой модѣ романсы и пасторали,—нелѣпные цвѣты, выросшіе на почвѣ, отъ которой еще идетъ кровавый паръ. Обожаютъ поля, зелень, лѣсную прохладу, журчанье ручья; любовь къ природѣ доходитъ до возвращенія къ первобытной животности, подъ покровомъ жеманства, и все это блестящее общество недалеко отъ позолоченнаго варварства.

Распушенность нравовъ дошла до крайнихъ предѣловъ; все дозволено. Законы и обстоятельства соединились для того, чтобъ упразднить нравы. Несчастье разрознило семьи, бросило въ одну сторону мужа, въ другую жену, въ третью дѣтей. Революціонное законодательство ослабило отцовскій авторитетъ, и семья также стала республикой. Правда, въ собраніяхъ какъ бы намѣчается поворотъ назадъ, но они не смѣютъ высказаться открыто ²⁾. Нововведеніе — разводъ по причинѣ простаго несходства характеровъ—дѣлаетъ семейный очагъ непрочнымъ и превращаетъ семью въ какое-то перекати-поле. Бракъ — договоръ, который всегда можетъ быть расторгнутъ по желанію одной изъ сторонъ, договоръ на срокъ. Женятся на годъ, на мѣсяць; женятся ради удовлетворенія прихоти, разводятся и снова сходятся изъ дѣловыхъ соображеній. Нѣкто женился сначала на племянницѣ теткы съ большими капиталами, затѣмъ развелся и женился

¹⁾ *Lettres de Charles de Constant*, 34.

²⁾ См. *Signat*, „la Législation civile de la Révolution Française“, 289—290.

на теткѣ, восьмидесятидвухлѣтней старухѣ, а послѣ смерти второй жены, отказавшей ему по дарственной записи свое состояніе, снова беретъ первую, молодую¹⁾. Другой, женатый подрядъ на двухъ сестрахъ и схоронившій обѣихъ, просить разрѣшенія вступить въ бракъ съ ихъ мамашей.

На ряду съ законнымъ сожителемъ и гласными связями процвѣтаетъ случайная любовь. Сословныя перегородки и приличія упразднены; оба пола пользуются полной свободой сближенія. Но эти порывы веселья, страсти или безумія лишь на время заглушаютъ растущую скуку и общую тошноту. «Можно сумасбродствовать, не веселясь», говоритъ одинъ изъ тогдашнихъ авторовъ, и Парижъ боленъ *сплиномъ*²⁾. Когда все извѣдано, и переутомленные чувства отказываются давать ощущенія, впадаютъ въ постыдное распутство.—«Испорченность нравовъ дошла до предѣла,—пишетъ парижская полиція,—и беспорядочная жизнь новаго поколѣнія грозитъ неисчислимыми гибельными послѣдствіями будущему поколѣнію. Содомскій грѣхъ и сафическая любовь стали такъ же наглы, какъ и проституція, и дѣлають прискорбные успѣхи»³⁾.

Во всѣ ли классы населенія проникла эта зараза, отравила ли она народную душу? Подъ вліяніемъ общества, придавшаго эпохѣ ея внѣшній видъ и создавшаго ея репутацію, дѣйствительно ли замѣтно понизился общій уровень нравственности?—Въ деревняхъ упраздненіе религіозной узды причинило немало зла. Другъ конституціи, епископъ Ле-Козъ, христіанинъ и вмѣстѣ убѣжденный революціонеръ, пишетъ изъ Ренна: «Увы! какъ развратилось наше общество! Блудъ, прелюбодѣяніе, кровосмѣсительство, ядъ, убійство,—вотъ ужасные плоды философскихъ ученій, даже въ нашихъ селеніяхъ. Мировые судьи увѣряють, что если не положить

¹⁾ *Sciout*, II, 252. Въ книгѣ графа Флери, „Знатныя дамы въ эпоху революціи и во времена Имперіи, глава, озаглавленная: „Послѣдствія развода въ эпоху директоріи“, *Comte Fleury*, „Les Grandes Dames pendant la Révolution et sous l'Empire“, 180—195.

²⁾ *Gallais* употребляетъ именно это выраженіе, spleen, въ своей книгѣ о „Le dix-huit Fructidor“, II, 142, ѣдкой сатирѣ, которая, разумѣется, могла быть напечатана только тайно.

³⁾ Полицейскія донесенія, изданныя *Schmidt*омъ, III, 389.

преграды этому потоку безнравственности, во многих коммунах скоро нельзя будет жить»¹⁾.

Не видно, однакожь, чтобы принципы и факты, дѣйствовавшіе растлѣвающимъ образомъ, вездѣ оказали свое вліяніе; къ тому же воздѣйствіе ихъ было слишкомъ грубо для того, чтобы противъ него не возмутилось народное сознание, воспитанное въ извѣстныхъ традиціяхъ. Была внезапная ампутація всякаго нравственнаго чувства у великаго множества лицъ, не было медленнаго и постепеннаго отравленія массъ. Мы уже видѣли, что миллионы поселянъ и горожанъ сами желали возвращенія дисциплины, налагаемой католицизмомъ. Во всѣхъ классахъ населенія есть еще семьи, которыя живутъ по хорошему, оставаясь вѣрными старинному семейному началу, храня залогъ прирожденной чести расы. Одинъ швейцарецъ, посѣтившій Парижъ, нашелъ парижскихъ буржуа мало развитыми, но «добрыми сочувствующими, услужливыми»²⁾, они кажутся только менѣе сообщительными, болѣе сдержанными, чѣмъ прежде, какъ оно и естественно послѣ сильныхъ потрясеній и страховъ. Иностранный дипломатъ пишетъ: «Мы были бы несправедливы къ французской націи, еслибы сочли ее безнадежно развращенной революціей. То лишь подонки народа, подброшенные кверху сильнымъ броженіемъ и всплывающіе повсюду накипью безнравственности, вводятъ въ обманъ неопытный взоръ. Я отнюдь не думаю, чтобы различные классы населенія были болѣе развращены во Франціи, чѣмъ въ другихъ странахъ, но смѣю надѣяться, что никогда ни одинъ народъ не будетъ управляемъ волею болѣе глупыхъ и жестокихъ злодѣевъ, чѣмъ тѣ, которые правятъ Франціей съ самаго начала ея новообрѣтенной свободы»³⁾.

Этотъ убійственный приговоръ правящему классу, очевидно, нуждается въ оговоркахъ и ужъ, конечно, не можетъ быть распространенъ на всѣхъ участниковъ революціи. И у нихъ, какъ у тѣхъ, кто борется противъ движенія, изступленіе кризиса все довело до крайности: слабыхъ развратило,

¹⁾ *Roussel*, „Un Evêque assermenté“, 298.

²⁾ *Lettres de Constant* 5.

³⁾ *Correspondance diplomatique du baron de Staël-Holstein et du baron Brinkman*, Brinkman à Sparre, 11 juillet 1799, 297—298.

дурныхъ людей сдѣлало преступниками, хорошихъ подняло до подвиговъ; если революція разверзла бездны безнравственности, зато она открыла и высокія вершины добродѣтели и безкорыстія. И въ эпоху директоріи, когда число искреннихъ республиканцевъ сильно сократилось, революція сохраняетъ вѣрующихъ и благоговѣнно преданныхъ ей приверженцевъ; администраторы одного округа говорятъ о ней: «наша святая Революція»¹⁾. Даже внѣ арміи, этой школы суровой и прекрасной энергіи, мы видимъ много примѣровъ гражданскаго героизма, принесенія себя въ жертву высшему принципу; а въ нѣкоторыхъ группахъ удивительную стойкость философскаго идеала, усиліе выработать себѣ нравственный законъ внѣ всякихъ религіозныхъ концепцій, сердца, истинно любящія добродѣтель римскаго образца, и души стойковъ.

4.

Въ этой Франціи, столь разнообразной, еще кипящей на поверхности, недвижной и приниженой въ глубинѣ, существуетъ ли какое-нибудь общее стремленіе? Есть-ли такой вопросъ, относительно котораго всѣ бы сошлись? Да, ибо среди управляемыхъ, за исключеніемъ агитаторовъ крайней лѣвой и крайней правой, всѣ желаютъ внѣшняго мира, мира вообще, прекращенія войнъ, съ 1792 года порождающихъ одна другую. Это кажется первымъ средствомъ отъ всякихъ золъ, продолжающихъ угнетать народъ. Во имя внѣшней опасности, революція потребовала и продолжаетъ требовать отъ страны неслыханныхъ жертвъ деньгами и людьми; война больше, чѣмъ все другое, сдѣлала ее свирѣпой и кровожадной; благодаря войнѣ и посредствомъ ея партіи усиливаются поддерживать волненіе внутри страны²⁾. Надѣются, что съ заключеніемъ мира все можетъ понемногу смягчиться, вновь наладиться, принять устойчивую форму. Отъ мира, впрочемъ, ждутъ и непосредственныхъ ощутитель-

1) *Военный архивъ*, общая переписка, 23 термидора VII года Кантонъ Виильфраншъ.

2) *Военный архивъ*, общая переписка, 23 термидора, года VII, округъ Виильфраншъ.

ныхъ выгодъ: съ миромъ исчезнетъ потребность въ исключительныхъ законахъ или предлогъ вводить ихъ, облегчатся общественныя повинности, тысячи рукъ снова возьмутся за плугъ, границы откроются для обмѣна товаровъ, порты будутъ свободны, промышленность вновь начнетъ работать на заграницу,—и Франція жаждетъ всѣхъ этихъ воскресеній, жалобно призываетъ ихъ. Миръ—надежда хижинъ, надежда мастерскихъ, надежда салоновъ, надежда рабочаго люда и тѣхъ, кто задыхаясь отъ усталости, все еще волнуется и мечется въ погонѣ за наслажденіемъ, надежда чувствительныхъ сердець и друзей челоѣчества, надежда благоразумныхъ политиковъ, чувствующихъ, что государственная пружина готова сломаться отъ чрезмѣрнаго напряженія. Миръ—это слово принимаетъ въ воображеніи народа необычайно широкій смыслъ, безконечно много охватывающій, и въ то же время соотвѣтствующій своему естественному значенію; для всѣхъ вообще оно означаетъ возможность жить спокойно: отдыхъ нервамъ и сонъ.

Этотъ миръ, о которомъ такъ молить страна, можетъ ли онъ быть посредственнымъ или невыгоднымъ, передъ лицомъ коалиціи враговъ, всегда побѣждаемой и, все-таки, живучей? Приметь-ли она его такимъ? Согласится-ли на миръ безъ сохраненія и обезпеченія добытаго побѣдами? Вынесетъ ли такое разочарованіе патріотизмъ, какъ понимала его революція?

Революція не создала патріотизма; она только выдѣлила его изъ монархической идеи и вмѣстѣ съ тѣмъ популяризировала, распространила въ массахъ. Болѣе общечеловѣческая, чѣмъ французская, по своему первоначальному замыслу, она очень скоро, подъ давленіемъ обстоятельствъ, перешла въ острый подъемъ національнаго чувства. Французская національность и до того существовала вѣка; въ 1789 г., въ моментъ сильнѣйшаго броженія, она почувствовала себя, сознала свою силу; смутное согласованіе отдѣльных частей смѣнилось страстной потребностью сплотиться въ одно цѣлое, федераціей воль. Въ 1792 и 1793 гг. революція отождествилась съ дѣломъ національной независимости, затѣмъ отождествилась съ вторженіемъ французовъ въ другія страны, расширеніемъ границъ, завоеваніемъ естественныхъ предѣловъ. Провозгласивъ *націю*, она своими побѣдами

сдѣлала ее *великой націей*, и Франція вначалѣ упивалась этимъ словомъ; она гордилась своими арміями и рядилась въ свои триумфы, словно хотѣла прикрыть этимъ плащомъ славы свои зіяющія раны, лохмотья и нищету.

Въ данный моментъ въ тѣхъ, кто тѣломъ и душой предался революціи, кто мнитъ руководить ею или служить ей, упорно живетъ мысль о естественномъ призваніи нашей расы къ первенству, къ наслѣдованію величія римлянъ, къ повелѣванію народами: французскій имперіализмъ, котораго императоръ является лишь высшимъ выраженіемъ. Въ остальной же націи, по мѣрѣ того, какъ гаснетъ революціонный пылъ, колеблется и патриотизмъ. Въ Парижѣ, въ театрахъ, въ кафе, на свѣтскихъ сборищахъ, на прогулкахъ, патриотизмъ уже не въ модѣ, какъ и революціонная добродѣтель: «Наши злоключенія не вызываютъ ни радости, ни тревоги; читая отчеты о нашихъ сраженіяхъ, словно читаешь исторію другого народа»¹⁾. Попробуемъ спуститься ниже и заглянуть въ самую глубь народной души; неужели отъ былого патриотическаго жара не осталось и слѣда? Внезапныя вспышки этого великаго огня покажутъ намъ, что онъ лишь притаился подъ пепломъ апатіи. Народъ смутно чувствуетъ, что Франція послѣ столькихъ мукъ и трудовъ должна выйти изъ своихъ испытаній съ честью и мощью, выйти болѣе сильной и радостной, матеріально и нравственно выросшей. Рядъ внѣшнихъ неудачъ, приблизившихъ непріятеля къ нашимъ границамъ и вновь поставившихъ все на карту, окончательно повергъ бы въ уныніе общество; чтобъ ободрить его, нужна, наоборотъ, рѣшительная побѣда, носящая въ себѣ залогъ мира и упроченія уже достигнутыхъ результатовъ; въ особенности обрадовались бы такой побѣдѣ, которая была бы ударомъ для ненавистной Англіи, ибо тогда сразу изсякъ бы самый источникъ войнъ.

То, что творится внутри страны, всѣмъ внушаетъ глубокое отвращеніе, но въ общественномъ мнѣніи все же не замѣтно движенія въ пользу иного строя. Въ своихъ неизданныхъ мемуарахъ, Камбасерэсъ говоритъ, что революція

¹⁾ *Schmidt*, III, 388. Отчетъ комиссара, прикомандированнаго исполнительной властью къ администраціи департамента.

«всѣмъ опротивѣла»¹⁾), кромѣ тѣхъ, кто ею живетъ; — сюда надо прибавить еще тѣхъ, кто живетъ для нея. Революція всѣмъ опротивѣла, а между тѣмъ, кромѣ эмигрантовъ и ихъ приверженцевъ внутри страны, никто не требуетъ полного ея упраздненія. Каждый хотѣлъ бы что-нибудь сохранить отъ нея. Почти всѣ безъ исключенія французы съ ужасомъ отнеслись бы къ восстановленію кастовыхъ привилегій, матеріальныхъ и денежныхъ, почетныхъ отличій. Франція проникнута страстью къ равенству. «Нѣтъ такого мелкаго лавочника, надъ которымъ могъ бы безнаказанно превозноситься де-Монморанси»²⁾). Въ средѣ буржуазіи Парижа и другихъ городовъ, класса, который первый поднялъ знамя революціи и теперь ненавидитъ ее въ ея результатахъ, т. е. тираніи директоріи, еще живъ духъ 1789 г., но износившійся, одряхлѣвшій, какой-то униженный либерализмъ. Идеаломъ этого класса была бы ограниченная королевская власть съ народнымъ представительствомъ, признающая права человека и до извѣстной степени гарантирующая ихъ, но онъ отлично примирился бы и съ «свободной республикой»³⁾).

Сельское населеніе реакціонно въ томъ смыслѣ, что оно желаетъ восстановленія религіи и отмѣны законовъ противъ нея; оно революціонно въ смыслѣ желанія сохранить раздѣлъ національныхъ имуществъ и освобожденіе земли. Оно реакціонно, ибо требуетъ, чтобы ему отдали назадъ его священниковъ; оно революціонно, ибо отталкиваетъ эмигрантовъ, бывшихъ владѣльцевъ земли, предъявляющихъ права на нее, виновниковъ аграрной контръ-революціи. Форма учрежденій мало его интересуется; чисто политическія распри для него не имѣютъ значенія, на выборы оно смотритъ съ великолѣпнымъ равнодушіемъ»³⁾). Нельзя сказать, чтобы оно совсѣмъ отреклось отъ республики, ибо народъ во Франціи рѣдко относится враждебно къ принципу существующей власти, но оно чувствуетъ, что республикой прескверно управляютъ. Въ совѣтѣ пятисотъ Булэй де-ла-Мёртъ благоразумно установилъ такое различіе:

¹⁾ *La Fayette*, V, 108.

²⁾ *Ibid.*, V, 107.

³⁾ *Duport de Cheverny*, II, 404.

«Контръ-революціонеры—ихъ не такъ много, какъ насъ хотятъ увѣрить; недовольныхъ дѣйствительно много, но откуда истекаетъ это недовольство? Самъ ли по себѣ республиканскій образъ правленія вызываетъ его? Нѣтъ. Значить, источникъ зла—республиканскій режимъ такой, какимъ мы его видимъ»¹⁾.

Въ итогѣ Франція, взятая въ цѣломъ, менѣе враждебна революціонному принципу, чѣмъ системѣ, менѣе враждебна формѣ правленія, чѣмъ правителямъ. Этихъ послѣднихъ она ненавидитъ и презираетъ за то, что ихъ сплошь и рядомъ ловятъ на политической недобросовѣстности, за то, что они сулили всѣмъ блаженство и ничего не дали, кромѣ всевозможныхъ напастей, за то, что многіе изъ нихъ причастны великимъ жестокостямъ, за то, что на совѣсти у большинства другихъ есть старинный грѣшокъ, какая нибудь некрасивая исторія, извѣстная, или подозрѣваемая, кровавое или грязное пятно. Ихъ ненавидятъ, но общество такъ ослабло духомъ, такъ обезкуражено рядомъ неудачъ, что не осмѣливается ничего предпринять противъ нихъ; къ тому же пришлось бы вступить въ союзъ съ воинствующими противниками правительства, провинціальными шуанами, парижскими «петиметрами» и салонными заговорщиками, а всѣ эти²⁾ бѣшеные реакціонеры, эти революціонеры наизнанку внушаютъ страхъ.

Умѣренная буржуазія, побѣжденная въ Парижѣ 13 вандемьера въ ея попыткѣ взять приступомъ конвентъ, сброшенная послѣ фрюктидора съ высоты своихъ воскреснувшихъ надеждъ, покорила участію быть ничѣмъ въ странѣ, гдѣ текстъ конституціи законнымъ образомъ предоставляетъ ей первое мѣсто. Фрондирующая и униженная, она мститъ притѣснителямъ эпиграммами, шепоткомъ повторяетъ рассказы о люксембургскихъ скандалахъ и кражахъ, пускаетъ по рукамъ оппозиціонныя игрушки и карикатуры³⁾; другого она ничего не умѣетъ; ей и въ голову не приходитъ

¹⁾ Печатный отчетъ въ *Gazette de France*, 27 преріала, года VII.

²⁾ *Brinkman*, 296.

³⁾ Такъ, напримѣръ, въ Парижѣ были тогда въ модѣ картонажи, изображающіе ланцетъ, латукъ (салатъ) и крысу (*lancette, laitue rat*). Это былъ ребусъ, который слѣдовало читать такимъ образомъ: *l'an sept les tuera* (годъ VII убьетъ ихъ). *Mémorial de Norvins*, II, 214.

сплотиться, ни одной попытки сблизиться, составить союзъ, ни тѣни предпримчивости; — себялюбивый индивидуализмъ, стремленіе жить каждому только для себя и по возможности не худо, духъ «изоляціи»¹⁾. А такъ какъ во Франціи ко всему привыкають, такъ какъ люди, стоящіе у власти, лишь на половину террористы, такъ какъ они ссылають своихъ противниковъ, но ужь больше не гильотинируютъ ихъ, такъ какъ они не позволяютъ себѣ прямого посягательства на собственность, не запрещаютъ парижанамъ наслаждаться любовью и ходить въ оперу, ихъ проклинаятъ — и терпятъ.

Отъ нихъ по возможности сторонятся, чужаются ихъ; нація живётъ своею жизнью, еще болѣе чуждая своему правительству, чѣмъ враждебная. Никто не всталъ бы на защиту этого партійнаго и беспорядочнаго режима, но какъ мало въ массѣ людей, готовыхъ возстать ради сверженія его! Какъ партія, директорія страшно непопулярна; какъ правительство, она внушаетъ почтеніе искателямъ мѣсть, трусамъ, слабымъ, тѣмъ, у кого первое правило уважать государственную власть, кто бы ни захватилъ её въ свои руки²⁾. Другіе желаютъ переменъ и въ то-же время боятся ея — такъ великъ страхъ новыхъ волненій. Чувствуется главнымъ образомъ настоятельная потребность въ отдыхѣ, въ безопасности, потребность имѣть надъ собою правительство, вмѣсто того, чтобы быть добычей враждующихъ партій, которую тянутъ въ разныя стороны. Хотѣлось бы, чтобы въ хаосѣ наконецъ разобрались, чтобы правительство выполнило свою нормальную охранительную функцію, чтобъ оно скрѣпило и упрочило, взяло бы подъ свою защиту и новые интересы, порожденные революціей, и прежнія, постоянныя нужды обывателей, которымъ она позволила уцѣлѣть. Такова была бы народная воля, или, по крайней мѣрѣ, «хотѣніе» (*velleité*)³⁾, но Франція не чувствуетъ въ себѣ силы возвести свою волю въ законъ: «Апатія умѣряетъ недовольство», пишетъ

1) *Mallet du Pan* „la Révolution française vue de l'étranger“ 529.

2) Это разграниченіе прекрасно установлено въ письмѣ князя де ля Тремойль, отъ 2 сентября 1797. *La Sicotière*, „Frotté et les insurrections normandes“, II, 346.

3) *La Fayette*, V, 134.

одинъ ярый республиканецъ, и изнеможеніе умовъ достойно общественной разрозненности.

А такъ какъ нація не можетъ безъ конца оставаться въ неорганическомъ состояніи, очевидно, Франція должна прійти или къ полному разложенію, или къ случайности, которая вызоветъ внезапную реакцію, если только сама революція не выдвинетъ власти, достаточно могущественной и просвѣщенной, чтобы заставить прошлое и настоящее заключить между собою великую и необходимую сдѣлку, построить прочный мостъ между ними и тѣмъ заложить фундаментъ общественнаго спокойствія, добиться необходимаго примиренія и въ то-же время воскресить угасшую энергію: правительства, которое снова водворило бы порядокъ и наладило жизнь.

Назрѣвшей потребности въ такомъ строѣ еще недостаточно для того, чтобы создать его, заставить его брызнуть изъ земли, какъ ключъ изъ камня. Былъ человекъ, который носилъ его въ своемъ умѣ. Уже знаменитый своими военными подвигами, онъ только что проѣхалъ всю Францію во всемъ блескѣ и шумѣ своей неожиданной славы, и вдругъ вся нація принялась твердить это имя, еще не зная навѣрное, какъ оно выговаривается,—имя славное и загадочное, имѣющее въ себѣ что-то волшебное, таинственное,—*Буонапарте*; иные говорили уже: Бонапартъ. Человекъ носившій это имя, былъ злобой дня, его страстью, любимцемъ, безуміемъ. На немъ сосредоточились «всѣ взоры, всѣ опасенія и надежды»²⁾; Иные республиканцы боялись его; другіе гордились имъ и считали его слишкомъ высокимъ, слишкомъ суровымъ, слишкомъ близкимъ къ типу героевъ античнаго міра, чтобы унизиться до честолюбивыхъ узурпаторскихъ вождельній; и эти республиканцы, мнившіе пройти въ восемь лѣтъ весь циклъ римскихъ завоеваній, не замѣчали, что Цезарь приближался, предшествуемый своими легіонами и орлами. *Буонапарте*—звукъ этого имени былъ ненавистенъ слуху многихъ роялистовъ, ибо онъ напоминалъ о вандемьерѣ и фрюктидорѣ, и

¹⁾ *Робертъ Линде (Lindet, правильнѣе Лендэ), письмо отъ 4-го мессидора года VII, помѣщенное М. Montier въ его книгѣ „Robert Lindet“, 362.*

²⁾ *Gallais, „Dix-huit Fructidor“, II, 157.*

все же каждый спрашивалъ себя, какой еще сюрпризъ готовитъ въ будущемъ этотъ невѣдомо откуда взявшійся герой, что такое представляетъ собой этотъ «необъяснимый феноменъ», этотъ человѣкъ, «дивящій своими дѣлами и непроницаемый въ своихъ замыслахъ» ¹⁾.

Все были увѣрены, что онъ что-нибудь предприметъ и приберетъ къ рукамъ правительство, но, не найдя себѣ подходящей добычи, онъ скрылся, и черезъ шесть мѣсяцевъ для легкомысленнаго парижскаго свѣта и политическихъ спекуляторовъ ужъ вышелъ изъ моды. Этотъ свѣтъ сердился на него за то, что онъ обманулъ общія ожиданія и любопытство. Послѣ столькихъ побѣдъ по ту сторону горъ, послѣ того, какъ онъ былъ почти королемъ въ Италіи, дивились, «находя его застѣнчивымъ, недѣятельнымъ, нелюдимымъ, каждый день посѣщавшимъ институтъ и занятымъ, повидимому, единственно своей женой, географическими картами и поэмами Оссіана» ²⁾. Теперь, когда онъ возвратился изъ дальнихъ странствій, парижскіе кружки, въ былое время державшіе пари относительно его будущей карьеры, отзывались о немъ «легко» ³⁾, какъ они говорили обо всемъ. Зато онъ властвовалъ надъ воображеніемъ маленькихъ людей; среди безвѣстныхъ массъ у него были горячіе поклонники; одна бѣдная женщина дала обѣтъ раздать шесть франковъ нищимъ, если онъ вернется изъ Египта ⁴⁾. Въ самыхъ глухихъ уголкахъ провинціи народъ распѣвалъ «бонапартку» (*la Bonaparte*) ⁵⁾, пѣсенку сложенную въ честь героя.

Герой,—вотъ какъ все его теперь называли; такимъ являлся онъ и народамъ,—сверхъестественнымъ и покровительствующимъ. Такимъ онъ наполовину скрылся изъ глазъ народовъ въ золотистыхъ туманахъ Востока, въ поискахъ новыхъ подвиговъ и опасностей: «слава его кумирь, а битвы для него отдыхъ» ⁶⁾.

¹⁾ *Kрикъ дѣвола*, брошюрка того времени.

²⁾ *Gallais*, „Dix-huit Fructidor“, I, 147.

³⁾ *Ibid.*, I, 199.

⁴⁾ *Journal l'Ange Gabriel*, 26 frimaire an VIII.

⁵⁾ *Bonnefoy*, Histoire de l'administration civile dans le département du Puy-de-Dôme, II, 233.

⁶⁾ *Gallais*, „Dix-huit Fructidor“ II, 150.

Завоевавъ Египетъ, Бонапартъ уже перешагнулъ его предѣлы, онъ былъ уже въ Сирии, но гибель нашей эскадры подъ Абукиромъ, лишивъ его возможности болѣе или менѣе обеспеченнаго отступленія, какъ бы еще больше отдалила и отстранила его отъ Франціи. Задумчиво вглядываясь въ необъятную даль пустыни и азіатскій миражъ, онъ искалъ своей судьбы, пока призывъ обстоятельствъ, способность мѣтко опредѣлять положеніе и почти суевѣрная вѣра въ свою звѣзду не подсказали ему смѣлаго рѣшенія — неожиданно кинуться во Францію, чтобы захватить еѣ врасплохъ и овладѣть ею. И все же, несмотря на его удачливость, на его престижъ и гений, Бонапарту, быть можетъ, не удалось бы завладѣть властью, еслибы часть правителей, сами того не зная, не сгладили ему пути, еслибы внутренній разладъ, начавшійся еще до возвращенія его изъ Египта и подтачивавшій государственную власть, не подготовилъ случайно почвы для удара и не отдалъ ему въ руки въ рѣшительный моментъ всѣхъ элементовъ успѣха. Диктатура выдающейся личности могла быть разсматриваема, какъ необходимый финалъ революціи, какой она себя выказала; и все же установленіе ея, наряду съ отдаленными и глубокими косвенными причинами, имѣло непосредственныя рѣшающія причины, дѣйствовавшія въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Возможно, что это сдѣлалось бы само собой и во всякомъ случаѣ, но не безразлично изслѣдовать, какъ оно сдѣлалось.

Глава I.

30-е преріала

Вторая коалиція.—Дефицитъ.—Гангрена распространяется.—Потокъ гнусности.—Пораженія въ Германіи и Италіи.—Финансовыя скандалы.—Начало краха фрюктидорской директоріи.—Униженіе совѣтовъ; видъ засѣданій.—Какимъ образомъ у нѣкоторыхъ умудренныхъ опытомъ революціонеровъ зародилась мысль измѣнить учрежденія и пересоздать правительство.—Обострившійся инстинктъ самосохраненія.—Первая мысль о переворотѣ съ цѣлью государственнаго переустройства.—Сійэсъ.—Его вступленіе въ директорію.—Въ немъ видятъ спасителя.—Якобинскіе выборы VII года.—Война противъ воровъ становится войной противъ всѣхъ разбогатѣвшихъ людей и владѣльцевъ крупныхъ движимыхъ имуществъ.—Якобинцы и умѣренные новаго типа объединяются въ совѣтахъ противъ фрюктидорской директоріи.—Парламентскій бунтъ.—Роль Сійэса.—Измѣна Барраса.—Преріальскіе дни.—Избраніе Треильяра кассировано.—Сопротивленіе Ларевельера-Лепо и Мерлэна.—Необходимость вмѣшательства войскъ; Жуберъ и Бернадотъ.—Ларевельеръ и Мерлэнъ сходятъ со сцены.—Замѣна вышедшихъ директоровъ; позорный выборъ.—Парижъ перестаетъ интересоваться кризисомъ.—Садъ Тиволи вечеромъ 30-го преріала.—Карикатуры, игра словъ.—Равнодушіе и бездѣйствіе населенія.

1.

Директорія, побѣдившая въ фрюктидорѣ, держалась войной и побѣдами; она должна была пасть съ наступленіемъ кризиса—ряда пораженій, осложненныхъ рядомъ скандаловъ внутри страны. Послѣ смерти Гоша и отъѣзда Бонапарта въ Египетъ, директорія продолжала держаться политики завоеваній или, вѣрнѣе, захватовъ, занимая чужія владѣнія ради денежныхъ выгодъ, взимая выкупъ съ правительствъ, грабя населеніе, дѣлая Францію предметомъ

общаго отвращенія. Такъ былъ захваченъ Римъ и буквально ограблена Швейцарія. Послѣ завоеванія Неаполя Шампюне, Австрія, смотрѣвшая на миръ лишь какъ на передышку, возобновила враждебныя дѣйствія; раштадтскій конгрессъ завершился кровавымъ эпилогомъ; вся Германія, за исключеніемъ Пруссіи, повидимому, готова была снова взяться за оружіе; Англія давала корабли и помогала деньгами; наконецъ, съ сѣвера пришла русская армія. Образовалась вторая коалиція, угрожавшая завоеваннымъ нами странамъ и вскорѣ нашимъ границамъ, при помощи повсюду вспыхивающихъ мятежей; то была вторая война противъ насъ государей и первая — народовъ.

Директорія страшно нуждалась въ деньгахъ. То было слѣдствіе безпримѣрнаго монетнаго кризиса и полного финансоваго банкротства, и она не умѣла помочь горю. Наличности дефицита никто не отрицалъ, спорили только о цифрѣ; правительство опредѣляло её въ шестьдесятъ семь милліоновъ, совѣты склонны были понизить эту оцѣнку, изъ боязни, какъ бы имъ не пришлось вотировать новыхъ налоговъ¹⁾. На взглядъ министровъ и начальниковъ канцелярій, безднѣ не было дна. Перепробовали одну за другой всѣ уловки. За предѣлами страны завоеванныя земли не платили больше дани; внутри ихъ податныя сословія все еще не платили налоговъ, и правительство не въ состояніи было принудить ихъ, такъ какъ не сумѣло ввести правильной системы сборовъ. Его чѣмъ дальше, тѣмъ крѣпче захватывала въ свои лапы огромнѣйшая шайка эксплуататоровъ, которыхъ оно было не столько сообщникомъ, сколько жертвой.

Стая поставщиковъ и откупщиковъ, какъ саранча, на сѣла на республику. Призванные удовлетворять потребности различныхъ департаментовъ и въ особенности министерства, они сдѣлали это предметомъ цинической спекуляціи. Имѣя дѣло съ правительствомъ, неаккуратно производившимъ платежи, и чиновниками, которые сами норовили награть

¹⁾ По расчету *Stourm'a* въ его недавно вышедшемъ и весьма дѣльномъ трудѣ о *Финансахъ Консульства* („*Les Finances du Consulat*“ р. 270—271), дефицитъ достигалъ по меньшей мѣрѣ трехсотъ милліоновъ.

побольше, они только и заботились о томъ, чтобъ обезпечить себѣ ростовщическія гарантіи и недозволенные барыши. Они заставляли государство расплачиваться за куртажи, получаемые ихъ агентами, навязывали ему драконовскія сдѣлки, выжимали послѣдніе остатки звонкой монеты, еще уцѣлѣвшей въ сундукахъ казначейства, и поставляли никуда негодный матерьялъ¹⁾. То была эпоха колоссальнаго грабительства и гнусныхъ плутней, оптовой торговли вліаніемъ и наживы на комиссіонныхъ мелкихъ чиновниковъ; эпоха подлостей всякаго рода, послѣ кроваваго вѣка—вѣкъ грязи. Почти повсемѣстный грабежъ, проникшій во всѣ отрасли государственной дѣятельности затопилъ ихъ грязной волной; и когда понадобилось наирячъ всѣ усилія противъ иноземца, все оказалось подгнившимъ, разлагающимся.

Нашимъ солдатамъ, безъ провіанта, безъ сапогъ, безъ котловъ, манерокъ и баковъ, безъ бѣлья для раненыхъ, безъ лекарствъ²⁾ для больныхъ, приходилось сражаться съ противниками много опаснѣе тѣхъ, кого они били въ 92 и 93

¹⁾ Мемуаръ, составленный послѣ брюмера генераломъ Бёрнвиллемъ, бывшимъ министромъ, даетъ ясное понятіе о томъ, какъ дѣлались дѣла въ военномъ министерствѣ. „Я думаю, можно математически доказать, что правительство на всѣхъ своихъ поставкахъ переплачиваетъ около 50% на 100 . . . Стоитъ только представить себѣ, черезъ сколько рукъ проходить поставщикъ. Министръ и не вѣдаетъ, какимъ огромнымъ куртажемъ оплачивается его подпись на контрактъ. Нерѣдко посредники выговариваютъ себѣ, кромѣ магарыча, еще 5—10% съ чистой прибыли. Выполненіе полученнаго заказа поставщикъ поручаетъ своимъ людямъ, которые, согнавъ прежнихъ приставовъ, садятся на ихъ мѣста и, понимая непрочность своего положенія, только и думаютъ о томъ, какъ бы набить себѣ карманы. Чиновники, приставленные надзирать за ними, становятся ихъ соучастниками, получая за это свою долю изъ награбленнаго. Всѣ эти аппетиты копошатся около поставки, увеличивая счетъ фиктивными расходами, пока цифра стоимости затраченнаго труда и матерьяловъ не окажется вдвое и втрое больше дѣйствительной. Такимъ образомъ государство остается въ долгу за то, чего оно не получало, и только такимъ путемъ подрядчикъ можетъ возмѣстить и свои расходы по заключенію контракта, и свои потери на проволочкахъ и неаккуратности платежей, и, наконецъ, недохватки по прежнимъ счетамъ.“ Архивъ военнаго министерства, общая переписка, 1799.

²⁾ „Le Publiciste“, 6 thermidor an. VIII.

годахъ: въ Германіи съ эрцгерцогомъ Карломъ, въ Италиі, — съ чудакомъ Суворовымъ, соединявшимъ въ себѣ странности маніака съ талантами великаго полководца и душой крестоносца. У насъ выборъ генераловъ нерѣдко подсказывали политическія соображенія. Кромѣ того наша операціонная линія, тянущаяся отъ Текселя¹⁾ до Неаполя, уже своей непомѣрной растянутостью представляла большія удобства для нападенія. Всѣ эти вмѣстѣ взятые причины вызвали въ жерминалѣ, преріалѣ и флореалѣ VII года (мартъ, апрѣль, май 1799) рядъ пораженій: Журданъ разбитъ въ Стокачѣ и отброшенъ на Рейнъ, Шереръ и Моро разбиты въ Италиі. Ломбардія потеряна, Цизальпинская республика очищена отъ французовъ, въ Пьемонтѣ вторгся Суворовъ, Неаполь эвакуированъ; всѣ правительства, поставленныя Франціей въ Италиі, бѣгутъ въ смятеніи. Внутри страны, волненія на западѣ приняли болѣе серьезный характеръ, на югѣ продолжалась кампанія разбоя и убійствъ. При свѣтѣ всѣхъ этихъ невзгодъ вполне обнаружилась непригодность директоріи къ управленію страной, выступили рельефно и отчетливо постыдные промахи и ошибки этой диктатуры неправоиспособности. Въ арміяхъ уже подымался ропотъ негодованія. Въ Парижѣ печать, на которую надѣли намордникъ, поневолѣ молчала, и агитація партій по прежнему всюду наталкивалась на равнодушіе общества. Директорія не видѣла передъ собой явной, организованной оппозиціи, но она уже готова была рухнуть сама собой, подъ тяжестью своихъ злодѣяній.

Она чувствовала себя при послѣднемъ издыханіи. Мерленъ писалъ: «Все понемножку распадается, все разлагается», и не видѣлъ иного спасенія, кромѣ какъ въ пародированіи пріемовъ конвента²⁾. Вокругъ Барраса кишѣли слѣпя интриги. Вожди эмигрантовъ не разъ считали его уже своимъ, полагая, что они ведутъ переговоры съ его секретаремъ Ботто черезъ посредство ловкаго авантюриста, практиковавшаго весьма распространенный тогда видъ мошенничества—*à la Restauration*. Зналъ ли Баррасъ объ этой интригѣ, видѣлъ-ли онъ въ ней средство прибѣречь себѣ

1) Островъ, лежащій къ сѣверу отъ Зюдерзее.

2) *Schmidt*, „Tableaux de la Révolution“, III, 386.

на всякій случай послѣдній ресурсъ? ¹⁾ Вѣрнѣе, что онъ задумалъ устроить себѣ нѣчто въ родѣ диктатуры подѣ видомъ президентства ²⁾; онъ жалѣлъ, что у него подѣ рукой нѣтъ Бонапарта, и написалъ ему. Его угодники разжигали въ немъ эту честолюбую мечту; будь ихъ воля, великое движеніе 1789 года завершилось бы вѣнцомъ всѣхъ униженій, диктатурой Барраса. Парижскіе же роялисты, аристократы и *порядочные люди* (*honnêtes gens*), въ простотѣ души считавшіе себя очень сильными, также возлагали на него нѣкоторыя надежды, зная, что онъ человѣкъ безъ всякихъ убѣжденій, въ то-же время остающійся человѣкомъ ихъ круга ³⁾.

Совѣты были не въ состояніи помочь горю. Общество видѣло въ нихъ лишь эксплуататоровъ, стойвшихъ ему тридцать шесть тысячъ франковъ въ годъ съ души. А между тѣмъ они засѣдали круглый годъ безъ перерывовъ и вакацій; то была машина для декретовъ, останавливавшаяся только въ десятыя дни. Съ тѣхъ поръ какъ вошла въ силу послѣдняя конституція, они вотировали три тысячи четырехста законовъ ⁴⁾, и слишкомъ часто это были исключительныя и временныя мѣры; законодательство объ эмигрантахъ и священникахъ они превратили въ невообразимый хаосъ, въ путаницѣ котораго никто не могъ разобратъся, въ какой то лѣсъ, полный засады, и не сумѣли даже набросать проекта гражданскаго уложенія. Большинство все еще повиновалось указаніямъ директоровъ и съ низкой напыщенностью утверждало ихъ постановленія.

Старѣйшины еще сохраняли нѣкоторый престижъ, благодаря торжественности, которой они обставляли свои совѣщанія. Совѣтъ пятисотъ не отличался выдержкой, и эта часть была поставлена скверно, хотя, пожалуй, и не

¹⁾ Эрнестъ Додэ, специально изслѣдовавшій эту интригу, склоняется въ пользу обратнаго предположенія. „*Les Emigrés et la seconde coalition*“, гл. I, III, VII, VIII, IX, XIV.

²⁾ Въ своихъ „*Eclaircissements inédits*“ Камбасересъ, подтверждая свидѣтельства другихъ лицъ, говоритъ, что въ то время Баррасъ „хотѣлъ захватить власть въ свои руки.“

³⁾ Рукописныя замѣтки *Grouvelle*, хранящіяся въ музеѣ Карнавалэ.

⁴⁾ „*Journal des hommes libres*“, отъ 17 брюмера года VIII.

хуже, чѣмъ въ англійской палатѣ общинъ, съ добавкой чего-то театральнаго ¹⁾. У каждаго собранія былъ свой оркестръ музыкантовъ, въ торжественныхъ случаяхъ аккомпанировавшій рѣчамъ, чествованіямъ и пр. патетическимъ *трелоло*. Залы засѣданій были красивы, хорошо обставлены, изукрашены аллегорическими эмблемами, статуями, бронзой и поддѣльнымъ мраморомъ. Въ залѣ старѣйшинъ рѣшено было воздвигнуть постоянный алтарь античной формы и держать на немъ книгу конституціи; что это — алтарь, или позорный столбъ? Представители вели пренія въ античныхъ костюмахъ, прикрывая красной тогою «свои толстые кожаные плащи и прирожденную грязь» ²⁾; костюмъ довершали алый токъ и пестрый поясъ. Вырядившись по античному, они считали долгомъ и въ рѣчахъ держаться римскихъ образцовъ; классическія воспоминанія, риторическія фигуры, заимствованныя изъ греческаго и латинскаго краснорѣчія, громкіе напыщенные періоды, прозопопеи имѣли даръ всегда возбуждать и волновать умы, вызывая искренній или инстинктивный подъемъ настроенія. Но мигъ спустя совѣтъ, пятисотъ вновь спускался до взаимнаго ненавистничества, гнусныхъ пререканій, площадной брани, ибо революція отличалась въ равной степени и страстью къ амфазѣ, и страстью къ ругани.

Случалось, кто нибудь изъ членовъ посмѣлѣе протестовалъ противъ жестокостей и произвола, увѣщевая революцію вернуться къ своимъ основнымъ принципамъ; его прерывали неистовымъ шумомъ. — «Опять этотъ олухъ Рушонъ заговорилъ!» — такъ выражались наиболѣе умѣренные изъ его коллегъ ³⁾. Многіе изъ нихъ были люди съ завѣдомо подмоченной репутаціей, скомпрометированные въ грязныхъ денежныхъ сдѣлкахъ, въ поставкахъ провіанта, пайщики разныхъ акціонерныхъ обществъ и т. под. Были и такіе, которые прямо находились на жалованьи у директоріи, съ обязательствомъ восхвалять её, ораторствовать и вотировать за нее. Въ общемъ, въ совѣтѣ пятисотъ ощу-

1) *Lettres de Constant* 61—62.

2) Газета „*Le Propagateur*“, 15 нивоза года VII.

3) *Note de Fabre de l'Aude*, publiée dans les „*Mémoires de Barras*“, III, 285.

щался недостатокъ не столько въ талантахъ, сколько въ характерахъ; были люди неглупые, но мало полезныхъ людей, способности, нашедшія себѣ плохое примѣненіе; въ цѣломъ получался міръ постоянныхъ интригъ, истощающій свои силы въ безплодномъ соперничествѣ, признающій, что все идетъ скверно, но не старающійся ничего исправить; міръ звонкихъ фразъ и пустоты, красивыхъ жестовъ и грубости, лишенный даже той внѣшней благопристойности, которая во времена монархіи прикрывала собой уродства политической жизни.

Въ кругу правительства и законодателей были, однакожь, люди болѣе положительные и осторожные, которымъ надоѣло жить такимъ образомъ изо дня въ день, не зная, что будетъ завтра. Имъ больно было видѣть, что революція пошла дурной дорогой и упала такъ низко; это тѣмъ болѣе огорчало ихъ, что съ ней связаны были ихъ личное благо и карьера. Изъ партіи термидорцевъ и фрюктидорцевъ выдѣлилась группа политиковъ, мечтавшихъ замѣнить трусливую тиранію директоріи властью, также строго революціонной, но болѣе устойчивой, болѣе прочной, болѣе концентрированной, способной водворить наконецъ порядокъ въ странѣ, поправить финансы, заключить миръ,—словомъ, заставить большинство французовъ признать себя сноснымъ правительствомъ. Главными представителями этой группы были въ совѣтахъ и въ институтѣ Булэй де-ла-Мертъ, Шазаль, Лемерсье, Корнэ, Корюдэ, Ренье, Фаргъ, Фрежевилль, Вильстаръ, Бодэнъ Арденнскій; въ министерствѣ—Талейранъ, своимъ острымъ умомъ прозрѣвавшій будущее, въ печати—Редереръ, служившій имъ своимъ перомъ. Большинство изъ нихъ въ фрюктидорѣ принимали участіе въ составленіи или ратификаціи указа объ изгнаніи ихъ коллегъ, обвиняемыхъ въ роялизмѣ, или излишней умѣренности (модерантизмѣ). Теперь среди вчерашнихъ гонителей, наученныхъ опытомъ и опасностью, возникла новая и довольно сильная группа умѣренныхъ. Эти «нео-модеранты» чувствовали главнымъ образомъ необходимость наладить государственный строй, дать ему устойчивое, прочное основаніе. Многіе изъ нихъ, зная себѣ цѣну, понимали, что при правильно поставленной формѣ правленія, они могли бы лучше показать себя и развить свои способности съ большей пользой для общества

Проницательности у всѣхъ было достаточно для того, чтобы замѣтить, что зданіе, гдѣ они пріютились, трещить по всѣмъ швамъ и грозитъ раздавить ихъ въ своемъ паденіи; а потому они задумали перестроить его тутъ же на мѣстѣ, начиная съ фундамента, и замѣнить его зданіемъ болѣе прочнымъ и лучше огражденнымъ.

Еще смутный и неоформленный, планъ ихъ включалъ и пересмотръ конституціи. Въ этомъ отношеніи задача ихъ упрощалась тѣмъ, что идея пересмотра носилась въ воздухѣ. Отъ недостатковъ конституціи страдали всѣ, и многіе неглупые люди воображали, что измѣненіемъ нѣсколькихъ статей конституціи они могутъ испѣлить Францію. Писатели и мыслители наперерывъ спѣшили формулировать свои планы, предлагали свои рецепты: президентство на американскій манеръ, требованія гарантій способности быть законодателемъ, учрежденіе особаго корпуса специально для того, чтобы сдерживать другіе, — всѣ эти идеи смутно роились въ умахъ.

Правда, легальнымъ путемъ произвести такую операцію было невозможно, ибо всякое требованіе пересмотра было обставлено, по смыслу самой конституціи, процедурой способной привести къ цѣли не раньше, какъ черезъ девять лѣтъ. Но это мало смущало нарождающуюся новую партію, ибо обращеніе къ помощи насилія было общепринятымъ въ политическихъ нравахъ эпохи. Нужно было только выискать случай, придумать наилучшій способъ дѣйствій, а главное имѣть подъ рукой выдающагося генерала, который бы предоставилъ свою шпагу въ распоряженіе той группы правителей, которая должна была возстать противъ другой.

Въ этомъ-то состояніи умовъ и зародилась первая мысль о брюмерскомъ переворотѣ; возвращеніе Бонапарта только помогло его осуществить и измѣнило его результаты. Гражданскими руководителями этого переворота управляло то же чувство, какъ и участниками 18-го фрюктидора и 22 флореаля, — обостренный инстинктъ самосохраненія. Разница между этимъ и другими насильственными переворотами была та, что тамъ люди все могли выиграть, а терять имъ было нечего; здѣсь же, наоборотъ, устроители страшно боялись все потерять. Къ этому руководящему мотиву у нѣкоторыхъ присоединялось искреннее желаніе оздоровить,

возродить республику, открыть ей, наконецъ, путь къ нормальному существованію; они хотѣли установить настоящій конституціонный режимъ вмѣсто упраздненнаго на практикѣ фрюктидоромъ и флореалемъ, и послѣднимъ беззаконіемъ упредить владычество законовъ.

Эта партія избрала своимъ вождемъ, или, вѣрнѣе, оракуломъ, революціонера чистой воды, но не военнаго—аббата Сійэса. Въ самомъ началѣ революціи Сійэсъ игралъ видную роль; въ грозную эпоху террора, вѣроотступникъ и царевубійца, онъ предпочелъ ступешаться, затѣмъ появился снова, уклоняясь отъ власти и добиваясь вліянія. Говорили, что это именно онъ, не выходя изъ-за кулисъ, игралъ въ послѣдніе дни жизни конвента и 18-го фрюктидора роль тайнаго совѣтника и вдохновителя; ловко разбираясь въ скрытыхъ побужденіяхъ, управляющихъ событіями и людьми, онъ всегда умѣлъ въ нужную минуту незамѣтно нажать пружинку; въ этомъ отношеніи онъ остался священникомъ ¹⁾. Онъ никогда не компрометтировалъ себя открыто; въ эпоху, когда столько людей истощили свои силы, можно сказать сторгѣли на работѣ, онъ пользовался всѣми огромными выгодами положенія того, кто успѣлъ ждать и сберечь свою силу; все, чего онъ не сдѣлалъ, пошло на пользу его репутаціи. Ему приписывали необычайную силу ума, геній строительства. Онъ изучалъ законы, изслѣдовалъ свойства народовъ, сравнивалъ между собою правительства. Всѣ знали что запасная конституція цѣликомъ сидитъ у него въ головѣ, и она казалась тѣмъ совершеннѣе, что заглядывать въ нее дозволялось лишь изрѣдка и урывками. Загадочный, умышленно непонятный, онъ, казалось, носилъ въ себѣ великую тайну общаго спасенія. Держась въ сторонѣ, онъ укрылся въ берлинскомъ посольствѣ; ходили слухи, что тамъ онъ близко ознакомился съ европейскими дѣлами и сдружился съ высшими представителями дипломатіи;—кто сумѣлъ бы лучше его примирить революціонную Францію со старой Европой? Въ силу всѣхъ этихъ причинъ часть его

¹⁾ Одинъ иностранецъ, присутствовавшій на засѣданіи совѣта пятисотъ, попросилъ своего сосѣда показать ему Сійэса; тотъ, не видя его, отвѣтилъ: „Будь здѣсь въ залѣ портьера, я былъ бы увѣренъ, что найду Сійэса за нею“. *Lettres de Constant*, 62.]

казалось, насталь; въ законодательныхъ кругахъ замѣчалось движеніе въ его пользу.

Ежегодный выходъ одного изъ пяти членовъ директоріи и выборы новаго директора взаменъ выбывающаго происходили въ флореаль. Обыкновенно пять директоровъ бросали между собою жребій, кому уйти; но повидимому, по крайней мѣрѣ въ этотъ разъ, желаніе руководило судьбой, и директорія какимъ-то фокусомъ сумѣла избавиться отъ Рейбелля, на котораго особенно нападала¹⁾. Рейбелль самъ усталъ бороться со своею непопулярностью, и весьма возможно, что онъ добровольно пошелъ на эту комедію; но, уходя, онъ—характерная черта взяточника—съ согласія своихъ коллегъ, заставилъ выдать себѣ сто тысячъ франковъ²⁾ Жертвуя этимъ человѣкомъ, не внушавшимъ уваженія, но энергичнымъ, директорія думала спасти себя, а вышло наоборотъ. Она надѣялась дать въ преемники Рейбеллю безцвѣтнаго подставнаго актера, но совѣтъ пятисотъ выставилъ кандидатуру Сійэса, и 27 флореаля (16 мая) послѣдній былъ избранъ совѣтомъ старѣйшинъ. Этому избранію способствовалъ Талейранъ своей агитаціей въ кулуарахъ³⁾. Чѣмъ ближе приглядываться къ изнанкѣ этой эпопеи, тѣмъ болѣе значительной представляется роль Талейрана.

Сійэсъ во всякую эпоху привлекалъ бы вниманіе, отталкивая симпатіи. Съ нѣмымъ лицомъ, холодный въ обхожденіи, съ медлительной вялой походкой, съ какой-то неопредѣленной осанкой⁴⁾, съ неустановившимися, словно колеблющимися линіями тѣла, весь онъ производилъ впечатлѣніе чего-то сомнительнаго, ненадежнаго. Напротивъ, рѣчь его была рѣзка и внушительна, ибо онъ отличался рѣдкимъ умѣньемъ формулировать мысль. По тону и манерѣ держать себя онъ былъ много выше своихъ коллегъ-революціонеровъ, обладалъ остроуміемъ, и очень тонкимъ, но проявлялось оно лишь изрѣдка, вспышками. Вещь серьезная для человѣка, который мечталъ руководить себѣ подобными, — онъ былъ совершенно лишенъ добродушія. Сторонясь отъ общества,

1) См. *Brinkman*, 283—84.

2) Это подтверждаетъ и *Larévellière, Mémoires*, II, 434.

3) Рукописныя замѣтки *Grouvelle*.

4) *Mémoires de Talleyrand*, I, 512.

нѣ любилъ проводить время въ кругу немногихъ посвященныхъ, или старухъ, которыя благоговѣнно курили ему сигарамъ; имъ разрѣшалось наслаждаться его интересной есѣдой, и въ этомъ кругу онѣ не всегда запрещалъ себѣ быть любезнымъ, но снисходилъ до этого крайне рѣдко. Сакъ только разговоръ переходилъ на его философскія, или конституціонныя теоріи, тонъ его становился догматическимъ, авторитетнымъ; онѣ утверждалъ, не удостоивая обуждать; постоянно крича о своей непогрѣшимости, онѣ мало по малу заставилъ и другихъ увѣровать въ нее.

Однако, его напрасно изображаютъ типомъ чистаго мыслителя, никогда не спускающимся съ высотъ теоріи; въ немъ были и совсѣмъ иныя черты, была жестокая практичность. Если онѣ и наслаждался, мысленно разбирая и составляя заново политическую машину, прибавляя винтовъ и колесъ, искусно располагая и комбинируя отдѣльныя части, весь этотъ механизмъ въ умѣ его предназначался для одной главной работы и цѣли: удержать власть за Сійэсомъ и его партией, упрочить ихъ положеніе, сдѣлать его непоколебимымъ. Слова: *консервативная система, консервативныя идеи* безпрестанно срывались съ его языка. Онѣ много способствовалъ тому, что они такъ привились въ нашемъ политическомъ жаргонѣ, но самъ онѣ относилъ ихъ только къ одному классу интересовъ и лицъ.

Никто не былъ болѣе его человѣкомъ партіи, или вѣрнѣе касты, человѣкомъ третьяго сословія во всей ограничительной силѣ этого термина. Онѣ питалъ отвращеніе къ дворянамъ и презиралъ народъ. Это онѣ однажды, — по крайней мѣрѣ, говорятъ, что это онѣ, — отказался служить обѣдню «для черни» (*pour la canaille*)¹⁾. Съ другой стороны послѣ фрюктидора онѣ изобрѣлъ противъ дворянъ планъ колоссальнаго остракизма, предлагалъ изгнать изъ Франціи послѣдніе остатки аристократіи, совершенно ампутировать этотъ членъ. Въ то же время онѣ не былъ истиннымъ республиканцемъ; въ его прославленной конституціи оставалась открытой дверь для короля, который былъ бы лишь подставнымъ лицомъ, ставленникомъ революціонной олигархіи и отвѣтчикомъ за нее передъ иностранными державами. Въ

¹⁾ *Mémoires de Barras*, III, 484.

мечтахъ Сійэсъ представлялъ себѣ Францію не сіяющей надъ міромъ и потрясающей Европу мечемъ или идеей, но Францію успокоенную, благоразумную, Францію, гдѣ онъ сможетъ устроить себѣ удобную и привольную жизнь, ибо онъ, какъ сибаритъ¹⁾, выше всего на свѣтѣ цѣнилъ покой, уютно обставленный и надежно обезпеченный.

Онъ надѣялся обрѣсти этотъ покой при буржуазномъ режимѣ, философскомъ и рационалистическомъ, враждебномъ аристократамъ и священникамъ, враждебномъ и якобинцамъ, умѣренно либеральномъ, еще того меньше демократическомъ, признающемъ народъ несовершеннѣйшимъ и отдающемъ его подъ опеку. Олигархическая республика, или ограниченная монархія,—это было все равно для Сійэса, лишь бы только не явилось иной аристократіи, кромѣ той, къ которой принадлежалъ самъ онъ, — аристократіи царевубійцы. Но все же онъ чувствовалъ необходимость не слишкомъ суживать привилегированный кругъ, полукругъ доступъ въ него людямъ, которыхъ революція вначалѣ признала своими, а затѣмъ изгнала, отрекшись отъ нихъ. Онъ основательно все обсудилъ и свои крутыя реформы рассчитывалъ ввести съ помощью нѣкоторыхъ патріотовъ 1789 г., добрыхъ гражданъ, въ то время находившихся въ ссылкѣ, привлечь ихъ къ дѣлу преобразования, подъ условіемъ, что въ будущемъ режимѣ доля участія этихъ помилованныхъ будетъ строго ограничена. Впрочемъ, умъ его, привыкшій къ отвлеченностямъ, былъ способенъ только задумывать, но не осуществлять. Созданіе правительства, дѣйствительно способнаго поправить зло, терпимаго, для всѣхъ доступнаго, стоящаго выше партій, широко національнаго, никогда не входило въ планы этого лже-спасителя.

2.

Между тѣмъ какъ Сійэсъ покидалъ Берлинъ, чтобы занять свое мѣсто среди директоровъ, законодательный корпусъ еще разъ обновился на одну треть своего состава. Выборы происходили въ жерминалѣ. Директорія первая

¹⁾ *Souvenirs du baron de Barante*, I 380.

ввела во Франціи официальную кандидатуру и въ данномъ случаѣ цинически воспользовалась этимъ средствомъ, но правительство было уже настолько дискредитировано и презираемо, что его кандидаты могли заранѣе разсчитывать на провалъ.

Съ 18-го фрюктидора роялисты всѣхъ оттѣнковъ и либералы не осмѣливались выставять свою кандидатуру на выборахъ, зато выступили якобинцы; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они агитировали, проповѣдуя нѣчто въ родѣ бабувизма, и это пошло имъ на пользу; въ другихъ они представляли себя не столько якобинцами, сколько представителями оппозиціи, мстителями за свободу противъ деспотизма директоріи, и агитація увѣнчалась успѣхомъ. Въ особенности много ихъ кандидатовъ прошло на югѣ. Директорія чувствовала себя слишкомъ слабой для того, чтобы повторить 22-е флореаля и принудить совѣты признать массовые выборы недѣйствительными. 1-го преріаля вновь избранные депутаты были приняты въ составъ совѣтовъ безъ особенно строгой провѣрки правильности выборовъ, и этотъ притокъ новыхъ людей, въ особенности въ совѣтъ пятисотъ, окончательно разбилъ большинство. Уже нѣсколько лѣтъ въ совѣтѣ имѣлась партія крайнихъ демократовъ, но безцвѣтная и приниженная, немногимъ отличавшаяся отъ порабощенной массы; выборы VII года усилили ее, а главное, оживили, гальванизировали.

Тотчасъ же противъ директоріи образовалась оппозиція лѣвой, очень сильная. Именуемая партіей якобинцевъ, она, въ дѣйствительности, состояла изъ разнообразнѣйшихъ элементовъ: откровенныхъ демагоговъ, опирающихся внѣ палаты на анархическія группы, людей, отъ которыхъ пахло кровью; политиковъ, жаждущихъ извѣстности и нетерпѣливо ждущихъ момента, когда можно будетъ взять приступомъ власть, — Брю, Тало, Гранмэзонъ, Ламаркъ, Бертранъ Кальвадосскій, Маркези, Киро, Сулье, Арена, Дестремъ, — запоздалыхъ якобинцовъ, лишенныхъ дикой энергіи своихъ предшественниковъ, но напрягавшихъ силы и голосъ, чтобъ походить на нихъ; недовольныхъ генераловъ, какъ Ожеро, считавшій себя недостаточно вознагражденнымъ за то, что онъ 18 фрюктидора воровски отперъ замки въ Тюльери и схватилъ за шиворотъ депутатовъ, — или Журданъ, разбитый

въ Германіи и сваливавшій вину на правительство; наконецъ, изъ экзальтированныхъ республиканцевъ, доходившихъ до фанатизма при мысли объ опасности, грозившей націи, убѣжденныхъ въ необходимости разогрѣть народную энергію на огнѣ революціонныхъ страстей и замѣнить директорію со всѣми ея гнусностями крутымъ, но честнымъ правительствомъ.

Паролемъ и лозунгомъ всей партіи было: *война съ ворами*, т. е. война съ поставщиками, заставлявшими бѣдствовать нашу армію, съ ажіотерами, спекуляторами и всякаго рода аферистами, наживавшимися отъ общаго разоренія; съ чиновниками, позволявшими подкупать себя; съ недобросовѣстнымъ правительствомъ, терпѣвшимъ подобныя безпорядки, извлекая изъ нихъ выгоду; со всѣми этими преступниками противъ націи, торговавшими общественнымъ достоинствомъ. Въ приливѣ неистоваго ригоризма число виновныхъ даже преувеличивали, преувеличивая и ихъ злодѣянія. Воровъ было многое множество—ихъ видѣли повсюду: свирѣпствовала какая-то эпидемія подозрительности, горячка обвиненій, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе, катясь по наклонной плоскости человѣческихъ страстей. Наконецъ стали притягивать къ отвѣту уже всѣхъ дѣльцовъ и капиталистовъ; кругъ обратныхъ требованій судомъ незаконно захваченнаго имущества разросся непомѣрно. Война съ крупными грабителями перешла въ войну противъ крупныхъ капиталовъ вообще, заключавшихся въ движимости, или хотя бы даже въ государственныхъ бумагахъ, какъ предполагалось, нечестнымъ путемъ доставшихся ихъ обладателю.

А такія состоянія всѣ почти были нажиты, или возстановлены въ эпоху революціи, послѣ террора, при режимѣ III года. Поставщики за это время порядкомъ набили себѣ карманы, капиталисты и банкирскія фирмы, достаточно солидныя, для того чтобы вынести на своихъ плечахъ кризисъ ассигнацій, владычествовавшихъ въ то время на рынкахъ и при дворахъ, усиливались наладить до нѣкоторой степени теченіе дѣль. Презирая установленный режимъ, обладатели крупныхъ капиталовъ тѣмъ не менѣе хорошо уживались съ нимъ, держа въ ежовыхъ рукавицахъ правительство; настоящими владыками и королями дня были они. И вотъ, эти новоиспеченные богачи оказываются въ подо-

зрѣній, наравнѣ съ прирожденными богачами, вдесятеро противъ прочихъ обложенными налогами и терпящими всевозможныя притѣсненія. Этотъ особый видъ революціонной плутократіи въ свою очередь отмѣченъ безпощаднымъ знакомъ и, въ виду грозящихъ ему гоненій, круто переходитъ на сторону оппозиціи. Истребивъ прежнюю земельную аристократію и разоривъ *ранты*, тоже *ci-devants*, получившихъ свои титулы при старомъ режимѣ, революція ополчается теперь на капиталы, которымъ она сама дала возможность сложиться, или вырости, на цѣлую кучу матеріальныхъ интересовъ, участь которыхъ до сихъ поръ отождествлялась съ ея собственной, и возстанавливаетъ противъ себя эту силу, — новый фактъ, и весьма важный, оказавшій замѣтное вліяніе на судьбы революціоннаго режима.

Съ первыхъ же дней преріала съ трибуны пятисотъ загремѣли филиппики якобинцевъ противъ продажныхъ министровъ и агентовъ правительства. Это была борьба свирѣпыхъ съ растлѣнными. Предавали всенародно проклятію «коршуновъ», «вампировъ», «пьявокъ, сосущихъ народную кровь», «современныхъ Веррэсовъ» ¹⁾, ибо громкія слова были по прежнему обязательны, даже когда говорилось о грязныхъ дѣлахъ; громили продажность администраціи на всѣхъ ступеняхъ служебной лѣстницы, а такъ какъ между исполнительнымъ и законодательнымъ комитетами не стояло отвѣтственнаго министра, удары попадали прямо въ правительство. Открыто признанный послѣднимъ дефицитъ разсматривался, какъ результатъ системы хищеній, и даже старѣйшины находили, что директорія, злостный банкротъ, промотавъ ввѣренныя ей ресурсы, какъ бы объявила себя несостоятельною.

17-го преріала совѣты вотировали адресъ французамъ, объявляя отечество въ опасности, клеймя злоупотребленія и возвѣщая режимъ строгаго сыска. Депутаты требовали также освобожденія печати, подѣ флагомъ возвращенія къ основнымъ принципамъ. Отмѣнили законъ 19 фрюктидора, отдавшій газеты подѣ надзоръ полиціи, но совѣтъ никакъ

¹⁾ Веррэсъ — римскій проконсулъ, извѣстный своей продажностью, обвиненный во взяточничествѣ Цицерономъ.

не могъ сговориться относительно замѣны его закономъ о преступленіяхъ печати; такимъ образомъ тиски полицейской цензуры смѣнились полной распущенностью ¹⁾).

Тѣмъ временемъ прибылъ изъ Берлина Сійэсъ; его приѣздъ былъ возвѣщенъ народу двѣнадцатю пушечными выстрѣлами. Онъ поселился въ Люксембургѣ, но почти не имѣлъ общенія со своими коллегами; онъ присутствовалъ при ихъ переговорахъ, не принимая въ нихъ участія. Онъ сторонился отъ этихъ людей, хотя былъ ихъ сообщникомъ въ Фрюктидорѣ, ибо по крайней мѣрѣ трое изъ нихъ — Ларевельеръ, Мерлэнъ и Треильяръ — представлялись ему безвозвратно погибшими. «Неуваженіе къ тремъ директорамъ равнялось ихъ неспособности и тому ужасному состоянію, въ какое они привели наши дѣла. Съ ними невозможно было ужиться; всѣ говорили это Сійэсу, и скоро Сійэсъ сталъ говорить, какъ всѣ» ²⁾. Ненавидя якобинцевъ, внушавшихъ ему жестокій страхъ, онъ въ то же время увѣровалъ въ необходимость воспользоваться ими, чтобъ устранить директоровъ, избавиться отъ этой мертвой ноши, очистить мѣсто отъ этихъ извѣденныхъ червями труповъ. Съ этой непосредственной цѣлью, *нео-модеранты* въ обоихъ со-вѣтахъ, мечтавшіе о крутыхъ мѣрахъ, направленныхъ къ обезпеченію ихъ власти и вліянія, соединились съ проповѣдниками политики необузданнаго насилія; между этими несходными элементами временно установилось согласіе и союзъ съ цѣлью разрушенія.

¹⁾ Парижане распѣвали въ то время слѣдующій куплетъ:

*Il est vrai qu'on pouvait écrire
Sur les modes, et même dire
Son sentiment sur les chiffons
En ne parlant pas des fripons.
La vérité de son asile
Sortant, nous changerons de style.
A pleine tête nous crierons:
A bas le règne des fripons! (Bis).*

(Правда, можно было писать о модахъ и даже высказывать свое мнѣніе о тряпкахъ, не касаясь воровъ. Но мы, извлекиши истину изъ ея убѣжища, перемѣнимъ стиль и будемъ кричать во все горло: „Долой царство воровъ!“)

²⁾ Рукописныя замѣтки *Grouvelle*, друга и повѣреннаго Сійэса.

Къ нападенію на директорію готовились путемъ различныхъ тайныхъ маневровъ и подступовъ. Сійэсъ, введенный въ крѣпость, протягиваль руку осаждающимъ, но какъ поведеть себя Баррасъ, всегда разыгрывавшій забіяку и *браво* на службѣ у партіи атаки или яростнаго сопротивленія? Реаль совѣтоваль ему избавиться одновременно и отъ своихъ коллегъ, и отъ собраній, расчислить вокругъ себя мѣсто и стать господиномъ положенія ¹⁾. Баррасъ не посмѣль этого сдѣлать; онъ предпочель вступить въ переговоры съ парламентской коалиціей и обезпечить свое спасеніе, предавъ товарищей. Его измѣна сдѣлала возможнымъ 30-е преріаля—произведенное совѣтами расчлененіе директоріи. Въ собраніяхъ все дѣло было сдѣлано нѣсколькими вожакими двухъ соединившихся партій; двойное стадо имѣющихъ право голоса покорно шло по ихъ стопамъ ²⁾. Народъ не принялъ въ движеніи никакого участія; улица оставалась спокойной; на бульварахъ и въ увеселительныхъ заведеніяхъ не было посѣтителей; развѣ что замѣчалось нѣсколько большее противъ обычнаго оживленіе вокругъ Тюльери и дворца Бурбоновъ, гдѣ засѣдали старѣйшины и совѣтъ пятисотъ. Парижъ, спокойный, презрительный, оставался безучастнымъ зрителемъ парламентскаго мятежа ³⁾.

28 преріаля—16 іюня, совѣты объявили, что они не разойдутся, пока не постановятъ окончательнаго рѣшенія. Началась атака въ открытую на исполнительный комитетъ. Сразу была пробита брешь. Замѣтили, что выборы одного изъ директоровъ, Треильяра, были произведены вопреки соотвѣтствующей статьѣ конституціи, менѣе, чѣмъ черезъ годъ по истеченіи срока депутатскихъ полномочій Треильяра. Съ тѣхъ поръ минуль ужъ годъ,—повидимому, законная давность—тѣмъ не менѣе совѣтъ пятисотъ призналъ выборы недѣйствительными, а старѣйшины во второмъ часу ночи утвердили постановленіе.

¹⁾ „Le Couteux de Cantéleu“, dans *Lescure*, II, 224.

²⁾ *Brinkman*, 291—292, со словъ одного депутата.

³⁾ *Publiciste* отъ 2-го мессидора, см. переписку прусскаго посланника въ „Preussen und Frankreich“ I, 308, изд. *Baillou*. „Среди этого броженія народъ остается совершенно безучастнымъ и ни капельки не интересуется исходомъ событій“.

Директора, съ своей стороны, объявили непрерывное засѣданіе. Когда пришла вѣсть о постановленіи обоихъ собраній, они засѣдали въ красивой залѣ Люксембургскаго дворца, блистающей позолотой, съ эстрадой, убранной не-пріятельскими знаменами. Въ сосѣдней комнатѣ бодрство-вала гвардія и сновали курьеры въ костюмѣ «Криспена»¹⁾. Трейльяръ извѣстенъ своей грубостью и надменностью — покорится ли онъ добровольно? Будетъ ли сопротивляться? Ларевельеръ и Мерлэнъ совѣтовали ему не поддаваться, отстаивать правильность своего избранія; поговаривали о томъ, что не худо бы прибѣгнуть къ помощи войскъ; но по-веденіе Барраса, его позы и реплики уже показывали, что онъ готовъ передаться врагу. Трейльяръ рухнулъ съ пер-ваго удара; со слезами на глазахъ, какъ увѣряетъ Баррасъ, — съ напускнымъ равнодушіемъ, какъ говорятъ другіе, — онъ вышелъ изъ залы и покинулъ Люксембургскій дворецъ; не сказавъ ни слова, безъ малѣйшей попытки сопротивленія, онъ проглотилъ обиду»²⁾.

Старая директорія распадалась по кускамъ; послѣ Рей-белля—Треильяръ. Баррасъ уже передался врагу; значить, оставалось только согнать съ мѣстъ Ларевельера и Мерлэна, вырвать этотъ двойной осколокъ. Ларевельеръ и Мерлэнъ сами по себѣ были не такіе люди, чтобы повторить 18-е фрюк-тидора, направивъ его противъ новаго большинства, да и симпатіи войскъ, подъ вліяніемъ ненависти къ Люксембург-скимъ «дуралеямъ» (*«butors»*)³⁾, за неимѣніемъ лучшаго, склонялись въ пользу парламента. Это настроеніе войскъ лучше гарантировало безопасность совѣтовъ, чѣмъ только

¹⁾ „*Mémoires de Madame de Chastenay*“, 304. Криспенъ извѣстное комическое лицо изъ итальянскихъ пьесъ, услужливый лакей—пройдоха.

²⁾ „Гражданинъ Треильяръ взялъ свой зонтикъ и въ тотъ же вечеръ—такъ какъ было уже поздно—отправился ночевать къ себѣ домой, въ улицу каменщиковъ. На другой день къ нему присоеди-нились его жена и семья“. *Mém. de M-me de Chastenay*, 406. *Barras*, III, 359. Протоколъ ночного засѣданія подтверждаетъ, что Треильяръ удалился немедленно, „*Archives nationales*“, А. F. III, 15.

³⁾ Такъ еще въ 1811 году Даву называлъ директоровъ въ од-номъ изъ своихъ неизданныхъ писемъ къ императору. „*Archives na-tionales*“, А. F. IV, 1654—1656.

что изданный ими указъ, объявлявшій, что всякій, посягающій на ихъ независимость, тѣмъ самымъ ставитъ себя внѣ закона. Баррасъ взялъ на себя терроризировать своихъ коллегъ и ручался за то, что обратитъ ихъ въ бѣгство. 29-го онъ явился въ совѣтъ съ огромной саблей, держался какимъ-то пугаломъ, смотрѣлъ мрачно, говорилъ мало, сидѣлъ, «опершись подбородкомъ на руки, сжимавшія рукоятку сабли»¹⁾; а Сійэсъ тѣмъ временемъ въ «вычурныхъ»²⁾ рѣчахъ доказывалъ двумъ другимъ, что имъ необходимо подать въ отставку; онъ пытался выжить ихъ уговорами.

Но Ларевельеръ и Мерленъ упорствовали, цѣпляясь за власть, и выжить ихъ оказывалось не такъ-то легко. На упрямцевъ насѣдали все больше, валя на нихъ всѣ грѣхи директоріи. 30-го эти обвиненія имъ грубо бросили въ лицо съ трибуны пятисотъ. Люксембургъ наводняли депутаты всѣхъ отѣнковъ, убѣждавшіе ихъ уйти добровольно; ими были полны всѣ салоны и корридоры. Умѣренные прислали депутацію, съ Булэ де ла Мерть во главѣ; якобинцы другую. Между директорами произошло очень рѣзкое объясненіе, съ повышеніемъ голоса и грубыми словами; Баррасъ, понемногу раскрывая карты, старался вырвать у Ларевельера и Мерлена согласіе на отставку. Въ промежуткахъ къ нимъ направляли кроткихъ посланцевъ, которые пытались смягчить ихъ умилительными рѣчами; люди, называвшіе себя ихъ друзьями, чуть не на колѣняхъ молили ихъ устраниваться, избавивъ себя и своихъ послѣднихъ приверженцевъ отъ страшнаго мщенія; ихъ пугали перспективой отдачи подѣ судѣ, прибавляя, что, если они добровольно выпустятъ добычу, имъ не грозятъ въ будущемъ никакія преслѣдованія, и никто не посмѣетъ обидѣть ихъ.

Но они все продолжали упорствовать; казалось непобѣдимымъ прибѣгнуть къ силѣ. Чтобы довершить беззаконіе, оставалось поставить во главѣ парижскаго гарнизона человека, который не задумался бы отдать войскамъ приказъ дѣйствовать. На этотъ постъ мѣтили многіе генералы; саблямъ не лежалось въ ножнахъ; мундиры съ густыми эполетами мелькали поочередно то въ кабинетѣ Барраса, то у

¹⁾ *Larévellère*, II, 392.

²⁾ *Ibid.*

выходовъ дворца Бурбоновъ, то въ шумныхъ кулуарахъ палатъ. Жуберъ говорилъ: «Дайте мнѣ двадцать гренадеровъ, и я въ любой данный моментъ все покончу». Бернадотъ и того не просилъ. — «Двадцать гренадеровъ — это слишкомъ много; четверо солдатъ и капраль — этого совершенно достаточно, чтобы выставить адвокатовъ¹⁾». И онъ расхаживалъ среди оживленныхъ группъ въ залѣ сосѣдней съ той, гдѣ засѣдалъ совѣтъ пятисотъ, словно ожидая отъ собранія только сигнала. Баррасъ утверждаетъ впрочемъ, что Бернадотъ, пойманный на словѣ, уклонился отъ исполненія посула, подѣ предлогомъ деликатности по отношенію къ Жуберу, повидимому, находившему, что первенство должно принадлежать ему²⁾.

Впрочемъ, къ такому крайнему доводу и не понадобилось прибѣгать. Видя, что всѣ ихъ покинули и возстали на нихъ, Ларевелььеръ и Мерлэнъ покорились наконецъ своей участи; въ пять часовъ вечера оба совѣта получили ихъ прошенія объ отставкѣ. Государственного переворота, въ буквальномъ смыслѣ слова, не было; была чистка директоріи подѣ давленіемъ парламента, подкрѣплявшаго свои доводы угрозами. Мерлэнъ на время исчезъ; Ларевелььеръ переселился на свою дачу въ Андилы, близъ Парижа; впоследствии, когда онъ пѣшкомъ ходилъ въ городъ на засѣданія института, жители лежащихъ по пути деревень грубо оскорбляли его³⁾. Передъ выходомъ въ отставку онъ намекалъ на черные замыслы нѣкоторыхъ изъ членовъ собранія, на убійственные заговоры. «Ножи уже вынуты⁴⁾», говорилъ онъ; но теперь эти ножи и кинжалы существовали только въ воображеніи тѣхъ, кому выгодно было напоминать о нихъ. Четыре мѣсяца спустя Наполеонъ и Люсьенъ Бонапартъ вновь обрѣли ихъ въ арсеналѣ революціонныхъ метафоръ.

Оставалось замѣстить вакантныя мѣста новыми директорами. По установленному обычаю это нужно было сдѣлать безотлагательно. По уходѣ Трейльяра совѣты послѣ-

1) *Barras*, III, 361.

2) *Ibid.*, 361—362.

3) „*Mémoires de Laréveillère-Lepaux*“, III, 450.

4) *Ibid.*, II, 349.

шили заткнуть дыру; благодаря парламентскимъ интригамъ, душою которыхъ былъ Гара (*Garat*)¹⁾, на освободившееся мѣсто назначенъ былъ Гойе (*Gohier*), бывший министръ юстиціи при конвентѣ, президентъ кассационнаго суда, революціонеръ, честный и недалекій. Преемникомъ Мерлэна сдѣлался Рожэ Дюко, бывший членъ конвента, сейчасъ членъ законодательнаго собранія, а въ промежуткѣ мировой судья въ Даксѣ (*Dax*). На мѣсто Ларевельера рѣшили посадить военнаго. Подъ рукой было не мало славныхъ генераловъ, которыми республика могла гордиться, но выискали совсѣмъ безвѣстнаго, угрюмое ничтожество, Мулэна (*Moulin*), въ то время командовавшаго Западной арміей; такимъ образомъ директорія оказалась въ полномъ составѣ. «Могутъ ли эти люди претендовать на то, чтобы мы служили имъ?» восклицалъ Бернадотъ на первомъ же засѣданіи²⁾. Сійэсъ предпочелъ бы иной подборъ товарищей, но друзья его напрасно нашептывали избирателямъ нѣсколько болѣе извѣстныя имена; тѣмъ не менѣе онъ рассчитывалъ, что ничтожность его новыхъ коллегъ позволить ему руководить ими и направлять ихъ по своему; въ его глазахъ обновленіе директоріи было лишь шагомъ на пути къ болѣе радикальной реформѣ, направленной противъ самой конституціи.

Таковы были дни преріала, когда фрюктидорская директорія потонула въ грязи; выплылъ одинъ лишь Баррасъ. Въ этомъ переворотѣ иные видятъ противовѣсъ и реваншъ 18-го фрюктидора. Такая оцѣнка основывается лишь на внѣшности.

Въ фрюктидорѣ исполнительный комитетъ ниспровергнулъ законодательный; теперь произошло обратное; но это вовсе не было реваншемъ пострадавшихъ въ фрюктидорѣ и правой. На этотъ разъ распря была локализована между революціонерами чистой воды; четверо конвенціоналистовъ послѣдовательно были удалены изъ директоріи; трое такихъ же бывшихъ членовъ конвента остались, или вошли туда; къ нимъ присоединены были юристъ и генераль, люди той же партіи. Вожаки въ обоихъ совѣтахъ всѣ были старые фрюктидорцы,—одни, обращенные на путь сравнительной

¹⁾ Рукописныя замѣтки *Grouvelle*.

²⁾ *La Fayette*, V, 67.

умѣренности, другіе—оставшіеся вѣрными, или перешедшіе къ крайней лѣвой; обѣ эти группы сплотились, чтобы избавиться отъ чрезчуръ скомпрометированныхъ вождей.

Парижъ мало интересовался этимъ переворотомъ въ правительственной сферѣ. Онъ и не разобрался въ немъ, какъ слѣдуетъ; въ замѣнѣ трехъ глубоко дискредитированныхъ директоровъ никому неизвѣстными лицами не было ничего способнаго разбудить и взволновать общественное мнѣніе. Парижъ имѣлъ обычный свой весенній видъ; прекрасная погода привлекала толпы людей въ сады и на бульвары. «Въ увеселительныхъ заведеніяхъ,—говорится въ отчетѣ военной полиціи, — собралась вчера огромная толпа мирныхъ гражданъ, чуждыхъ заботъ, думающихъ только о томъ, какъ бы повеселиться и нисколько — объ общественныхъ дѣлахъ»¹⁾. Вечеромъ весь Парижъ стремился въ Тиволи посмотреть иллюминацію и послушать музыку²⁾. Здѣсь, играя словами, вышучивали несчастія страны: вмѣсто *patrie* (отечество) говорили *patraque* (испорченная, негодная вещь, дряхлый старикъ). На изгнанныхъ директоровъ сыпался градъ памфлетовъ, эпиграммъ и карикатуръ. «Карикатурамъ нѣтъ конца; вотъ ужъ нѣсколько дней на бережныхъ во всѣхъ витринахъ выставлена одна, изображающая Трейльера впереди и Мерлена позади, несущихъ носилки, на которыхъ возсѣдаетъ Ларевельеръ. Внизу подписано: «*Nous emportons le magot*»³⁾. (Мы уносимъ сокровище). Сочиняли каламбуры и про новыхъ директоровъ; въ особенности давала пищу тому фамилія *Мулэнъ*, и гвардію директоріи народъ звалъ теперь не иначе, какъ *мельничной стражей* (*gardes-moulins; moulin*-мельница)⁴⁾.

1) Военный архивъ, общая переписка, генеральный штабъ, докладъ 20—21 мессидора.

2) Программа зрѣлищъ на 30-ое преріала: „Тиволи: сегодня ровно въ 5 часовъ открытіе сада, духовой оркестръ, танцы подъ большой оркестръ, иллюминація, концертъ на духовыхъ инструментахъ, (исполнить оркестръ законодательнаго корпуса), прекрасный фейерверкъ, въ концѣ котораго будетъ въ первый разъ представленъ *Храмъ Нептунъ*, украшенный каскадами.

3) *Magot* значитъ также *образину, урода*; Ларевельеръ былъ безобразенъ.

Прим. пер.

4) „*Gazette de France*“, 15-го мессидора.

Въ провинціи власти сочиняли адреса побѣдителямъ, напыщенные поздравленія съ заказными восторгами, провозглашая торжество общественной морали и возрожденіе государства. Арміи, всегда легко поддающіяся надеждѣ, въ своей неослабѣвающей преданности родинѣ, ждали лучшаго будущаго. Одинъ офицеръ, лечившійся въ Пломбьерѣ ¹⁾, писалъ своей женѣ: «Все приметъ новый видъ; принесенныя нами жертвы не пропадутъ даромъ, торжествующая свобода будетъ стоять незыблемо. О, моя возлюбленная Каликста, я почти выздоровѣлъ отъ этой вѣсти ¹⁾». Но гражданское населеніе оставалось безучастнымъ; привыкшее презирать свое правительство, каково бы оно ни было, оно съ безпечностью скептика ждало результатовъ кризиса. При старомъ режимѣ, когда частые перевороты притупили политическую чувствительность, простая перемѣна министерства производила больше впечатлѣнія. Робертъ Линде писалъ изъ Кайенны: «Эта революція не производитъ такой сенсаціи, какую произвело увольненіе аббата Террэй и канцлера Мопу ²⁾».

¹⁾ „Correspondance intime du général *Jean Hardy*“ 133—134.

²⁾ Письмо отъ 14 мессидора VII года *Amand Montier*, *Robert Lindet*, 362.

Глава II

Послѣдній натискъ якобинцевъ.

Узурпаторская ярость совѣтовъ.—Законъ о заложникахъ.—Призывъ на дѣйствительную службу рекрутовъ всѣхъ разрядовъ.—Прогрессивный налогъ въ сто милліоновъ, вотированный въ принципѣ.—Новые министры.—Бернадотъ.—Преріальскіе побѣдители раздѣлились; національное топтанье въ лужѣ.—Умѣренные и якобинцы.—Новая директорія.—Газетный шумъ.—Парижъ наводненъ памфлетами.—Засѣданія законодателей.—Требованія отдачи подъ судъ прежнихъ директоровъ отклонены.—Люсьенъ Бонапартъ.—Клубы снова открыты.—Засѣданія въ манежѣ.—Уличные безпорядки; вновь появились *черные воротники*.—Вечеръ 23-го мессидора въ Тюльери.—Бульваръ.—Паника.—Совѣтъ старѣйшинъ запрещаетъ членамъ клубовъ собираться въ Манежѣ.—Общественное мнѣніе возмущается противъ якобинцевъ.—Въ виду грозящаго напора анархистовъ, Сійѣсъ готовитъ новый *coup d'État* для спасенія отечества.—Роль, предвѣщенная Жуберу.—Стратегическая и политическая комбинація.—Воззваніе къ умѣреннымъ всѣхъ эпохъ, сближеніе съ изгнаннымъ Лафайетомъ.—На другой и на третій день.—Настроеніе высокопоставленныхъ революціонеровъ.—Протестантскія тенденціи.—Посмертное вліяніе Фридриха Великаго.—Сношенія съ агентами Орлеанскаго.—Чѣмъ кончилась бы эта затѣя, не будь Бонапарта.

1.

Въ законодательныхъ сферахъ попрежнему все волновалось, бурлило, кипѣло. Послѣ 30-го преріала совѣты не расходились еще нѣсколько дней; въ жару торопливыхъ, взволнованныхъ преній, въ лихорадкѣ ночныхъ засѣданій, экзальтація умовъ дошла до предѣла; такъ длилось около мѣсяца. Въ теченіе этого времени законодательное собраніе стремилось сдѣлаться центромъ власти и дѣятельности, словно оно вышло изъ долгаго рабства лишь для того, чтобы въ свою очередь стать узурпаторомъ.

Толчокъ давалъ всегда совѣтъ пятисотъ; старѣйшины слѣдовали ему. Въ совѣтѣ пятисотъ преобладали якобинцы; они брали не численностью, но отвагой, дисциплиной, порывомъ; подъ давленіемъ ихъ дворець Бурбоновъ превратился въ горнило революціоннаго фанатизма, откуда исходили пламенные законы, ѣдкіе, жгучіе. Таковъ былъ такъ называемый законъ о заложникахъ—новый законъ о подозрительныхъ личностяхъ, пустившій въ ходъ новый механизмъ преслѣдованія, который мы со временемъ будемъ имѣть случай наблюдать въ дѣйствиі. Таковъ законъ о призывѣ рекрутовъ всѣхъ разрядовъ, съ цѣлью формировація въ каждомъ департаментѣ вспомогательныхъ батальоновъ. Для покрытія расходовъ на этотъ колоссальный наборъ былъ вотированъ въ принципѣ прогрессивный налогъ въ сто милліоновъ на обезпеченный классъ населенія; примѣненіе на практикѣ этого принципа предполагалось регулировать послѣдующими законами; онъ отдавалъ буквально всѣ имущества въ жертву произвольнымъ поборамъ фиска. Свершивъ столько великихъ дѣлъ, совѣты нѣсколько остыли, но зато затрепеталъ Парижъ, передъ которымъ снова всталъ призракъ конвента.

Новая директорія въ окончательномъ своемъ составѣ: Баррасъ, Сійэсъ, Гойе, Рожэ-Дюко и Муланъ — перемѣнила составъ министерства и главнѣйшихъ администрацій, выбирая по возможности людей съ чистыми руками и незапятнанной репутаціей, но въ то же время сильно выдвигая передовые элементы. Появились и уцѣлѣвшіе монтаньяры; Робертъ Линде, террористъ неподкупной честности, занялъ постъ министра финансовъ, Кинеть—министра внутреннихъ дѣлъ. Бургиньону дали департаментъ общей полиціи. Мѣра очень серьезная—портфель военнаго министра предоставили Бернадоту, который очертя голову кинулся въ потокъ якобинства. Генераль Марбо¹⁾, извѣстный своими крайними взглядами, былъ назначенъ парижскимъ комендантомъ. За то въ морское министерство Сійэсъ посадилъ своего человека, Бурдона, а въ министерство юстиці Камбасерэса. Въ послѣднемъ Сійэсъ оцѣнилъ зрѣлый, сложившійся умъ, словно самой судьбою предназначенный къ трудамъ по пере-

) Отецъ знаменитаго лѣтописца.

устройству государства и, отчасти открывъ ему свои планы, сдѣлалъ себѣ изъ него полезнаго союзника.

Въ такое время, когда въ программѣ на первомъ планѣ стояли строгія нравственныя требованія, трудно было оставить министерство иностранныхъ дѣлъ за Талейраномъ, слишкомъ извѣстнымъ своимъ «дѣловымъ умомъ»¹⁾ и подвергавшимся жестокимъ нападкамъ. Сдержанно и очень ловко защищаясь путемъ печатнаго слова, Талейранъ все же чувствовалъ необходимость на время ступеваться и сойти со сцены. Онъ подалъ въ отставку; сначала получилъ отказъ, затѣмъ отставка была принята, и министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ гражданинъ Рейнаръ, умный и образованный дипломатъ жирондистскаго закала. Талейранъ полагалъ, что этотъ второстепенный персонажъ только бережетъ ему мѣсто, давъ возможность подготовить свое возвращеніе; къ тому же за Рейнаромъ была крупная въ его глазахъ заслуга: будучи посломъ республики въ Тосканѣ, онъ отсутствовалъ; завѣдываніе министерствомъ онъ могъ принять не раньше, какъ черезъ нѣсколько недѣль, а пока Талейранъ оставался *исполняющимъ должность*.

На сторонѣ Сійэса было всего три министра изъ шести; но онъ надѣялся мало по малу привлечь кого-нибудь изъ остальныхъ. Онъ даже пытался завоевать симпатіи нѣкоторыхъ вліятельныхъ депутатовъ якобинской партіи, наименѣе скомпрометированныхъ своимъ прошлымъ, такихъ, съ которыми можно было разговаривать. Онъ сталъ приглашать на собесѣдованія Журдана и другихъ: всѣ признаютъ, что конституція не удовлетворяетъ болѣе потребностямъ Франціи—почему же не стовориться и не измѣнить ея? Бѣда только, что пересмотра хотѣли всѣ, но каждый хотѣлъ его на свой ладъ. А такъ какъ Сійэсъ уклонялся отъ объясненій относительно того, чѣмъ долженъ быть въ концѣ концовъ замѣненъ теперешній режимъ, Журданъ и другіе были недовольны его непроницаемостью; да и помимо того они изрядно не довѣряли Сійэсу, подозрѣвая въ немъ заднія мысли; словомъ, его авансы не встрѣчали сочувствія²⁾. Отношенія

¹⁾ *Brinkman* 321.

²⁾ „Notice de Jourdan sur le 18 brumaire“. „Carnet historique“, février 1901.

въ правящихъ сферахъ сильно испортились; Сійэсъ былъ зубъ за зубъ съ Журданомъ и прочими; его друзья въ об-ихъ совѣтахъ все больше и больше сплочивались въ партію оппозиціи умѣренныхъ, отстаивавшихъ конституцію отъ нападковъ революціонеровъ, въ ожиданіи, пока они, въ свою очередь, будутъ имѣть возможность нарушить ее и передѣ-латъ по своему. Необходимо помнить, что эта партія была умѣренной лишь въ сравненіи съ якобинцами, т. е. умѣрен-ности весьма относительной и недавняго происхожденія.

Такимъ образомъ, побѣдители 30-го преріала раздѣли-лись на два лагеря. Въ совмѣстной игрѣ каждый расчи-тывалъ обыграть другого; теперь оба это замѣтили, и не-удачная попытка одурачить товарища привела только къ рѣзкимъ столкновеніямъ. Въ результатѣ, правительство утратило всякое единство импульса и дѣйствія. Началось невообразимое смятеніе, страшная кутерьма. Это-то Лафайетъ, удалившійся послѣ Ольмютца въ Голландію, слѣдя съ гра-ницы за ходомъ событій, и называлъ «національнымъ топ-таньемъ въ поганой лужѣ» (*margouillis national*)¹⁾.

Въ директоріи царилъ раздоръ. Сійэсу не удалось взять верхъ надъ своими коллегами; онъ оскорблялъ ихъ своимъ превосходствомъ и слишкомъ показывалъ имъ, что онъ ихъ презираетъ. «Что это за люди!», гово-рилъ онъ, выходя изъ собранія²⁾. Баррасъ съ первыхъ же дней началъ вилять. Въ то время, какъ агентъ, увѣрявшій, что онъ уполномоченъ Баррасомъ, пытался снова завязать сношенія съ эмиссарами претендента, самъ Баррасъ втихо-молку путался съ наиболѣе подозрительными и опасными изъ террористовъ³⁾. Полагая, что сила въ данный моментъ на ихъ сторонѣ и, быть можетъ, опасаясь, какъ бы партій-ная печать не разоблачила его козней, онъ щадилъ якобин-цевъ, готовый, однако, возстать противъ нихъ, если бы они стали слишкомъ опасными; съ этого момента онъ каждый мѣсяцъ мѣняетъ направленіе. Гойэ и Мулэнъ сразу перева-лили на сторону якобинцевъ и тамъ остались. Умѣренные депутаты, подававшіе за нихъ голоса на вѣру, не зная ихъ,

1) *La Fayette*, V, 112.

2) *Mémoires de Gaudin, duc de Gaëte*, 43.

3) *Eclaircissements inédits de Cambacérès*.

съ своей стороны испытывали разочарованіе¹⁾. Зато, — словно въ этой странной компаніи всѣмъ такъ и подобало быть непослѣдовательными, — Рожэ Дюко, котораго якобинцы считали своимъ человѣкомъ²⁾, сблизился съ Сійэсомъ и благоговѣнно слѣдовалъ во всемъ его указаніямъ.

Такимъ образомъ, изъ пяти директоровъ двое тянули до извѣстной степени вправо, двое влѣво, а пятый поочередно то вправо, то влѣво. Сійэсъ будировалъ, Баррасъ интриговалъ, Гойэ всюду видѣлъ заговорщиковъ и упивался чтеніемъ полицейскихъ донесеній³⁾; Мулэнъ чувствовалъ, что онъ на своемъ посту только временно и покорно катился по наклонной плоскости. Министру Камбасерэсу, который явился засвидѣтельствовать ему свое почтеніе и просить его благосклонности, онъ отвѣтилъ: «Это я прошу вашей дружбы сейчасъ и вашего покровительства на будущее время; я не обманываюсь относительно вашего настоящаго положенія и того, которое васъ ждетъ впереди»⁴⁾. Въ этомъ необыкновенномъ правительствѣ, которое само себя парализовало, казалось, не было человѣка, способнаго хотѣть и дѣйствовать.

«Директорія ничего не хотѣла, ничего не слушала, все откладывала. Директора читали только газеты, обсуждали только газетныя статьи, огорчавшія ихъ. Они начинали засѣданія въ одиннадцать утра и сидѣли до пяти съ половиной, даже до шести. Каждый часъ являлись министры; ихъ выслушивали всегда по одиночкѣ, хотя слѣдовало бы выслушивать ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Рѣчь шла все время о газетахъ, о жалобахъ, о доносахъ на частныхъ лицъ; изъ пяти директоровъ развѣ одинъ слушалъ докладъ министра и то урывками, въ промежуткахъ разговора. Послѣ засѣданія директора отправлялись обѣдать, всегда въ многолюдномъ обществѣ и сидѣли за столомъ весь вечеръ, пока не наступало время ложиться спать. А по утрамъ они читали газеты и письма, чтобы имѣть возможность толковать о

1) *Notes manuscrites de Grouvelle*“.

2) „*Eclaircissements inédits de Cambacérés*“.

3) См. *Записки* Деклозо, настоящій авторъ которыхъ *Réal. Mémoires de Musnier-Descloseaux*, р. 3.

4) *Eclaircissements inédits de Cambacérés*“.

нихъ съ другими во время своихъ томительныхъ засѣданій»¹⁾).

Министры рѣдко видѣлись между собой и пребывали все время въ состояніи взаимнаго недовѣрія, да имъ и не досугъ былъ видаться, дѣла было по горло. Линде съ головой ушелъ въ финансовый омутъ, что не мѣшало ему собираться съ мыслями и готовить общія мѣры; но онъ не надѣялся провести въ совѣтахъ послѣдовательную программу дѣйствій. Камбасерѣсъ засталъ въ своемъ департаментѣ настоящій хаосъ; ему приходилось все начинать сначала. Бернадотъ говорилъ и писалъ безъ передышки; его рѣчи, прокламаціи, циркуляры, воззванія, являются любопытнымъ памятникомъ революціонно-гасконскаго краснорѣчія; мы снова находимъ въ нихъ смѣсь воинственнаго пыла и безсвязнаго пагоса. Въ своихъ работахъ онъ обнаруживалъ блестящія качества: умъ, увлеченіе, поразительную работоспособность. Вставалъ онъ всегда чуть свѣтъ, въ три часа, и покинувъ свой «домишко»²⁾ въ Цизальпинской улицѣ, первымъ являлся въ министерство. Онъ во все вникалъ, за всѣмъ слѣдилъ самъ, прилагалъ всѣ старанія, чтобы подтянуть канцелярію, подогнать обученіе новобранцевъ, снова наладить матеріальную часть, преобразовать армію, подбодрить, поднять упавшій духъ солдатъ и офицеровъ; противъ хаоса затрудненій и всяческихъ преградъ, стоявшихъ на его пути, онъ ополчился всею силой своей неутомимой и кипучей дѣятельности. Но гражданскія власти, бездѣйствующія, или выбитыя изъ колеи, плохо помогали ему; въ провинціи начинали ходить тревожные слухи о положеніи дѣлъ въ Парижѣ и распаденіи республиканскаго правительства³⁾.

Парижская печать, освободившись отъ намордника, сейчасъ же бросилась въ крайности. Какая радость—безнаказанно призывать къ отвѣту тирановъ фрюктидора, большинство которыхъ сохранили за собой свои мѣста, уцѣлѣвъ во время послѣдняго кризиса! «30-го преріала были смѣщены правители коварные, дурные, измѣнники; оставлены: дур-

1) *Lettre de Robert Lindet*, изд. M. Montier, 376—77.

2) *Barras*, III, 417.

3) Военное министерство, общая переписка, письмо комиссара директоріи въ департаментъ Дилы (*Dyle*), сообщенное министерству.

ные, измѣнники, коварные». Какое наслажденіе нападать на эту вѣчную факцію термидорцовъ и фрюктидорцовъ!—«Это она посадила въ исполнительную директорію самого низкаго злодѣя, какого когда-либо видѣла въ своихъ рядахъ контръ-революція... Олицетвореніе этой факціи Баррасъ; нѣтъ преступленія противъ человѣчества, котораго бы онъ уже не совершилъ»¹⁾).

Газеты, больше пятидесяти заразъ, подняли страшный шумъ. Воскресшіе органы правой всячески поносили правительство, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, находя возможность даже клеветать на него. *Газета свободныхъ людей* (*Journal des hommes libres*) сдѣлалась официальнымъ вѣстникомъ якобинства, её прозвали *Газетой тигровъ*; своихъ противниковъ она обзывала «газетными подлецами» (*feuillistes d'infâmie*²⁾). Эта газетка и нѣкоторыя другія въ томъ же духѣ напоминали худшіе органы печати 1793 года; то же упорство въ травлѣ, та же манія доносовъ, смѣсь грубой ругани съ ядовитыми инсинуаціями. Всѣхъ принимавшихъ какое-бы то ни было участіе въ дѣлахъ, обливали грязью; оскорбляли женщинъ—и тѣхъ, которыя, по слухамъ, были причастны поставкамъ, и тѣхъ, которыя сочиняли книги и занимались политикой; беззастѣнчиво вторгались въ частную жизнь; самая чистая репутація не спасала отъ такого вторженія. Люди, наиболѣе преданные принципамъ свободы, въ томъ числѣ добродѣтельный Кабанисъ, приходили въ ужасъ передъ этимъ «потокѣмъ клеветъ, грозившимъ все поглотить»³⁾).

Наряду съ газетами выходило неисчислимое множество брошюръ, предвѣщавшихъ общее разложеніе и конецъ режима. Ихъ продавали открыто, по всему городу, публиковали объявленія о нихъ; разнощики во все горло выкрикивали на улицахъ: *Завѣщаніе республики, или Дѣло плохо.—Старая директорія продавала насъ; новая будетъ вѣшать.—Четверо повѣшенныхъ и пятый, готовящій себя петлю.—Полиція арестовала Завѣщаніе республики; судъ отказался преслѣдовать*

¹⁾ Выдержки изъ газетъ, въ отчетъ за термидоръ, опубликованномъ *Schmitt*, III, стр. 420 и слѣд.

²⁾ Номеръ отъ 17 фруктидора VII года.

³⁾ „Publiciste“, отъ 16 термидора.

издателя. По угламъ улицъ всюду были расклеены афиши, требовавшія общаго вооруженія гражданъ, разжигавшія ненависть и дурныя страсти¹⁾. Вокругъ дворца Бурбоновъ продавали книжонку сочиненія депутата-памфлетиста Пульсье, озаглавленную: *Перелѣтъна мѣстожительства*; авторъ предлагалъ переселить старѣйшинъ на Монмартръ (гдѣ прежде вѣшали), пятьсотъ въ сточную трубу; военнаго министра въ улицу Бюень, рекрутовъ въ Покойницкую улицу (*rue de la Mortellerie*), роялистовъ на мысъ Доброй Надежды, а прогрессивный налогъ въ улицу Чистки-Кармановъ (*Vide-Gousset*)²⁾.

Совѣты то подчинялись вліянію крайнихъ элементовъ, то возставали противъ него. Старѣйшины первые опомнились и теперь пытались, еще нерѣшительно, преградить путь якобинскому движенію. Совѣтъ пятисотъ продолжалъ разыгрывать изъ себя верховное собраніе, не распускалъ комиссіи Одиннадцати, — нѣчто вродѣ комитета инициативы и дѣйствія, — но не осмѣливался довести до конца свою дерзость. Его засыпали петиціями объ отдачѣ подѣ судѣ и о привлеченіи къ отвѣту совѣтомъ старѣйшинъ эксъ-директоровъ Рейбелля, Треильяра, Мерлэна и Ларевельера. Противъ этихъ четырехъ лежачихъ накопилось множество обвиненій: въ продажности, подкупѣ, посягательствахъ на свободу личности, угнетеніи союзныхъ народовъ, и даже весьма несправедливое обвиненіе — въ томъ, что они отправили Бонапарта противъ его воли въ Египеть, услали въ «аравійскія пустыни»³⁾ нашего лучшаго генерала и цвѣтъ нашихъ армій въ то время, когда республика, стонущая подѣ гнетомъ всякихъ напастей, такъ страшно нуждалась и въ томъ, и въ другомъ. Къ счастью, процедура отдачи подѣ судѣ была медленная и сложная; Рейбелль, перешедшій въ совѣтъ старѣйшинъ, энергично защищался и въ своихъ рѣчахъ, и въ печатныхъ своихъ мемуарахъ; притомъ же многіе депутаты, убѣждая Мерлэна и Ларевельера выйти въ отставку, припали

1) *Brinkman à Sparre, 10 juillet, p. 301.*

2) См. у *Maurice Fournet* „Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Révolution“, списокъ памфлетовъ той эпохи, хранящихся въ національной библіотекѣ; немало ихъ хранится и въ Парижской городской библіотекѣ.

3) Адресъ отъ гражданъ г. Тулузы, читанный въ засѣданіи совѣта пятисотъ, 6-го термидора.

на себя обязательство оставить ихъ въ покоѣ и не привлекать къ отвѣту за прошлое; иные просто боялись воскресить эшафотъ для политическихъ преступниковъ. Послѣ долгихъ и жаркихъ преній требованія доносчиковъ были отклонены.

Это было бы успѣхомъ для умѣренныхъ, если бы скандалы въ финансовомъ мірѣ не давали постоянной пищи обвинительному усердію якобинцевъ. Эта тема была неистощима. Часть каждаго засѣданія уходила на обвиненіе лихоимцевъ и взяточниковъ. Многіе комиссары и дипломатическіе агенты директоріи,—Трувэ, Файпу, въ особенности Рапина¹⁾, котораго имя, словно нарочно для него выбранное, казалось выраженіемъ цѣлаго режима, стяжали себѣ позорную извѣстность. Бывшій военный министръ Шереръ служилъ мишенью для постоянныхъ нападокъ и якобинцы увѣряли, что его не посмѣютъ преслѣдовать судомъ, такъ какъ ему извѣстны тайны, компрометирующія высокопоставленныхъ лицъ; онъ де настолько хорошо вооруженъ и чувствуетъ себя такимъ неуязвимымъ, что, по слухамъ, отголосокъ которыхъ Брю перенесъ на трибуну, самъ говоритъ: «Я ничего не боюсь; у меня документы; сорокъ челоуѣкъ должны или отстоять меня, или пасть вмѣстѣ вмѣстѣ со мной»²⁾. Директорія въ концѣ концовъ обѣщала привлечь его къ отвѣту, обѣщала вызовъ въ судъ, потомъ приказъ объ арестѣ, но серьезно Шерера не беспокоили; якобинцы истощили противъ него весь свой запасъ бранныхъ словъ: умѣренные не мѣшали имъ и не принимали этого близко къ сердцу.

Въ итогѣ, изъ этой сутолоки ни разу не выдѣлилось прочнаго большинства. Двѣ фракціи собранія поочередно берутъ верхъ одна надъ другой, благодаря поддержкѣ колеблющихся, и сами дробятся на безпокойныя группы. Вожаковъ и ораторовъ съ обѣихъ сторонъ немного, но зато они всегда готовы къ бою. Изъ крайнихъ на первомъ планѣ генераль Журданъ, все болѣе и болѣе входящій въ роль корифея воинствующаго якобинства, одной изъ характерныхъ чертъ той эпохи,—Тало, «мыльный пузырь»³⁾, надутый пустой

1) Отъ *rapine*—грабежъ, хищеніе.

2) Отчетъ въ „Publiciste“, отъ 15 термидора.

3) *Larévillière-Lépeaux*, I, 392.

амфазой,—Ламаркъ и Бертранъ Кальвадосскій, болѣ пылкіе, чѣмъ краснорѣчивые,—Дестремъ, гигантъ, человѣкъ натиска и рукоприкладства,—гораздо болѣ интеллигентный Гранмэзонъ и Пулэнъ-Гранпрэ, экономистъ партіи. Съ противоположной стороны—Булэ де ла Мертъ съ «круглымъ лицомъ сангвиника»¹⁾, проявляющій и темпераментъ, и энергію; Мари-Жозефъ Шенье, «съ огромной шевелюрой»²⁾ и красивыми глазами восточнаго человѣка, съ академическимъ краснорѣчіемъ, не попадающимъ въ цѣль,—Дону, велерѣчивый ораторъ; особнякомъ отъ всѣхъ стоитъ быстро выдвинувшійся изъ ряда Люсьенъ Бонапартъ.

Бывшій «амбарный приставъ» (*garde magasin*) при Робеспьерѣ, увлекаемый подъемомъ всей семьи—теперь особа; избранный депутатомъ,—хотя его избраніе не выдержало бы серьезной провѣрки,—онъ былъ однимъ изъ виновниковъ паденія старой директоріи. Удивительно ловко усвоивъ себѣ революціонную фразеологию, онъ разглагольствуетъ при каждомъ удобномъ случаѣ, декламируетъ, громитъ, обличаетъ. Слушая его тирады, воззванія, всю эту пламенную риторику, видя, какъ онъ широкимъ растроганнымъ жестомъ прижимаетъ руку къ сердцу, подумаешь, что его вдохновляетъ чистѣйшій республиканскій пылъ. А между тѣмъ, понимая, что будущее должно принадлежать умѣреннымъ; онъ направляется въ ихъ сторону, пока еще съ отклоненіями и независимымъ аллюромъ человѣка, который идетъ своей дорогой. Неоднократно онъ выступаетъ въ роли звукового органа, голоса и глашатая партіи. Вообще, онъ очень искусно маневрируетъ въ парламентѣ и, среди всѣхъ этихъ битвъ, еще находитъ время ворковать у ногъ мадамъ Рекамье, дѣлать дѣла, принимать весьма активное участіе въ одномъ обществѣ судоходства, перевозящемъ почту изъ Бастіи во Францію и обратно, и вооружать корсарскія суда нѣсколько разбойничьяго типа; жизнь его—это вихрь, водоворотъ³⁾.

Въ то время, какъ его вліяніе упрочивается въ парламентѣ, въ свѣтѣ точно также упрочивается положеніе

¹⁾ „*Gazette de France*“, 2-ой дополнительный день VII года.

²⁾ „*Mémoires de Madame de Chastenay*“, 398.

³⁾ Неизданные документы *Sapey*, друга и наперсника Люсьена. См. *Frédéric Masson*, „*Napoléon et sa famille*“, I, 256—273.

его брата, Жозефа, любезнаго, привѣтливаго, превосходнаго хозяина. Оба эксплуатируютъ память своего великаго брата и считаютъ себя вполне способными съ нимъ или безъ него, хоть завтра-же стать во главѣ новаго правительства. Жозефъ еще, повидимому, искренно желаетъ возвращенія героя и не прочь вызвать его; Люсьенъ ведетъ себя не столько какъ совладѣлецъ, сколько какъ наслѣдникъ великаго имени; полагая, что Наполеонъ надолго, быть можетъ, навсегда сошелъ съ политической сцены, онъ трудится для самого себя, и постепенно этотъ двадцатичетырехъ-лѣтній юноша, благодаря таланту и апломбу, становится замѣтной силой. У Жозефа есть связи, у Люсьена—клиенты. Партія обоихъ братьевъ соприкасается съ группой Сійэса, но не смѣшивается съ нею.

Впрочемъ, здѣсь каждая маленькая группа мнитъ себя партіей, каждая партія становится факціей. Въ залѣ совѣта пятисотъ минутами кажется, что парламентскія правая и лѣвая вотъ-вотъ дойдутъ до рукопашной, оспаривая другъ у друга эту арену. Большинства голосовъ добиваются интригами, или захватомъ врасплохъ депутатовъ. Часто обсужденіе текущихъ дѣлъ прерывается предложеніями политическаго характера, вызывающими бурныя пренія, которыя подъ конецъ доходятъ до драки. Иныя заявленія директоріи вызываютъ грозу.—«Депутаты вскакиваютъ, перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто, бранятся между собой. Напрасно предсѣдатель неистово звонитъ, призывая къ порядку, напрасно пристава надрываютъ себѣ глотку, унимая крикуновъ; вся зала гудеть и волнуется; докладчика неслышно; не слышно даже собственнаго голоса»¹⁾. Публикѣ противѣли такія сцены, и парламентскій режимъ становится ей чѣмъ дальше, тѣмъ антипатичнѣе.

2.

И двухъ палатъ казалось для Парижа слишкомъ много,—каковъ же былъ его ужасъ, когда возникла еще третья, сама себя учредившая и уполномочившая. Для того, чтобы

¹⁾ Отчетъ въ „*Gazette de France*“, отъ 18 фрюктидора, VII года, о засѣданіи 17 фрюктидора.

воскресить въ народѣ энтузіазмъ, поднять его упавшій духъ, вдохнуть въ него энергію для борьбы съ чужестранцами, казалось полезнымъ вернуть былую власть политическихъ союзовъ, *этихъ кузницъ патриотизма*. Самый большой и знаменитый изъ всѣхъ клубъ якобинцевъ, закрытый въ брюмерѣ IV года, счелъ моментъ весьма удобнымъ для возрожденія подъ новымъ именемъ *Общества друзей Равенства и Свободы*. Его воскресеніе было цѣлымъ событіемъ.

Якобинцы искали помѣщенія для собраній, но найти его оказывалось не такъ просто: огромное большинство обывателей было противъ нихъ и отнюдь не желало ихъ сосѣдства ¹⁾. Но слабость властей открыла имъ доступъ въ залу Манежа, одно изъ священныхъ мѣстъ революціи, гдѣ засѣдало учредительное собраніе, потомъ законодательное, и въ первое время конвентъ, гдѣ, среди обнаженныхъ стѣнъ, казалось, витали трагическія видѣнія. Зданіе Манежа, лежащее за продолговатымъ и узкимъ дворомъ, было какъ бы вдавлено между террасой фельянтинцевъ ²⁾, нависшей надъ той частью зданія, гдѣ была расположена зала, и прежними монастырскими зданіями, пробуравленными сквозными ходами. Манежъ входилъ въ составъ построекъ, отведенныхъ въ распоряженіе совѣта старѣйшинъ, засѣдавшего въ Тюльерійскомъ дворцѣ ³⁾.

Около половины мессидора, потихоньку безъ шума, начались собранія въ Манежѣ, и въ одинъ прекрасный вечеръ возродился знаменитый клубъ. Въ члены записалось нѣсколько сотъ человекъ, въ томъ числѣ около полтораста депутатовъ. Для того, чтобы обойти нѣкоторые запретитель-

¹⁾ „*Gazette de France*“, 19 мессидора: „Одно общество, занимающееся обсужденіемъ политическихъ вопросовъ, намѣревалось вчера окончательно водвориться въ окрестностяхъ улицы Онорэ; гражданки Рынка, неблагосклонно относившіяся къ этимъ собраніямъ, весьма невѣжливо разогнали членовъ общества, сломали звонокъ и опрокинули столъ, говоря, что эти шутки ужъ надоѣли, и все слишкомъ хорошо помнятъ, къ чему онѣ ведутъ.“

²⁾ *Feuillants*, монашескій орденъ. Прим. пер.

³⁾ Известно, что зала эта помѣщалась почти въ точкѣ пересѣченія теперешнихъ улицъ Риволи и Кастильоне. *М. Е. Drumont* возстановилъ фізіономію этого квартала въ своей книгѣ „*Mon vieux Paris*“, 14—22.

ные параграфы конституціи, вмѣсто президента выбрали *распорядителя*, вмѣсто секретарей *отмѣтчиковъ* (*annotateurs*). Въ числѣ организаторовъ называли Друэ, нѣкогда участвовавшего въ заговорѣ Бабёфа. Поставили предсѣдательскій столъ, повѣсили надъ нимъ красную шапку, устроили трибуну для ораторовъ; въ новомъ клубѣ имѣлась и подача голосовъ, и программы засѣданій, и слѣдственная комиссія, и публика, стоявшая вокругъ скамей, на которыхъ тѣснились члены, и регулярные газетные отчеты о засѣданіяхъ; словомъ это была пародія на парламентъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній, нео-якобинцы открыто заявляли о своемъ родствѣ со своими предшественниками: «Наше имя—якобинцы, наше общество—якобинское; мы якобинцы и хотимъ быть ими» ¹⁾. Правда, они заявляли также о своемъ глубокомъ уваженіи къ конституціи, но, отрицая желаніе возстановить режимъ 1793 года, они въ то-же время усвоивали себѣ тонъ и жесты той эпохи. А такъ какъ съ театра военныхъ дѣйствій по прежнему приходили дурныя вѣсти—наши войска въ Италіи и Неаполѣ понесли жестокія пораженія на берегахъ Требии, крѣпость Туринъ сдавалась на капитуляцію, въ Швейцаріи Массена принужденъ былъ отступить за Цюрихъ,—все это было поводомъ громить продажныя души, измѣнниковъ, требовать казней, декретовъ противъ богачей и пикъ для народа. Въ особенности настойчиво требовали чистки различныхъ учрежденій; министровъ заклинали очистить свои канцеляріи, наводненные аристократами и «зараженныя гангреной барства» ²⁾; старались воздвигнуть гоненіе на «господчиковъ», чтобы пристроиться самимъ на ихъ мѣста; многіе изъ членовъ новаго клуба жаждали не столько крови, сколько тепленькаго мѣстечка.

И все-же, сквозь бредъ парламентскихъ предложеній и криковъ пробивалось возмущеніе отдѣльныхъ народныхъ группъ противъ буржуа, загребшихъ въ свои лапы всю революцію, отвращеніе къ затхлому режиму, демократическому только по имени, страсть ко всеобщей нивеллировкѣ—дѣтище Бабёфа и его коммунизма; въ наше время это на-

1) Рѣчь Дестрема, „Publiciste“, 30 мессидора.

2) Отчетъ въ „Gazette de France“, отъ 4 термидора.

звали бы ростомъ социализма. Правда, эти требованія яростно повторяла лишь небольшая группа людей, но зато ей свирѣпо вторили ораторы Манежа. Для нихъ Робеспьеръ былъ уже только предкомъ; непосредственными предтечами, мучениками идеи, чьи «тѣни жалобно требовали отмщенія», были въ ихъ глазахъ депутаты, погибшіе въ 1795 году за то, что они въ термидорѣ предводительствовали бунтомъ голодныхъ противъ конвента,—были люди, въ 1796 году противопоставившіе олигархическому деспотизму директоріи теоріи общаго счастья и полного равенства.—«О. Роммъ, Гужонъ, Субрани, Бабёфъ, вы будете отомщены,—да, отомщены, и скоро, но только путемъ суда, а не убійства»¹⁾. И такіе рѣчи въ залѣ были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что говорилось по сосѣдству. Въ кафе Годо, вблизи Тюльери, анархистскіе горланы устроили нѣчто въ родѣ клуба подъ открытымъ небомъ, гдѣ, не стѣсняясь, говорили о принесеніи тысячъ людей въ жертву *тынямъ* Робеспьера и Бабёфа²⁾.

Изъ-за этихъ угрожающихъ сборовъ, казалось, снова выглядывалъ отвратительный кровавый призракъ революціи, съ обнаженными руками, въ деревянныхъ сабо, въ карманьолѣ,—той революціи, которая рубила головы и *работала* въ тюрьмахъ. Эти ужасы были еще слишкомъ близки, слишкомъ свѣжи въ памяти всѣхъ, чтобы призраки недавняго прошлаго не повергали Парижъ въ смятеніе и не заставляли его трепетать отъ страха. Къ тому-же якобинцы въ совѣтѣ пятисотъ вторили якобинцамъ Манежа; на одномъ обѣдѣ генералъ Журданъ пилъ за воскрешеніе шикъ; разнесся слухъ, будто совѣтъ намѣренъ преобразоваться въ конвентъ, и возстановить комитетъ общественнаго спасенія; а изъ провинціи неслись вѣсти, что по всей странѣ воскресаютъ клубы, выходятъ изъ подъ земли группы оборванныхъ и мрачныхъ якобинцовъ. Кошмаръ террора снова тревожилъ тяжелый сонъ, сковавшій Францію; долго еще потомъ помнили эту общую панику при видѣ краснаго фантома и великій страхъ VII года.

1) Засѣданіе 30 мессидора; отчетъ въ „*Gazette de France*“ отъ 6 термидора.

2) Отчеты военной полиціи за время съ 20-го по 25-е мессидора. Военный архивъ, общая переписка.

Возрожденіе клубовъ привело къ тому, чего Парижъ не видалъ уже около двухъ лѣтъ,—къ уличнымъ беспорядкамъ: яростныя рѣчи ораторовъ Манежа вызвали контръ-революціонную агитацію; появились опять остатки золотой молодежи, мюскадены, или, вѣрнѣе, ихъ младшіе братья. *приятные и любезные (les agréables, les aimables du jour)*. Между молодыми парижанами самыхъ различныхъ классовъ установилось какое-то сообщество, съ цѣлью палками выколотить революцію на спинахъ якобинцовъ и кулаками удержатъ общество отъ возвращенія къ злодѣйскому режиму. Когда прошли золотыя времена термидорской реакціи, мюскадены перемѣнили имя и отчасти костюмъ; многіе изъ нихъ поступили на службу въ армію; опустѣвшія мѣста заняли другіе, помоложе. Подъ суровымъ гнетомъ фрюктидорскаго режима они притаились и замерли; броженіе умовъ, наступившее послѣ 30 преріаля, какъ бы воскресило ихъ.

Общественное мнѣніе и мода были за нихъ; въ эту эпоху, когда физическая сила была особенно въ чести, «дуть якобинцовъ» было однимъ изъ способовъ выказать силу своихъ мускуловъ и солидность своихъ принциповъ, занятіемъ похвальнымъ и почтеннымъ, — *спортомъ*, какъ сказали бы нынче. Молодежь снова вернулась къ атрибутамъ своей прежней профессіи: «чернымъ и фіолетовымъ воротникамъ» на «старыхъ фракахъ»¹⁾, широкополымъ фетровымъ шляпамъ съ стальными пряжками, широчайшему батистовому галстуху, образующему зобъ подъ подбородкомъ, дубинкѣ или «трости-шпагѣ» подъ мышкой, пистолетамъ въ карманѣ,—и въ этомъ нарядѣ, придирчивая и задорная, снова повела кампанію противъ якобинцовъ. Ряды ея пополнялись смутьянами иного рода. Въ закоулкахъ Парижа ютилось цѣлое населеніе шуановъ не у дѣль, тайкомъ прокравшихся въ столицу, авантюристовъ роялистскаго закала и праздношатающихся контръ-революціонеровъ. Эта бѣлая накипь теперь всплыла на поверхность одновременно съ красной. Различные элементы смуты уже начинали сталкиваться между собою.

По точнымъ и подробнымъ рассказамъ очевидцевъ легко себѣ представить Парижъ въ этотъ періодъ мелкихъ войнъ,

¹⁾ Schmidt, „Tableaux de la Révolution“, III, 400.

причинившихъ больше страха, чѣмъ зла. Главная квартира агитаторовъ правой находилась въ бывшемъ Пале-Роялѣ, а теперь дворцѣ Равенства. Бродя по шумнымъ галлереймъ, кипящимъ лихорадочной жизнью, изобилующимъ проститутками и всѣми видами контрабанднаго торго, они группируются, воодушевляются, точатъ языки, готовя своимъ противникамъ ядовитыя стрѣлы сарказма; затѣмъ, черезъ улицу Онорэ и лабиринтъ переулковъ, сомкнутыми рядами направляются туда, гдѣ собираются якобинцы для метанія громовъ противъ правительства и выполненія обрядовъ своей религіи, гдѣ они клянутся и славословятъ. Осаждающіе, внезапно вынырнувъ изъ сквозныхъ коридоровъ изъ сада, окружаютъ Манежъ и устраиваютъ блокаду.

22 мессидора якобинцы, торжественно посадили во дворѣ Манежа дерево свободы; изъ-за этого пошла перебранка, а затѣмъ и драки. На другой день вечеромъ враждебная толпа заняла ближайшія къ залѣ позиціи: террасу фельянтинцевъ наверху и внизу—аллею Апельсинныхъ деревьевъ. Какъ только окончилось засѣданіе, и члены клуба вышли, распѣвая патріотическія пѣсни, съ террасы ихъ привѣтствовали гиканьемъ и свистками; камни полетѣли въ окна залы. На крикъ: «Долой тирановъ!» эти послѣдніе отвѣчали: «Долой гильотину, долой якобинцевъ!»—Внезапно раздались крики: «Да здравствуетъ король!»

У всѣхъ выходовъ завязалась свалка. Въ аллеѣ манифестанты, вскарабкавшись на кадки съ апельсинными деревьями, бросали оттуда камни; другіе ломали стулья и обломками колотили якобинцевъ, проходившихъ вблизи. Стояль по всему саду; буржуа, пришедшіе подышать свѣжимъ воздухомъ, ихъ дамы въ длинныхъ газовыхъ платьяхъ-футлярахъ и шляпахъ изъ цвѣтовъ, кидались вразсыпную; въ аллеяхъ была страшная давка; мужчины, женщины и дѣти опрокидывали другъ друга ¹⁾. Появилась стража законодательнаго корпуса и обрушилась на манифестантовъ. Нѣкоторые были жестоко избиты, двадцать восемь человекъ арестовано по обвиненію въ явномъ подстрекательствѣ къ бунту и требованіяхъ возвращенія короля; среди послѣднихъ

¹⁾ Отчетъ военной полиціи за 23—24 мессидора.—Военный архивъ, общая переписка.

было меньше ех-дворянъ, чѣмъ молодыхъ буржуа, и даже мелкихъ торговцевъ и лавочниковъ. Слѣдствіе выяснило, что аресты производились наскоро и безъ разбора ¹⁾.

Стычка повторилась и на второй, и на третій день, къ великому огорченію гуляющихъ, «которые уходили весьма недовольные» ²⁾. Власти сочли нужнымъ принять нѣкоторыя мѣры предосторожности: въ каждой казармѣ ждалъ на чеку пикетъ въ сто человекъ, которымъ воспрещено было отлучаться изъ казармы; на продолговатой террасѣ передъ Тюльерійскимъ дворцомъ поставлены были двѣ небольшихъ пушки. Однако, дѣло не шло дальше тукманокъ, палочныхъ ударовъ, порой мальчишествовъ. На палаткѣ, разбитой передъ Манежемъ, якобинцы вывѣсили великолѣпный фригійскій колпакъ, на него надѣли королевскую корону. Иногда въ самый разгаръ перебранки и тумановъ начиналъ итти дождь и заливалъ ссору.

Въ городѣ обѣ партіи устраивали манифестаціи; тамъ и сямъ уже появлялись зловѣщія фигуры—фигуры 93-го года; по улицамъ съ криками и пѣснями, бродили враждующіе отряды. Въ особенности бурно прошли день и вечеръ 24-го. У воротъ Мартина собралось такое скопище якобинцевъ, что понадобилась кавалерія, чтобы разсѣять ихъ. На Итальянскомъ бульварѣ, въ такъ называемомъ «Кобленцѣ», элегантно и контръ-революціонномъ кафе, гдѣ остатки прежняго общества засѣдали каждый вечеръ на шести рядахъ стульевъ, въ часъ выхода изъ театровъ собралась толпа и затянула *Пробужденіе народа (Le réveil du peuple)*, марсельезу реакціи. Тотчасъ же подоспѣла банда, иначе настроенная. Вотъ-вотъ произойдетъ столкновение. По улицамъ Фейдо, Колоннъ и Закона стремительно проносятся какіе-то индивидуумы, крича: «На помощь! противъ террористовъ!» Этого достаточно, чтобы оледенить ужасомъ весь кварталъ. Лавки

¹⁾ Парижскія газеты за мессидоръ и фрюктидоръ.

„Подробности о великой дракѣ, приключившейся вчера въ десять часовъ вечера въ Тюльери, между роялистами и республиканцами etc“. Оригиналъ въ Парижской городской библиотекѣ. Выдержки въ отчетѣ центрального бюро за мессидоръ, у *Schmidt'a* и у *Aulard'a* въ его сборникѣ: „*Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire*“, V. 634.

²⁾ Отчетъ военной полиціи за 24—25 мессидора.

запираются. «Паника растеть»,—говорится въ полицейскихъ отчетахъ, «и многіе граждане намѣрены переселиться въ деревню»¹⁾. Не менѣе другихъ были недовольны настоящіе рабочіе, труженики, составлявшіе массу пролетаріата. Якобинцы не меньше рыцарей реакціи сумѣли внушить отвращеніе къ себѣ этому несчастному народу, требовавшему первымъ дѣломъ безопасности и покоя.

Въ концѣ концовъ совѣтъ старѣйшинъ счелъ невозможнымъ терпѣть, чтобы какая-то секта устраивала у самыхъ его дверей, у него подь носомъ и противъ него очагъ волненій. Манежъ, какъ и всѣ зданія, причисленные къ Тюльери, находился въ вѣдѣніи *инспекторовъ залы*—нѣчто въ родѣ квесторовъ, депутатовъ, облеченныхъ волею своихъ коллегъ широкими полномочіями по части суда и полицейскаго надзора. По порученію собранія, комиссія инспекторовъ объявила якобинцамъ, чтобъ они искали себѣ другого мѣста для разговоровъ. А такъ какъ внушеніе не подѣйствовало, совѣтъ формальной резолюціей воспретилъ имъ доступъ въ Манежъ. Тогда они покорились своей участи и переѣхали на другой берегъ Сены, въ улицу Бакъ, гдѣ и продолжали свои шумныя засѣданія въ старинной якобинской церкви св. Омы Аквинскаго.

Общественное мнѣніе все упорнѣе травило ихъ, выпуская на нихъ цѣлую тучу книжечекъ и брошюръ, гдѣ ихъ ругали и вышучивали безпощадно: *«Въшайте якобинцевъ—это жулики.—Вотъ убійцы народа!—Посмотримъ, кто посмѣется послѣдній; закрывайте ваши лавочки; якобинцы открыли свои.—Списокъ главнѣйшихъ якобинскихъ животныхъ, живыхъ, рѣдкихъ и любопытныхъ экземпляровъ, переведенныхъ изъ клѣтокъ дикихъ звѣрей въ Ботаническомъ саду въ конюшню Манежа.—И передъ глазами читателей проходилъ весь звѣринецъ, вся коллекція якобинскихъ типовъ — медвѣди, тигры, обезьяны. Въ театрѣ, если пьеса заключала въ себѣ хотя-бы мимолетный намекъ на эту, всѣми ненавидимую секту, этого было достаточно, чтобы зала гремѣла рукоплесканіями²⁾.*

¹⁾ См. отчетъ военной полиціи за мессидоръ, у *Schmidt'a*, III, 400.—Отчетъ военной полиціи за 20—21 мессидора. Военный архивъ, общая переписка.

²⁾ *Brinkman à Sparre*, 16 іюля, 301.

Прочно стоящія газеты, съ большимъ количествомъ подписчиковъ, — *Moniteur universel*, *Gazette nationale*, *Publiciste*, *Gazette de France*, *le Surveillant*, — храбро вели кампанію противъ клубистовъ и тираніи, которой тѣ хотѣли подчинить существующую власть. А серьезные публицисты нападали на самый принципъ свободы союзовъ и сходовъ, изображая его источникомъ величайшихъ опасностей и говоря, что ему нельзя дать оправиться отъ удара, нанесеннаго ему послѣднимъ взрывомъ демагогіи. «Якобинцы», пишетъ мадамъ де Сталь въ частномъ письмѣ, — «словно подрядились быть пугаломъ всѣхъ принциповъ свободы, чтобы помѣшать націи объединиться подъ знаменемъ ихъ»¹⁾. Именно по поводу беспорядковъ 1799 года формулировано было, въ видѣ проекта, въ одной брошюрѣ знаменитое постановленіе, впоследствии сведшее на нѣтъ право ассоціацій и раздробившее на мельчайшія частицы политическую дѣятельность французовъ. Это сдѣлалъ Редереръ, выпустившій брошюру съ такимъ выводомъ: «отнынѣ закономъ могутъ быть дозволяемы лишь такія политическія общества, въ которыхъ число членовъ не превышаетъ пятидесяти»²⁾. Поставьте двадцать вмѣсто пятидесяти, распространите запретъ на всѣ общества, не только политическаго, но и иного характера, и вы получите статью 391 Уголовнаго уложенія, заранѣе проредактированную будущимъ совѣтникомъ имперіи.

3.

Волнуя такимъ образомъ Парижъ, якобинцы не понимали народа; «девяносто девять сотыхъ Франціи съ ужасомъ отталкивали ихъ»³⁾, и все же вся страна трепетала отъ страха передъ ними. Посторонній наблюдатель признаетъ ихъ ничтожнымъ меньшинствомъ, но, прибавляетъ онъ, «ихъ партія несомнѣнно самая сильная, благодаря полному соответствію цѣли и средствъ у всѣхъ тѣхъ, кто безъ стыда становится подъ красное знамя. Наоборотъ, ихъ противники, т. е. почти вся нація, раздѣлились между

¹⁾ Архивъ Коппе, любезно открытый для насъ графомъ д'Оссонвиллемъ.

²⁾ *Roederer*, „Oewres“, VII, 94.

³⁾ „*Publiciste*“, 30 вандемьера.

собой; это большинство включаетъ и республиканцевъ; и роялистовъ всѣхъ оттѣнковъ, и равнодушныхъ, такъ что между ними нѣтъ ни единства интересовъ, ни единомыслия»¹⁾. Другая опасность проистекала отъ того, что демагоги, благодаря революціонному фаворитизму, сохранили многихъ приверженцевъ и въ полиціи, и въ штабахъ, и въ администраціяхъ. Послѣ 30-го преріала якобинцы воспользовались «генеральной чисткой»²⁾ страны для того, чтобы вкратъ въ многія учрежденія, замѣнивъ насытившихся алчущими. Это былъ въ ихъ рукахъ лишній козырь, не говоря уже о томъ, что въ совѣтъ пятисотъ большинство нерѣдко, хоть и не постоянно, оказывалось на ихъ сторонѣ, а у двоихъ изъ директоровъ они всегда находили снисхожденіе, если не положительную поддержку. Каждую минуту можно было ожидать, что они обманомъ или насиліемъ захватятъ власть.

Если при такихъ условіяхъ могла, все-таки, организоваться борьба съ возрождающимся терроризмомъ, то лишь потому, что этотъ натискъ снизу сильно тревожилъ революціонеровъ, превратившихся въ консерваторовъ, стремившихся упрочить за собой свои мѣста и водворить порядокъ въ странѣ; Сійэса онъ раздражалъ еще больше, чѣмъ пугалъ его. Ех-аббатъ началъ дѣйствовать исподоволь, за кулисами, подготавливая свой *coup d'état* съ цѣлью измѣненія конституціи и насажденія власти, по прежнему революціоннаго склада и происхожденія, по прежнему враждебной всякому, кто не представилъ достаточныхъ гарантій своей преданности новому порядку, но болѣе твердой, чѣмъ непослѣдовательная директорія, болѣе прочной, устойчивой, — надежнаго оплота противъ анархіи. Тутъ то и сказывается разница между затяжной интригой въ интересахъ претендента, приписываемой Баррасу, и всесторонне обдуманномъ планомъ Сійэса. Въ общемъ крушеніи Баррасъ думалъ бы только о себѣ; онъ приберегъ бы для себя выходъ, потайную дверь, чтобъ ускользнуть отъ республики. Сійэсъ хотѣлъ спасти цѣлую партію, воссоздавъ, хотя бы на время, республику для обезпеченныхъ революціонеровъ, которымъ

¹⁾ *Brinkman à Sparre*, 299, 300.

²⁾ *Ibid.*, 301.

теперь угрожаютъ и которыхъ тѣснить революціонеры необезпеченные: республику *правлящихъ якобинцевъ* противъ республики *якобинцевъ домогающихся* ¹⁾. Впрочемъ, и Баррасъ, хотя и продолжавшій лавировать между двумя противоположными партіями, повидимому, не прочь былъ, пока что, поддержать попытку ревизионистовъ ²⁾.

Общественное мнѣніе несомнѣнно было за неѣ. Въ массѣ люди порядка не любили и презирали пристроившихся революціонеровъ, но предпочитали все якобинцамъ. Сійэса упрекали въ томъ, что онъ ничего еще не сдѣлалъ и находили, что онъ ниже своей столь искусно вырощенной репутаціи. Въ полутьмѣ кулисъ онъ казался крупнѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ; теперь, при свѣтѣ лампы, онъ какъ будто уменьшился въ объемѣ. Упрекали его также въ непривѣтливости, въ надменности и въ томъ, что онъ установилъ въ Люксембургѣ нѣчто въ родѣ этикета. Тѣмъ не менѣе, еслибъ онъ наконецъ собрался съ духомъ и предпринялъ что нибудь рѣшительное, къ нему примкнули бы всѣ консервативные элементы, народившіеся въ самыхъ нѣдрахъ революціи. Талейранъ, съ своей стороны, усиленно работалъ, стараясь разсѣять упорное и вполне основательное предубѣжденіе людей стараго режима противъ этого врага ихъ сословія ³⁾. И все же, для того чтобы затѣя имѣла реальный успѣхъ, необходимо было поручить ея осуществленіе генералу, и притомъ генералу извѣстному, популярному, обладающему престижемъ побѣдителя. Въ этотъ періодъ поражений побѣдители были рѣдки; попытались нарочно изготовить такового.

Среди молодого поколѣнія военачальниковъ Жуберъ блисталъ яркой звѣздою. Онъ учился побѣждать у хорошаго учителя; за нимъ числилось уже немало блестящихъ и славныхъ воинскихъ подвиговъ; повторяли слова Бонапарта, при отъѣздѣ въ Египеть: «Я вамъ оставляю Жубера» ⁴⁾. Этотъ отважный, пылкій, рыцарски благородный молодой человекъ былъ зарей, надеждой для многихъ; иные находили въ немъ сходство съ Гошемъ, героемъ, похищен-

1) *La Fayette*, V, 29.

2) *Ibid.*, 128, 134.

3) „Notes manuscrites de Grouvelle“.

4) „Notes manuscrites de Grouvelle“.

нымъ у Франціи завистливою судьбой. Гласъ народа сулилъ ему блестящую будущность: *Tu Marcellus eris*. То, чего онъ былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ въ послѣдніе годы, внушало ему глубокое отвращеніе. За него взялся Сійэсъ, сначала наставлялъ его, затѣмъ ввѣрилъ ему командованіе итальянской арміей, вновь собранной и тщательно организованной за Аппенинами, не доходя Генуи. Передъ нею стоялъ Суворовъ, но у него было меньше людей, такъ какъ часть своей австро-русской арміи ему пришлось оставить позади, для осады Мантуи и ломбардскихъ крѣпостей. Вся политическая и военная комбинація Сійэса основывалась на этомъ временномъ превосходствѣ нашихъ силъ надъ силами противника²⁾.

Планъ былъ таковъ: Жуберъ тотчасъ-же ѣдетъ въ главную квартиру, сильнымъ толчкомъ поднимаетъ армію и переходитъ въ наступленіе. Конечно, благоразумнѣе было бы подождать, пока къ итальянской арміи присоединится альпійская, формировавшаяся подъ предводительствомъ Шампионнэ, и, быть можетъ, оставаться на позиціи угрожающей обороны, но гражданскіе реформаторы могли ждать спасенія лишь отъ блестящей битвы, отъ побѣды, отголосокъ которой прошелъ бы по всей странѣ, и ставили рискованную ставку: «на квитъ или вдвойнѣ»³⁾ (*«quitte ou double»*). Итакъ, рѣшено было, что Жуберъ пойдетъ на Суворова и, какъ рассчитывалъ Сійэсъ, дастъ ему сраженіе; успѣхъ сдѣ-

1) „Memoires de Fouché“, I, 93.

2) Слѣдующая записка, адресованная Сійэсомъ военному министру, показываетъ, что этотъ директоръ былъ увѣренъ въ успѣхѣ нашихъ войскъ въ Италіи: „Итальянская и альпійская арміи вмѣстѣ представляютъ силу, по меньшей мѣрѣ равную силамъ непріятельскаго генерала Суворова. Ему нужно еще обложить нѣсколько крѣпостей, поддерживать осаду другихъ. Весьма вѣроятно, что мы въ скоромъ времени возьмемъ перевѣсъ надъ войсками, раздѣленными такимъ образомъ на нѣсколько корпусовъ . . .“ Военный архивъ, общая переписка.

3) *La Fayette*, письмо къ *Latour-Maubourg*, отъ 17 октября, 123. Въ мемуары лицъ болѣе или менѣе причастныхъ этимъ событіямъ, согласуются между собой относительно роли, предназначенной Жуберу, но длинное письмо Лафайета къ Латуръ-Мобуру, написанное на основаніи положительныхъ данныхъ, имѣетъ цѣнность свидѣтельства современника.

лаеть Жубера почти спасителемъ отечества и на время властителемъ думъ. Тогда можно будетъ воспользоваться имъ,—какимъ способомъ, это ужъ опредѣлится впоследствии, —чтобы раздавить яacobинскую факцію, распустить совѣтъ пятисотъ и потребовать пересмотра конституціи.

Это былъ-бы не произвольный переворотъ, учиненный войсками, не бунтъ преторіанцовъ,—такая вещь въ то время никому не приходила въ голову, и армія, по всей вѣроятности, воспротивилась бы ей. Нѣтъ, инициатива должна была исходить отъ гражданскихъ властей, должностныхъ лицъ, пользующихся репутаціей талантливыхъ и знающихъ людей; а они послали бы армію на приступъ и безъ того уже готоваго рухнуть законодательнаго учрежденія; на языкѣ того времени это называлось «призвать силу на помощь мудрости»¹⁾. А тамъ Сійэсъ разоблачитъ свой планъ, укажетъ на опасность, грозящую со стороны анархистовъ, провозгласитъ необходимость «дать Франціи новыя учрежденія и больше власти правительству»; затѣмъ, объединивъ большинство старѣйшинъ и часть правительственныхъ силъ, призоветъ войска, наэлектризованныя Жуберомъ, и предложитъ имъ принять рѣшительныя мѣры противъ диссидентовъ. А въ результатѣ, подъ эгидой военачальника съ блестящей репутаціей, будетъ учреждено правительство, во главѣ котораго фактически станеть Сійэсъ.

Это былъ планъ брюмерскаго переворота, составленный за четыре мѣсяца до самаго событія. Общія очертанія уже выяснились, понемногу собирались и дѣйствующія лица; недоставало только главнаго актера и настоящаго бенефицианта. Сійэсъ думалъ расчислить путь Жуберу и, главное, себѣ самому; онъ расчищалъ его для третьяго. Бонапартъ, въ плѣну у своихъ побѣдъ, отдѣленный враждебными морями отъ Франціи, поставленный въ невозможность дать о себѣ хотя бы вѣсточку, казалось, стоялъ совсѣмъ въ сторонѣ: его нечего было и принимать въ расчетъ. Но такъ какъ онъ, все-таки, могъ возвратиться, и тогда передъ его славой померкнетъ всякая другая, и сдѣлать что-нибудь можно будетъ только

¹⁾ Такъ „*Moniteur*“ охарактеризовалъ брюмеръ. Послѣ 18-го фрюктидора директорія говорила буквально то-же: „Мудрость вела силу.“

при его участіи и посредствѣ,—Сійэсъ пытался окольнымъ путемъ завязать съ нимъ сношенія и щадилъ факцію *братьевъ*, о которой ходила молва, что у нея есть какіе-то пути сообщенія съ Египтомъ. Говорили, что Талейранъ, самый ловкій сотрудникъ Сійэса, давно уже старался посадить въ александрійское правленіе собственныхъ эмиссаровъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, какъ орудіе, Жуберъ казался много пригоднѣе; Бонапартъ выказалъ себя слишкомъ крупной личностью, слишкомъ честолюбивымъ, выходящимъ изъ рамокъ роли.

Вербовать помощниковъ было не трудно и среди другихъ начальниковъ войскъ. Анархія въ директоріи и парламентская суетня становились отвратительны генераламъ. Этотъ режимъ безсилія и болтовни претилъ ихъ мужественной натурѣ; ихъ воротило съ души отъ всѣхъ этихъ революціонныхъ неурядицъ и смрада. Одни переходили къ якобинцамъ изъ честолюбія, или по грубости природы, въ надеждѣ найти въ нихъ что-то пылкое и сильное; многіе другіе выслушивали предложенія роялистовъ, допускали къ себѣ агентовъ, обѣщали оказывать услуги, подготовляли почву для частныхъ своихъ переговоровъ съ Людовикомъ XVIII. Были и такіе, что громили правительство вмѣстѣ съ якобинцами, а сами подъ шумокъ вступали въ заговоры съ роялистами; всѣ чувствовали, что существующій порядокъ трещить и норовили отойти подальше, чтобъ не погибнуть подъ развалинами. Наболѣе благоразумныя предпочли бы «укрѣпиться на сносной позиціи между якобинствомъ и контръ-революціей» ²⁾.

Таково было, напримѣръ, мнѣніе Моро, который былъ знакомъ съ планомъ Сійэса и одобрялъ его. Моро, съ его почетной и громкой извѣстностью, былъ бы весьма полезнымъ сотрудникомъ, но человекъ этотъ, столь хладнокровный и мужественный передъ лицомъ врага, боялся политики и считалъ себя неспособнымъ къ ней; какъ только затѣвалось что-нибудь въ области внутренней жизни страны, онъ добровольно отступалъ на второй планъ. Онъ соглашался только сдѣлаться главнымъ ассистентомъ Жубера,

¹⁾ „*Souvenirs de Le Cousteulx de Canteleu*“, у *Lescure'a*, „*Mémoires sur les journées révolutionnaires*“, II, 213—214.

²⁾ *La Fayette*, V, 117.

если послѣдній станетъ во главѣ предпріятія; совершенно отказываясь отъ инициативы, онъ готовъ былъ итти вслѣдъ за другими. Заручились также содѣйствіемъ Макдональда, послѣ Требиі вернувшася въ Парижъ, чтобы вылечить свою рану, и бывшаго военнаго министра, Бернонвилля; ихъ можно было противопоставить генераламъ, игравшимъ въ руку якобинцамъ—Журдану, Ожеро, Бернадоту.

Что касается не военныхъ сотрудниковъ, Сійэсъ чувствовалъ необходимость искать ихъ не только среди бывшихъ конвенціоналистовъ и революціонеровъ, занимающихъ государственныя должности; онъ домогался привлечь на свою сторону остатки прежнихъ либеральныхъ и умѣренныхъ партій. Въ тайну были посвящены такіе люди, какъ Петіэ, бывшій военный министръ, и хорошій министръ; какъ Эмери, другъ Лафайета; и они старались для Сійэса. Но настоящіе вожди либераловъ томились въ изгнаніи, вдали отъ Франціи; то были, съ одной стороны, нѣкоторые члены учредительнаго собранія 1782 года, Лафайетъ, братья Ламетъ, Латуръ, Мобуръ; съ другой стороны, тѣ изъ пострадавшихъ въ фрюк-тидорѣ, кто никогда не примыкалъ къ чистой реакціи, въ томъ числѣ Карно. Обѣ категоріи были разбросаны по Германіи и Голландіи, но сохранили связь съ Парижемъ, сохранили тамъ сочувствующихъ, родныхъ, друзей, черезъ которыхъ могли воздѣйствовать на другихъ, и Сійэсъ находилъ, что съ этими элементами, какъ они ни неприяты, слѣдуетъ считаться. Теперь въ его планъ входило объединить противъ якобинства умѣренныхъ всѣхъ оттѣнковъ и всѣхъ эпохъ.

По словамъ достовѣрнаго свидѣтеля, онъ видѣлся съ Карно въ Голландіи, проѣздомъ изъ Берлина въ Парижъ для вступленія въ директорію ¹⁾. Карно самъ былъ радъ помочь рѣшительному шагу, который вновь открылъ-бы доступъ во Францію *патріотамъ*, изгнаннымъ за политическую порядочность. Но, вѣрный своему республиканскому идеалу, онъ допускалъ вмѣшательство войскъ лишь съ цѣлью очистить совѣты, дать мать якобинцамъ, отмѣнить исключительные законы и обезпечить правильное функціонированіе существующихъ учреждений. Онъ взялъ на себя подготовить

¹⁾ *La Fayette*, письмо къ *Latour-Maubourg*, V, 118.

Лафайета, поселившагося въ окрестностяхъ Утрехта; несмотря на горькія воспоминанія, общность несчастія, желаніе вновь составить себѣ партію и забота объ общественномъ благѣ вели ихъ къ сближенію ¹⁾. Одновременно съ этимъ Лафайета подготовляла его жена, пріѣзжавшая въ Парижъ, гдѣ она видѣлась съ Сійэсомъ и Эмери; установились также косвенныя сношенія между нимъ и Жуберомъ съ Моро; черезъ различныхъ посредниковъ онъ получалъ «важныя признанія» (*de grandes confidences*) ²⁾ и предложенія.

Лафайетъ въ изгнаніи смотрѣлъ на себя, какъ на претендента. Онъ считалъ, что олицетворяетъ собою цѣлый режимъ, воплощаетъ принципъ, представляетъ свободу, которая когда-нибудь придетъ спасти и поднять Францію. Но, если порой онъ и говорилъ о томъ, какъ онъ неожиданно вернется во Францію и вѣдетъ въ Парижъ на своемъ бѣломъ конѣ, онъ очень быстро отрѣшался отъ этихъ химеръ; хорошо освѣдомленный относительно настроенія народа, онъ чувствовалъ, что утратилъ свою власть надъ массами и грустно носилъ трауръ по своей популярности, не смиряясь однако вполне и не вѣря, чтобы парижане совсѣмъ позабыли «бѣлую лошадь» ³⁾. Оставаясь всей своей пылкой душой французомъ, онъ ненавидѣлъ контръ-революцію и партію за-границы, но, съ другой стороны, ненавидѣлъ и тѣхъ, кто нынѣ держалъ въ своихъ рукахъ власть, конвенціоналистовъ и ихъ приспѣшниковъ, этихъ тирановъ, столь гнусно монополизировавшихъ общественное благо, и чувствовалъ, что они питаютъ неискоренимое недовѣріе къ либераламъ.— «Эти люди,—писалъ онъ, и весьма справедливо,—готовы скорѣй возстановить — безъ насъ — королевскую власть и, быть можетъ, аристократію, чѣмъ упрочить съ нашей помощью наилучшее республиканское правительство» ⁴⁾. Разъ ужъ эти люди начали дѣлать ему авансы, значить

¹⁾ Сынъ Карно не вѣритъ въ это свиданіе и переговоры. („*Mémoires sur Carnot par son fils*“, II, 199—209), но намъ трудно усумниться въ правдивости Лафайета въ его конфиденціальномъ письмѣ къ Латурь-Мобуру.

²⁾ Письмо къ *Latour-Maubourg*, *La Fayette*, V, 120.

³⁾ Письмо къ *M. Masclat*, 8 мая 1799, *Ibid*, V, 27.

⁴⁾ *Lettre à Latour-Maubourg*, 18 octobre, V, 134.

за ними гонится по пятамъ неминуемая гибель; при такихъ условіяхъ, Лафайетъ склоненъ былъ воспользоваться ихъ содѣйствіемъ.

Онъ убѣдился, что, при полномъ почти упадкѣ духа въ народѣ, переменить правительство можно только съ помощью одной изъ правящихъ группъ. Онъ полагалъ, что, «если добрые граждане не умѣютъ ни конспирировать, ни бунтовать, лучше быть обязаннымъ спасеніемъ Франціи обратившимся грѣшникамъ, чѣмъ не спасать ее вовсе. Разъ порѣшивъ извлечь выгоду изъ корыстолюбія конвенціоналистовъ, мы должны были желать, чтобы между ними произошелъ расколъ, чтобы у преступленія явились свои козлы отпущенія, но странно было надѣяться, что люди, захватившіе власть, откажутся отъ нея въ пользу тѣхъ, кто ничего не можетъ и не смѣетъ, если только эти послѣдніе не предоставятъ имъ значительной доли этой власти вмѣстѣ съ гарантіей, что ихъ не будутъ стараться окончательно опозорить и погубить, какъ передъ 18 фрюктидора»²⁾. Между разсуждающимъ такимъ образомъ Лафайетомъ и партіей переворота съ цѣлью преобразованій, установилось нѣчто въ родѣ возобновляющихся время отъ времени переговоровъ на разстояніи.

Лафайетъ требовалъ гарантій въ томъ, что правительство будущаго дѣйствительно поставитъ себѣ задачей поправить зло и будетъ терпимымъ; почему бы не вернуть всѣхъ эмигрантовъ, не зачисленныхъ въ списки непріятельскихъ армій? Въ Парижѣ скупились, торговались; соглашались вернуть только изгнанниковъ, которые представляютъ надежный залогъ; въ особенности, не надо священниковъ; желать ихъ возвращенія, это значитъ «желать контръ-революціи»³⁾. Впрочемъ, о формальномъ соглашеніи съ Лафайетомъ и его друзьями, о требованіи отъ нихъ непосредственнаго и безотлагательнаго содѣйствія не было и рѣчи. Ихъ хотѣли только предупредить, посоветовать имъ не удаляться, особенно отъ границы, для того, чтобы, когда ударъ будетъ нанесенъ и водворится новое правительство, можно было вернуть ихъ, показать, пустить въ ходъ, похвастать ихъ порядочностью, ихъ талантами.

³⁾ *Ibid.*, 18 octobre, 100.

²⁾ *La Fayette*, V, 120.

Такъ работали Сійэсъ и его друзья, подготавливая свое завтра; они загадывали даже и впередъ, на послѣзавтра. Для многихъ изъ нихъ въ будущемъ, какъ они его себѣ представляли, Жуберъ былъ лишь переходной ступенью, Бонапартъ орудіемъ про запасъ; настоящей исходъ былъ въ иномъ—въ королевской власти революціоннаго издѣлія, которая окончательно упрочила-бы занятое положеніе и прибрѣтенныя выгоды.

Человѣку, возводившему въ принципъ необходимость порвать со всѣми нашими традиціями, не могла не улыбаться мысль объ иностранномъ государѣ—нѣмцѣ и протестантѣ. Сійэсъ говорилъ: «Такъ называемыя историческія истины не болѣе реальны, чѣмъ такъ называемыя истины религіозныя» ¹⁾. Онъ не одинъ такъ думалъ; обаяніе, которое имѣли протестантизмъ и Пруссія, и воспоминаніе о королѣ-философѣ для цѣлой группы революціонныхъ вождей, вводили ихъ иногда въ странныя заблужденія. Они склонны были воображать, что предаться въ руки ученика великаго Фридриха, государя-философа, хотя бы и исповѣдующаго официально лютеранство, было бы для революціи наилучшимъ исходомъ, который удовлетворилъ бы всѣхъ: правящей группѣ обезпечилъ безнаказанность и спокойное наслажденіе прибрѣтеннымъ; народу который до сихъ поръ еще не удалось заставить отрѣшиться отъ всякихъ религіозныхъ идей, — *minimum* христіанства. Этотъ обманчивый способъ разрѣшенія религіозной проблемы соблазнялъ и очень благородные умы; госпожа де-Сталь, въ одномъ своемъ трудѣ, который она готовила къ печати, но который напечатанъ не былъ, предлагала сдѣлать протестантство государственной религіей ²⁾. Одинъ изъ близкихъ друзей Талейрана, Сентъ-Фуа, болѣе практичный, говорилъ русскому посланнику: «Власти и здраво разсуждающая часть націи не рѣшились бы подать голосъ за Бурбона. Они скорѣе высказались бы за нѣмецкаго государя-протестанта»; и онъ называлъ принца Людвиг-Фердинанда Прусскаго ³⁾. Нѣкоторые,

¹⁾ Фраза, цитированная *Albert Sorel* емъ въ его „*La Révolution et l'Europe*“, IV, 295.

²⁾ „*Madame de Staël et la République en 1798*“ par M. Paul Gautier „*Revue des Deux Mondes*“, 1 ноября 1899.

³⁾ *Baillue*, I, 330.

возвращаясь къ старой идеѣ, подумывали о протекторѣ и шепоткомъ твердили имя герцога Брауншвейгскаго, полагая, что Франці можно навязать короля, прикрывая его вначалѣ республиканскимъ титуломъ. Всѣхъ этихъ разрушителей мучила теперь потребность возсоздавать и возстановлять, но такъ какъ большинство изъ нихъ были ренегатами или цареубійцами, такъ какъ для нихъ невысказано было возвращеніе къ основнымъ традиціямъ, такъ какъ они не хотѣли ни короля, ни католицизма, они изошлись въ поискахъ какой-нибудь подходящей религіи и псевдо-монархіи.

Въ яacobинскихъ кружкахъ съ рѣзко патріотической окраской, на Сійэса сыпалось много нареканій за то, что онъ въ бытность свою въ Берлинѣ подготавливалъ именно такого рода комбинацію съ прусскимъ, или, по крайней мѣрѣ, нѣмецкимъ государемъ. По нѣкоторымъ даннымъ, можно предполагать, что онъ дѣйствительно объ этомъ думалъ, что объ этомъ думали окружающіе его ¹⁾. На пути въ директорію, онъ также искалъ внѣ предѣловъ Франці желаемого объекта, короля революціонеровъ, котораго можно было бы, въ концѣ концовъ, противопоставить королю эмигрантовъ. Человѣкъ, уже по своему положенію хорошо освѣдомленный, Камбасерэсъ, формально заявляетъ, что былъ моментъ, когда «Сійэсъ прислушивался къ предложеніямъ, исходившимъ отъ герцога Орлеанскаго; въ то время другомъ и повѣреннымъ Сійэса былъ Талейранъ, и переговоры съ агентами герцога велись черезъ его посредство» ²⁾. Во всѣхъ интригахъ того времени видна рука Талейрана; она служитъ между ними связующимъ звеномъ, примѣряетъ и мѣшаетъ вмѣстѣ всѣ комбинаціи.

Съ другой стороны, на основаніи подробныхъ свѣдѣній, доставлявшихся Лафайету, чтобы держать его въ курсѣ дѣла, этотъ послѣдній писалъ Латурь-Мобуру, что Сійэсъ соглашается «на возстановленіе королевской власти» ³⁾. На-

¹⁾ См. разговоръ, приведенный въ мемуарахъ Фуше („*Mémoires de Fouché*“), I, 70, 71). *Madelin* установилъ, что эти мемуары, вначалѣ слышавшіе апокрифическими, были несомнѣнно инспирированы Фуше, и что ихъ свидѣтельствомъ не слѣдуетъ пренебрегать. „*La Révolution française*“, 14 septembre 1900.

²⁾ „*Éclaircissements inédits*“ de Cambacerès“.

³⁾ „*Lettre du 17 octobre*“, 123.

двигающаяся опасность объединила всю партію «въ убѣжденіи, что окончить войну и спасти свободу можно только поставивъ во главѣ правительства конституціоннаго государя, но коалиція съ одной стороны и якобинцы съ другой напирала такъ сильно, что предварительно нужно было выиграть битву противъ державъ и дать другую якобинцамъ въ совѣтъ пятисотъ»¹⁾). Существовало ли формальное соглашеніе, договоръ съ младшей линіей? Нѣтъ,—была просто тайная склонность и тенденція въ пользу такой королевской власти, которая была бы изъ всѣхъ реакцій наименѣе реакціонной. Въ этомъ смыслѣ операція, неожиданно принявшая, благодаря возвращенію Бонапарта изъ Египта, выгодный для него оборотъ, была задумана, какъ предпріятіе съ республиканской исходной точкой и орлеанистскимъ заключеніемъ.

¹⁾ *Lettre du 17 octobre, 122.*

Глава III

Борьба партій

Отъездъ Жубера въ Италию; его женитьба. — Сійэсъ начинаетъ борьбу противъ якобинцевъ. — Его рѣчи на Марсовомъ Полѣ. — Парижскій комендантъ и военный министръ. — Камбасерэсъ. — Старѣйшины. — Перемѣны въ парижскомъ гарнизонѣ. — Якобинцы улицы Бакъ. — Обращеніе къ Фуше; его назначеніе министромъ полиціи. — Какъ онъ сразу поставилъ себя въ глазахъ общества. — Ловкая осада. — Пули 10-го августа. — Марбо устраненъ. — Закрытіе клуба; отношеніе къ этому населенія; страхи совѣта пятисотъ. — Якобинская агитація въ провинціи; роялистская контръ-агитація. — Мѣсяць жизни въ провинціи. — Югъ; эмидемія разбоевъ и убійствъ. — Долина Роны. — Лионъ. — Центръ. — Юго-Западу грозитъ возстаніе. — Тулуза и Бордо. — Упадокъ духа въ Вандеѣ. — Шуаны. — Волненія въ сѣверныхъ городахъ. — Бельгія и рейнскіе департаменты. — Четыре Вандеи въ перспективѣ. — Сила и слабость роялистской партіи; принцы. — Возстаніе въ Верхней Гароннѣ и сосѣднихъ департаментахъ. — Западъ отсталъ; рѣшено взяться за оружіе. — Три заговора. — Что предпринимаетъ правительство. — Воззваніе *madame* де Сталь къ справедливости. — Тираниа и распущенность.

1.

Жуберъ выѣхалъ изъ Парижа 28 мессидора—16 іюля, съ тѣмъ, чтобы разбить Суворова и снять трауръ съ нашихъ знаменъ, унося съ собой надежды политиковъ, ожидавшихъ отъ генерала-побѣдителя созданія новаго правительства и преобразованія Франціи. Въ заботахъ о его успѣхѣ, какъ внѣ, такъ и внутри страны, посвященные не останавливались ни передъ чѣмъ. Рѣшено было дать ему въ товарищи и менторы Моро, поставивъ рядомъ съ пылкостью мудрость. Чтобы привязать Жубера къ тому, что было тогда наиболѣе привлекательнаго въ политическомъ мірѣ и

обществѣ, ему сосватали невѣсту, дѣвицу де Монтолонъ, племянницу Семонвилля, человѣка, все предвидѣвшаго и всегда обращающаго взоръ въ сторону восходящаго свѣтила.

Приключенія Жубера начинались какъ сантиментальный романъ; это нравилось парижанамъ. Свадьбу сыграли въ Гранпрэ, въ Шампани; затѣмъ генераль отвезъ молодую жену къ своимъ родителямъ въ Понъ-де-Во, въ его родной департаментъ, Энъ (*Ain*). Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ объятіяхъ жены, онъ вырвался изъ сладостныхъ оковъ и помчался въ бой, унося съ собою талисманъ—*ея* портретъ. Онъ выказывалъ лихорадочное нетерпѣніе побѣдить, прославить себя новой славой и затѣмъ бросить на чашку политическихъ вѣсовъ всю тяжесть своего меча.

Онъ несомнѣнно готовъ былъ произвести переворотъ; гораздо менѣе несомнѣнно, чтобъ онъ захотѣлъ всецѣло подчиниться Сійэсу и работать исключительно для буржуазной факціи. Съ Гойе онъ не стѣснялся дурно говорить о Сійэсѣ¹⁾; онъ выставялъ на видъ свою восторженную преданность республикѣ, что не мѣшало ему допускать къ себѣ эмисаровъ претендента²⁾. Замѣчательно, что правительство реставраціи, столь враждебное памяти и славѣ революціи, оказало памяти Жубера почти официальный почетъ³⁾. Слѣдуетъ ли изъ этого, что Жуберъ, готовясь нанести рѣшительный ударъ, стремясь прежде всего спасти Францію отъ опасности, грозившей ей извнѣ, и отъ анархистовъ, въ то-же время не отгонялъ отъ себя мысли впоследствии завести переговоры о реставраціи? Какъ бы то ни было, вообще, генералы, вошедшіе въ это дѣло, менѣе непримиримые, чѣмъ реформаторы конвенціоналисты, менѣе стѣсненные обременительнымъ прошлымъ, отнюдь не намѣрены были предоставить *штафиркамъ* организовать бу-

1) „*Mémoires de Gohier*“, I, 53.

2) Впослѣдствіи, *Сенъ-При* (*Saint-Priest*) писалъ барону *d'André*: „Что до Жубера, онъ умеръ, и, значить, его сношеніямъ съ вами конецъ“. — „Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ“, 23 сентября 1799 г.

3) Когда ему воздвигали памятникъ въ его родномъ городѣ, правительство реставраціи доставило на свой счетъ всѣ необходимыя матерьялы.

дущее правительство, орудуя по своему произволу и соблюдая исключительно свою выгоду ¹⁾). Можно думать, что и Жуберъ, если онъ и рассчитывалъ достигнуть власти съ помощью Сійэса и его группы, мечталъ впоследствии разыграть роль посредника между партіями, быть можетъ; примирителя Франціи и Бурбоновъ.

Для Сійэса самое важное было удержать за собой власть до побѣдоноснаго возвращенія Жубера, чтобы не пропустить момента, чтобы помочь побѣдителю ворваться въ крѣпость и облегчить ему вторженіе. Онъ началъ бороться съ якобинцами легальными средствами и съ большей настойчивостью, чѣмъ отъ него ожидали. Отъ природы не мужественный, онъ сталъ отважнымъ подъ давленіемъ необходимости и страха. Явная опасность и засѣвшій въ его мозгу великій планъ, казалось, измѣнили его характеръ; друзья не узнавали его ²⁾). Въ этотъ періодъ онъ былъ поистинѣ главнымъ дѣятелемъ общественной защиты.

Обычная перетасовка директоровъ сдѣлала его на четыре мѣсяца президентомъ. Какъ таковой, онъ былъ первымъ лицомъ въ области представительства и предсѣдательствовалъ на національныхъ торжествахъ. Всѣ народныя праздники, всѣ великія годовщины революціи приходились на лѣто и слѣдовали одна за другой: 14 іюля, 9 и 10 термидора, 10 августа, 18 фрюктидора, 22 вандемьера. Въ эти числа въ память великихъ событій устраивались торжественныя церемоніи на Марсовомъ Полѣ съ военными парадомъ, дефилированіемъ войскъ, пушечными залпами, музыкой, пѣніемъ приличествующихъ случаю гимновъ, съ благоговѣніемъ, курившимися въ урнахъ вокругъ алтаря Отечества, съ аллегоріями и псевдо-римской декорацией, разукрашенной снопами цвѣтовъ и гирляндами ³⁾). Директора въ парадномъ уборѣ возсѣдали впереди всѣхъ прочихъ властей на массивныхъ раззолоченныхъ креслахъ; президентъ въ своей рѣчи обращался ко всей Франціи. 14 іюля и, въ особенноти, 10 термидора, дали случай высказаться Сійэсу.

¹⁾ *La Fayette*, V, 123.

²⁾ *Cambacérés*, „*Eclaircissements inédits*“.

³⁾ „*Lettres de Constant*“, 30.

Онъ публично объявилъ войну якобинцамъ, напомнилъ о кровавой и грязной тираніи, которой они въ свое время угнетали Францію: «Какой урокъ! Люди безъ талантовъ, но не безъ удали, въ одномъ имени свободы, которую они профанировали, черпали непостижимую силу, чудовищную власть, какой не было примѣра въ исторіи и — клянусь республикой! — никогда не будетъ возврата ¹⁾. Это было первое предостереженіе смутьянамъ; Сійэсъ поднялъ знамя порядка.

Сійэсъ весьма практично старался обезпечить за собою позиціи, необходимыя для того, кто хочетъ произвести во Франціи государственный переворотъ при помощи войскъ: посты парижскаго коменданта и военнаго министра. Люди, въ данный моментъ занимавшіе оба эти поста, Марбо и Бернадотъ, повидимому, всецѣло были на сторонѣ якобинцевъ. Сійэсъ искалъ только предлога отставить Марбо и замѣнить его своимъ человѣкомъ. Самымъ крупнымъ препятствіемъ казался ему Бернадотъ, и онъ, какъ кротъ, подкапывался подъ него, стараясь убѣдить Барраса, что первое качество, требующееся отъ военнаго министра, это отсутствіе характера и яркой индивидуальности, угодливая покладистость ²⁾. Впрочемъ, и его коллеги начинали находить, что Бернадотъ слишкомъ шумитъ и занимаетъ чересчуръ много мѣста; за этимъ громоздкимъ и бьющимъ въ глаза персонажемъ ступшеывались официальные главы государства.

Сійэсу дѣятельно помогалъ Камбасерэсъ. Онъ, съ своей стороны, старался отобрать у якобинцевъ часть захваченнаго ими. Послѣ 30 преріаля, когда эта факція брала себѣ все, что хотѣла, въ руки ея отдана была между прочимъ и центральная администрація Сены, такъ называемый тогда *департаментъ* Сены, коллективная власть, поставленная надъ окружными муниципалитетами и правившая Парижемъ. Подъ предсѣдательствомъ бывшаго дантониста Лашевардьера эта администрація могла въ критическую минуту организо-

¹⁾ Текстъ официальныхъ рѣчей этого періода находимъ *in extenso* въ „*Moniteur*“^ъ, хотя эта газета въ то время еще не была официальной.

²⁾ *Barras*, III, 388—389.

вать возмущеніе черни; свое направленіе она уже обнаружила, составивъ списокъ присяжныхъ изъ ультра-революціонеровъ. Въ качествѣ министра юстиціи, Камбасерэсъ обратилъ на это вниманіе директоріи; директора, по малодушію, не посмѣли воспользоваться своимъ правомъ и признать списокъ недѣйствительнымъ. Камбасерэсъ по собственному почину устроилъ такъ, что суды не утвердили списка ¹⁾. Въ то же время онъ всячески старался низвергнуть лицъ, составившихъ его, а это значило заблаговременно уничтожить центральный комитетъ инсургентовъ.

Въ политическихъ собраніяхъ интрига ревизионистовъ, подготовлявшихъ реформу конституціи съ оружіемъ въ рукахъ, глухо развивалась и неслышно шагала впередъ. Совѣтъ старѣйшинъ положительно превратился въ сборище умудренныхъ опытомъ революціонеровъ; одинъ изъ членовъ его, Куртуа, извѣстный термидорецъ, недавно произнесъ ядовитую рѣчь противъ странствующаго клуба, изгнаннаго изъ Манежа и теперь отыскивающаго себѣ другое пристанище; старѣйшины казалось, готовы были на все, лишь бы вырвать Францію изъ лапъ якобинцевъ. Сійэсъ льстилъ себя надеждой привлечь на свою сторону большую часть членовъ этого совѣта, сдѣлать изъ этой группы главный рычагъ и, въ случаѣ надобности, пустить его въ ходъ противъ другого совѣта. Въ средѣ пятисотъ партія умѣренныхъ принимала все болѣе и болѣе желательную Сійэсу окраску, но большинство все еще ускользало отъ него. То якобинское, то просто конституціонное, это большинство ревниво оберегало прерогативы и неприкосновенность собранія.

Въ одинъ законопроектъ «о гарантіяхъ гражданской свободы» совѣтъ пятисотъ включилъ параграфъ, лишавшій директорію права вводить въ конституціонный районъ, т. е. въ Парижъ и его окрестности, такое количество войскъ, какое она найдетъ нужнымъ. Это право, противное конституціи, директорія присвоила себѣ 18 фрюктидора для того, чтобъ имѣть возможность произвести насильственный переворотъ, а на другой день послѣ переворота утвердила его за собой законодательнымъ порядкомъ. Параграфъ, отнимавшій у нея это право, не прошелъ въ совѣтѣ старѣй-

¹⁾ Cambacérès, „*Eclaircissements inédits*“.

шинъ, отказавшихся его санкціонировать. Два стоявшихъ въ Парижѣ полка, посланные на границу, могли быть замѣнены 79-й полубригадой, 8-мъ и 9-мъ драгунскими полками; 79-я полубригада была взята въ плѣнъ русскими, въ Корфу, и отпущена лишь подъ условіемъ не сражаться болѣе съ иностранцами; драгуны большею частью возвратились домой также плѣнниками на честное слово. Эти-то войска и обращены были въ столичный гарнизонъ. Сійэсъ, быть можетъ, предназначалъ имъ низвергнуть конституцію, по знаку Жубера, но, какъ оказалось, они были прежде всего и фанатически преданы Бонапарту, подъ начальствомъ котораго участвовали въ итальянской кампаніи.

Въ директоріи постепенно подвигалось впередъ сближеніе Барраса съ Сійэсомъ; формировалось большинство сопротивленія. Сами Гойе и Муланъ порой пугались анархистскаго движенія; ихъ не могъ не встревожить яростный протестъ клуба, изгнаннаго изъ Манежа, противъ насильственнаго переселенія его въ улицу Бакъ; клубисты подняли страшный шумъ, расклеили повсюду негодующія воззванія; какой-то субъектъ крикнулъ съ трибуны: «къ оружію!»¹⁾ А число членовъ собранія все росло; по слухамъ ихъ было теперь уже больше трехъ тысячъ; клубъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ безпокойныхъ людей, всѣхъ смутьяновъ, и служилъ для нихъ центромъ.

Правда, въ совѣтѣ пятисотъ не разъ подымался вопросъ о выработкѣ закона, который, признавая существованіе политическихъ обществъ, въ то-же время регламентировалъ бы ихъ. Это былъ бы способъ запретить клубистовъ въ кругу строжайшихъ запрещеній, поставить имъ законные предѣлы, но результатъ всѣхъ этихъ парламентскихъ переговоровъ оставался проблематическимъ и заставлялъ себя долго ждать. Совѣтъ пятисотъ вообще не легко приходилъ къ опредѣленному рѣшенію; напрасно директорія торопила его, ссылаясь на неотложныя дѣла. «Дѣла продолжали лежать подъ спудомъ въ бюро комиссій»²⁾, а факція, засѣдавшая въ манежѣ, продолжала ругать весь міръ, изрыгая зажигательныя воззванія. Въ виду такого упорства, дирек-

1) Отчетъ о засѣданіи 8-го фрюктидора, „*Gazette de France*“.

2) „*Lettre de Robert Lindet*“. Montier, 377.

торія уже предвидѣла необходимость вмѣшаться самой и закрыть клубъ административнымъ порядкомъ.

Для того, чтобы нанести этотъ ударъ, нуженъ былъ министръ полиціи, не отступающій передъ крутыми мѣрами. По общему признанію, Бургиньонъ былъ не на высотѣ такой задачи. Онъ былъ всего только порядочный человекъ и охотникъ до грубыхъ шутокъ; должность же его требовала совсѣмъ иного; онъ не умѣлъ импонировать; для этого у него не хватало и надлежащаго вида, и надлежащей осанки. На его мѣсто прочили человека съ мрачнымъ прошлымъ,— но всѣмъ извѣстнаго за человека энергичнаго,—къ тому-же всѣ знали, что у него есть основательныя причины не желать, чтобы факція манежа захватила власть въ свои руки,— бывшего священника, Фушэ, прославившагося своими подвигами въ Нантѣ и еще больше въ Ліонѣ, виднаго участника пальбы и рѣзни во второмъ по значенію городѣ Франціи.

Послѣ термидора Фуше нырнулъ въ глубину и жилъ тамъ хуже, чѣмъ жалкимъ и презрѣннымъ,—забытымъ, занимаясь черной работой въ полиціи, пробуя счастья и въ дѣлахъ, и въ спекуляціяхъ, то пытаясь нажить на откармливаніи свиней, то вымаливая себѣ мѣсто, самое маленькое мѣстечко, («мѣстишко»¹⁾), лишь бы только не умереть съ голоду и прокормить семью, ибо въ своей конурѣ онъ оставался превосходнымъ мужемъ очень некрасивой жены и отличнымъ семьяниномъ. Мало-по-малу онъ вылѣзъ изъ своей ямы на свѣтъ божій, цѣпляясь за что только могъ, и даже вошелъ въ милость къ Баррасу. Въ фрюктидорѣ и преріалѣ онъ бродилъ около власти, служилъ Баррасу, видался съ Сійэсомъ, вообще, игралъ какую-то темную роль. Въ награду его отправили посломъ сначала въ Миланъ, затѣмъ въ Гаагу. Оттуда, чувствуя, что счастье начинается снова ему улыбаться, Фуше всячески старался проложить себѣ путь къ министерскому портфелю при помощи друзей, имѣвшихъ доступъ въ Люксембургъ и восхвалявшихъ его полицейскіе таланты²⁾.

Наконецъ, Баррасъ предложилъ его намѣсто Бургиньона; Сійэсъ, допускаяшій его, лишь какъ временное орудіе, под-

¹⁾ *Barras*, III, 272.

²⁾ См. *Madelin*, „Fouché“, I, 181—241.

держалъ предложеніе. Казалось, противъ напора анархистовъ послѣднимъ ресурсомъ былъ этотъ якобинецъ безъ предразсудковъ и съ все еще надежнымъ кулакомъ, пріютившійся въ одномъ изъ посольствъ. 2 термидора постановленіемъ директоріи гражданинъ Фушэ изъ Нанта былъ назначенъ министромъ общей полиціи; плохо освѣдомленная публика вначалѣ затрепетала отъ ужаса.

Фушэ не былъ буржуазнымъ, солиднымъ революціонеромъ, подобно Сійэсу и его друзьямъ. Желая спасти дѣятелей революціи, онъ отнюдь не исключалъ стоявшихъ въ самомъ низу. Его былия злодѣянія, его темпераментъ, нравъ, привычка къ грубому сквернословію,—хотя онъ былъ скорѣй циниченъ, чѣмъ вульгаренъ,—даже извѣстные демократическіе инстинкты приближали его къ крайнимъ якобинцамъ. Но въ то-же время онъ чувствовалъ, что якобинцы, стремясь вернуть республику къ чистой анархіи, идутъ по ложному пути, въ разрѣзъ съ требованіями эпохи, съ волей народа, накликаая катастрофу, которая неизбѣжно должна привести къ контръ-революціи. Эта факція запоздалыхъ якобинцовъ представлялась ему не чѣмъ инымъ, какъ анахронизмомъ. Онъ мечталъ вытѣпить сильное правительство изъ демагогическаго тѣста, вымѣшаннаго и выкатаннаго его твердой рукой. Впрочемъ, онъ былъ въ сношеніяхъ и съ Жуберомъ и зналъ, какія надежды возлагали на юнаго генерала «республиканцы организаторы»¹⁾. Не чувствуя себя въ силахъ играть въ дѣлѣ измѣненія конституціи первую роль, онъ согласенъ былъ облегчить эту задачу другому, удовольствовавшись второй, и съ своей стороны, трудился надъ сглаживаніемъ пути. Въ виду всего этого, онъ не поколебался бы разогнать клубистовъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ снова собрать ихъ вокругъ себя, образумить и сформировать изъ нихъ свою министерскую гвардію.

Когда ему предложили вернуться изъ Гааги и принять въ свои руки бразды правленія, онъ не заставилъ себя просить и черезъ десять дней былъ уже въ Парижѣ. 11 термидора онъ принялъ присягу въ директоріи и комфортабельно расположился въ отелѣ на набережной Вольтера,

¹⁾ Такъ называлъ ихъ *Mallet du Pan*: „*la Révolution française vue de l'étranger*“.

гдѣ полицейскій служебный персоналъ немедленно почувствовалъ надъ собою твердую руку.

Съ первыхъ же столкновений и съ правительствомъ, и съ Парижемъ, этотъ человекъ съ необычайно блѣднымъ лицомъ, кровавыми вѣками и ничего не выражающими глазами, болѣе неподвижными, чѣмъ стеклянные, выказалъ себя силой. Онъ проявилъ невозмутимый цинизмъ и спокойную дерзость, обнаруживъ, кромѣ того, холодную иронию и склонность къ мистификаціямъ. Его призвали укротить якобинское чудище; онъ началъ съ того, что раздавилъ реакцію. По отношенію къ публикѣ онъ занялъ такого рода позицію: напечаталъ на видномъ мѣстѣ въ газетахъ, рядомъ съ прокламаціей, гдѣ онъ смѣло заявляетъ, что онъ бдитъ и ручается за порядокъ, постановленіе о примѣненіи къ тридцати двумъ лицамъ, съ перечисленіемъ именъ, закона фрюктидорскаго террора. Рѣчь шла о законѣ 19-го бромера VI года, приравнивавшемъ оптомъ къ эмигрантамъ— и, слѣдовательно, позволявшемъ административнымъ порядкомъ приговаривать къ смерти— всѣхъ депутатовъ, попавшихъ въ фрюктидорскіе списки наказанія, но ускользнувшихъ отъ ссылки путемъ бѣгства—буде они не явятся въ указанный срокъ. Эти несчастные—въ томъ числѣ Камилль Жорданъ, Порталисъ, Пасторъ, Катрмэръ де Кэнси, Карно—выѣхали за границу или же скрывались внутри страны; по отношенію къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности мѣра эта имѣла значеніе лишь заочнаго приговора, но Фуше прежде всего хотѣлъ соблюсти формы въ отношеніи чистыхъ республиканцевъ и засвидѣтельствовать непоколебимость своихъ принциповъ. Водрузивъ и освѣживъ революціонный флагъ, Фуше могъ теперь, подъ прикрытіемъ его, обратиться и противъ факціи Манежа, не навлекая на себя обвиненія въ томъ, что онъ играетъ въ руку реакціи. Онъ изготавилъ объемистый докладъ о якобинскихъ собраніяхъ, форменный доносъ, походившій на мотивировку постановленія о закрытіи. Онъ обнаружилъ особый талантъ—итти къ цѣли безъ торопливости и промедленийъ. Прежде чѣмъ атаковать непріятельскую позицію, онъ рѣшилъ ознакомиться съ ней, изучить мѣстность, устранить препятствія, укрѣпиться и обезопасить свой тылъ.

Директорія пребывала въ нерѣшительности и недоумѣніи. Сійэсъ не прочь былъ двинуть дѣло, но дебюты пол-

наго неожиданностей Фуше немного смущали его и ставили въ тупикъ; Гюйе и Мулэнъ задерживали ходъ. Не имѣя надежной опоры въ самой директоріи, Фуше долженъ былъ въ то-же время остерегаться по крайней мѣрѣ половины военныхъ и гражданскихъ чиновъ столицы, такъ какъ совѣтъ департамента, парижскій комендантъ и военный министръ были заподозрѣны въ пристрастіи къ клубистамъ.

Больше всего вооружены противъ нихъ были, повидимому, старѣйшины; они словно вызывали директорію на рѣшительный шагъ, оповѣщая её о различныхъ беззаконіяхъ, творимыхъ якобинцами. Отвѣтомъ директорамъ послужилъ докладъ Фуше: вѣскій, но сдержанный по формѣ, онъ отдавалъ должное клубамъ въ прошломъ, еще рѣзче подчеркивая этимъ ихъ теперешнія безчинства, и заканчивался простымъ выводомъ о необходимости вотировать безотлагательно законъ о политическихъ обществахъ, чтобы гарантировать ихъ права и въ то-же время имѣть возможность обуздывать ихъ, когда они переступятъ границы. Фуше пока не шелъ дальше предложенія строго парламентскихъ мѣръ, быть можетъ, для того, чтобы наглядно доказать ихъ безсиліе.

Докладъ былъ отправленъ старѣйшинамъ; тѣ, въ свою очередь, передали его въ совѣтъ пятисотъ, какъ приглашеніе вотировать вышеупомянутый законъ, приучая себя такимъ способомъ къ инициативѣ, нѣсколько выходящей за предѣлы ихъ конституціонныхъ полномочій и, какъ мы увидимъ дальше, сильно развившейся въ брюмерѣ.

Въ совѣтѣ пятисотъ чтеніе министерской прозы вызвало среди якобинскихъ депутатовъ яростныя опроверженія. Слышались крики: «Неправда! Ложь!» Народная трибуна ревѣла неистово, ибо анархисты снова усвоили себѣ привычку сажать на неё своихъ вожаковъ и маркитантокъ (*vivandières*). Поднялся споръ, путанный и рѣзкій, возобновившійся на слѣдующій день. Докладъ былъ переданъ въ комиссію, но вопросъ о напечатаніи его такъ и остался нерѣшеннымъ, хотя и было нѣсколько слабыхъ попытокъ поставить его на баллотировку. Понятіе о шумѣ могутъ дать выдержки изъ газетнаго отчета: «Оратора положительно не слышно; ему не подъ силу перекричать толпу... Около четверти часа ропотъ, протесты, крики: *На голоса, — печатать, — попробуйте еще, — поименную переключку, — да, — нѣтъ, — доста-*

точно!.. заглушаютъ его голосъ... Снова шумъ; вся зала въ волненіи... Шумъ продолжается.. Шумъ достигъ апогея» ¹⁾. Въ итогѣ совѣтъ еще разъ раскололся надвое, распался на двѣ почти равныя половины и, тѣмъ самымъ, былъ обезсиленъ. Чтобы отвлечь вниманіе, депутатъ Брио началъ громогласно обличать агитацію контръ-революціонеровъ, роялистскіе заговоры и убійства республиканцевъ, дѣйствительно, все учащавшіяся въ различныхъ мѣстностяхъ Франціи.

Якобинскій клубъ, чувствуя нависшую надъ нимъ опасность, бѣсился все больше. Въ послѣдніе дни онъ металъ громы специально въ Сійэса. *Братья и друзья*, несмотря на свои чудачества, обнаруживали нѣкоторую проницательность: они догадывались, если не о вооруженномъ переворотѣ, выполнение котораго взялъ на себя Жуберъ, то о крившемся за нимъ заговорѣ съ смутно орлеанистской окраской. Въ глазахъ ихъ органовъ печати Сійэсъ былъ той невидимой рукой, которая вела республику къ поддѣлкѣ королевской власти, столь-же ненавистной доброму революціонеру, какъ и законная монархія. Что касается Фуше, его отлучили отъ церкви и предали анаемѣ, какъ вѣроломнаго брата и измѣнника дѣлу, осыпали его жестокими оскорбленіями. Наряду съ этимъ ревущимъ и топочущимъ якобинствомъ, дѣйствовали иные ферменты и продолжалось броженіе въ обратномъ смыслѣ. По вечерамъ, въ расслабляющей атмосферѣ лѣта, на душныхъ улицахъ, нагрѣвшихся за день, и даже на Гревской площади, въ бродячихъ группахъ раздавались крики: «Да здравствуетъ король!» ²⁾. И, хотя это кипѣніе съ двухъ сторонъ было чисто поверхностное, огромный городъ, жаждавшій покоя, продолжалъ волноваться; его лихорадочное возбужденіе не проходило. Первые дни августа тянулись медленно, томя всѣхъ тягостными предчувствіями, угнетая все возвращавшимися страхами. Говорили, что якобинцы организовали пропаганду въ арміи, въ новоприбывшихъ полкахъ ³⁾; говорили объ уличныхъ беспорядкахъ, о замышляемыхъ покушеніяхъ на властей предрѣжащихъ.

¹⁾ Отчетъ въ „*Gazette de France*“ о засѣданіи 18 термидора.

²⁾ „*Gazette de France*“, 13 термидора.

³⁾ „*Publiciste*“, 24-го: „Ожеро занималъ мѣсто *распорядителя* въ клубѣ улицы Бакъ въ тотъ день, когда было принято въ члены нѣсколько солдатъ изъ гарнизона Корфу.. Клубъ заранѣе старался

Среди всѣхъ этихъ волненій подоспѣла годовщина 10-го августа. На Марсовомъ полѣ, въ присутствіи всѣхъ избира- телей, среди обычныхъ декорацій и рѣющихъ надъ голо- вами трехцвѣтныхъ значковъ, передъ бюстами обоихъ Бру- товъ, красовавшимися на алтарѣ Отечества, Сійэсъ произнесъ рѣчь, еще болѣе смѣлую, чѣмъ предшествующія. Обращаясь къ черезчуръ усерднымъ республиканцамъ, онъ старался умиротворить ихъ «настоятельными и братскими совѣтами», но при этомъ безъ обиняковъ рекомендовалъ имъ отдѣлиться отъ своихъ коварныхъ вождей; послѣднихъ онъ громилъ, предъявляя къ нимъ рядъ суровыхъ обвиненій. «Цѣль ихъ, конечно, не торжество справедливости; они хотятъ иногo: опьянить народъ подозрѣніями, внести въ умы французовъ смятеніе и уныніе и, въ общемъ смятеніи, самимъ стать го- сподами,—словомъ, властвовать, во что-бы то ни стало, и пра- вить страной.—Французы, вы знаете, какъ они правятъ!»¹⁾

Затѣмъ была разыграна маленькая война, примѣрное взятіе замка съ развѣвавшимся на немъ бѣлымъ флагомъ, изображавшаго собой Тюльери; статисты съ видомъ бунтов- щиковъ, съ ружьями въ рукахъ, изображали народъ, побѣ- телей 10 августа и звали къ себѣ на помощь республикан- скихъ солдатъ, чтобы взять приступомъ убѣжище тирановъ; примѣрный штурмъ сопровождался пальбой холостыми за- рядами. Среди этихъ безобидныхъ залповъ, директора, сидя на своихъ почетныхъ мѣстахъ, явственно слышали свистъ нѣсколькихъ пуль, пролетѣвшихъ мимо ихъ ушей и вонзив- шихся въ декорацію позади. Очевидно, нѣкоторые изъ стрѣ- лявшихъ забыли вынуть изъ своихъ ружей пули—случайно, или намѣренно? по небрежности или съ преступнымъ умы- сломъ? Большинство думало, что въ число статистовъ вкра- лись якобинцы, они-то и стрѣляли настоящими пулями въ Сійэса и Барраса; замѣчено было, что одновременно съ зал- помъ въ нѣкоторыхъ группахъ раздались дикіе крики²⁾. Другіе полагали, что виновныхъ слѣдуетъ искать въ рядахъ

расположить въ свою пользу военныхъ. Тридцать два члена клуба, по большей части военные, были еще наканунѣ отправлены въ Кор- бейль, навстрѣчу этому гарнизону, чтобы побрататься съ солдатами и предложить имъ собранные въ складчину 600 фр.

1) „*Moniteur*“.

2) См. парижскія газеты за 25—28 термидора.

войска, что было бы еще хуже. Какъ бы то ни было, военные власти навлекли на себя суровую отвѣтственность за недостаточно бдительный надзоръ.

На другой день послѣ праздника, директора, еще взволнованные событіями вчерашняго дня, принялись за обсужденіе текущихъ дѣлъ. Фуше рассказываетъ, что во время заѣданія онъ написалъ нѣсколько строкъ карандашемъ и передалъ Сійэсу; тотъ прочелъ, одобрилъ и послѣдовалъ совѣту: заставилъ своихъ коллегъ, еще не оправившихся отъ испытанныхъ волненій, подписать двойное постановление— объ увольненіи отъ должности парижскаго коменданта, Марбо, и замѣнивъ его генераломъ Лефевромъ. Такимъ образомъ Сійэсъ добился наконецъ давно желаннаго удовлетворенія и успокоенія. Въ одиннадцать вечера постановление совѣта было сообщено военному министру, котораго даже не спросили раньше, и ему-же поручено было озаботиться немедленнымъ его выполненіемъ ¹⁾.

Избавившись отъ Марбо и утвердившись въ довѣрїи Сійэса, Фуше почувствовалъ, что у него развязаны руки; планъ его отнынѣ былъ ясенъ. Друзьямъ, съ тревогой спрашивавшимъ его, что онъ намѣренъ предпринять относительно грознаго клуба, онъ отвѣчалъ: «Очень простую вещь: онъ будетъ закрытъ» ²⁾. Отъ собраній Фуше не ждалъ поддержки, и ворчанье пятисотъ мало его тревожило. Съ другой стороны, онъ не вѣрилъ въ успѣхъ уличныхъ беспорядковъ, замѣтивъ, что настоящій народъ уже не идетъ вслѣдъ за

¹⁾ Разсказъ Фуше („*Mémoires de Fouché*“, I, 87), подтверждается официальнымъ письмомъ Бернадота къ Марбо, письмомъ, немного смахивающимъ на протестъ: „Уже одиннадцать часовъ вечера, и я спѣшу передать Вамъ только что полученное мною постановление исполнительной директоріи о переводѣ Вашемъ въ томъ же чинѣ въ дѣйствующую армію. Замѣстителемъ Вашимъ въ командованіи 17-й дивизіей назначенъ генераль Лефевръ. О дальнѣйшемъ Вашемъ назначеніи я Васъ извѣщу. Каково бы оно ни было, я убѣжденъ заранее, что Вы и на новомъ посту сохраните за собой уваженіе республиканцевъ, ибо и тамъ будете служить республикѣ. Привѣтъ и братство.“ *Publiciste*, 26 термидора. Директорія приложила всѣ старанія къ тому, чтобы передача поста совершилась безъ проволочекъ. Къ Лефевру ночью былъ посланъ гонецъ и, не заставъ его дома, по-скакалъ къ нему на дачу. См. письмо военного министра.

²⁾ *Madelin*, I, 251.

якобинцами. Къ тому-же, новый парижскій комендантъ, хоть и ярый республиканецъ и другъ Журдана, велъ себя прекрасно, принималъ военныя мѣры предосторожности, держался насторожѣ противъ всякихъ сюрпризовъ и стягивалъ силы; въ Парижъ былъ вызванъ отрядъ драгунъ, прибывшій въ Сень-Жерманъ-анъ-Лэй для ремонта ¹⁾; 25-го, въ пять часовъ вечера, на всѣхъ постахъ неожиданно перемѣнили пароль ²⁾.

Какимъ образомъ удалось Фуше укротить военнаго министра, этого безпокойнаго и волновавшаго другихъ Бернадота? Десять лѣтъ спустя Фуше, герцогъ Отрантскій, министръ общей полиціи при императорѣ и королѣ, прогуливаясь въ лѣсу Фонтенебло съ Филиппомъ де Сегюръ, охваченный потребностью излиться, рассказывалъ своему спутнику, какъ онъ въ термидорѣ VII года взялся за Бернадота: онъ напрямикъ выяснилъ ему положеніе, говоря: «Глупый ты человекъ, куда же ты идешь? Что хочешь дѣлать? Въ 1793 году—иное дѣло; тамъ можно было только выиграть, разрушая и строя заново. Но вѣдь то, чего мы добивались тогда, теперь наше. А разъ мы добились своего и можемъ теперь только проиграть, къ чему продолжать прежнее?» Фуше считалъ этотъ доводъ неотразимымъ. «На это нечего было возразить». Однако Бернадотъ не сдавался и все еще ухитрялся спорить, упрямо цѣпляясь за химеры. Тогда, съ твердостью холоднаго политика, умѣющаго въ годину гражданскаго кризиса вліять на растерявшихся военныхъ, Фуше прикончилъ его одной фразой: «Какъ хочешь, но помни, что можетъ быть завтра-же, какъ только я примусь за твой клубъ, если я найду тебя во главѣ его, твоя упадетъ съ твоихъ плечъ. Даю тебѣ въ томъ мое слово и сдержу его». — «Этотъ аргументъ, добавляетъ Фуше, убѣдилъ его» ³⁾.

26-го Фуше представилъ директорамъ для подписи постановленіе ни болѣе ни менѣе, какъ о закрытіи клуба. На этотъ разъ онъ хотѣлъ покончить съ якобинцами, но не просто, а съ фокусомъ, какъ это у него было въ обычаѣ;

¹⁾ Военный архивъ, общая переписка.

²⁾ „*Moniteur*“, 26 термидора.

³⁾ „*Memoires de Ségur*“, edit. de 1894, 1, 441.

онъ придумалъ курьезную штуку: нанести имъ ударъ, какъ роялистамъ, какъ разновидности шуановъ, въ своей разнужданности дошедшихъ до реакціи. Этотъ чудовищный подвохъ, впрочемъ, имѣлъ не мало прецедентовъ.

Камбасерэсъ, призванный на совѣтъ, весьма одобрилъ постановленіе и настаивалъ на его принятіи, но возсталъ противъ намѣренія Фуше установить несуществующую связь между интригами двухъ крайнихъ партій ¹⁾. Тѣмъ не менѣе въ отношеніе, оповѣщавшее совѣтъ пятисотъ о принятой мѣрѣ, включены были слѣдующія фразы: «Да, граждане представители, роялизмъ конспирируетъ съ большой дерзостью; его агенты рядятся во всякое платье, принимаютъ на себя всѣ личины, говорятъ всякими языками; они добиваются гибели республики всѣми путями — и усиліями нескрываемой ненависти, и коварствомъ притворнаго рвенія, и открытыми нападеніями въ объявленной войнѣ, и лицемеріемъ преувеличеннаго патріотизма». Въ то же время, чтобы лучше прикрыть себя съ лѣваго фланга, Фуше требовалъ отъ совѣта пятисотъ закона, который далъ бы ему право производить домовые обыски съ цѣлью разысканія возвратившихся эмигрантовъ, королевскихъ вербовщиковъ и всѣхъ конспираторовъ правой. Это онъ дѣлалъ въ угоду парламентскимъ якобинцамъ, чтобы расположить ихъ къ себѣ, въ виду удара, который онъ готовился нанести ихъ друзьямъ. Говорятъ, Сійэсъ сказалъ: «Позолотите имъ лилюлю, но проглотить ее они все-таки должны» ²⁾.

Добившись постановленія о закрытіи клуба, Фуше не терялъ ни минуты. Въ тотъ же день, въ пять часовъ вечера, помѣщеніе клуба въ улицѣ Бакъ было закрыто, документы арестованы, на двери наложены печати. Какъ рассказывалъ впоследствии самъ Фуше ³⁾, онъ лично присутствовалъ при наложеніи печатей, спряталъ ключи къ себѣ въ карманъ и преспокойно положилъ ихъ потомъ на столъ директоріи.

Вокругъ зданія клуба, охраняемаго военнымъ карауломъ, вокругъ кавалерійскихъ отрядовъ, размѣщенныхъ въ

1) „Éclaircissements inédits“, *Cambacérès*.

2) *Barras*, III, 442.

3) Письмо Фуше къ Гайльяру, у *Madelin*, I, 253.

сосѣднихъ улицахъ, собирався народъ въ многочисленныя и оживленныя группы, но въ общемъ публика была очень довольна происшедшимъ. Депутатъ Бріо, вмѣшавшись въ толпу, слышалъ весьма рѣзкія сужденія о якобинцахъ и даже «объ этихъ мошенникахъ депутатахъ», но приписалъ эти отзывы «полицейскимъ шпионамъ»¹⁾. Нѣсколько упрямецъ-членовъ пытались проникнуть въ помещеніе клуба; три-четыре человекъ были арестованы, для примѣра. Большинство рѣшило собраться въ другомъ мѣстѣ, въ отелѣ де Сальмъ — теперь дворецъ Почетнаго Легіона. Отдѣльныя группы проникли во дворъ; полиція усмирила ихъ съ твердостью, но безъ излишней запальчивости; народъ смотрѣлъ, не препятствуя, и почти весь Парижъ вздохнулъ свободнѣе.

Партійныя газеты ругались.— «Директорія осмѣлилась обвинить собраніе въ нарушеніи конституціи. Директорія лжетъ; это гнусная клевета!»²⁾. Совѣтъ пятисотъ отнесся къ закрытію весьма благодушно; на засѣданіи 26-го предложено было только сейчасъ же поставить на очередь законъ объ организаціи обществъ — знаменитый законъ, который долженъ былъ гарантировать всѣ права и которому не суждено было увидѣть свѣтъ.

Въ глубинѣ души депутаты не были спокойны и за собственную шкуру. Они начинали бояться, что Сійэсъ и Фуше, набивъ себѣ руку на Манежѣ, въ одинъ прекрасный день и съ ними обойдутся, какъ съ шумливымъ клубомъ. Слухи о готовящемся переворотѣ, казалось, носились въ воздухѣ; при первомъ же подозрительномъ признакѣ ихъ охватывалъ страхъ. Случайно провѣдавъ, что инспектора совѣта старѣйшинъ, предвидя беспорядки на 26-е, предоставили въ распоряженіе Лефевра часть парламентской стражи, отвлекая ее такимъ образомъ отъ ея естественнаго назначенія, они три дня не могли опомниться отъ изумленія и негодо-

¹⁾ Бріо рассказалъ обо всемъ этомъ съ трибуны совѣта пятисотъ. Между прочимъ онъ сообщилъ, что кто-то сказалъ объ Ожеро: „Мнѣ не страшны его большая сабля и султанъ; ужь съ нимъ-то я не промахнусь; его сейчасъ узнаешь по большому носу.“ (Смѣхъ). — Ожеро: „Смѣю васъ увѣрить, все это меня ничуть не пугаетъ!“ (Снова смѣхъ).

²⁾ „*Journal des hommes libres*“, 30 термидора.

ванія ¹⁾. Въ народѣ дивились, что закрыть клубъ оказалось такъ легко и просто и что Фуше достаточно было смѣло шагнуть къ этому призраку, чтобы онъ исчезъ. Фуше, съ своей стороны, отнесся очень мягко къ тѣмъ, кому онъ нанесъ ударъ; онъ, казалось, желалъ, чтобы эти *enfants terribles* республиканской семьи вернулись въ лоно ея, отрѣшившись отъ минутнаго заблужденія; онъ не позволялъ оскорблять ихъ и пролилъ нѣсколько капель бальзама на рану. Тѣмъ не менѣе въ настроеніи парижанъ произошелъ поворотъ въ его пользу. Ему были признательны за обнаруженные имъ ловкость и рѣшительность; мирные буржуа, помѣщики, бомондъ, *порядочные люди*, всѣ находили, что Фуше лучше своей репутаціи, и рѣшили, что онъ способенъ править страной. Эта первая побѣда надъ анархіей была занесена ему въ активъ.

2.

Тѣмъ не менѣе положеніе оставалось страшно критическимъ. Оно нѣсколько улучшилось въ столицѣ, зато все ухудшалось въ провинціи, ибо якобинцы всюду стремились вернуть былую власть и вліяніе, и главное общество въ Парижѣ уже успѣло создать безчисленное множество развѣтвленій въ провинціи. Во всѣхъ большихъ городахъ и во многихъ другихъ уже были учреждены или учреждались клубы, причемъ организаторы наталкивались однако на отчаянное противодѣйствіе значительной части населенія; страхъ и отвращеніе къ якобинцамъ были въ то время единственными чувствами, способными волновать сердца. Въ двадцати мѣстахъ заразъ вспыхивали кровавыя стычки между якобинцами и молодежью, порѣшившей снова упрятать ихъ подъ спудъ.

Съ одной стороны напирала якобинцы, съ другой — роялисты; послѣднимъ къ тому же благопріятствовали неудачи, которыя терпѣли наши войска. У всѣхъ получалось такое впечатлѣніе, какъ будто они присутствуютъ при агоніи правительства, и роялисты активнаго типа вообра-

¹⁾ См. отчетъ о преніяхъ въ „*Moniteur*“ б.

жали, будто вмѣстѣ съ директоріей погибнетъ и революція. Послѣ десяти лѣтъ обманчивыхъ надеждъ, разочарованій и неудачныхъ попытокъ, казалось, будущее наконецъ улыбалось имъ; никогда еще они не чувствовали себя такими близкими къ цѣли и, слѣдовательно, не были такъ склонны къ предприимчивости. Еще одно усиліе, говорили они себѣ, послѣднее дружное усиліе,—и Франція будетъ возвращена своему королю.

Они рѣшили повсемѣстно взяться за оружіе и тѣмъ болѣе укрѣплялись въ этомъ намѣреніи, что республика для усиленія нашихъ итальянской и нѣмецкой армій принуждена была отозвать почти всѣ войска изъ глубины страны. 16-го мессидора, по официальному подсчету, во Франціи было пѣхотныхъ войскъ всего 46,235 человекъ, да 10.681 артиллеріи съ инженерными командами; изъ нихъ одинъ Парижъ поглощалъ 7935 человекъ, да охрана Запада по меньшей мѣрѣ 30.000; было, кромѣ того, еще 10.681 человекъ береговой стражи, несшей службу исключительно на берегу, да при складахъ столько же, плохо или совсѣмъ не вооруженныхъ¹⁾; этого было недостаточно, чтобы восполнить малочисленность состава жандармеріи и летучихъ отрядовъ. Къ тому же роялисты старались подорвать вѣрность и преданность войскъ, распространяли листки, призывавшіе къ неповиновенію, къ дезертирству. Въ городахъ они пытались направить на желательный для нихъ путь движеніе среди анти-якобинской молодежи; въ деревняхъ разбойничество все чаще и чаще принимало на себя политическую личину, а политика прибѣгала къ разбойническимъ приемамъ. Правда, масса городского и сельскаго населенія въ общемъ оставалась инертной; ей не столько опротивѣла сама революція, сколько революціонеры, но одолевшая ее смертельная усталость дѣлала ее неспособной противиться усиліямъ факцій. Эти факціи еще не сложились въ организованную милицію, не нападали другъ на друга большими вооруженными бандами; онѣ набивали себѣ руку на мелкихъ нападеніяхъ на отдѣльныхъ лицъ, на грабежѣ, убійствахъ, беспорядкахъ, и по всей Франціи изъ

¹⁾ Военный архивъ, общая переписка.

конца въ конецъ уже потрескивало разгоравшееся пламя гражданской войны.

Рядъ фактовъ мѣстнаго характера, назидательныхъ и живописныхъ, въ разсказахъ путешественниковъ, въ ежедневныхъ рапортахъ гражданскихъ и военныхъ властей, лучше всякихъ общихъ взглядовъ даетъ намъ возможность прослѣдить день за днемъ нарастаніе смуты. Сквозь эти моментальные снимки, свидѣтельства и признанія видна Франція со всѣмъ разнообразіемъ ея мнѣній и страстей, со всею пестротой оттѣнковъ, съ красными и бѣлыми пятнами, со всѣми нестройными элементами, снова вступающими между собою въ борьбу на фонѣ общаго безсилія и маразма. Съ 15-го мессидора до 20 термидора все это нарастаетъ въ непрерывной прогрессіи, и обзоръ одного мѣсяца жизни въ провинціи покажетъ намъ, до чего дошла Франція.

Департаменты, расположенные вокругъ Парижа, — Иль-де-Франсъ, равнины Шампани, Энъ и Арденны, Лотарингія и Вогезы, Бургундія, Нивернское, Бурбонское и Орлеанское плоскогорія, даже до извѣстной степени Турэннъ, сравнительно спокойны. Тамъ наблюдаются только обычные безпорядки: неповиновеніе рекрутовъ, сопротивленіе сбору налоговъ, сопротивленіе религіознымъ преслѣдованіямъ. Въ Лаонѣ, Реймсѣ, Метцѣ, Нанси, функционируютъ клубы; «анархистской кликѣ»¹⁾ пытается противодѣйствовать меньшинство безпокойныхъ реакціонеровъ, и населеніе склоняется на ихъ сторону, изъ отвращенія къ другой. За этими исключеніями населеніе мирится съ существующими учрежденіями или, по крайней мѣрѣ, терпитъ ихъ. Новый пожаръ во Франціи начинается съ окраинъ; огонь уже занялся на океанскомъ побережьи, въ Фламандіи, въ прирейнскихъ провинціяхъ, въ юго-восточномъ районѣ, на берегу Средиземнаго моря, вдоль Пиринеевъ; во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, прямо или косвенно испытывающихъ на себѣ вліяніе извнѣ, хроническій безпорядокъ начинаетъ переходить въ острую анархію.

Какъ разъ въ это время новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Рейнаръ, прибывшій моремъ изъ Тосканы, пытается высадиться въ Тулонѣ. Тамъ, оказывается, вся админи-

¹⁾ Военный архивъ, общая переписка.

страція якобинская. Эти мѣстные тираны безъ конца держатъ Рейнара въ карантинѣ, дѣлають ему кучу неприятностей, въ результатѣ которыхъ у него умираетъ ребенокъ. Дѣло въ томъ, что *Journal des hommes libres* страшно накинулся на него за принадлежность къ группѣ умѣренныхъ; надѣются, что его назначеніе еще удастся заставить отменить. Интрига не удалась, и тулонскіе братья и друзья устраиваютъ новому министру торжественную встрѣчу со знаменами и музыкой; палачи становятся раболѣпно-заискивающими ¹⁾. Умѣренные бѣжали изъ Тулона; въ городѣ царить терроръ. Варъ остается, въ общемъ, республиканскимъ, но тамъ и сямъ уже идетъ броженіе враждебныхъ революціи элементовъ. Сіота пришлось объявить на осадномъ положеніи; въ Опсѣ (*Aups*) только что вспыхнулъ крестьянскій бунтъ; жандармскій начальникъ доноситъ, что крестьяне отбили и прогнали его съ его людьми, «обзывая насъ разбойниками, злодѣями, патриотами, террористами, мошенниками, ворами, словомъ, всякими бранными словами, наиболѣе обидными для республиканцевъ» ²⁾.

Рядомъ, Приморскіе Альпы представляютъ собой очагъ контръ-революціонной агитаціи. Здѣсь, какъ и во всѣхъ департаментахъ, завоеванныхъ нашими храбрыми войсками и испытавшихъ на себѣ революціонный режимъ, населеніе въ массѣ жалѣетъ о тиранѣ и проклинаетъ своихъ избавителей. Въ департаментѣ Приморскихъ Альпъ существуетъ особая разновидность разбойниковъ, или, вѣрнѣе партизановъ (*guerillas*) — пуделя (*barbets*). Они укрываются въ глубинѣ долинъ, въ селеніяхъ, гнѣздящихся на высокихъ утесахъ, въ расщелинахъ скалъ, во всѣхъ извилинахъ горъ, спускаясь для нападенія на почту и небольшіе отряды; недавно только они обезоружили цѣлую роту республиканскихъ солдатъ; число ихъ съ каждымъ днемъ возрастаетъ. Военныя власти, очевидно, безсильны, или подкуплены. А военный судъ, засѣдающій въ Ниццѣ, за деньги, говорятъ, оправдываетъ всѣхъ обвиняемыхъ. Войскамъ скоро нечего будетъ ѣсть. «Самое скверное въ нашемъ положеніи, заявляетъ администрація, то, что у насъ во

1) „Lettres de madame Rheinard“, 71—78.

2) Общая переписка, 28 мессидора.

всемъ недостатокъ, и черезъ три дня намъ придется прекратить раздачу хлѣба»¹⁾. На всѣхъ береговыхъ тропинкахъ можно встрѣтить дезертировъ изъ итальянской арміи; они идутъ бандами въ пятнадцать, двадцать, тридцать, пятьдесятъ, шестьдесятъ человѣкъ; нѣкоторые въ мундирахъ, при саблѣ и пистолетахъ; они жалуются, что тамъ имъ по двадцати дней кряду не выдавали пайковъ, причемъ они лишены были всякой возможности добыть себѣ пропитаніе иначе, какъ военнымъ способомъ»; эти жалкіе отбросы нашихъ армій повсюду присоединяются къ поборникамъ анархіи.

Почтовая дорога, обслуживающая побережье, дорога, по которой идетъ сообщеніе между Ниццей, Тулономъ, Марселемъ и, дальше, Нимомъ, кишитъ разбойниками, словно дороги на Востокъ. Особенно опасны нѣкоторые проходы между тѣснинами горъ съ острыми зубцами, межъ известковыхъ утесовъ; туда въѣзжаютъ положительно съ трепетомъ. Дошли до того, что заранѣе вступаютъ въ соглашенія съ разбойниками, абонируются на проѣзды, какъ въ Турціи.

Вотъ Марсель, когда-то царица Средиземнаго моря, — низверженная царица. Гдѣ кипучая дѣятельность ея пакгаузовъ, гдѣ живописная, ярко-красочная жизнь ея улицъ? Гдѣ лѣсъ мачтъ, жавшихся къ ея набережнымъ въ тѣ дни, когда торговля съ Востокомъ давала городу восемьдесятъ тысячъ ливровъ ежегодно? Революція, война и, въ частности, разрывъ съ Турціей уничтожили наши конторы на Левантѣ, старинныя поставщицы Марсели. Теперь, въ смрадномъ портѣ гниютъ нѣсколько остововъ кораблей. Въ городѣ есть, впрочемъ, лавки, торгующія обычными предметами житейскаго обихода, есть удовольствія и зрѣлища, но мостовыя до того плохи, что по нимъ нельзя ѣздить въ экипажѣ²⁾. Памятники разрушаются, больницы и пріюты дошли до послѣдней степени оскудѣнія; изъ «пятисотъ пятидесяти незаконнорожденныхъ дѣтей, подкинутыхъ въ пріютъ Человѣколюбія въ VII году» умерло «пятисотъ сорокъ три»³⁾. Въ Марсели, кажется, живуча только нена-

¹⁾ Общая переписка, 28 мессидора.

²⁾ „Lettres de madame Rheinard“, 79.

³⁾ Документъ, на который ссылается *Lallemand*, въ „Rèvolution et les pauvres“, 235.

висть. Ненавидятъ другъ друга обыватели, живущіе на одной и той же улицѣ, изъ дома въ домъ, изъ двери въ дверь, а городскія власти ограничиваются надеждой, что потасовки между сосѣдями мало по малу выйдутъ изъ обычая. Изъ опасенія побоищъ пришлось запретить даже традиціонныя забавы; однако, въ праздничные дни, пытаются воскресить народныя гулянья и танцы на площадяхъ, на *дворахъ (cours)* подъ зеленымъ навѣсомъ платановъ.

Время отъ времени въ городѣ поднимаютъ шумъ якобинскіе крикуны. «Вечеромъ съ 4-го на 5-ое (термидора) по нѣкоторымъ кварталамъ рассказывали скопища бунановъ, распѣвавшихъ патріотическіе мотивы, которые они загрязнили циничными словами и омерзительными припѣвами¹⁾. Тѣмъ не менѣе партія реакціи составляетъ въ городѣ большинство и съ помощью своихъ гнусныхъ сподвижниковъ опустошаетъ всю округу. «Фанатизмъ—читай: религіозность— снова вернулъ всю свою прежнюю власть; священники собираютъ народъ въ церквахъ и съ успѣхомъ громятъ республиканскія учрежденія; послѣднія частью совсѣмъ забыты и попираются ногами. Спектакли и зрѣлища являются аренами антипатріотическихъ чувствъ и раздора. Титуль гражданина изыять изъ употребленія. Организациа національной гвардіи плоха до смѣшного; обыватели несутъ службу безъ оружія, на всѣхъ постахъ наберется лишь нѣсколько ружей, и то ветхихъ, еле живыхъ. Вандея со всѣхъ сторонъ напоминаетъ о себѣ; въ горахъ укрывается множество дезертировъ, рекрутовъ, «рубакъ» и «головорѣзовъ», которые большими шайками человекъ въ сто выходятъ на проѣзжія дороги, грабятъ путешественниковъ, почту, гонцовъ, осаждаютъ маленькія коммуны, убиваютъ должностныхъ лицъ, пугаютъ обывателей ружейной пальбой у самыхъ городскихъ воротъ. Они находятъ кровь и пріютъ у фанатизированныхъ ими крестьянъ и даже въ домахъ извѣстныхъ лицъ»²⁾. Въ той же запискѣ обличается комендантъ города, который совсѣмъ не водитъ знакомства съ чистыми республиканцами и мирволитъ во всемъ роялистамъ.

¹⁾ Докладъ Фуше, врученный директоріи 12-го вандембера, объ общемъ положеніи въ республикѣ. *Aulard*, „Etat de la France en l'an VIII et en l'an IX“, p. 10.

²⁾ Общая переписка, 7-го термидора.

Въ другихъ городахъ департамента Устьевь Роны верховодятъ, по большей части, республиканцы и весьма шумно проявляютъ свое усердіе. Нигдѣ праздники, установленные новымъ календаремъ, не празднуются такъ аккуратно, съ такимъ трескомъ и помпой¹⁾. Эти южные города, жаркіе, пыльные, зловонные, изсѣченные мистралемъ и обожженные солнцемъ, вѣчно рядятся въ красныя или трехцвѣтныя тряпки, поминутно видятъ шумъ народныхъ кортежей, трескъ шумныхъ, звонъ тамбурина. Для нихъ революція остается трескучимъ зрѣлищемъ, предлогомъ для парадовъ, рѣчей, музыки, патріотическихъ жестовъ и кривлянья, огромной непрерывной фарандолой, веселой или неистойвой. Противная сторона проявляетъ не меньше пылкости и неистовства; страна раскололась надвое. Въ другихъ мѣстахъ факціи борются между собою на фонѣ безцвѣтной массы; на югѣ почти все населеніе раздѣлилось на два ярко окрашенныхъ лагеря, на ожесточенныя факціи, готовыя перегрызть горло одна другой.

Въ сельскихъ общинахъ, еще полныхъ ужаса передъ насиліями революціи и реакцій, на этой землѣ, впитавшей въ себя столько крови, нравы стали необычайно жестокими. Убиваютъ по привычкѣ, охваченные какой то маніей убійства. Однажды ночью въ термидорѣ, въ коммунѣ Пейріэ, близъ Экса какой-то негодяй хватаетъ ребенка, спавшаго возлѣ своего отца, и бросаетъ его въ колодезь. Возмущенное населеніе хватается за оружіе и убиваетъ кого придется, кто первый попался подъ руку. Между прочимъ «убиваютъ двухъ субъектовъ, возстановившихъ противъ себя общественное мнѣніе своими крайними взглядами»¹⁾, но не причастныхъ злодѣйству; накидываются на террористовъ. Въ окрестностяхъ Арля грабятъ и убиваютъ разбойники особаго типа, перерѣзывающіе поджилки, *coupe-jarrets*; они работаютъ спеціально между Марселью и Монъ-Кассэномъ; во всемъ департаментѣ Устьевь Роны дороги въ ихъ власти.

Не менѣе тревожно живется въ Воклюзѣ; въ періодъ революціи нигдѣ, кажется, не было столько трагическихъ происшествій. Авиньонъ, городъ ледника, городъ съ гни-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Общая переписка, 4-го термидора.

лой дырой, на днѣ которой хранится груды человѣчьихъ костей, остается безучастнымъ, словно оцѣпенѣвшимъ отъ всѣхъ этихъ ужасовъ. Въ Кавальонѣ нашли убѣжище террористы, изгнанные изъ другихъ городовъ; они тиранятъ населеніе и на дняхъ совершили два убійства. Карпантра, наоборотъ, центръ бѣлаго террора; разбойники буквально блокируютъ городъ и держатъ въ порабощеніи залуганныя ими власти; не сыскать ни присяжныхъ, которые бы рѣшились осудить ихъ, ни свидѣтелей, которые бы стали показывать противъ нихъ. Изъ тюрьмы, сквозь трещины стѣнъ, бѣгутъ арестанты; обыватели среди бѣла два раза подрядъ отбили у жандармовъ арестованныхъ. Въ Тарасконѣ бѣгству узниковъ изъ тюрьмы помогаютъ стрѣлки мѣстнаго гарнизона.

При такомъ безпорядкѣ, какъ вернуться къ нормальной жизни, къ мирнымъ занятіямъ? Бывало, ярмарка въ Бокерѣ періодически оживляла теченіе дѣлъ, разсыпаясь надъ страной благодатнымъ дождемъ барышей. Въ этомъ году, для того чтобы ярмарка могла состояться, пришлось мобилизовать и пѣхоту и кавалерію для защиты купцовъ и обозовъ, телѣгъ и кибитокъ съ товарами. По деревнямъ бродятъ шайки «королевскихъ головорѣзовъ» (*égorgeurs royaux*¹⁾), нападаютъ на людей, грабятъ имущество. Правда, администрація разрѣшаетъ носить оружіе лишь «гражданамъ безукоризненной честности и испытаннаго республиканскаго образа мыслей²⁾», но это мало помогаетъ; со всѣхъ сторонъ сверкаютъ ружья и ножи. Власти жалуются съ напыщеннымъ отчаяніемъ, такъ и отдающимъ югомъ: «За четыре года партизаны трона и алтаря превратили департаментъ Воклюзъ въ вулканъ разбоевъ и убійствъ»³⁾. Имъ кажется, что въ странѣ ожили всѣ заразъ и кипятъ всѣ элементы междоусобной войны: «11 термидора: департаментъ Воклюзъ наканунѣ жестокаго кризиса; гражданская война готова вспыхнуть въ немъ повсемѣстно»⁴⁾.

Повыше Авиньона, временно отдыхаетъ городъ Оранжъ, не такъ давно изувѣченный знаменитой комиссіей, пролив-

1) Общая переписка, 8 термидора.

2) Ibid.

3) Ibid.

4) Ibid., 11 термидора.

шей въ немъ рѣки крови. Наблюдаются попытки возрожденія мѣстной промышленности. Путешественница, проходя по улицѣ, слышитъ жужжанье прялокъ, пѣніе, звонкіе голоса и, приблизившись, видитъ около двадцати молодыхъ дѣвушекъ, ткущихъ шелкъ; онѣ снова взялись за ремесло своихъ бабушекъ, но пѣсни новыя, ужъ не тѣ, что въ старину.

La victoire, en chantant, nous ouvre la barrière,
La liberté guide nos pas. 1)

(Побѣда съ пѣсней намъ заставы открываетъ,
Свобода насъ ведетъ).

Валянсъ, Монтелимаръ тоже не прочь бы забыться мирнымъ сномъ маленькихъ провинціальныхъ городковъ, но вокругъ бродятъ разбойники. «Сборщики податей при перевозкѣ денежныхъ суммъ подвергаются величайшей опасности: на дняхъ ограблены двое, ѣхавшіе съ транспортами изъ Вигана и Сюзы; назначенные на постой солдаты не смѣютъ явиться въ домъ къ плательщикамъ налоговъ, по причинѣ открытаго сопротивленія этихъ послѣднихъ 2)». Сообщение между югомъ и Ліономъ стало чрезвычайно опаснымъ: гдѣ только сдвинулись скалы, гдѣ только сузилась дорога, образуя ущелье, или темный проходъ, тамъ, гляди, ужъ засѣли въ засаду удалыцы изъ бывшихъ *ротъ Жегю* 3), притаившись въ кустахъ, повязавъ голову цвѣтнымъ платкомъ, съ карабиномъ на перевязи, они издали зорко слѣдятъ за бѣлой лентой дороги, подстерегая дилижансы, мальпосты, гонцовъ везущихъ депеши и деньги.

Чѣмъ дальше отъ рѣки, чѣмъ выше въ горы, въ департаментахъ Низкихъ Альпъ, Высокихъ Альпъ и Изеры, въ суровой мѣстности, гдѣ дуютъ рѣзкіе вѣтры, населеніе, въ общемъ, проникнуто болѣе патріотическимъ духомъ. Въ этихъ департаментахъ пока довольно спокойно, за исключеніемъ южной зоны Низкихъ Альпъ, куда налетами заглядываютъ разбойники. Въ Греноблѣ возродился якобинскій клубъ и весьма даетъ знать о себѣ. На сѣверѣ Изеры па-

1) *Madame Rheinard* 80.

2) Общая переписка, 2 термидора.

3) *Compagnie de Jehu* — банды королевскихъ убійцъ, жестоко рѣзавшихъ республиканцевъ послѣ 9-го термидора. *Прим. пер.*

триотическая зона тянется через Энъ (Ain), выдѣлившійся во время революціи своей «непоколебимой и обратившей на себя вниманіе преданностью республикѣ»¹⁾. Но какъ ослабѣло теперь его рвеніе! Населеніе страшно упало духомъ; полицейскіе законы въ общемъ выполняются далеко не съ той энергіей и точностью, какихъ требуютъ обстоятельства»²⁾. Въ деревняхъ тоже не безопасно; ихъ тревожатъ набѣги огромной шайки бѣглыхъ каторжниковъ; дилижансы, поддерживающіе черезъ Бургъ сообщеніе между Ліономъ и Страсбургомъ, рѣшаются пускаться въ путь не иначе, какъ подъ конвоемъ тридцати стрѣлковъ мѣстнаго гарнизона. Къ тому же, черезъ тѣснины Брессы, черезъ снѣжныя ущелья Савойи, по обледенѣвшимъ тропинкамъ Юры, черезъ Франшъ-контэ, наводненное интригами роялистовъ и контръ-революціонными брошюрами, во Францію то и дѣло прокрадываются эмиссары изъ-за границы, эмигранты, таинственные корреспонденты. И всѣ они сходятся въ одной точкѣ, въ одномъ центрѣ поглощенія, который притягиваетъ и какъ-бы втягиваетъ ихъ въ себя, — въ обширной Ліонской коммунѣ, дающей имъ свободный доступъ и пріютъ.

Въ Ліонѣ революція прошла, словно землетрясеніе; мало того, что она рубила головы, избивала, нагромодила подъ взрытымъ черноземомъ груды костей, раздробленныя картечью: она разрушила, выпотрошила цѣлые кварталы. Послѣ страшной рѣзни 1793 года, этой казни цѣлаго города, все такъ и осталось въ развалинахъ; ремонтъ не производится; площадь Беллькуръ, когда-то такая красивая, съ обрамлявшими ее фасадами грандіозныхъ отелей, теперь представляетъ собой ужасное зрѣлище.

Среди грудъ мусора и обломковъ продолжаетъ, однако, существовать большой городъ, людной, унылый и мрачный. Въ нѣкоторыхъ кварталахъ возобновились работы; стучать станки, обыватели дѣлаютъ, что могутъ, ходятъ по дѣламъ, въ мастерскія, на фабрики, въ конторы, хотя безпорядокъ и небезопасность уличнаго движенія повсюду служатъ препятствіемъ. Полиціи некогда этимъ заняться: она слиш-

1) Общая переписка, 4 термидора.

2) Ibid.

комъ поглощена преслѣдованіемъ смутьяновъ-реакціонеровъ и ослушниковъ всякаго рода,—трудъ страшно неблагоприятный въ городѣ, гдѣ столько народу противъ нея. Ліонъ противится беззаконіямъ революціонеровъ, не столько изъ духа роялизма, сколько ради сохраненія своей духовной автономіи: такая уже у него либеральная натура. — «Упорство многихъ обывателей Ліонской коммуны страшно парализуетъ дѣятельность полиціи. Они оказываютъ помощь, укрываютъ, или, по крайней мѣрѣ, жалѣютъ всѣхъ преслѣдуемыхъ за проступки противъ республики, всѣхъ эмигрантовъ, непокорныхъ священниковъ, ослушниковъ-рекрутовъ, бѣглыхъ новобранцевъ и дезертировъ». Во многихъ округахъ муниципальныя власти потворствуютъ этому укрывательству; въ Гильотбергѣ, Вэзѣ и Круа-Руссъ муниципалитеты открыто исповѣдуютъ антиреспубликанскіе принципы; выборная магистратура до такой степени на сторонѣ реакціи, что уголовный судъ заслужилъ прозвище *Королевскаго суда*, оправдавъ типографщиковъ, напечатавшихъ афишу, призывавшую къ возстанію, съ «виньеткой, на которой изображены шестнадцать крестовъ, восемнадцать цвѣтковъ лиліи и вверху колокола».

При такомъ настроеніи населенія можно ¹⁾ себѣ представить, какой эффектъ произвело пробужденіе мѣстныхъ якобинцевъ, шумъ, поднятый клубами; это было сотрясеніе, грозящее взорвать мину. Довольно эти якобинцы рѣзали головы и кошельки; ихъ не станутъ дольше терпѣть, — рѣшено, — чего бы это ни стоило! Два дня по улицамъ ходили толпы, швыряя камнями въ якобинцевъ и вызывая ихъ на борьбу. «Скоро полъется кровь» ²⁾, пишетъ генераль-адъютантъ Бессьеръ.

Хуже всего было то, что весь гарнизонъ Ліона состоялъ изъ восьмисотъ солдатъ, плѣнниковъ на честное слово, отпущенныхъ непріателемъ безъ мундировъ и безъ оружія. Ждали подкрѣпленій, но они прибывали лишь въ минимальныхъ количествахъ. Послѣ усиленныхъ розысковъ Бессьеру удалось раздобыть около шестисотъ ружей, которыя солдаты передавали другъ другу при разводѣ на посты.

¹⁾ Общая переписка, 2 термидора.

²⁾ Ibid., 3 термидора.

Чтобы предотвратить опасный взрывъ, понадобился кулакъ генералъ-адъютанта Доверня, человекъ съ террористическими замашками; назначенный лионскимъ комендантомъ, онъ сразу принялъ крутыя мѣры. Часть реакціонныхъ элементовъ, выброшенная изъ города, присоединилась къ вооруженнымъ бандамъ, разбойничавшимъ въ окрестностяхъ. Въ виду файской коммуны республиканскій отрядъ принужденъ былъ отступить подъ ихъ жестокимъ огнемъ и градомъ оскорбленій инсургентовъ, кричавшихъ ему вслѣдъ: «бумажные солдатики, плавильщики колоколовъ, убійцы короля!»¹⁾ Смута охватила весь сосѣдній районъ. Только въ Муланѣ картина становилась менѣе мрачной; здѣсь вы впервые попадали въ чистенькій, опрятный, привѣтливый городокъ, продолжавшій свою торговлю ножевымъ товаромъ; здѣсь и воздухъ былъ какъ будто другой, легче дышалось, вы испытывали такое чувство, словно наконецъ освободились отъ кошмара²⁾.

Если мы проведемъ восходящую линію отъ Лиона до Эндры-и-Луары, отъ лионской Роны до турэнской Луары, подъ этой демаркаціонной линіей, въ центральныхъ департаментахъ, мы будемъ имѣть возможность наблюдать лишь беспорядки частнаго характера: мѣстные волненія, крестьянскіе бунты, различные виды грабежа, столкновенія съ лѣсными бродягами. Аллье, Шерь, Эндра не заставляютъ много говорить о себѣ. Въ Грѣзѣ комиссаръ директоріи пишетъ изъ Герэ: «Мнѣ сообщаютъ изъ различныхъ кантоновъ департамента о видѣнныхъ тамъ вооруженныхъ разбойникахъ, конныхъ и пѣшихъ; полагаю, что численность этихъ злодѣевъ, какъ водится, преувеличена, подъ вліяніемъ страха»³⁾. Однако, въ пяти кантонахъ, особенно въ Обюссонѣ, онъ считаетъ необходимымъ ввести особый надзоръ. «Кромѣ того, я обѣщаль денежную награду наличными каждому жандарму, который задержитъ ослушнаго священника, разбойника, или эмигранта». Въ виду все учащающихся случаевъ вооруженнаго грабежа общественныхъ суммъ, администрація рѣшила, что эти

1) Общая переписка, 15 и 30 мессидора.

2) „Lettres de madame Rheinard“, 83.

3) Общая переписка, 14 мессидора.

суммы можно перевозить только днемъ, отъ восхода солнца до заката, не назначая впередъ опредѣленнаго дня и не иначе, какъ подъ конвоемъ цѣлой жандармской бригады. Въ двухъ вьенскихъ коммунахъ бунтуютъ женщины, оскорбляютъ республику, кричатъ: Да здравствуетъ король! Въ этихъ же коммунахъ устраиваютъ крестный ходъ послѣ молебствія о дождѣ и звонятъ въ колокола, хотя то и другое строго воспрещено закономъ. Безъ сомнѣнія, гражданинъ министръ, эту процессію устроилъ какой-нибудь ослушный священникъ, но онъ не ускользнетъ отъ бдительности общественнаго обвинителя¹⁾. Въ дѣсу Шателлеро дилижансъ изъ Пуатье остановленъ разбойниками на отличныхъ лошадяхъ, хорошо вооруженными, съ лицами, скрытыми подъ крепомъ и масками. Въ Пуатье рисуютъ висѣлицы на дверяхъ патріотовъ и покупателей національныхъ имуществъ. Въ Коррѣзѣ разбойники нападаютъ на жандармскій отрядъ, конвоирующій новобранцевъ изъ Тюлля въ Аржантакъ. Тяжелая на подъемъ Овернь, плодородная Лиманъ тоже начинаютъ волноваться: въ Пюи-де-Домъ комиссаръ въ страшной тревогѣ: «Я не могу взять на себя отвѣтственности, пишетъ онъ, за мрачныя событія, назрѣвающія во мракѣ; быть можетъ, достаточно еще одной побѣды непріателя надъ нашими войсками внѣ предѣловъ страны, — и они разразятся»²⁾.

Какъ только мы возвращаемся въ низкій бассейнъ Роны, кишачая разбойниками Ардешъ снова приводитъ насъ на порогъ ада ненависти и преступленій, олицетворяемаго собой провансальскимъ югомъ. Во всемъ департаментѣ Ардеши, точно такъ же, какъ въ департаментахъ Гара и Дромы не сыскать ни одного пѣхотинца; къ счастью, драгунскій полкъ, стоящій въ казармахъ въ Привасѣ, успѣлъ обратить на себя вниманіе своей неизмѣнной дисциплиной среди столкновеній факцій³⁾. Поднять вопросъ—совмѣстно съ администраціей департамента Верхней Луары организовать большую облаву на всякаго рода ослушниковъ и бандитовъ, но какъ ловить ихъ въ странѣ гористой, покрытой утесами съ из-

¹⁾ Accusateur public—чиновникъ, въ эпоху революціи исполнявшій въ уголовномъ судѣ обязанности государственнаго прокурора.

²⁾ Ibid. 14 термидора.

³⁾ Ibid., 8-го термидора.

рытыми боками, пересѣченной глубокими оврагами? И наконецъ, переваливъ за передніе отроги Севенновъ, спустившись по каменистымъ склонамъ, мимо тощихъ пашень, въ Лангедокъ, мы снова видимъ пожаръ южныхъ страстей, со всѣми его бурными порывами и подвижностью.

Въ Гарѣ и Эрб (Hérault) все возстало: гора на равнину, деревня на городъ. Католики и протестанты, бѣлые и красныя коммуны угрожаютъ другъ другу. Католики представляютъ собою партію контръ-революціи; даже и протестантамъ, по словамъ роялистскаго бюллетеня, повидимому, опротивѣла республика; они «желаютъ короля, но только не законнаго, который покаралъ бы ихъ за ихъ злодѣянія лишеніемъ правъ, предоставленныхъ имъ эдиктомъ 1788 года... Они скорѣе склонны были бы призвать иностраннаго принца, который, будучи имъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, болѣе покровительствовалъ бы имъ» ¹⁾. Третья партія, составленная изъ накипи двухъ другихъ, только и мечтаетъ, что объ опустошеніи; въ окрестностяхъ Монпелье разбойники ограбили дилижансъ. Среди общаго смятенія и ожесточенности все распадается, рушится; гибнутъ послѣдніе остатки торговли и промышленности, гаснутъ древніе очаги науки. Въ петиціи, поданной въ совѣтъ пятисотъ, говорится, что профессора медицинской школы въ Монпелье вынуждены прекратить лекціи, ибо имъ уже восемь мѣсяцевъ не выдаютъ жалованья» ²⁾.

Двинемся теперь на юго-западъ, вдоль пиринейской цѣпи; здѣсь вотъ-вотъ откроется кратеръ. Руссильонцы, каталанцы, беарнезцы, рьяные католики, давно ожесточились противъ правительства, которое опрокидываетъ распятія, переплавляетъ колокола, оскверняетъ церкви, травитъ священниковъ; всѣ эти области созрѣли для религіозной войны, которую близость границы легко можетъ превратить въ войну политическую.

Весь этотъ край кишитъ эмигрантами, агентами изъ Испаніи, перебравшимися черезъ Пиринеи. Генераль-депутатъ Ожеро шлетъ военнымъ властямъ цѣлый рядъ записокъ,

¹⁾ Архивы Шантильи, переписка агентовъ Кондэ, „Bulletin de l'Intérieur“, 30-го октября 1799.

²⁾ Въ засѣданіи пятисотъ 16-го фруктидора VII года.

гдѣ жалуется, что департаментъ Восточныхъ Пиринеевъ представляетъ собой плачевное для свободы зрѣлище; фанатизмъ дѣлаетъ такіе успѣхи, что скоро его невозможно будетъ подавлять... Нѣсколько тысячъ вооруженныхъ эмигрантовъ разгуливаютъ и вдоль границы, и въ глубинѣ страны... Населеніе Восточныхъ Пиринеевъ податливо, но легко впадаетъ въ застои и уныніе, ибо любить прочный порядокъ, который постоянно нарушаютъ то злонамѣренные люди, то мѣстные интриганы и честолюбцы»¹⁾. Въ Аржежѣ циркулируютъ кресты со словами: «Это даетъ вамъ король» (*Le roi vous la donne*). Вновь назначенный комиссаръ директоріи пишетъ, что, по прибытіи на мѣсто службы, ему пришлось оплакивать не только «упадокъ духа въ обществѣ, но и замѣчающуюся, въ особенности въ деревняхъ, тенденцію къ роялизму. Ослушные священники и злонамѣренные люди всякаго рода вездѣ посѣяли ядъ своихъ ученій; они открыто радуются опасностямъ, угрожающимъ свободѣ, которую они зовутъ насмѣшливымъ именемъ *Марианны*»²⁾. Въ долинахъ Верхней Гаронны устраиваютъ склады оружія и боевыхъ запасовъ. Въ Ландахъ отрядъ вооруженныхъ и замаскированныхъ людей уже пытается силой разсѣять летучій отрядъ республиканцевъ. Въ Жерѣ, Верхнихъ и Нижнихъ Пиринеехъ во всѣхъ такихъ инцидентахъ ясно сквозитъ роялистическая подкладка; едва касаясь земли, она ширится и растетъ во всѣхъ направленіяхъ; вся страна въ заговорѣ»³⁾.

Правда, у здѣшнихъ республиканцевъ есть солидная точка опоры—Тулуза. Этотъ многолюдный городъ остается очагомъ горячей преданности революціи. Населеніе отчасти подъ вліяніемъ клубовъ; администрація состоитъ изъ энергичныхъ республиканцевъ, которые рѣшили постоять за себя и не отступать передъ крутыми мѣрами.

Но Тулузѣ угрожаютъ съ юга, а съ востока и сѣвера она окружена народными массами, инертными, или ожесточенными. Въ Альби жалуются на «невѣроятный упадокъ духа въ народѣ». Въ Кагорѣ то же самое: «патріоты»⁴⁾ этого де-

1) Общая переписка, 13-го мессидора.

2) Ibid., 23-го термидора.

3) Ibid., 7-го термидора.

4) Ibid.

партаменты погружены въ глубокое оцѣпенѣніе» ¹⁾. Въ Монтобанѣ боятся, какъ бы народъ въ день ярмарки не взбунтовался и не сдѣлалъ попытки овладѣть домомъ коммуны. Въ Ло (Lot) для обузданія смутьяновъ приходится держать постоянно на чеку триста національныхъ гвардейцевъ. Особенно усилилась смута въ департаментѣ Ло-и-Гаронны; въ Овильярскомъ кантонѣ населеніе бунтовало уже не разъ; въ четырехъ коммунахъ срублены деревья свободы; въ трехъ сожжены дома обывателей, извѣстныхъ своими гражданскими чувствами; появились и прокламаціи, съ угрозами чиновникамъ. Опасаются поголовнаго возстанія. Далѣе, близъ того мѣста, гдѣ Гаронна, слившись съ Дордонью, вырастаетъ въ Жиронду, стоитъ достойный противовѣсъ Тулузы—Бордо, гдѣ большая часть жителей роялисты.

Какъ всѣ города, обращающіе свои взоры на океанъ, на острова, и живущіе торговлей съ дальними странами, Бордо жестоко пострадалъ отъ революціи и войны. Буржуазія, крупная коммерція, около которой кормились другіе, оплакиваетъ режимъ, при которомъ ихъ родной городъ имѣлъ видъ столицы. Молодые люди—завсегдатаи кафе и концертовъ, законодатели моды и тона, проявляютъ свое недовольство почти такими же шумными манифестаціями, какъ и парижскіе мюскадены; въ толпѣ этихъ бунтовъ, во всѣхъ группахъ огорченныхъ и праздныхъ людей подготовляются заговоры; предупреждаютъ, что черезъ мѣсяць «спасительное возстаніе опрокинетъ республику» ²⁾. Администрація департамента и центральная полицейская власть знаютъ, что населеніе презираетъ и ненавидитъ ихъ; они каждую минуту боятся быть захваченными врасплохъ и лишиться власти, а средствъ къ сопротивленію нѣтъ; линейныя войска отсутствуютъ, національная гвардія сидитъ безъ ружей; всѣхъ ресурсовъ одинъ батальонъ баскскихъ стрѣлковъ, да и тотъ подъ сильнымъ вліяніемъ роялистовъ.

19-го термидора, казалось, насталъ моментъ взрыва. Прокламація, вывѣшенная мѣстными якобинцами, взволновала весь городъ; на улицахъ, на площадяхъ толпился народъ; агенты и сторонники государственной вла-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Общая переписка, 7-го термидора.

сти безъ дальнихъ разговоровъ стали стрѣлять; было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ нѣкій Люрь-Салюсъ; но масса населенія, хотя и сочувствовавшая реакціонерамъ, не нашла въ себѣ достаточной энергіи, чтобы вступить за нихъ и, дѣло ограничилось жестокой свалкой ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, въ своихъ письмахъ въ Парижъ мѣстныя власти не перестаютъ плакаться на свою горькую участь. Вокругъ города, въ различныхъ пунктахъ, кишатъ элементы, враждебные государственной власти, и это удваиваетъ ея тревогу. Кутра все время приходится держать на осадномъ положеніи. По борделезскимъ ландамъ, на безконечномъ просторѣ дюнь, среди пыльных кустарниковъ, бродятъ шайки, вооруженныя косами и охотничьими ружьями; они стрѣляютъ въ жандармовъ, прерываютъ сообщенія, живутъ въ самодѣльныхъ баракахъ, или лагеремъ, какъ кочевники.

По ту сторону рѣки Бордо ищетъ войти въ соприкосновеніе съ волненіями на Западѣ. Черезъ оба департамента Шаранты тянется невидимая цѣпь роялистскихъ комитетовъ; вскорѣ мы увидимъ и результаты—примѣры сопротивленія властямъ. Поднимемся выше. Въ департаментѣ Двухъ-Сэврѣ у республиканскихъ солдатъ была стычка съ бандой, поднявшей бѣлое знамя. Но худшій врагъ правительства—это гнилость всѣхъ отраслей администраціи. Жалованье войскамъ остается въ карманахъ недобросовѣстныхъ передатчиковъ; наличный составъ войскъ на бумагѣ не отвѣчаетъ дѣйствительному составу. «Пора положить конецъ хищеніямъ всякаго рода, опустошающимъ государственное казначейство», пишетъ Бернадотъ генералу-коменданту крѣпости Ла-Рошель.

Вотъ низменный Пуату, весь ²⁾ въ изгородахъ, съ сѣтью узкихъ рѣчекъ и ручьевъ, извиляющихся межъ склонившимися надъ ними ивами, страна сырости, зелени, густыхъ травъ и листвы, Вандейская роца (*Vosage vendéen*), недавній пріютъ роялистовъ, откуда они грознымъ потокомъ хлынули вглубь страны. Теперь, послѣ столькихъ тяжелыхъ испытаній, населеніе страшно упало духомъ. Сплотить раз-

¹⁾ См. *Gradis*, „Histoire de Bordeaux“, 388.

²⁾ Общая переписка, 29-го мессидора.

громленныхъ некому; великихъ вандейцевъ ужъ нѣтъ; сила реакціи износила въ деревняхъ, какъ сила революціи въ городахъ. Но это не значитъ, чтобы въ странѣ было спокойно; на окраинахъ ея бродятъ шуаны, вторгающіеся изъ сосѣднихъ районовъ. 13-го мессидора, въ Бюффьерскомъ пригородѣ пятьдесятъ два разбойника напали на республиканскій отрядъ врасплохъ, во время обѣда, убили пять чело-вѣкъ и захватили довольно большое количество ружей. Генераль Траво преслѣдуетъ ихъ; онъ чело-вѣкъ энергичный; вмѣсто того, чтобы сидѣть на Пескахъ (Sables), на своей главной квартирѣ, онъ рыщетъ по всей Роцѣ, разбивъ свой отрядъ на нѣсколько колоннъ, въ которыхъ то и дѣло стрѣляютъ изъ-за изгородей, результатомъ чего обыкновенно бываютъ стычки.

Черезъ приморскую Вандею, у береговъ которой стоятъ англійскіе корабли, черезъ узенькіе бухты и заливчики берега, въ страну непрерывно проникаютъ эмигранты и вожди роялистовъ и совмѣстно съ священниками оказываютъ давленіе на народъ, который желалъ бы только мира и спокойствія, но, по слабости и довѣрчивости, позволяетъ увлекать себя къ безднѣ» ¹⁾. Сюзаннэ шлетъ эмиссаровъ, принимаетъ залого, старается пробудить былую энергію; многіе изъ прежнихъ и новыхъ вождей, дворянъ и плебеевъ, идутъ на призывъ—скрѣпя сердце, но все же идутъ, повинувась лозунгу изъ заграницы, рекомендуящему подготавливать вездѣ общенародное движеніе, въ которомъ отведена роль и Ван-деѣ. Личное ихъ вліяніе, привычка повиноваться импульсамъ, исходящимъ отъ правой, страхъ религіознаго преслѣдованія увлекаютъ еще много народу, и все же этому возстанію, занесенному извнѣ, не суждено пустить глубокіе корни въ странѣ. Вандея умерла и не воскреснетъ больше; передъ нами встаетъ лишь блѣдная тѣнь ея.

По обѣимъ берегамъ нижней Луары идетъ область шуанства, охватывая большую часть полуострова Арморики, Анжу, Мэнъ и нижнюю Нормандію. Подъ шуанами мы подразумѣваемъ разсѣянныхъ въ этой странѣ въ несмѣтномъ количествѣ партизановъ, суровыхъ, независимыхъ и вѣрныхъ,

¹⁾ Переписка генерала Траво, 11-го термидора, у *Chassin'a*, „les Pacifications de l'Ouest“, III, 319.

жестокихъ и набожныхъ; они неукротимы; они устояли противъ всѣхъ войскъ революціонеровъ; они никогда не поддадутся вполнѣ Бонапарту, консулу и императору; не разъ они будутъ грозить ему серьезной опасностью и, въ пяти миляхъ отъ Парижа, создадутъ ему почти вторую Испанію. Область шуанства состоитъ главнымъ образомъ изъ девяти департаментовъ: Нижней Луары, Мэна-и-Луары, Сарты, Майенны, Илль-и-Вилены, Орны, Манша, Морбигана и Котъ-дю-Норъ. Исключеніе составляетъ Финистерре, довольно покорный. Официально, законнымъ порядкомъ эти департаменты считаются замиренными со времени заключенія амблезскаго договора, но замиреніе останется пустымъ звукомъ, пока не будетъ рѣшенъ основной вопросъ, склоняющій въ сторону шуановъ симпатіи населенія, преданнаго католицизму еще больше, чѣмъ королю, пока не будетъ гарантирована свобода исповѣданія вѣры и урегулирована участь священниковъ.

Въ данный моментъ разбойничество распространено повсемѣстно, но мятежъ пока въ скрытомъ состояніи. Дѣйствительно вѣрны республикѣ только города съ домами, опустошенными бомбами великой войны — Нантъ, изъ страшныхъ ранъ котораго еще сочится кровь, Мансъ, Лаваль, Ваннъ, Брестъ, Реннъ, главные города департаментовъ и кантоновъ, обнесенные стѣнами, охраняемые, какъ въ феодальныя времена, да ихъ пригороды (bourgs), гдѣ расквартированы національныя войска. Внѣ этихъ оплотовъ республики, шуанство стелется по землѣ въ глубинѣ излучинъ Анжу и Мэна, по поросшимъ мелкимъ кустарникомъ ландамъ Бретани, въ лѣсистыхъ лощинахъ, между дикимъ терномъ и верескомъ, межъ громоздящихся одна на другую гранитныхъ глыбъ; оно разбросано по деревушкамъ, приплюснутымъ къ землѣ, по хуторамъ; оно притаилось за береговыми утесами, за каждой выемкой этого берега, искрошеннаго на мельчайшіе острова, въ которыхъ не разберешь, гдѣ земля, гдѣ вода; оно иной разъ прячется въ чуланахъ вмѣстѣ съ порохомъ и свинцомъ, или въ подпольяхъ и тайникахъ. И изъ всѣхъ этихъ убѣжищъ оно ежеминутно выходитъ, чтобы нанести неожиданный ударъ, чтобы грабить, убивать и мелкими нападеніями врасплохъ тревожить враговъ.

Эти шуаны, внезапно появляющіеся при свѣтѣ ружейной пальбы и тотчас исчезающіе, оставляя позади себя трупы, кажутся какимъ-то кошмаромъ. Ихъ знаютъ не столько по именамъ, сколько по кличкамъ. Среди нихъ есть герои, есть и бандиты, и нерѣдко трудно бываетъ отличить однихъ отъ другихъ; есть люди, поражающіе своей беззавѣтной удалью; но большинство норовитъ подстеречь, напасть изъ засады, захватить врасплохъ; таковъ ужъ ихъ военный обычай. Ночныя птицы, они кружатъ во мракѣ около жилья и неожиданно бросаются на добычу. Когда же чувствуютъ, что сила на ихъ сторонѣ, показываются среди бѣла дня, нападаютъ на жандармскія бригады, даже, расхрабрившись, на отдѣльные деташементы. Они объявили войну деревенскимъ патріотамъ, муниципальнымъ чиновникамъ, покупателямъ національныхъ имуществъ, священникамъ, присягнувшимъ конституціи; они служатъ дѣлу мести—политической, частной, религіозной. Кромѣ того, ихъ задача—не дать населенію успокоиться, примириться и взяться за работу; они угоняютъ скотъ, врываются на площадь въ базарные дни, разгоняютъ торговцевъ, съѣхавшихся на ярмарку. Иногда они произносятъ приговоръ надъ извѣстной группой обывателей, надъ цѣлымъ селеніемъ, и нерѣдко столбъ дыма на горизонтѣ, красный у основанія, говоритъ о пожарѣ деревни. Республиканцы, съ своей стороны, не отстаютъ; ихъ притѣсненія, разстрѣливаніе плѣнныхъ, отсутствіе дисциплины и разбойничество въ нѣкоторыхъ корпусахъ достойны подвиговъ шуановъ. Тѣ и другіе ведутъ войну, какъ дикари, съ уловками, достойными апачей, съ изощренной жестокостью и гнуснѣйшими военными хитростями. Синіе мундиры организуютъ роты поддѣльныхъ шуановъ, съ цѣлью сдѣлать настоящихъ ненавистными населенію, доведя ихъ жестокость до крайнихъ предѣловъ; настоящіе шуаны, чтобъ облегчить себѣ задачу, нерѣдко переодѣваются въ мундиры республиканскихъ солдатъ. Наряду съ синими и бѣлыми, страну наводняютъ шайки простыхъ злодѣевъ, „изгоевъ“ обѣихъ партій, безчинствующихъ во всю.

Задача роялизма—преобразовать шуанство въ общее возстаніе, разбойничество въ настоящую войну, поднять все сельское населеніе, все крестьянство. Въ деревняхъ, наряду съ республиканской администраціей, сформированной на ско-

рую руку, вялой, инертной, часто мало надежной, существуетъ нѣчто въ родѣ роялистической организаціи, сокровенной власти которой повинуются по привычкѣ, изъ соучастія, или изъ страха: *дивизіи*, подраздѣляющіяся на *роты*; вожди, извѣстные только своимъ людямъ, угадываемые другими. Таковы: Бурмонъ, Соль де Гризолль, Мерсіе, прозванный *Вандеей*, Сень-Режанъ по прозванію *Пьерро*; въ Морбиганѣ — Жоржъ Кадудаль, у котораго, по слухамъ, было подъ начальствомъ цѣлыхъ восемь дивизій. Этотъ толстый приземистый бретонецъ — удивительный человекъ; онъ вездѣ и нигдѣ; его видятъ то здѣсь, то тамъ, онъ рыщетъ по всему Морбигану, вывѣдываетъ, вынюхиваетъ, а за нимъ бѣгаетъ повсюду «бѣлая левретка, очень некрасивая, но въ своемъ опейникѣ, или подъ нимъ, разносящая въ разныя мѣста письма»¹⁾. У Жоржа повсюду есть свои люди, назначенные имъ офицеры, которые бродятъ по всей странѣ.

Главная забота этого странствующаго генеральнаго штаба: подготовить въ недалекомъ будущемъ общее возстаніе; держать на чеку шуановъ, еще не отказавшихся отъ жизни искателей приключеній, соединяющихся для нападенія съ тѣмъ, чтобы потомъ разбрестись въ разныя стороны; поддерживать сношенія съ крестьянами, вернувшимися къ осѣдлой жизни, вербовать молодежь. Они пишутъ другъ другу: «Надо набрать солдатъ королю»²⁾.

Эти завтрашніе солдаты пока остаются у своихъ очаговъ, но они уже внесены въ списки, сосчитаны, распределены по бригадамъ и состоятъ подъ надзоромъ; «только свистни»³⁾, и всѣ они подымутся, какъ одинъ человекъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кадудаль запрещаетъ священникамъ вѣнчать и молодымъ людямъ жениться, чтобы мужество не измѣнило имъ, когда настанетъ часъ итти воевать за святое дѣло. У каждой дивизіи свои гонцы, передающіе пароли, свои вербовщики и казначеи, своя касса. Денегъ много, все англійскія гиней; ихъ привозятъ на берегъ англійскіе фрегаты и лодки эмигрантовъ, въ туманные ночи колышашіяся на волнахъ въ маленькихъ зубча-

¹⁾ Выдержки изъ официальныхъ донесеній у *Chassin* III, 287.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibid.*

тыхъ бухтахъ, почти у самаго берега. Немало денегъ находятъ также и въ кассахъ сборщиковъ податей, и въ сундукахъ ограбленныхъ дилижансовъ и мальпостовъ; впрочемъ, у шуановъ тоже есть совѣсть, и они считаютъ, что дѣлаютъ это для короля, возвращаютъ ему его добро, отнятое у мятежнаго правительства.

Такъ понемногу слагаются въ одно цѣлое на западѣ всѣ элементы новой гражданской войны. Начиная съ мессидора и термидора, всюду замѣчается усиленіе шуанства. На обоихъ берегахъ Луары банды растутъ на глазахъ; муниципальныя власти кантоновъ, лишенныхъ войскъ, начинаютъ искать убѣжища въ городахъ; одного богача-патріота похитили у самыхъ воротъ Манса. Въ департаментахъ Майенны, Сарты, Иллъ-и-Вилены, банды то и дѣло переходятъ изъ одного департамента въ другой, затрудняя преслѣдованіе. Теперь для защиты дилижанса уже недостаточно небольшого отряда; близъ Витрѣ остановленъ и ограбленъ мальпостъ, несмотря на то, что его конвоировало сто двадцать пять человекъ. Въ Аржантрѣ шуаны засѣли въ домахъ, укрѣпившись, заставили отступить отрядъ 42-й легкой бригады и убили трехъ офицеровъ. Показались они и передъ Домфрономъ; мѣстный гарнизонъ погнался было за ними, но, благодаря недобросовѣстности мѣстныхъ властей, погоня не удалась. Этихъ мелкихъ неудачъ накопилось такъ много, что Бернадотъ рекомендуетъ генералу Мишо, командующему западной арміей, все еще сохранившей свое названіе *английской*, стянуть войска на главные посты, не разставлятъ ихъ по квартирамъ вдали другъ отъ друга, не подвергать опасности, выпуская ихъ маленькими отрядами, но посылать лишь сильныя легучіе отряды для обшариванія лѣсовъ и всякаго рода убѣжищъ. При видѣ такихъ отрядовъ, банды разсѣиваются, но лишь затѣмъ, чтобы снова сойтись и сплотиться у нихъ въ тылу. Уже теперь, еще не дойдя до массоваго усилія, шуанство переполнило очагъ своего первоначальнаго образованія и, переливаясь черезъ край, все глубже захватываетъ сосѣднія области. Въ Эндрѣ-и-Луарѣ набѣги шуановъ не рѣдкость. Въ Блуа власти получаютъ письма съ угрозами смертью. Въ Эрѣ-и-Луарѣ, въ коммунѣ Кудро, разбойники похитили президента мѣстнаго муниципалитета, президента, достойнаго уваженія, какъ по

своему преклонному возрасту — семьдесят семь лѣтъ, — такъ и по своимъ гражданскимъ добродѣтелямъ; они принудили его надѣть на себя трехцвѣтный шарфъ, отвели на прибрѣтенный имъ участокъ національной земли и тамъ разстрѣляли¹⁾. Кальвадосъ также серьезно затронуть; генералъ-комендантъ Кайенны чувствуетъ опасность своего положенія между роялистами и анархистами; вокругъ Фалеза собираются толпы шуановъ, чтобы не дать состояться ярмаркѣ въ Гибрѣ, куда съѣзжается масса народу и гдѣ заключаются крупныя торговыя сдѣлки. Показались шайки и въ департаментѣ Эрѣ, гдѣ тревога властей со дня на день растетъ; особенно боятся онѣ, «какъ бы шуаны не вздумали основать свою главную квартиру въ здѣшнихъ лѣсахъ, обширныхъ и многочисленныхъ, въ данный моментъ укрывающихъ немало рекрутовъ и новобранцевъ». Онѣ пытаются даже организовать охоту²⁾ на человѣка на лѣсистыхъ окраинахъ Эры и Нижней Сены.

Руанъ, подобно Лиону, Марсели и Бордо, также внушаетъ опасенія. Крупная торговля здѣсь въ полномъ упадкѣ; въ порту, нѣкогда изобиловавшемъ иностранными судами, теперь нѣтъ ни одинаго³⁾. Молодежь, дворянская и буржуазная, воюетъ съ воскресшими якобинцами, возмущаясь противъ этихъ гнусныхъ выходцевъ съ того свѣта. На улицахъ кричатъ: «Долой якобинцевъ!» Бьютъ тѣхъ, кто кричитъ: «Долой шуановъ!» Фактъ достойный вниманія, — къ молодежи присоединились рабочіе⁴⁾. Гарнизонъ все время на чеку и переутомляется отъ постоянныхъ тревогъ. Сборъ акциза возможенъ только при участіи вооруженной силы. Вглубь департамента Нижней Сены, помимо нѣсколькихъ лѣсныхъ кантоновъ, шуанство однако же совсѣмъ не проникло, и агитація на Западѣ отзывается здѣсь лишь отраженными, едва замѣтными толчками.

Пикардія, Артуа и Фландрія были бы почти спокойны, если бъ якобинцы не вздумали открывать вездѣ свои клубы и не волновали городовъ, гдѣ особенно ярко проявляется

1) Общая переписка, 3 термидора.

2) Ibid. 15 мессидора.

3) Publiciste, 5 фруктидора.

4) Общая переписка, 14 термидора.

возмущеніе жителей противъ этихъ разрушителей всякаго общественнаго строя, противъ содома ихъ шумныхъ претензій и брани. Въ Лиллѣ клубу такъ и не дали открыться. Въ Амьенѣ клубистамъ пришлось воевать съ женщинами и дѣтьми, съ безбородыми юношами, съ рабочими, и кровь пролилась въ этомъ городѣ, долгое время служившемъ для другихъ образцомъ спокойствія. Въ Сентъ-Омерѣ парижскія газеты подзадоривали обѣ стороны. 30 мессидора якобинцы, собравшись въ своемъ клубѣ, упивались чтеніемъ вслухъ газеты свободныхъ людей (*Journal des hommes libres*), когда въ залу ворвалась толпа народу, размахивая листками противоположнаго направленія, — *Другъ законовъ* и *Необходимый* (*L'Ami des lois* и *le Nécessaire*) — съ цѣлью раздѣлаться съ террористами, вышвырнувъ ихъ изъ оконъ. Всего яростнѣе нападали подростки 12—18 лѣтъ. Клубъ не пережилъ этой стычки, которая чуть было не вызвала волненій въ городѣ ¹⁾. Противъ якобинцевъ обращали ихъ же слова, когда то служившія лозунгомъ сентябрьской рѣзни; рекруты говорили: «Мы не хотимъ, отправляясь на войну, оставлять нашихъ родителей подъ ярмомъ революціонеровъ» ²⁾. И группы роялистовъ распѣвали на улицахъ гимны свободѣ, протестуя противъ тираніи республиканцевъ.

Въ Дюнкирхенѣ комендантъ обличаетъ политическіе взгляды «такъ называемаго зажиточнаго и торговаго класса... Эти люди открыто радуются неудачамъ, которыя должны бы огорчать всякаго, кто еще не забылъ, что у него есть отечество» ³⁾. Утромъ на стѣнахъ находятъ наклеенные ночью плакаты такого содержанія: *Директорію повѣсить, совѣты распустить. Да здравствуетъ прусскій король! Да здравствуетъ генералъ Суворовъ!* ⁴⁾ Нападаютъ на часовыхъ; опасаются, какъ бы дюнкирхенскіе контръ-революціонеры не отперли непріятелю этихъ воротъ Франціи.

Перешагнувъ за прежнюю границу и очутившись въ Бельгіи, которую конвентъ включилъ въ составъ Франціи и раздѣлилъ на департаменты, мы снова попадаемъ въ область

¹⁾ См. военный архивъ, общая переписка, подробный отчетъ объ этой стычкѣ.

²⁾ Ibid.

³⁾ Общая переписка, 11 термидора.

⁴⁾ Ibid.

противодѣйствія и возмущенія сельскаго населенія. Республиканская Франція покорила Бельгію, но не сумѣла ассимилировать ее; жестоко оскорбляя религіозныя убѣжденія бельгійцевъ, рьяныхъ католиковъ, подчиняя ихъ режиму принудительной воинской повинности, она только привязала себѣ къ тѣлу жаровню съ вѣчно пылающей ненавистью. Этой странѣ вѣрованій и традицій ненавистна революція, нечестивая, святотатственная, насильно вводящая всякія новшества, воображая, что въ одинъ день можно стереть то, что создавалось вѣками. Въ 1798 г. здѣсь уже вспыхнулъ бунтъ въ широкихъ размѣрахъ, и его съ трудомъ удалось подавить, а возмущеніе въ сердцахъ не заглохло и понынѣ. Какъ нѣкогда у протестантской Голландіи, такъ и у католической Бельгіи имѣлись свои *гёзы*. Здѣсь это были по преимуществу бѣглые рекруты, превратившіеся въ разбойниковъ, завербованные на службу политическимъ и религіознымъ страстямъ.

Въ Дильскомъ департаментѣ они безчинствуютъ на всякіе манеры, вербуютъ себѣ помощниковъ среди населенія, тѣснятъ жандармерію. Въ одной коммунѣ Жеммапскаго кантона они ворвались къ товарищу президента и обобрали его до нитки, оставили «даже безъ рубашки»¹⁾. Они рыщутъ по всей странѣ въ своихъ синихъ балахонахъ и соломенныхъ шляпахъ, вооруженные саблями, ружьями и карабинами; что ни день, то слышишь — отняли оружіе у полевого стражника или лѣсника. Въ Уртѣ рубятъ деревья свободы; въ Самбрѣ и Мезѣ процвѣтаютъ разбои. Лѣса Жеммапскаго департамента кишатъ бѣглыми рекрутами и новобранцами. Тысячи ихъ укрываются и въ лѣсахъ Лимбурга, Люксембурга, Льежуа, въ Арденнскихъ чащахъ: «все они рыщутъ по лѣсамъ, какъ дикіе звѣри»²⁾. Вокругъ Намюра безпорядки дошли до крайняго предѣла: «травятъ солдатъ, поставленныхъ на постой, бьютъ приставовъ, объѣзжающихъ департаментъ вмѣстѣ со сборщиками, грабятъ кассы на заставахъ, что день, то обираютъ путниковъ, грабятъ дома патриотовъ, живущихъ на окраинахъ города; словомъ,

¹⁾ Общая переписка, 3 термидора.

²⁾ Ibid., извлеченіе для доклада министру полиціи 13 мессидора.

нѣтъ такихъ безчинствъ, которыя бы не творились въ этомъ департаментѣ» ¹⁾).

Налоговъ упорно не платятъ; одинъ отказывается изъ духа противорѣчія, другой по нуждѣ, предусмотрительности, или расчёту, или же просто совѣстится. «Многія коммуны и даже цѣлые кантоны смотрятъ на контрибуціи, какъ на собственность австрійцевъ, на возвращеніе которыхъ имъ подають надежду» ²⁾. Напрасно агенты фиска вывѣшиваютъ объявленія о продажѣ мебели упорствующихъ; «принудительныя мѣры не достигаютъ цѣли, такъ какъ на арестованное имущество не находится покупателей» ³⁾...

Враждебное отношеніе къ республиканскимъ законамъ и учрежденіямъ проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Гражданскіе праздники празднуются какъ въ пустынѣ; 14-го іюля, въ Куртрэ, комендантъ былъ на праздникѣ одинъ со своимъ гарнизономъ» ⁴⁾. Народъ признаетъ лишь издревле установленные торжества и обряды. Изъ деревень департамента Обѣихъ-Нэтъ, смежнаго съ Голландіей, множество крестьянъ ходятъ по воскресеньямъ къ обѣднѣ на батавскую территорію, въ протестантскую страну, гдѣ католикамъ позволяютъ, по крайней мѣрѣ, исполнять обряды ихъ религіи. Священниковъ, монаховъ гонятъ, сажаютъ въ тюрьмы, но вліяніе ихъ неискоренимо, оно живетъ. Въ Люксембургѣ буржуа и ремесленники скопомъ являютъ просить о разрѣшеніи посѣтить своихъ священниковъ въ домѣ заключенія, гдѣ они содержатся подъ стражей, приносятъ имъ дары лакомства; тюремное начальство утверждаетъ, что въ камерахъ арестантовъ устраиваются оргіи и, чтобы положить конецъ этимъ скандаламъ, проситъ поторопить отправкой священниковъ на мѣсто ссылки. Власти повсюду чувствуютъ себя въ атмосферѣ враждебности. Въ Бельгіи французъ-революціонеръ ненавистенъ всѣмъ — вдвойнѣ ненавистенъ, какъ чужакъ и язычникъ, врагъ фландрскаго народа и врагъ Господень. Ничтожная часть присоединившихся къ намъ добровольно, вначалѣ подъ вліяніемъ взрыва энтузіазма, потомъ

¹⁾ Ibid., 3 термидора.

²⁾ Ibid., 20 мессидора.

³⁾ Ibid., 24 мессидора.

⁴⁾ Ibid. 28 мессидора.

изъ корысти или слабости, ждуть только случая, чтобы отколоться. «Возстаніе у всѣхъ на умѣ» ¹⁾).

Возстаніе зрѣеть и на лѣвомъ берегу Рейна, въ четырехъ департаментахъ, населенныхъ нѣмцами, образованныхъ изъ прежнихъ курфиршествъ Трэвскаго, Майнцакаго и Кельнскаго. Здѣсь многіе жители нѣкогда привѣтствовали французовъ, какъ избавителей, а теперь проклипаютъ ихъ, какъ тирановъ, и будутъ ненавидѣть, пока наполеоновскій порядокъ и кодексъ не примирятъ ихъ надолго съ Франціей.

А пока, въ довершеніе несчастій страны, раздавленной прохожденіемъ по ней войскъ и военными реквизиціями, на ней осѣла и ѣсть ее поѣдомъ цѣлая стая хищниковъ-агентовъ. Въ Кобленцѣ, въ Майнцѣ, «творятся возмутительныя злоупотребленія, столь же убыточныя для казны, какъ и утѣснительныя для гражданъ» ²⁾. Въ отместку, глядишь, то тамъ, то сямъ напали на одинокаго француза, на какого-нибудь злополучнаго солдатака, и убили его. «Столь частыя убійства, и все французовъ, ясно говорятъ о систематической подготовкѣ къ мятежу, готовому вспыхнуть въ этихъ департаментахъ. Сначала насъ пытались было ввести въ обманъ, сваливая всѣ эти убійства на разбойниковъ и дезертировъ, но теперь уже имѣются доказательства обратнаго, и все убѣждаетъ насъ въ томъ, что эти безчинства творятъ сами обыватели» ³⁾. Нѣсколько позже, въ Нейвидѣ мы увидимъ, какъ толпы людей, мужчинъ, женщинъ, ребятъ и съ ними капуциновъ въ рясахъ, взволнованныхъ ложнымъ слухомъ о переходѣ австрійцевъ черезъ Рейнъ, бѣгутъ на берегъ встрѣчать ихъ и, воздѣвая руки къ небу, поздравляютъ другъ друга съ приходомъ своихъ избавителей ⁴⁾. Стоитъ дѣйствительно явиться иностранцамъ, стоитъ врагу ступить на землю присоединенныхъ департаментовъ, и эта великолѣпная добыча мгновенно ускользнетъ отъ Франціи. А пока всѣ власти, военныя и гражданскія, въ Бретани и на Югѣ, твердятъ одно: положеніе съ каждымъ днемъ ухудшается, опасность растетъ. Революція чувствуетъ, что вмѣсто одной

¹⁾ Ibid.

²⁾ Общая переписка, II термидора.

³⁾ Ibid. 29 мессидора.

⁴⁾ Бюллетень общей полиціи за вандемьеръ. Изд. M. Oulard. „Etat de la France en l'an VIII et en l'an IX, 66.

Вандей, ей скоро придется бороться съ тремя, или четырьмя: сѣверной Вандеей, бельгійской и рейнской; великой западной Вандеей и южной Вандеей — пиринейской, лангедокской, провансальской.

3.

Политическая географія Франціи сама диктовала роялистамъ планъ дѣйствій; мы только что видѣли этотъ планъ въ общихъ чертахъ. Проектировалось охватить центральныя области, т. е. наиболѣе спокойныя и наименѣе отторгнутыя отъ республики, огромной сѣтью мятежей, которая-бы опиралась однимъ концомъ на западъ, вблизи англійскихъ флотовъ, другимъ на Франшъ-Конте, или Ліонъ, недалеко отъ союзныхъ армій, а третьимъ, углубляясь кривою въ центръ, на Провансъ, Лангедокъ и Гвиенну. Въ Парижѣ функционировало агентство, которое, въ случаѣ надобности, могло рискнуть и открытымъ нападеніемъ или по крайней мѣрѣ поддерживать беспорядки. На сѣверѣ представлялось не невозможнымъ соединить нормандскихъ шуановъ съ бельгійскими партизанами, тоже шуанами въ своемъ родѣ, и совмѣстно предпринять что-нибудь крупное. Директорія этого не знала, но эмигрантамъ отлично было извѣстно, что генераль Тилли, назначенный командиромъ 25-ой военной дивизіи, квартирующей въ Бельгії, вошелъ въ соглашеніе съ роялистами и обѣщалъ имъ свою поддержку. Вождь нормандскихъ инсургентовъ, Фроттэ, придумалъ безумный, по своей рискованности, планъ соединенія съ нимъ. Онъ переправится со своими людьми черезъ Сену, затѣмъ лѣсами и потайными тропинками проникнетъ въ глубь Пикардіи, мимоходомъ освободитъ въ Амѣ (*Nam*) кучку эмигрантовъ, содержащихся въ заключеніи въ замкѣ, и соединится съ Тилли, который тогда подыметъ бѣлое знамя возстанія вмѣстѣ со своими войсками¹⁾. Такимъ образомъ осада республики извнѣ довершится обложеніемъ изнутри; тѣмъ временемъ англійскія эскадры вышутъ на нашихъ берегахъ удобное мѣсто для высадки; русскіе-же

¹⁾ „Souvenirs du comte de Semallé“, 92—94; cf. *Chassin* III, 362.

и австрійцы завоюють снова Италію и Швейцарію и придвинутся къ нашимъ границамъ.

Вотъ какія надежды питали роялисты въ тотъ моментъ, когда страхъ якобинцевъ сблизилъ ихъ съ Франціей. Правду сказать, внутренняя сила и единеніе партіи не были на высотѣ ея замысловъ. Роялизмъ заграничный, имѣвшій претензію руководить роялизмомъ внутри страны и направлять его по желанію, носилъ въ себѣ великое зло—междоусобія, интриги подначальныхъ, предрасудки, иллюзіи, непониманіе истиннаго состоянія умовъ во Франціи, всѣ виды слѣпоты изгнанія, всѣ убожества эмиграціи.

Въ кругу принцевъ и ихъ приближенныхъ, раздоровъ было, пожалуй, не меньше, чѣмъ въ директоріи и совѣтахъ. Вожди эмигрантовъ, претендентъ и братъ его, король и *Monsieur*, раздѣлили между собою Францію. *Monsieur*, графъ д'Артуа, всегда интересовавшійся западомъ и зоной океанскаго побережья, получилъ, кромѣ того, въ завѣдываніе парижское агентство. Людовикъ XVIII, король митавскій, взялъ себѣ югъ и востокъ, уступивъ брату непосредственную власть надъ другими районами. Но графъ д'Артуа, не довольствуясь своей колоссальной долей, хотѣлъ еще сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ пружины дѣйствія ¹⁾. Братья терпѣть не могли другъ друга; ихъ агенты, въ свою очередь, исподтишка поносили одинъ другого, подставляя ножку и всячески стараясь повредить противоположной сторонѣ; коалиція же, содержавшая на жалованьи роялистовъ, искала не столько помочь имъ, сколько воспользоваться ими въ своихъ собственныхъ интересахъ. Эта партія, всегда зависимая и многоглавная, никогда не умѣла внести порядокъ и точность въ свои начинанія; вмѣсто массоваго натиска мы видимъ лишь рядъ разрозненныхъ усилій и мѣстныхъ возстаній.

Пиринейскій югъ началъ слишкомъ рано; громъ гражданской войны грянулъ въ немъ совершенно неожиданно. Въ среднихъ числахъ термидора въ долинахъ Верхней Гаронны вспыхнуло хорошо организованное возстаніе, охватило Мюрэ, сдѣлавъ его своей главной квартирой, и разлилось дальше, къ сѣверу. Тулуза внезапно увидѣла себя окруженной на двѣ трети мятежной ратью въ 15—20 тысячъ чело-

¹⁾ *Lebon*, „l'Angleterre et l'émigration“, 285—288.

вѣкъ, съ ружьями и пушками, съ бѣлыми знаменами; бандами предводительствовали перебѣжчикъ, генераль Руже; онѣ наступали съ дикимъ рѣвомъ, угрожая смертью патріотамъ, и прославляя Людовика XVIII ¹⁾. «Въ Жерсѣ, Аржежѣ, Одѣ, Гариѣ-и-Гароннѣ, Ло, мятежь вспыхнулъ въ тридцати кантонахъ заразъ. Генераль Обюжуа, комендантъ Ока (*Auch*) запечатывалъ свои депеши директоріи подъ громъ раздававшихся со всѣхъ сторонъ пушечныхъ выстрѣловъ. Вѣрныя коммуны напрасно молили о подкрѣпленіяхъ. «Безъ линейныхъ войскъ, пишетъ одинъ чиновникъ, весь югъ потерянь для республики» ²⁾. Въ Парижѣ власти были очень встревожены одновременно пришедшими вѣстями о волненіяхъ въ Жирондѣ и въ Ло-и-Гароннѣ; на юго-западѣ весь горизонтъ, отъ Средиземнаго моря до Гасконскаго залива, охватило кровавое зарево.

Линія нападенія была прорвана въ центрѣ неожиданнымъ мѣстнымъ усиленіемъ. Въ Тулузѣ всего гарнизона было тридцать четыре конныхъ стрѣлка, но администрація департамента обнаружила энергію и находчивость, сумѣвъ объединить патріотовъ и организовать сопротивленіе. Не дожидаясь прибытія нѣсколькихъ армейскихъ полковъ, высланныхъ Бернадотомъ, она тутъ-же на мѣстѣ сформировала одиннадцать батальоновъ. Генераль Обюжуа, прибывъ изъ Ока, нашель уже почти готовую колонну, съ которой онъ освободилъ Тулузу и прогналъ мятежниковъ, отбивъ у нихъ ихъ передовую позицію, Пуэжъ-Давидъ; при этомъ былъ убитъ ихъ полковой священникъ, тоже «палившій изъ доброй двустволки» ³⁾. На помощь подоспѣли другіе генералы и генераль-адъютантъ, сообща организовали преслѣдованіе и, такъ какъ главныя силы мятежниковъ продолжали отступать компактной массой, республиканцы раздавили ихъ однимъ ударомъ 20 термидора подъ Монрежо, у подножія Пиринеевъ.

Такъ кончилась эта недолгая, но жаркая война, гдѣ инсургенты вначалѣ не сумѣли воспользоваться выго-

¹⁾ Донесеніе, цитируемое *Lavigne* въ „*Histoire de l'insurrection de l'an VII*“, 92—93. Оттуда же взята большая часть дальнѣйшихъ сообщеній.

²⁾ Общая переписка, 23 термидора.

³⁾ *Lavigné*, p. 190.

дами своего положенія, а затѣмъ имѣли неосторожность развернуть свой фронтъ передъ врагомъ въ рѣшительной битвѣ. Къ тому же, инициаторы возстанія въ Верхней Гароннѣ полагали, что оно вызоветъ движеніе въ другихъ районахъ и въ болѣе широкихъ размѣрахъ¹⁾, но этого не случилось. Въ долинѣ Роны только усилились убійства и разбои²⁾. Ліонъ молчалъ, придавленный желѣзной лапой Доверня; однажды, получивъ увѣдомленіе, что на другой день должно вспыхнуть возстаніе, подготовленное роялистами-заговорщиками, этотъ послѣдній велѣлъ арестовать сорокъ человекъ заразъ. «На улицахъ царила мертвая тишина»³⁾. На другомъ концѣ обширнаго полукруга проектируемыхъ мятежей волновался Бордо, грозный, бурливый, но все же не дошелъ до открытаго возмущенія.

Западъ отсталъ. Въ Вандеѣ, Анжу, Бретани и Нормандіи крестьяне не хотѣли бунтовать, не покончивъ съ жатвой и уборкой хлѣба. Изъ Англіи и болѣе дальнихъ мѣстъ приходили инструкціи сбивчивыя, нерѣдко противорѣчивыя. Претендентъ колебался, не рѣшаясь подать сигналъ къ возстанію, пока союзныя арміи не вступятъ во Францію; принцъ политикъ, не воинственный по натурѣ, онъ все надѣялся на реставрацію, не столько навязанную, насколько достигнутую путемъ переговоровъ; онъ больше рассчитывалъ на продажность нѣкоторыхъ правителей, чѣмъ на своихъ западныхъ дьяволовъ-слугъ. Графа Артуа ждали повсюду, но онъ только обѣщалъ и не появлялся. Англія снова исправно платила жалованье, но ей желательно было, чтобы реставрація явилась дѣломъ рукъ главнымъ образомъ союзныхъ армій, которыя и продиктовали бы свои условія униженной Франціи⁴⁾. Лондонскій кабинетъ рекомендовалъ графу д'Артуа стать въ тылу австрорусскихъ войскъ, оперирующихъ противъ Массены въ Швейцаріи, и итти за ними, вмѣстѣ съ арміей Конде.

Между тѣмъ, въ августѣ, къ особѣ графа д'Артуа были допущены въ Эдинбургѣ вожди шуановъ и совмѣстно вы-

1) „Eclaircissements inédits de Cambacérès“.

2) „Le Département des Bouches. du-Rhône de 1800 à 1810“, par Saint Yves et Fournier, 12—14.

3) „Lettres de madame Reinhard“, 83.

4) Lebon 272—273.

рабътаны были основы плана дѣйствій. Вооруженное возстаніе на западѣ было въ принципѣ дѣломъ рѣшеннымъ, но, по инструкціямъ графа, начало его слѣдовало оттянуть елико возможно для того, чтобы лучше подготовить ударъ и вѣрнѣе попасть въ цѣль; срокъ не былъ въ точности опредѣленъ, и въ этомъ отношеніи вождамъ предоставлялась известная свобода¹⁾.

Къ концу лѣта главный штабъ западныхъ королевскихъ и католическихъ армій находился почти въ полномъ составѣ на мѣстѣ предполагаемыхъ дѣйствій. Близъ Луары, въ замкѣ Жоншерь, въ чащѣ Жюиньесскихъ лѣсовъ состоялся совѣтъ вождей, подъ охраной 1200 крестьянъ. Повидимому, Отишанъ, (*Autichamps*) единственный высказался противъ того, чтобы взяться за оружіе, прочитавъ письмо короля, запрещаваго возобновлять враждебныя дѣйствія безъ личнаго его на то приказа. Жажда битвы увлекла всѣхъ другихъ; припѣвомъ собранія былъ вопль Кадудалья, яростно повторенный всѣми: «*Война! война!*»²⁾ Рѣшено было однако начать возстаніе не раньше 22 вандемьера—14 октября, т. е. въ періодъ между окончаніемъ уборки хлѣба и новымъ посѣвомъ. Главнѣйшіе вожди раздѣлили между собой будущую арену дѣйствій: Кадудаль взялъ Морбиганъ, Сюзаннэ Вандею; Отишонъ, Шатильонъ, Бурмонъ, Ла Превалэ—оба берега Луары; Фроттэ, еще не вернувшемуся изъ Англіи, предоставлена была Нижняя Нормандія. Инсургенты приняли одно только имя—*недовольныхъ*, чтобы привлечь на свою сторону массу желавшихъ хоть какойнибудь перемѣны. Отъ низовьевъ Луары до устьевъ Орны методически, почти открыто подготавливалось возстаніе; даже въ Вандеѣ стираютъ ржавчину съ оружія и сушатъ порохъ, спрятанный въ тайникахъ³⁾. Комиссары директоріи, гражданскіе агенты, военные, всѣ видѣли надвигающуюся грозу. Въ каждомъ донесеніи говорилось о близости новой войны на западѣ и почти день въ день предсказывалось ея начало.

1) „La Sicotière“, *Jouisde Frotté*, 233—236.

2) *Chassin*, III, 368; cf. *Cadoudal*, „Georges Cadoudal et la chouannerie“ 200.

3) Донесеніе, цитируемое *Chassin*, III. 323.

4.

Пока заговорщики роялисты и заговорщики якобинцы, одинаково разсѣянные и разбросанные, оспаривали другъ у друга Францію, растерзанную и въ то-же время инертную, республика искала себѣ правительства. Директорія, сама подтачиваемая внутри заговоромъ ревизионистовъ, не была таковымъ, несмотря на находившіе на нее приступы энергіи. Она и не помышляла о томъ, чтобы мѣрами успокоенія, и удовлетворенія обиженныхъ попытаться привлечь къ себѣ симпатіи массы гражданъ, не принадлежавшихъ ни къ какой партіи. Ей и въ голову не приходило быть справедливой, смѣло умѣренной, отмѣнить законы о культахъ и эмиграціи, разбить эти орудія пытки, отозваться на національныя упованія, войти въ соприкосновеніе съ душою Франціи. Замкнувшись въ своей односторонности, она защищалась плохо рассчитанными ударами противъ разнообразныхъ враговъ; нанеся ударъ вправо, она спѣшила нанести такой-же и влѣво, ибо опасность грозила и съ этой стороны, и притомъ нужно было искупить ударъ, нанесенный влѣво. Она оставалась нетерпимой и немощной, трусливой и злой, уже по своей прирожденной немощности обреченной на произволь, гонимой и гонительницей.

Единственнымъ директоромъ не безъ дарованій и проницательности былъ президентъ Сійэсъ, но онъ то и не хотѣлъ, чтобы директорія продолжала существовать. Въ ожиданіи, пока шпага Жубера освободитъ его отъ большинства его коллегъ, онъ ограничивался тѣмъ, что намѣчалъ свою программу; въ одной рѣчи онъ говорилъ: «Во Франціи не должно быть больше ни террора, ни реакціи; справедливость и свобода для всѣхъ», но на дѣлѣ о свободѣ не было и помину ¹⁾; Франція мучительно билась между терроромъ и реакціей. Нѣкоторые министры порознь мечтали объ ослабленіи строгостей, иной разъ брали на себя смѣлость смягчать несправедливости фрюктидорскаго законодательства. Фуше, этому хитрому бандиту, въ которомъ иногда прорывался государственный умъ, случалось иногда высказывать пожеланія,

1) Рѣчь 18 фрюктидора.

чтобы государственная власть прониклась новымъ духомъ; въ одномъ докладѣ онъ пишетъ, что было бы весьма желательно, чтобы республиканскіе чиновники перестали быть «угнетателями» ¹⁾ въ глазахъ людей, ввѣренныхъ ихъ попеченію. У нѣкоторыхъ правителей уже наблюдаются симптомы того настроенія, которое станетъ преобладающимъ послѣ брюмера, но укоренившіеся навыки, прошлое, темпераментъ этихъ людей, трудность ихъ теперешняго положенія,— все препятствовало осуществленію ихъ добрыхъ намѣреній и снова возвращало ихъ въ революціонную колею.

Кромѣ того главы государства были безсильны сдѣлать что-либо доброе уже потому, что ихъ было нѣсколько, что они не довѣряли другъ другу и боялись запятнать себя въ глазахъ своихъ коллегъ порокомъ умѣренности, и еще потому, что во Франціи собирательныя единицы совершенно лишены политическаго чутья. Баррасъ весьма справедливо замѣтилъ по поводу одного требованія, признаннаго законнымъ каждымъ изъ директоровъ въ отдѣльности и отвергнутаго директоріей въ полномъ составѣ: «Только люди, не наблюдавшіе политическихъ собраній, или хотя-бы простыхъ товариществъ, еще менѣе многочисленныхъ, могутъ удивляться, видя, насколько не похожи между собою люди, взятые индивидуально и коллективно. То, что порознь они признаютъ справедливымъ и согласны исполнить, въ томъ самомъ они, собравшись вмѣстѣ, нерѣдко отказываютъ» ²⁾.

Такимъ образомъ коллективное правительство VII года не могло придумать ничего, кромѣ инквизиціонныхъ строгостей и исключительныхъ мѣръ, чтобы защититъ себя отъ роялистскаго заговора, дѣйствіе котораго оно уже испытывало на себѣ и нити котораго сквозили повсюду. Совѣты, по настоянію Фуше, вотировали законъ, предоставлявшій полиціи на два мѣсяца право производить домашніе обыски; результатомъ была масса притѣсненій. За четыре недѣли въ

¹⁾ Докладъ объ общемъ положеніи республики. *Aulard*, „Etat de la France en l'an VII et en l'an VIII“, p. 16.

²⁾ „Memoires“, III, 455. Баррасъ здѣсь неточенъ, относя рассказываемый имъ случай, касающійся ссыльнаго Симеона на послѣ 30 преріала; приводимое имъ письмо самого Симеона доказываетъ, что фактъ случился раньше.

одномъ Парижѣ было арестовано пятьсотъ сорокъ человекъ ¹⁾. Даже внѣ районовъ безпорядковъ продолжали функционировать военные суды; время отъ времени народъ угощали казнями, разстрѣливали кого-либо изъ вернувшихся эмигрантовъ. Въ недалекомъ будущемъ должны были войти въ силу законъ о прогрессивномъ налогѣ и страшный законъ о заложникахъ. Напрасно благородные голоса говорили о справедливости и гуманности; трогательныя воззванія оставались втунѣ. Рамель выпустилъ въ свѣтъ книгу, въ которой была рассказана долгая агонія фрюктидорскихъ ссыльныхъ въ Гвіанѣ, и отдана на судъ публики лѣтопись ихъ страданій. По поводу двухъ изъ нихъ—Барбе Марбуа и Лафонъ-Ладеба, госпожа де Сталь писала изъ Коппэ законодателю Гара (*Garat*):

«О непоправимомъ прошломъ можно только жалѣть, но возможно-ли вынести мысль, что въ Гвіанѣ остается двое несчастныхъ... (Ихъ оставалось гораздо больше). Отъ директоровъ зависитъ разрѣшить Марбуа и Ладеба вернуться въ Олеронъ; заставьте ихъ сдѣлать это; это будетъ только справедливо. Въ эти жары неужели вамъ не горька мысль о томъ, какъ должны страдать эти несчастные, изъѣденные всевозможными насѣкомыми, и притомъ подъ экваторомъ? Заслуживали ли бы мы сами хоть какого-нибудь состраданія, еслибъ эта мысль не преслѣдовала насъ? Въ концѣ вашего прекраснаго труда вы просите перенести васъ подъ яркій сводъ небесъ, гдѣ вы могли бы думать и чувствовать. Дайте же этимъ несчастнымъ воздухъ, которымъ можно дышать, воздухъ, который не несетъ съ собой смерти. Безпокоются за Бильо де Варенна, хотятъ вернуть его сюда, а эти двое, которымъ можно поставить въ вину только приписываемые имъ взгляды,—за этихъ некому вступиться. Какими же глазами будутъ смотрѣть на нашу республику за предѣлами Франціи, послѣ прочтенія книги Рамеля, гдѣ каждый рассказанный фактъ дышетъ правдивостью очевидца? Надо быть французомъ, надо не имѣть возможности отречься отъ своей доли родства со своею страной, чтобы искать оправданій и объясненій замалчиванію совѣтами подобныхъ жестокостей. Прошу васъ, дорогой мой Гара, сдѣ-

¹⁾ Сообщеніе директорин совѣтамъ 26 фрюктидора.

лайте доброе дѣло, заставьте вернуть этихъ двухъ несчастныхъ. Всю вашу жизнь воспоминаніе объ этомъ будетъ вамъ отраднымъ и вѣрнымъ спутникомъ»¹⁾.

Кончилось тѣмъ, что директорія разрѣшила перевезти въ Олеронъ Марбуа и Ладеба²⁾, но безъ огласки и лишь въ видѣ исключительной мѣры, не распространяя ея благодѣтельнаго дѣйствія на остальныхъ ссыльныхъ; открыто проявить состраданіе ко всѣмъ было бы слишкомъ рискованно, и умолять объ этомъ директорію, значило требовать слишкомъ многого. Баррасу госпожа де-Сталь пишетъ: «Теперь время дѣйствовать, а не разсуждать, но помните-же, воспользуйтесь первымъ-же успѣхомъ, чтобы смягчиться»³⁾. Это свободное слово не вызвало никакого отклика въ политическомъ мірѣ.

Гоненіе на священниковъ отнюдь не прекратилось. По дорогамъ Блезуа и Турэни по прежнему тянутся возы съ «попами», которыхъ везутъ въ Рэ или Олеронъ⁴⁾. Сто священниковъ, долгое время просидѣвшихъ въ тюрьмѣ въ Рошфорѣ, просили суда, какъ единственной милости, наивно ссылаясь при этомъ на *права человека*; ихъ ходатайство было отклонено директоріей⁵⁾. Культъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ еще уцѣлѣлъ, оставался предметомъ нелѣпыхъ притѣсненій. Церковь мучили въ лицѣ ея видимаго главы—папы Пія VI, увезеннаго изъ Рима во Францію; по строжайшему предписанію министра внутреннихъ дѣлъ, съ нимъ обращались, какъ съ «заложникомъ»⁶⁾. Больного, умирающаго папу таскали изъ Бріансона въ Галъ, Гренобль, Валянсъ; и всюду, гдѣ только показывался этотъ печальный поѣздъ, мука слабаго старика, облеченнаго высокимъ и священнымъ саномъ, будила негодованіе въ сердцахъ и возмущала совѣсть; въ душѣ народа постепенно нарастала ненависть къ его мучи-

1) Архивъ города Коппэ.

2) *Barbé Marbois*, „Journal d'un déporté“, 216.

3) Архивъ города Коппэ.

4) *Dufort de Cheverny*, приводя этотъ фактъ, прибавляетъ: „Общество съ отчаяніемъ убѣждается, что революціонныя формы остаются въ прежней силѣ, хотя все предвѣщаетъ близкое ихъ распаденіе“. II, 414.

5) Barras, III, 456—463.

6) *У Sciout*, „Histoire du Directoire“, IV, 457.

телямъ. Въ Парижѣ городская полиція проявляла свое усердіе тѣмъ, что всячески тѣснила вѣрующихся, воевала съ приверженцами воскресенья, настаивая на точномъ соблюденіи предписаній республиканскаго календаря, да «доносила на публику», выпучивавшую церемоніи десятаго дня и попытки обставить извѣстной помпой гражданскіе браки ¹⁾. Свѣтскія службы и вершители ихъ стали посмѣшищемъ, но тѣмъ не менѣе христіанамъ были воспрещены всякія внѣшнія проявленія религіознаго культа; если кто позволялъ себѣ положить распятіе на гробъ, выставленный у воротъ дома, объ этомъ тотчасъ-же составлялся протоколъ ²⁾. Въ то-же время шестьдесятъ разнощиковъ, арестованныхъ въ Парижѣ за распространеніе брошюръ, полныхъ брани и оскорбленій правительства, были выпущены за отсутствіемъ закона, подъ который можно было-бы подвести ихъ вину ³⁾,—довершеніе характеристики режима, соединявшаго крайности тирани и распущенности.

¹⁾ „Доношу Вамъ на публику,—писалъ министру внутреннихъ дѣлъ одинъ изъ его чиновниковъ,—которая вела себя вчера въ Храмѣ Мира, X-й округъ, въ высшей степени неприлично при заключеніи браковъ. Въ храмѣ стоялъ смѣшанный гулъ голосовъ, дѣлавшій безполезнымъ всякое поученіе или рѣчь, обращенную къ народу. Въ особенности усиливалъ безпорядокъ оркестръ выборомъ смѣхотворныхъ мелодій. Негръ женился на бѣлой; музыка заиграла пѣсню Аземі: „L'ivoire avec l'ébène fait de jolis bijoux“ (Изъ слоновой кости съ чернымъ деревомъ дѣлаютъ красивыя украшенія). Тотчасъ же загремѣли крики bis и bravo. Пожилая женщина вышла замужъ за чело-вѣка моложе себя; музыка заиграла: „Vielle femme, jeune mari, feront toujours mauvais menage“ (молодому мужу съ старою женою не уживется вовѣкъ). Смѣхъ и рукоплесканія удвоились, равно какъ и смущеніе новобрачныхъ“ *Schmidt*, III, 411.

²⁾ Донесенія, опубликованныя *Schmidt* III, 427.

³⁾ См. отчетъ о засѣданіи совѣта пятисотъ 4 фрюктидора.

Глава IV

Кризисъ, вызванный битвой при Нови и якобинскіе законы.

Битва при Нови; смерть Жубера. — Слухи объ убійствѣ. — Общество поражено. — Волненіе въ политическомъ мірѣ. — Англо-русскія войска въ Голландіи. — Ударъ, нанесенный печати. — Якобинцы предлагаютъ Бернадоту низвергнуть правительство. — Огвѣтъ Бернадота. — Предложеніе объявить отечество въ опасности. — Ужасное засѣданіе совѣта пятисотъ; кулачный бой въ парламентѣ; Парижъ вечеромъ. Ночной совѣтъ въ Люксембургѣ. — Украденный у Бернадота портфель. — Засѣданіе 28-го фрюктидора; *coup d'état* въ перспективѣ. — Предложеніе Журдана отклонено; якобинская орда вокругъ дворца Бурбоновъ. — Равнодушіе настоящаго народа. — Примѣненіе якобинскихъ законовъ. — Парижъ въ виду прогрессивнаго налога. — Сопроотивленіе и капитуляція старѣйшинъ. — Организациа налога. — Оцѣночное жюри. — Капиталу объявлена война. — Какъ она отразилась на сословіяхъ. — Характерные инциденты въ Лонѣ. — Финансисты призываютъ спасителя. — Слово, приписываемое поставщику Колло. — Финансовые результаты. — Механизмъ закона о заложникахъ. — Частныя его примѣненія. — Лиги притѣсненій. — Неизбѣжность возстанія на Западѣ. — Призывъ рекрутовъ всѣхъ разрядовъ страшно увеличиваетъ число ослушниковъ. — Увеличеніе разбойничества. — Смятеніе властей. — Общая зараза и разложеніе.

1.

Сіѣсъ тревожно слѣдитъ за первыми шагами Жубера по ту сторону Альпъ. Онъ не сводитъ глазъ съ этого сверкашаго на горизонтѣ клинка, отъ котораго могло прійти спасеніе. Жуберъ прибылъ въ итальянскую армію 17-го термидора (4-го августа). Онъ тотчасъ же двинулъ ее впередъ, и въ силу врожденной своей стремительности, и сообразуясь съ установленнымъ планомъ. Къ тому же наши солдаты, наголодавшіеся въ суровыхъ апеннинскихъ ущельяхъ, на-

дѣялись вновь найти изобиліе во всемъ на равнинахъ Ломбардіи. Жуберъ зналъ, что Суворовъ близко, но надѣялся, что осада Мантуи удержитъ вдали отъ него часть австрійскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ заодно съ русскими. Но Мантуя сдалась уже пять дней тому назадъ, и австрійцы, предводительствуемые Меласомъ, форсированнымъ маршемъ спѣшили на помощь Суворову; нашей арміи предстояло столкнуться съ грознымъ врагомъ, сосредоточившимъ свои силы.

Первое столкновеніе произошло 25-го термидора; а 28-го термидора (15-го августа), на разсвѣтѣ, передъ французами открылась вся русская армія, развернувшаяся передъ Нови. Жуберъ немедленно устремился въ атаку на линію аванпостовъ. Съ обѣихъ сторонъ уже началась перестрѣлка. Съ плантацій и дачныхъ усадебъ, которыми была изрѣзана мѣстность, раздавалась ружейная пальба, еще слабая и рѣдкая. Жуберъ несся впередъ, увлекаая за собой слабѣющую колонну; вдругъ онъ упалъ съ лошади, истекая кровью, раненый пулей въ грудь на вылетъ. Его отнесли назадъ на носилкахъ, прикрытыхъ холстомъ, чтобы видъ умирающаго вождя не деморализировалъ войскъ, и еще до полудня онъ скончался. Командованіе войсками принялъ Моро; пальба разгоралась; битва завязалась серьезная и жаркая. 12 часовъ республиканцы стойко держались подъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, защищая свою позицію, отбивая постоянно повторявшіеся приступы русскихъ; но въ концѣ концовъ, когда подоспѣвшіе въ полдень австрійцы обошли насъ и насѣли на нашъ лѣвый флангъ, армія отступила въ безпорядкѣ, потерявъ свою артиллерію, нѣсколько генераловъ и много плѣнныхъ. Моро снова увелъ ее за Апеннины и могъ прикрыть только Геную, оставивъ во власти непріятеля весь полуостровъ, кромѣ узкой окраины его, Лигурии.

Первая вѣсть объ этой катастрофѣ была получена 9-го фрюктидора. Парижу сообщили, что въ Италіи произошло кровопролитное сраженіе, что потери непріятеля огромны, значительно больше нашихъ, но что Жуберъ погибъ. Какъ ни равнодушно стало большинство французовъ къ славіи родины, предчувствіе несчастья и смерть Жубера повергли въ уныніе общество.

Впечатлѣніе катастрофы еще усиливалось тѣмъ, что полученныя свѣдѣнія были облечены какой то таинствен-

ностью; такъ называемые освѣдомленные люди отвѣчали на вопросы сдержанно, съ недомолвками; иные какъ будто не смѣли сказать всего, что знали¹⁾. Глухо циркулировалъ слухъ, будто Жуберъ, сраженный въ самомъ началѣ боя, былъ раненъ вовсе не вражеской пулей, но кѣмъ то изъ предателей якобинцевъ, прокравшихся въ ряды арміи, или въ обозъ; что эта гнусная факція, искавшая въ каждомъ народномъ бѣдствіи удовлетворенія своимъ звѣрскимъ аппетитамъ и мести за свои обиды, недавно только пытавшаяся среди Марсова Поля умертвить двухъ директоровъ, подло преслѣдовала по пятамъ молодого генерала, съ цѣлью убить въ лицѣ его надежду всѣхъ честныхъ людей во Франціи²⁾. Можно ли было этому вѣрить?

Правительство аффишировало мелодраматическій трауръ, оказывая памяти Жубера необычныя почести; по приглашенію директоровъ оба совѣта справили ему, каждый въ своемъ помѣщеніи, похоронную тризну; совѣтъ пятисотъ посвятилъ ему чрезвычайное засѣданіе 25-го фрюктидора. «Вся трибуна задрапирована чернымъ, впереди статуя Свободы, опирающаяся на пучекъ копій, символъ силы и единенія; сбоку погребальная урна, у подножія свѣтильникъ съ двумя погребальными лампадами. Позади пьедестала статуи—двѣ нарисованныя на полотнѣ погребальныя урны. Въ половинѣ второго входятъ члены совѣта съ вѣтками кипариса въ рукахъ. Музыка при этомъ играетъ траурный маршъ, прерываемый еще болѣе печальными звуками похороннаго звона. Президентъ произноситъ рѣчь въ честь героя, память котораго празднуетъ собраніе»³⁾.

Планы Сійэса рушились. Тѣмъ не менѣе эскъ-аббатъ упорствовалъ, прискивая замѣстителя Жуберу на роль орга

1) „Lettres de madame Reinhard“, 82.

2) Многие думали, что это было убійство. Передъ отъездомъ Жуберъ получилъ крайне безграмотное письмо, гдѣ „землякъ“ настоятельно просилъ у него свиданія; Жуберъ повидимому, не соглашался. Быть можетъ, его хотѣли предупредить объ опасности и посоветовать ему быть насторожѣ. Письмо это любезно передано намъ однимъ изъ внуковъ Жубера. Какъ намъ кажется, письмо это само по себѣ не такого свойства, чтобы на немъ одномъ можно было строить сколько-нибудь основательныя предположенія.

3) „Gazette de France“, 26-го фрюктидора.

низатора государственныхъ переворотовъ въ пользу революціонеровъ, пристроившихся къ власти, и надѣявшихся окончательно укрѣпить ее за собой. Моро, посланный командовать войсками на Рейнъ, долженъ былъ по пути проѣхать черезъ Парижъ; это былъ удобный случай позондировать его настроеніе и разогнать сомнѣнія. Если онъ уклонится, его повидимому можно будетъ замѣнить Макдональдомъ (впослѣдствіе женившимся на вдовѣ Жубера), или Бернонвиллемъ. За отсутствіемъ перворазряднаго и заново отточеннаго меча, готовы были взять любой, лишь бы только онъ не согнулся въ дѣлѣ. Генераловъ былъ большой выборъ, все народъ шумливый, безпокойный. Но въ этой толпѣ генераловъ, среди всѣхъ этихъ людей въ каскахъ съ султанами, кружившихъ около власти съ театральными жестами и энергической рѣчью, пересыпанной крѣпкими словцами, какъ найти человѣка дѣла? Всѣ они обладали блестящими военными доблестями, но въ политикѣ тотчасъ терялись, начинали колебаться, робѣть, не рѣшались взять на себя инициативу. Сійэсъ минутами просто въ отчаяніе приходилъ; усталость, горькое уныніе овладѣвали его душой. «Что пользы въ томъ, что мы искали и нашли, что нужно было-бы сдѣлать? Гдѣ сила, которая бы привела это въ исполненіе? Нѣтъ ея нигдѣ; мы погибли!»¹⁾ говорилъ онъ.

Внѣшняя опасность надвигалась все грознѣй, чреватая всѣми другими. Правительство знало, что какъ только непріятель, перейдя черезъ Альпы, вступитъ во Францію, сто гражданскихъ войнъ вспыхнуть разомъ; и правящій классъ погибнетъ, раздавленный между анархистами и роялистами, если только Суворовъ не подоспѣетъ во время, чтобы примирить всѣхъ революціонеровъ, повѣсивъ ихъ рядышкомъ. Среди этой жестокой неурядицы умы инстинктивно обращались къ отсутствующему герою, къ великому покровителю, и вглядывались въ даль, ища его на горизонтѣ. Призывали мечъ, уже поднятый однажды въ защиту революціи и Франціи. «Намъ недостаетъ Бонапарта»²⁾, говорила одна газета. Порой распространялись слухи о его возвращеніи; газетчики

¹⁾ „Notes manuscrites de Grouvelle“.

²⁾ „Le Surveillant“. 12-го фрюктидора.

выкрикивали эту новость на улицахъ, и весь городъ приходилъ въ волненіе ¹⁾. Но разочарованіе не заставляло себя ждать, и снова расло раздраженіе противъ правительства, будто бы отправившаго Бонапарта въ Египетъ, въ побѣдоносное изгнаніе. Гдѣ онъ теперь? Вязнетъ въ пескахъ Сиріи, или стоитъ подъ Сенъ-Жанъ д'Акромъ, прижатый къ стѣнѣ какимъ-то несчастнымъ пашей? Иные увѣряли, что онъ раненъ, что пришлось сдѣлать ампутацію. За четыре мѣсяца ему не удалось переслать во Францію ни одного бюллетеня—хоть бы вѣсточку, письмо, два, три слова! Свѣдѣнія о немъ получались только изъ корреспонденцій и англійскихъ газетъ, и то рѣдкія и тревожныя.

Директора VI года не были огорчены удаленіемъ Бонапарта, но сказать, что они сами удалили его, подстрекнули его къ египетскому походу, было бы неточно. Походъ этотъ былъ выдуманъ на три четверти имъ самимъ. Бонапартъ хотѣлъ его, чтобы осуществить на пользу себѣ завѣтное желаніе французовъ, принудивъ къ миру Англію. Онъ хотѣлъ его и потому, что инстинктивно стремился выше и выше, что его тянулъ къ себѣ Востокъ, манили широкіе яркіе горизонты, безпредѣльныя пространства, гдѣ завоеватели орудуютъ en grand, ударами меча выкраивая себѣ огромныя имперіи, гдѣ нѣтъ конца и края ихъ вольному бѣгу. Наконецъ, этотъ походъ былъ нуженъ ему для того, чтобы не окунуться слишкомъ рано въ политику и дать время директоріи окончательно уронить себя въ глазахъ народа, чтобы сдѣлаться единственной надеждой, единственнымъ прибѣжищемъ Франціи. Такимъ образомъ ему представится возможность, смотря по обстоятельствамъ, повторить Александра на востокъ или Цезаря на Западѣ. Египетскій походъ Бонапарта одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе принадлежатъ ему по замыслу и выполненію и выказываютъ его въ его двойномъ видѣ — человѣкомъ тонкаго расчета и въ то же время великимъ фантазеромъ.

¹⁾ „Правдивое или ложное извѣстіе о высадкѣ генерала Бонапарта въ Генуѣ, разнесенное по городу продавцами газетъ, вызвало величайшую сенсацію въ обществѣ“. Донесеніе генеральнаго штаба 5—6 термидора „Archives nationales“ A. F. III, 168.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Европѣ возобновилась война, принявшая плохой для насъ оборотъ, правители и желали, и боялись возвращенія Бонапарта. Послѣ первыхъ нашихъ неудачъ старая директорія затѣяла обширную морскую комбинацію, съ цѣлью извлечь его изъ Египта и вернуть во Францію; проектъ включалъ соединеніе испанскаго и французскаго флотовъ на Средиземномъ Морѣ; онъ провалился въ самомъ началѣ, вслѣдствіе малодушія Испаніи ¹⁾. Новая директорія не рѣшалась подать въ Египетъ сигналъ бѣдствія, пока вѣрила въ успѣхъ Жубера. Но послѣ Нови, надвигавшаяся неминуемая гибель не позволяла болѣе колебаться: лучше ужъ Бонапартъ, чѣмъ Суворовъ.

По свидѣтельству Камбасереса, Сійэсъ склонился на убѣжденія Іосифа Бонапарта, предлагавшаго испробовать всѣ средства передачи въ Египетъ частныхъ писемъ и вызова обратно ²⁾. По всей вѣроятности, результатомъ этого оставшагося неизвѣстнымъ инцидента и была отправка Іосифомъ въ Египетъ грека Константина Бурбаки; порученія этотъ послѣдній, впрочемъ, не исполнилъ, да и обстоятельства сдѣлали его миссію бесполезной ³⁾.

Талейранъ, все еще исполнявшій обязанности министра иностранныхъ дѣлъ, предложилъ серьезный шагъ: при посредствѣ испанской дипломатіи начать переговоры съ Портой о возвращеніи генерала Бонапарта и экспедиціоннаго корпуса, въ случаѣ надобности на англійскихъ судахъ, взамѣнъ возвращенія ей Египта. Такимъ путемъ надѣялись, принимая въ расчетъ неизбѣжныя проволочки, вернуть Бонапарта къ веснѣ будущаго года. Подобное возвращеніе было бы настоящей капитуляціей, и, конечно, генералу пришлось бы подписать обязательство не подымать болѣе оружія противъ нашихъ враговъ въ продолжавшейся войнѣ; но все-же онъ, по крайней мѣрѣ, былъ-бы здѣсь, налицо, чтобы обуздать факціи, воскресить національную энергію и заставить побѣду вновь улыбнуться намъ ⁴⁾.

1) См. *Boulay de la Meurthe*, „le Directoire et l'expédition d'Égypte“ 96—160

2) „Eclaircissements inédits de Cambacérès“.

3) *Boulay de la Meurthe*, „le Directoire et l'expédition d'Égypte“ 240—242.

4) *Ibid.* 180—194.

Желательность переговоровъ съ Турціей въ принципѣ была признана 17-го фрюктидора (3-го сентября). Тѣмъ временемъ Рейнаръ наконецъ прибылъ въ Парижъ и принялъ портфель изъ рукъ Талейрана. Новый министръ усвоилъ себѣ взгляды своего предшественника; 24-го фрюктидора представленный имъ проектъ переговоровъ былъ одобренъ и подписанъ пятью директорами. Посланъ былъ гонецъ къ послу республики въ Мадридъ; ему поручалось увѣдомить испанскій дворъ о томъ, какихъ отъ него ждутъ услугъ. Недѣлю спустя пошли дальше: на 2-й дополнительный день VII года—18-го сентября—по внушенію и почти подъ диктовку директоровъ, Рейнаръ написалъ письмо Бонапарту, съ тѣмъ, чтобы попытаться доставить его тремя различными путями, черезъ добровольцевъ эмиссаровъ. Въ этомъ письмѣ министръ, отъ имени правительства, приглашалъ Бонапарта вернуться, вмѣстѣ съ его арміей, предоставляя ему полную свободу въ выборѣ средствъ. — «Исполнительная директорія ждетъ Васъ, генераль, — Васъ и Вашихъ храбрецовъ... Она уполномочиваетъ Васъ, для обезпеченія скорѣйшаго Вашего возвращенія, принимать всѣ военныя и политическія мѣры, какія только подскажутъ Вамъ Вашъ геній и событія» ¹⁾. Какъ видите, призывъ былъ настойчивый и убѣдительный. Директорія представляла Бонапарту *carte blanche* вступать въ переговоры, капитулировать и т. д., не позволяя ему лишь одного—отдѣлить свою участь отъ судьбы своей арміи. Въ томъ-же письмѣ, посланномъ изъ Парижа, но не дошедшемъ даже и до Средиземнаго моря, Рейнаръ въ яркихъ краскахъ изображалъ бѣдствія, съ удвоенной силой обрушившіяся на Францію.

Вначалѣ Парижъ имѣлъ лишь неполныя и смягченныя свѣдѣнія о битвѣ при Нови. «*Journal des hommes libres*» неожиданно разорвалъ завѣсу, скрывавшую размѣры катастрофы. Вскорѣ стало извѣстно, что англо-русская армія, подъ начальствомъ герцога Йоркскаго, высадилась въ Голландіи, въ Текселѣ; батавскій флотъ сдался, или вѣрнѣе, отдался врагу безъ выстрѣла. Намѣренія голландскаго правительства и народа были весьма неясны; Бельгія оставалась враждебной; противъ герцога Йоркскаго наскоро вы-

¹⁾ *Boulay de la Meurthe*, 319.

сланъ былъ Брюнъ со своими войсками; достаточно было бы одного ихъ пораженія, чтобы въ соединенныхъ департаментахъ изъ конца въ конецъ вспыхнулъ мятежь, обнаживъ нашу былую границу; опасность росла съ часу на часъ.

А въ Парижѣ ревѣли и бушевали демагоги, грозя жестокимъ взрывомъ; эта партія усвоила себѣ привычку отягчать каждое національное бѣдствіе возмущеніемъ внутри страны. «Злонамѣренность и глупость не дремлютъ, пишетъ одинъ изъ старѣйшинъ; нетерпѣніе и страхъ помогаютъ имъ»¹⁾. Съ 30-го преріала кризисъ становится хроническимъ; въ концѣ фрюктидора — отраженное дѣйствіе внѣшнихъ неудачъ — онъ чуть было не завершился полнымъ ниспроверженіемъ существующаго порядка.

Политическій міръ былъ въ смятеніи. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней партіи обнаруживали колебаніе и нерѣшительность; каждый искалъ своего пути и подготавливалъ средства. Депутаты чуть не каждый часъ собирались на совѣщанія. Заводились переговоры о подкупѣ, скрепчивались интриги. Вожаки, военные, и гражданскіе, дѣйствовали не совмѣстно, но слѣдуя каждый влеченію своей натуры и минутной прихоти. Бернадотъ производилъ смотры, парадировалъ передъ войсками, осматривалъ въ Курбвуа новобранцевъ передъ отправленіемъ ихъ къ своимъ частямъ и говорилъ имъ трогательныя рѣчи, западавшія въ сердца молодежи. «Дѣти мои, среди васъ есть великіе вожди. Вы должны дать миръ Европѣ»²⁾. Честный Лефевръ, въ своей простодушной лояльности, не понимая, какъ это республиканцы не могутъ объединиться ради спасенія республики, пытался сблизить непримиримыя факціи. Баррасъ согласился видѣться съ Журданомъ, но толку отъ этого было мало; генераль этотъ, совращенный въ политику, являлся въ Люксембургъ крадучись, въ шесть часовъ утра, изъ страха скомпрометировать себя передъ своей собственной партіей; но ему не удавалось рассорить Барраса съ Сійэсомъ, а самъ онъ отказывался порвать съ анархи-

¹⁾ Gaudin (des Sables) à Chapelin, 22 fructidor—8 septembre, cité par Chassin, „les Pacifications de l'Ouest“, III, 364.

²⁾ „Moniteur“, 18 фрюктидора.

стами ¹⁾. Сійэсь, въ ожиданіи, пока отыщется необходимая ему шпага, насторожился и не довѣрялъ никому; всѣ окружающіе представлялись ему опасными якобинцами — министры, гражданскіе и военные агенты, пристава директоріи, даже курьеры ²⁾. Семонвилль эксплуатировалъ посмертную славу мужа своей падчерицы, бѣгалъ по министерствамъ, всюду веля докладывать о себѣ, какъ объ «отцѣ генерала Жубера» ³⁾ и во имя несчастья, послѣ котораго онъ, по его словамъ, не могъ утѣшиться, требовалъ мѣсть для всей своей родни.

Между тѣмъ якобинскія газеты неистовствовали вдвое противъ прежняго; газета тигровъ (*Journal des tigres*) прямо рычала на правительство. Директорія въ концѣ концовъ разсудила, что съ такой печатью править страной совсѣмъ невозможно. Для обузданія ея въ законодательствѣ не оказывалось карательныхъ мѣръ. Однако въ конституціи имѣлась статья 145-я, предоставлявшая правительству право «привлекать къ суду и арестовывать предполагаемыхъ зачинщиковъ, или сообщниковъ заговора противъ внутренней и внѣшней безопасности государства». Какъ ни ловко иные умѣли толковать эту статью, все же казалось труднымъ подвести шумливыя разглагольствованія печати подъ понятіе о заговорѣ, дѣлѣ, по существу своему, тайномъ и темномъ; тѣмъ не менѣе планъ былъ принятъ, и насиліе лицемѣрно прикрылось маской законности.

По совѣту Фуше, слѣдуя классическому приему, директорія ополчилась сперва на несчастныхъ жертвъ фрюктидора, у которыхъ перья давно уже были сломаны. Въ фрюктидорѣ редакторы оппозиціонныхъ листковъ, осужденные гургомъ на ссылку, безъ обозначенія лицъ, простымъ перечисленіемъ названій газетъ, по большей части не понесли наложенной на нихъ кары, такъ какъ никто не арестовывалъ ихъ, а сами они не являлись отдать себя въ

¹⁾ „Mémories de Barras“, III, 489—492, съ приведеннымъ въ нихъ письмомъ Лефевра. Когда Журдана упрекали въ томъ, что онъ вотируетъ заодно съ „мужами раздора и крови“, онъ отвѣчалъ: „Позвольте вамъ замѣтить, что не мы подаемъ голосъ заодно съ ними, а они заодно съ нами, и этому мы помѣшать не можемъ“. „Notices sur le 18 Brumaire“.

²⁾ *Barras*, III, 485.

³⁾ *Ibid.* 481.

руки властей; въ своихъ убѣжищахъ они считали себя забытыми и уже начинали свободно дышать. Но въ это время вышелъ указъ съ перечисленіемъ именъ приговоренныхъ къ ссылкѣ, принудившій ихъ скрываться, искать болѣе надежныхъ убѣжищъ; въ числѣ поименованныхъ были Фонтанъ, Лагарпъ, Бертэнъ д'Андильты, Бертэнъ де Во, Сюаръ, Фьевэ. Послѣ этого низко-жестокаго шага, этого осужденія заднимъ числомъ, лишеннаго, впрочемъ, всякаго практическаго значенія, директорія направила свои громаы на современную печать, пытаясь пристегнуть нападки якобинцевъ къ заговору, замышляемому противъ республики.

Въ одномъ изъ отношеній, адресованныхъ совѣтамъ, директорія говоритъ: «Невозможно скрыть отъ себя существованіе обширнаго и жестокаго заговора противъ республики... Чего добраго, у заговорщиковъ еще пожалуй хватитъ наглости требовать свидѣтелей, доказательствъ, утверждать, что мы не сможемъ представить уликъ... Свидѣтели—трупы республиканцевъ, умерщвленныхъ на югѣ, избиваемыхъ на западѣ, окруженныхъ опасностями повсюду. Доказательство—мятежи, которые, едва ихъ удалось погасить въ одномъ департаментѣ, моментально вспыхиваютъ въ другомъ. Улики—лживыя брошюрки, зажигательные листки, гнусныя книжонки, которыми наводнена республика. Дерзкіе писаки по прежнему дѣлятся на шайки, внушенія и наущенія которыхъ даютъ одинаковые результаты; они идутъ врозь, но съ тѣмъ, чтобы соединиться въ извѣстномъ пунктѣ; ихъ пути расходятся, но мѣсто ихъ условленной встрѣчи—могила конституціи». Выводомъ изъ этого безстыднаго пафоса явилось сообщеніе совѣтамъ объ указѣ, которымъ директорія предписывала министру полиціи, въ силу статьи 145-й, наложить арестъ на 11 газетъ, въ томъ числѣ на *«Газету свободныхъ людей»*, взявъ подъ стражу издателей и редакторовъ.

На дѣлѣ полиція ограничилась тѣмъ, что опечатала станки и заперла конторы редакцій; ни одинъ журналистъ не былъ арестованъ и привлеченъ къ суду; для этого директорія не чувствовала подъ собой достаточно твердой правовой почвы. *«Газета свободныхъ людей»* немедленно же возродилась подъ другимъ именемъ *«Врага угнетателей всѣхъ эпохъ»*. Тѣмъ не менѣе вѣсть о гекатомбѣ вызвала въ со-

вѣтъ пятисотъ взрывъ ярости якобинцевъ, поднявшихъ невообразимый шумъ.

Въ этомъ своего рода *coup d'etat*, направленномъ противъ печати, якобинцы видѣли первый шагъ на пути беззаконій, уже нескрываемое покушеніе на ихъ партію и народныя учрежденія. Они всегда боялись Сійэса; теперь этотъ страхъ и недовѣріе къ нему усилились: республика изнемогаетъ подъ тяжестью всевозможныхъ напастей; Сійэсъ того и гляди сброситъ маску, насильно измѣнитъ конституціи при помощи какого-нибудь *эполетчика*, а затѣмъ, черезъ посредство Пруссіи, стакнется съ иностранцами и заключитъ миръ, который принудитъ Францію, въ угоду коалиціи, пойти на какую-нибудь сомнительную монархическую комбинацію, подчиниться Орлеанскому, или Брауншвейгскому. Депутатъ Брио при всемъ совѣтѣ пятисотъ крикнулъ: «Да, я утверждаю, что готовится государственный переворотъ, республику хотятъ предать ея врагамъ, вновь свести ее къ прежнимъ границамъ; кто знаетъ, быть можетъ, у заправилъ всѣхъ нашихъ бѣдствій уже теперь мирный договоръ въ одномъ карманѣ и конституція въ другомъ»¹⁾.

Раздраженные этими предсказаніями, снѣдаемые алчностью, якобинцы въ парламентѣ рѣшили взять наглостью. Чтобы предупредить вооруженный переворотъ,—въ воздухѣ уже чувствовалось приближеніе грозы—они начали съ того, что попытались устроить то же самое въ свою пользу. Хотя они и хвастались, что вполне увѣрены въ народѣ и могутъ руководить имъ по желанію, они сильно сомнѣвались, чтобы ихъ уличнымъ друзьямъ удалось создать что-нибудь болѣе серьезное, чѣмъ поверхностная агитація, въ виду «приводящей въ отчаяніе апатіи народа» — слова Журдана. Имъ пришла мысль призвать на помощь единственную силу, которая въ то время способна была создавать и низвергать правительства,—военную власть. На рукахъ у нихъ былъ цѣнный козырь—военный министръ Бернадотъ. Журданъ съ друзьями тайно посѣтили его и напрямикъ предлагали арестовать Сійэса, Барраса и учредить якобинское правительство, ставъ во главѣ его; они соблазняли министра приманкой могуще-

¹⁾ „Moniteur“, 24 фрюктидора.

ства; имъ самимъ нужна была сильная власть, чтобы прогнать иностранцевъ и спасти республику, но спасти ее на якобинскій ладъ и затѣмъ предать въ руки якобинцевъ ¹⁾).

Ярый патріотъ, Бернадотъ держался крайнихъ взглядовъ и весьма рѣзко высказывалъ ихъ. Его образная, живописная рѣчь, мужественная осанка, упрямый носъ съ раздувающимися ноздрями, огненный взглядъ, — все, казалось, обличало типичнаго удальца — авантюриста. Наружность его, при встрѣчѣ на улицѣ, поражала даже совершенно незнакомыхъ людей, внушая имъ мысль, что передъ ними ловець челоуѣковъ. Въ сущности, это была сама нерѣшительность. Мучимый желаніемъ играть первую роль, онъ въ то же время страдалъ какимъ-то безсиліемъ захватить ее, сдѣлать прыжокъ, перешагнуть Рубиконъ; спокойный и робкій честолюбець, онъ вначалѣ, казалось, готовъ былъ всѣмъ рискнуть, разрушить всѣ преграды, а затѣмъ его бурная энергія расплывалась въ фразгахъ.

Въ данномъ случаѣ, не рѣшаясь окончательно скомпрометировать себя союзомъ съ якобинцами и не желая возстановить ихъ противъ себя, онъ выпроводилъ ихъ пословъ, отдѣлавшись уклончивой и блестящей тирадой. Рядясь въ благородство чувствъ, онъ говорилъ, что, пока онъ министръ, къ нему нельзя предъявлять никакихъ требованій, ибо совѣсть запрещаетъ ему употребить противъ конституціоннаго правительства этимъ же правительствомъ данную власть. Но, лишь только онъ выйдетъ изъ министерства, онъ вернется къ своимъ политическимъ друзьямъ, какъ простой гражданинъ, примкнетъ къ самымъ опаснымъ ихъ начинаніямъ и займетъ мѣсто рядового бойца въ рядахъ партіи ²⁾).

За невозможностью произвести вооруженный переворотъ, якобинцы затѣяли парламентскій *coup d'état*. Наши послѣднія пораженія довели недовольство въ обществѣ до

¹⁾ „Notice de Jourdan sur le 18 Brumaire“.

²⁾ Ibid. Версія Журдана гораздо правдоподобнѣе того, что впоследствии рассказывалъ самъ Бернадотъ, — будто бы онъ потребовалъ отъ якобинскихъ депутатовъ честнаго слова въ томъ, что они откажутся отъ своей затѣи.

крайнихъ предѣловъ, и въ совѣтѣ пятисотъ большинство какъ будто обратилось противъ директоріи. Якобинскіе вожаки рѣшили воспользоваться этимъ благопріятнымъ настроеніемъ, но нѣсколько дней вынашивали свой планъ, прежде чѣмъ произвести взрывъ. Они заставили учредить чрезвычайную комиссію для изысканія мѣръ общественнаго спасенія, и надѣялись воспользоваться ею, какъ приманкой. Къ счастью, эта комиссія, въ которую удалось проникнуть нѣсколькимъ умѣреннымъ, оказалась безсильной чтобы то ни было сдѣлать. Тогда вожаки рѣшили перенести свой проектъ въ самый совѣтъ, положивъ, въ случаѣ надобности, прибѣгнуть къ силѣ и хотъ кулакомъ, а добиться своего.

27 фрюктидора, во время засѣданія совѣта, Журданъ неожиданно подымается на трибуну, внося предложеніе о порядкѣ преній, и требуетъ, чтобы совѣтъ объявилъ *отечество въ опасности*. Страшныя слова, вызывающія въ памяти ужасное прошлое! Прецедентъ 1792 года наглядно показывалъ, что, еслибы такой декретъ прошелъ, онъ вызвалъ бы фактическую приостановку конституціоннаго режима, узаконилъ крайнія мѣры и жестокости, вызвалъ бы броженіе всѣхъ элементовъ смуты и окончательно взбудоражилъ бы страну; это была бы машина для ломки правительства. Семь лѣтъ тому назадъ тотъ-же способъ былъ использованъ республиканцами въ законодательномъ собраніи, столько же въ видахъ ниспроверженія трона, сколько для того, чтобы прогнать врага съ нашихъ границъ; два депутата совѣта пятисотъ признали это въ спорѣ; одинъ даже хвастался этимъ; теперь это оружіе предполагалось обратить противъ директоріальной республики и главнымъ образомъ противъ орлеаниста Сійэса.

Журданъ развиваетъ свою идею съ бѣшенымъ краснорѣчіемъ. Какъ только онъ кончилъ, друзья его поднимаютъ крикъ: «Голосовать! голосовать!»—прилагая всѣ усилія, чтобы захватить и увлечь собраніе. Умѣренные ораторы хотятъ возражать, направляются къ трибунѣ. Пятьдесятъ якобинцевъ кидаются съ поднятыми кулаками навстрѣчу, чтобы загородить имъ дорогу. Дошло до ударовъ; вокругъ трибуны форменная потасовка. — «Лесаажъ Сено хватаетъ за шиворотъ вскарабкавшагося туда Вильстара и тащитъ его внизъ. Маркези, Блэнъ, Лесаажъ-Сено, Сулье, Дестремъ, Шаль-

мель, Киро, Бигонне, Ожеро, такимъ же манеромъ ста-
скиваютъ съ трибуны Беранже и не даютъ взойти на нее.
Шенье¹⁾; законодатели въ тогахъ дерутся между собой, какъ
носильщики. Видя, до какой грубости и неистовства дохо-
дили якобинскіе депутаты, яростно орудуя кулаками на-
право и налѣво, лучше поним ешь сцену, которая разыгра-
лась полтора мѣсяца спустя въ оранжереѣ Сень-Клу, при
появленіи Бонапарта.

Собраніе, не помня себя, оретъ во все горло; якобин-
скіе вожаки обмѣниваются знаками съ публикой на трибу-
нахъ, гдѣ возсѣдаютъ ихъ приверженцы, и тамъ, въ свою
очередь, подымается оглушительный шумъ. Нѣсколько го-
лосовъ ревуть, угрожая смертью президенту Булэде ла Мергъ,
который не поддается натиску; съ одной изъ трибунъ не-
сется вопль: «Не выпустимъ его отсюда живымъ!»²⁾. Ни
одинъ общественный дѣятель, даже изъ членовъ конвента,
не запомнитъ ничего подобнаго этимъ сценамъ, самымъ
бурнымъ, по словамъ газетъ, какія только виданы съ тѣхъ
поръ, какъ у насъ существуютъ совѣщательныя собранія.

Президентъ дважды надѣвалъ шляпу въ знакъ того,
что закрываетъ засѣданіе,—напрасно; наконецъ ему съ боль-
шимъ трудомъ удастся возстановить относительную тишину.
На трибуну всходитъ Мари Жозефъ Шенье, блѣдный, раз-
строенный, въ изорванномъ платьѣ, и бормочетъ нѣчто въ родѣ
рѣчи, извиняясь за ея безсвязность—дескать, его захватили
въ расплохъ. На каждой фразѣ его прерываетъ лай якобин-
ской своры. Ламаркъ и Киро поддерживаютъ предложеніе
Журдана; Дону протестуетъ; Люсьенъ разбиваетъ его, съ
большой находчивостью, въ пылкой импровизаціи. На всѣхъ
скамьяхъ безумное возбужденіе смѣнилось изнеможеніемъ;
тогда поднимается президентъ, чтобы лично принять уча-
стіе въ преніяхъ, и властно, увлекая нерѣшительныхъ и
трусовъ, говоритъ объ «ужасномъ состояніи»³⁾, въ которомъ
онъ засталъ собраніе и требуетъ, чтобы продолженіе преній
было отложено на завтра. Это значило дать умѣреннымъ
время осмотрѣться, овладѣть собой и приготовить отпоръ.

¹⁾ „Gazette de France“, 28-го фрюктидора.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.

2.

Съ первыми же слухами о стычкѣ въ парламентѣ въ городѣ распространились страхъ и уныніе. Многіе уклады-вались, хотѣли бѣжать въ окрестности. Вечеромъ Парижъ былъ мраченъ, улицы — почти пусты; даже въ кварталахъ, обыкновенно самыхъ людныхъ, вокругъ Пале-Рояля, сіявшаго огнями во мракѣ, рѣдкіе прохожіе пробирались вдоль стѣнъ, и искателей удовольствій было очень немного ¹⁾.

Въ Люксембургѣ царило смятеніе. Баррасъ принималъ воинственныя позы и говорилъ, что онъ готовъ умереть, но дорого продастъ свою жизнь ²⁾; за то Сійэсъ волновался безмѣрно. Его тревогу еще удваивала мысль, что нельзя быть вполне увѣреннымъ въ войскѣ, пока военнымъ министромъ остается Бернадотъ. Въ послѣднее время, по мѣрѣ того, какъ опасность надвигалась грознѣй, мысль эта все больше и больше мучила Сійэса, лишала его сна и покоя. Зная, что якобинцы кружатъ около генерала, всячески стараясь привлечь его на свою сторону, онъ боялся со стороны министра какой нибудь неожиданной выходки. Теперь-же, когда разыгрался кризисъ, и анархистскія страсти обнаружилась во всей своей отвратительной наготѣ, онъ не могъ допустить, чтобы армія хотя-бы минутой долѣе оставалась во власти этого демагога въ шитомъ камзолѣ и шляпѣ съ перьями, этого «Катилины» ³⁾, этого друга смутьяновъ. Во что бы то ни стало и не теряя ни минуты, нужно было сбросить съ утлой правительственной ладьи безпокойное бремя, грозившее потопить ее.

Въ одиннадцать часовъ вечера Сійэсъ взялъ на себя собрать директоровъ ⁴⁾; его коллеги болѣе или менѣе ясно сознавали необходимость не перечить ему. Вопросъ о замѣнѣ

¹⁾ „Gazette de France“ напечатала діалогъ между двумя проститутками, бродившими на улицѣ Онорэ.—Одна: Ахъ ты, ... никого не видать; я нынче даже безъ почина“. Другая: „Еще-бы; хотятъ объявить отечество въ опасности; ничего намъ съ тобой сегодня не заработать“. 28-го фрюктидора.

²⁾ *Brinkman*, 328

³⁾ *Barras*, IV, 10.

⁴⁾ *Cambacerés* „Eclaircissements inédits“.

военнаго министра другимъ лицомъ былъ поставленъ на неотложное обсужденіе; оставалось найти способъ. Дать огласку дѣлу было бы опасно; къ тому-же Гойе и его неразлучный Мулэнъ воспротивились-бы этому. Нужно было потихоньку устранить Бернадота, хитростью выманить у него портфель, не отнимая его силой. Камбасерэсу, къ которому вообще охотно прибѣгали, какъ къ человѣку находчивому и умному совѣтчику, безъ всякихъ прелиминарій предложили взять на себя временное управленіе военнымъ министерствомъ и самому добиться отставки Бернадота; оба порученія онъ отклонилъ¹⁾.

Но Бернадотъ былъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ всегда найдешь, къ чему придраться, благодаря ихъ неводержности въ рѣчахъ. Не разъ уже, въ своихъ частыхъ и многорѣчивыхъ бесѣдахъ съ директорами, онъ, казалось, самъ давалъ имъ оружіе въ руки, жалуясь на недостаточность имѣющихся въ его распоряженіи средствъ проявить свое рвеніе и заводя рѣчь объ отставкѣ; къ тому-же, добавлялъ онъ въ заключеніе, и его военная доблесть страдаетъ отъ того, что онъ сидитъ, сложа руки, въ то время, какъ братья его бьются на границѣ. Баррасъ утверждаетъ, что онъ наскоро, т. е., по всей вѣроятности, на другой же день утромъ, устроилъ болѣе рѣшительную сцену, — пригласилъ Бернадота къ себѣ въ кабинетъ и тамъ сказалъ ему, что въ директоріи могутъ выйти раздоры изъ-за военнаго министерства, и такому великому патріоту, какъ онъ, подобаетъ предупредить ихъ актомъ самоотреченія. Бернадотъ тотчасъ же сталъ въ позу и, рисуясь, патетическимъ тономъ, со слезами въ голосѣ началъ увѣрять, что онъ не дорожитъ властью. «Я не жажду быть министромъ; пусть кто хочетъ упивается этимъ блаженствомъ»²⁾. Онъ предлагаетъ выйти въ отставку, дѣлаетъ движеніе къ конторкѣ, какъ будто ищетъ перо, чтобы написать прошеніе, но жестъ остается втунѣ, пера не оказывается и, видя, что Баррасъ, «изъ деликатности»³⁾, не настаиваетъ, министръ весьма благоразумно не пишетъ ничего, полагая, какъ добрый гас-

1) Ibid.

2) *Barras* IV, 13.

3) Ibid.

конецъ, что болтать можно все, что вздумается—отъ слова не станется. Очень возможно, что комедія была доведена и до этого; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Бернадотъ на этотъ разъ поплатился за свою риторику. Сійэсъ подхватилъ на лету брошенныя имъ на вѣтеръ слова и поймалъ его на словѣ. Большинствомъ трехъ голосовъ—его, Барраса и Дюко—было постановлено отставку принять, а Бернадоту послано краснорѣчивое письмо, въ которомъ говорилось, «что директорія уступаетъ выраженному имъ желанію вернуться на дѣйствительную службу».

На мѣсто Бернадота Сійэсъ, конечно, предпочелъ бы посадить своего челоуѣка, генерала Мареско, но Гоппе и Муленъ заупрямились. Сошлись на строгомъ конвенціоналистѣ, Дюбуа-Крансе; его не было въ городѣ, и ему послана была депеша. Въ то же время директорія поручила временное завѣдываніе военнымъ министерствомъ генералу Миле-Мюро, предписавъ ему немедленно-же вступить въ исполненіе своихъ обязанностей ¹⁾.

Все это произошло 28-го, въ моментъ возобновленія засѣданія совѣта пятисотъ, и получило огласку лишь нѣсколько позже. Вернувшись въ военное министерство, Бернадотъ принялся за текущія дѣла, ничего не сообщивъ своимъ начальникамъ отдѣленій объ утреннемъ разговорѣ. Когда онъ узналъ, что очутился въ отставкѣ ²⁾ помимо своей воли, первымъ побужденіемъ его было, по словамъ его секретаря, Сентъ-Альбена ³⁾, написать директорамъ довольно безцвѣтное письмо съ изъявленіемъ полной покорности; въ результатѣ ему безъ сомнѣнія рисовался какой-нибудь видный постъ въ арміи, взамѣнъ министерскаго портфеля ⁴⁾. Тотъ-же Сентъ-Альбенъ,— какъ онъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ,— подстрек-

¹⁾ Въ Приложеніи къ I тому, мы помѣстили протоколъ засѣданія директоріи 28-го, вмѣстѣ съ письмами, тутъ-же на засѣданіи написанными Бернадоту, Дюбуа-Крансе и Миле-Мюро. Национальный архивъ, AF, III, 16.

²⁾ *Mémoires de madame de Chastenay*, 408.

³⁾ „*Mémoires de Barras*“, IV, 16—17. Извѣстно, какое участіе принималъ Сентъ-Альбенъ въ составленіи мемуаровъ Барраса.

⁴⁾ Генераль Сарразенъ товарищъ военнаго министра въ своихъ „Мемуарахъ“ рассказываетъ, что Сійэсъ поручилъ ему предложить Бернадоту командованіе рейнской арміей. *Sarrazin*, „*Mémoires*“ p. 122—123.

нубъ его самолюбіе, убѣдилъ его разыграть оскорбленное достоинство, съ гордостью отказаться отъ всякихъ компенсацій, и уходя, пустить въ директорію пареянскую стрѣлу, язвительное письмо, которое будетъ предано гласности и потомству.

Письмо директорамъ гласило: «Вы принимаете отставку, которой я не просилъ. Не разъ я обращалъ Ваше вниманіе на тяжкое положеніе моихъ собратій по оружію. Недостаточность средствъ, предоставленныхъ въ распоряженіе военного департамента, глубоко огорчала меня; мнѣ хотѣлось уйти отъ этого безсилія и, подъ вліяніемъ этого мучительнаго, тягостнаго чувства, я, можетъ быть, и высказывалъ Вамъ желаніе вернуться въ армію. Въ то время, какъ я готовился представить Вамъ нравственный и административный отчетъ о моемъ управленіи до 1-го вандемьера, Вы извѣщаете меня, что для меня имѣется въ виду командованіе отдѣльной частью, прибавляя, что, до вступленія въ должность моего преемника, министерствомъ временно будетъ завѣдывать гражданинъ Миле-Мюро. Я долженъ возстановить факты, въ интересахъ истины, которая не въ нашей власти, граждане директора; она принадлежитъ нашимъ современникамъ, принадлежитъ исторіи»³)... Письмо заканчивалось прошеніемъ объ увольненіи въ отставку съ пенсіей.

Напрасно Бернадотъ взывалъ къ грядущимъ поколѣніямъ; онъ тѣмъ не менѣе очутился за штатомъ, ибо генераль Миле-Мюро безотлагательно отправился въ военное министерство принимать дѣла. Правда, Гойе и Муленъ нанесли Бернадоту торжественный визитъ, съ цѣлью выразить свое соболѣзнованіе, въ полной парадной формѣ и въ сопровожденіи почетнаго конвоя; но для того это было плохимъ утѣшеніемъ. Избавившись отъ такого неудобнаго товарища, директорамъ теперь уже нечего было опасаться предательскаго нападенія съ тылу, между тѣмъ какъ ихъ друзья въ совѣтѣ пятисотъ встрѣчали грудью предвидѣнные жестокіе удары.

Якобинцы, съ своей стороны, не теряли времени даромъ; чтобы оказать давленіе на совѣтъ и принудить его вынести желательное постановленіе, они сочли долгомъ организовать *большую народную манифестацію* вокругъ дворца

Бурбоновъ. Подосланные ими эмиссары бѣгали по предметамъ, произнося зажигательныя рѣчи, но народъ оставался глухъ къ ихъ призыву. Никогда еще онъ такъ ясно не показывалъ своей инертной оппозиціей, своимъ пассивнымъ сопротивленіемъ всякимъ попыткамъ увлечь его, до какой степени онъ сталъ неспособенъ къ уличной борьбѣ. вмѣсто цѣлой арміи, якобинцамъ удалось собрать только человекъ 800—900, но эта банда шумѣла и горланила такъ, что было-бы впору и тысячамъ. Разсыпавшись по площади Согласія, по мосту, по набережнымъ, кучки оборванцевъ перекрикивались между собой, грозили изрубить въ куски упорствующихъ депутатовъ, ревѣли, требуя крови; ужасныя мегеры, сопровождавшія ихъ, требовали, чтобъ имъ подали вилы. Къ счастью, Фуше и Лефевръ, министръ полиціи и парижскій комендантъ, приняли солидныя мѣры предосторожности; всѣ входы во дворецъ охранялись военнымъ карауломъ.

Тѣмъ временемъ въ совѣтѣ пятисотъ возобновились пренія, въ атмосферѣ, насыщенной страстями и ненавистью. Послѣ многихъ рѣчей, произнесенныхъ голосами, въ которыхъ, «слышалась еще вчерашняя хрипота»¹⁾, послѣ безчисленныхъ инцидентовъ и перерывовъ, предложено было отвергнуть предложенія Журдана, предварительно опросивъ собраніе. Два раза былъ произведенъ опросъ путемъ вставанія, и собраніе, повидимому, уже готово было принять этотъ выходъ, когда недовольные депутаты стали кричать, что результаты опроса сомнительны, и настойчиво требуютъ поименной переклички.

Какъ разъ въ это время распространился слухъ о перемѣнѣ въ военномъ министерствѣ; впечатлѣніе было очень сильное. Не прелюдія ли это къ знаменитому вооруженному перевороту, который готовила директорія съ помощью старѣйшинъ, ополчившихся на другую палату, скомпрометированную своими членами якобинцами? Когда фактъ обманомъ вызванной отставки Бернадота подтвердился, словно вѣтеръ безумія пронесся надъ собраніемъ; всѣ были увѣрены, что переворотъ не заставитъ себя ждать. Журданъ вскакиваетъ на трибуну и начинаетъ обличать пагубные за-

¹⁾ „Gazette de France“, 29 фрюктидора.

мысли правительства. Депутаты вторятъ ему, сообщая подробности, ссылаясь на передвиженія войскъ, рассказываютъ, будто генераль-комендантъ Курбвуа объявилъ, что, въ случаѣ надобности, онъ готовъ летѣть на помощь собранію, и его за это попросили выѣхать изъ города въ двадцать четыре часа. Всѣ законодатели, якобинцы и умѣренные, въ томъ числѣ и Люсьенъ, клянутся умереть на своихъ мѣстахъ, грозя народной местию святотатцамъ, которые осмѣлятся поднять руку на національное представительство. «Они не имѣютъ права!»—восклицаетъ Ожеро, и этотъ протестъ, въ устахъ человѣка, который сдѣлалъ 18-е фрюктидора, до того забавенъ, что, несмотря на серьезность положенія, вызываетъ взрывъ хохота.

Наконецъ, приступили къ поименному голосованію предложенія объявить отечество въ опасности. Оно было отклонено большинствомъ двухсотъ сорока пяти голосовъ противъ ста семидесяти двухъ. Быть можетъ, такому результату не чужда была тревога, поднятая вѣстью объ увольненіи Бернадота.

Когда засѣданіе было объявлено закрытымъ, и депутаты стали выходить, толпа, собравшаяся вокругъ дворца, яростно хлынула къ дверямъ, съ крикомъ: «Долой воровъ!» Пришлось пустить въ ходъ войска, чтобы отгнать неистовствовавшую толпу и очистить дорогу. Подоспѣвшій генераль Лефевръ напрасно пытался уладить дѣло: и брань, и его призывы къ примиренію оставались безплодными. Депутатовъ провожали свистками, угрозами, проклятьями, на нихъ лѣзли съ кулаками, и, какъ бы въ довершеніе скандала, депутаты меньшинства братались съ этой сворой. Имъ достаточно было дать узнать себя, чтобы ихъ, вѣрныхъ, добрыхъ, привѣтствовали радостными кликами; они шли среди бушевавшей грозы, высоко неся голову, улыбаясь насиліямъ, одобряя ихъ взглядомъ и жестомъ, не препятствуя осыпать своихъ товарищей оскорбленіями, обливать ихъ помоями, и смаковали эту низкую месть¹⁾. Изъ двухсотъ сорока пяти иные, не выдержавъ, отвѣчали ударомъ на ударъ;

¹⁾ См. газеты за 29-е и 30-е. Объ этихъ сценахъ напомнилъ Люсьенъ Бонапартъ въ своей рѣчи въ ночномъ засѣданіи 19-го брюмера.

на площади Согласія, Шазаль, изъ партіи умѣренныхъ, завязалъ ссору съ якобинцемъ агитаторомъ, Феликсомъ Лепеллетье; обмѣнивались всякими любезностями, въ родѣ: *негодяй, злодѣй, чудовище*.

Между тѣмъ, манифестанты разсѣялись по городу и старались поднять простонародье, но имъ не удалось «передать ему тотъ электрическій толчокъ, который вызываетъ возстаніе»¹⁾. На площадяхъ, правда, собирались кучками рабочіе, выставя на показъ свою нищету, но они не трогались съ мѣста, утомленные, недовѣрчивые; по очень мѣткому замѣчанію одной газеты, они жаловались на всѣхъ²⁾, смѣшивая въ равномъ презрѣніи умѣренныхъ и террористовъ, власть и оппозицію, правительство и совѣты.

Въ этотъ день, въ общемъ, всѣ, сами того не подозрѣвая, сыграли въ руку Бонапарту. Директорія устранила Бернадота, единственнаго генерала, который могъ-бы, по своему положенію министра и своему вліянію на войска, не безъ шансовъ на успѣхъ воспротивиться попыткѣ диктатуры. А якобинцы своимъ безстыдствомъ дали поводъ къ этому устраненію, точно также, какъ въ термидорѣ ихъ друзья своимъ бѣснованіемъ въ Манежѣ дали предлогъ удалить Марбо. Въ борьбѣ, длившейся уже три мѣсяца между подготовителями государственныхъ переворотовъ въ различныхъ направленіяхъ, въ борьбѣ за двѣ главныхъ позиціи—парижское комендантство и военное министерство—верхъ взяли въ концѣ-концовъ ихъ противники.

Кромѣ того, якобинцы своими дикими выходками опозорили парламентъ, который вышелъ изъ этого кризиса еще болѣе «презираемымъ и ненавидимымъ»³⁾, и вызвали удвоеніе предосторожностей противъ всѣхъ республиканцевъ яркой окраски. Директорія воспользовалась случаемъ отрѣшиться отъ должности нѣсколькихъ членовъ *департамента*; остальные ушли сами. Эта администрація, уцѣлѣвшій въ Парижѣ пережитокъ центральной муниципальной власти, ускользнула отъ крайней партіи,—еще одно препятствіе, убранное съ дороги будущаго консула. Во главѣ новой ад-

1) „Le Publiciste“, 29 фрюктидора. У *Brinkman*, 328.

2) „Le Surveillant“ 12 фрюктидора.

3) *Cambacérés*. „Eclaircissements inédits“.

министраціи поставили Ле-Кутэ де Кантеле, человекъ аккуратнаго и дѣловаго. Это онъ въ послѣдствіи поручился Бонапарту, прежде чѣмъ тотъ сѣлъ на лошадь, за покорность Парижа. Многіе чиновники, державшіеся извѣстныхъ опредѣленныхъ взглядовъ, нашли, что честь запрещаетъ имъ сохранить за собою свои мѣста, когда товарищи ихъ уволены, и съ трескомъ вышли въ отставку, заклеивъ мѣры, принятыя правительствомъ, именемъ «прелюдіи къ государственному перевороту»¹⁾; они думали возстановить общественное мнѣніе противъ интригъ и происковъ Сійэса, а добились только того, что сами себя устранили отъ власти, ослабили противодѣйствіе, и уступили поле битвы врагу.

Тѣмъ не менѣе директорія еще долго держалась насторожѣ. Въ Люксембургѣ всѣ входы и выходы охранялись военнымъ карауломъ, какъ въ крѣпости; рассказываютъ, будто гренадеры, стоявшіе тамъ на безсмѣнной стражѣ, три дня и три ночи не снимали сапогъ. Газеты увѣряли, будто директора подѣлили между собой главный штабъ, и каждый заставляеть свою часть ночевать у себя въ квартирѣ; въ официальномъ «*Rédacteur*» было напечатано опроверженіе.

Совѣтъ пятисотъ, съ своей стороны, все время опасался, что его разгонять силой, и никакъ не могъ прійти въ равновѣсіе. Обсуждались мѣры защиты, говорилось о необходимости назначить начальникомъ стражи какого-нибудь генерала, но тѣмъ дѣло и ограничивалось: ни къ какому рѣшенію прійти не могли и жили въ постоянныхъ тревогахъ. Совѣту казалось, что надъ нимъ постоянно виситъ Дамокловъ мечъ военной экзекуціи,—такое сильное впечатлѣніе произвело на него засѣданіе 28 фрюктидора, бывшее какъ бы предвкусеніемъ брюмера.

Въ дѣйствительности, ни законодательной, ни исполнительной власти не грозила неотложная гибель. Якобинцы не могли рассчитывать, что имъ удастся силой завладѣть Люксембургомъ, такъ какъ народъ былъ противъ нихъ, или, по крайней мѣрѣ, уже не за нихъ. Большинство директоровъ точно также неспособны были учинить переворотъ, такъ какъ у нихъ не было подъ рукой подходящаго человекъ, чтобы увлечь народъ и взять приступомъ дворецъ

1) „*Le Publiciste*“, 2-й и 3-й дополнительные дни VII года.

Бурбоновъ. И тѣмъ не менѣе обѣ эти группы были пугаломъ другъ для друга; обѣихъ мучилъ страхъ, жестокий страхъ, всегдашній страхъ, вслѣдствіе сознанія собственной слабости—сознанія, что у нихъ нѣтъ твердой почвы подъ ногами, и что они окончательно уронили себя въ общественномъ мнѣніи. А пока въ парламентѣ шла эта борьба двухъ безсилій, этотъ поединокъ двухъ тѣней, народныя тяготы разрастались до ужасающихъ размѣровъ. Наступленіе якобинцевъ, казалось, временно было приостановлено, но матерьяльные и экономическіе результаты его сказывались повсюду. Законы, изданные по настоянію крайнихъ элементовъ, тотчасъ послѣ 30-го преріала и впоследствии, въ промежутки ихъ господства, — законы касательно имущества и личности подозрительныхъ людей, законъ о прогрессивномъ налогѣ, законъ о заложникахъ—приносили плоды и, прибавляя лишній гнетъ къ суровымъ требованіямъ національной защиты, терзали страну. Дѣла повсемѣстно пришли въ разстройство, и Франція была доведена до крайней нищеты.

3.

Прогрессивный стомилліонный налогъ на богатыхъ прикрыли парадоксальнымъ именемъ вынужденнаго или принудительнаго займа; это былъ способъ обойти конституцію, въ принципѣ стоявшую за пропорціональное обложеніе. Занятые или вытребованные сто милліоновъ предполагалось возратить натурой, національными имуществами; но дѣло въ томъ, что эти имущества и закладныя на нихъ были страшно обезцѣнены, и заимодавцамъ, помимо воли, приходилось довольствоваться почти призрачными гарантіями. А потому уже одно оповѣщеніе о налогѣ, хотя еще никто не зналъ, какъ онъ будетъ распределенъ, вызвало панику среди всѣхъ, кто еще владѣлъ во Франціи какими-нибудь капиталами. Въмѣсто того, чтобы пускать въ ходъ свои деньги и получать ихъ обратно съ прибылью, обладатели ихъ теперь только и думали о томъ, какъ бы изъять ихъ изъ обращенія и поскорѣе припрятать въ надежномъ мѣстѣ; впечатлѣніе было потрясающее; всѣ дѣла разомъ стали.

Законъ, въ принципѣ рѣшившій вопросъ о прогрессивномъ налогѣ, былъ вотированъ 10 мессидора, а 12-го въ газетахъ читаемъ: «Во всѣхъ банковскихъ и коммерческихъ дѣлахъ полный застой. Звонкая монета стала большой рѣдкостью и что день, то становится рѣже; покупаютъ много луидоровъ; каждый бережетъ и копить свои». 1-го термидора: «На парижской биржѣ почти никакихъ дѣлъ. Деньги, что день, то рѣже. Золотые въ 24 франка покупаютъ съ надбавкой въ 16—18 су за штуку сверхъ дѣйствительной стоимости; половину векселей протестуютъ, и векселедатели ничего не предпринимаютъ, чтобъ избѣжать этого» ¹⁾. Кредитъ давно уже подорванъ; государственные фонды все падаютъ, ибо на нихъ совсѣмъ нѣтъ спроса; въ мессидорѣ и термидорѣ стоимость консолидированной трети колеблется между 8 ф. 65 с. и 7 ф. 65 с.

Легко было предвидѣть, что распредѣленіе налога будетъ основываться на внѣшнихъ признакахъ богатства; поэтому каждый спѣшилъ сжаться, сократить свои расходы; въ обществѣ только и было рѣчи, что о необходимости продать свой кабриолетъ, карету, отпустить часть мужской прислуги и т. д.» ²⁾. Богатые люди заранѣе учились надувать казну съ помощью разныхъ обходовъ и уловокъ; не одинъ перевелъ свою карету на имя своего кучера путемъ фиктивной продажи. По мѣрѣ того, какъ изъ преній въ совѣтѣ пятисотъ выяснялся способъ раскладки и сбора налога, причемъ слагалась цѣлая система преслѣдованій, все болѣе и болѣе клонившаяся въ сторону насилія, росло и смятеніе въ публикѣ; многіе негоціанты и иностранцы запасались паспортами въ Гамбургъ, Испанію и Швейцарію, почти единственныя страны, съ которыми Франція не вела войны. Изъ оставшихся всѣ наперерывъ кричали о своей бѣдности и старались представить тому наглядныя доказательства. «Въ наши дни люди состоятельные такъ же аффективно прячутъ свое богатство, какъ въ былое время старались выказывать его и даже преувеличивать... Иные нарочно банкротятся, чтобы вѣрнѣе доказать свою бѣдность» ³⁾;

¹⁾ См. „Publiciste“ и „Surveillant“.

²⁾ „Le Surveillant“, 19 мессидора.

³⁾ „Le Publiciste“, 14 мессидора.

и эти фиктивные раззоренія влекли за собою безконечное множество настоящихъ. Роскошь, поддерживавшая торговлю и промышленность, кормившая тысячи семействъ, была развѣнчанной царицей; заказы прекратились, и въ перспективѣ предвидѣлось «къ началу зимы несмѣтное количество рабочихъ безъ работы» ¹⁾. Владѣльцы недвижимостей, съ своей стороны, впали въ полное уныніе; они чувствовали, что обложенія имъ не миновать, а между тѣмъ рыночная цѣна ихъ имѣній сильно понизилась, такъ какъ на усадьбы и землю трудно было найти покупателя; на всемъ пространствѣ республики земля сильно упала въ цѣнѣ. Уже высчитано было, что за сто милліоновъ, собранныхъ съ богачей, Франція, въ цѣломъ, заплатится пятьюстами.

Факты говорили краснорѣчиво, но законодатели оставались глухи къ предостереженіямъ; ихъ безумію не было удержа. Они съ самаго начала постановили, что налогъ будетъ прогрессивнымъ и добавочнымъ къ обложенію земли, движимостей и предметовъ роскоши; при низкой оцѣнкѣ имущество освобождается отъ налога. Было бы неприлично при семъ удобномъ случаѣ не проявить особеннаго ожесточенія по отношенію къ эксъ-дворянамъ, превратившимся теперь въ податное сословіе, подлежащее всевозможнымъ обложеніямъ и повинностямъ (*taillable et corvéable à merci*); имъ предстояло платить вдвойнѣ и втройнѣ, смотря по обстоятельствамъ. Пятсотъ чувствовали, однако, что это податное сословіе, которое столько уже давили и выжимали, изъ котораго высосали всѣ соки, многого дать не можетъ, и рѣшили приналечь главнымъ образомъ на людей, обогатившихся, благодаря революціи, на тѣхъ, чья роскошь, нажитая хищеніями и биржевой игрой, нагло кидалась въ глаза на фонѣ голодающаго народа, кто при прежней директоріи предводительствовалъ вакханаліей луидоровъ. Эта грубая и наглая денежная аристократія вызывала не меньше возмущенія и гнѣва противъ себя, чѣмъ древняя каста дворянъ; она стала фокусомъ всеобщей ненависти, мишенью всѣхъ нападеній.

Но какъ наложить на нихъ руку? Имущества, подлежащія обложенію, заключались не столько въ помѣстьяхъ

¹⁾ „*Le Surveillant*“, 9 термидора.

и земляхъ, сколько въ звонкой монетѣ и процентныхъ бумагахъ, хранившихся въ портфеляхъ, не проявляя своего существованія никакими внѣшними признаками. Прибавьте къ этому, что многіе, обвиняемые въ томъ, что они награбили огромныя богатства, никогда не жили на широкую ногу; эти спекуляторы были въ то-же время и скопидомами. Подъ влияніемъ все возрастающей хищнической алчности, въ силу беспощадной логики ложныхъ концепцій, очень скоро пришли къ идеѣ чисто произвольной таксаціи, съ оцѣнкой наугадъ, по приблизительнымъ даннымъ, и комиссіи разслѣдованій,—нѣчто въ родѣ революціоннаго трибунала для экзекуціи крупныхъ капиталистовъ.

Выработанный на этихъ основаніяхъ законопроектъ былъ представленъ совѣтомъ пятисотъ старѣйшинамъ; негодование въ обществѣ противъ «визиготовъ», соорудившихъ этотъ «шедевръ нелѣпости»¹⁾, было такъ велико, что старѣйшины въ началѣ, 11 термидора, отвергли его. Но пятисотъ съ тупымъ упорствомъ стояли за свою комиссію. Напрасно ходившіе въ публикѣ листки и брошюры, принадлежавшія перу компетентныхъ авторовъ, напоминали имъ прежніе опыты²⁾ и уже достигнутые результаты — бѣгство капиталовъ за границу, исчезновеніе роскоши—якобинцы возражали на это, что деньги скрываютъ злонамѣренно, изъ преданности контръ-революціи, что ихъ сумѣютъ разыскать, извлечь изъ тайниковъ. Къ тому-же, для нихъ это было скорѣе политическая, чѣмъ финансовая мѣра, способъ угодить своимъ кліентамъ изъ престонородья и бабувистамъ, сбить головы богачамъ, слишкомъ выдѣлявшимся надъ общимъ уровнемъ, въ ожиданіи, пока можно будетъ приняться за всѣхъ безъ различія. Умѣренные видѣли опасность, пытались возражать, но склонились передъ указанными имъ требованіями необходимости, передъ неотложной потребностью удовлетворить нужды государства и армій; къ сожалѣнію, они предоставили якобинцамъ руководить этимъ экономическимъ разрушеніемъ. Законопроектъ, въ нѣсколько смягченномъ,

1) „Gazette de France“, 6 термидора.

2) Въ 1793 и IV г.г. уже были попытки ввести прогрессивный налогъ, вызвавшія общее возмущеніе; въ уплату представлялись лишь бумаги, не имѣющія цѣнности.

видѣ, былъ возвращенъ старѣйшинамъ; тѣ, въ концѣ концовъ, смирились и вотировали его.

По окончательному тексту закона, утвержденному 19-го термидора, прогрессивный налогъ вначалѣ являлся добавочнымъ къ земельной подати, причемъ котировки ниже трехсотъ ливровъ добавочному обложенію не подлежали; отъ трехъ же сотъ и до четырехъ тысячъ франковъ налогъ возрасталъ въ страшно быстрой прогрессіи, такъ что очень скоро обложеніе удвоивалось. Что касается имущества, котированныхъ выше 4000 фр., комиссія имѣла право взимать съ нихъ до трехъ четвертей ежегоднаго дохода. Экъс-дворянъ разрѣшалось по произволу относить въ болѣе высокій разрядъ, чѣмъ обусловленный размѣрами ихъ состоянія. Основой для распредѣленія могъ служить также налогъ на движимость. Наконецъ, комиссія должна была *по души и по совѣсти производить оцѣнку имуществу тѣхъ, кто своими предприятиями, поставками или спекуляціями нажилъ состояніе, недостаточно поддающееся обложенію на основаніи податей (contributions).*

Послѣдній пунктъ былъ особенно ядовитый. На основаніи его съ выше указанныхъ разбогатѣвшихъ дѣльцовъ можно было драть, сколько угодно, вплоть до ихъ годового дохода полностью, а отнять у чоловѣка весь его годовой доходъ значило все равно, что тронуть капиталъ. Докладчикъ, Пуллэнъ Гранпрэ, не скрылъ отъ старѣйшинъ, что этотъ законъ направленъ противъ скупщиковъ движимостей и всякихъ спрекуляторовъ капиталами, что онъ подорветъ ихъ дѣла и заставитъ ихъ возвратитъ неправедно нажитое богатство ¹⁾.

Оцѣночныя комиссіи должны были состоять изъ представителей мѣстной администраціи, съ добавленіемъ извѣстнаго количества гражданъ, не подлежащихъ принудительному займу; вопреки всѣмъ принципамъ, неплательщикамъ предстояло называть тѣхъ, кто долженъ платить. Правда, на несправедливую оцѣнку можно было жаловаться въ ревізійную комиссію, но апелляція не приостанавливала дѣй-

¹⁾ Онъ говорилъ: „Здѣсь подлежитъ обложенію не доходъ, который часто могъ-бы оказаться недостаточнымъ, но капиталъ“. Засѣданіе 28-го „Publiciste“ 29-го.

ствія закона; одну шестую часть налога необходимо было внести в течение десяти дней, другую шестую в течение мѣсяца, остальное самое позднее въ восьми-мѣсячный срокъ. Ст. 13-я новаго закона приглашала гражданъ доставлять необходимыя свѣдѣнія о капиталахъ, оставшихся неизвѣстными и не подвергнутыхъ податному облаженію; это значило вызывать доносы, поощрять ихъ и организовать. Оцѣночныя комиссіи превращались, такимъ образомъ, въ настоящіе комитеты частичной конфискаціи, уполномоченные преслѣдовать законнымъ порядкомъ людей, виновныхъ въ томъ, что они обогатились недозволенными средствами, или просто въ томъ, что они слишкомъ богаты, такъ какъ имѣть крупное состояніе, само по себѣ, считалось неприличнымъ и соблазнительнымъ.

На спѣхъ сформированныя комиссіи вели дѣло кое-какъ, лишь бы съ плечъ долой. Въ наскоро составленные списки попали неизвѣстныя личности и другія, давно объявленные несостоятельными; патриотической данью облагали иной разъ даже покойниковъ. Различные департаменты облагались весьма неравномѣрно, смотря по тому, насколько тамъ была развита мелкая собственность, не подлежащая обложенію; такъ, на примѣръ, Вогезамъ предстояло приплачивать тринадцатую часть земельной подати, а Ландамъ — двѣ трети ¹⁾.

Крупные поставщики, безстыдные спекуляторы, не достойные особеннаго сочувствія, были не такого сорта люди, чтобы позволить оципать себя безъ сопротивленія. Они заводили пререканія съ комиссіями, сутяжничали, придирались къ пустякамъ; они умѣли раздробить и скрыть свои капиталы, или же обратить ихъ въ процентныя бумаги; къ тому же, уже въ силу того, что они были очень богаты, они располагали тысячей средствъ повліять на комиссію, войти съ ней въ сдѣлку путемъ подкупа и взятокъ. Нѣсколько крупныхъ воровъ попало; большинство прорвало петли закинутой на нихъ сѣти и ускользнули. Это не помѣшало имъ воспылатъ ненавистью къ правительству, которое третиговало деньги, какъ что-то подозрительное, какъ *ci-devant*, какъ врага общества. Они клялись при первомъ же удобномъ случаѣ перейти въ наступленіе противъ этого правительства защиты

¹⁾ *Sciout*, IV, 536.

и низвергнуть его. Изъ тѣхъ, кому не удалось войти въ сдѣлку съ комиссіей, иные уже теперь артачились и отказывались платить, брасая вызовъ фиску: попробуй-ка дескать насъ изловить. Разсказывали слѣдующій анекдотъ о спекуляторѣ Колло, по слухамъ нажившемъ огромное состояніе на поставкѣ мяса въ итальянскую армію. Съ него погребовали непомѣрно высокую сумму. Онъ предложилъ пятьдесятъ тысячъ франковъ. Департаментъ не принялъ. Тогда поставщикъ объявилъ: «Не хотите? ну такъ ничего не получите. Честь имѣю кланяться!»¹⁾ Два мѣсяца спустя, этотъ самый Колло является главнымъ союзникомъ бонапартистовъ, оплачиваемымъ устроенный ими *суп d'état*.

Но, кромѣ поставщиковъ, имѣлись еще банкирскія фирмы; среди нихъ были солидныя и серьезныя; имена ихъ главъ уже пользовались извѣстнымъ вѣсомъ и значеніемъ въ коммерческомъ мірѣ, какъ напримѣръ: Перрего, Малэ, Севеннъ, Сабатье, Давилье и др. Еще недавно эти люди наглядно доказали свой патріотизмъ. Назначенный министромъ финансовъ Робертъ Линдэ не нашелъ ни копѣйки въ государственной кассѣ, и деньги ему доводилось видѣть только во снѣ²⁾; онъ обратился за помощью къ парижскимъ банкирамъ. Съ похвальнымъ усердіемъ, ободренные увѣренностью въ томъ, что новый министръ честный человѣкъ, эти капиталисты согласились выпустить изрядное количество облигацій, гарантированныхъ ихъ коллективной подписью, облегчивъ такимъ образомъ операціи государственнаго казначейства, обезпечившія на время содержаніе половины государственныхъ учреждений³⁾. При введеніи прогрессивнаго налога комиссія обошлась съ ними весьма сурово, тѣмъ болѣе, что, оказанной министерству финансовъ помощью, они какъ-бы сами выдали себя, обнаруживъ размѣры своего состоянія. Такой способъ расплачиваться за услуги естественно привелъ ихъ въ негодованіе. Положимъ, что кредитъ и запасные капиталы этихъ фирмъ позволяли имъ безъ краха выдержать рискованный финансовый экспериментъ якобинцевъ; наиболѣе извѣстной изъ нихъ, Перрего, первый

1) „*Gazette de France*“, 9 фрюктидора.

2) „Письма Роберта Линдэ“ отъ 25 фрюктидора. *Montier*, 372.

3) „*Mémoires de Gohier*“, I, 79—80; *Stourm*, *Les Finances du Consulat*, 137—139.

подалъ примѣръ добросовѣстной уплаты налога; но рѣчи банкировъ послѣ брюмера доказываютъ, что рана и къ тому времени еще не зажила. На одномъ собраніи у консула Бонапарта банкиръ Жерманъ, отъ имени цѣлой группы капиталистовъ, заклеимилъ «этотъ несчастный режимъ, убившій всякое довѣріе, режимъ, при которомъ именно тѣ, кто выдвинулся впередъ своей щедростью, подверглись наиболѣе строгимъ взысканіямъ, причемъ посредствомъ комбинаціи, столь же неполитичной, сколько и предательской, размѣры ихъ предполагаемаго состоянія исчислялись пропорціонально усиліямъ, приложеннымъ ими ради пользы отечества» ¹⁾.

Въ итогѣ, поддержка капиталистовъ была отнынѣ обезпечена первому, кто возьметса низвергнуть хищническій режимъ. Когда Бонапартъ вернулся изъ Египта, капиталисты встрѣтили его, какъ избавителя; поставщики сразу бросились къ нему еще наканунѣ брюмера; а на другой день пришли и болѣе робкіе банкиры: вслѣдъ за шальными деньгами, деньги осторожныя, благоразумныя. Банкиры торговались, давали и придерживали, но все же доставили кой-какіе фонды и устроили синдикатъ, съ цѣлью помочь Бонапарту стать во главѣ правленія.

Принудительный заемъ больше терроризовалъ и ожесточилъ крупныхъ капиталистовъ, чѣмъ дѣйствительно урѣзалъ ихъ капиталы. Настоящими жертвами новаго закона были люди средняго и малаго достатка ²⁾. На нихъ онъ обрушился всей своей тяжестью; вдобавокъ, имъ пришлось испытать на себѣ его отраженное и весьма жестокое дѣйствіе и въ другомъ отношеніи. Крупная промышленность ограничила производство, и купцы могли пріобрѣтать товары лишь по чудовищно высокой цѣнѣ; а такъ какъ, съ другой стороны, сократилось и потребленіе, товары эти не

¹⁾ Протоколъ засѣданія негоціантовъ и банкировъ, созванныхъ на совѣщаніе къ консулу Бонапарту, 3-го фримера, VIII года. Национальная библіотека, L-b 43388.

²⁾ „*Le Surveillant*“ пишетъ 15-го вандемьера: „Небольшое количество денегъ, поступившихъ въ казну отъ принудительнаго займа, есть результатъ умѣреннаго обложенія небольшихъ состояній. Крайне высокая таксировка такъ называемыхъ колоссальныхъ состояній ничего не дала. Искусство обложенія заключается не въ томъ, чтобы много брать съ небольшого количества крупныхъ капиталистовъ, но въ умѣренномъ обложеніи всѣхъ людей съ извѣстнымъ достаткомъ“.

находили сбыта; результатомъ были банкротства; разорявшіеся разоряли и своихъ кредиторовъ. Послѣ 18-го брюмера «*Moniteur*» констатируетъ особенное ликованіе купечества; это понятно, ибо купечество жестоко страдало при умирающей директоріи.

Въ тотъ же періодъ и мелкіе фабриканты, изготовлявшіе предметы роскоши, или просто удобства, свели на нѣтъ свое производство, такъ какъ заказы почти прекратились; одинъ мебельщикъ изъ предмѣстья Антуанъ говорилъ: «Меня освободили отъ 6 фр. принудительного взноса и заставили потерять 60 франковъ, распугавъ моихъ кліентовъ» 1). Приказчики, рассчитанные своими хозяевами, очутились на мостовой, вмѣстѣ съ толпами фабричныхъ рабочихъ, также уволенныхъ съ заводовъ и фабрикъ, за отсутствіемъ заказовъ. Бѣдствіе становилось общимъ; законъ думалъ посадить богачей на діету, а вмѣсто того лишилъ заработка бѣдняковъ.

Всѣ города, гдѣ еще уцѣлѣли остатки промышленности, всѣ центры производства, казалось, вымерли. Въ Лиллѣ оставшіеся безъ куска хлѣба рабочіе требовали, чтобъ ихъ взяли въ солдаты и отправили на границу 2). Въ Труа (Troyes) расклеена была на заборахъ афиша съ протестомъ противъ принудительнаго займа 3). Въ Ліонѣ, городѣ большой инициативы и практическаго чутья, наблюдается въ высшей степени замѣчательное явленіе: рабочій приходитъ на помощь капиталу для того, чтобы этотъ послѣдній могъ по прежнему пользоваться его рабочей силой и давать ему заработокъ.

«Всѣ наши сограждане,—нипуть изъ Ліона отъ 2-го вандемьера 4),—интересы которыхъ затронуты принудительнымъ займомъ въ сто милліоновъ, объединились, выдѣливъ изъ себя нѣчто въ родѣ распредѣлительной комиссіи. Они устроились такъ, чтобы, безъ ущерба интересамъ республики ни одна котировка не превышала суммы въ 2000 фр. и деньги по этой образцовой раскладкѣ были внесены не-

1) *L'Espiegle*“, 14-го вандемьера.

2) „*Publiciste*“, 15-го термидора.

3) Военный архивъ, общая переписка, 19-го термидора,

4) Корреспонденціи во всѣхъ парижскихъ газетахъ.

медленно. Значительное количество гражданъ, не вошедшихъ въ списокъ государственныхъ кредиторовъ, добровольно рѣшили своими скромными средствами помочь общему дѣлу; въ числѣ этихъ достойныхъ гражданъ—масса рабочихъ, по большей части оставшихся безъ работы. Нельзя было смотрѣть безъ слезъ на этихъ бѣдняковъ, отцовъ семейства, приносившихъ свои деньги въ общую кассу со словами: *«Мы готовы лучше поголодать нѣсколько дней, чѣмъ видѣть, какъ изъ за этого займа закроютъ наши фабрики и мастерскія»*. Этотъ героизмъ уже далъ самые благотѣльные результаты. Въ Лионѣ снова открылось нѣсколько фабрикъ. Увѣряютъ, что многіе торговые города усвоили себѣ ту-же спасительную систему, въ томъ числѣ Бордо. Если-бы всѣ департаменты послѣдовали этому прекрасному примѣру, нечего было бы опасаться несправедливостей произвола, какъ бы освященнаго учрежденіемъ раскладочной комиссіи, да и сама раскладка вышла бы менѣ накладной для населенія, и деньги были бы скорѣе уплочены».

Такимъ образомъ, законъ, направленный специально противъ извѣстнаго класса лицъ, лишь отчасти затронулъ его и въ то-же время косвенно задѣлъ всѣ другіе. И въ своихъ расчетахъ на безотлагательный притокъ денегъ въ государственное казначейство власти ошиблись. Администрація пустила въ ходъ весь свой запасъ понудительныхъ мѣръ—судебное преслѣдованіе, описи и отчужденіе имущества, личные аресты за долги,—но все напрасно: она не могла, по выраженію одной газеты¹⁾, мобилизовать цѣлую армію солдатъ для постоя, построить огромные склады для секвестрованнаго имущества, раздвинуть стѣны тюремъ, чтобъ упрятать туда всѣхъ уклоняющихся отъ уплаты налога. И деньги не являлись, остававались невидимыми, скрытыми, зарытыми; они вливались въ государственное казначейство не широкимъ потокомъ, но мелкими струйками, и то съ великимъ трудомъ. За два мѣсяца комиссія успѣла довести раскладку всего до шестидесяти одного милліона, которые, по всей вѣроятности, будутъ урѣзаны ревизіонной комиссіей до пятидесяти; на дѣлѣ же, изъ всей суммы къ этому

1) „*Le Surveillant*“, 9-го термидора.

времени было внесено не болѣе 6—7 миллионѡвъ, и то, болѣею частью, обезцѣненными бумагами.

Но это былъ еще не конецъ; неспособныхъ законодателей ждали новыя огорченія. Нужда въ народѣ сразу обострилась, и потому ранѣе установленные налоги, нормальныя контрибуціи, давали еще меньше прежняго; новый налогъ платили неохотно, другихъ не платили вовсе. По официальному подсчету, за три послѣднихъ мѣсяца VII года поступления въ казначейство уменьшились на треть противъ соотвѣтствующаго періода минувшаго года¹⁾. Казна мало выиграла на этой операціи, а потеряла много; въ итогѣ, введеніе прогрессивнаго налога дало чистый убытокъ. И ради такого-то результата финансисты, засѣдавшіе въ совѣтахъ, совершенно подорвали послѣдніе остатки экономической жизни во Франціи, возстановили противъ себя всѣ интересы, обострили общую ненависть и нанесли огромный ущербъ режиму.

4.

Законъ о прогрессивномъ налогѣ обрекалъ регулярной стрижкѣ имущества частныхъ лицъ, билъ ихъ по карману,— билъ и по биржѣ; законъ о заложникахъ грозилъ личной безопасности гражданъ вообще и во многихъ отношеніяхъ уничтожилъ относительныя гарантіи этой безопасности.

Законъ этотъ не вдругъ народился въ мозгу революціонеровъ; онъ былъ логическимъ и жестокимъ послѣдствіемъ укоренившейся вражды между сторонниками революціи, извлекавшими изъ нея выгоду, и ея противниками,—вражды, дѣлившей весь французскій народъ на два непріятельскихъ лагеря и постоянно ихъ сталкивавшей. Первые побѣдили вторыхъ, но не подчинили ихъ; во многихъ мѣстностяхъ имъ приходилось жить на своихъ позиціяхъ, какъ на бивакѣ, какъ въ завоеванной странѣ, среди безпрестанно трево-

¹⁾ Докладъ Крезе-Латуша въ совѣтѣ пятисотъ. 3-го брюмера. *Sciout*, IV, 529; *Stourm*, „Finances de l'ancien régime et de la Révolution“, II, 385.

жившихъ ихъ враговъ, среди шуановъ, ежеминутно готовыхъ подстрѣлить изъ за угла, среди населенія, нерѣдко сочувствовавшаго бандамъ. Они роковымъ образомъ должны были прійти къ худшему, что можетъ позволить себѣ иностранная армія на захваченной территоріи, къ высшему беззаконію — системѣ косвенной и коллективной отвѣтственности, похищенію ни въ чемъ неповинныхъ именитыхъ гражданъ, которые должны были отвѣчать за всѣхъ. Законъ 10-го вандемьера VI года о денежной отвѣтственности коммунъ въ случаѣ беспорядковъ, былъ первымъ шагомъ на этомъ пути. Въ нѣкоторыхъ департаментахъ власти давно уже усвоили себѣ обычай брать заложниковъ, съ цѣлью заинтересовать все населеніе въ подавленіи волненій, и хвастались этимъ способомъ, находя его превосходнымъ. Законодательный корпусъ закономъ 24-го мессидора VII года только обобщилъ этотъ методъ, внося въ него рафинированную жестокость, что было уже излишней роскошью.

Законъ этотъ рекомендовалъ мѣстнымъ властямъ во всѣхъ департаментахъ, объявленныхъ совѣтскимъ указомъ на положеніи усиленной охраны, вслѣдствіе начавшихся беспорядковъ, и разрѣшалъ имъ въ другихъ, въ случаяхъ угрожающихъ волненій, выбирать заложниковъ — изъ родственниковъ эмигрантовъ, ихъ друзей и присныхъ, изъ бывшихъ (сi-devant) аристократовъ, за нѣкоторыми исключеніями, изъ родственниковъ по восходящей линіи лицъ; зарѣдомо участвовавшихъ въ сходбищахъ или принадлежащихъ къ составу бандъ. Выбранные заложники обязаны были втеченіе десяти дней явиться для взятія ихъ подъ стражу, подъ страхомъ, что въ противномъ случаѣ съ ними будетъ поступлено, какъ съ эмигрантами, иными словами, подъ страхомъ смертной казни. За каждое убійство или похищеніе чиновника, покупщика національныхъ имуществъ, защитника отечества, или же отца, матери, жены или дѣтей вышеуказанныхъ лицъ, четверо заложниковъ должны были поплатиться ссылкой, не считая крупной денежной пени. Кромѣ того заложники отвѣчали своимъ имуществомъ за грабежи и потравы, учиненныя бандами. Куча добавочныхъ постановленій довершала жестокость этого закона, который какъ бы имѣлъ цѣлью дать половинѣ Франціи извѣдать, и притомъ въ преувеличенномъ видѣ, всѣ прелести военной оккупациі.

Въ продолженіе термидора постановлено было примѣнить этотъ законъ къ двѣнадцати департаментамъ запада, на всемъ ихъ протяженіи, или въ отдѣльныхъ пунктахъ, и затѣмъ распространить его на нѣкоторыя мѣстности юга. Многіе департаменты уже испытали на себѣ его прелесть, всѣ ждали того-же, и въ результатѣ получилось вмѣсто устрашенія ожесточеніе. Растяжимость закона позволяла властямъ утолять свою личную ненависть, избрѣтая новыя вины и безмѣрно расширяя кругъ нравственного соучастія съ инсургентами, создавая повсюду категоріи, группы подозрительныхъ личностей, готовыя охалки кандидатовъ на эшафотъ, въ случаѣ, если-бы террористамъ удалось снова воздвигнуть его. Умудренные опытомъ люди предпочитали погибнуть въ борьбѣ, отомстивъ, чѣмъ дать тащить себя на бойню; никто не хотѣлъ подражать аристократамъ 93 года, которые стремились скорѣе красиво умереть, чѣмъ избѣгнуть смерти. Возникли союзы защиты, лиги мести.

Въ департаментѣ Жиронды образовалось общество подъ именемъ *Союза друзей порядка и мира*. Въ своемъ манифестѣ учредители общества не признавали себя роялистами, хотя въ сущности были ими. Они увѣряли, что не примыкаютъ ни къ какому политическому знамени, что они желаютъ лишь оберечь себя отъ послѣдствій «жестокаго безумія» (*atroce frénésie*). «Или перестаньте учить правамъ чловѣка едва начавшихъ лепетать дѣтей, или сознайтесь, что никогда еще не было болѣе справедливо и умѣстно вспомнить объ этихъ правахъ»¹⁾. Уставъ общества предписывалъ мстить каждому чиновнику, который попробуетъ примѣнить законъ о заложникахъ, насиліями надъ его личностью, семьей, имуществомъ; словомъ, поступать по закону возмездія. Общество быстро разрослось; члены его считались тысячами; пріѣзжали друзья изъ сосѣднихъ департаментовъ, главнымъ образомъ изъ Шаранты.

На западѣ здравомыслящіе люди сразу поняли, что законъ даетъ результаты какъ разъ обратные желаемымъ, и увеличить рядъ активныхъ представителей оппозиціи. Республиканскіе солдаты сами это чувствовали и, не стѣсняясь, говорили на улицахъ Анжера: «Нація создала новыхъ десять

¹⁾ „Gazette de France“ 16-го термидора.

тысячъ шуановъ»¹⁾. Самъ Фуше признавалъ, что этотъ законъ — опасное обоюдоострое орудіе, способное ранить и того, кто пуститъ его въ ходъ, выражалъ желаніе, чтобъ его примѣняли осторожно, и боялся послѣдствій²⁾. Дѣйствительно, города и мѣстечки вмигъ избавились отъ изряднаго количества жителей, миролюбивыхъ по натурѣ, или уставшихъ бороться; чувствуя, что имъ не миновать участи заложниковъ, они предпочли заблаговременно скрыться, присоединились къ бандамъ, разбойничавшимъ на большой дорогѣ, или же помогали имъ совѣтомъ и дѣломъ. Шуаны, съ своей стороны, начали хватать заложниковъ, учиняя надъ ними кровавую расправу. Общее возстаніе не западѣ все еще не началось; ждали срока, назначеннаго вождями; законъ о заложникахъ могъ только обострить его, превращая простыхъ недовольныхъ въ мятежниковъ, придавая имъ смѣлость отчаянія.

Вокругъ очага шуанства смута уже растетъ, зараза распространяется. Въ департаментѣ Эндрѣ и Луары огромная шайка держитъ въ страхѣ селенія. Въ Шартрѣ власти уже подумываютъ о томъ, не пора ли перекочевать въ болѣе безопасное мѣсто. Черезъ Сентонжъ, гдѣ все уже кипитъ и бурлитъ, черезъ Гасконъ, шуанство пытается соединиться съ уцѣлѣвшими партизанами южнаго возстанія и подбодрить ихъ. Правда, въ пиринейской области, послѣ побѣды тулузцевъ, перевѣсъ снова на сторонѣ патриотовъ; они снова появились въ большомъ количествѣ, не боятся показываться; иные удивляются, откуда ихъ столько взялось. «Смѣю васъ увѣрить, республиканцевъ больше, чѣмъ думаютъ», довольно наивно пишетъ одинъ администраторъ³⁾. Тѣмъ не менѣе спокойствіе, водворившееся въ Аржежѣ, Одѣ, Эро, — очень непрочное. Дальше, на всемъ протяженіи Устьева Роны, Воклюза, Приморскихъ Альпъ, эпидемія разбоевъ усилилась вдвое, и почти во всѣхъ департаментахъ участились отдѣльные случаи разбоя, ибо законъ о призывѣ рекрутовъ всѣхъ разрядовъ, умножая до безконечности число ослушниковъ, значительно усиливалъ составъ бандъ.

1) Ibid., 3-го фрюктидора.

2) Общій отчетъ за вандемьеръ. *Aulard*, „Etat de la France en l'an VIII et en l'an IX“, p. 16.

3) Военный архивъ, общая переписка, 23-го фрюктидора.

Законъ этотъ былъ третьимъ по счету изъ новыхъ орудій пытки, терзавшихъ Францію. Примѣненіе его на практикѣ наталкивалось на неслыханныя затрудненія. Въ тысячахъ коммунъ новобранцы отказывались явиться на призывъ, сидѣли дома, или прятались. А когда на домъ къ ихъ родителямъ являлись жандармы для водворенія постоя, ихъ встрѣчали камнями, выпроваживали кулаками. А послушныхъ рекрутовъ, безъ сопротивленія дававшихъ себя отвести въ главный городъ департамента, помѣщали въ полуразвалившихся сараяхъ, замѣнявшихъ казармы, нездоровыхъ, лишенныхъ самыхъ необходимыхъ предметовъ обихода, и это обостряло недовольство новобранцовъ. Какъ только ихъ отправляли въ путь, начиналось дезертирство; колонны быстро таяли. Многіе бѣглецы шли на вольную жизнь, присоединялись къ разбойникамъ, рыцарямъ большой дороги, грабителямъ дилижансовъ, шофферамъ, бѣглымъ каторжникамъ, бѣглымъ рекрутамъ отъ прежнихъ наборовъ, преступникамъ и просто отчаяннымъ удалцамъ; гдѣ уже имѣлись вооруженныя банды, тамъ онѣ разрастались; гдѣ ихъ не было — появлялись.

На сѣверѣ вся Бельгія возстала противъ увеличенія налога крови. И по прежнимъ наборамъ за нею числилась недоимка по крайней мѣрѣ въ 60.000 человекъ; такъ напримеръ, департаментъ Мёзы, изъ 1,125 призванныхъ новобранцевъ, далъ только 100; Урта представила 300 человекъ изъ 1,674; Самбра-и-Мёза 296 изъ 813; Жеммалъ 429 изъ 2,310¹⁾. Больше половины молодежи сбѣжало, а отъ новой мѣры сбѣгутъ и остальные, съ тѣмъ, чтобы впоследствии хлынуть въ страну ожесточенными разбойничьими бандами.

Для всѣхъ представителей власти было очевидно, что въ Бельгіи этотъ законъ не примѣнимъ, что онъ можетъ только сдѣлать партизанскую войну повсемѣстной, обострить сепаратистское движеніе въ народѣ и ускорить предвидѣнный и грозный моментъ общаго возстанія, тѣмъ болѣе теперь, когда наступленіе англо-русскихъ войскъ на Голландію возвратило надежду всѣмъ недовольнымъ. Уже въ мессидорѣ генераль, командующій 25-й дивизіей, жалуется, что заграничные эмиссары и священники «ловятъ бѣглыхъ

1) Военный архивъ; общая переписка, 24 термидора.

рекрутовъ, составляютъ шайки изъ наиболѣе отважныхъ, превращаютъ ихъ въ разбойниковъ, въ *шофферовъ* и натравливаютъ ихъ на отдѣльныя селенія; рубятъ тамъ деревья свободы, отнимаютъ оружіе, обижаютъ или даже убиваютъ полевыхъ стражниковъ, жандармовъ, военныхъ, правительственныхъ комиссаровъ и покупщиковъ національныхъ имуществъ. Власти они держатъ въ страхѣ... Вызванные на мѣсто безпорядковъ войска, по прибытіи, никого уже не находятъ... Примѣненіе закона о призывѣ новобранцовъ всѣхъ пяти разрядовъ непременно вызоветъ возстаніе. Подставные рекруты больше не принимаются; богатымъ и вліятельнымъ обывателямъ придется самимъ отбывать воинскую повинность, а они ни за что не пойдутъ противъ Австріи, въ которой видятъ уже владычицу страны; они скорѣе будутъ подбивать другихъ на бунтъ и дадутъ убить себя дома, или эмигрируютъ, чѣмъ станутъ въ ряды республиканскихъ батальоновъ... Весьма значительная часть жителей страны терпѣть не можетъ республиканскаго правительства, отнявшаго у нея священниковъ, и приметъ, какъ друга, любую державу, которая избавитъ ее отъ французовъ» ¹⁾.

Области, офранцузенныя еще монархіей, старыя границы, французскій Арденнъ, Мецъ и весь прилежащій край, Лорренъ, Эльзасъ продолжаютъ поставлять солдатъ, служба неисчерпаемымъ источникомъ новыхъ силъ; и тамъ, какъ вездѣ, наблюдаются случаи уклоненія отъ отбыванія воинской повинности, но рѣже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Однако-жъ, и въ департаменты, до сихъ поръ бывшіе на хорошемъ счету и ставившіеся въ примѣръ другимъ, начинается проникать смута. Въ Арденнахъ часть контингента рекрутовъ отказывается явиться на призывъ.

Описавъ большой кругъ около Парижа, на пространствѣ этого района, состоящаго изъ департаментовъ Обы, Эны, Уазы, Сены-и-Уазы, Соммы и Па-де-Калэ, мы видимъ случаи неповиновенія властямъ и опустошеній. Национальная гвардія въ департаментѣ Соммы проявляетъ такой вредный духъ, что ее приходится обезоружить. Нормандія не входитъ въ число департаментовъ, избавленныхъ отъ конскрипціи указами, вышедшими еще до замиренія, и тамъ пытаются при-

¹⁾ Ibid., 28 мессидора.

мѣнить новый законъ; но это оказывается болѣе, чѣмъ невозможнымъ—крайне опаснымъ; пытаюсь наwerben бойцовъ для республики, вербуютъ ихъ для шуановъ. Въ Орнѣ «духъ въ народѣ такой, что рекруты не только отказываются итти на зовъ отечества, но и поступаютъ въ королевскія банды» ¹⁾. Администрація Орны убѣждена, что «моментъ объявленія набора съ цѣлью формировація вспомогательныхъ батальоновъ будетъ для многихъ рекрутовъ юга (этого департамента) сигналомъ къ переходу на сторону шуановъ... Непокорные священники и контръ-революціонеры успѣли убѣдить ихъ, что на границѣ ихъ все равно ждетъ только смерть. И всѣ повторяютъ въ одинъ голосъ: *«Если ужъ умирать, такъ лучше пусть меня здѣсь убьютъ, чѣмъ тащиться за смертью такую даль!»* ²⁾ Въ Эрѣ-и-Луарѣ рекруты идутъ охотнѣе. Въ Луарѣ, Шерѣ, Йоннѣ наблюдаются тревожные симптомы, хотя тамошніе жители въ общемъ вѣрны республикѣ, или, по крайней мѣрѣ, послушны. Въ Дижонѣ зломѣренные люди подбиваютъ вспомогательный батальонъ кричать: *«Да здравствуетъ король, къ чорту республику!»* Большинство молодыхъ солдатъ однако не слушаются и кричатъ: *«Да здравствуетъ республика!»* ³⁾. Въ окрестностяхъ Бона за упорствующими охотится жандармерія. Въ Сенѣ-и-Луарѣ за ними отправляютъ въ погоню летучій отрядъ, но солдаты отказываются итти ⁴⁾.

По мѣрѣ того, какъ мы проходимъ долину Луары и спускаемся въ долину Роны, симптомы принимаютъ все болѣе угрожающій характеръ. «Число дезертировъ въ Верхней Луарѣ такъ велико, что ихъ нужно считать тысячами. Центральная администрація не видитъ возможности съ помощью находящихся въ ея распоряженіи войскъ задержать хотя бы пятую часть ихъ; пойманные бѣглецы черезъ нѣсколько дней дезертируютъ снова». Горные края Пюи-де-Домъ и Кантала ⁵⁾ кишатъ бѣглецами. Въ Коррезѣ, «въ день,

¹⁾ Отчетъ общей полиціи за вандемьеръ VIII года у *Aulard*, „Etat de la France en l’an VIII et en l’an IX“ p. 51.

²⁾ Выдержки изъ отчета у *Chassin*, III, 332—333.

³⁾ Общая переписка, 22 фермидора.

⁴⁾ Отчетъ общей полиціи за вандемьеръ, *Aulard* „Etat de la France“, 22.

⁵⁾ *Ibid.*, 26.

назначенный для выступленія вспомогательныхъ батальоновъ, пятьдесятъ человѣкъ дезертируютъ, унося свое оружіе; другіе совершаютъ убійство» ¹⁾. Лозера въ полномъ броженіи. «Въ главномъ городѣ цѣлое скопище новобранцевъ; они не хотятъ расходиться и угрожаютъ комиссару, который совѣтуетъ имъ отправиться на свой постъ» ²⁾.

Въ Ардешѣ и Провансѣ всѣ свидѣтельства подтверждаютъ, что бѣглыми рекрутами и новобранцами безостановочно пополняются банды, останавливающія почту и гонцовъ. Въ Эро (Hérault) мы видимъ организованное дезертирство; по всѣмъ дорогамъ шныряютъ эмиссары, подстрекающіе къ бѣгству только что внесенныхъ въ списки молодыхъ солдатъ. Администрація департамента, извѣщаетъ, что ей удалось собрать и отправить около девятисотъ рекрутовъ и 100 новобранцевъ изъ 1403, но вопросъ, сколько ихъ дойдетъ до мѣста назначенія: «на пути отъ Сень-Понса до Нима множество королевскихъ эмиссаровъ, которые ихъ подговариваютъ бѣжать; если законодательный корпусъ не изыщетъ мѣръ къ подавленію дезертирства, составъ армій не только не пополнится отъ постановленій закона 14-го месидора, но, наоборотъ, настолько уменьшится, вслѣдствіе дезертирства, что онѣ не въ состояніи будутъ отразить непріятеля». Въ заключеніе власти совѣтуютъ законъ отмѣнить ³⁾. Въ Тарнѣ нѣкоторые кантоны отказались поставлять рекрутовъ; въ Кастрѣ, наоборотъ, было нѣсколько случаевъ добровольнаго поступленія на военную службу. Изъ Верхней Гаронны рекруты бѣгутъ въ Испанію; одинъ путешественникъ встрѣчаетъ ихъ на границѣ цѣлыми бандами человѣкъ въ пятьсотъ ⁴⁾. Въ Дордони, «уклоняющіеся отъ отбыванія воинской повинности бѣглые рекруты и дезертиры имѣютъ свою организацію, дѣлятся на батальоны; у нихъ есть вожди, оружіе и достаточное количество пороху, поставляемое заводами въ Бержеракѣ ⁵⁾. Комиссаръ департамента Ло-и-Гаронны пишетъ: «О разбояхъ у насъ больше не слышно, зато насъ

¹⁾ Ibid., 21—22.

²⁾ Ibid., 30.

³⁾ Общая переписка, 6 термидора:

⁴⁾ Ibid., 6 термидора, письмо министра иностранныхъ дѣлъ къ послу республики въ Испаніи.

⁵⁾ Отчетъ общей полиціи за вандемьеръ, *Aulard*, 32.

извѣщаютъ, что въ странѣ появилось нѣсколько бандъ дезетировъ, вооруженныхъ боевыми, или охотничьими ружьями и совсѣмъ безоружныхъ; банды невелики—человѣкъ десять, пятнадцать, двадцать; онѣ идутъ, повидимому, въ направленіи Ландъ, идутъ больше ночью» ¹⁾. По гасконскимъ ландамъ бродить немало такихъ-же слушниковъ закона; есть они и въ долинахъ Аржежа, и въ *коссахъ* Тарна, и на извилистыхъ лѣсныхъ тропинкахъ Лимузена, и въ суровомъ Руэргѣ, и на островахъ Роны, въ Альпахъ и ихъ отрогахъ (Arpilles); тысячи ихъ поглощаетъ Ліонъ, который является обширнымъ приѣмникомъ для всевозможныхъ элементовъ смуты.

Власти, повсюду, менѣе, чѣмъ когда либо, чувствуютъ себя въ безопасности; во многихъ коммунахъ онѣ сами сознаются, что существованіе ихъ виситъ на волоскѣ, въ зависимости отъ каждаго движенія мятежниковъ, каждаго народнаго волненія, котораго можно ждать ежеминутно, каждой дурной вѣсти изъ за границы; онѣ надѣдаютъ правительству своими жалобами, требуютъ денегъ, требуютъ войскъ, ничего не получаютъ и сумасшествуютъ. Даже тамъ, гдѣ машина еще какъ будто дѣйствуетъ, въ администраціи царить полная неурядица; къ службѣ относятся спустя рукава; чиновники, переутомленные, не получающіе жалованья, чтобы не голодать, воруютъ; всѣ винты и колеса расшатаны; все ползетъ врозь. Фуше, стоя въ центрѣ, откуда ему видна вся картина, замѣчаетъ симптомы «общественной дезорганизаціи» ¹⁾.

Безъ сомнѣнія, бѣдствія, приведшія къ подобному результату, начались не со вчерашняго дня; десять лѣтъ они тяготѣли надъ Франціей, періодически то обостряясь, то сравнительно затихая; теперь, подъ вліяніемъ двухъ имѣющихъ связь между собою причинъ—вновь грозящей опасности извнѣ и накопленія гнетущихъ законовъ—ихъ разрушительная сила возрасла, тѣмъ болѣе, что сила сопротивленія и жизнеспособность страны, наоборотъ, ослабѣли, что она упала духомъ, что все уже, кажется, было испробовано, всѣ средства пущены въ ходъ—и напрасно: цѣль не достигнута. Рево-

¹⁾ Отчетъ министра общей полиціи за брюмеръ, *Aulard*, тотъ же томъ, стр. 70.

люція пережила болѣе ужасныя, болѣе кровавыя эпохи, но никогда еще ей не доводилось видѣть такого глубокаго упадка общественнаго дѣла и мнѣнія. Чтобы найти что либо подобное тогдашнему состоянію цѣлыхъ областей Франціи, пришлось бы итти далеко, или окунуться въ далекое прошлое. Нѣсколько позже мамелюкъ изъ Джедды, привыкшій къ восточной анархіи, высадившись въ Провансѣ, чувствуетъ, что онъ какъ будто снова попалъ на родину; онъ видитъ во Франціи «бедуиновъ»¹⁾, т. е. кочевниковъ, которые бродятъ шайками и грабятъ проѣзжихъ, видитъ чиновниковъ, которые отправляются собирать налоги во главѣ вооруженнаго отряда и взимаютъ дань мечемъ, подобно турецкимъ пашамъ или мароккскимъ султанамъ. Революція довела Францію до того, что она уподобилась восточнымъ имперіямъ. Порожденная безмѣрной надеждой обновленія, обвѣяная вначалѣ великимъ дыханіемъ идеала, въ данный моментъ, революція, постоянно попирая на практикѣ свои основные принципы, являетъ примѣръ возвращенія къ варварству и грубѣйшаго регресса; новое начало въ ней едва проглядываетъ сквозь уродство противорѣчій, безчинствъ и преступленій.

¹⁾ „Mémoires de Roustam“. („Revue retrospective“, t. VIII, 1868).

Глава V.

Республиканскія побѣды.— Возвращеніе Бонапарта.

Состояніе умовъ; призываетъ-ли Франція Цезаря?—Прострація народа.— Безучастіе и неурядица въ другихъ классахъ общества.— Успѣхи роялизма.— Крестьяне и Бонапартъ.— Внѣшняя опасность надвигается.— Якобинцы снова переходятъ въ наступленіе.— Сійэсъ и его друзья выработываютъ планъ переворота.— Роль Люсьена.— Парижъ въ концѣ лѣта.— Первый бюллетень побѣды.— Бергенъ.— Цюрихъ.— Полезное волненіе.— Суворовъ въ Швейцаріи.— Парижъ трепещеть.— Бонапартъ напоминаетъ о себѣ бюллетенемъ о битвѣ подъ Абукиромъ.— Три побѣды сразу.— Рядъ толчковъ оживляетъ настроеніе общества; рѣшительный ударъ.— Первый слухъ о высадкѣ Бонапарта.— Отъ Фрежюса до Ліона.— Сійэсъ, Моро и Боденъ Арденнскій.— Парижъ днемъ 22 вандемьера.— Овація черни.— Правительство, совѣты, партіи, арміи, народная масса.— Какъ должно толковать пріемъ, оказанный Бонапарту.— Революція и миръ.

1.

Среди этого убожества, неурядицы и общаго смятенія что-же думаетъ, куда идетъ Франція? Правители, дискредитированные въ мнѣніи народа, депутаты, чиновники, члены якобинскихъ комитетовъ, возвращенные изъ ссылки эмигранты, вандейскіе и нормандскіе шуаны, бретонскіе удалцы, *шофферы* юга, бунтующіе рекруты и новобранцы, сколько бы ихъ ни было, вѣдь это еще не вся Франція; въ концѣ концовъ это лишь ничтожная часть ея. Огромное большинство населенія состоитъ изъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы только жить и работать, кто страдаетъ отъ этой неурядицы, не способствуя ей. Среди этихъ милліоновъ замѣчается-ли какое-нибудь сложившееся настроеніе, опредѣленное стремленіе къ

принципу порядка и власти? Имѣется-ли состояніе умовъ, благопріятное появленію Цезаря? Можно-ли сказать, что Франція обдуманно ищетъ человѣка, спасителя, повелителя, Бога, дѣло котораго деспотически усмирить ее и все привести въ порядокъ? Безспорно, не было еще страны, болѣе созрѣвшей для диктатуры, чѣмъ Франція въ то время; но все же она шла къ этому безсознательно, увлекаемая скорѣе силою обстоятельствъ, чѣмъ обдуманнымъ соглашеніемъ умовъ, способныхъ хотѣть. Зоркіе наблюдатели, свидѣтели, не захваченные вихремъ бури, смотрѣвшіе на нее сверху и потому видѣвшіе дальше другихъ, давно уже предвѣщали появленіе диктатора и, еще не видя его, видѣли его тѣнь, поднимающуюся на горизонтѣ. Екатерина II съ геніальной прозорливостью предсказала это передъ смертью. Еще въ 1792 году памфлетистъ Сюло, поступившій на службу въ армію Кондэ, призывалъ «блистательный и гордый кромвельзмъ»; «я хладнокровно повторяю, что Богъ, покровительства котораго я молю для своей партіи — это деспотъ, при условіи, что онъ будетъ, кромѣ того, и геніальнымъ человѣкомъ»¹⁾. Въ политическомъ мірѣ каждый вождь партіи искалъ поддержки какого-нибудь генерала, помощи его меча, но намѣреваясь при этомъ остаться той рукой, которая будетъ направлять этотъ мечъ, подчиняя военную силу гражданской. Въ этихъ резонирующихъ полуобразованныхъ группахъ, не чуждыхъ историческимъ воспоминаніямъ, всѣ знали, что обезумѣвшія революціи выдвигаютъ, въ концѣ-концовъ, Цезаря или Кромвеля, но съ ужасомъ отталкивали отъ себя эти ненавистные призраки. Идея о единичномъ деспотѣ, вышедшемъ изъ массы и на нее опирающемся, по прежнему была всѣмъ омерзительна.

Даже тѣ, кто охотно принялъ-бы деспота, кто, можетъ быть, призывалъ его, покраснѣли-бы, еслибъ имъ пришлось въ этомъ сознаться. 27 фрюктидора Люсьенъ съ трибуны пятисотъ заговорилъ о необходимости сплоченія и концентрированія власти. «Диктатура!» иронически воскликнулъ кто-то. И вызванный призракъ диктатуры привелъ совѣтъ въ такое негодованіе, что Люсьену пришлось объясняться,

¹⁾ Дневникъ Сюло, выдержки *Goncourt* въ его книгѣ „*La Société française sous le Directoire*“ 431—432.

кричать громче другихъ, возмущаясь противъ всякаго намека на диктатуру, чтобы покрыть этотъ единодушный протестъ¹⁾. Пустыя слова, трескучія фразы—скажутъ намъ; пусть такъ, но революціи не понять, если не принимать въ расчетъ необычайной власти, которую имѣли въ то время надъ людьми слова и формулы. Въ глубинѣ народныхъ массъ, не читавшихъ исторіи, большинство не знало, кто такіе были Цезарь и Кромвель. Однако, мысль возложить на одного чевѣка заботу о благѣ всѣхъ была присуща нашему латинскому уму; восемь вѣковъ монархіи на римской образецъ привили ее намъ, но при этомъ приспособивъ ее въ интересахъ извѣстнаго класса; идея возможности найти внѣ этого класса деспота-преобразователя жила въ народѣ, но въ очень смутномъ видѣ; то былъ инстинктъ, не выработавшійся въ доктрину, но превращенный въ страсть. Обратитесь къ безчисленнымъ свидѣтельствамъ, къ отчетамъ чиновниковъ, полиціи, гражданскихъ и военныхъ агентовъ, описывавшихъ тогдашнее состояніе умовъ. Ни въ одномъ мы не находимъ отголоска, крика, такъ часто раздававшагося впоследствии: «Человѣка! намъ нуженъ человѣкъ!» т. е. вождь, не обязательно окруженный престижемъ наслѣдственной власти, но гражданинъ, вышедшій изъ массы, достаточно сильный, чтобы возвыситься надъ нею, сплотить ее и стать ея господиномъ.

Причина проста. Духъ цезаризма былъ привитъ Франціи уже впоследствии Бонапартомъ — консуломъ и императоромъ, трагическимъ великолѣпиемъ его царствованія, его владычествомъ надъ духомъ вѣка. Цезаризмъ—это прибіжище дней великаго смятенія, это страшное лекарство, которое спасаетъ и убиваетъ въ одно и то же время — это наслѣдство Бонапарта. Онъ такъ глубоко впрыснулъ намъ это лекарство, что нація пропиталась имъ до мозга костей, и дѣйствіе его сказывается время отъ времени еще и теперь, вѣкъ спустя, къ выгодѣ его наслѣдниковъ или подражателей. Рядъ поколѣній жилъ и живетъ подъ обаяніемъ воспоминанія о немъ; изъ глубины своей могилы онъ продолжаетъ воздвигать цезарей. До его восшествія на престолъ въ 1799 г. многимъ французамъ трудно было представить себѣ возвра-

1) См. отчетъ о засѣданіи „Publiciste'a“.

щеніе къ порядку, къ какой-либо иной формѣ, кромѣ возстановленія монархіи. Въ этомъ согласны всѣ свидѣтели. Бунтовщики и смутьяны, и тѣ, кто не хочетъ идти на войну, и женщины, которыя хотятъ, наперекоръ жандармамъ, устроить процессію,—всѣ онѣ кричатъ «да здравствуетъ король!» кричатъ ради оппозиціи, если не по убѣжденію. Изъ отвращенія къ настоящему, призываютъ прошлое. Дайте Франціи республику, приспособленную къ ея потребностямъ, уважающую ея уцѣлѣвшія старыя традиціи и отвѣчающую ея новымъ стремленіямъ, глубоко проникнутымъ теперь идеей равенства, Франція восторженно приметъ ее; «но имя республики дали учрежденію, мѣропріятіямъ, людямъ, которые ей ненавистны. Противоположность республикѣ—королевская власть; директорію можетъ прогнать только король,—такъ дайте же намъ короля...»¹⁾

Притомъ-же въ народѣ многіе путемъ естественнаго сужденія связываютъ идею королевской власти съ идеей мира, прекращенія войны съ монархической Европой. Республика все завоевала, кромѣ мира; теперь она понемножку все теряетъ и съ нею уже не видно было конца этому тягостному изнурительному усилю, отъ котораго умирала Франція. Король — это все-же выходъ; мало-по-малу общество примирялось съ этой идеей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ говорили: «Скоро всему конецъ — у насъ будетъ король; такъ стоитъ-ли отправлять рекрутовъ»²⁾. Въ Ионнѣ, Аллье рекруты отказываются выступать, крича: «да здравствуетъ король!»³⁾. Тотъ же крикъ слышится въ Шалонѣ, когда бунтуютъ вспомогательные батальоны⁴⁾. На югѣ солдаты говорятъ: «мы не можемъ больше обойтись безъ короля»⁵⁾. Изъ Тараскона сообщаютъ, что «среди охотниковъ 13 полка, наканунѣ дня, соотвѣтствующаго празднику св. Людовика, слышались подстрекательства къ мятежу»⁶⁾. Въ самомъ Парижѣ контръ-революція поне-

1) *La Fayette*, V, 107—108.

2) Военный архивъ, общая переписка.

3) Отчетъ общей полиціи за вандемьеръ VIII года *Aulard*.

4) *Ibid.*, 24.

5) Военный архивъ и общая переписка, 13 термидора.

6) „*Publiciste*“ 16 фрюктидора. Этотъ фактъ подтверждается и административными отчетами.

многу дѣлаеть успѣхи въ предмѣстьяхъ; еще въ мессидорѣ въ предмѣстьѣ Монсо циркулировалъ адресъ французовъ принцу Кондэ. «Нѣкоторые рабочіе въ кабачкахъ на Бенвильской дорогѣ ждуть упраздненія всѣхъ республиканскихъ учреждений; да и въ другихъ мѣстахъ торговцы шепотомъ сообщаютъ другъ другу, что въ день св. Людовика король опять взойдетъ на тронъ, и вотъ тогда-то они заторгуютъ». Даже среди военныхъ, въ группахъ драгуновъ и стрѣлковъ, напивающихся въ загородныхъ кабакахъ въ *десятые* дни, слышны контръ-революціонныя рѣчи, а на парижскихъ улицахъ продавщицы цвѣтовъ кричатъ: «кто хочетъ *пять букетовъ за одинъ луи* ¹⁾ ²⁾».

Директорія замѣтила опасность; 17 фрюктидора она выпускаеть прокламацію, направленную исключительно противъ опасности, грозящей справа. Обращаясь къ низменнымъ чувствамъ, эксплуатируя страхъ, она твердитъ, что всѣ французы, въ какой бы то ни было степени причастные революціи, солидарны между собой, что всѣмъ имъ, въ случаѣ наступленія реакціи, грозятъ тѣ же притѣсненія, то же мщеніе; для характеристики этихъ грядущихъ бѣдствій, она находитъ страшныя слова, рѣзкія, яркія краски, и настойчивость ея рѣчей показываетъ, какъ великъ ея страхъ.

Слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что во Франціи большинство было въ то время роялистическимъ? Самое большее можно сказать, что дѣло клонилось къ тому. Продлиась анархія, царившая при директоріи, и побѣды иностранцевъ надъ нашими войсками,—возможно, что большая половина французовъ сдѣлалась бы роялистами, хотя, конечно, снова превратились-бы въ ярыхъ революціонеровъ, опять извѣдавъ крайности королевской власти. Въ концѣ VII года, Франція, по всей вѣроятности, примирилась бы съ королевской властью, но, конечно, не поднялась бы всенародно ради ея возстановленія.

За исключеніемъ меньшинства, немногихъ, особенно ярыхъ группъ, даже у роялистовъ по призванію и по тен-

¹⁾ Донесенія генеральнаго штаба, 9 и 10 фрюктидора. Національный архивъ А—F, III, 168.

²⁾ Т. е. замѣнить пятерыхъ членовъ Директоріи однимъ королемъ Людовикомъ.

денці преобладаетъ личный эгоизмъ; духъ же предпріимчивости и самопожертвованія отсутствуетъ; по словамъ республиканскаго генерала, командовавшаго гарнизономъ Гавра, «партія оппозиціи не дастъ и трехъ франковъ за реакцію» ¹⁾. Въ Парижѣ, если бы кто вздумалъ прибѣгнуть къ мѣрамъ насилія, «на сто тысячъ доброжелателей», онъ не нашелъ бы и «шести сотрудниковъ» ²⁾. Народъ безучастенъ и находится въ полной простраціи. Застой умовъ, все возрастающее безволіе, исчезновеніе гражданскихъ чувствъ, охлажденіе къ общественному дѣлу, равнодушіе къ участи республиканскихъ учрежденій, беззаботность, апатія,—вотъ слова, безпрестанно повторяющіяся, какъ неизмѣнная и монотонная жалоба въ отчетахъ агентовъ. Масса идетъ вслѣдъ за событіями, не пытаясь больше принимать въ нихъ дѣятельнаго участія; неспособная хотѣть и даже надѣяться, впадшая въ какое-то тупоуміе, она ни съ которой стороны и ни отъ кого больше не ждетъ спасенія. Было, однакожь, необыкновенное существо, свержающимъ метеоромъ пронесшееся въ пространствѣ, поражая и приковывая воображеніе, на мигъ наполнившее огромную пустыню, въ которую превратилась французская мысль. То былъ человѣкъ; онъ исчезъ, но память о немъ осталась. Во всей странѣ непоколебима одна только репутація, дѣйствительно изъ ряда вонъ выходящая, колоссальная, несравненная—репутація Бонапарта. Отчеты о его побѣдахъ еще висятъ на стѣнахъ всѣхъ коммунахъ. Его имя повторяютъ въ самыхъ скромныхъ хижинахъ самыхъ глухихъ деревень. Его знаютъ, главнымъ образомъ, какъ великаго полководца, но смутно чувствуютъ, что все пошло бы лучше, если бы вернулся этотъ человѣкъ. Зачѣмъ его нѣтъ? Посетель *Фьева*, уединенно жившій въ окрестностяхъ Реймса, нерѣдко бесѣдовалъ съ крестьянами. «Всѣ спрашивали его, что слышно новаго о генералѣ Бонапартѣ и почему онъ не возвращается во Франціи; о директоріи никто никогда не спрашивалъ» ³⁾.

Внѣшній врагъ все приближался. Въ Голландіи англо-русская армія наступала, отодвигая наши войска къ гра-

1) Военный архивъ, общая переписка 16-го мессидора.

2) *La Fayette*, V, 101.

3) „Correspondance de Fievée“, Введеніе CLXI.

ницѣ; часть ея, отклонившись отъ операціонной линіи, шла на сѣверъ, черезъ узенькую провинцію, лежащую между Зюйдерзее и моремъ, и приближалась къ Амстердаму. У Рейна французы перешли было въ наступленіе, но потерпѣли неудачу. Армія эрцъ-герцога Карла поднималась по рѣкѣ правымъ берегомъ; взяла Мангеймъ, французское укрѣпленіе, прикрывавшее мостъ по ту сторону Рейна, и угрожала Майнцу.

Въ Италіи австрійцы Меласа, сражаясь съ нашей лигурійской арміей, въ то же время начинали оказывать давленіе на департаментъ Морскихъ Альпъ, наводненный мятежниками и *барбеттами* ¹⁾. Нѣсколько выше они производили развѣдки и рекогносцировки въ альпійскихъ ходахъ.

И все же наше положеніе было бы непоправимо скомпрометировано только въ томъ случаѣ, если бы республиканцы потеряли Швейцарію, этотъ массивъ вершинъ и ледниковъ, втиснутый между Германіей и Италіей, этотъ выдавшійся впередъ бастионъ, этотъ огромный плацъ-парадъ, откуда наши солдаты всегда могли-бы парализовать грозящее имъ съ двухъ сторонъ нападеніе, безпокая непріятеля съ фланговъ. Союзники, въ концѣ концовъ, почувствовали это. Послѣ многихъ спорныхъ пререканій, они рѣшили предпринять въ Швейцаріи что-нибудь крупное. Тридцать тысячъ русскихъ Корсакова, двадцать пять тысячъ австрійцевъ Гоца и Елачича должны были прижать Массену между Цюрихомъ и Люцерномъ; Суворовъ же, поднимавшійся отъ Милана къ сѣверу съ двадцатью тысячами человекъ—обойти нашу армію черезъ Альпы и напасть на нее съ тыла. Еслибъ ему удалось поставить Массену между двухъ огней, раздавить его и соединиться съ Корсаковымъ и Гоцемъ, ничто уже не остановило бы его побѣдоноснаго шествія: вступивъ побѣдителемъ въ Люцернъ, онъ на другой день былъ бы въ Базелѣ, на третій, на порогъ Эльзаса и черезъ Бельфортскую пробоину, эту щель въ нашихъ границахъ, проникъ бы въ Франшконтэ, гдѣ роялистская

¹⁾ *Барбеттами* называли протестантовъ, жившихъ въ этой мѣстности.

партія была многочисленна, хорошо организована и нетерпѣливо ждала его.

Наши пограничные департаменты чувствовали опасность. Эльзась, Дофинэ, Провансъ начинали бояться. Суворовъ и русскіе страшно дѣйствовали на народное воображеніе; ихъ представляли себѣ гигантами-варварами, непобѣдимыми, неотразимыми, великимъ резервомъ юга, обрушившимся на Францію. Наши крестьяне понимали, что вторженіе иноземцевъ было-бы для нихъ страшнымъ бѣдствіемъ; но гдѣ взять необходимыхъ довѣрія и пылкости, чтобъ отразить его? Мѣстами проявлялись остатки энергіи ¹⁾; но нигдѣ не замѣчалось общаго движенія, ни слѣда того душевнаго подъема, который въ 1792 и 1793 годахъ сдѣлалъ Францію, возставшую на иноземца, великой и страшной. А, между тѣмъ, въ душѣ французскаго народа таился глубокой запасъ жизненныхъ силъ, сокровища скрытой энергіи; но эти силы дремали, не направляемыя, не управляемыя, подъ гнетомъ унижающаго, опозореннаго режима. Классы, нѣкогда богатые, или зажиточные, страдая подъ этимъ ненавистнымъ гнетомъ, ждали иноземца, быть-можетъ, призывали его; въ Марсели женщины ввели въ моду уборы à la Суворовъ, ленты и шляпки à la Шарлоттъ, въ честь эрцгерцога Карла ²⁾; въ совѣтѣ пятисотъ одинъ ораторъ съ трибуны обличалъ марсельцевъ, которые обучались русскому языку, чтобы удобнѣе бесѣдовать съ своими избавителями.

Въ Парижѣ, вдали отъ врага, больше всего боялись, какъ бы вторженіе его въ наши предѣлы не вызвало усиленія внутренней опасности, возврата страшныхъ дней. Побѣжденные 27-го и 28-го фрюктидора, т. е. якобинцы, были отнюдь не уничтожены и не мирились со своимъ поражениемъ. Изгнанные изъ Манежа анархисты предмѣстья по прежнему *разъярялись при мысли* о вооруженной попыткѣ. Носились слухи, что они обратились съ воззваніемъ къ

¹⁾ Въ своемъ отчетѣ объ общемъ положеніи республики, отъ 12 вандемьера, Фуше говоритъ о крестьянахъ Верхнихъ Альпъ: „При первомъ извѣстіи о приближеніи врага, они вооружились по собственному почину, съ твердой рѣшимостью побороть его“. *Aulard* „État de la France en l'an VIII et en l'an IX, p. 9.

²⁾ Военный архивъ, общая переписка, письмо марсельскаго комиссара, отъ 14 термидора.

своимъ союзникамъ въ департаментахъ и намѣревались поставить на ноги всю партію.

Хотя городскую заставу запрещено было переходить безъ паспорта, въ городъ ухитрялись проникать какія-то подозрительныя личности съ зловѣщими лицами. Ихъ встрѣчали подь вечеръ; они бродили по улицамъ, какъ увѣряли, сходясь для тайныхъ совѣщаній, узнавая другъ друга по условнымъ знакамъ и паролямъ; у нихъ имѣлись свои таинственные обряды. «Это было нѣчто въ родѣ масонскихъ ложъ» ¹⁾. Парижъ каждый вечеръ, засыпая, дрожалъ при мысли, что утромъ его, быть можетъ, ждетъ ошеломляющій сюрпризъ — избіеніе заключенныхъ въ тюрьмахъ, или нашествіе варваровъ ²⁾.

«Директора, въ своемъ люксембургскомъ дворцѣ, пребывали въ состояніи взаимнаго недовѣрія; они видѣли, что машина вся испортилась, и не смѣли сознаться въ этомъ» ³⁾. Политическій и парламентскій міръ по прежнему кишѣлъ интригами; ежеминутно въ немъ завязывались тайныя ковы, подпольные заговоры, сталкивались, перепутывались, рвались и распадались. Вчерашній планъ сегодня признавался никуда не годнымъ: «Вліятельные люди мѣняютъ свои рѣшенія по два по три раза въ теченіе одной декады» ⁴⁾. Иной разъ, кажется, вотъ-вотъ наступитъ развязка; въ путаницѣ сверкнетъ блестящій клинокъ, обрисуется энергическій профиль генерала; затѣмъ видѣніе расплывается, и снова все покрыто мракомъ. Слабодушіе, соперничество низшихъ, измѣны, — вотъ что мѣшало каждому плану быть доведеннымъ до конца и привести къ чему-нибудь; люди и партіи тратили время на безсильныя попытки.

Въ совѣтѣ пятисотъ по временамъ брали верхъ якобинскіе депутаты; они до извѣстной степени отплатили Сійэсу и умѣреннымъ за свою неудачу въ фрюктидорѣ. А такъ

¹⁾ „*Le Surveillant*“, 21 вандемьера.

²⁾ Какіе ужасные проэкты зрѣли въ нѣкоторыхъ умахъ, видно изъ признаній, сдѣланныхъ Норвэну, въ то время содержавшемуся въ тюрьмѣ *Силы* (*Force*), нѣкимъ Метжемъ (*Metge*), съ которымъ мы еще свидимся при Консульствѣ. „*Mémorial de Norvins*“, II, 197, 203—205).

³⁾ *Cambacérés*, „*Eclaircissements inédits*“.

⁴⁾ *La Fayette*, 124.

какъ ярые республиканцы не могли отрѣшиться отъ мысли, что Сійэсъ исподтишка ведетъ съ иноземцемъ переговоры о мирѣ, который принудитъ Францію вернуться къ своимъ прежнимъ границамъ и принять короля, контрабандой ввезеннаго изъ за границы, якобинцы заставили совѣтъ пятисотъ вотировать слѣдующую резолюцію: «объявляются измѣнниками отечества и будутъ казнены смертию всякіе посредники, генералы, министры, директора, народные представители или какіе-бы то ни было французскіе граждане, которые осмѣлятся принять, или же предложить и поддерживать условія мира, клонящіяся къ измѣненію или къ отмѣнѣ въ цѣломъ или отчасти Французской Республики» ¹⁾. Угроза была направлена главнымъ образомъ противъ Сійэса. Старѣйшины, когда пришелъ ихъ чередъ утвердить постановленіе, стали возражать, указывая на невозможность для правительства вести переговоры, если ему будетъ воспрещена уступка даже небольшого клочка территоріи; они затягивали пренія и, въ концѣ концовъ, вѣроятно, отклонили бы предложеніе. Якобинскіе депутаты, чувствуя свое безсиліе добиться полного господства на парламентской аренѣ, снова вошли въ соглашеніе съ своими союзниками изъ низшихъ классовъ и мечтали о насильственномъ переворотѣ.

Съ своей стороны Сійэсъ и его друзья по прежнему обдумывали свой планъ переворота, откладывая на неопредѣленное время его осуществленіе, совѣщались, напрасно искали средства, искали челоуѣка. Они наконецъ выработали планъ, предполагавшій соучастіе и даже инициативу старѣйшинъ ²⁾. Этотъ самый планъ былъ осуществленъ въ брюмерѣ. Все въ немъ было предусмотрено, кромѣ имени генерала, которому слѣдовало поручить его выполненіе. Позондировали Макдональда, но онъ отказался ³⁾. Ждали Моро, но особенно на него не рассчитывали. Произошло нѣчто важное ⁴⁾: Люсьенъ Бонапартъ близко сошелся съ Сійэсомъ и присоединился къ заговору. Онъ принималъ участіе въ совѣщаніяхъ и усердно работалъ на пользу своего патрона, не оставляя, однако, своихъ личныхъ тайныхъ замысловъ и

¹⁾ Засѣданіе 6-го дополнительнаго дня VII-го года, „*Moniteur*“.

²⁾ *Lucien Bonaparte* „*Révolution de Brumaire*“, 14—19.

³⁾ „*Souvenirs du maréchal Macdonald*“, 114; *La Fayette*, V, 124.

⁴⁾ „*Mémoires de Lucien*“ I, 388—89.

не желая быть только картой въ игрѣ Сійэса. Онъ готовъ былъ стать союзникомъ, но его недисциплинированная натура никогда не позволяла ему подчиниться. О Баррасѣ, напротивъ, говорили, что онъ опять якшается съ темными личностями и потворствуетъ проискамъ якобинцевъ ¹⁾.

Фуше ополчился на печать, карая поочередно и тѣ газеты, которыя отстаивали якобинцевъ, и тѣ, которыя ихъ ругали; не было декады, когда бы полиція не закрыла незаконно какой-либо газеты и не опечатала станковъ; тогда газета переключивалась въ другую типографію и появлялась подъ другимъ названіемъ, повторяя тѣ-же нападки; порой названіе лишь слегка измѣнялось; такъ на примѣръ: *Другъ Законовъ Пульсье* преобразился въ *Газету Пульсье, другъ законовъ*. Журналъ: *Газета Свободныхъ людей* переживала уже третье превращеніе и называлась теперь просто *Газета Людей*; редакція и содержаніе остались тѣ-же, только въ заглавіи однимъ словомъ меньше. Правительство, такимъ образомъ, вызывало ненависть къ себѣ своимъ произволомъ, но не достигало цѣли: ему не удавалось убѣдить Парижъ въ своемъ могуществѣ, успокоить его, оживить хоть немного.

Парижъ безъ настоящей роскоши, безъ собственныхъ экипажей, безъ дѣловыхъ оборотовъ умиралъ отъ истощенія и тревоги. Въ среднихъ, болѣе или менѣе мыслящихъ классахъ наблюдалась какая-то истома, перемежающаяся конвульсивными встрясками, время отъ времени нарушаемая опѣпѣніемъ, отвращеніемъ къ настоящему, страхомъ будущаго, сознаниемъ, что такъ продолжаться не можетъ, и безсиліемъ что либо предпринять. Уличныхъ беспорядковъ не было, но группы рабочихъ не у дѣлъ, тоскливыхъ и угрюмыхъ, по цѣлымъ днямъ толкались у *воротъ Мартина*. Разносчики газетъ надрывались, выкрикивая сенсационныя новости, хотя законъ разрѣшалъ выкрикивать только названія газетъ, не упоминая о содержаніи. Полиція напрасно охотилась за ними: «почти невозможно установить нарушеніе закона свидѣтельскими показаніями, такъ какъ свидѣтели разбѣгаются или отказываются подписать протоколъ ²⁾».

¹⁾ *La Fayette* V, 124.

²⁾ Отчетъ центральнаго бюро за вандемьеръ VII-го года. Национальный архивъ А—F IV. *Aulard* „Paris pendant la réaction thermidorienne“, etc., V, 767.

Въ театрахъ, въ большихъ кафе тонъ задають роялисты. Въ Тюльерійскомъ саду всегда толпа гуляющихъ, которые не знаютъ, куда дѣваться отъ скуки и для развлечения перебиваютъ изъ пустого въ порожнее; сплетники перебѣгаютъ отъ одной группы въ другой и, сами ничего не зная, предсказываютъ въ ближайшемъ будущемъ контръ-революцію или терроръ; за отсутствіемъ точныхъ данныхъ, воображеніе разыгрывается во всю. Порой на перекресткѣ столкнешься съ индивидуумомъ, который открыто пророчествуетъ возстановленіе королевской власти; его арестуютъ и отправляютъ въ ссылку; вообще самоубійства, преступленія, аресты видишь въ большомъ количествѣ; вокругъ дворца Эгалитэ и другихъ публичныхъ мѣстъ поминутно рыщетъ полиція и жандармы, подстерегая слушниковъ закона; а въ двухъ шагахъ оттуда, едва стемнѣтъ, улицей завладѣваютъ грабители и мошенники. Однако мѣстами эти улицы, плохо освѣщенные и не безопасныя для прохожихъ, оживляютъ звуки музыки, веселыя ригурнели, призывающіе къ танцамъ; ярко освѣщенные портики, иллюминированные разноцвѣтными стаканчиками. Время отъ времени раздаются тяжелые шаги патрулей, они перекликаются между собой; въ воздухѣ звучитъ: *слушай, бе-ре-гись!* отряды линейныхъ солдатъ, національной гвардіи встрѣчаются, останавливаютъ безобидныхъ прохожихъ, заставляють ихъ предъавлять свои охранительныя грамоты, но не трогаютъ воровъ и уличныхъ женщинъ, оставляють безъ надзора притоны веселья и разгула; Парижъ ночью—это нѣчто среднее между городомъ на осадномъ положеніи и залой публичнаго бала ¹⁾).

Парижъ продолжалъ вести ту-же жизнь, которою онъ жилъ съ термидора, полную шумныхъ общедоступныхъ развлеченій. Театръ оставался потребностью для парижанъ; чтобы уйти отъ дѣйствительности, они искали прибѣжища въ фикціи. Обанкротившаяся опера закрылась, но уже готовилась комбинація, благодаря которой, она должна была съ блескомъ возродиться изъ пепла. Другіе театры привлекали больше зрителей, чѣмъ могли вмѣстить, кишѣли плохо одѣтой

¹⁾ Смотри парижскія газеты, отчеты центрального бюро, изданные *Schmidt* т. III и полицейскія донесенія хранящіеся въ Национальномъ архивѣ А—F IV.

и шумливой публикой. Къ услугамъ парижанъ было множество развлеченій: новыя пьесы, съ успѣхомъ шедшіе водевили, Франкони съ его циркомъ, модныя гулянья, выставки картинъ, открытіе салона живописи въ Луврѣ, обыкновенно приходящееся на фрюктидоръ¹⁾; иногда даже парадные обѣды въ министерствахъ, церемоніальные визиты, приемы пословъ у Барраса въ его замкѣ Гробуа. Не прекращались и революціонные праздники, хотя каждый разъ возникало опасеніе, какъ-бы праздникъ не послужилъ поводомъ къ беспорядкамъ; 18 фрюктидора не рѣшились даже устроить примѣрной маленькой войны, войска маневрировали на Марсовомъ полѣ съ заряженными ружьями и пушками²⁾. Собирались праздновать 1-ое вандембера, день республиканскаго новаго года, но официальная часть этихъ торжествъ «теперь уже никого не привлекаетъ на Марсово поле, кромѣ лицъ, участвующихъ въ программѣ»³⁾.

Въ лѣтнихъ развлеченіяхъ парижане также не терпѣли недостатка; никогда они еще не были такъ многочисленны, разнообразны и блестящи, какъ при директоріи. Тиволи иллюминировалъ свои боскеты, придумывалъ все новыя и новыя развлеченія: «пиротехническія пантомимы», спуски аэростатовъ, прогулки на воздушномъ шарѣ, полеты «воздушнаго флота»; Марбефъ и Биронъ усердно конкурировали съ нимъ; Марбефъ на мигъ привлекъ вниманіе всего Парижа шарлатанствомъ одного изобрѣтателя, который увѣрялъ, что онъ можетъ летать по воздуху при помощи особыхъ приборовъ. Публика шла смотрѣть на эти зрѣлища по привычкѣ и отъ нечего дѣлать, но увлеченія не выказывала. «Все здѣсь имѣетъ печальный видъ; зрѣлища и собранія, какъ прежде, многочисленны, и публики, какъ прежде, много, но веселье и безопасность, отличававшія прежде парижанъ, исчезли безъ слѣда», пишетъ госпожа Рейнаръ, которую мужъ по пріѣздѣ изъ-за

1) Весь Парижъ ходилъ на эту выставку, провѣрять эпизодъ съ m-ше Ланжъ, которую Жиродэ изобразилъ въ видѣ Данаи, осыпанной золотымъ дождемъ; это была месть, за то, что она не позволила ему написать свой портретъ.

2) *Brinkman*, 324—325.

3) *Schmidt*, „Tableaux de la Révolution“, III, 426.

границы, несмотря на свое званіе министра, повелъ для развлеченія въ Тиволи и къ Фраскати ¹⁾).

Вечеромъ въ Елисейскихъ Поляхъ, блистающихъ тысячью огней, подъ громъ оркестровъ гуляетъ толпа народа; женщины, разодѣтыя, расфранченныя, полунагія, подъ легкой дымкой свѣтлой кисеи, усѣвшись тѣсными рядами вдоль большой аллеи, наблюдаютъ за движеніемъ экипажей. Женщины изъ буржуазіи ходятъ въ Тиволи съ обнаженными руками и шеей, не думая о вечерней сырости, простуживаются и умираютъ черезъ нѣсколько дней ²⁾). При этой распушенности модъ и нравовъ и душевной неуравновѣшенности всѣ усилія развлечься и забыться оказывались недостаточными, — веселье не заглушало чувства омерзѣнія въ обществѣ, которому все надоѣло и опротивѣло, до него самого включительно. Къ тому-же ежеминутно шелъ дождь, портя всѣ приготовленія къ празднику, смывая краски декораціи, прибавляя еще больше унынія въ общее настроеніе, и безъ того не веселое. Въ это дождливое лѣто 1799 года, перемежающееся градами и жестокими ливнями, когда стихали уличныя волненія и якобинская агитація, весь городъ погрузался въ какое-то мрачное оцѣпенѣніе.

2.

Парижъ отвыкъ отъ вѣстей о побѣдахъ. Однако 1-го вандемьера, въ годовщину республики онъ былъ обрадованъ блестящимъ военнымъ подвигомъ: въ Голландіи Брюнъ, атакованный англо-русскими войсками близъ Бергена, далъ имъ яростный отпоръ и заставилъ отступить съ большимъ урономъ. Успѣхъ этотъ однако не былъ рѣшительнъ; армія герцога Йоркскаго, хоть и сильно пострадавшая, держалась стойко, прикрытая своими окопами и плотинами, и даже побѣдоносному Брюну предстояло чрезъ нѣсколько дней

¹⁾ „Lettres de madame Reinhard“ 86; *Thiébault*, „Mémoires“, III, 27—28.

²⁾ См. *Publiciste* за 20 фрюктидора, случай, рассказанный врачомъ *Ангранъ*, „чтобы отучить женщинъ отъ нелѣпой страсти появляться чуть не голыми въ нашихъ садахъ“.

отступить, очистивъ Алькмаёръ, и увести свои войска на другую позицію поближе къ Амстердаму.

Всѣ чувствовали, что рѣшительный бой долженъ разыгратъся въ Швейцаріи. Что же дѣлалъ Массена, съ полученными имъ подкрѣпленіями, съ многочисленной арміей? Почему онъ не рѣшилъ отгѣснить Корсакова и Гоца, прежде чѣмъ Суворовъ обойдетъ его черезъ Готардъ и прижметъ съ тылу? Напрасно Бернадотъ подбодрялъ и подстрекалъ его; директора, въ концѣ концовъ, рѣшили уволить его въ отставку, не оглашая этого сразу. Какъ вдругъ 7-го вандемьера съ театра войны прибылъ гонецъ съ извѣстіемъ о вторичномъ взятіи Цюриха и выигранномъ сраженіи, — на этотъ разъ настоящимъ большимъ сраженіи, крупной побѣдѣ, одной изъ самыхъ славныхъ и плодотворныхъ въ исторіи нашихъ войнъ. Французскія войска, переправившись черезъ Лимматъ, отбросили русскихъ и заперли ихъ въ городѣ, такъ что тѣмъ съ большимъ трудомъ удалось спасти свою пѣхоту, кавалерія же, артиллерія и обозъ были потеряны.

12000 враговъ были убиты и взяты въ плѣнъ; кромѣ того были захвачены всѣ знамена, 150 орудій, весь боевой матеріалъ; для арміи Корсакова это былъ настоящій прогромъ. Въ тотъ же день былъ убитъ Гоцъ и войска его въ беспорядкѣ отступили, тѣснимые Сультомъ (*Soult*).

Впечатлѣніе было довольно сильное. Давно уже Парижъ не испытывалъ такого благотворнаго волненія. Когда въ совѣтѣ пятисотъ офиціально объявили это извѣстіе, зала и трибуны огласились радостными кликами, а музыка заиграла «знаменитый мотивъ Карманьолы»¹⁾. Искреннимъ друзьямъ революціи будущее казалось теперь нѣсколько менѣе мрачнымъ, къ нимъ отчасти вернулась надежда: такъ значитъ это правда, республика еще можетъ быть спасена своими военными доблестями, неустрашимостью своихъ солдатъ и талантами своихъ полководцевъ.

Побѣда Массены какъ бы разрушила злыя чары и порвала цѣпь неудачъ; въ слѣдующіе дни приходили все пріятныя извѣстія, одно за другимъ; со всѣхъ сторонъ горизонтъ прояснялся. Въ Швейцаріи Суворовъ вышелъ изъ

¹⁾ *Moniteur*, засѣданіе 7-го вандемьера.

Сенъ-Готарда, но тутъ встрѣтилъ наши войска, которымъ теперь уже нечего было бояться со стороны Цюриха. Съ трудомъ отгѣснивъ Лекурба, онъ столкнулся съ Моли-торомъ; то были битвы великановъ. Суворовъ долженъ былъ соединиться съ Елачицемъ въ Швицѣ, но на пути туда стоитъ Массена; точно также закрыть путь въ Гларицъ, а на Люцернскомъ озерѣ нѣтъ австрійскихъ судовъ, чтобы переправить на другой берегъ его войска. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, со всѣхъ сторонъ задерживаемый и гонимый, онъ блуждаетъ теперь въ хаосѣ горъ, въ трудномъ бою съ грозной природой. Парижъ издала съ замираніемъ сердца слѣдить за всѣми подробностями этой агоніи. По телеграфу передаются неполныя, неточныя свѣдѣнія, вызывающія, однако, тревожныя надежды; нерѣдко сообщеніе прерывается подъ вліяніемъ атмосферическихъ измѣненій. Въ газетахъ напечатанъ обрывокъ депеши, приписываемой Массенѣ: «онъ защищается какъ догъ, но я держу его крѣпко». Сегодня сообщаютъ о гибели Суворова, завтра опровергаютъ это извѣстіе. Фактъ тотъ, что Суворовъ ведетъ отчаянную борьбу и, въ концѣ концовъ, пробивается; онъ находитъ убѣжище въ Куарѣ, но приводитъ туда лишь 6000 человекъ изъ 24,000, лишь остатки арміи, и Гельвеція все же является могилой его славы.

Побѣда подъ Бергеномъ оказывается не малою важной по своимъ нравственнымъ результатамъ; стремительность республиканцевъ въ этой стычкѣ смутила русскихъ; особенно пострадали они отъ нашихъ атакъ и жалуются, что англичане плохо помогали имъ; въ союзной арміи, повидимому, начался раздоръ; движеніе ея замедляется, замѣтны нерѣшительность, колебаніе. А вотъ и наглядныя доказательства, трофеи побѣды: пять непріятельскихъ знаменъ, присланныхъ Брюномъ съ однимъ бригаднымъ командиромъ; ихъ торжественно проносятъ по улицамъ въ Люксембургъ. На Рейнѣ имперскія войска выказываютъ меньше предпримчивости, не такъ часто атакуютъ наши посты; армія эрцгерцога Карла иммобилизирована вдоль праваго берега. Непритель вездѣ отступаетъ или останавливается; армія еще разъ спасла революцію, спасла ей жизнь, спасла честь; освобожденіе границъ является тѣмъ большимъ облегченіемъ для Парижа, что послѣ него требованія крайнихъ партій

утратили значительную долю своей силы; нанося съ размаху удары русскимъ, австрійцамъ и англичанамъ, Массена и Брюнь рикошетомъ разбивали якобинцевъ.

А побѣды продолжались. 13-го въ совѣтъ пятисотъ вводятъ гонца отъ директоріи. «Побѣда!» кричатъ при видѣ его, какъ будто теперь и рѣчи не можетъ быть о чемъ-либо иномъ. Принесенная имъ вѣсть, дѣйствительно, способна удивить и увлечь народное воображеніе.

Секретарь вскрываетъ пакетъ и громко читаетъ: «Исполнительная директорія препровождаетъ вамъ копію депеши, только что полученной ею отъ генерала Бонапарта . . .» Громъ рукоплесканій прерываетъ чтеца. Затѣмъ онъ продолжаетъ; собраніе не ошиблось; это на самомъ дѣлѣ Бонапартъ снова выступаетъ на сцену, напоминая о себѣ, какъ всегда, своеобразнымъ бюллетенемъ.— Вернувшись въ Египетъ со своими войсками, онъ опрокинулъ восемнадцатигысячную турецкую армію, высадившуюся на Абукирскомъ полуостровѣ, куда она была доставлена на англійскихъ судахъ, и произвелъ страшное избиеніе. Злополучное имя Абукиръ, роковое для французскаго флота, благодаря *ему*, теперь звучитъ побѣдой; въ письмѣ, написанномъ уже два мѣсяца тому назадъ и привезенномъ судномъ *Озирисъ*, проскользнувшимъ мимо непріятельскихъ флотовъ, онъ, въ свою очередь, сулитъ богатую жатву отвоеванныхъ знаменъ.—«Да здравствуетъ республика!»—кричатъ депутаты, вскакивая съ мѣстъ и размахивая своими тогами; музыка играетъ «*Ca ira*»; на трибунахъ рукоплещутъ, и всѣ дивятся неожиданной улыбкѣ фортуны. Суворовъ прижать къ стѣнѣ гдѣ то въ Альпійскихъ ущельяхъ, и Бонапартъ словно воскресъ изъ мертвыхъ ¹⁾.

18-го—новый театральнй эффектъ; около двухъ часовъ въ Парижѣ раздаются пушечные выстрѣлы, въ нѣсколькихъ мѣстахъ одновременно, и эти залпы повергаютъ въ трепетъ волненія парижанъ ²⁾. Что еще случилось? Это возвращаютъ новыхъ три побѣды заразъ.

Вслѣдъ за первой депешей Бонапартъ шлетъ вторую,

¹⁾ Отчетъ въ *Moniteur*'ѣ.

²⁾ См. парижскія газеты. Письмо г-жи Делессеръ къ Рейбазу, отъ 11-го октября 1799 г., сообщенное Жоржемъ Бертенъ.

извѣщая, что фортъ Абукиръ снова взятъ французами, и на Египетскомъ берегу не осталось ни одного вооруженнаго турка. Съ другой стороны, официально подтверждается отступление Суворова въ область Гризонъ. И, наконецъ, Брюнъ, снова атакованный англо-русскими войсками, разбилъ ихъ на голову подъ Гастрикум'омъ, захвативъ одиннадцать орудій и тысячу пятьсотъ плѣнныхъ. Побѣда на сѣверѣ, на югѣ, на востокѣ; всюду и вездѣ только побѣды.

Совѣты въ энтузіазмѣ особымъ декретомъ благодарятъ гельветическую, восточную и батавскую арміи за ихъ заслуги передъ отечествомъ. Ораторы совѣта пятисотъ не находятъ достаточно патетическихъ словъ для прославленія нашихъ храбрецовъ. «Какая счастливая переменна!—восклицаютъ газеты,—какой блестящій конецъ кампаніи!»¹⁾ Онѣ полны отчетовъ, обстоятельныхъ реляцій, подробностей битвъ, примѣровъ героизма, напоминающихъ золотыя времена освободительныхъ войнъ: послѣ битвы подъ Бергеномъ, командиръ русскаго экспедиціоннаго корпуса, генераль Гессе, взятый въ плѣнъ однимъ изъ нашихъ гренадеровъ, предлагалъ этому послѣднему крупную сумму за свое освобожденіе. «Я сражаюсь не ради денегъ, отвѣтилъ французъ, но ради славы», и ни за что не хотѣлъ, чтобы его произвели въ офицеры. «Снявъ съ себя саблю, я снова возьмусь за плугъ»²⁾. Въ Швейцаріи число трофеевъ побѣды все растетъ и растетъ; размѣры австро-русской катастрофы оказываются крупнѣе, чѣмъ думали вначалѣ; теперь, говорятъ, уже тридцать тысячъ солдатъ выведены изъ строя; черезъ Базель проводили цѣлыя колонны русскихъ плѣнныхъ, «и они вовсе не смотрятъ людоѣдами»³⁾. Проводили и плѣнныхъ гренадеровъ, въ шалкахъ «съ изогнутыми металлическими бляхами спереди», и красавцевъ бѣлыхъ гусаръ, и казаковъ съ длинными бородами до пояса. Въ Гастрикумѣ наша атака рѣшила побѣду; армія Йоркскаго, увязшая въ болотахъ и зыбучихъ пескахъ, обезсиленная лихорадками, капитулируетъ, съ условіемъ, чтобы ей позволили сѣсть на суда и вернуться домой. На Рейнѣ генераль

1) *Le Surveillant*, 22 вандемьера; *Le Publiciste*, отъ того-же числа.

2) *Moniteur*, 15 вандемьера.

3) *Le Publiciste*, 15 вандемьера.

Нэй рядомъ жаркихъ стычекъ освободилъ майнцскія апроши. И съ каждымъ изъ этихъ бюллетеней Парижъ понемногу просыпался отъ своей спячки, стряхивалъ съ себя равнодушіе. Парижъ волнуется, ликуеть, возрождается для высокихъ чувствъ. И, наконецъ, — словно судьба разсчитанно приберегала къ концу самый лучший эффектъ, — рядъ чудесныхъ вѣстей завершается самой необычайной, самой неожиданной вѣстью, не менѣе тяжкимъ ударомъ для коалиціи, чѣмъ потеря еще трехъ сраженій¹⁾: Бонапартъ во Франціи.

17 вандемьера — 9 октября, онъ высадился въ Санъ-Рафаэлъ, близъ Фрежюса; не дождавшись призыва директоріи, онъ уже сорокъ семь дней тому назадъ покинулъ Египетъ на фрегатѣ *Мюиронъ*, въ Аячціо столкнулся съ англійскимъ флотомъ, крейсировавшимъ вдоль береговъ Прованса, и чудеснымъ образомъ ускользнулъ отъ него. Съ нимъ были двое ученыхъ и пять генераловъ: Монжъ, Бертолле, Бертъе, Ланнъ, Мюратъ, Мармонъ, Андреосси, отрядъ мамелюковъ и проводники. Прибрежные жители, чтобы скорѣй увидѣть его, кинулись ему навстрѣчу и какъ-бы взяли на бордажъ его судно, давъ ему такимъ образомъ предлогъ избавиться отъ карантина. И вотъ, онъ на пути въ Парижъ, онъ идетъ, приближается, подымая повсюду бурю восторговъ и рукоплесканій. Объ этомъ уже говорятъ въ Парижѣ вечеромъ 21-го вандемьера; вѣсть о близости Бонапарта циркулируетъ, какъ слухъ, въ общественныхъ мѣстахъ, вызываетъ сенсацію въ театрахъ; иные вѣрятъ ей, другіе нѣтъ, но всѣ въ несказанномъ волненіи.

Странная сцена разыгрывалась въ это время въ Люксембургѣ. Сійэсъ у себя въ кабинетѣ ждалъ Моро, только утромъ прибывшаго изъ Италіи. Захвативъ Моро тотчасъ по пріѣздѣ, пока онъ не успѣлъ еще осмотрѣться, Сійэсъ разсчитывалъ побѣдить его колебанія и уговорить его стать во главѣ переворота. Въ это время ему принесли извѣщеніе о высадкѣ въ Фрежюсѣ побѣдителя Египта; онъ ждалъ Моро, — дождался Бонапарта.

Онъ послалъ за Бодэномъ Арденнскимъ, членомъ совѣта старѣйшинъ, однимъ изъ его интимныхъ друзей и повѣрен-

¹⁾ *Moniteur*, 23.

ныхъ. Ярый патріотъ и убѣжденный республиканецъ, Бодэнъ вѣрилъ въ необходимость героическихъ средствъ для спасенія республики и преобразованія государства; онъ былъ посвященъ въ планы Сійэса и ревностно содѣйствовалъ ихъ осуществленію. Въ кабинетъ директора онъ вошелъ одновременно съ Моро. Сійэсъ сообщилъ обоимъ великую новость. Лицо Бодэна выразило растерянность, удивленіе, безумную радость; онъ былъ видимо глубоко потрясенъ; въ его глазахъ, это былъ неожиданно возвратившійся преобразователь республики, человѣкъ, съ которымъ дѣло спасенія отечества не можетъ не увѣнчаться успѣхомъ. Онъ слышалъ, какъ Моро сказалъ Сійэсу: «Вотъ тотъ, кто вамъ нуженъ; онъ вамъ устроитъ переворотъ гораздо лучше меня!»¹⁾ Бодэнъ вышелъ, опьянѣвъ, почти одурѣвъ отъ радости, и помчался къ своимъ подѣлиться счастливой вѣстью. На другой день утромъ, поднявшись съ постели²⁾, онъ вдругъ свалился на полъ и умеръ; разнесся слухъ, что онъ умеръ отъ радости. Мгновенно вѣсть о чудесномъ возвращеніи изъ слуха стала фактомъ и разнеслась по всему городу; теперь уже всѣ вѣрили, и энтузіазмъ былъ колоссальный.

Теперь, когда границы внѣ опасности, директорія уже недовольна, что Бонапартъ опередилъ ея приказъ, и извѣщаетъ совѣтъ о его приѣздѣ въ *post-scriptum*'ѣ отношенія, гдѣ говорится главнымъ образомъ о Гастрикумѣ и о нашихъ успѣхахъ въ Голландіи. Вслѣдъ за курьерами, привезшими это извѣщеніе во Дворецъ Бурбоновъ, въ залу совѣта врывается толпа гражданъ и военныхъ³⁾. Отношеніе, довольно длинное, выслушано молча. Наконецъ докладчикъ переходитъ къ путаному заключенію: «Директорія имѣетъ удовольствіе сообщить вамъ, граждане представители, что получены также извѣстія о египетской арміи. Генераль Вертье, высадившійся 17-го сего мѣсяца въ Фрежюсѣ вмѣстѣ съ главнокомандующимъ генераломъ Бонапартомъ (его прерываютъ крики: *Да здравствуетъ республика!* все собраніе, какъ одинъ человѣкъ, встаетъ), и генералы Ланнъ, Мармонъ,

¹⁾ То-же.

²⁾ По частнымъ свѣдѣніямъ, сохранившимся въ семейныхъ преданіяхъ.

³⁾ Цитируемъ текстъ отчета въ *Moniteur*'ѣ отъ 23 вандемьера.

Мюратъ и Андреосси, граждане Монжъ и Бертолле, сообщаютъ, что они оставили французскую армію въ состояніи исполнѣ удовлетворительномъ». И тутъ публика приходитъ въ неистовый восторгъ, которому вторять привѣтственными кликами депутаты.

Собраніе не въ состояніи больше обсуждать текущія дѣла; оно задыхается отъ волненія. Нѣсколько ораторовъ и главнымъ образомъ Брю, никогда не упускающій случая поговорить, начинаютъ патріотическіе диѳирамбы; но когда депутатъ Труазѣфъ, въ свою очередь, пытается угостить публику рѣчью, его уже не слушаютъ; голосъ его теряется въ общемъ шумѣ; Гарро требуетъ, чтобы отложили засѣданіе; требованіе его исполняется при кликахъ «*Да здравствуетъ республика!*» и подъ звуки «любимыхъ пѣсенъ свободы»¹⁾.

Весь Парижъ на ногахъ и въ движеніи. Генераль Тьебо, рассказывая впечатлѣнія этого дня, говоритъ, что въ садахъ Пале-Рояля толпилось множество народу; поминутно образовывались группы вокругъ какого-нибудь знающаго человека, котораго слушали, затаивъ дыханіе; а затѣмъ слушавшіе кидались вразсыпную распространять новость дальше. Кто-то крикнулъ ему на бѣгу: «Генераль Бонапартъ высадился въ Фрежюсъ!»²⁾. И всюду, куда ни шелъ Тьебо, онъ видѣлъ тѣ-же приливы и отливы толпы, читалъ на лицахъ встрѣчныхъ ту-же новость. По улицамъ расхаживали оркестры гарнизонныхъ полковъ, въ знакъ общей радости угощая публику трескучимъ музыкальнымъ кавардакомъ. Ихъ провожала все выроставшая толпа народу, маршировавшая вслѣдъ за солдатами, стараясь итти въ ногу, по военному; впереди выступали маленькіе республиканскіе барабанщики, совсѣмъ еще дѣти. На бульварѣ опять другое зрѣлище: между двухъ шпалеръ солдатъ идетъ колонна русскихъ плѣнныхъ. Парижъ видитъ ихъ впервые. Ихъ ведутъ въ Рюэйльскія казармы кружнымъ путемъ, по бульвару и черезъ Елисейскія поля³⁾. Народъ добродушно толпится возлѣ нихъ, угощаетъ ихъ лакомствами, съ удовольствіемъ разглядываетъ эти живые трофеи; сегодня все какъ будто

¹⁾ *Moniteur*, 23 вандемьера.

²⁾ „Мемуары Тьебо“, III.

³⁾ Газеты за 23-е вандемьера „Письма г-жи Рейнаръ“.

соединилось для того, чтобы бодрить и веселить, наполняя душу радостнымъ восторгомъ. Вечеромъ во всѣхъ театрахъ о возвращеніи Бонапарта возвѣщаютъ со сцены; въ отвѣтъ раздаются крики; «браво!», аплодисменты, бѣшенный топоть; «даже въ харчевняхъ пьютъ за его возвращеніе; въ честь его поютъ пѣсни на улицахъ»¹⁾. Всѣ волнуются, радуются; никто не можетъ ни говорить, ни думать ни о чемъ другомъ; у многихъ влажны глаза; рука невольно тянется навстрѣчу другой рукѣ; это наплывъ чувствъ, напоминающій первые дни революціи, общій сердечный порывъ, расцвѣтъ душъ. Утромъ въ тотъ день Беранже, тогда еще очень юный, ничего не зная о происшедшемъ, зашелъ въ читальню; тамъ сидѣло человѣкъ тридцать; разнеслась новость, и всѣ читавшіе невольно вскочили съ мѣста съ крикомъ радости²⁾.

Эта радость, это волненіе передаются во всѣ концы Франціи. Опьяненному Югу, восторженному Парижу вторятъ главные города провинціи импровизированными празднествами въ честь и вчерашнихъ побѣдъ, и великаго событія, сулящаго новыя побѣды. За исключеніемъ Запада, поглощеннаго своими распрями, вся Франція на мигъ какъ-бы слилась въ одно цѣлое; одно имя, одна надежда снова объединила націю.

Въ чемъ же истинный смыслъ этого необычайнаго движенія? Наплывъ-ли это цезаризма, пробившійся наружу, неотразимый и грозящій все увлечь за собою? Приглядѣвшись ближе, окунувшись въ атмосферу эпохи, разобравшись въ ея страстяхъ и нуждахъ, начинаешь думать, что этотъ національный порывъ мѣтилъ и дальше, и выше. Грозившая опасность разсѣялась, но вѣдь война продолжалась. Врагъ былъ лишь отодвинутъ, но не покоренъ. Возвратившійся былъ великимъ полководцемъ; уже много вѣковъ міръ не видалъ такого завоевателя. Конечно, въ нашихъ арміяхъ не было недостатка въ предпріимчивыхъ и умѣлыхъ вождяхъ. Массена недавно только одержалъ блестящую побѣду. Сультъ выигралъ сраженіе, Брюнь цѣлыхъ два, но Бонапартъ выигралъ ихъ двадцать, сто! А главное, онъ имѣлъ

¹⁾ *Publiciste*, за 25-е

²⁾ „Моя біографія“ *Беранже*.

успѣхъ тамъ, гдѣ никто до него не пыталъ даже счастья; онъ одержалъ столько побѣдъ, что могъ окончить войну, навязавъ нашему главному врагу на континентѣ мирный договоръ, продиктованный почти въ виду Вѣны, миръ, являвшійся какъ бы прелюдией къ общему замиренію. Леобенъ и Кампо-Форміо возвеличили его не меньше, чѣмъ Аркола и Риволи. Если онъ вернулся теперь, то лишь для того, чтобы закончить свое дѣло, недостойно испорченное другими, чтобы исправить ошибки и упрочить успѣхи; онъ одинъ, кажется, способенъ довести до конца свою побѣдоносную миссію и завершить ея естественнымъ финаломъ: миромъ.

А народъ прекрасно понималъ, что главный источникъ гнетущихъ его золъ—затянувшаяся война. Она вызвала законъ о заложникахъ и прогрессивный налогъ; она послужила поводомъ якобинцамъ снова поднять свое ненавистное знамя; она поощряетъ къ заговорамъ и возстаніямъ роялистовъ; она, проклятая, умножаетъ наборы, отбираетъ у крестьянина лошадь и сына, бросаетъ въ лѣса и горы тысячи бѣглыхъ рекрутовъ, присоединяющихся къ разбойничьимъ бандамъ, чтобы сообща мучить Францію. Вотъ уже девять лѣтъ революція осложняется внѣшнимъ кризисомъ, увеличивающимъ ея бѣдствія и отягчающимъ злодѣянія. По мнѣнію народа, покончить съ революціей можно только, прекративъ войну¹⁾: Бонапартъ кажется ему человѣкомъ, пригоднымъ для выполненія такой задачи; французы ждутъ отъ него, и въ ближайшемъ будущемъ, именно того благодѣянія, котораго онъ не въ силахъ имъ дать; онъ воитель по натурѣ,—его привѣтствуютъ, по выраженію одной газеты, какъ «предтечу мира»²⁾.

¹⁾ „Письма г-жи Рейнаръ“, послѣ поѣздки изъ Тулона въ Парижъ. — „Какъ бы я желала, чтобы всѣ министры слышали крикъ, несшійся изъ всѣхъ устъ на протяженіи всего нашего пути отъ Марселя до Парижа! Мастеровые, крестьяне, узнавъ, на какой высокой постъ назначенъ Шарль (Рейнаръ), всѣ восклицали: „Дайте намъ миръ, гражданинъ-министръ! Скажите, что намъ нуженъ миръ!“ Это слово было у всѣхъ на устахъ, и оно до сихъ поръ звучитъ въ моемъ сердцѣ.

²⁾ *Publiciste* отъ 23-го. Въ донесеніяхъ генеральнаго штаба, повѣствующихъ о впечатлѣніи, произведенномъ нашими побѣдами

Безъ сомнѣнія, партіи всполошились, видя, что теперь надъ ними есть старшій и судья; для нихъ Бонапартъ, это неожиданно появившійся властелинъ; благодаря появленію на сценѣ этого новаго фактора, полного неожиданностей, приходится передѣлывать заново всѣ комбинаціи; политики въ тревогѣ; ихъ муравейникъ разметанъ однимъ ударомъ. Но для народной массы внутренній вопросъ остается на второмъ планѣ, ибо рѣшеніе его зависитъ отъ того, какъ разрешится внѣшній, а этому Бонапартъ Италійскій, Бонапартъ Египетскій несомнѣнно дастъ великое и славное разрѣшеніе. Журданъ справедливо пишетъ: «Проницательные люди предвидѣли, что онъ не замедлитъ завладѣть властью», но тутъ же добавляетъ: «Народъ видѣлъ въ немъ лишь неизмѣнно побѣдоноснаго генерала, предназначеннаго (возстановить честь оружія республики) ¹⁾ и затѣмъ дать ей возможность насладиться побѣдоноснымъ отдыхомъ. Вотъ почему народъ больше радуется его возвращенію въ вандемьерѣ, чѣмъ будетъ радоваться въ брюмерѣ захвату имъ власти. Нація ввѣряетъ ему не столько управленіе, сколько начальство, готова примириться даже съ тѣмъ, что гражданская власть станетъ только атрибутомъ военной. Нуженъ прежде всего мечъ, обращенный противъ иноземца, покровитель и защитникъ, непогрѣшимый и несокрушимый, подъ охраной котораго можно будетъ наконецъ отбросить страхъ и ожить; вотъ каковъ смыслъ грандіозной народной оваціи, устроенной Бонапарту.

Если крестьяне Нижнихъ-Альпъ толпами бѣгутъ по ночамъ провожать его съ факелами, оберегая его отъ разбойниковъ; если города, черезъ которые лежитъ его путь, устраиваютъ въ честь его иллюминаціи; если весь Ліонъ радостно поднимается ему навстрѣчу; если народъ танцуетъ на улицахъ, кружась въ вихрѣ пляски, и кричитъ («вивать») подъ окнами гостиницы, гдѣ онъ остановился ²⁾; если въ честь его оказывается необходимымъ наскоро сочинить и поставить у Целестинцевъ пьесу, гдѣ актеры невнятно бор-

и возвращеніемъ Бонапарта, говорится: „Всѣ предполагали, что это будетъ имѣть самые благодѣтельные для республики результаты, предвѣстники всеобщаго мира“.

¹⁾ Отчетъ о 18 брюмера.

²⁾ Мемуары Марбо, I.

мочутъ или читаютъ по книжкѣ свои роли, которыхъ они не успѣли выучить; если народный потокъ подхватываетъ его карету и какъ будто несетъ ее; если достаточно слуха о его приближеніи, чтобы на протяженіи десяти миль всѣ города, деревни, отдѣльныя усадьбы, почтовые станціи расцвѣтились флагами, а городскіе обыватели и поселяне нарядились въ національныя кокарды и выстроились на пути трехцвѣтными шпалерами¹⁾; если все населеніе юга и юго-востока растерянно тѣснится и жметъ къ нему—это оттого, что въ немъ видятъ спасеніе и защиту отъ иноземца, который стоитъ недалеко, за горами, и вотъ-вотъ, перейдя черезъ Альпы, хлынетъ потокомъ изъ ущелій и горныхъ проходовъ, неся съ собой проскрипціи и репрессалии. Въ Фрежюсѣ, когда жители брали на бордажъ корабль Бонапарта и лѣзли на бортъ, на всѣ санитарныя запреты и угрозы возможностью заразы они отвѣчали: «Для насъ лучше чума, чѣмъ австрійцы!»²⁾. Народу, безъ сомнѣнія, извѣстно, что для того, чтобъ окончательно прогнать врага и добиться мира, нужно будетъ напрячь всѣ силы, но онъ готовъ на всякое усиліе, разъ имъ будетъ предводительствовать Бонапартъ. Къ націи какъ будто сразу вернулись бодрость и энергія; въ Неверѣ батальонъ новобранцевъ отказывается отправиться по назначенію, такъ какъ онъ зачисленъ въ кавалерію, а лошадей нѣтъ; тогда новобранцамъ говорятъ, что Бонапартъ во Франціи, и они начинаютъ просить, чтобы ихъ отправили сейчасъ-же, какъ есть, безъ лошадей. Въ Фонтенебло офицеры словно ожили; прежней вялости, унынія нѣтъ и слѣда; всѣ поглощены одной мыслью — поднять духъ и выправку солдатъ, привести свою часть въ блестящій видъ, чтобы показать *ему*. «Наши офицеры прямо помѣшались на этомъ, потому что батальонный командиръ былъ лично съ *нимъ* знакомъ»³⁾. Таково было возбуждающее вліяніе этого человѣка; таковы были скрытыя пружины, управлявшія народомъ. Желаніе, готовность на лицо; отъ *него* ждутъ, чтобы онъ собралъ всѣхъ готовыхъ къ бою и во главѣ ихъ ринулся въ Италію, Германію или куда угодно,

¹⁾ Mémoires de *Marbot*, I, 45.

²⁾ Mémoires de *Bourienne*, III, 19.

³⁾ Les Cahiers du *capitaine Coignet*, p. 74.

чтобъ нанести рѣшительный ударъ, а затѣмъ пусть дѣлаеть, что хочетъ, съ Франціей. На югѣ одинъ клубный ораторъ обратился къ нему съ такими словами: «Идите, генераль, разбейте и прогоните врага, а затѣмъ мы васъ сдѣлаемъ королемъ!»¹⁾

Впрочемъ, эта рѣчь, противъ которой Бонапартъ протестовалъ съ цѣломудреннымъ негодованіемъ, не нашла себѣ отклика. Общее мнѣніе — что онъ побѣдитъ въ интересахъ республики и вдохнетъ въ нее новую жизнь. Больше того: его возвращеніе вернуло симпатіи многихъ французовъ республиканскому режиму, убѣдивъ ихъ, что республика, восторжествовавъ, благодаря великому человѣку, надъ внѣшними врагами, можетъ упрочиться и упорядочить свой внутренній строй, облегчить, наконецъ, народную тяготу и сдержать свои обѣщанія. Этимъ людямъ, когда-то вѣрившимъ въ революцію, обманутымъ ею, жестоко страдающимъ изъ-за нея и клянушимъ ее въ лицѣ ея теперешнихъ представителей, показалось на мигъ, что прежній идеаль, потускнѣвшій, загрязненный, всталъ передъ ними въ новомъ блескѣ, воплотившись въ одномъ человѣкѣ. Изъ контръ-революціонеровъ, иные, неисправимые фантазеры, тѣшатъ себя иллюзіей, будто Бонапартъ работаетъ на пользу ихъ возлюбленныхъ принцевъ; болѣе проникательные понимаютъ, что на пути ихъ встало крупное препятствіе; они говорятъ: «Теперь намъ долго не развязаться съ республикой»²⁾, и предчувствуютъ, что этотъ человѣкъ примиритъ Францію съ революціей.

Наиболѣе довольны искренніе, убѣжденные республиканцы, еще не отдѣляющіе Бонапарта отъ республики, какой они ее понимаютъ — неисторченной, мужественной, гордой. Порывъ радости, убившій Бодэна, испытывали и многіе другіе. Даже въ совѣтѣ пятисотъ депутаты обѣихъ партій, умѣренные и якобинцы, но всѣ революціонеры, вначалѣ поддались общему опьяненію; 30 вандемьера президентомъ избранъ Люсьенъ. Всѣ отчеты констатируютъ подъемъ общественнаго духа, иными словами, выражаясь официаль-

¹⁾ *Mémoires de duc de Raguse*, II, 51.

²⁾ *Albert Sorel „La Révolution de Brumaire“*. (*Revue des Deux Mondes* du 1-er janvier 1898).

нымъ языкомъ эпохи, возрожденіе вѣры въ революцію и судьбы ея. Въ театрѣ теперь апплодируютъ патріотическимъ пѣснямъ и требуютъ повторенія ¹⁾).

Арміи толкуютъ возвращеніе Бонапарта въ томъ же смыслѣ, какъ и простые граждане-республиканцы; потому то они и ликуютъ. Итальянская армія громкимъ продолжительнымъ *ура!* возвѣщаетъ радостную новость врагамъ. Въ гельветической арміи, у истока Рейна, происходитъ многозначительный діалогъ между двумя часовыми, французскимъ и австрійскимъ, перекликающимися черезъ рѣку, съ одного берега на другой. — *Австріецъ:* «Ну что, французъ, пріѣхалъ таки вашъ король?» — *Французъ:* «У насъ нѣтъ короля, и мы не хотимъ его.» *Австріецъ:* «Развѣ Бонапартъ не король вашъ?» — *Французъ:* «Нѣтъ, онъ нашъ генераль.» — *Австріецъ:* «Ну такъ будетъ королемъ, вотъ увидите. А все таки онъ будетъ молодчина, если дастъ намъ миръ.» ²⁾). Неотразимый вождь и въ то-же время судья и примиритель націй — вотъ какимъ онъ является всюду народамъ, воскрешая въ нихъ надежду.

Казалось бы, побѣды Массены и Брюна, сдѣлавъ его возвращеніе менѣе необходимымъ для отечества, должны были ослабить впечатлѣніе; наоборотъ, онѣ его усилили, всколыхнувъ общество, заставивъ его выйти изъ своего оцѣпененія; онѣ постепенно подняли настроеніе; онѣ оживили французскую душу, сдѣлали ее вновь чуткой, отзывчивой, готовой воспринять рѣшительный толчекъ. Эти побѣды, предвѣстницы блестящаго конца, въ время разсѣяли туманъ, тяжело нависшій надъ Франціей; послѣ нихъ блеснула на небѣ первый проблескъ зари, а теперь встаетъ изъ волнъ и самое свѣтило, разливая вокругъ себя жизнь, зажигая сердца прежнимъ пыломъ. Безпримѣрный пріемъ, оказанный Бонапарту, не есть заявленіе покорности націи, которая сознательно простирается у ногъ властелина, чтобы потонуть и уничтожиться въ немъ. Его должно разсматривать скорѣе, какъ пробужденіе революціоннаго пыла и патріотизма, ибо

¹⁾ Полицейскія донесенія за вандемьеръ. Національный архивъ, АР, IV, 1329.

²⁾ Письмо бригаднаго генерала Брюне Сульту, отъ 10 брюмера. Военный архивъ дунайской арміи, папка за ноябрь 1799 г.

эти двѣ страсти уже десять лѣтъ сливаются въ народной душѣ, вмѣстѣ угасая и оживая. Франція патриотовъ и революціонеровъ не звала господина; она знала лишь низкихъ тирановъ—передъ нею явился вождь. Для народа съ этимъ человѣкомъ возвращались духъ и счастье революціи; больше того — онъ былъ залогомъ и символомъ воскресенія націи.

Глава VI

Бонапартъ въ Парижѣ.

Бонапартъ идетъ прямо въ Парижъ черезъ Бурбоннэ; неожиданное и негласное прибытіе.—Домъ въ улицѣ Побѣды.—Визитъ правительству.—Возвращеніе Жозефины; семейный раздоръ; прощеніе.—Наплывъ посѣтителей.—Первая забота Бонапарта.—Онъ изучаетъ настроеніе общественнаго мнѣнія и партій.—Упорная борьба крайнихъ партій; возстаніе на Западѣ.—Напряженіе ослабѣваетъ; желаніе успокоенія въ публикѣ и у многихъ людей, причастныхъ къ политикѣ.—Общественное мнѣніе не требуетъ насильственнаго переворота.—Какимъ образомъ Бонапартъ думаетъ осуществить желаніе націи.—Гдѣ онъ найдетъ точку опоры.—Бонапартизмъ правой и бонапартизмъ лѣвой.—Сійэсъ, или Баррасъ.—Причины, побуждавшія Бонапарта вначалѣ сторониться отъ Сійэса; послѣдній отказывается сдѣлать первый шагъ.—Инцидентъ; посредничество Талейрана; обмѣнъ визитовъ.—Завязываются переговоры.—Обѣдъ у Барраса.—Соглашеніе съ Сійэсомъ.—Тактика, принятая по отношенію къ Баррасу.—Характеръ договора, заключеннаго между Бонапартомъ и главарями пристроившихся революціонеровъ.—Острота одного изъ нихъ.—Бонапартъ и Институтъ.—Генераль идеологовъ.—Вашингтонъ, или Цезарь.

1.

Бонапартъ вернулся въ твердомъ намѣреніи покончить съ директоріей и присвоить себѣ власть. Увидавъ, съ какимъ восторгомъ встрѣчаетъ его народъ и услыхавъ призывъ массъ, онъ счелъ бесполезнымъ длить опытъ и устремился прямо къ центру. Выѣхавъ изъ Ліона, онъ выбралъ кратчайшій путь, черезъ Бурбоннэ, и стрѣлою помчался въ Парижъ. Навстрѣчу ему стремилась Жозефина. Зная всѣ свои прегрѣшенія и дрожа при мысли о свиданіи съ мужемъ, она все же предпочитала пойти навстрѣчу грозѣ, чѣмъ ждать еѣ дома; но напрасно она искала генерала на дижонской дорогѣ, напрасно доѣхала до самого Ліона.

Жозефъ и Люсьенъ, болѣе сообразительные, или лучше освѣдомленные, нагнали его въ пути, но не смогли задержать. 24 вандемьера—16 октября утромъ, три дня спустя послѣ извѣщенія о высадкѣ въ Фрежюсѣ, Бонапартъ, безъ шума, безъ свиты, неслышно проскользнулъ въ Парижъ и въ свой домъ въ улицѣ Шантеренъ, два года тому назадъ переименованной въ честь его въ улицу Побѣды. Онъ вернулся безо всего, голъ, какъ соколъ; его вещи, его багажъ, слѣдовавшій за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ самаго Фрежюса, былъ захваченъ разбойниками подѣ Эксомъ (Aix) ¹⁾.

Онъ вернулся въ домъ, пріютившій послѣ итальянской кампаніи его странствующую по свѣту славу; то былъ небольшой отель во дворѣ и съ садомъ позади, нѣкогда принадлежавшій Юліи Тальма, въ новомъ, спокойномъ, только что отстроившемся кварталѣ, веселомъ отъ обилія зелени. Онъ снова увидѣлъ полукруглую пріемную, расписной салонъ, въ помпейскомъ вкусѣ, кабинетъ, выходящій окнами въ садъ, и самый садъ, довольно красивый, уже осыпавшійся, гдѣ блѣдный мраморъ античныхъ вазъ выдѣлялся на ржавомъ фонѣ осенней листвы. Увидѣлъ и брачный покой съ его экстравагантной и героической обстановкой: барабаны, превращенные въ табуреты, альковъ въ видѣ палатки, кресла съ выгнутыми лукомъ спинками сидѣній и колчанами по бокамъ, повсюду изысканную, причудливую роскошь, нѣсколько отдающую фальсификаціей, смѣсь художественныхъ произведеній и всякихъ бездѣлокъ, напоминающихъ Жозефину, отмѣченныхъ ея печатью.

Но была ли у него еще жена? Она искала его на большой дорогѣ, чтобы попытаться оправдать себя въ его глазахъ. Его собственная семья вся разбрелась въ разныя стороны, спѣша навстрѣчу его удачѣ; Люсьенъ и Жозефъ, не успѣвъ завладѣть имъ на пути, не торопясь, возвращались теперь домой; Луи, его любимый братъ, присоединившійся къ двумъ другимъ, по дорогѣ захворалъ и остался лежать больной

¹⁾ Письмо комиссара департамента Устье въ Роны отъ 27 вандемьера: „Всѣ вещи генерала Бонапарта стали добычей королевскихъ бригадъ, увѣряющихъ, будто они имѣютъ патентъ отъ принца Карла“.—Национальный архивъ.

въ Отэнѣ. Полина съ Леклеромъ были уже на пути изъ деревни въ Парижъ. Жеромъ былъ въ пансіонѣ, Каролина съ Гортензіей у М-ме Кампанъ, Элиза въ Марсели. Въ этомъ огромномъ Парижѣ, занятомъ имъ однимъ, гдѣ найти тепло семейнаго очага? Изъ всей своей семьи онъ засталъ только суровую женщину, которая научила его не довѣрять судьбѣ и все время оставалась безстрастной свидѣтельницей эпической авантюры, — только свою мать.

Парижъ узналъ о его прибытіи на другой день изъ газетъ. «Онъ остановился у себя, въ улицѣ Побѣды, гдѣ нашелъ свою мать, еще не старую женщину лѣтъ сорока семи. Съ нимъ прибыли Бертъе, Монжъ и Бертолле; онъ страшно утомленъ»¹⁾. Весь день онъ отдыхалъ и только на минутку заглянулъ въ Люксембургъ, къ президенту директоріи, Гойе. А на другой день, какъ подобаеть корректному человѣку, нанесъ офиціальнѣйшій визитъ директоріи въ полномъ составѣ.

Директорія рекомендовала ему вернуться вмѣстѣ со всей своей арміей, это извѣщеніе онъ получилъ уже въ Провансѣ, — она отнюдь не разрѣшала ему вернуться одному, безъ арміи, неожиданно ускользнувъ отъ враговъ, что было настоящимъ бѣгствомъ. А онъ, притомъ-же, ухитрился избѣжать карантина, что еще усугубляло незаконность его образа дѣйствій. Еслибы правительство арестовало его и отдало подъ судъ, оно было бы только въ своемъ правѣ. Недовѣрчивые республиканцы, нюхомъ чувшіе узурпатора, завистливые товарищи по оружію, личные враги Бонапарта, совѣтовали поступить именно такъ, — но кто посмѣлъ бы это сдѣлать? Обществу эта вполне законная мѣра показалась бы святотатствомъ; народъ не позволилъ бы коснуться меча республики; онъ уже теперь ставилъ Бонапарта выше законовъ. Директорія покорилась своей участи и добровольно подписалась подъ отпущеніемъ вины, произнесеннымъ націей.

Она даже устроила открытое засѣданіе для пріема возвратившагося любимца народа. Толпа обывателей и солдатъ, знавшихъ о его пріѣздѣ, наполнила дворы и залы. Онъ явился въ очень странномъ костюмѣ, полугражданскомъ, полувоенномъ и нѣсколько восточнаго типа: круглой шляпѣ и зеленоватомъ сюртукѣ (рединготѣ) съ турецкимъ пала-

1) Парижскія письма за 25 и 26 вандемьера.

шомъ, висѣвшимъ у пояса на шелковыхъ шнуркахъ. Гвардія отдавала ему честь; старые солдаты плакали: многихъ онъ узнавалъ и жалъ имъ руку. Президентъ Гойе обლობызалъ его отъ имени всѣхъ своихъ коллегъ и, немного путаясь въ словахъ, въ напыщенной рѣчи поздравилъ съ прїѣздомъ. Бонапартъ объявилъ, что онъ никогда не вынетъ меча изъ ноженъ иначе, какъ на защиту республики и ея правительства. Когда онъ вышелъ, за нимъ ринулась огромная толпа народу; всѣ тѣснились, чтобы хоть однимъ глазкомъ взглянуть на него. А между тѣмъ этотъ любимецъ славы, этотъ человѣкъ, окруженный ореоломъ славныхъ именъ и, казалось, всюду сопровождаемый крылатымъ роемъ побѣдъ, былъ несчастливъ: жгучая боль терзала его сердце.

Онъ любилъ Жозефину пылкой и страстной любовью, затронувшей въ немъ всѣ чувствительныя струны, пробудившей всѣ силы его духа. Онъ уѣзжалъ въ Египетъ еще влюбленный и ревнуня; въ его отсутствіе слухи о разгульной жизни Жозефины, о новыхъ скандалахъ, дополнявшихъ не особенно чистое прошлое, доходили и до Египта, жестоко уязвляя Бонапарта среди его триумфовъ и трудныхъ испытаній. Англичане перехватили его письма съ изліянїями и часть ихъ напечатали; его несчастье получило огласку. Когда Бонапартъ вышелъ на провансальскій берегъ, ему было уже все извѣстно. Жозефъ и Люсьенъ при первой встрѣчѣ съ братомъ не щадили его, стремясь устранить враждебное имъ вліяніе: они подчеркивали и безъ того вопіющіе факты, приводили доказательства, твердили о необходимости развода. И братъ ихъ прїѣхалъ въ Парижъ съ гнѣвомъ и болью въ сердцѣ, почти рѣшившись не слушать оправданій Жозефины, когда она вернется, прогнать её и развестись съ ней.

Она вернулась; затѣмъ разыгрывается извѣстная сцена: дверь въ спальню генерала упорно заперта; Жозефина рыдаетъ и плачетъ, и молить, время отъ времени падая въ кресло въ позѣ кающейся, разбитой сознаниемъ своей вины; Евгенийъ и Гортензія пытаются вступить за мать; но дверь остается закрытой; это длится нѣсколько часовъ; затѣмъ дверь внезапно распаивается,—примиреніе и прощеніе. Бонапартъ еще любилъ свою жену; онъ не въ силахъ былъ отогнать отъ себя преслѣдовавшихъ его воспоминаній объ

уже извѣданномъ и оплакиваемомъ блаженствѣ, о самой Жозефинѣ, съ ея изящной граціей креолки, съ ея плутовской улыбкой, гармоніей движеній и плавностью жестовъ, со всѣмъ, что въ этой женщинѣ дарило ему чувственное и художественное наслажденіе. «Она удивительно граціозна, говорилъ онъ, когда укладывается въ постель, когда одѣвается. Я желалъ бы, чтобы какой-нибудь художникъ, въ родѣ Альбана, могъ видѣть ее въ это время и написать»¹⁾).

Кромѣ того онъ успѣлъ все обдумать и взвѣсить и испугался скандала наканунѣ того дня, когда ему предстояло выступить въ качествѣ главнаго актера на политической сценѣ. Наконецъ, Жозефина могла быть ему полезной; по рожденію и родственнымъ связямъ она имѣла доступъ въ такіе дома, куда самъ онъ не былъ вхожъ; она могла создать вокругъ него атмосферу обаянія и симпатіи, помочь великому дѣлу сближенія и примиренія, уже входившему въ его планы. Поддавшись этому сложному вліянію разчета и страсти, послѣ жестокой борьбы съ самимъ собой, онъ и въ этомъ выказалъ себя, какъ умѣлъ это дѣлать, большимъ человѣкомъ, непоколебимымъ въ своихъ рѣшеніяхъ; онъ объявилъ, что прошлое не существуетъ болѣе для него и что оно забыто²⁾). Они какъ бы снова вступили въ бракъ; Жозефина снова стала подругой его плоти, утѣхой его очага, его привычкой и глубокой привязанностью; кромѣ того онъ сдѣлалъ ее и своею союзницей.

Съ этихъ поръ онъ весь отдался политикѣ и честолюбію. Помощи искать не приходилось: къ нему стремились самыя разнородныя упованія; всѣ честолюбивыя мечты сливались и тонули въ его собственныхъ замыслахъ. Домъ его осаждали посѣтители — штатскіе и военные, депутаты, чиновники, ученые, журналисты, поставщики, высокаго полета интриганы и низкія орудія ихъ, ловцы человѣковъ и плуты-спекуляторы, люди, видѣвшіе въ немъ зарю спасенія Франціи, и другіе, чуявшіе крупное и выгодное дѣло, — всѣ побывали тутъ. Изъ первыхъ были приняты Талейранъ,

¹⁾ *Gourgaud*, Journal de Sainte-Hélène, II, 278.—Альбана—итальянскій художникъ XVII вѣка, прозванный „Анакреономъ въ живописи“. Прим. пер.

²⁾ См. всю эту сцену у *Масона*, *Masson*, *Napoléon et les femmes*, collection Guillaume, 89—100.

Редереръ, Реньо де Сень Жанъ д'Анжели. Мало-по-малу Марэ, бывший членъ учредительнаго собранія, адмираль Брюи, Булэ де ла Мертъ и Реаль сплотились въ одну группу. Они явились, какъ совѣтчики и искусители. «Такъ вы считаете это возможнымъ?»—спрашивалъ Бонапартъ.— «Дѣло на три четверти уже сдѣлано», — отвѣчали ему¹⁾. Такимъ образомъ у него составилъ свой интимный совѣтъ, но выбора между партіями онъ не дѣлалъ; сила его была именно въ томъ, что онъ не имѣлъ партіи; онъ хотѣлъ быть избранникомъ всей Франціи, а не одной какой-нибудь фракціи.

Возвратившіеся Люсьенъ и Жозефъ старались втянуть его въ уже готовую комбинацію. Появился и Фуше; министру полиціи была знакома дорога въ этотъ домъ; съ самаго начала египетской кампаніи онъ сталъ добиваться права запросто бывать у Жозефины, въ надеждѣ получать отъ нея свѣдѣнія; онъ держалъ ее въ рукахъ, по всей вѣроятности, при помощи денегъ, не стѣсняясь пользоваться полицейскими фондами для удовлетворенія потребностей этой безудержной мотовки. Онъ видѣлъ, наблюдалъ Бонапарта, изучилъ его и призналъ самымъ подходящимъ человекомъ для того, чтобы создать будущее революціонерамъ. И онъ содѣйствовалъ назрѣванію будущаго консульства, хотя ему и не суждено было — мы увидимъ, почему — присутствовать при его расцвѣтѣ. Трое директоровъ изъ пяти, Баррасъ, Гойе и Муленъ, сразу вошли въ постоянныя сношенія съ Бонапартомъ и, казалось, перенесли къ нему въ домъ центръ тяжести правительственной власти.

Представляться Бонапарту являлись офицеры парижскаго гарнизона, адъютанты національной гвардіи, начальники отдѣльных частей, многіе имъ же и назначенные въ то время, когда онъ командовалъ войсками внутри страны. Парижъ вообще кишѣлъ офицерами всѣхъ армій, благодаря всеобщей неурядицѣ, увольнявшимися въ отпускъ безъ разрѣшенія. Безъ дѣла, вѣчно безъ денегъ, мечтающіе о выгодной авантюрѣ, они ждали ея отъ Бонапарта и инстинктивно стекались къ нему, подъ его начальство. Этотъ генераль безъ войскъ и безъ опредѣленныхъ полномочій, въ глазахъ закона поставленный въ некорректное и ложное положеніе

¹⁾ *Roederer, Oeuvres, III, 226.*

тѣмъ не менѣе былъ всѣми признаннымъ вождемъ и фактически генералиссимусомъ; для своей семьи, для друзей, для публики онъ былъ «генераломъ» — однимъ, единственнымъ; другіе перестали существовать.

Однако онъ остерегался превратить свой домъ въ военный или политическій центръ, отклонялъ коллективныя посѣщенія, всенародныя почести. Офицеры парижскаго гарнизона, явившіеся къ нему въ полномъ составѣ, съ плацкомандантомъ во главѣ, не были приняты. Посѣтители, проникавшіе къ нему, находили его очень простымъ; онъ охотно показывался въ почти буржуазномъ неглиже, («сѣромъ спортукъ и фуражкѣ»¹⁾), разыгрывалъ изъ себя воина на покоѣ, домосѣда и семьянина. Когда съ нимъ заводили рѣчь объ общественныхъ дѣлахъ, онъ вначалѣ не поддерживалъ разговора, заставлялъ вызывать себя на отвѣты, выжидалъ предложеній, выслушивалъ жалобы, чтобы потомъ, поднимая мечъ, имѣть право сказать, что на него оказывали давленіе со всѣхъ сторонъ, и онъ уступилъ лишь общему желанію.

Онъ жалѣлъ военныхъ, что имъ приходится служить правительству, ничего не смыслящему въ ихъ ремеслѣ и плохо вознаграждающему заслуги передъ отечествомъ. Говоря съ политиками, онъ игралъ, какъ мячикомъ, ихъ низкимъ соперничествомъ между собою, ихъ вѣроломствомъ и мелочностью, эксплуатируя все, что только можно было эксплуатировать; плутовъ высшаго полета, онъ умѣлъ превзойти ихъ въ лукавствѣ. У каждаго своего собесѣдника онъ умѣлъ докопаться до преобладающей страсти, благородной или низменной, хорошей или дурной, до чувствительной струнки и, играя на ней, завладѣвалъ всѣмъ человѣкомъ. Однимъ, будто случайно оброненнымъ словомъ онъ связывалъ гостя какимъ-нибудь обязательствомъ относительно будущаго, а затѣмъ вѣжливо выпроваживалъ его. Передъ его домомъ постоянно толпился разный народъ, подстерегая его выходъ, въ надеждѣ увидѣть его; порою къ кучкамъ любопытныхъ примѣшивалось нѣсколько утрюмыхъ якобинцевъ, возмущавшихся этимъ идолопоклонствомъ передъ человѣкомъ; другіе грубо пытались вразумить ихъ, и нерѣдко дѣло доходило до драки.

¹⁾ Mémoires du général Sarrazin, p. 126.

«Генераль» рѣдко выходилъ изъ дому, ограничиваясь немногими визитами, которыхъ требовало приличіе, или состраданіе. Извѣстно было, что онъ записался въ члены крѣпостного клуба, считавшагося какъ бы общимъ домомъ всѣхъ офицеровъ гарнизона, и посѣтилъ Домъ Инвалидовъ, чтобы повидаться съ изувѣченными старыми солдатами, скромными участниками его славы. Онъ избѣгалъ показываться въ общественныхъ мѣстахъ и въ театрахъ. 1-го брюмера въ театрѣ Фаваръ давали пьесу *Ариоданъ*; разнесся слухъ, что въ ложѣ съ рѣшеткой сидитъ генераль; публика съ радостными восклицаніями устремила въ ту сторону, гдѣ ожидала увидѣть его, но онъ уже скрылся. Онъ старался не столько удовлетворить, сколько разжечь народное любопытство, энервировать Парижъ, вызвать въ немъ лихорадку нетерпѣливаго ожиданія.

Тѣхъ, кому удалось видѣть его, засыпали вопросами; Парижъ интересовался мельчайшими перемѣнами въ его внѣшности. «Онъ теперь коротко стрижетъ волосы и не пудритъ ихъ», твердили всѣ газеты. Его спутники были на расхватъ, — Ланнъ, раненый, на костыляхъ, Мюратъ съ раздробленной пистолетной пулей челюстью, всѣ высохшіе, загорѣлые, съ бронзовыми лицами, походившіе на африканцевъ. Его кожа, казалось, еще больше потемнѣла, цвѣтъ лица былъ по прежнему нечистый, зеленоватый; глаза ввалились, щеки впали, грудь также; общій видъ былъ болѣзненный. И, дѣйствительно, онъ чувствовалъ себя неважно; рѣзкая перемѣна климата, первые холода, сырость парижской осени скверно отразились на его здоровьи. Но его пламенная душа его поддерживала и, пробиваясь наружу сквозь хрупкую оболочку, окружала его какимъ-то сіяніемъ. Огонь, горѣвшій въ его глазахъ, былъ такъ ярокъ, что иные не могли выносить его блеска. Но порою взоръ его становился задумчивымъ, глубокимъ, грустнымъ; то былъ взоръ человѣка, отмѣченнаго рокомъ, предназначеннаго къ необычайному. Все въ немъ привлекало вниманіе, выдѣляло его изъ ряда другихъ. Онъ былъ знаменитъ и страненъ; его кожа, опаленная солнцемъ и выдубленная морскимъ вѣтромъ, корсиканскій акцентъ, причудливый костюмъ, этотъ палашъ, висящій у пояса — все, вплоть до еще не установившейся ореографіи его имени, которое одни писали Буонапарте или Буона-

Партé, а другіе Бонапартъ, придавало ему что-то экзотическое, и за его тощимъ силуэтомъ мерещились залитыя солнцемъ покоренныя страны, опрокинутыя красныя эскадроны, бѣгущіе враги и взятые приступомъ города,—побѣды, одержанныя далеко-далеко, подъ знойными небесами.

2.

Между тѣмъ, какъ партіи кружили около него, пытаясь обойти и провести его, онъ, съ своей стороны старался ориентироваться въ политическомъ кругу, куда онъ попалъ внезапно и гдѣ чувствовалъ себя до нѣкоторой степени чужимъ. Большая часть событій, происшедшихъ послѣ его отъѣзда въ Египетъ, были ему извѣстны лишь въ общихъ чертахъ; ему предстояло изучить исторію Франціи за полтора года. Онъ подписался на всѣ парижскія газеты; одна изъ нихъ смѣялась, говоря, что онъ «обрекъ себя на тяжкій трудъ, если намѣренъ читать ихъ всѣ»¹⁾.

Въ печати и на трибунѣ по прежнему шла борьба между якобинцами и нео-модерантами (новымъ типомъ умѣренныхъ). Органъ первыхъ, «Газета людей», по прежнему травила Сійэса, представителя «революціонной олигархіи», оспаривала правильность его избранія въ число директоровъ, обвиняя его въ томъ, что онъ подготавливаетъ путь буржуазной монархіи, клеймя его систему, олигархо-роялистическую²⁾,—выраженіе варварское, но мысль не лишена справедливости. Въ совѣтѣ пятисотъ ораторы партіи умѣренныхъ говорили превосходныя вещи, укоряя якобинцевъ въ томъ, что они не знаютъ удержу своей страсти къ агитации и беспорядку. Нѣсколько газетъ начали кампанію въ пользу мира, казалось, облегченнаго нашими побѣдами. Якобинцы не допускали и мысли о мирѣ, если онъ не вернетъ республикѣ полностью ея завоеваній, и громили всякое предложеніе пойти на уступки. Эта полемика прикрывала съ обѣихъ сторонъ заднюю мысль о матерьяльномъ насиліи. Противники Сійэса и его друзей, выработавшихъ собствен-

¹⁾ *Le Publiciste*, 11 брюмера.

²⁾ Нумеръ отъ 14 брюмера.

ный планъ переворота, якобинскіе депутаты, въ свою очередь, упорно строили ковы противъ установленнаго порядка, или, вѣрнѣе, безпорядка; вожаки и, въ особенности, генералы партіи, поборники твердой власти, въ родѣ Журдана, Ожеро и Бернадота, мечтали замѣнить директорію болѣе сильнымъ правительствомъ, болѣе концентрированнымъ, шумливо патріотичнымъ, ультра-демократическимъ и въ то же время военнымъ.

А за этими противорѣчивыми кознями на горизонтѣ по прежнему стоялъ роялизмъ. Общее возстаніе на западѣ, давно уже предвидѣнное и предвѣщаемое, стало совершившимся фактомъ; по мѣрѣ того, какъ наши континентальныя границы принимали болѣе утѣшительный видъ, съ запада, одна за другой, неслись дурныя вѣсти; говорили о большихъ городахъ, захваченныхъ врасплохъ, о томъ, что король уже выставилъ отъ тридцати до сорока тысячъ войска; бѣлый приливъ надвигался и залилъ уже всю Бретань, Вандею, Анжу и Мэнъ, и низины Нормандіи. Однако, этому запоздалому возстанію, при всей его серьезности, по видимому, не суждено было перейти предѣловъ запада, такъ какъ вблизи уже не было армій Йоркскаго и Суворова, чтобъ оказать ему поддержку, и врядъ ли оно могло грозить серьезной опасностью республикѣ.

Въ остальной Франціи и въ особенности въ Парижѣ, послѣ Цюриха и Бергена, возбужденіе умовъ въ значительной степени улеглось. Обостренность чувствъ ослабѣла; повѣяло чѣмъ-то болѣе мягкимъ. Послѣ десятилѣтней бури, послѣ усиленныхъ волненій послѣднихъ мѣсяцевъ, сказывалась потребность въ отдыхѣ; многіе французы, казалось, устали ненавидѣть. Это примирительное настроеніе проявлялось даже въ кругахъ, причастныхъ или близкихъ къ политикѣ; нѣкоторыя газеты говорили: «Увѣряютъ, будто наши побѣды уже дали благодѣтельный результатъ, сблизивъ многихъ представителей народа, разошедшихся во взглядахъ относительно вѣбора средствъ спасенія отечества. Нейтральная масса все росла, за счетъ рѣзко окрашенныхъ партій и конспирирующихъ кружковъ. Люди, которыхъ надвигавшаяся гибель толкнула въ сторону якобинцевъ и крайнихъ мѣръ, снова склонялись теперь въ пользу умѣренности; съ другой стороны, не всѣ умѣренные сочувство-

вали идеямъ Сійэса и придуманному имъ оперативному приему. Многіе изъ нихъ, признавая, что республика попала въ плохія и нечестныя руки, не теряли однакожь надежды мирнымъ путемъ улучшить режимъ. Въ общемъ вѣтеръ дулъ не въ сторону крутыхъ мѣръ и, несмотря на общее ожиданіе, возбужденное Бонапартомъ, несмотря на общее убѣжденіе, что теперь, когда онъ вернулся, должна произойти какая-то переменна, общественное мнѣніе не требовало насильственного переворота.

Слишкомъ ужъ много видѣлъ французскій народъ такихъ переворотовъ, слишкомъ много такихъ вмѣшательствъ грубой силы, будто-бы спасавшихъ Францію, а на дѣлѣ навлекавшихъ на нее еще худшія бѣдствія, чтобы не бояться еще разъ быть спасеннымъ такимъ-же способомъ. Походы Массены и Брюна избавили Францію отъ вторженія непріятеля; возвращеніе Бонапарта изъ Египта подтвердило ея внѣшнюю непобѣдимость и, казалось, давало ей случай упрядочить свою внутреннюю жизнь, умѣрить свой пылъ и взять себя въ руки. Но было-ли необходимо для достиженія этого результата пройти черезъ новое потрясеніе? Развѣ нынѣшнее правительство, правившее подъ эгидой Бонапарта и, быть можетъ, по его указаніямъ, не могло бы избавиться отъ личностей, слишкомъ ужъ ненавистныхъ народу, отречься отъ произвола и исключительныхъ мѣръ, что снова упрочило бы его положеніе и увеличило популярность? Конституція была менѣ дискредитирована въ глазахъ общества, чѣмъ увѣряли. Не мало было людей, полагавшихъ, что, при лучшемъ ея примѣненіи и съ отмѣной исключительныхъ законовъ, затемнившихъ и исказившихъ ее, она въ концѣ концовъ обезпечитъ французамъ миръ, порядокъ, всѣ благодѣянія революціи. Но болѣе освѣдомленные люди, имѣвшіе возможность ближе присмотрѣться къ закулисной жизни правительства, констатировать обветшалость и развинченность государственной машины, по прежнему вѣрили въ необходимость органической реформы и пересмотра конституціи ¹⁾.

Но и эти отнюдь не призывали власти кулака, именно потому, что они слишкомъ насмотрѣлись на ея прелести.

¹⁾ См. статью 10 брюмера въ *Философской Декадѣ* (la Décade philosophique), органѣ Института, о реформахъ, которыя необходимо ввести въ конституцію.

Революція съ самаго начала противорѣчила своими поступками своимъ принципамъ; она дала только рядъ деспотизмовъ. Поставленныя ею власти, одна за другой, навязывали Франціи свое господство, беспорядочное или преступное, всегда непрочное и шаткое; онѣ тиранизировали, не управляя. Народъ желалъ правительства, т. е. власти, достаточно сильной для того, чтобы быть умѣренной, режима освободительнаго и вмѣстѣ созидающаго, способнаго обезпечить французамъ личную и имущественную безопасность, а также и пресловутыя гарантіи, провозглашенныя и постоянно откладываемыя на дѣлѣ.

Бонапартъ своимъ гениальнымъ чутьемъ угадалъ это настроеніе разумныхъ мыслящихъ людей, отвѣчавшее смутнымъ стремленіямъ массъ. Онъ поймалъ носившуюся въ воздухѣ плодотворную идею обновленія и поставилъ себѣ задачей облечь ее плотью; оттого-то первый и лучший періодъ его консульской дѣятельности былъ періодомъ нововведеній и созиданія; въ политикѣ великій творецъ не тотъ, кто задумалъ, но тотъ, кто выполняетъ.

Бонапартъ понималъ необходимость прибѣгнуть къ помощи какой либо партіи для того, чтобы достигнуть власти, но въ умѣ онъ лелѣялъ планъ воздвигнуть затѣмъ правительство, стоящее внѣ и выше партій, безпристрастное и терпимое, правительство, которое обратится къ сочувствію и помощи всѣхъ доброжелательныхъ людей, безъ различія происхожденія, которое сплотитъ и нравственно объединитъ націю, которое возсоздастъ Францію, богатую всѣми своими сокровищами и сильную всѣми своими дѣтьми, словомъ, Францію единую и цѣльную. Этотъ результатъ, казалось ему, не могъ быть достигнутъ безъ еще одной, послѣдней революціи; но, выступивъ на сцену по окончаніи, а не въ разгаръ кризиса, онъ понималъ, что обстоятельства сами по себѣ не требуютъ отъ него рѣшительныхъ мѣръ. Выяснивъ себѣ, до какой степени публикѣ опротивѣли насилія, онъ мечталъ о мирной революціи, которая произошла бы почти сама собой, путемъ торжества общественнаго мнѣнія, подчинившаго себѣ партіи, о переворотѣ, гдѣ призванныя на помощь войска были-бы пущены въ дѣло лишь въ крайнемъ случаѣ и по требованію гражданскихъ властей, гдѣ беззаконіе было-бы по возможности прикрито,

гдѣ переходъ отъ подлежащаго разрушенію режима къ режиму, который надлежитъ создать, былъ-бы вначалѣ едва замѣтенъ и лишь въ послѣдствіи выдвинулся бы своими благодѣтельными результатами.

3.

Первой его мыслью было войти членомъ въ директорию, чтобы затѣмъ захватить власть въ свои руки и распустить это слабое учрежденіе; легче было бы нанести ударъ уже утвердившись въ центрѣ правительства, чѣмъ оперировать извнѣ. Изъ пяти директоровъ навѣрное нашелся бы одинъ, который уступилъ бы свое мѣсто избраннику народа. И незаконность въ такомъ случаѣ была бы не велика; конституція требовала отъ директора сорокалѣтняго возраста; Бонапарту было тридцать лѣтъ.

Желаніе сразу поставить себя такъ, чтобы менѣе дѣлиться властью, быть можетъ и слишкомъ совѣстливое отношеніе къ конституціи Гойе и Мулена заставили его отказаться отъ этого плана. Бонапартъ рѣшилъ войти въ составъ правительства, но такъ, чтобы насиліе было сведено къ возможному *minimum*'у. Казалось-бы, такая рѣшимость должна была побудить его тотчасъ-же вступить въ переговоры съ тѣми изъ директоровъ и депутатовъ, которые уже пять лѣтъ вынашивали въ своемъ умѣ планъ переворота съ преобразовательной цѣлью и подготовляли его элементы. Эти люди, достигнувъ власти, сдѣлали уже многое — устранили препятствія, удалили опасныхъ конкурентовъ, подготовили почву въ верховномъ собраніи, помѣшали другому совѣту принять мѣры защиты, уничтожили въ Парижѣ всякій центръ сопротивленія; самый составъ правительства, по крайней мѣрѣ, на первое время, былъ у нихъ въ запасѣ и наготовѣ. До сихъ поръ имъ недоставало человѣка, способнаго привести дѣло къ развязкѣ; теперь этотъ человѣкъ явился, и, конечно, они согласятся предоставить ему всю свою подготовку и средства, подъ условіемъ остаться въ дѣлѣ и получить свою долю участія въ барышахъ. Нѣкоторые изъ нихъ сами пришли къ Бонапарту, но большинство ждало, что станетъ дѣлать Сійэсъ, и во всемъ слѣдовали его указаніямъ: очевидно, необходимо было

сговориться съ ихъ патрономъ. Люсьенъ не желалъ ничего лучшаго, какъ принять на себя роль посредника. Органы партіи всячески рекомендовали соглашеніе; съ самаго дня высадки въ Провансѣ они печатали тенденціозныя статьи: «Фрежюсъ, гдѣ высадили Буонапарте, есть въ то же время родной городъ Сійэса — счастливое предзнаменованіе тѣхъ воззрѣній, съ которыми онъ вступитъ въ Парижъ»¹⁾. Эти статьи позволяли угадывать въ перспективѣ двуликаго спасителя—дуумвирата, который будетъ управлять судьбами возрожденной республики.

Буонапартъ однако-жъ колебался. Надо-ли полагать, что препятствіе къ такому соглашенію крылось исключительно въ немъ, въ его личной антипатіи къ Сійэсу? Умъ ясный и свѣтлый, онъ не могъ любить человѣка, окружавшаго себя какимъ-то туманомъ. Онъ встрѣчался съ Сійэсомъ и до, и послѣ итальянской кампаніи, и догматизмъ этого папы-конституанта, его тонъ Сивиллы, его авторитетный педантизмъ, казались Буонапарту признаками ума чисто спекулятивнаго и не гибкаго; но могъ-ли онъ остановиться на этихъ первыхъ впечатлѣніяхъ, когда его интересъ и честолюбіе повелѣвали ему оставить ихъ безъ вниманія?

Безъ сомнѣнія, его удерживали инныя причины. Чтобы овладѣть республикой, ему нужно было слиться съ ней въ одно цѣлое, отождествиться съ величіемъ и гордостью націи — слѣдовательно, не оставить никакихъ сомнѣній относительно своей искренности, какъ республиканца, и своего жгучаго патриотизма. А между тѣмъ ему случалось слышать о Сійэсѣ, что онъ исподтишка орлеанистъ, сомнительный патриотъ и замѣшанъ въ какихъ-то подозрительныхъ переговорахъ съ иноземцами. И такъ говорили многіе. Среди первыхъ же совѣтчиковъ, появившихся въ улицѣ Шантеренъ, нашлись люди, объявившіе, что сблизиться съ Сійэсомъ зазорно, что имъ гнушаются не только якобинцы, но и всѣ ярые республиканцы, чистые, съ которыми необходимо считаться. Въ совѣтѣ Буонапарта сразу опредѣлились двѣ партіи, продолжавшія свою междуособную борьбу и при консульствѣ,— правая и лѣвая; мнѣнія разошлись въ вопросѣ: на кого долженъ былъ опереться генераль — на республи-

¹⁾ *Publiciste*, 24 вандемьера.

канскую лѣвую, или правую? Ненавидѣвшій якобинцевъ и сознававшій невозможность управлять съ ихъ помощью, Бонапартъ не забывалъ однакожь, что по части крутыхъ мѣръ они мастера, и никто лучше ихъ не сумѣетъ «кувырнуть» правительство¹⁾.

Въ силу всѣхъ этихъ причинъ онъ не спѣшилъ на встрѣчу Сійэсу и первое время держался очень насторожѣ. Тотъ, съ своей стороны, слишкомъ высоко цѣнилъ себя, чтобы сразу предложить свои услуги. Онъ отнюдь не стремился въ улицу Шантеренъ вслѣдъ за своими тремя коллегамъ, напротивъ, находилъ это пошлымъ и ждалъ, что Бонапартъ сдѣлаетъ ему первый визитъ, но Бонапартъ не являлся. Сійэсъ, очень обидчивый, весьма дорожившій внѣшними знаками почтенія, былъ оскорбленъ такой непочтительностью по отношенію къ главѣ государства; Камбасерэсу, у котораго генераль былъ съ визитомъ, онъ сказалъ кислымъ тономъ: «Бонапартъ обошелся съ вами лучше, чѣмъ со мной; я видѣлъ его только въ кабинетѣ директоріи»²⁾. Въмѣсто того, чтобы первому сдѣлать авансы, онъ ждалъ ихъ, и Роже Дюко, изъ подражанія ему, не трогался съ мѣста. Три дня, три долгихъ дня 27, 28 и 29 вандемьера, всѣ заинтересованные въ сближеніи пребывали въ тревогѣ, видя съ обѣихъ сторонъ одинаковое упорство въ нежеланіи сдѣлать первый шагъ. Слухъ объ этой распрѣ изъ-за этикета въ самый расцвѣтъ республиканскаго режима дошелъ и до публики.

А пока Бонапартъ видѣлся съ Баррасомъ. Ему нужна была точка опоры въ правительствѣ, — не воспользоваться ли этой? Если Редереръ отговаривалъ его, зато Фуше усиленно совѣтовалъ ему это сдѣлать, и Жозефина несомнѣнно тянула въ ту же сторону, и по тайному уговору съ Фуше, и изъ ненависти къ своимъ шурьямъ, союзникамъ Сійэса. Еслибы генераль остановился на Баррасѣ, ему труднѣе было бы привлечь къ своей комбинаціи всѣхъ республиканцевъ-организаторовъ: репутація этого господина, его непостоянство, привычки вѣроломства, наконецъ, его гнуснѣйшій антуражъ оттолкнули бы многихъ солидныхъ и кор-

1) *Commentaires de Napoléon*, IV, 54.

2) *Eclaircissements de Cambacères*.

ректныхъ людей. У Сійэса была партія; у Барраса только дворъ, и какой дворъ! Зато онъ имѣлъ другое преимущество передъ Сійэсомъ: былъ менѣе ненавистенъ якобинцамъ и крайнимъ республиканцамъ, съ которыми слѣдовало считаться. Притомъ-же у него съ Бонапартомъ было слишкомъ много общаго въ прошломъ, чтобы отъ этого не осталось слѣда въ ихъ отношеніяхъ; за недостаткомъ дружбы уцѣлѣла фамиллярность, облегчавшая изліянія и сокращавшая прелиминаріи. Они говорили другъ другу ты; Бонапартъ снова взялъ привычку запросто бывать по вечерамъ въ Люксембургѣ у хлѣбосола-директора; этотъ послѣдній въ своихъ мемуарахъ утверждаетъ даже, будто генераль посвящалъ его въ свои семейныя горести, говорилъ о Жозефинѣ и совѣтовался, какъ ему поступить; Баррасъ будто бы отговорилъ его отъ развода, напомнивъ ему, что это не въ обычаяхъ свѣта и не принято «въ лучшемъ обществѣ»¹⁾. Какъ бы то ни было, прежняя интимность несомнѣнно благоприятствовала политическому сближенію между ними.

Баррасъ, съ своей стороны, по прежнему предпочиталъ всѣмъ заманчивымъ посуламъ претендента видный постъ въ упроченной и мирной республикѣ. Онъ радъ былъ содѣйствовать ломкѣ и отливкѣ заново республиканскихъ учрежденій, допускалъ республику на американскій образецъ, съ президентомъ, но тщеславіе не позволяло ему отстать отъ Бонапарта и уступить ему первое мѣсто. Онъ не могъ привыкнуть къ мысли, что этотъ маленькій челоувѣкъ, котораго онъ зналъ еще безвѣстнымъ и податливымъ, которому онъ самъ вложилъ ногу въ стремя, теперь, на правахъ генія, хочетъ стать выше его и править Франціей. Его желаніе было—послѣ переворота назначить Бонапарта главнокомандующимъ и открыть передъ нимъ одинъ лишь путь—къ славѣ, оставивъ для себя удобства и выгоды высшаго президентскаго положенія.

Бонапартъ скоро разглядѣлъ его намѣренія, отнюдь не совпадавшія съ его собственными. Чѣмъ больше выяснялось для него настроеніе умовъ, тѣмъ лучше онъ понималъ, насколько Баррасъ уронилъ себя, обезславилъ, на-

¹⁾ Mémoires de Barras, IV, 33.

сколько онъ погибъ въ мнѣніи общества ¹⁾; оставалось только порвать съ человѣкомъ, олицетворившимъ собою всю испорченность режима, и освободиться отъ этой гнили. Наоборотъ, вокругъ Сійэса онъ видѣлъ наименѣе дискредитированныхъ представителей правящей группы, людей, по большей части неспособныхъ проявить энергію въ критическую минуту, но способныхъ сослужить хорошую службу на другой день, желающихъ перестроить государство, чтобы надежнѣе помѣстить въ немъ свои капиталы и шире развернуть свои таланты, и чувствовалъ, что въ сущности восстанавливающей и созидающей силы надо искать именно здѣсь.

Онъ уже совсѣмъ собрался нанести визитъ Сійэсу, когда случайная неловкость чуть было не испортила всего, но, въ концѣ концовъ, двинула дѣло. Одинъ изъ адъютантовъ Бонапарта, по приказу, или по ошибкѣ, явился къ Сійэсу предупредить, что его начальникъ будетъ завтра въ такой-то часъ. Сійэса не было дома; когда онъ вернулся, и ему передали порученіе, онъ, не желая выказывать особой угодливости по отношенію къ тому, кто оказалъ ему такъ мало вниманія, послалъ своего брата сказать Бонапарту, что выбранный имъ часъ—часъ засѣданія совѣта. Оскорбленный Бонапартъ, взбѣшенный этой манерой откладывать визитъ, сдѣлалъ выговоръ адъютанту, увѣряя, что тотъ дѣйствовалъ безъ его вѣдома, не получивъ никакихъ приказаній: «онъ никому не дѣлаетъ визитовъ... къ нему всѣ должны приходиться первые... онъ—гордость и слава націи!»—Все это въ присутствіи многочисленной публики, военной и гражданской ²⁾. Но Талейранъ, извѣщенный объ этой нежелательной выходкѣ, помчался къ генералу и имѣлъ съ нимъ весьма серьезный разговоръ, укоряя его за несдержанность и умоляя тотчасъ-же исправить свою оплошность ³⁾. Онъ такъ чудесно сыгралъ свою роль, что его посредничество завершилось примиреніемъ двухъ властелиновъ.

Бонапартъ уступилъ, предоставивъ Талейрану, какъ дипломату, выработать, какъ бы сказали теперь, церемо-

¹⁾ Собственныя слова Бонапарта, приводимыя Ле Кутэ де Кантелэ у Лекюра.—*Lescure, Journées révolutionnaires*, II, 216.

²⁾ Рукописныя замѣтки *Грувелля*.

³⁾ *Грувелль*.

ніаль встрѣчи. Почти тотчасъ-же вслѣдъ за тѣмъ въ газетахъ появились слѣдующія замѣтки: «2 брюмера; вчера Бонапартъ былъ съ частнымъ визитомъ у директора Сійэса и Рожэ Дюко; 3 брюмера; директора Сійэса и Рожэ Дюко возвратили Бонапарту частный визитъ».

Первый дебютъ былъ, повидимому, не слишкомъ удачнымъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ ¹⁾. Рассказываютъ, впрочемъ, что Бонапартъ вскорѣ измѣнилъ тонъ, самъ подтрунивалъ надъ происшедшей пикировкой и съ милой игривостью сравнивалъ ее съ ссорой двухъ герцогинь изъ за табурина ²⁾. Какъ бы то ни было, ледъ былъ сломанъ, и началась бесѣда. Гости и хозяинъ соглашались, что во Франціи нѣтъ ни хорошаго правительства, ни хорошей администраціи, и что положеніе республики требуетъ измѣненія конституціи. Бонапартъ хвастался своимъ могуществомъ и въ то-же время пустилъ въ ходъ всѣ свои обаятельныя качества. Сійэсъ повелъ рѣчь на чистоту, предлагая свою помощь, подъ условіемъ одной общей цѣли—спасти отечество и насаждать свободу. Онъ прибавилъ даже, что у него въ запасѣ есть уже готовый планъ дѣйствія, который онъ можетъ сообщить. На этомъ пока остановились, продолжая при постороннихъ выказывать другъ другу замѣтную холодность и передавая все неотложное черезъ общихъ друзей; при этомъ Редереръ бралъ на себя самую суть, а Талейранъ заботился о формѣ, постоянно указывая на необходимость принимать предосторожности и соблюдать приличія.

Такимъ образомъ Бонапартъ велъ переговоры черезъ пословъ, самъ не высказываясь до конца, ибо въ первыхъ числахъ брюмера его рѣшеніе еще не было принято окончательно; сговариваясь съ Сійэсомъ, онъ въ то-же время придерживалъ и Барраса, спрашивая себя, не взять ли его по крайней мѣрѣ въ союзники, или же просто оставить въ дуракахъ. Изъ близкихъ ему людей, не говоря уже о Фуше,

¹⁾ По словамъ Грувелля, генераль былъ втройнѣ обиженъ: при его вступленіи въ Люксембургъ гвардейскимъ барабанщикамъ слѣдовало ударить *походъ*; они этого не сдѣлали; затѣмъ, его заставили ждать и дверь отворили не настезь.

²⁾ Намекъ на старинное право знати сидѣть въ присутствіи короля.

и Реаль очень настаивалъ, чтобы онъ не рвалъ съ Баррасомъ. Доводы этого эксъ-террориста были таковы: Баррасъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ всегда можно держать при себѣ; заручившись его содѣйствіемъ, одновременно съ содѣйствіемъ Сійэса и Дюко, и подчинивъ себѣ всѣхъ троихъ, Бонапартъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи обезпеченное большинство въ директоріи и всѣ ресурсы исполнительнаго комитета; вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ вмѣшательству извѣстной части совѣтовъ, онъ можетъ тогда избавиться одновременно отъ обоихъ собраній, выбросивъ ихъ за бортъ. А иначе онъ ничего путнаго не сдѣлаетъ, ибо на другой день послѣ успѣшнаго хода очутится, какъ въ преріалѣ, лицомъ къ лицу съ той парламентской группой, помощью которой воспользовался, и пойдетъ опять кавардакъ ¹⁾).

Въ это время произошелъ инцидентъ, окончательно просвѣтившій Бонапарта относительно Барраса и заставившій отвернуться отъ него. Вечеромъ 7-го или 8-го генераль обѣдалъ въ Люксембургѣ; кромѣ него гостей было только двое—нѣчто въ родѣ мажордома и бывший герцогъ де Лорагэ, шутъ короля, своими выходками забавлявшій Барраса. Послѣ обѣда зашла рѣчь о политикѣ и о будущемъ Франціи. Баррасъ развернулъ передъ глазами Бонапарта перспективу новыхъ побѣдъ и неизсякаемой жатвы лавровъ, самъ притворяясь разочарованнымъ и безкорыстнымъ, разыгрывая комедію самоотреченія. Когда дѣло дошло до выбора будущаго президента республики, онъ, желая отстранить Бонапарта, выдвинувъ себя, и не смѣя предложить себя прямо, прибѣгнувъ къ жалкой уловкѣ и назвалъ совершенно невозможное имя генерала Эдуилля. Бонапартъ промолчалъ, но остановилъ на говорившемъ полный такого презрѣнія взглядъ, что тотъ растерялся и забормоталъ что-то невнятное. Черезъ минуту генераль ушелъ и, отправившись прямо къ своимъ друзьямъ, безъ комментарій передалъ имъ слова Барраса. Они были уничтожены. Глупость этого грубаго проныры перешла всякія границы. «Вѣдь этакое животное!» воскликнулъ его другъ Реаль ²⁾).

¹⁾ *Le Conteulx*, 221.

²⁾ *Journal de Sainte-Hélène*, I, 469.

Рѣшеніе Бонапарта было принято; онъ пойдетъ заодно съ Сійэсомъ и благонамѣренной частью совѣтовъ. Какъ онъ рассказываетъ самъ—выйдя отъ Барраса, онъ, прежде чѣмъ отправиться къ своимъ друзьямъ, зашелъ къ Сійэсу, жившему въ другой части дворца—кстати, это былъ его пріемный день—и сказалъ ему, что вступаетъ съ нимъ въ союзъ, или, по крайней мѣрѣ, велѣлъ передать ему это. Сійэсъ чувствовалъ, что настало время показать себя, и метафизикъ вооружился рѣшимостью. Чтобы ни въ чемъ не отставать отъ генерала, онъ не задумался-бы сѣсть на коня, хотя и былъ когда-то священникомъ. На всякій случай онъ въ послѣднее время даже готовился къ этому: устроилъ въ Люксембургѣ манежъ и бралъ уроки верховой ѣзды.

Не то, чтобы онъ заблуждался относительно намѣреній Бонапарта и его темперамента самодержца. Минутами онъ угадывалъ въ немъ человѣка, который, добившись успѣха, съ размаху далеко отшвырнетъ отъ себя своихъ теперешнихъ помощниковъ. Всепокоряющая энергія генерала, смѣлость и оригинальность его взглядовъ, дерзкое честолюбіе, порой сквозившее въ его рѣчахъ, нѣсколько сбивали съ толку холоднаго Сійэса. И въ то-же время этотъ тонкій мыслитель, весьма цѣнившій блестящій умъ въ другихъ, не могъ не восхищаться тонкостью разсчета, какъ онъ видѣлъ, соединявшейся въ Бонапартѣ съ волей высшаго закала. Это рѣзко отличало его отъ другихъ генераловъ: у этихъ можно было найти самое большее упорную волю, стремящуюся прямо передъ собой, какъ пушечное ядро, не разбирая, попадетъ ли она въ цѣль, или же пролетитъ мимо, или разобьется о препятствіе. Армія изобиловала героизмомъ и воинскими добродѣтелями, но Сійэсъ зналъ, какъ она бѣдна мозгами, годными для политики и крупныхъ комбинацій. О Бонапартѣ онъ говорилъ, что это единственный, «у кого разсудокъ уравниваетъ волю» ¹⁾. Два довода перевѣшивали всѣ другіе: разъ Бонапартъ здѣсь, съ его огромной популярностью, что можно сдѣлать безъ него? Не будь его, было-бы очень трудно найти кого-нибудь, способнаго понять и принять на себя эту роль. «Воспользоваться можно было только имъ» ²⁾.

¹⁾ *Le Couteux*, 219.

²⁾ Рукописныя замѣтки *Грувелля*.

Окончательно остановившись на Сійэсѣ, Бонапартъ рѣшилъ сократить Барраса—поддерживать съ нимъ отношенія лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы ввести его въ обманъ и не вооружить противъ себя. И обезславленный, Баррасъ игралъ въ политикѣ не послѣднюю роль; три года уже онъ держался на мѣстѣ среди постоянной смѣны людей и событій; въ этомъ вихрѣ онъ былъ единственной неподвижной точкой; въ глазахъ чиновниковъ, нѣкоторыхъ гражданскихъ и военныхъ агентовъ, эта относительная устойчивость окружала его своего рода престижемъ; для нихъ онъ болѣе, чѣмъ кто-бы то ни было, представлялъ собою *правительство*. А такъ какъ этихъ господъ не худо было привлечь къ сотрудничеству, ихъ убѣждали, что въ дѣлѣ участвуетъ и Баррасъ. Любопытнѣе всего, что, при помощи той-же тактики, въ этомъ убѣдили и его самого.

Не трудно было, впрочемъ, сохранить отношенія съ этимъ человѣкомъ, который пробовалъ всѣ пути и обязательно впутывался во всѣ интриги. На другой день послѣ памятнаго разговора въ Люксембургѣ, по двукратному свидѣтельству Бонапарта, Баррасъ, мучимый сознаниемъ своей безтактности, явился въ улицу Шантерень и, растерянный, униженно предлагалъ свои услуги ¹⁾. Баррасъ, наоборотъ, утверждаетъ, будто Бонапартъ приходилъ къ нему возобновить увѣренія въ дружбѣ и преданности ²⁾. Во всякомъ случаѣ, сношенія, несомнѣнно, поддерживались черезъ третьихъ лицъ; Мюрать, Евгений, Талейранъ продолжали бывать въ Люксембургѣ. Двое первыхъ сами напрашивались завтракать запросто къ адъютантамъ Барраса, пили за его здоровье и увѣряли, что интересы и дѣла ихъ начальниковъ нераздѣльны. Талейранъ изящно разсуждалъ о томъ, какія новыя учрежденія необходимы странѣ и какой типъ республики наилучшій. Редереръ и Беаль притворялись, будто назначаютъ себѣ свиданія, какъ соумышленники, въ салонѣ Барраса,—могъ ли онъ подозрѣвать людей, которые конспировали у него на дому! Словомъ, маневрировали такъ, чтобы убѣдить этого директора, что его предупредить, въ случаѣ,

¹⁾ „Commentaires“, IV, 15; Journal de Gourgand, I, 469.

²⁾ Мемуары. IV.

если Бонапартъ уступить настоятельнымъ просьбамъ, которыми его преслѣдуютъ» ¹⁾ и рѣшится рискнуть.

Игра удалась тѣмъ лучше, что Баррасъ не допускалъ, чтобы въ насильственномъ переворотѣ можно было обойтись безъ его опытности. Кто же лучше его зналъ это дѣло? кто участвовалъ во всѣхъ *coups d'état* въ термидорѣ, и въ ван-демберѣ, и въ фрюктидорѣ? Какой же можетъ быть *coup d'état* безъ него? И потому ему суждено было оставаться «въ полной благонадежности до самой развязки» ²⁾. Онъ убѣдилъ себя, что, что бы тамъ ни затѣвали, въ послѣднюю минуту все же придутъ къ нему просить его содѣйствія и предоставить ему его часть. А пока онъ не мѣшалъ прелиминаріямъ, не пытаясь прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ для защиты государственныхъ учреждений; впрочемъ, онъ уже и не способенъ былъ къ энергическимъ мѣрамъ, настолько онъ опустился и ослабѣлъ волей; онъ сказывался больнымъ и на самомъ дѣлѣ былъ боленъ; утомленный властью и излишествами, раньше времени состарившійся, этотъ ослабѣвшій развратникъ довѣрчиво бездѣйствовалъ, пассивно ожидая событій.

Подъ апартаментами, гдѣ онъ продолжалъ принимать своихъ приспѣшниковъ и парадировать передъ ними, внизу, въ квартирѣ Сійэса, тѣмъ временемъ шли серьезные разговоры. По вечерамъ подъѣзжали въ каретѣ къ воротамъ Малаго Люксембурга Талейранъ и Редереръ. Талейранъ выходилъ первый и, оставивъ Редерера въ каретѣ, отправлялся на развѣдки—посмотрѣть, нѣтъ ли у Сійэса какихъ нибудь докучныхъ гостей; запереть свою дверь для посѣтителей послѣдній не рѣшался, изъ боязни возбудить подозрѣнія. Убѣдившись, что путь свободенъ, Талейранъ посылалъ за Редереромъ; бесѣда принимала болѣе серьезный характеръ, и переговоры подвигались впередъ ³⁾. Братья Бонапарта были также полезными посредниками сближенія. Пока генералъ вѣрилъ въ возможность сговориться съ Баррасомъ, онъ таился отъ Люсьена, союзника Сійэса, по меньшей мѣрѣ столько же, сколько и его собственнаго. Въ по-

¹⁾ *Cambacères.*

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Roederer, III; Le Couteulx.*

слѣднее время, наоборотъ, Люсьенъ игралъ активную и видную роль; у него на дому, въ его маленькомъ отелѣ въ Зеленой улицѣ, и въ его присутствіи, въ ночь 10 брюмера произошла наконецъ тайная встрѣча Сійэса и Бонапарта, давшая имъ возможность поговорить на досугѣ; они бесѣдовали около часу и разстались признанными союзниками ¹⁾).

Сійэсъ предупредилъ своихъ друзей. Онъ привлекъ къ союзу своего пріятеля Рожэ Дюко, правящую группу совѣта старѣйшинъ, одну изъ фракцій совѣта пятисотъ—словомъ, всѣ парламентскія силы, находившіяся въ его распоряженіи. По правдѣ сказать, его партія была лишь вліятельнымъ кружкомъ, но Сійэсъ былъ увѣренъ, что за нимъ поидетъ все верховное собраніе, за вычетомъ ничтожнаго меньшинства, и рассчитывалъ заполучить большинство въ другомъ собраніи, тѣмъ болѣе, что президентъ Люсьенъ и инспектора были уже на его сторонѣ: во время послѣдняго обновленія состава канцелярій, умѣреннымъ удалось провести всѣхъ своихъ кандидатовъ. Партія чувствовала, что за нею стоитъ весь имущій, зажиточный классъ, зорко оберегающій нажитое революціоннымъ путемъ добро и отъ голодныхъ лѣвой, и отъ ограбленныхъ правой—отъ всѣхъ, кто покушался присвоить его или отобрать назадъ.

Такъ заключенъ былъ договоръ между Бонапартомъ и «пристроившимися» революціонерами, съ обоюдными недомолвками. Стороны согласились относительно ближайшей цѣли: конечная была у каждой своя. Сійэсъ трудился на пользу односторонней олигархіи, которую онъ надѣялся направить на путь орлеанизма, или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Многіе брюмерцы думали съ нимъ заодно, и воображали, что Бонапартъ передастъ захваченную власть въ руки избраннаго ими короля. Нѣкоторые изъ нихъ согласились бы даже на возстановленіе одного изъ Бурбоновъ, «лишь бы только новый монархъ происходилъ не изъ царствующей вѣтви, но ни одинъ не рѣшался высказать того, что еще не вошло въ программу дня» ²⁾. Часть заговорщиковъ оставалась искренними республиканцами; они чистосердечно вѣ-

¹⁾ Люсьенъ, въ своей „*Révolution de brumaire*“, вовсе не упоминаетъ о переговорахъ съ Баррасомъ и затрудненіяхъ съ Сійэсомъ.

²⁾ *Cambacères*.

рили въ то, что они спасутъ республику, измѣнивъ ея внѣшній видъ.

Бонапартъ хотѣлъ Франціи, страстно хотѣлъ завладѣть ею и удержать за собой, но онъ чувствовалъ, что лучшій способъ привязать ее къ себѣ—это быть щедрымъ и благороднымъ властелиномъ. Слишкомъ долго всѣ правительственныя мѣропріятія были направлены противъ кого-нибудь; будущее принадлежало тому, кто, правя, будетъ заботиться обо всѣхъ. Бонапартъ понималъ это; вотъ почему онъ не хотѣлъ безповоротно связать себя даже съ лучшими изъ буржуа-революціонеровъ; болѣе аристократъ, чѣмъ они, и въ то-же время болѣе сынъ народа, онъ былъ чуждъ ихъ предрасудковъ, ихъ эксклюзивизма; онъ зналъ, что, стоитъ ему захотѣть, и хрупкія преграды, которыми думали удержать его, разлетятся въ куски; его думали запереть въ тѣсномъ зданіи,—онъ намѣревался расширить, провѣтрить, сдѣлать это зданіе настолько высокимъ и просторнымъ, чтобы вся Франція могла найти въ немъ пріютъ. Что касается народной массы, она и теперь уже чуть не молилась на него, а съ возвышеніемъ своего героя она почувствовала бы себя возстановленной въ своихъ правахъ.

Тѣмъ не менѣе, брюмерскій переворотъ оставался по замыслу политическимъ и парламентскимъ; даже войска рѣшено было держать только про запасъ, на всякій случай, чтобы, если понадобится, дать рѣшительный толчекъ. Первоначальная идея такой комбинаціи исходила отъ пристроившихся революціонеровъ, присоединившихся къ Бонапарту, разочарованныхъ политиковъ, жаждавшихъ покоя, утомленныхъ бурями, мечтавшихъ о тихой пристани, или, по крайней мѣрѣ, о передышкѣ; одинъ изъ нихъ мѣтко охарактеризовалъ положеніе, говоря: «Мы дошли до того, что уже не думаемъ о спасеніи принциповъ революціи; впору спасти людей, сдѣлавшихъ ее» ¹⁾.

Къ этимъ реалистамъ-политикамъ присоединились доктринеры революціи, члены института, именовавшие себя представителями французской мысли и интеллигенціи. Бонапартъ тонко обошелъ ихъ. Этотъ обходъ онъ предпринялъ тотчасъ же по возвращеніи. Первое письмо, написанное

¹⁾ *M-me de Staël, Dix ans d'exil* 359.

имъ въ Парижѣ, было письмо Лапласу, знаменитому геометру, одному изъ свѣтилъ института, съ благодарностью за присылку его трактата о *Небесной Механикѣ*. Вотъ оно: «Съ благодарностью принимаю, гражданинъ, присланный Вами экземпляръ Вашего прекраснаго труда. Первые же шесть мѣсяцевъ, которыми я буду имѣть возможность располагать, пойдутъ на то, чтобы прочесть его. Если у Васъ нѣтъ ничего лучшаго въ виду, сдѣлайте мнѣ удовольствіе прійти пообѣдать съ нами завтра. Мое почтеніе госпожѣ Лапласъ» ¹⁾. 1-го брюмера онъ отправился въ институтъ на обыкновенное засѣданіе, очень просто вошелъ и занялъ свое обычное мѣсто. А 5-го снова былъ тамъ. Онъ попросилъ слова и сообщилъ подробности о теперешнемъ состояніи Египта и его памятниковъ древности. Онъ утверждалъ, что Суэцкій каналъ, соединившій два моря, существовалъ, что его даже весьма возможно возстановить по остаткамъ и что онъ, Бонапартъ, позаботился произвести съемки и нивелировки, необходимыя для этого великаго труда» ²⁾. Его ученые собраты были въ восторгѣ снова найти въ немъ человѣка, умъ котораго занять научными изысканіями, завоевателя-цивилизатора.

Послѣ Бонапарта просилъ слова Монжъ; онъ дополнилъ разъясненія своего генерала и подчеркнул ихъ научную цѣнность. Въ институтѣ его товарищи по Египту, Монжъ и Бертолле, а также Вольней и Кабанисъ, организовали постоянную пропаганду. Вольнея генералъ поймалъ, затронувъ его слабую струнку, литературное тщеславіе, восхваляя его описанія востока, правдивость которыхъ онъ, Бонапартъ, имѣлъ возможность провѣрить. Съ Кабанисомъ онъ былъ необычайно почтителенъ и, казалось, благоговѣлъ передъ его высокой добродѣтелью и святостью его жизни. Этыхъ послѣднихъ энциклопедистовъ онъ осыпалъ учтивостями, ластился къ нимъ по кошачьи, перенялъ ихъ языкъ, казалось, усваивалъ себѣ ихъ идеи, дѣлилъ ихъ симпатіи и молился ихъ богамъ. Онъ ходилъ на поклоненіе къ госпожѣ Гельвеціусъ, въ маленькій домикъ въ Отэйлѣ, это гнѣздышко идеологовъ ³⁾. Въ тихомъ саду, такомъ удобномъ для философскихъ бесѣдъ и нѣжныхъ признаній, въ

¹⁾ Correspondance VI, 4384.

²⁾ *Le Publiciste*, 8 брюмера.

³⁾ *Antoine Guillois*, le Salon de madame Helvétius. 126.

этой обители, посвященной культу дружбы и воспоминаній, онъ всхвалялъ счастье уединенной мирной жизни на лонѣ природы, ея покой и гармонию, разыгрывалъ Цинцината, начитавшагося Руссо.

Ученые, метафизики считали его своимъ. Онъ щадилъ ихъ шепетильность философовъ, не поступавшихся ни на іоту своими взглядами, льстилъ предрасудкамъ ихъ секты; это внушало довѣріе. Считай они его способнымъ возстановить католицизмъ и вступить въ переговоры съ Римомъ, они перепугались-бы на смерть; но онъ относился съ такимъ презрѣніемъ къ древнему національному *суевѣрію*, его знаменитыя воззванія къ египетской арміи, его восхваленіе мусульманства разсѣяли всѣ тревоги ¹⁾. Институтъ предпочелъ-бы видѣть его туркомъ, чѣмъ христіаниномъ. Нравилось въ немъ и то, что онъ не щеголялъ своимъ мундиромъ, не подчеркивалъ своего военнаго званія. Извѣстна знаменитая фраза: «Изъ всѣхъ военныхъ это еще самый штатскій» ²⁾. Онъ былъ генераломъ идеалоговъ; въ противоположность этому воину, чтившему прерогативы и властолюбіе мысли, Журданъ, Ожеро, Бернадотъ, казалось, были представителями грубаго милитаризма, партіи солдатчины. Идеологи воображали, что Бонапартъ создастъ, въ угоду имъ, правительство, стоящее вдали отъ народа, прогрессивное и ученое, дружественное философіи и образованію. Невѣроятно, однакоже, чтобы ни одинъ изъ нихъ не почувствовалъ, что предаваясь челобѣту, опоясанному пылающимъ мечемъ, они рискуютъ поставить надъ собой господина. Но для партіи, которой они считали себя нравственными руководителями, необходимо было пройти черезъ это, или погибнуть. Спасаясь отъ потока непопулярности, угрожавшаго ихъ принципамъ, вліянію и мѣстамъ, они укрывались подъ сѣнью популярности великаго и хитраго солдата. Бонапартъ былъ послѣдней картой революціи; правящая группа революціонеровъ поставила его, разсчитывая, не выйдетъ-ли Вашингтонъ. Но вышелъ Цезарь.

¹⁾ *La Fayette*, V, 160).

²⁾ *Mémoires de Joseph*, I. 77.

Глава VII

Приготовленія къ перевороту.

Бонапарту сообщаютъ планъ переворота. — Онъ одобряетъ его, съ мысленными оговорками. — Выработанная программа дѣйствій. — Будущій режимъ и даже составъ временнаго правительства съ точностью не выяснены. — Задняя мысль Люсьена. — Сношенія Бонапарта съ якобинцами. — На него возлагаютъ надежды всѣ партіи; общее недоразумѣніе. — Народъ остается безучастнымъ зрителемъ. — Генераль *Вандемьеръ*. — Народъ по прежнему главнымъ образомъ озабоченъ вопросомъ: будетъ война или миръ. — Гарнизонныя войска. — Брюмерскіе гренадеры; оказывается, что эти мнимые преторіанцы совсѣмъ не знали Бонапарта, и среди нихъ было много подложныхъ солдатъ. — Моро. — Бернадогъ. — Подготовка и подстрекательство. — Откуда брались деньги. — Финансовыя компаніи. — Главный командитеръ. — Отдѣльныя совѣщанія. — Салонъ въ улицѣ Побѣды. — Бонапартъ въ свѣтѣ. — Малое количество посвященныхъ цѣликомъ въ тайну. — Паника у Талейрана. — Фуше не допущенъ въ число посвященныхъ; самое важное ему не открыто. — День назначенъ: 18-е брюмера. — Торжественная трапеза въ храмѣ Побѣды. — Знаменательное ликованіе народа. — Драгуны Себастіани должны быть центромъ тяжести всей операціи. — Комбинація неожиданнаго нападенія этихъ войскъ съ парламентскимъ *coup d'Etat*. — Жозефина и Гойе. — Директора опутаны сѣтью хитростей и лжи. — Печальный обѣдъ у Камбасереса. — Послѣднія минуты.

1.

Какъ только Бонапартъ съ Сійэсомъ пришли къ соглашенію, дѣло закипѣло; еще до конца первой брюмерской декады, меньше, чѣмъ въ десять дней, заговоръ почти поспѣлъ. Программа дѣйствій была сообщена Бонапарту въ томъ видѣ, какъ ее выработали Сійэсъ съ друзьями, т. е. почти такой, какъ ее задумалъ покойный Бодэнъ Арденнскій ¹⁾. Въ этомъ отношеніи Бонапарту ничего не пришлось

¹⁾ „Notice“ de *Cornet* sur le 18 brumaire, p. 7.

изобрѣтать; ему даны были уже обслѣдованныя и созрѣвшія идеи.

Въ основу всего плана положена была мысль заставить существующія власти самимъ уготовить себѣ гибель и произвести закланіе конституціи почти конституціоннымъ порядкомъ. Три статьи органическаго закона, ст. 102-я 103-я и 104-я предоставляли старѣйшинамъ право, въ случаѣ надобности, перемѣнить резиденцію законодательнаго корпуса, т. е. перенести ее изъ Парижа въ болѣе спокойную атмосферу. Почему не воспользоваться этой прерогативой, благо въ совѣтѣ старѣйшинъ можно распоряжаться, и не перевести совѣтовъ въ какую-нибудь сельскую коммуну, гдѣ легко имѣть за ними надзоръ, но гдѣ при этомъ есть и подходящее помѣщеніе, какъ, на примѣръ, въ Сень-Клу; тамъ легче будетъ вынудить у заблокированныхъ и отрѣзанныхъ отъ міра собраній вотумъ о пересмотрѣ конституціи и созданіи новыхъ полномочій. Этотъ планъ былъ хорошъ тѣмъ, что лишалъ якобинцевъ совѣта пятисотъ поддержки ихъ союзницы—черни; но въ немъ была и невыгодная сторона: приходилось раздѣлить программу на двѣ части и употребить на переворотъ цѣлыхъ два дня, тогда какъ въ подобныхъ дѣлахъ первое правило не затягивать и ловить моментъ, пока противники не успѣли осмотрѣться и объединиться. Тѣмъ не менѣе желаніе вывести совѣты изъ подъ вліянія городской демагогіи взяло верхъ надъ всѣми прочими соображеніями: вожди заговора еще не знали, какъ далеко парижскій рабочій отошелъ отъ политики, и не могли повѣрить, чтобы предмѣстья остались совершенно безучастными.

Бонапартъ все одобрялъ, всѣмъ восхищался, увѣрялъ, что готовъ рискнуть своей славой ради успѣха такого чудеснаго плана ¹⁾, мысленно обѣщая себѣ приспособить его на свой ладъ и, при выполненіи, внести въ него кой-какія поправки. Такимъ образомъ переводъ собраній въ Сень-Клу былъ одобренъ въ принципѣ; но нужно было еще изобрѣсти мотивъ, или предлогъ. Впрочемъ, за предлогомъ недалеко было ходить: якобинцы сами конспиривали уже въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, сами искали только

¹⁾ Рукописныя замѣтки *Грувелля*.

подходящаго случая и человѣка. Правду говоря, доказательствъ противъ нихъ не было; не на чемъ было обосновать обвиненіе, построить устойчивое зданіе заговора, — но что за бѣда? Въ словарь революціи всегда найдется достаточное количество страшныхъ словъ въ помощь неопредѣленнымъ указаніямъ, и они не преминутъ произвести впечатлѣніе.

Итакъ, рѣшено было, что въ первый день, старѣйшины, собравшись на чрезвычайное засѣданіе, подъ предлогомъ обширнаго заговора демагоговъ, постановятъ перевести собранія въ Сень-Клу; въ то-же время, форсируя свои конституціонныя права, яко-бы для того, чтобы обезпечить выполненіе этой мѣры, они назначатъ Бонапарта главнокомандующимъ войсками, сдѣлавъ его такимъ образомъ совершенно независимымъ отъ всякой другой исполнительной власти и предавъ въ его руки армію, путемъ прямого полномочія отъ законодательнаго корпуса. Сійэсъ и Дюко присоединятся къ движенію; захваченнаго врасплохъ Барраса заставятъ подать въ отставку, доказавъ ему бесполезность сопротивленія; въ случаѣ надобности можно будетъ и припугнуть его. «Надо, говорилъ Бонапартъ, чтобъ онъ заставилъ забыть о своихъ хищеніяхъ, выйдя въ отставку»¹⁾. Это значило съ перваго же удара свихнуть шею директоріи; затѣмъ останутся только Гойе, котораго, повидимому, можно будетъ перетянуть на свою сторону, и Мулэнъ, полное ничтожество. Исполнительный комитетъ не придется даже ниспровергать; онъ распадется самъ собою.

На другой день оба совѣта, собравшись въ Сень-Клу, подъ охраной и давленіемъ войскъ, вотируютъ перемѣну режима. Заговорщики надѣялись, что противъ совѣта пятисотъ не придется прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, что передъ неотразимымъ натискомъ общественнаго мнѣнія и національнаго сознанія всякая оппозиція должна будетъ смолкнуть. Если иные и предвидѣли въ перспективѣ необходимость прибѣгнуть къ силѣ, они не смѣли возвести еѣ въ правило.

¹⁾ Неизданный Отчетъ *Журдана* о 18 брюмера. („Notice inédite“ de *Jourdan*)—См. разговоръ между Бонапартомъ и Реалемъ, подслушанный Ле Кутэ, у Лекюра. — *Lescure*, II, 220—221.

Еще болѣе неопредѣленной оставалась концепція будущаго режима. Сійэсъ позволялъ угадывать въ общихъ чертахъ свою конституцію и восхвалялъ ея непогрѣшимыхъ добродѣтели. Но этотъ ожесточенный теоретикъ, этотъ мощный строитель абстракцій былъ лѣнивъ излагать свои мысли на бумагѣ; онъ только говорилъ о своей конституціи, а написать ея не написалъ. Когда онъ разсуждалъ съ Бонапартомъ о будущихъ государственныхъ организамахъ, о *консулахъ*, о *конституціонномъ жюри*, совѣщательныхъ собраніяхъ, создаваемыхъ путемъ умѣлаго подбора, генералъ все выслушивалъ, не сморгнувъ, и съ такимъ лицомъ, какъ будго былъ увѣренъ, что припасенный Сійэсомъ режимъ составитъ счастье Франціи. Однако онъ избѣгалъ связать себя хотя бы словомъ, дать опутать себя заранѣе сложными обязательствами, которыя подрѣзали бы крылья его честолюбію и спеленали его геній. Сійэсъ не настаивалъ; оба вождя чувствовали необходимость не разрывать союза, а такъ какъ при излишнихъ объясненіяхъ они рисковали разойтись во взглядахъ, то они и не остановились относительно будущаго, по выраженію Камбасереса, «ни на одномъ опредѣленномъ пунктѣ» ¹⁾).

Эта неопредѣленность дѣлала необходимымъ временное правительство, переходный режимъ. Рѣшено было поставить во главѣ правленія двухъ-трехъ *консуловъ* и дать имъ въ помощь миниатюрный парламентъ. одну-двѣ законодательныхъ комиссіи, которыя, по соглашенію съ ними, выработаютъ новую конституцію и передадутъ ее на утвержденіе плебисцита. Временными консулами, конечно, будутъ Бонапартъ и Сійэсъ—эти имена подвергались сами собой. Между ними можно будетъ посадить, въ качествѣ затычки, Дюко, чтобы ослабить толчки и подбить ватой острые углы. Впрочемъ, и относительно состава будущаго консульства, какъ относительно окончательнаго распредѣленія полномочій, между заговорщиками пока не было формальнаго уговора; предполагалось, что событія и обстоятельства укажутъ рѣшеніе. Честолюбецъ Люсьенъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова; онъ еще воображалъ, что справедливая природа, надѣливъ его брата военнымъ геніемъ,

¹⁾ *Cambacères.*

въ видѣ компенсаціи, одарила его самого всѣми способностями, необходимыми для гражданскаго правителя. Что до Сійэса, онъ не терялъ надежды въ переходный періодъ забрать въ свои руки учредительные комитеты и верховодить надъ всѣми, даже надъ самимъ генераломъ, при помощи своего высокаго умственнаго превосходства. Барраса дурачило его тщеславіе; Сійэса подчасъ вводила въ заблужденіе его гордость.

Нѣкоторые изъ его приближенныхъ и любимцевъ тревожились, видя въ Бонапартѣ генія, но не знающаго узды; всѣ колебанія, однако-жь, разгонялъ и всѣхъ сближалъ одинъ неотразимый аргументъ: какія бы опасенія ни внушала Бонапартъ, въ немъ еще больше нуждались, чѣмъ боялись его; лучше было рискнуть вмѣстѣ съ нимъ, чѣмъ безъ него навѣрное скатиться въ пропасть.—«Во всемъ этомъ, спрашивалъ у Сійэса одинъ недовѣрчивый человекъ, гдѣ же гарантія?»—«Нигдѣ, рѣзко отвѣтилъ тотъ, но въ крупномъ дѣлѣ всегда приходится предоставлять кое-что на долю случая»¹⁾).

2.

Трудясь заодно съ фактическими и духовными вождями революціонной олигархіи, Бонапартъ не пренебрегалъ и противными партіями. Онъ надѣялся подчинить своему обаянію и увлечь за собой вожakovъ всѣхъ факцій. Онъ положилъ себѣ быть въ наилучшихъ отношеніяхъ—съ иными и въ дурныхъ—ни съ кѣмъ. Заискивать у партій ему не пришлось; онѣ сами «постучались въ его дверь»²⁾).

Около 10 брюмера, т. е. въ тотъ періодъ, когда онъ ежедневно подолгу совѣщался съ Сійэсомъ, онъ, однажды, вернувшись домой, нашелъ у себя визитную карточку Журдана. Генераль приходилъ просить его произвести переворотъ вмѣстѣ съ якобинцами и въ ихъ пользу. Передъ тѣмъ якобинскіе депутаты собрались въ полномъ составѣ у Бернадота, чтобы выработать программу поведенія. Журданъ предложилъ слѣдующее: «Пойти къ Бонапарту и ска-

¹⁾ *Grouvelle*, „Notes manuscrites“.

²⁾ Слова Бонапарта въ совѣтъ старѣйшинъ 19 брюмера.

зять, что мы готовы поставить его во главѣ исполнительной власти, подъ условіемъ, что представительное правительство и свобода будутъ гарантированы хорошими учрежденіями»¹⁾. Нѣсколько человекъ рѣзко возражали ему; Ожеро обрушился на бѣглеца изъ Египта, осыпая его грубой солдатской бранью. Журданъ однако стоялъ на своемъ; и вотъ почему онъ, отъ имени цѣлой группы, явился въ улицу Побѣды. Бонапартъ передалъ черезъ Дюрока привѣтъ и приглашеніе пожаловать 6-го къ обѣду, которое Журданъ принялъ. Это давало возможность *in extremis* побесѣдовать съ генераломъ и, быть можетъ, провести всю якобинскую партію.

Изъ другихъ депутатовъ этой факціи, даже такихъ, которые кичились своей непреклонностью, несомнѣнно, многіе вошли въ сношенія съ Бонапартомъ. Передъ этими Бонапартъ выставлялъ на показъ свои гражданскія чувства, пытаясь разсѣять ихъ сомнѣнія; этимъ господамъ, мнившимъ монополизировать патриотизмъ и, какъ прежде, представлявшимъ собою воплощеніе завоевательнаго духа революціи, онъ сулилъ вернуть Италію и поднять республики—сестры²⁾. Впрочемъ, всѣ они въ общемъ и безъ того меньше опасались Бонапарта, чѣмъ Сійэса, полагая, что для республики опасенъ главнымъ образомъ этотъ послѣдній; не зная о союзѣ между генераломъ и вождемъ новаго типа умѣренныхъ, они мысленно включали его въ свои планы. Имѣя кучку приверженцевъ среди парижской черни, они воображали, что у нихъ еще хватитъ вліянія поднять предмѣстья и вызвать народное движеніе. А тамъ, когда «патріоты возстанутъ» и начнется бой, къ нимъ примкнетъ и Бонапартъ; хотя бы для того, чтобы не дать опередить себя; тогда успѣхъ обезпеченъ³⁾. Таковъ былъ ихъ расчетъ. Иные льстили себя надеждой, что уже заманили его въ свои сѣти⁴⁾, признаваясь въ тоже время, что трудненько было перехитрить такого хитреца. Въ итогъ ему удалось оставить ихъ въ неувѣренности насчетъ себя и разномысліи

¹⁾ Notice *Журдана*.

²⁾ Полицейскія донесенія въ Мемуарахъ *Барраса*, IV, 80.

³⁾ Тамъ же, IV, 59.

⁴⁾ Тамъ же.

что помѣшало имъ заблаговременно сплотиться въ рѣшительную оппозицію.

Кромѣ якобинцевъ и новаго типа умѣренныхъ, ни одна партія не имѣла представителей ни въ правительствѣ, ни въ собраніяхъ; слѣдовательно, всѣ онѣ могли оказать лишь отдаленное и косвенное содѣйствіе. Эти партіи также надѣялись на Бонапарта, ибо онъ олицетворялъ собою перемѣну, а несчастный радъ всякой перемѣнѣ. Либералы, люди 1789 года и пострадавшіе въ фрюктидорѣ рады были увѣрить себя, что генераль сочтетъ за честь уничтожить тираннію революціонеровъ и вернуться къ принципамъ¹⁾. Лафайетъ писалъ ему, поздравляя съ возвращеніемъ отъ имени «свободы и отечества»²⁾. Жена Лафайета, жившая въ Парижѣ, была у Бонапарта, и онъ принялъ ее очень любезно. Съ другой стороны, самъ онъ признавался: «Я принималъ агентовъ Бурбоновъ»³⁾. Передъ каждымъ онъ открывалъ желанное будущее: своимъ союзникамъ-олигархамъ гарантировалъ устойчивость правительства и высокіе посты; роялистамъ рисовалъ въ перспективѣ умиротвореніе страны и, быть можетъ, нѣчто большее; якобинцамъ сулилъ неприкосновенность республики и либераламъ свободу. Самыя различныя партіи возлагали на него надежды, ибо въ себя онѣ уже утратили вѣру; а онъ всѣми ими пользовался и всѣхъ обманывалъ ради пользы Франціи и собственнаго честолюбія; и это колоссальное недоразумѣніе, съ добавкой дѣйствовавшего на всѣхъ престижа, какъ волна, несло его къ власти.

Ослѣпленная его славой, но снова бездѣйствовавшая народная масса не препятствовала. Въ Парижѣ опять все затихло; населеніе въ общемъ оставалось безучастнымъ; царилъ застой. Побѣды въ Швейцаріи и возвращеніе изъ Египта лишь на мигъ вывели народъ изъ этого оцѣпенѣнія;

¹⁾ См. письмо Порталиса въ *Publiciste* отъ 22 брюмера. Съ другой стороны, въ неизданныхъ „Мемуарахъ“ *Бартеlemi (Barthelemy, „Mémoires inédits“)* читаемъ: „Такъ какъ въ послѣднее время предвидѣлась въ недалекомъ будущемъ крупная перемѣна, и мои родные и друзья не сомнѣвались болѣе, что меня скоро вызовутъ обратно во Францію, мой братъ Анисэ рано утромъ 1 ноября снарядился въ путь— за мною“. Бартеlemi былъ тогда въ Гамбургѣ.

²⁾ *La Fayette*, V, 146.

³⁾ Слова Бонапарта, сказанныя г-жѣ Ремюза. у *Yung*а, „*Bonaparte et son temps*“, III, 320.

времена были слишком тяжелыя, гнетъ слишком чувствовался всѣми для того, чтобы этотъ подъемъ могъ продержаться долго. Легкомысленное общество тѣшилось развлеченіями, бѣгало по театрамъ и увеселительнымъ садамъ. Для этого общества, дошедшаго до послѣдней степени скептицизма, все обращавашаго въ шутку, надо всѣмъ острившаго, жившаго день за день, сидѣвшаго безъ гроша и все же много тратившаго, готоваго все снести, лишь бы не видѣть опять гильотины, Бонапартъ былъ скорѣе предметомъ любопытства, чѣмъ упованій, а главное—темой для разговора. О немъ говорили, какъ говорили о модахъ сезона, о женщинахъ, замѣнившихъ прическу *a la Titus* греческой, съ локонами: «Всѣ обрѣзавшія себѣ волосы въ отчаяніи»¹⁾. Тѣмъ не менѣе Бонапарту рукоплескали-бы, если бы онъ отмѣнилъ прогрессивный налогъ и обуздалъ придирки фиска. Торговые люди и мелкая буржуазія вздыхали о болѣе мягкомъ режимѣ и до смерти боялись анархистскихъ заговоровъ, но это были слишкомъ мягкотѣлые люди для того, чтобы дѣйствовать; они могли только плакаться на свою участь и ждать. Народъ, измученный десятью годами кризисовъ, былъ не способенъ ни къ какой революціонной, или гражданской дѣятельности.

Нѣсколько запоздалыхъ агитаторовъ, оставшихся вѣрными карманьолѣ, все еще пытались поднять его. Они втирались въ группы рабочихъ безъ работы, бѣгали въ Пале-Рояль, ходили въ кафе, гдѣ позволялось разглагольствовать, ругали на чемъ свѣтъ стоитъ Бонапарта и его замыслы, убійственные для свободы, но большинство не слушало ихъ, какъ не слушало и роялистовъ, съ своей стороны честившихъ «африканскаго героя»²⁾. Эти политики перекрестка и болтуны кофеенъ были не чѣмъ инымъ, какъ налетомъ пѣны надъ огромной неподвижной поверхностью. Да и уличные якобинцы не всѣ подозрительно относились къ Бонапарту; иные помнили, что онъ бросалъ къ ногамъ республики императоровъ и королей и окружилъ ихъ кумирь ореоломъ увядающей славы. Не онъ ли 13 вандемьера палилъ изъ пу-

¹⁾ *Lettres de madame Récamier*, 28 вандемьера, стр. 91.

²⁾ Донесеніе генеральнаго штаба, 25—26 вандемьера. Національный архивъ А-Ф, III, 168.

шекъ въ буржуа роялистовъ, давъ революціи кровавое доказательство своего рвенія. За эту пальбу его и прозвали «генераломъ вандемьеромъ»; это прозвище сохранилось въ памяти черни и сослужило ему службу. Утромъ 18 брюмера, нѣсколько террористовъ, еще лѣтомъ посаженныхъ въ тюрьму по приказу директоріи, при первомъ же извѣстіи подняли крикъ: «Это генераль вандемьеръ—онъ вернулся, чтобы спасти республику!»¹⁾

Настоящій народъ не заглядывалъ такъ далеко впередъ, глубоко равнодушный къ судьбѣ учреждений, получившій отвращеніе ко всякаго рода политикамъ, безучастный и къ подстрекательствамъ якобинцевъ, и къ замысламъ Сійэса съ его парламентскими приверженцами, всякаго чиновника почитавшій воромъ и продажной душой, онъ вѣрилъ въ Бонапарта, но ждалъ отъ него только одного, все того-же — мира съ чужеземцемъ. И слухи о его новомъ назначеніи ходили соотвѣтственные: одни увѣряли, что онъ снова приметъ начальство надъ всѣми арміями; другіе отправляли его въ Германію съ дипломатическимъ порученіемъ; для всѣхъ онъ былъ человѣкомъ, передъ которымъ союзники должны будутъ капитулировать. Онъ прекрасно понималъ и эксплуатировалъ это мнѣніе о немъ массъ. «Мы хотимъ завоевать миръ», говорилъ онъ вечеромъ 18-го своимъ писателямъ,— «это надо объявлять во всѣхъ театрахъ, публиковать во всѣхъ газетахъ, повторять въ прозѣ, въ стихахъ, даже въ пѣсняхъ»²⁾. Съ этого дня въ предмѣстьяхъ начинаютъ циркулировать слухи о мирѣ; это и было самой важной для народа новостью наканунѣ брюмера; полиція въ своихъ донесеніяхъ опредѣляетъ настроеніе народа слѣдующимъ образомъ: «Парижъ спокоенъ; рабочіе, въ особенности въ предмѣстьѣ Антуана жалуются, что сидятъ безъ работы, но повсемѣстно распространившіеся слухи о мирѣ, повидимому, оказываютъ на народъ благотворное вліяніе»³⁾.

¹⁾ *Mémorial de Norvins*, II, 217.

²⁾ „*Souvenirs d'un sexagénaire*“ *par Arnault, y Lescure*'a, II, 258. Пѣсня на самомъ дѣлѣ была сочинена Арно и Каде-Гассикуромъ; это знаменитая *Fanfare de Saint-Cloud*.

³⁾ Военный архивъ, общая переписка, бюллетень 12 брюмера. См. донесенія генеральнаго штаба 1—16 брюмера. Національный архивъ AF, III, 168.

Стоявшія въ Парижѣ войска, въ общемъ, готовы были поддержать предпріятіе. Гарнизонъ состоялъ изъ семи съ небольшимъ тысячъ человекъ, не считая гренадеровъ директоріи и совѣтовъ: три пѣхотныхъ полубригады — 6-я, 7-я и 96-я; 8-й и 9-й драгунскій полки и 21-й стрѣлковый съ нѣсколькими взводами артиллеріи 9-й бригады¹⁾. Большая часть этихъ войскъ видѣли Бонапарта въ дѣлѣ, и уже самый звукъ его имени билъ по струнамъ ихъ сердецъ; къ тому же они терпѣли матерьяльныя лишенія. Въ термидорѣ прошлаго года вернулась изъ плѣна 79-я полубригада въ самомъ плачевномъ видѣ; солдаты, загорѣвшіе, исхудалые, въ лохмотьяхъ, рассказывали о своихъ напрасныхъ подвигахъ на Корфу и о понесенныхъ ими необычайныхъ трудахъ²⁾, а Парижъ смотрѣлъ и слушалъ. Директорія, при своемъ постоянномъ безденежьи, не въ состояніи была удовлетворить потребностей войскъ, и среди нихъ росло ожесточеніе противъ этого правительства, неисправно платившаго жалованье, болтливаго, безсильнаго, подкупнаго, морившаго голодомъ солдатъ и въ трудную минуту не выручавшаго армій. Бонапартъ, наоборотъ, былъ для нихъ богомъ войны; притомъ же этотъ человекъ умѣлъ творить чудеса: онъ находилъ ресурсы тамъ, гдѣ другому бы и не догадаться поискать; онъ щедрою рукой одѣлялъ своихъ солдатъ идеаломъ и въ то же время умѣлъ доставить имъ удобства жизни, дать имъ и славу, и хлѣбъ. Въ особенности увѣрены были въ его торжествѣ кавалерійскіе полки; 9-мъ драгунскимъ, составленнымъ сплошь изъ храбрецовъ, командовалъ полковникъ Себастиани, корсиканецъ, проникнутый духомъ клана и фанатически преданный Бонапарту.

Директорія и совѣты имѣли собственную гвардію, приблизительно въ полторы тысячи человекъ: директорія—двѣсти конныхъ или пѣшихъ гренадеровъ съ многочисленнымъ главнымъ штабомъ, совѣты — тысячу двѣсти восемьдесятъ пѣшихъ гренадеровъ. То были молодцы по меньшей мѣрѣ пяти футовъ пяти дюймовъ роста; жалованье имъ платили

¹⁾ Военный архивъ, бюджетъ войскъ, входящихъ въ составъ парижскаго гарнизона отъ 16—30 брюмера VII года. Сюда надо прибавить еще 28 ротъ *національныхъ ветерановъ*, два Сенскихъ батальона и 168 жандармовъ. Въ 17-й дивизіи было всего 15,725 человекъ.

²⁾ *Publiciste*, 20 термидора.

аккуратнѣе и кормили ихъ лучше, чѣмъ остальные войска; они гордились своимъ красивымъ синимъ мундиромъ съ бѣлыми кожаными отворотами, своей медвѣжьей шапкой съ красными шнурками и алымъ султаномъ; грубые и задорные, они позволяли себѣ большія вольности по отношенію къ дисциплинѣ, курили трубки даже при исполненіи обязанностей службы, сопровождая кого-нибудь въ качествѣ свиты, поддразнивали и толкали буржуа, которые ихъ терпѣть не могли. Составъ этой стражи былъ самый разношерстный: остатки прежней гвардіи Коннетаблей, въ 1879 г. переданной въ распоряженіе учредительнаго собранія; французскіе гвардейцы изъ вѣроломнаго корпуса, 14 іюля примкнувшаго къ бунтовщикамъ, сохранившіе нравы своей части; люди съ подозрительнымъ прошлымъ, отъявленные негодяи и сутенеры¹⁾ и тутъ же ярые патріоты и хвастуны изъ предмѣстій, въ разное время поступившіе на службу; все это, слитое во-едино ради образованія корпуса жандармовъ національнаго конвента, видѣвшихъ непріятеля только въ Вандеѣ, во время коротенькой кампаніи; и рядомъ съ ними войны по профессіи, бывшіе солдаты, главнымъ образомъ, изъ нѣмецкой арміи²⁾.

Эти брюмерскіе гренадеры были, въ сущности, прямой противоположностью преторіанцамъ, съ которыми ихъ такъ часто сравнивали. Римскіе преторіанцы знали только своего вождя и ставили его выше всѣхъ законовъ; для нихъ отечествомъ былъ лагерь, а не городъ. Совѣты и директорію охраняли люди, большинство которыхъ не знало Бонапарта и было весьма доступно гражданскимъ страстямъ. Ярые демократы, суровые полицейскіе, любители задать трепку мюскаденамъ и вообще щеголямъ-аристократамъ, они счи-

¹⁾ Характерные отзывы о нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ послѣдствіи уволенныхъ Бонапартомъ, находимъ въ полицейскихъ донесеніяхъ: „Уволенные въ отставку офицеры бывшей гвардіи законодательнаго корпуса, равно какъ и гренадеры той же части, выгнанные за непослушаніе и распутство, остались въ Парижѣ. За ними слѣдятъ тѣмъ тщательнѣе, что большинство изъ нихъ, повидимому, не имѣютъ средствъ, живутъ на счетъ гулящихъ женщинъ и постоянно шатаются въ окрестностяхъ дворца Трибунала (Пале-Рояль)“.—4 мессидора VIII г. Национальный архивъ, АФ. IV, 1329.

²⁾ *Mémoires de Mathieu Dumas*, II, 102.

тали себя охранителями учреждений. Хотя многие из них, по своей распутной жизни, и были доступны подкупу, громкія слова, такъ часто слышанныя ими: «верховныя права народа, святыня законовъ, неприкосновенность народнаго представительства» еще не совсѣмъ утратили надъ ними власть. Теперь могло случиться, что имъ представится необходимость возстать на одинъ изъ совѣтовъ; какъ они поступятъ? Заранѣе отвѣтить на этотъ вопросъ было трудно; въ этомъ направленіи рисовалось что-то темное и подозрительное; приходилось принимать предосторожности и носить извѣстную личину.

Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, чтобы солдаты и офицеры другихъ частей, къ какой бы категоріи они ни принадлежали, были только пассивными орудіями въ рукахъ своихъ начальниковъ. Очень воинственные и въ то-же время ярые революціонеры, они презирали въ существующемъ режимѣ не столько учрежденія, сколько людей; они желали бы видѣть у кормила правленія испытанныхъ патріотовъ, знаменитыхъ республиканцевъ, воинственныхъ, насколько это только возможно, но правящихъ съ соблюденіемъ формъ и съ атрибутами гражданской власти. Ихъ опьяненное классическими воспоминаніями воображеніе рисовало имъ консуловъ съ увѣнчаннымъ лаврами челомъ, окруженныхъ ликторами съ пучками прутьевъ, опирающихся на мудрость сената и воплощающихъ въ себѣ величіе народа. Никогда бы они не стали помогать введенію чисто военного режима, созданію явной и патентованной диктатуры. Пошли-ли бы они до конца за Бонапартомъ, не останавливаясь и передъ физическимъ насиліемъ надъ директорами и враждебными ему депутатами? Да, но при условіи, чтобы они вѣрили, что это дѣлается для возрожденія, а не для ниспроверженія гражданской власти, при условіи также, что не нашлось бы несогласнаго генерала, уважаемаго, или прославленнаго побѣдами, который бы обличилъ диктатора, вызвалъ бы переворотъ въ настроеніи войскъ, смутилъ ихъ буйный духъ и съ оружіемъ въ рукахъ, спасъ учрежденія.

Изъ генераловъ, способныхъ на такую попытку, Журдана старались иммобилизовать. Ожеро попрежнему былъ неспособенъ дѣйствовать по собственному побужденію. Люсьенъ ручался за него, увѣряя, что, несмотря на свои свирѣпыя рѣчи,

этотъ хвастунъ не посмѣетъ послушаться приказа. «Я его позову съ пистолетомъ въ рукѣ, и онъ придетъ» ¹⁾. Иное дѣло Моро и Бернадотъ—съ ними необходимо было серьезно считаться. Моро слылъ вторымъ послѣ Бонапарта военачальникомъ республики, но онъ совершенно лишень былъ личнаго обаянiя, дара плѣнять и вызывать энтузіазмъ; у него была репутація, но не было популярности. Да онъ и самъ, какъ мы уже видѣли, сразу стушевался передъ Бонапартомъ, признавая необходимымъ дѣйствовать энергично и не желая взяться за это дѣло. Но такъ-какъ внѣ поля битвы онъ былъ человекъ боязливый и неустойчивый, а имя у него было крупное, его все же слѣдовало покрѣпче привязать къ себѣ и даже заручиться его сотрудничествомъ.

До возвращенiя изъ Египта, Бонапартъ и Моро не были знакомы лично и даже никогда не видали другъ друга. Ихъ въ простотѣ души свелъ у себя на обѣдѣ президентъ Гойе, 30 вандемьера. Бонапартъ былъ любезень и держалъ себя съ большимъ тактомъ. Онъ очень ловко преподнесъ косвенный комплиментъ Моро, похваливъ его офицеровъ: «Генераль, нѣсколько вашихъ лейтенантовъ были со мною въ Египтѣ, — прекрасные офицеры» ²⁾. Затѣмъ установились правильныя сношенiя, и вскорѣ договоръ былъ скрѣпленъ подаркомъ Бонапарта Моро—дамасскимъ кинжаломъ, осыпаннымъ брильянтами и оцѣненнымъ въ десять тысячъ франковъ. Держась въ сторонѣ отъ подготовительныхъ интригъ, Моро заявилъ однако, что явится по первому сигналу на переворотъ, какъ на службу; такимъ образомъ, избѣгая всякой инициативы, онъ добровольно шелъ подъ начало. Это не значить, чтобы онъ не завидовалъ Бонапарту, но онъ завидовалъ ему по своему, не посягая на его гражданское первенство. Втайнѣ онъ надѣялся, что Бонапартъ, бросившись въ политику, гдѣ онъ легко могъ, какъ столько другихъ, запутаться и погибнуть, избавить его отъ опаснаго соперника въ начальствованiи арміями.

Не таковъ былъ Бернадотъ, этотъ генераль-политикъ, который недавно блеснулъ такимъ ослѣпительнымъ метео-

¹⁾ *Grouvelle*.

²⁾ *Publiciste*, 2 брюмера.

ромъ въ военномъ министерствѣ, на мигъ, казалось, воплотивъ въ себѣ національную защиту. Онъ дѣйствительно былъ популяренъ; его выгодная внѣшность, умѣнье говорить, привѣтливое обращеніе, его жизнь на широкую ногу, пышные приемы,—все это привлекало къ нему людей и покоряло сердца. Хотя его и причисляли, какъ прежде, къ якобинцамъ, съ виду онъ, казалось, больше, чѣмъ кто бы то ни было, долженъ былъ быть преданъ Бонапартамъ, такъ какъ былъ женатъ на Дезирэ Клари, *belle-soeur* Жозефа. Но, въ сущности, на этого quasi-родственника можно было положиться меньше, чѣмъ на кого-бы то ни было. Онъ не могъ простить себѣ, что, имѣя возможность захватить въ свои руки власть, въ бытность свою министромъ, по недостатку характера, пропустилъ случай: согласится-ли онъ облегчить другому такой захватъ?

Бонапартъ тянулъ его къ себѣ, старался играть на его чувствительныхъ стрункахъ, или же дразнилъ его и подтрунивалъ надъ нимъ, называя его то шуаномъ, то якобинцемъ. Онъ старался также скомпрометировать его, афишируя свою близость, напрашиваясь къ нему на завтракъ или-же являясь безъ приглашенія «на чашку кофе» ¹⁾. Бернадотъ не уклонялся; бывалъ на всѣхъ семейныхъ сборищахъ и пикникахъ, отплачивалъ вдвойнѣ и втройнѣ за любезность, устраивалъ у себя, въ Цизальпинской улицѣ, обѣды для Бонапартовъ, былъ любезнымъ хозяиномъ и болталъ безъ умолку; но на всякое откровенное приглашеніе уклонялся отъ отвѣта, прячась, какъ за щитомъ, за громкими словами и принципами. Жозефъ и Наполеонъ устроили за нимъ домашній надзоръ, приставили къ нему альковную полицію, въ лицѣ его жены, которую онъ очень любилъ. Жена, душою преданная Бонапартамъ, старалась взять его лаской, но Бернадотъ, хотя и любилъ жену, не довѣрялъ ей, и постоянно ускользалъ изъ сѣти, которой его пытались опутать. Никто не зналъ навѣрное, какъ онъ поступитъ, и самъ онъ съ его упорнымъ честолюбіемъ, мучительной зави-

1) Mémoires de Barras, IV, 48. *Touchard Lafosse* 226 и д. Все сообщаемое о Бернадотѣ въ Мемуарахъ Барраса и въ книгѣ Тушаръ-Лафосса, повидимому, исходитъ изъ одного и того-же источника, отъ Русселена де Сентъ-Альбэнъ, друга и повѣреннаго генерала.

стью и неопредѣленностью желаній, хорошенько не зная этого. Пока онъ оставался въ сторонѣ, тревожно слѣдя за всѣмъ происходившимъ, слишкомъ нерѣшительный, чтобы пойти наперекоръ, слишкомъ честолюбивый, чтобы подчиниться.

Другіе генералы, командовавшіе, или нѣтъ, отдѣльными частями, не внушали опасеній. Макдональдъ, Бёрнонвиль, Серюрье, сами предложили свою помощь. За парижскаго коменданта, Лефевра, можно было поручиться, что онъ подчинится Бонапарту, какъ только тотъ указомъ совѣта старѣйшинъ будетъ поставленъ выше его въ служебной іерархіи, и счастливъ будетъ повиноваться такому начальнику. Это онъ сказалъ 18 брюмера: «намъ нужна не конституція, а запретъ (*consigne*)» ¹⁾.

Генералы вернувшіеся съ Бонапартомъ изъ Египта, его адъютанты, были превосходными посредниками въ переговорахъ съ тѣми офицерами, которые не пришли сами безъ зова. Эту заботу взяли на себя Леклеръ, мужъ Полины, и Мюратъ, который долженъ былъ жениться на Каролинѣ. Мюратъ раньше служилъ въ 21-мъ стрѣлковомъ полку; онъ умѣлъ подогрѣть усердіе своихъ бывшихъ товарищей. Леклеръ, всѣми уважаемый, даровитый, имѣлъ много связей въ военномъ служебномъ мірѣ и утилизировалъ ихъ. Такимъ образомъ пропаганда захватила мало по малу и тѣ круги, куда Бонапарту особенно интересно было проникнуть. Убѣдились, что командиръ директоріальной гвардіи, генералъ-адъютантъ Жюбе, болѣе политикъ, чѣмъ солдатъ, и протезе Барраса, первый порветъ съ своимъ покровителемъ и примкнетъ къ Бонапарту. Бланшаръ, начальникъ гвардіи совѣтовъ уже однажды измѣнилъ своему долгу 18 фрюктидора, и съ нимъ не трудно было сговориться. За его полезныя услуги въ фрюктидорѣ директорія ласкала его и повысила въ чинѣ; но именно потому, что онъ, будучи военнымъ, занимался политикой, онъ въ брюмерѣ и пошелъ противъ директоріи; къ подначальнымъ лицамъ посылали и посредниковъ поплоче; ихъ просто сманивали на службу къ Бонапарту.

¹⁾ Полицейское донесеніе отъ 28 сентября 1808 г. Національный архивъ. А. F. IV, 1503.

Несомнѣнно, тратились и деньги; откуда они брались? Бонапартъ привезъ изъ Италіи нѣсколько милліоновъ; во время египетскаго похода Жозефъ, которому поручено было завѣдывать этими деньгами, обратилъ ихъ въ общій семейный фондъ; онъ съ Люсьеномъ израсходовали нѣсколько милліоновъ на покупку земель и замковъ, на роскошную жизнь и на свои честолюбивые планы. Вернувшись, Бонапартъ, по словамъ Редерера, не нашелъ въ кассѣ и ста луи, а у жены кучу долговъ ¹⁾. Словъ Редерера, конечно, нельзя принимать буквально, но въ наличныхъ деньгахъ, несомнѣнно, ощущался недостатокъ; зато фискальныя притѣсненія въ послѣдніе мѣсяцы и прогрессивный налогъ подготовили ему ресурсы, заставивъ всѣхъ дѣльцовъ и финансистовъ призывать спасителя.

Еще на дняхъ новая угроза повергла въ смятеніе поставщиковъ. По инициативѣ депутата Дельбреля, совѣтъ пятисотъ вынесъ постановленіе, переданное теперь въ совѣтъ старѣйшинъ, о лишеніи поставщиковъ предоставленныхъ имъ полномочій (*délégations*) вѣдать поступленіе нѣкоторыхъ налоговъ; такимъ образомъ они лишились права самимъ получать обратно ссуженныя имъ правительству суммы. Надо было во что-бы то ни стало отвести ударъ. Они кинулись къ Бонапарту. По всей вѣроятности, они обѣщали поддержку основанныхъ ими крупныхъ компаній, подъ условіемъ, что они не будутъ лишены своихъ привилегій ²⁾.

Одинъ изъ нихъ опередилъ всѣхъ; то былъ банкиръ и подрядчикъ Колло, на рѣдкость интеллигентный и одаренный блестящимъ умомъ, дѣлецъ и поэтъ, человѣкъ разумный и способный къ энтузіазму. Онъ всесторонне изучилъ характеръ Бонапарта и все же не могъ устоять противъ обаянія этого великаго ловца человѣковъ. Въ свое время, сопровождая его на Мальту, онъ по дорогѣ говорилъ Жюно:

¹⁾ Oeuvres, III, 295.

²⁾ Дельбрель впоследствии писалъ: „Я имѣю полное основаніе думать, что эти компаніи были весьма полезными помощницами при осуществленіи задуманной революціи. Разумѣется, онъ обѣщали свое содѣйствіе лишь подъ условіемъ, чтобы принятая по моему предложенію совѣтомъ пятисотъ резолюція была отвергнута старѣйшинами“. Рукопись, помѣщенная въ *République française*.

«Ты видишь, что это за человѣкъ; еслибъ ему понадобилось, онъ бы любого изъ насъ не задумался выкинуть за бортъ, но въ угоду ему мы и сами всѣ кинулись бы въ воду, не дожидаясь его приказа»¹⁾. По возвращеніи Бонапарта изъ Египта, онъ, по своему, былъ очень полезенъ ему и много помогаль ему деньгами. Обращались частнымъ образомъ и къ другимъ банкирамъ, получая согласіе, иногда отказъ. Бонапартъ не брезгалъ и самъ порою лично вступать въ переговоры. Однажды вечеромъ онъ посѣтилъ банкира Нодлера въ его помѣстьѣ, въ Севрѣ, и вернулся очень довольный; едва ли причиной этого хорошаго настроенія было исключительно удовольствіе прокатиться за городъ осенью. Не видно однако-же, чтобъ крупные банкиры уже теперь оказывали ему денежное содѣйствіе, или, по крайней мѣрѣ, чтобы имена ихъ фигурировали въ дѣлѣ; но они, несомнѣнно, желали ему успѣха и готовы были сгладить предстоящія затрудненія. Поддержка крупныхъ капиталистовъ была обезпечена тому, на кого еще не переставали возлагать надежды яacobинскіе агитаторы.

3.

Такъ велось дѣло. Совѣщанія посвященныхъ происходили повсюду, то у того, то у другого; все дѣбалось торопливо и крадучись. Бонапартъ принималъ теперь съ утра до вечера. Однажды, генераль-адъютантъ Тьебо, явившись къ нему въ десять часовъ утра, засталъ его уже въ гостиной, въ бесѣдѣ съ визитеромъ; окончивъ разговоръ, хозяинъ подошелъ къ Тьебо и пригласилъ его остаться запросто позавтракать. Жозефина уже вышла; они сѣли за столъ.

За завтракомъ Бонапартъ великолѣпно говорилъ, клеймя учрежденія и правителей. «Эти люди принижаютъ Францію до уровня собственной своей бездарности; они позорятъ ее, она отметааетъ ихъ»¹⁾.

Пришлося поспѣшить съ окончаніемъ завтрака, такъ какъ доложили, что въ гостиной ждетъ генераль Серюрье. Бонапартъ былъ очень ласковъ съ Тьебо, намекая ему, чтобы онъ держался наготовѣ, — въ случаѣ чего, — онъ возъ-

¹⁾ Mémoires de *Thiebault*, II, 61.

меть его себѣ въ адъютанты — и направилъ его къ Бертѣе, который велъ счетъ приверженцамъ и составлялъ списки.

Наплывъ посѣтителей не уменьшался до сумерекъ, когда домикъ «генерала», скрытый въ глубинѣ узенькой аллеи, озарялся огнями. Жозефъ приводилъ Моро; тотъ входилъ, крадучись, чтобы въ двухъ словахъ подтвердить свою готовность быть союзникомъ и сейчасъ-же скрыться. «Салонъ въ маленькомъ домикѣ въ улицѣ Побѣды былъ уже биткомъ набитъ собравшимися гостями». ¹⁾ За обѣдомъ всегда присутствовали одинъ-два ученыхъ и военные. И вечеромъ домъ «генерала» былъ открытъ для привилегированныхъ изъ всякихъ сферъ — и тѣхъ, кого важно было получить, и тѣхъ, кого слѣдовало обмануть.

Рамки были элегантны, насколько это допускала миниатюрность размѣровъ; обстановка самая парижская, согласно требованіямъ тогдашней моды, т. е. греческая, коринѣская, римская, египетская, съ остатками стараго французскаго вкуса и старомодного изящества; залъцо съ колоннами, съ тонкой золоченой рѣзбой, съ мозаичнымъ поломъ, съ расписными стѣнами, на которыхъ порхали крылатыя фигурки. Въ этомъ салонѣ, заставленномъ бронзой и мебелью краснаго дерева, среди треножниковъ и урнъ, принимала гостей Жозефина, еще красивая при свѣчахъ, со своимъ разрисованнымъ лицомъ и ухищреніями туалета, превосходно умѣвшая переводить разговоръ на другое, когда тема становилась скабрешной, и мило болтать о пустякахъ, занимая директора Гойе, котораго она усаживала на диванчикъ возлѣ себя. Порою въ этомъ салонѣ появлялась и тоненькая стройная пансіонерка, Гортензія; женщинъ было мало; инныя являлись въ *пеплумахъ*, сидѣли въ небрежныхъ смѣлыхъ позахъ, болтали, сюсюкая, игриво, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Возлѣ нихъ, наклоняясь къ нимъ, чтобъ слышать слова, возсѣдали политическіе дѣятели съ осанкой прокуроровъ, «и подбородкомъ, лежащимъ на галстухѣ» ²⁾, съ шеей, совершенно потонувшей въ волнахъ кисеи и мѣшковатомъ воротникѣ просторнаго чернаго фрака; нѣсколько *ci-devant*,

1) Mémoires de *Joseph*, I, 76.

2) Архивъ въ Шантильи, письмо отъ 1-го дополнительнаго дня VIII года.

по стариковски элегантныхъ и надутыхъ генераловъ, адъютантовъ Бонапарта, въ доломанахъ, обшитыхъ галунами, ибо въ этомъ разслабленномъ обществѣ эпохи конца революціи, женскую наготу, едва прикрытую прозрачными матеріями, всегда отбѣнялъ грубый блескъ мундировъ; въ раззолоченныхъ салонахъ всегда слышалось бряцанье сабель и звяканье шпоръ.

Центромъ оставался Бонапартъ. Прислонившись къ камину, или переходя отъ одной группы къ другой, онъ оживленно бесѣдовалъ съ гостями фамиллярнымъ и въ то-же время авторитетнымъ тономъ, однимъ взглядомъ заставляя склоняться передъ собой всѣхъ этихъ людей, которые были головой выше его; затѣмъ, отведя когонибудь въ сторонку, заводилъ рѣчь о самомъ главномъ, спорилъ, горячился, предупреждалъ возраженія и опровергалъ ихъ.—Обвинять его въ томъ, будто онъ хочетъ чего то иного, кромѣ республики, въ основу которой положены извѣстные принципы,—какая нелѣпость!—«Только сумасшедшій могъ бы съ легкимъ сердцемъ подстроить такъ, чтобы республика проиграла свой закладъ королевской власти въ Европѣ, послѣ того, какъ она такъ долго отстаивала его не безъ славы и подвергаясь столькимъ опасностямъ!... Было бы святотатствомъ посягнуть на представительное правительство въ вѣкъ просвѣщенія и свободы»¹⁾. Онъ сводилъ вмѣстѣ недовольныхъ режимомъ, разжигалъ ихъ ненависть; пытался поссорить своихъ противниковъ, передавая имъ все дурное, сказанное о нихъ, унижаясь до сплетенъ, спускался въ самую грязь политики, лѣпя изъ нея нужныя ему фигуры,—и вдругъ однимъ взмахомъ поднимался надъ всей этой грязью и парилъ на высотѣ, въ двухъ словахъ высказывалъ высокую мысль, находя удивительные обороты рѣчи, фразы, простыя и прекрасныя, какъ античная древность.

Теперь онъ иногда выходилъ изъ дому, по вечерамъ, показывался въ салонахъ. Его неожиданное появленіе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, на одномъ изъ періодическихъ вечернихъ пріемовъ г-жи Рейнаръ, было цѣлымъ событіемъ. Тамъ собирались представители служебнаго и дипломатическаго міра. Нежданный гость держалъ себя

¹⁾ *Roederer*, „Oeuvres“, III, 300 и *Cambacérés*, „Eclaircissements inédits“.

скромно и въ то-же время властно, былъ «простъ, какъ тотъ, кто вправѣ требовать всего» ¹⁾; онъ какъ будто хотѣлъ затеряться въ толпѣ, вполне увѣренный, что и тамъ онъ останется мишенью всѣхъ взглядовъ. Онъ не старался блистать, но бесѣдовать съ нимъ было такъ интересно, его умъ былъ такъ живъ, такъ непринужденно свободенъ, что это очаровывало больше банальныхъ любезностей. Отъ него ждали великой помощи, и никому не приходило въ голову просить его о маленькихъ услугахъ. Одинъ молодой человекъ, имѣвшій неосторожность попросить Бонапарта замолвить за него словечко передъ директоріей, нарвался на такой отвѣтъ: «Тамъ, гдѣ я бываю, я приказываю, или молчу» ¹⁾.

Вокругъ него его друзья, близкіе пріятели, братья, маневрировали каждый на свой ладъ и согласно своимъ способностямъ. Редереръ и Реньо, смѣтливые и практичные, скромно дѣлали свое дѣло. Талейранъ, небрежно раскинувшись на канapé съ бронзовой инкрустаціей, полулежа, съ безстрастнымъ лицомъ, съ пудрой въ волосахъ, говорилъ мало, время отъ времени вставляя мѣткое язвительное словцо, какъ молнія, освѣщавшее разговоръ, и снова принимая равнодушный, изящно томный видъ ²⁾. Литераторъ Арно и другіе писатели ловили каждое слово генерала, чтобы воспользоваться имъ для статьи. Булэ обнаруживалъ большую рѣшительность въ сужденіяхъ; Реаль, террористъ, вернувшійся издалека, умница, весельчакъ и циникъ, при каждомъ удобномъ случаѣ отпускалъ грубыя шуточки, отъ которыхъ еще забавнѣе казалась его «фізіономія тибетской кошки» (*Chat tigre*) ³⁾.

Жозефъ обладалъ гибкостью ума и обаятельнымъ обращеніемъ. Его домъ, красивый отель въ улицѣ Эрранси, въ кварталѣ Роше, также былъ центромъ. Работали и у Талейрана, въ улицѣ Тэбу, въ то время, какъ г-жи Гранъ и де Камбисъ играли въ вистъ съ хозяиномъ дома, «герцогиня д'Оссуна, присѣвъ на столикъ, болтала съ Редереромъ», а латинистъ Лемэръ угощалъ собесѣдниковъ «гимназическимъ остроуміемъ» ⁴⁾. Работали и въ засѣданіяхъ ко-

¹⁾ *Lettres de madame Reinhard*, 93.

²⁾ *Lettres de Charles de Constant*, 87.

³⁾ *Allonville*, „Mémoires“, III, 66.

⁴⁾ Слова Бонапарта, приводимыя *Yung* омъ въ „Bonaparte et son temps“, III.

мпссій. и въ квартирахъ депутатовъ, даже въ отдѣльныхъ кабинетахъ рестораноу и кулуарахъ театровъ: Парижъ уже и тогда былъ городомъ, гдѣ самыя важныя дѣла обдѣлываются «въ Оперѣ, во время антракта». ¹⁾ У *брюмерцевъ* былъ свой придворный рестораторъ, Розъ, которому пришла гениальная мысль переложить свою карточку въ стихи. Каждый разъ за столомъ появлялось новое лицо, какойнибудь неожиданный союзникъ, чиновникъ или депутатъ, а раньше завербованные дивились и радовались: Ага! и этотъ явился! да что же это!—все правительство значить въ заговорѣ противъ самого себя!...

Изъ министровъ оказывалъ содѣйствіе Камбасерэсъ своимъ обширнымъ вліяніемъ. Роберта Линде, министра финансовъ, Сійэсъ зондировалъ напрасно ²⁾. Военный министръ, Дюбуа-Крансъ, по прежнему держался оборонительной тактики, но уже рѣшено было указомъ старѣйшинъ лишить его всякой фактической власти надъ войсками. Остальные, за исключеніемъ Фуше, не шли въ счетъ. Жозефъ привелъ Ле Кутэ де Кантеле, президента центральной администраціи департамента Сены; это обѣщало весьма цѣнную поддержку высшей власти въ городѣ. Реаль, комиссаръ при департаментѣ, могъ воздѣйствовать на комиссаровъ, прикомандированныхъ къ округамъ, и держалъ ихъ въ рукахъ. Изъ старѣйшинъ наиболѣе связали себя обѣщаніями Корнюде, Ренье, Корнэ, Фаргъ. Шазаль, Булэ, Годэнъ, Фрежевилль, Вильтаръ старались повліять на своихъ друзей въ совѣтѣ пятисотъ. Семонвилль, заранѣе чувшій успѣхъ, сразу примкнулъ къ новой партіи; Бенжаменъ Констанъ, прославившійся своими сочиненіями, но крайне огорченный тѣмъ, что ему до сихъ поръ не удалось попасть ни въ одно изъ собраній, ждалъ отъ предстоящей революціи блестящаго парламентскаго положенія и ревностно содѣйствовалъ ей, равно какъ и «многіе другіе, впоследствии ядовито порицавшіе правленіе Бонапарта» ³⁾. Каждый дѣйствовалъ въ своей сферѣ, привлекая обращенныхъ и полуобращенныхъ, не щадя силъ, чтобы помочь ходу дѣлъ.

¹⁾ *Arnault, у Lescuré'a, II, 245.*

²⁾ *Armand Montier, „Robert Lindet“, 379.*

³⁾ *Cambacérés.*

Всѣ они только шли вослѣдъ движенію, не создавая его, увлекаемые стремленіемъ цѣлаго народа къ необычайному и обаятельному существу, избраннику народнаго инстинкта.

Число посвященныхъ въ тайну цѣликомъ, т. е. въ порядокъ и процедуру выполненія, тѣмъ не менѣе оставалось очень ограниченнымъ. За исключеніемъ друзей, примкнувшихъ къ нимъ съ первой минуты, Бонапартъ и Сійэсъ были вполне откровенны съ очень немногими. Остальнымъ объясняли только каждому предназначенную ему роль въ ансамблѣ и какой услуги отъ него ожидали. Робкимъ говорили, что учрежденій коснутся лишь слегка и сулили, что въ будущемъ они сохранятъ свои мѣста, или найдутъ себѣ новыя. Относительно этого будущаго вожжаки заговора были тѣмъ скромнѣе, что сами хорошенько не выяснили его себѣ и руководились скорѣе убѣжденіемъ въ необходимости реформъ, чѣмъ готовымъ планомъ переустройства государства. Это составляло и сильную, и слабую сторону дѣла, позволяло сплотиться разнороднымъ сообщникамъ, въ то-же время внося въ ихъ дѣятельность какую-то разбросанность и нерѣшительность.

Несмотря на всеобщее, хотя и неопредѣленное содѣйствіе и соучастіе, вожди движенія не были спокойны; нескромность, измѣна могли погубить ихъ. Однажды вечеромъ Бонапартъ и нѣсколько вѣрныхъ собрались у Талейрана, какъ вдругъ топотъ копытъ кавалерійскаго отряда, какъ будто подѣхавшаго и остановившагося у дверей, повергъ ихъ въ смятеніе; на повѣрку оказалось, что это былъ просто отрядъ конныхъ жандармовъ, конвоировавшій отъ Пале-Рояля пошлину, собираемую государствомъ съ азартныхъ игръ, чтобъ уберечь деньги отъ воровъ и грабителей, караулившихъ въ засадѣ на каждомъ углу ¹⁾. Полиція смотрѣла сквозь пальцы на подготовительныя операціи заговорщиковъ, была умышленно слѣпа и глуха. Фуше рѣшилъ, что никакого заговора нѣтъ и громогласно утверждалъ это, требуя, чтобъ ему вѣрили, такъ какъ, еслибъ заговоръ существовалъ, онъ бы зналъ это и грозою налетѣлъ бы на заговорщиковъ. Однажды, на вечерѣ у Бонапарта, онъ говорилъ

¹⁾ Mémoires de Talleyrand, I, 272.

по этому поводу такіа страшныя слова, что у дамъ пробѣгала дрожь по спинѣ: «Если бы заговоръ существовалъ все время, что о немъ идутъ слухи, развѣ мы не имѣли бы доказательства тому на площади Революціи, или на Гренелльской площади?»¹⁾

Въ послѣднее время и Фуше былъ исключенъ изъ числа вполне посвященныхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ партія тѣсно сблизилась съ Сійэсомъ, выкинувъ за бортъ Барраса, другомъ котораго оставался Фуше, и министръ полиціи казался недостаточно надежнымъ для того, чтобы заблаговременно предупредить его. Да о немъ и нечего было особенно тревожиться: заговорщики знали, что когда начнется кризисъ, если только они сразу возьмутъ перевѣсъ, онъ перейдетъ на ихъ сторону.

Самъ Фуше, повидимому, не добивался признаній, которыя бы слишкомъ скомпрометировали его. Онъ помогъ пустить дѣло въ ходъ и слегка отстранился, предоставивъ ему развиваться самостоятельно; онъ не препятствовалъ, но и не хотѣлъ стоять слишкомъ близко, ибо ему казалось, что руководители уклоняются отъ намѣченнаго пути и нѣкоторые шансы на успѣхъ потеряны. Кѣмъ окружалъ себя теперь Бонапартъ? Ораторы, говоруны, теоретики, члены института,—все люди по существу неспособные дѣйствовать энергически. Нѣсколько якобинцевъ, хорошо вышколенныхъ и выдрессированныхъ, были бы, по его мнѣнію, гораздо полезнѣе. И былъ-ли онъ такъ ужъ неправъ? Вѣдь друзья Бонапарта въ парламентѣ 19-го днемъ дѣйствительно чуть было не погубили дѣла, бросивъ его въ критическую минуту. Итакъ, Фуше держался поодаль; не вѣря въ сопротивленіе директоріи, но и не вполне увѣренный въ успѣхѣ Бонапарта, онъ оберегалъ собственные шансы и велъ свою особую линію. Пока онъ не пускалъ въ ходъ своей полиціи, но крѣпко держалъ ее въ рукахъ, быть можетъ, надѣясь между низвергнутой директоріей и неудавшейся затѣей одинъ уцѣлѣть и остаться господиномъ положенія. Вмѣсто того, чтобы приставать къ Бонапарту съ разспросами, онъ задалъ ему роскошный обѣдъ, послѣ

¹⁾ *Arnault*, у *Lescure'a*, II, 244.

котораго Лэ (*Lais*) и Шерокъ пѣли поэмы Оссіана ¹⁾. Готовый ко всему, онъ могъ обойтись безъ празднаго любопытства. Несмотря на разнорѣчивость свидѣтельствъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Бонапартъ утаилъ отъ него окончательный планъ и не сообщилъ срока его осуществленія ²⁾.

Между тѣмъ, все говорило за то, что пора назначить день и кончать. Часть общества уже успѣла провѣдать о томъ, что что-то такое творится, и забила тревогу. Дѣла и торговля окончательно стали. «Никто ничего не смѣетъ предпринять, говорится въ одномъ полицейскомъ донесеніи, — толкуютъ, что готовится новый переворотъ» ³⁾. Послѣ временнаго затишья атмосфера опять стала тяжелая, какъ передъ грозой; длить это тягостное состояніе было-бы опасно. Офицеры, храбрые воины, выказывали нетерпѣніе. Фактъ большой важности — въ совѣтѣ пятисотъ большинство, уступая общимъ желаніямъ, склонялось въ пользу отмѣны имъ же вотированныхъ законовъ. Незадолго до 15 оно весьма серьезно обсуждало вопросъ, нельзя-ли замѣнить принудительный заемъ и прогрессивный налогъ менѣе обременительной контрибуціей. Если дать теперешнему режиму время обуздать себя, онъ, чего добраго, опять войдетъ въ милость у публики, жаждавшей покоя; надо было во что-бы то ни стало лишить его возможности исправить свои ошибки и ускорить его паденіе.

Въ послѣднюю минуту нѣкоторые изъ парламентаріевъ, примкнувшихъ къ заговору, смутились духомъ; увидавъ преграду вблизи, они струсили и потребовали отсрочки. Бонапартъ нашель, что «эти дураки» слишкомъ жеманятся. По словамъ Арно, онъ однако далъ имъ сроку восемь часовъ для того, чтобы отдѣлаться отъ своихъ угрызений и страховъ: «Я даю имъ время убѣдиться, что я могу сдѣлать и безъ нихъ то, что соглашаюсь сдѣлать вмѣстѣ съ ними ⁴⁾. Онъ не пошелъ болѣе ни на какія уступки и окон-

¹⁾ *Journal des hommes libres*, 14 брюмера.

²⁾ Камбасересъ категорически утверждаетъ это, „что-бы тамъ ни говорили и ни толковали“.

³⁾ „Мемуары“ *Barrasa*, IV.

⁴⁾ *Mémoires d'un sexagénaire* 215. *Sébastiani dans Vatout*, „le Palais de Saint Cloud“, 238. Вѣрять ли слуху, будто Бонапартъ, вынужденный отказаться отъ перваго назначеннаго срока, 16-го, самъ пред-

чательно назначилъ день, — 18 брюмера, соотвѣствовавшее девятому ноября.

4.

На 15-ое назначенъ былъ большой обѣдъ, который совѣты намѣревались дать двумъ генераламъ, сведеннымъ въ Парижѣ счастливымъ случаемъ, — Бонапарту и Моро. Но возникли затрудненія; совѣты не могли сговориться даже насчетъ обѣда: нѣкоторые якобинскіе депутаты запротестовали; впрочемъ, они возражали не противъ Бонапарта, но противъ Моро, заподозрѣннаго въ излишней умѣренности. Чтобы выйти изъ затрудненія, организаторы праздника рѣшили устроить его по подпискѣ: всякій членъ совѣтовъ могъ участвовать, внося тридцать франковъ. Только такимъ манеромъ банкетъ могъ состояться въ назначенный день въ церкви св. Сюльпиція, превращенной послѣ революціи въ храмъ Побѣды.

Внутренность церкви была богато украшена драпировками и трофеями побѣды, а также отобранными у непріятеля знаменами. Надъ прежнимъ алтаремъ красовалась патріотическая надпись. Обыватели не безъ тревоги смотрѣли на эти приготовленія, опасаясь, какъ бы якобинцы, искавшіе только удобнаго случая, не взорвали церкви; корзины съ крышками, которыя проносили въ погреба, на самомъ дѣлѣ наполненыя бутылками вина, могли содержать въ себѣ порохъ. 15-го назначено было собраться къ шести часамъ. Вокругъ храма топталось въ туманѣ довольно много народу; въ толпѣ слышался ропотъ на такой бесполезный расходъ въ минуту общей нужды; порицали законодательный корпусъ, говоря: «Еслибъ депутаты захотѣли, они могли бы зажать рты, пожертвовавъ на благотворительныя учрежденія такую же сумму, въ какую имъ обошелся этотъ обѣдъ»¹⁾. Но преобладающее настроеніе

ничего не предпринимать 17, такъ какъ это была пятница? Заглянувъ въ оба календаря, убѣдимся, что 17-ое дѣйствительно прихотилось на пятницу.

¹⁾ Донесеніе генеральнаго штаба отъ 13 — 14 брюмера. Национальный архивъ А. F., III.

въ толпѣ было любопытство,—желаніе посмотрѣть на Бонапарта. «Большинство любопытныхъ пришли сюда только для того, чтобы увидѣть генерала Буонапарте»¹⁾. «Когда онъ подъѣхалъ въ каретѣ со своими товарищами по Египту, со своими африканцами, народъ сталъ кричать: «Да здравствуетъ Бонапартъ! Мира! Мира!»²⁾.

Въ огромной оскверненной церкви, гдѣ было холодно, какъ въ ледникѣ, и гдѣ ноябрьская сырость паромъ осѣдала на стѣнахъ, пировали, или вѣрнѣе пытались пировать семьсотъ человекъ: пятьсотъ депутатовъ и двѣсти гостей, въ числѣ которыхъ фигурировали испанскій адмиралъ Мазарредо и Костюшко. «На верхнемъ концѣ стола возсѣдалъ президентъ совѣта старѣйшинъ, посрединѣ направо президентъ директоріи, налѣво генералъ Моро, возлѣ него президентъ совѣта пятисотъ и рядомъ генералъ Бонапартъ»³⁾. «Эта братская вечеря происходила подъ звонъ прекрасно подобранныхъ колоколовъ св. Сюльпиція; звонилъ профессоръ консерваторіи. Въ честь обоихъ героевъ, «французскихъ Сципіона и Фабія», распѣвали на рѣдкость пошлые куплеты, произведеніе депутата Феликса Фокона. На другой день газеты восхваляли блестящій и задушевный праздникъ; то были заказныя похвалы, ибо на этомъ праздникѣ всѣ испытывали на себѣ гнетъ обычной наканунѣ битвы тревоги; партіи, съ виду братаясь между собою, на самомъ дѣлѣ подозрѣвали другъ дружку и искоса подглядывали одна за другой. Отсутствие Журдана, Ожеро, Бернадота бросалось въ глаза; правда, Журданъ на другой день долженъ былъ обѣдать у Бонапарта, въ небольшой компаніи. Бонапартъ ѣлъ мало, едва дотрогивался до кушаній, быть можетъ, боясь отравы. Когда начался длинный рядъ тостовъ, онъ поднялся и предложилъ выпить за единеніе всѣхъ французовъ: этотъ тостъ былъ уже правительственной программой.

Онъ всталъ изъ за стола одинъ изъ первыхъ и прошелъ на другой конецъ огромнаго стола, тамъ и сямъ перемигиваясь съ друзьями, безмолвно ободряя ихъ, но избѣгая вызвать какія-бы то ни было манифестаціи; собрав-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Газета *Propagateur*.

³⁾ *Publiciste*, 17-го.

шіеся думали, что онъ еще среди нихъ, тогда какъ онъ уже скрылся черезъ боковую дверь, уводя съ собой своихъ адъютантовъ и увлекая Моро.

Въ ту-же ночь онъ видѣлся съ Сійесомъ, что не помѣпало ему на слѣдующій день очень любезно принимать у себя за столомъ Журдана, корифея противной партіи. Послѣ обѣда, по словамъ самого Журдана, завязался слѣдующій разговоръ наединѣ:

Бонапартъ:—«Такъ какъ же, генераль, что вы думаете о положеніи республики?»

Журданъ: — «Я думаю, генераль, что, если люди, которые такъ скверно правятъ страной, не будутъ удалены и не будетъ налаженъ лучшій порядокъ вещей, нельзя надѣяться на спасеніе отечества.

Бонапартъ: — «Очень радъ видѣть въ васъ такія чувства. Я боялся, не принадлежите ли вы къ тѣмъ, кто безъ ума отъ нашей скверной конституціи».

Журданъ: — «Нѣтъ, генераль, я убѣжденъ, что наши учрежденія необходимо видоизмѣнить, но только безъ ущерба для основныхъ принциповъ представительнаго правительства и великихъ принциповъ свободы и равенства».

Бонапартъ: — Разумѣется, нужно, чтобы все дѣлалось въ интересахъ народа, но все таки необходима болѣе твердая власть.

Журданъ: — «Я согласенъ съ вами, генераль; и я, и друзья мои готовы присоединиться къ вамъ, если вы сообщите намъ ваши планы».

Бонапартъ: — «Я ничего не могу сдѣлать съ вами и вашими друзьями: у васъ нѣтъ большинства. Вы напугали совѣтъ предложеніемъ объявить отечество въ опасности и вотируете заодно съ людьми, которые позорятъ вашу партію. Что касается лично васъ и вашихъ друзей, я вѣрю въ ваши добрыя намѣренія, но въ данномъ случаѣ не могу итти съ вами. Впрочемъ, вы не безпокойтесь, — все будетъ сдѣлано въ интересахъ республики» ¹⁾.

Онъ продолжалъ въ томъ же тонѣ, избѣгая показывать, насколько онъ связанъ съ Сійесомъ, и «о каждомъ изъ

¹⁾ Notice inédite Журдана.

директоровъ высказывался болѣе или менѣе презрительно»¹⁾. Приходь Булэ прервалъ разговоръ. Въ итогѣ Бонапартъ добился своего: Журданъ при немъ формально отрекся отъ республиканскихъ учрежденій; это было важное признаніе, которое слѣдовало запомнить и которое могло пригодиться. Якобинскій генераль умалчиваетъ объ этомъ въ своемъ рассказѣ, но, по всей вѣроятности, Бонапартъ предложилъ ему личныя гарантіи и удовлетвореніе: это достаточно доказываетъ двусмысленнымъ поведеніемъ Журдана 18-го и утромъ 19-го. Остальные якобинцы, смутно догадываясь, въ чемъ дѣло, все старались опередить противниковъ, но тратили силы на бесплодные споры и безуспѣшно зондировали почву въ предмѣстьяхъ.

16-е и 17-е ушли на окончательную подготовку и плутни. Президенты обѣихъ палатъ, инспектора залы, парламентскіе говоруны, увлекавшіе равнодушныхъ, распредѣлили между собою роли. Черновая указа о переводѣ собраній была отредактирована заранѣе, такъ что старѣйшинамъ пришлось вотировать уже готовый актъ. Рѣшено было, что Бонапартъ у себя дома будетъ ждать зова, затѣмъ сядетъ на лошадь, пріѣдетъ въ совѣтъ старѣйшинъ и, получивъ отъ нихъ инвеституру, займетъ войсками Парижъ. Его верховыя лошади еще не успѣли прибыть, и одинъ морякъ, адмираль Брюи, одолжилъ ему своего «вороного испанскаго коня, замѣчательной красоты, но горячаго и съ норовомъ». Чтобы имѣть возлѣ себя въ моментъ своего появленія на сценѣ многочисленный штабъ, какъ бы олицетворяющій собой армію, Бонапартъ далъ знать всѣмъ офицерамъ, просившимъ разрѣшенія представиться ему — тѣмъ, кого онъ уже видѣлъ и на кого могъ рассчитывать—что онъ приметъ ихъ 18-го въ 6 часовъ утра; ранній часъ былъ назначенъ подъ предлогомъ отъѣзда. Приглашительныя записки были составлены въ такихъ выраженіяхъ, чтобы каждый изъ офицеровъ могъ предположить, что только онъ получилъ приглашеніе; такимъ образомъ можно было сгруппировать ихъ безъ ихъ вѣдома и не опасаясь ничьей нескромности.

Такъ какъ Бонапарту важно было заранѣе имѣть подъ рукой достаточное количество войскъ, онъ 17 открылся

1) Notice inédite *Журдана*.

Себастиани, челоуѣку преданному и смѣлому, на котораго можно было вполнѣ положиться. Условлено было, что Себастиани, не дожидаясь декрета старѣйшинъ и формальнаго приказа, явится къ Бонапарту со своими драгунами, пѣшими и конными. 18-го чуть свѣтъ онъ подыметъ на ноги всю свою часть, подъ предлогомъ смотра, будто бы по приказанію директоріи, въ честь Бонапарта, гдѣ ей придется дефилировать передъ великимъ вождемъ. Всѣ офицеры страшно желали этого и давно объ этомъ мечтали. Далѣе рѣшено было, что Себастиани поставитъ свою пѣхоту и два эскадрона конницы на площади Согласія, а самъ съ остальными драгунами явится къ Бонапарту, отдать себя въ его распоряженіе; такимъ образомъ у того будетъ солидная свита. Кромѣ того подъ рукой будетъ 21-ый стрѣлковый полкъ; Мюратъ взялъ на себя уговорить офицеровъ; 8-й драгунскій полкъ также долженъ былъ присоединиться къ движенію. Такимъ образомъ драгуны и стрѣлки съ самаго начала будутъ на ногахъ, и никакая случайность не застанетъ врасплохъ ¹⁾).

Вопросъ: какъ поведутъ себя предмѣстья, по прежнему заботиль въождей; Ле-Кутэ де-Кантелё старался успокоить Бонапарта: «Парижъ останется спокойнымъ; теперь агитировать могутъ только правители» ²⁾).

Тѣмъ не менѣе необходимо было объяснить парижанамъ уже свершившійся фактъ—послѣ того, какъ онъ свершится, успокоить ихъ, убѣдить, что это было необходимо; съ этою цѣлью приготовили афиши, прокламаціи, брошюры, всѣ орудія быстрой пропаганды. Тонъ и общій духъ этихъ произведеній были инспирированы Бонапартомъ. Бурьеннъ писалъ подъ его диктовку; Реньо де Сенъ Жанъ Д-Анжели и Редереръ взяли на себя заботу о формѣ и тайномъ напечатаніи составленныхъ брошюръ. Сынъ Редедера, подъ видомъ ученика, проникъ въ типографію Демонвилля и въ маленькой отдѣльной комнаткѣ собственноручно набралъ всѣ ли-

¹⁾ Реляція Себастиани, у *Vatou* 237. Такимъ образомъ парламентскому *coup d'etat* должно было соответствовать нѣчто въ родѣ кавалерійскаго *pronunciamento*.

²⁾ *Lescure*, II, 215. *Brinkman* говоритъ то-же и почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ: „Народъ не интересуется болѣе распрями своихъ правителей“, стр. 323.

етки, съ тѣмъ, чтобы, когда они будутъ отпечатаны, ихъ тючками снесли въ департаментъ, который самъ уже расклеить или распространить ихъ обычнымъ порядкомъ. Черновыя прокламацій и афишъ по большей части не показывались Сийесу: врядъ-ли бы онъ одобрилъ ихъ стиль. ¹⁾ Газеты ничего не знали или были скромны; одной только изъ нихъ, *Le Surveillant*, повидимому, имѣвшей какое-то отношеніе къ братьямъ Бонапартъ, разрѣшено было помѣстить 18-го на видномъ мѣстѣ нѣсколько строкъ, предвѣщавшихъ реформы. «Говорятъ, что этимъ занялись вліятельные люди, не боящіеся горькой правды, что они хотятъ провозгласить эту правду съ высоты національной трибуны и показать наконецъ французамъ, какія опасности окружаютъ ихъ и какіе у нихъ есть ресурсы ²⁾». Другія газеты только 19-го должны были заговорить о случившемся наканунѣ:

Несмотря на эти предосторожности, невозможно, чтобы слухи, ходившіе въ городѣ, не дошли до непосвященныхъ директоровъ, чтобъ эти послѣдніе остались въ полномъ невѣдѣніи, когда всѣ были болѣе или менѣе предупреждены. Они получали предупреждающія письма, но Баррасъ умышленно ихъ игнорировалъ, а Гойе и Муленъ неспособны были рассмотреть, что происходитъ у нихъ передъ глазами. Чобъ обойти Гойе и убавокаль его подозрѣнія, Бонапартъ воспользовался Жозефиной. «Не знаю, былъ ли онъ моимъ приверженцемъ, говорилъ онъ о Гойе,—онъ укаживалъ за моею женой» ³⁾. Фактъ тотъ, что этотъ буржуазный якобинецъ, большой охотникъ поволочиться, несомнѣнно находился подъ обаяніемъ Жозефины, представлявшей ему существомъ высшей породы и настоящей свѣтской дамой; для него было восхитительнымъ наслажденіемъ сидѣть въ ея гостинной, въ утонченной, изящной обстановкѣ, касаться этого существа, сотканнаго изъ граціи и любви. Онъ бывалъ у нея каждый день въ четыре часа и нерѣдко пріѣзжалъ второй разъ вечеромъ ⁴⁾. Жозефина поощряла его лег-

¹⁾ *Grouvelle*. Notes manuscrites.

²⁾ *Le surveillant*, 18 брюмера.

³⁾ *Journal de Sainte-Hélène*, I, 470.

⁴⁾ Гойе дожилъ до глубокой старости. Это былъ человекъ плотнаго сложенія, ростомъ немного ниже средняго, съ большимъ чувств-

кимъ кокетствомъ, ни къ чему не обязывающимъ, и была въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ обоими супругами Гойе, позволяя ухаживать за собой мужу и притворяясь большой подругой жены.

Притомъ же Гойе слишкомъ цѣнилъ выгоды своего официальнаго положенія, — хорошую квартиру, хорошій столъ и все остальное, — чтобы не поддаться блаженному оптимизму; убѣжденный, что побѣды Массены и Брюна разогнали нависшія тучи, а побѣды Бонапарта въ будущемъ обезпечатъ спокойствіе странъ, онъ даже не замѣчалъ, въ какой упадокъ пришли учрежденія: ему казалось, что все должно итти превосходно при такомъ режимѣ, гдѣ онъ, Гойе, представляетъ собой пятую часть короля.

17-го Бонапартъ обѣдалъ у Камбасереса, въ министерствѣ юстиціи. По поводу этого обѣда сложилась легенда, по милости самого Бонапарта; рассказывали, будто онъ встрѣтился тамъ съ Трейльяромъ, Мерленомъ, Тарге и другими знаменитыми юрисконсультами, и они всѣ вмѣстѣ обсуждали будущій гражданскій кодексъ, создавая основы этого великаго уложенія, причемъ «генералъ» поражалъ своихъ собесѣдниковъ необычайной свободой ума и неожиданностью интуицій. На самомъ дѣлѣ Камбасересъ не пригласилъ ни одного юрисконсульта, а лишь нѣсколькихъ генераловъ и администраторовъ, посвященныхъ въ тайну. Бесѣда отнюдь не поднималась до ясныхъ высотъ разума, — напротивъ, шла очень вяло, и обѣдъ былъ совсѣмъ не веселый: каждый думалъ о завтрашнемъ днѣ и о томъ, что онъ въ сущности рискуетъ своей головой¹⁾.

Въ два часа ночи Бонапартъ послалъ Моро и Макдональду приказъ явиться къ нему утромъ чуть свѣтъ и верхомъ; офицеры уже будутъ ждать ихъ. Пригласили

веннымъ носомъ: онъ велъ точный списокъ своимъ любовнымъ похиженіямъ, любилъ пикантное чтеніе и сочинялъ пѣсенки.

1) *Cambacerès*. — Порою, въ эти критическіе дни, Бонапартъ проявлялъ, наоборотъ, преувеличенную веселость, даже напѣвалъ. Одна газета говоритъ: „Бонапартъ уже нѣсколько дней необычайно веселъ. Близкіе къ нему люди замѣчаютъ, что онъ все время напѣваетъ свою любимую пѣсенку (*pont-neuf*): „*Ecoutez, honorable assistance*“, которую онъ поетъ только, когда онъ доволенъ, и на душѣ у него спокойно. *Le Diplomate*, 19 брюмера.

зайти и Лефевра. Къ Сійесу посланъ былъ адъютантъ сообщить ему о послѣднихъ распоряженіяхъ относительно войскъ, но передалъ ему все вкривъ и вкось; былъ-ли то «случай, смущеніе или коварство?» ¹⁾ Мы увидимъ далѣе, что и Сійесь, съ своей стороны, готовилъ на завтра нѣсколько сюрпризовъ.

Жозефина, отправивъ въ Сенъ-Жермэнь, къ г-жѣ Кампанъ, Каролину и Гортензію, также не теряла времени. Въ полночь она нацарапала и послала въ Люксембургъ съ Евгениемъ коротенькую записочку, *facsimile* которой сохранилось; въ этой записочкѣ она приглашала Гойе на другой день утромъ завтракать къ 8-ми часамъ ²⁾. Это была ловушка, прикрытая цвѣтами: директора намѣревались отчасти лаской, отчасти насильно задержать въ улицѣ Шантерень, затѣмъ посадить на лошадь и отправить вмѣстѣ съ Бонапартомъ, во главѣ похоронной процессіи, устроенной его собственному правительству, что могло бы подѣйствовать на колеблющіеся умы. До послѣдней минуты всѣ хитрости пускались въ ходъ, чтобъ обмануть Гойе и Барраса, увѣривъ одного, что вообще ничего не предпримутъ, а другого, что ничего не предпримутъ безъ него. Днемъ Бонапартъ послалъ предупредить Барраса, что будетъ у него, выражая желаніе поговорить серьезно и окончательно, но не пришелъ, извинившись черезъ Бурьенна, подъ предлогомъ сильной головной боли. Образчикъ величайшаго коварства—онъ напросился на обѣдъ къ президенту директоріи... — на 18-е брюмера. «Въ конспираціи, говорилъ онъ впоследствии, все дозволено» ³⁾.

¹⁾ *Grouvelle, Notes manuscrites.*

²⁾ „Приходите, дорогой мой Гойе, съ женой, позавтракать со мною завтра въ 8 ч. утра. Непремѣнно приходите; мнѣ нужно поговорить съ Вами объ очень интересныхъ вещахъ. Прощайте, милый мой Гойе. Можете всегда рассчитывать на мою искреннюю дружбу.—Ляпажери-Бонапартъ“. (*Venez, mon cher Gohier, et votre femme, déjeuner avec moi demain à 8 heures du matin. N'y manquez pas; j'ai à causer avec vous sur des choses très intéressantes. Adieu, mon cher Gohier. Comptez toujours sur ma sincère amitié.—Lapagerie-Bonaparte.*) *Mémoires de Gohier dans Lescure, II, 55.*

³⁾ *Journal de Sainte Hélène I. 470.*

Глава VIII.

Брюмеръ. — Первый день. ¹⁾.

Ночная работа. — Засѣданіе на разсвѣтѣ. — Декретъ старѣйшинъ. — Улица Побѣды. — Наплывъ офицеровъ; они поняли и въ восторгѣ. — Прибытіе генераловъ. — *Мышеловка*. — Лефевръ. — Бернадотъ. — Торжественный отъѣздъ. — Вокругъ города. — Финансистъ Уваръ. — Близъ Тюльери. — Утро 18 го въ Люксембургѣ. — Баррасъ не трогается съ мѣста. — Первое разочарованіе Сійеса. — Фуше. — Бонапартъ въ совѣтѣ старѣйшинъ. — Знаменитая рѣчь. — Плагіатъ. — Видъ войскъ и толпы. — Революція или смотръ? — Афиши и брошюры. — Переворотъ во имя свободы. — Несжиданный перерывъ засѣданія совѣта пятисотъ. — Выходъ въ отставку и исчезновеніе Барраса; инцидентъ у заставы. — Министры въ Тюльери. — Формализмъ Камбасереса. — Печать республики и голосованіе новаго указа. — Полу-соучастіе Гойе; онъ подписываетъ указъ. — Гойе и Мулена убѣждаютъ подать въ отставку; они противятся; ихъ арестуютъ; роль Моро. — Физіономія Парижа; биржа. — Стратегическія распоряженія. — Засѣданіе въ Тюльери; безплодные дебаты. — Бонапартъ старается сохранить отношенія съ якобинцами. — Бурное совѣщаніе. — Якобинцы военные и штатскіе. — Бернадотъ пытается войти въ дѣло и присвоить себѣ всѣ выгоды. — Ни у кого нѣтъ опредѣленнаго плана на завтра. — Промахи Бонапарта. — Первые тревожные симптомы; часть старѣйшинъ уже готова перейти въ отступленіе. — Парижъ вечеромъ 18-го брюмера.

1.

18-го брюмера, чуть свѣтъ, планъ начали приводить въ исполненіе. Толчекъ долженъ былъ исходить изъ Тюльери, резиденціи старѣйшинъ. Пустить въ ходъ парламент-

¹⁾ Во избѣжаніе частыхъ выносокъ съ указаніями на источники цитируемыхъ нами текстовъ, отсылаемъ читателей къ приложенію III, гдѣ они найдутъ и попытку критики источниковъ. Прим. авт.

скуы машину предстояло инспекторамъ зала, такъ какъ имъ было предоставлено право созывать собраніе и располагать его стражей. Среди ночи эту стражу подняли на ноги и поставили подъ ружье, какъ бы для защиты дворца. Сквозь спущенныя занавѣси и тщательно запертыя ставни пробивался свѣтъ; тамъ шла потайная работа. Инспектора не ложились всю ночь; они писали приглашенія на чрезвычайное засѣданіе, назначенное на 8 часовъ утра, умышленно избѣгая звать членовъ, явно враждебныхъ,—удобный способъ устранить оппозицію и обманомъ выманить постановленіе. Между пятью и шестью часами гвардейскіе унтеръ-офицеры разнесли приглашенія по домамъ адресатовъ, строго согласуясь съ сдѣланнымъ выборомъ: въ одномъ домѣ жило двое старѣйшинъ, одинъ надежный, другой нѣтъ, — приглашеніе получилъ только первый.

Разбуженные неожиданнымъ призывомъ, старѣйшины по виновались: торопливо, крадучись, пробирались они по темнымъ улицамъ къ Тюльери. Все вокругъ дворца имѣло свой обычный видъ, «на улицѣ не было ни одного лишняго солдата».

Только на бульварѣ въ предрозсвѣтной тьмѣ слышался мѣрный стукъ копытъ; то были конные и пѣшіе драгуны Себастіани, шедшіе изъ отеля Субизъ, гдѣ они квартировали. Въ пять часовъ Себастіани приказалъ ударить тревогу; въ моментъ отправленія ему принесли записку отъ военнаго министра: «Приказываю гражданину Себастіани не выпускать изъ казармы полка, которымъ онъ командуетъ, и держать его подъ ружьемъ, наготовѣ». Себастіани расписался въ полученіи, положилъ приказъ въ карманъ и бульварами двинулся со своимъ отрядомъ въ западную часть города. За исключеніемъ двухъ офицеровъ, вполне надежныхъ, никто не зналъ, что ихъ ожидаетъ нѣчто болѣе важное, чѣмъ утренній смотръ. Драгуны 8-го и стрѣлки 21-го полка, размѣщенные въ казармахъ на Марсовомъ полѣ и на набережной Орсе, должны были нѣсколько позже явиться на указанный имъ стратегическій пунктъ, участокъ между Шоссе-д'Антенъ и Тюльери.

Въ *департаментъ*, примыкающемъ къ Вандомской площади, всѣ были уже на ногахъ; сдерживаемое волненіе тѣснило грудь, проявляясь тревожнымъ перешептываніемъ;

«все говорили другъ другу на ухо». Въ шесть часовъ Редереръ съ своимъ сыномъ пришли къ Талейрану; тотъ еще одѣвался. «У насъ еще цѣлый часъ впереди, сказалъ Талейранъ,—надо бы составить для Барраса черновую почетной отставки, въ такихъ выраженіяхъ, которыя бы облегчили переговоры съ нимъ; это слѣдовало бы сдѣлать вамъ». Молодой Редереръ сталъ писать подъ диктовку отца; черновую нѣсколько разъ переписывали, вымарывали, вставляли фразы; — не сразу удалось найти хорошую редакцію, удачную смѣсь смиренія и достоинства, съ похвалами по адресу Бонапарта, съ отбѣнкомъ волненія и чувствительности. Бумага вышла вся измаранная; ее едва можно было прочесть, но Талейранъ все же положилъ ее въ карманъ, чтобы воспользоваться ею, когда придетъ время.

Зала совѣта пятисотъ мало по малу наполнялась; между семью и восемью открылось засѣданіе подъ предсѣдательствомъ Люсьена. Это засѣданіе на скорую руку, на зарѣ, въ тускломъ свѣтѣ осенняго утра, — совѣтъ законодателей, подготовленныхъ заранѣе или захваченныхъ врасплохъ, не трудно было привести къ вождѣльному концу. Корне, отъ имени инспекторской комиссіи, прочелъ докладъ о мнимомъ заговорѣ, — страшномъ заговорѣ террористовъ противъ отечества и свободы; онъ не утруждалъ своей фантазіи, чтобы хоть нѣсколько освѣжить эту устарѣлую тему, онъ просто прикрылъ громкими фразами бѣдность содержанія. До слушателей доносились страшныя слова: *«тревожные симптомы, злощія донесенія.. Если не примутъ мѣръ, пламя мятежа охватитъ все кругомъ... ужасныя послѣдствія... отечество погибнетъ... республика покончитъ свое существованіе, и скелетъ ея достанется коршунамъ, которые будутъ вырывать другъ у друга обглоданные члены...»* Далѣе слѣдовали нѣсколько болѣе опредѣленные указанія: заговорщики изъ департаментовъ толпами идутъ въ Парижъ, присоединяются къ тѣмъ, у кого давно уже припасены мечъ и кинжалъ на главную власть въ государствѣ; это соотвѣтствовало и предостереженіямъ газетъ, уже нѣсколько недѣль кричавшихъ, что якобинцы изъ провинціи понемногу проникаютъ въ Парижъ. Докладъ заканчивался призывомъ къ мужеству и патріотической энергіи старѣйшинъ.

Вожди оппозиціи отсутствовали, никто не посмѣлъ требовать разъясненій. Какъ результатъ доклада, предложено было издать декретъ о переводѣ въ Сенъ-Клу помѣщенія собранія; Ренъе поддержалъ предложеніе; старѣйшины вынесли желаемое постановленіе. Это была точка опоры всей операціи.

Декретъ состоялъ изъ пяти постановленій: законодательный корпусъ переводится въ коммуну Сенъ-Клу; оба совѣта будутъ засѣдать тамъ въ двухъ разныхъ флигеляхъ дворца; они отправятся туда завтра 19-го брюмера, въ полдень; до того времени функціи совѣтовъ прекращаются и всякія совѣщанія гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ воспрещены. Статья 3-я поручила генералу Бонапарту озаботиться выполненіемъ декрета, съ каковой цѣлью подъ его начальство отдавались всѣ войска, состояція въ Парижѣ и въ конституціономъ районѣ, а также вся 17-я дивизія; граждане приглашались оказывать ему помощь по первому требованію; самъ генералъ долженъ былъ явиться въ совѣтъ и принять присягу. Затѣмъ былъ вотированъ адресъ французамъ; въ немъ говорилось, что вышеуказанныя мѣры принимаются для обузданія факцій, для возстановленія внутренняго мира и подготовки мира съ иноземцами; онъ заканчивался словами: «Да здравствуетъ народъ! республика въ немъ! она его созданіе!» Инспектора Корне и Баральонъ отправились за Бонапартомъ, а собраніе осталось ждать, не совѣщаясь больше, но и не прерывая засѣданія.

Рано утромъ въ этотъ день обыватели кварталовъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Шоссе д'Антенъ, могли любоваться необычнымъ зрѣлищемъ: офицеры въ полной парадной формѣ, въ высокихъ сапогахъ, бѣлыхъ лосинахъ, съ широкими золотыми или шелковыми поясами, въ двурогихъ шляпахъ съ трехцвѣтнымъ плюмажемъ, съ торчащимъ изъ подъ складокъ широкаго форменнаго сюртука кончикомъ сабли, шествовали одинъ за другимъ по улицамъ, направляясь всѣ къ одному и тому же мѣсту—маленькому отелю въ улицѣ Шантеренъ. Ихъ было много, но каждый думалъ, что только онъ одинъ приглашенъ и что Бонапартъ приметъ его въ особой аудіенціи. По прибытіи на мѣсто, каждый дивился, что встрѣтилъ товарищей и что ихъ легіонъ. Но всѣ сразу поняли, что предстоитъ нѣчто серьезное, и

именно сегодня; и всѣ эти люди, возмущенные низостью существующаго режима, жадные и въ то же время энтузіасты, прониклись великой надеждой. Каковы бы ни были личныя чувства ихъ къ Бонапарту, они не могли не броситься стремительно вслѣдъ за тѣмъ, кто поведетъ ихъ на штурмъ подъяческаго режима, за тѣмъ, отъ кого они ждали республики, созданной по ихъ образцу и для ихъ употребленія, — республики народной, героической, покрытой славой и выгодной для военныхъ.

Они шумно разговаривали между собой, воодушевляя другъ друга. Домъ былъ слишкомъ малъ, чтобы всѣхъ вмѣстить, и впускали только главныхъ; остальные ждали на улицѣ, на дворѣ, на крыльцѣ, бродили по саду. Слышалось бряцанье сабель, звяканье шпоръ о плиты, скрипъ песку въ аллеяхъ.

Иные офицеры, постарше чиномъ, пріѣзжавшіе въ каретахъ, приходили въ смущеніе отъ такого соблазнительнаго зрѣлища, но, разъ войдя, имъ уже трудно было выйти. Подъѣздная аллея, сжатая между постройками, вела къ самому фасаду отеля, и экипажъ не могъ повернуть во дворъ, не проѣхавъ передъ крыльцомъ. Рассказываютъ, будто Бонапартъ, быстро сбѣжавъ по ступенькамъ, поймалъ на бѣгу одного изъ нерѣшительныхъ, за руку вытащилъ его изъ кареты и, не давъ ему опомниться, увлекъ его въ домъ: отсюда и пошла рѣчь о *мышеловкѣ*. Бонапартъ все время сидѣлъ въ своемъ узенькомъ кабинетикѣ, дверь котораго открывалась порою передъ почетнымъ гостемъ, и снова запиралась; позади кабинета была еще комнатка для ультра-секретныхъ разговоровъ. Гостей принимали Бертье и его адъютанты; Жозефина не выходила; она оставалась въ своихъ апартаментахъ, гдѣ былъ накрытъ столъ къ завтраку.

Ждали президента Гойе, приглашеннаго на завтракъ. Несмотря на всѣ чары Жозефины, Гойе былъ удивленъ такимъ раннимъ часомъ и, заподозривъ неладное, встревожился. Вмѣсто того, чтобы поѣхать, онъ счелъ за болѣе благоразумное остаться въ Люксембургѣ и послалъ вмѣсто себя свою жену. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, Бонапартъ сталъ просить гражданку Гойе написать мужу записочку съ просьбой непременно пріѣхать; записку молъ снесутъ сейчасъ-же. Но гражданка, при видѣ этого дома,

полнаго сумасшестввовавшихъ офицеровъ, сообразивъ, въ чемъ дѣло, воспользовалась случаемъ написать мужу, чтобы онъ былъ насторожѣнъ и предупредить его о засадѣ. Такимъ образомъ попытка овладѣть Гоёе и опутать его розовыми цѣпями не удалась.

Офицеры все прибывали; то были по большей части офицеры безъ солдатъ, состоящихъ подъ ихъ начальствомъ, гарнизонные, не дежурившіе въ этотъ день, адъютанты національной гвардіи. Являлись и большіе чины — начальники бригадъ, генералы; среди болѣе или менѣе потертыхъ мундировъ мелькали сюртуки съ густыми эполетами, съ высокимъ воротникомъ, расшитымъ золотыми листьями. Моро, Макдональдъ, Бернонвилль пріѣхали верхомъ.

Лефевръ явился однимъ изъ первыхъ. Въ первую минуту комендантъ Парижа смутился, но Бонапартъ заговорилъ съ нимъ и тотчасъ же покорилъ его. Лефевръ былъ родомъ эльзасецъ, чувствительная натура подъ грубой оболочкой, французъ больше по душѣ, чѣмъ по рѣчи. Онъ былъ скоръ на великій гнѣвъ, такъ же скоро переходившій въ неожиданное умиленіе, и не могъ устоять, когда передъ нимъ раскрывали душу. Когда Бонапартъ изобразилъ ему республику добычей адвокатовъ, которые ее эксплуатируютъ и губятъ, онъ пришелъ въ негодование; когда же Бонапартъ вручилъ ему саблю, которую самъ «герой» носилъ въ Египтѣ, онъ не могъ больше выдержать: слезы выступили у него на глазахъ. Плача и бранясь одновременно, онъ объявилъ, что готовъ «швырнуть въ рѣку этихъ м..... адвокатовъ». Онъ былъ побѣжденъ, но для большей безопасности Бонапартъ удержалъ его возлѣ себя, въ своемъ кабинетѣ, какъ бы для того, чтобы сдѣлать его своимъ повѣреннымъ и своей правой рукой.

Бернадотъ позволилъ Жозефу привести себя, но явился въ статскомъ платьѣ, чтобы не имѣть вида, будто онъ явился по обязанности службы; онъ пришелъ обсуждать, а не предлагать свои услуги. По словамъ самого Бернадота, Бонапартъ все пустилъ въ ходъ, чтобъ завербовать его или, по крайней мѣрѣ, иммобилизовать: строгость, угрозы арестомъ, внезапное смягченіе тона, ласковыя просьбы, мольбы не противиться и дать честное слово, что онъ не пойдетъ противъ Бонапарта. Бернадотъ жестикулировалъ, размахи-

валь палкой, въ которой была скрыта шпага, отдѣлывался громкими и уклончивыми словами, обѣщая не брать на себя инициативы сопротивленія, но въ то же время заявляя, что онъ остается въ распоряженіи законныхъ властей. Отъ него не удалось вырвать ни одного обѣщанія; онъ до конца продолжалъ хитрить, лавировать и врать, какъ истый гасконецъ. Однако, чтобъ быть вблизи, на случай успѣха, онъ отправился завтракать къ своему шурину Жозефу, у котораго собралось въ этотъ день довольно много политическихъ дѣятелей: это былъ способъ продержатъ ихъ взаперти, пока будетъ нужно.

Улица Шантеренъ и прилегающія къ ней были всѣ заняты вооруженными отрядами: конвойные, ординарцы ждали приказаній; лошади, которыхъ держали подъ уздцы, били копытами по мостовой. Драгуны Себастіани выстроились посреди улицы. Передъ домою, у воротъ и у входной двери поставили стражу, съ приказомъ никого не выпускать: выѣхать должны были всѣ вмѣстѣ. Другіе эскадроны поднялись по бульвару до шоссе д'Антенъ,—тогдашней Монбланъ и остались тамъ, прикрывая издали импровизованную главную квартиру. Прохожіе видѣли издали на бульварѣ, посрединѣ широкой аллеи, неподвижную колонну войскъ и блескъ оружія. Время отъ времени проскачетъ офицеръ въ галопъ; многіе предложили свои услуги нести эстафетную службу и развозить приказанія. Виднѣлись посты, часовые; весь кварталъ принялъ воинственный видъ.

Вокругъ маленькаго отеля по прежнему топтались офицеры. Нетерпѣніе, экзальтація возрастали; это было какое-то опьяненіе. И все, казалось, благопріятствовало опасному начинанію: утро вставало ясное, довольно теплое; можно было ждать хорошей погоды: блѣдное осеннее солнышко проглядывало сквозь туманъ.

Но вотъ у подъѣзда останавливается казенная карета: изъ нея выходятъ инспектора Корне и Баральонъ; они пріѣхали передать Бонапарту декретъ и призывъ старѣйшинъ. Ихъ сопровождаетъ государственный курьеръ въ парадной формѣ, въ плащѣ съ широкимъ отложнымъ воротникомъ и шляпѣ съ пышнымъ пучкомъ перьевъ; это официальный посоль. Новоприбывшихъ хозяинъ встрѣчаетъ внизу, въ овальной гостиной, читаетъ декретъ и замѣчаетъ пробѣлъ.

Въ текстѣ перечислены отдаваемыя подѣ его начальство армейскія войска, національная гвардія, гренадеры совѣтовъ, но не упоминается о той гвардіи, которая составляетъ стражу директоріи, а между тѣмъ ее очень важно пополнить, а главное изъять изъ вѣдѣнія люксембургскихъ правителей: Бонапартъ рѣшаетъ пополнить этотъ пробѣлъ въ приказѣ по арміи, измѣнивъ подлинный текстъ декрета. Онъ сразу объявляетъ себя генералиссимусомъ, призываетъ всѣхъ къ дисциплинѣ и набирается силъ. Онъ предупреждаетъ Лефевра, что теперь парижскій комендантъ подчиненъ только ему, разсылаетъ адъютантовъ, велитъ собрать всѣ войска вокругъ Тюльери, приступить къ расклейкѣ прокламацій и распространенію брошюръ; адъютантовъ національной гвардіи онъ отправляетъ въ тѣ кварталы, гдѣ стоятъ ихъ части, предписывая имъ приструнить муниципалитеты и обезпечить порядокъ на улицахъ. Теперь, когда всѣ эти мѣры наскоро приняты, можно и ѣхать.

Въ нижнемъ этажѣ распахивается настезь дверь и въ толпѣ мундировъ, кидающихся ему на встрѣчу, показывается Бонапартъ. На этотъ разъ онъ въ генеральской формѣ, простой въ своемъ мундирѣ, длинныя полы котораго скрадываютъ его и безъ того небольшой ростъ, простой въ своей уже легендарной маленькой шляпѣ, очень простой и обаятельный. Въ рукѣ его декретъ старѣйшинъ, возлѣ него Лефевръ, «сильно взволнованный», онъ бросаетъ на ходу нѣсколько отрывистыхъ фразъ и проситъ, чтобъ ему помогли спасти республику. При видѣ его офицерами овладѣваетъ приступъ энтузіазма; съ хриплымъ крикомъ «ура» они выхватываютъ шпаги изъ ноженъ и бѣшено размахиваютъ ими высоко надъ головой; въ ясномъ свѣтѣ утра сверкаетъ холодная сталь. Бонапартъ садится на лошадь и, увлекая всѣхъ за собой, направляется въ Тюльери. По пути къ нимъ присоединяются кавалерійскіе эскадроны, которыми командуетъ Мюратъ. Блестящій кортежъ спускается съ бульвара, впереди Бонапартъ, выдѣляющійся, на виду; позади него фырканье лошадей, сверканье стали и золота, бряцанье оружія и развѣвающіеся султаны.

На бульварѣ Маделенъ къ нимъ присоединяется еще группа офицеровъ: Мармонъ, живущій въ улицѣ Сень-Лазаръ, пригласилъ къ себѣ на завтракъ нѣсколько товарищей

и привелъ ихъ съ собою; впрочемъ двое сбѣжало. А такъ какъ у остальныхъ восьми не было лошадей, Мармону пришлось похозяйничать въ сосѣднемъ манежѣ. На пути уже начинаютъ собираться любопытные. Финансистъ Уваръ, живущій на углу Шоссе д'Антенъ и улицы Провансъ, увидавъ это шествіе изъ оконъ своей квартиры, садится къ письменному столу и пишетъ письмо адмиралу Брюи, съ которымъ онъ имѣлъ дѣловыя отношенія, какъ поставщикъ флота; онъ отдаетъ себя въ распоряженіе назрѣвающаго успѣха и предлагаетъ денежную поддержку.

Кортежъ подвигался дальше, къ площади Согласія и Тюльери. Величавая, аристократическая площадь была обведена балюстрадой и обнесена канавами; посреди площади гипсовая статуя Свободы, видѣвшая столько преступленій, уже осыпалась на своемъ только что отремонтированномъ пьедесталѣ. Позицію занимали пѣшіе драгуны, раздѣлившіеся на колонны, по дивизіямъ; вдали блестяли каски эскадроновъ, загораживавшихъ и мостъ, и вѣздъ въ аллею. Въ Тюльерійскомъ саду, на террасѣ, идущей параллельно дворцу, выстроились гренадеры совѣта старѣйшинъ: въ концѣ аллеи, уходящей въ густую чащу деревьевъ, явственно вырисовывалась линія красныхъ плюмажей.

Всѣ кварталы, прилегающіе къ дворцу и саду, кишѣли народомъ. Въ городѣ, узнавъ о происходящемъ, прежде всего удивились. На порогахъ домовъ, на улицахъ люди изумленно переглядывались, спрашивая другъ друга, что это значитъ; затѣмъ любопытство погнало всѣхъ на мѣсто дѣйствія. Въ отдаленные кварталы, въ предмѣстья, новость проникла довольно поздно и не вызвала у рабочихъ никакого движенія въ томъ или въ другомъ смыслѣ. Притокъ любопытныхъ шелъ главнымъ образомъ изъ центральныхъ кварталовъ, буржуазныхъ, купеческихъ, торговыхъ.

Въ толпѣ, собравшейся вокругъ Тюльери, не происходило никакихъ безпорядковъ; въ ней царило радостное оживленіе. Физиономія Парижа была скорѣе праздничная, чѣмъ такая, какъ въ дни революціи. Каждый однако понималъ, что дѣло идетъ о низверженіи существующей власти. Говорили: «Директорія рухнула» и радовались при этой мысли. Оно пало наконецъ, это прогнившее насквозь правительство, которое давно уже едва держалось, а между тѣмъ

все продолжало давить французовъ гнетомъ своей безобразной тираніи; почти всѣ были довольны его паденіемъ. Преобладало чувство облегченія, но безъ энергическихъ проявленій, ибо политика опротивѣла народу и онъ уже не дивился превратностямъ внутренней жизни страны. Парижъ присутствовалъ при революціи и рукоплескалъ ей, но не трудился ей помогать. Агенты правительственной администраціи, по видимому, сами готовы были возстать противъ правительства. Привратникъ тюрьмы Форсъ, авторитетъ въ своемъ кварталѣ, говорилъ узникамъ: «Кто знаетъ, не придется ли мнѣ выпустить васъ, чтобы дать мѣсто имъ. Приходи кто хочешь—я на своемъ посту». Однако онъ отправился вслѣдъ за другими въ Тюльери, посмотрѣть, какъ падетъ правительство, и поглядѣть на человѣка, къ которому естественнымъ путемъ, какъ бы по наслѣдству, переходила власть.

Одно имя было у всѣхъ на устахъ, повторялось въ каждомъ разговорѣ, преслѣдовало воображеніе, наполняло Парижъ: Бонапартъ. Съ радостнымъ любопытствомъ толпа разглядывала генерала, показавшагося на краю площади со своими офицерами, смотрѣла, какъ торжественный кортежъ проѣхалъ между шпалерами пѣхотныхъ войскъ, взялъ наискось къ Тюльери и углубился въ садъ; среди привѣтственныхъ возгласовъ слышался многозначительный крикъ: «Да здравствуетъ избавитель!» Люди, прибывшіе съ другого берега, рассказывали, что имъ только что пришлось видѣть другое, весьма странное зрѣлище: Сийеса верхомъ съ двумя адъютантами, проѣхавшаго черезъ Понъ-Рояль по пути изъ Люксемберга и въѣхавшаго во дворъ Тюльери черезъ Луврскую калитку, чтобы присоединиться къ Бонапарту.

2.

Въ Люксембургѣ Баррасъ, какъ онъ самъ рассказываетъ, брилъ себѣ бороду, когда къ нему вошелъ адъютантъ предупредить, что происходитъ нѣчто необычное; только тогда онъ встревожился. Черезъ минуту явился съ докладомъ министръ иностранныхъ дѣлъ; Баррасъ вышелъ къ нему полуодѣтый, съ озабоченнымъ видомъ; замѣтивъ, что и министру ничего не извѣстно, онъ нѣсколько успо-

коился и выпроводилъ посѣтителя, подѣ предлогомъ, что онъ заваленъ дѣлами.

Сійесь въ это утро никого не принималъ. Планъ этого директора былъ таковъ: какъ только его увѣдомить о выходѣ декрета, взять тѣхъ изъ своихъ коллегъ, которые захотятъ идти съ нимъ, и торжественной кавалькадой отправиться въ Тюльери, по военному, во главѣ конныхъ гренадеровъ и всей гвардіи директоріи, чтобы торжественностью и воинственнымъ видомъ кортежа уравновѣсить впечатлѣніе, производимое свитой Бонапарта. Въ ожиданіи, онъ отправился въ садъ, въ послѣдній разъ поупражняться въ верховой ѣздѣ, усовершенствовать свои таланты и произвести какъ бы репетицію конной сцены, которую онъ намѣревался разыграть.

Получивъ извѣстіе о выходѣ декрета, Сійесь вернулся во дворецъ, чтобы составить свой кортежъ. Каково же было его удивленіе, когда онъ не нашелъ гвардіи и увидѣлъ опустѣвшіе посты. Командовавшей ею Жюбе поднялъ ее чуть свѣтъ и увелъ изъ дворца подѣ предлогомъ маневровъ; при первомъ же извѣстіи о происходящемъ, онъ, по внезапному побужденію, или по предварительному уговору съ Бонапартомъ, двинулъ голову своей колонны къ Тюльери; за ней послѣдовали остальные, и весь отрядъ, подѣ звуки трубъ и барабановъ, весело двинулся къ Бонапарту, покинувъ дворецъ, который онъ долженъ былъ охранять. Сійесь былъ нѣсколько шокированъ такимъ неожиданнымъ исчезновеніемъ, не входившимъ въ программу и испортившимъ ему весь эффектъ. Дѣлать нечего, пришлось удовольствоваться, вмѣсто кавалькады, двумя офицерами, приставленными къ его особѣ, и съ этой скромной свитой двинуться въ Тюльери.

Гоие, встревоженный, вышелъ изъ своихъ апартаментовъ; онъ созвалъ директоровъ въ совѣщательную комнату, но Сійеса не могли найти. Муленъ явился въ залу засѣданій; пришелъ и Дюко, но черезъ минуту, подѣ предлогомъ узнать въ чемъ дѣло, скрылся и вслѣдъ за другими помчался въ Тюльери. Баррасъ все не выходилъ; Гоие и Муленъ пошли за нимъ, но онъ еще не былъ готовъ; теперь «онъ бралъ ванну». Онъ посовѣтовалъ однако назначить совѣщаніе, но просилъ дать ему часъ отсрочки,—конечно, для того, чтобы окончить свой туалетъ. На самомъ дѣлѣ онъ

хотѣлъ выиграть время, въ надеждѣ, что Бонапартъ подастъ ему знакъ, втянетъ его въ свою затѣю и сдѣлаетъ участникомъ барышей.

Двое другихъ, оставшись наединѣ, совсѣмъ растерялись: да что-же это собственно такое происходитъ? они не въ состояніи были понять. И не мудро; всѣ предосторожности были приняты, чтобы сбить ихъ съ толку и затемнить фактъ. Инспектора совѣта старѣйшинъ извѣстили каждаго изъ директоровъ въ отдѣльности коротенькой записочкой о декретѣ по поводу перевода собраній въ Сень-Клу, прося его прибыть въ Тюльери, гдѣ онъ найдетъ своихъ коллегъ, Сійеса и Дюко. Но текстъ декрета приведенъ не былъ: слѣдовало какъ можно дольше оставить въ невѣдѣніи не участвовавшихъ въ заговорѣ директоровъ относительно экстра-легальности этого постановленія, предоставлявшаго Бонапарту высшую военную власть, отнимая ее у исполнительнаго комитета. Не зная въ чемъ дѣло, директора не могли разобрать, что, это—чисто ли конституціонная мѣра, которую ихъ просятъ утвердить, или-же начало переворота? Продлить ихъ сомнѣнія—значило помѣшать имъ сговориться между собою и, быть можетъ, съ совѣтомъ пяти-сотъ и организовать легальное сопротивленіе.

Тѣмъ временемъ въ Люксембургъ пріѣхалъ Фуше, показавъ въ этомъ и безъ того мрачномъ мѣстѣ свое лицо призрака. Онъ не зналъ срока, и событія застали его врасплохъ, но онъ не смутился; получивъ рано утромъ отъ Бонапарта извѣщеніе и просьбу о содѣйствіи, онъ и не подумалъ отказываться, но взялъ на себя порученіе побывать въ Люксембургѣ и развѣдать, каково настроеніе и намѣренія директоровъ. Быть можетъ, онъ главнымъ образомъ хотѣлъ провѣрить, на чьей сторонѣ шансы успѣха. Его встрѣтили очень неласково: Гойе сталъ упрекать его за бездѣйствіе полиціи; среди директоровъ онъ нашелъ только раздоръ и смятеніе, рѣшилъ, что они погибшіе люди, и поспѣшилъ присоединиться къ успѣху.

Гойе и Муленъ начинали соображать. Муленъ выказалъ довольно много энергіи: несмотря на потерянное время, на исчезновеніе гвардіи, на измѣну Лефевра, онъ не сдавался и находилъ, что отчаяваться еще нѣтъ причинъ. Повидимому, въ этотъ моментъ армія еще не принадлежала цѣли-

комъ Бонапарту; одинъ батальонный командиръ, командовавший полкомъ за отсутствіемъ начальника бригады, брался со своими людьми размести очагъ возстанія и все уничтожить; онъ только не хотѣлъ взять на себя отвѣтственность и ждалъ приказа. Мулень готовъ былъ отдать этотъ приказъ, но, еслибы даже удалось уговорить совсѣмъ растеряшагося Гойе, для образованія большинства и для того чтобы постановленіе имѣло силу, необходимо было содѣйствіе Барраса. Только сплотившись, Баррасъ и его коллеги могли удержать на мѣстѣ законное правительство и создать центръ сопротивленія. А Баррасъ все не являлся, теперь уже подъ предлогомъ нездоровья. Онъ продолжалъ оставаться неподвижнымъ и изолированнымъ, окончательно порѣшивъ предать Гойе и Мулена, какъ онъ предалъ 30-го преріала Мерлена и Ларевельера, и примкнуть къ движенію, только бы ему хорошо заплатили.

Однако, и онъ начиналъ тревожиться, не получая отъ Бонапарта никакого приглашенія вступить въ переговоры, или хотя бы извѣщенія. Лаконической записки инспекторовъ, этого сухого приглашенія, оказалось недостаточно, чтобы привлечь его въ Тюльери; по всей вѣроятности, онъ нашелъ форму не вполне приличной: такъ-ли должно обращаться къ такой особѣ, какъ онъ? Удерживаемый своимъ тщеславіемъ, признаніемъ собственной важности, и тѣмъ не менѣе мучимый любопытствомъ, онъ, наконецъ, послалъ на развѣдки Ботто, своего секретаря и фактотума. Ботто предписано было произвести рекогносцировку возлѣ Тюльери, постараться увидать самого генерала и разспросить его лично.

Бонапартъ вѣхалъ во дворецъ около десяти часовъ, черезъ ворота, выходящія въ цвѣтникъ. Эскадроны Себастиани послѣдовали за нимъ и развернулись въ саду напротивъ гренадеровъ, выстроившихся передъ дворцомъ. Цѣль этого движенія была замаскировать и, въ случаѣ надобности, сдержать это войско. Бонапарта съ почетомъ провели въ залу старѣйшинъ, тамъ уже начинали наполняться трибуны; депутаты разбились на группы и разговаривали между собой. Когда доложили о приходѣ генерала, они усѣлись по мѣстамъ; эти законодатели въ красныхъ тогахъ вновь облеклись сенаторской важностью; водворилась торжественная

тишина. Дверь рѣшетки растворилась, и въ заповѣдную ограду вошелъ Бонапартъ со своимъ штабомъ изъ генераловъ; зала сразу наполнилась мундирами.

Впервые ему предстояло говорить передъ парламентскимъ собраніемъ—испытаніе, всегда страшное для солдата. Окруженный своими товарищами по оружію, подкрѣпляемый ихъ бодростью, созданной ими атмосферой горячей симпатіи, и къ тому же окрыленный успѣхомъ, онъ довольно хорошо выдержалъ это испытаніе. Такъ какъ ему предстояло принести присягу, главное затрудненіе было въ томъ, чтобъ избѣжать обрядной формулы, заключающей въ себѣ обѣтъ вѣрности конституціи; онъ вышелъ изъ затрудненія, отдѣлавшись, если такъ можно выразиться, клятвой на воздухъ, вставленной имъ въ коротенькую рѣчь, приготовленную заранее и произнесенную нѣсколько неувѣренно.

«Республика гибнетъ; вы сами признали это, сами издали декретъ, который долженъ спасти ее... Съ помощью всѣхъ друзей свободы—и тѣхъ, кто основалъ республику, и тѣхъ, кто ее защищалъ, я отстою ее. Генералъ Бертъе, генералъ Лефевръ и храбрецы, состоящіе подъ моимъ начальствомъ, раздѣляютъ мои чувства. Вы издали законъ, обѣщающій спасти страну; наши руки сумѣютъ его исполнить. Мы хотимъ республики, основанной на свободѣ, на равенствѣ, на священныхъ принципахъ народнаго представительства. Клянусь, мы будемъ имѣть ее!»—«Клянемся!» повторили въ одинъ голосъ воины, а на трибунахъ загремѣли аплодисменты.

Это проявленіе военной энергіи смутило нѣкоторыхъ депутатовъ: они испугались, какъ бы ихъ не завлекли дальше, чѣмъ это имъ было желательно. Гара освѣдомился, почему въ рѣчи генерала не было упомянуто о конституціи, объ основномъ законѣ, но президентъ Лемерсье зажалъ ему ротъ во имя той же конституціи, не позволявшей обсуждать государственныя дѣла гдѣ бы то ни было, кромѣ Сен-Клу. Засѣданіе тотчасъ же было прервано: депутаты вышли изъ залы, крича: «Да здравствуетъ республика», и перешли въ сосѣднія комнаты, въ салонъ Свободы, гдѣ развѣшанныя по стѣнамъ непріятельскія знамена говорили о славѣ французской арміи.

Комитетъ, руководившій переворотомъ, не расходился; онъ остался въ инспекторской залѣ. Бонапарта со всѣхъ

сторонъ ободряли, поздравляли; теперь, когда ему уже не нужно было говорить съ трибуны, къ нему вернулось его царственное самообладаніе; взоръ его казался вдохновеннымъ, рѣчи были величавы и строги. Его приверженцы ликовали: до сихъ поръ все шло какъ нельзя лучше. Генераль великолѣпно игралъ свою роль: Сійесъ и Роже Дюко примкнули къ движенію; говорили, что и Баррасъ готовъ примкнуть; въ Люксембургѣ оставался только обрубокъ правительства. Старѣйшины храбро дали толчекъ, воспользовавшись своей конституціонной прерогативой; пятистамъ не оставалось ничего иного, какъ послѣдовать приказу и, не возражая, перебраться въ Сен-Клу. Всѣ вѣрные и друзья, прибѣжавшіе въ Тюльери, аплодировали такому прекрасному началу.

Наскоро дополнивъ отданныя имъ въ первый моментъ приказанія, Бонапартъ снова спустился въ садъ, чтобы предстать передъ войсками, теперь уже въ качествѣ ихъ главнокомандующаго. Гренадеры стояли теперь лицомъ къ дворцу; у входа толпились офицеры и горожане, вытѣсняя часть новоприбывающихъ въ садъ. Выходя, генераль замѣтилъ въ одной группѣ, невадалекъ отъ себя, посла Барраса—Ботто, пытавшагося пробраться къ нему. Бонапартъ искалъ случая бросить въ лицо обреченному на гибель режиму выраженіе общаго презрѣнія, щадя cadaго изъ директоровъ въ отдѣльности и не обвиняя ни одного. Тщедушный Ботто показался ему подходящей жертвой для того, чтобы отвести на немъ душу. Черезъ голову этого почти анонимнаго персонажа, простаго орудія, онъ направилъ свой ударъ въ коллективное существо, въ цѣлый режимъ, а также въ факцію смутьяновъ и лже-патріотовъ.

Выслушавъ нѣсколько фразъ Ботто, онъ схватилъ его за руку и отстранилъ, затѣмъ властно отодвинулъ его назадъ и, властно удерживая рукой, обратился ко всей своей огромной военной и гражданской аудиторіи: «Армія присоединилась ко мнѣ; я присоединился къ законодательному совѣту...» Оглушительные привѣтственные клики покрыли эти слова. Тогда, повернувшись къ Ботто и обращаясь къ нему настолько громко, чтобъ его могли слышать всѣ, съ пылающимъ негодованіемъ взоромъ, онъ гнѣвнымъ голосомъ произнесъ свою знаменитую рѣчь.

«Что вы сдѣлали съ Франціей, которую я оставилъ вамъ въ такомъ блестящемъ состояніи? Я вамъ оставилъ миръ—а нашелъ войну. Я вамъ оставилъ побѣды—а нашелъ пораженія. Я вамъ оставилъ итальянскіе милліоны—а нашелъ повсюду хищническіе законы и нищету. Что вы сдѣлали съ сотней тысячъ французовъ, съ товарищами моей славы? Они мертвы.

«Такое положеніе вещей не можетъ продолжаться; не пройдетъ и трехъ лѣтъ, какъ оно приведетъ насъ къ деспотизму. Мы же хотимъ республики, на основахъ равенства, нравственности, гражданской свободы и политической терпимости. Дайте намъ хорошую администралцію, и каждый забудетъ факцію, которой членомъ его принудили сдѣлаться; всѣмъ позволено будетъ быть французами. Пора наконецъ вернуть защитникамъ отечества довѣріе, на которое они имѣютъ столько правъ. Послушать иныхъ крамольниковъ, такъ мы скоро станемъ врагами республики—мы, укрѣпившіе ее нашими трудами и нашимъ мужествомъ; мы не хотимъ лучшихъ патріотовъ, чѣмъ храбрецы, изувѣченные на службѣ республикѣ».

Всѣ свидѣтели соглашались, что впечатлѣніе было глубокое. Эта рѣчь, гдѣ лживость нѣкоторыхъ словъ потонула въ подавляющей правдѣ цѣлаго, прогремѣла на цѣлое столѣтіе и навсегда наложила печать презрѣнія на директорію. Зачѣмъ только и въ самыхъ великихъ историческихъ сценахъ есть свои слабыя стороны и прозаическая подкладка! То не была рѣчь, импровизированная въ порывѣ вдохновенія; даже свои рѣзкія критическія нападки Бонапартъ не всѣ придумывалъ самъ. Общія основанія рѣчи и даже нѣкоторыя выраженія онъ почерпнулъ въ адресѣ, присланномъ ему за нѣсколько дней передъ тѣмъ якобинскимъ клубомъ Гренобля, маленькимъ разсадникомъ якобинства, выведеннымъ изъ себя притѣсненіями и подкупностью директоріи. Въ этомъ адресѣ находимъ именно тѣ слова, которыя такимъ подавляющимъ заключеніемъ періода прозвучали въ устахъ Бонапарта: «Они мертвы.» Они показались ему эффектными, и онъ не постѣснялся присвоить ихъ себѣ. Никто, конечно, не замѣтилъ плагиата; всѣ головы склонились передъ глаголомъ осужденія. Вотто былъ совсѣмъ ошеломленъ. А Бонапартъ тѣмъ временемъ подошелъ къ нему и вполголоса

увѣрилъ его, что личныя его чувства къ Баррасу отнюдь не измѣнились. Онъ не хотѣлъ, чтобъ въ Люксембургѣ, гдѣ ему предстояло еще хитрить и вести переговоры, его рѣзкая тирада была принята слишкомъ въ трагическую сторону—вѣдь, онъ металъ грома главнымъ образомъ ради галлерей.

Онъ снова сѣлъ на лошадь и начался смотръ войскамъ. Различныя части: кавалерія, артиллерія, пѣхота, давно уже собрались вокругъ сада, не впуская публики; теперь онѣ проникали туда, и одна за другой представлялись главнокомандующему. Увлеченіе солдатъ и офицеровъ, рѣющія въ воздухѣ шпаги, громовые клики: «Вивать»—все это придавало сценѣ видъ колоссальнаго военнаго бунта.

Бонапартъ на своемъ ворономъ горячемъ конѣ, съ которымъ ему подчасъ трудно было справляться, объѣзжалъ ряды, бросая солдатамъ пламенныя, воодушевляющія слова, требуя отъ нихъ клятвы въ вѣрности, обещаая вернуть униженной республикѣ ея блескъ и величіе. Ораторъ онъ былъ неважный, порой онъ останавливался, не находя слова, но Бертъ, все время державшійся возлѣ него, моментально ловилъ нить и доканчивалъ фразу, съ громовыми раскатами голоса, и солдаты, наэлектризованные видомъ непобѣдимаго вождя, все-таки приходили въ восторгъ. Генеральный штабъ его все росъ; теперь за нимъ слѣдовало уже сто пятьдесятъ офицеровъ; съ этой свитой онъ проѣзжалъ аллеи, перекрестки и порой выѣзжалъ на улицу, гдѣ народъ привѣтствовалъ его рукоплесканіями и знаменательными возгласами ¹⁾.

Толпа любопытныхъ, собравшаяся у рѣшетокъ, видѣла, какъ въѣзжали и выѣзжали гордые полки, впивалась взоромъ въ этотъ садъ, полный войскъ, блиставшій штыками и касками; слышала крики, бой барабановъ, звавшихъ въ походъ, трубные сигналы, мѣрный топотъ шаговъ. Сверканье оружія, яркіе и разнообразные цвѣта мундировъ, эволюціи генеральнаго штаба, золотые и алые чепраки на лоша-

¹⁾ Газеты приводятъ слѣдующій анекдотъ: На дняхъ съ Бонапартомъ былъ такой инцидентъ: лошадь у него норовистая, и онъ никакъ не могъ сѣсть на нее. Одинъ гражданинъ подходитъ помочь ему. Генераль благодаритъ его и замѣчаетъ: „А вѣдь, казалось-бы, для меня ѣздить верхомъ не представляетъ труда: я немного вѣшу“, --Извините, вы противовѣсь враждебнымъ силамъ.

дяхъ, перевязи, блестящія на солнцѣ, плюмажи на двурогихъ шляпахъ, — вся эта воинская роскошь, полная блеска и силы, нравилась парижской толпѣ, заставляла ее трепетать отъ удовольствія. Деятнадцатилѣтній юноша, потомокъ древняго рода, Филиппъ де Сегюръ, при видѣ девятаго драгунскаго полка, выѣхавшаго изъ за рѣшетки Понъ-Турнанъ, при видѣ этихъ эпическихъ всадниковъ въ блестящихъ каскахъ, съ обнаженными саблями, почувствовали пробужденіе инстинкта расы и далъ себѣ клятву сдѣлаться солдатомъ; французская армія завладѣла этимъ молодымъ французомъ и завоевала его для революціи; наследственное призваніе проснулось и бросило его въ ряды арміи. Вся толпа упивалась этой смѣной зрѣлищъ и музыкой; она привѣтствовала эту революцію, столь не похожую на всѣ предыдущія — революцію, сопровождавшуюся не жестокостями, не безобразными насиліями, но парадами, фанфарами, дефилированіемъ войскъ, красивой военной декорацией, — революцію, походившую на смотръ.

Вокругъ Тюльери и въ прилегающихъ кварталахъ на подножіяхъ памятниковъ и стѣнахъ домовъ уже бѣлѣли афиши, только что вышедшіе изъ мастерской Реньо и Редерера; о расклеиваніи ихъ позаботился самъ департаментъ. Одна изъ нихъ особенно привлекла взоръ: на ней было написано большими буквами: «Они сдѣлали то» — и пониже: «что конституціи больше не существуетъ». Далѣе слѣдовалъ составленный въ рѣзкихъ выраженіяхъ историческій очеркъ послѣдовательныхъ нарушеній органическаго статута, этой несчастной конституціи, трижды изуродованной мечемъ или подлогомъ: сперва фрюкtidоръ и флореаль, убившіе независимость законодательнаго корпуса, затѣмъ реакція въ обратномъ смыслѣ. «Наступило 30-е пре-риала; угнетенная партія возстала; даже развращенная партія — о справедливость! — возстала на своихъ вождей... и низвергнутая исполнительная власть всей своей тяжестью шлепнулась въ грязь. Судебная власть дважды подверглась подобнымъ же измѣненіямъ, и гражданъ по очереди судили судьи и присяжные господствующей факціи. Эта власть, которая должна быть охранительницей гражданской свободы, сдѣлалась; наравнѣ съ другими, орудіемъ угнетенія и лишней напастью. Отъ этого то гнета и плохого состава

исполнительной власти и проистекаютъ всѣ бѣды, гнетущія насъ. Не пора ли уже положить конецъ этому бѣдствію?»

Тутъ вкрадывалось предупрежденіе о пересмотрѣ конституціи. — «Не смогутъ ли Сійесъ и Бонапартъ возстановить эту униженную конституцію. Не сумѣютъ ли они предохранить ее на будущее время отъ искаженій, прибавивъ то, чего въ ней не хватаетъ. Если правда, что уже два года приходится нарушать ее ради защиты свободы, значить правда и то, что конституція не гарантируетъ ея— въ такомъ случаѣ она, конечно, требуетъ измѣненій. Ибо что же это за конституція, разъ она не можетъ защищать свободы». Уничтоженіе всѣхъ гарантій, общій гнетъ, ложно именовавшій себя республикой, царство подкупа и произвола— вотъ на что ссылались апологеты новаго переворота, и то, что они могли произвести революцію во имя свободы, придавало имъ много силы.

«О вы, — восклицалъ дальше авторъ патетическимъ тономъ, взывая къ Сійесу, Бонапарту и старѣйшинамъ, — вы, соединившіе въ себѣ силу, мудрость и геній, смотрите, передъ вами, подъ обломками погибшей конституціи, широкія и прочныя основы другой, свободной, истинно республиканской конституціи, двойного принципа верховнаго владычества народа и представительнаго правительства. Уберите мусоръ, засыпавшій великій принципъ, и постройте на этомъ мѣстѣ достойное его зданіе. Народъ проситъ убѣжища послѣ столькихъ бѣдствій— ваше дѣло открыть его».

Среди прочихъ прокламацій замѣшалась одна поскромнѣе. То былъ ловкій отвѣтъ на возможные возраженія со стороны народа, на его главную заботу. Народъ считалъ, что дѣло Бонапарта одерживать побѣды— побѣды, ведущія къ миру. Не измѣнитъ ли онъ своей роли, не умалится ли, кинувшись въ политику, которая оторветъ его отъ его прирожденной роли? Цѣль прокламаціи была доказать, что Бонапартъ можетъ обезпечить народу высшее благо, только утвердивъ государство. «Не слѣдуетъ человѣку, столь выдвинувшемуся своими заслугами, оставаться долѣе чуждымъ дѣламъ государства. Не требуйте, чтобъ его снова послали къ врагамъ—отечество запрещаетъ ему покидать Парижъ. Зачѣмъ ему подвергать вдали отъ родины опасностямъ славу, которую правительство при своемъ безсиліи можетъ

только скомпрометировать? Его слава, его жизнь принадлежатъ націи; они необходимы намъ внутри страны. Храбрые воины республики, Бонапарту надо быть именно въ Парижѣ,—оттуда его мудрые расчеты всего вѣрнѣе приведутъ насъ къ побѣдѣ, если нужно еще побѣждать. Гражданинъ, именно въ Парижѣ долженъ быть Бонапартъ, чтобы дать вамъ миръ».

Въ дополненіе къ этой литературѣ переворота, въ народѣ циркулировали брошюры, переходя изъ рукъ въ руки. Разнощики съ Вандомской площади выкрикивали и раздавали тетрадку, озаглавленную: «Разговоръ между членомъ совѣта старѣйшинъ и членомъ совѣта пятисотъ». Разговоръ этотъ происходилъ будто бы на террасѣ Тюльерійскаго дворца, послѣ постановленія старѣйшинъ.

Депутатъ совѣта пятисотъ вначалѣ упирался, протестовалъ противъ принятыхъ мѣръ, тревожился за послѣдствія. «Что они хотятъ дѣлать?»—*Старѣйшина*.—«Другъ мой, тебя беспокоить, что люди что-то хотятъ дѣлать. Отчего же ты не тревожился, видя, что ничего не дѣлается? Что можетъ быть хуже ничего недѣланія? Развѣ ты не видишь, что мы пришли къ моменту, когда уже ничего нельзя было бы сдѣлать,—ни мира, ни войны?.. Развѣ ты не знаешь, что хищническій законъ о принудительномъ займѣ совершенно подорвалъ наши финансы, что законъ о заложникахъ вызвалъ у насъ гражданскую войну, что часть доходовъ VIII года поглощена реквизиціями, что всякій кредитъ подорванъ, что всѣ расходы частныхъ лицъ, которыми кормится рабочій, сокращены, что мастерскія закрыты, что наступающая зима грозитъ оставить бѣдняка безъ работы, а богача безъ всякихъ гарантій... что только миръ можетъ положить конецъ столькимъ бѣдствіямъ, что только возстановленіе нашей конституціи, нарушаемой по всѣмъ статьямъ, можетъ предупредить возвращеніе этихъ золь, разсѣять сомнѣнія иностранныхъ державъ относительно того, можно ли вступать въ переговоры съ Франціей, и страхи гражданъ, все время стоящихъ между тираніей и анархіей?»

Воображаемый членъ совѣта пятисотъ не сдавался сразу, спорилъ, затрагивалъ щекотливые пункты. «Однако, между нами, другъ мой, меня пугаетъ вмѣшательство въ это дѣло Бонапарта; слава, уваженіе, которымъ онъ поль-

зуется, справедливое довѣріе солдатъ къ его талантамъ, и главное, эти таланты могутъ дать ему очень опасное вліяніе на судьбы республики. Участъ свободы будетъ въ его рукахъ. Что, если онъ окажется Цезаремъ, Кромвелемъ?»

Старѣйшина: — «Цезарь! Кромвель! Старая скверная пѣсня, скверныя роли, недостойныя человѣка съ умомъ, равно какъ и хорошаго человѣка. Вотъ что самъ Бонапартъ не разъ высказывалъ по этому поводу: «Еслибы онъ стремился къ диктатурѣ, онъ ни въ какомъ случаѣ не принялъ бы почетной конституціонной роли, предложенной ему старѣйшинами, онъ уклонился бы. Да, еслибъ онъ отказался отъ этой роли, оставшись при командованіи одной изъ армій, вотъ тогда можно бы было предполагать въ немъ преступныя намѣренія, желаніе остаться въ сторонѣ до того дня, когда нація, уставъ отъ беспорядка, истощенная страданіями, сама бросится къ его ногамъ, сама отдастся подъ его «железную державу».—«Вотъ, другъ мой, что означалъ бы для меня отказъ Бонапарта; еслибъ онъ отказался, тогда я самъ призывалъ бы Брута. Но свобода, республика, отечество, улыбаются, видя, что патріоты, составляющіе совѣтъ старѣйшинъ, вручили власть воину безъ арміи, не принадлежащему ни къ какой факціи, только что вернувшемуся изъ Африки, человѣку, за котораго ничто не говоритъ, кромѣ сильно выраженной народной воли, и что этотъ человѣкъ просто и открыто принялъ ее».

Здѣсь снова проявилось постоянное стараніе Бонапарта предупреждать историческія сближенія; онъ часто говорилъ и повторялъ: «Я не Цезарь, не Кромвель, я не тиранъ, я тотъ, кто заграждаетъ дорогу тирану, создавая благоустроенную и цвѣтущую республику. И народъ кричалъ: «Да здравствуетъ республика. Да здравствуетъ Бонапартъ!»

3.

На томъ берегу Сены, во дворцѣ Бурбоновъ, настоящіе, не выдуманные члены совѣта пятисотъ собрались въ обычное время, между одиннадцатью и двѣнадцатью. Собраніе было очень многочисленно и сильно волновалось; лишь немногіе знали цѣль засѣданія и были предупреждены зара-

нѣе. Большинство было смущено и встревожено; якобинцы считали себя обиженными; они сознавали, что дѣло принимаетъ весьма неблагопріятный для нихъ оборотъ, но ихъ изумленіе парализовало ихъ негодование. Люсьенъ занялъ предсѣдательское мѣсто; во время чтенія протокола было принесено слѣшное извѣщеніе; секретарь прочелъ декретъ о переводѣ собранія; президентъ тотчасъ прервалъ засѣданіе, отложивъ его на завтра, въ полдень, во дворцѣ Сен-Клу. До тѣхъ поръ воспрещались всякія совѣщанія; соотвѣтственные статьи конституціи и декретъ не оставляли на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Оппозиція, задавленная законнымъ порядкомъ, не могла возвысить голоса. Притомъ же передъ дворцомъ уже стоялъ кавалерійскій эскадронъ, и драгуны на своихъ высокихъ сѣдлахъ, въ мохнатыхъ каскахъ, съ огромными обнаженными саблями, смотрѣли весьма внушительно. Депутаты разошлись; одни отправились въ Тюльери за приказаніями, другіе разбились на группы для дебатовъ.

Всѣ движенія заговорщиковъ были замѣчательно согласованы между собой. Въ то самое время, когда Люсьенъ такъ ловко справился съ совѣтомъ пятисотъ, Талейранъ и Брюи направляли ударъ, рассчитанный на то, чтобъ окончательно разстроить директоріальное большинство, такъ разбить его, чтобъ его невозможно было и склеить: оба сопротивленія, которыя могли бы быть опасны, еслибъ дѣйствовали въ согласіи между собой, распались одновременно: прямой ударъ направленъ былъ въ Барраса, но еще раньше удалось имобилизовать и обойти Гойе.

Жена его пріѣхала домой довольно поздно; по всей вѣроятности, не легко было пробраться въ Люксембургъ изъ улицы Шантеренъ, когда весь городъ былъ на ногахъ, когда на улицахъ была толпа и войска. Да и Жозефина всячески старалась задержать ее; наученная мужемъ, она съ милой ласковостью льстила, убѣждала и уговаривала гостью. Она говорила, что генераль, все таки, очень цѣнить содѣйствіе Гойе, что если этотъ послѣдній хорошо поведетъ себя, вліяніе Сійеса будетъ сильно парализовано; это задѣвало слабую струнку Гойе—онъ ненавидѣлъ Барраса. Но Жозефина присоединила къ уговорамъ и болѣе важное признаніе: а именно, что Талейранъ и Брюи отправились къ Баррасу тре-

бовать его отставки. Это признаніе имѣло цѣлью убѣдить Гойе, что насиліе ограничится изгнаніемъ Барраса, устраненіемъ этого безчестнаго человѣка, безъ вреда для другихъ. Гойе въ простотѣ души вообразилъ, что заговорщики хотятъ не погубить, но очистить правительство, и не видѣлъ препятствій къ тому, чтобы директорія позволила отсѣчь у себя поврежденный членъ. Такимъ образомъ наиболѣе вліятельные директора проводили время въ томъ, что предавали другъ друга. Теперь и Гойе, менѣе честный, чѣмъ думали, сталъ наполовину соучастникомъ переворота; онъ не оказывалъ активнаго содѣйствія, но и не препятствовалъ, убѣжденный, что Баррасъ поплатится за всѣхъ, и вовсе не стремился защитить этого презираемаго сотоварища.

Тѣмъ временемъ Баррасъ, сидя у себя въ квартирѣ, считалъ часы и минуты; но утро проходило, а изъ Тюльери не приносили никакихъ извѣщеній, никто не вступалъ съ нимъ въ переговоры, и этотъ человѣкъ, обыкновенно большой оптимистъ, предавался горькимъ и грустнымъ размышленіямъ, становился смертельно печальнымъ. Эффектная сцена, разыгранная съ Ботто, сильно напугала его; интимное добавленіе къ ней было недостаточно успокоительно, и Баррасъ совсѣмъ растерялся. Онъ не трогался съ мѣста, словно потерявъ всякую способность двигаться и разсуждать.

Если даже у него минутами и являлась мысль о сопротивленіи, онъ не находилъ средствъ, и одно за другимъ отвергалъ всѣ приходившія ему въ голову. У него сманили стражу, гренадеровъ, чиновниковъ; даже секретарь директоріи, Лагардъ, и тотъ сбѣжалъ; словно на сценѣ, въ фееріи, всѣ орудія власти были разомъ похищены у него и перешли въ другія руки. Въ Люксембургѣ на постахъ не осталось ни души, кромѣ одного ветерана, безсильнаго или бывшаго вѣрнымъ до конца; въ пріемныхъ никого, кромѣ нѣсколькихъ адъютантовъ, и то одинъ изъ нихъ—всѣ напасти сразу—внезапно умеръ отъ апоплексіи. Баррасъ смотрѣлъ въ окна, выходившія на улицу Турнонь, видѣлъ толпы народа на улицѣ, видѣлъ войска, шедшія къ Бонапарту, привѣтствуемая, одобряемая жителями, и все вокругъ казалось еще болѣе пустымъ и заброшеннымъ.

Нѣсколько друзей пришли однако навѣстить его. Генераль Дебелль увѣрялъ, что онъ громомъ и молніей ударить

на враговъ, но у него не было ни лошадей, ни мундира. Онъ уѣхалъ подъ предлогомъ купить на рынкѣ генеральскій мундиръ, и больше его не видали. Прискакала г-жа Талльенъ: «съ очаровательной живостью» она пыталась подбодрить Барраса, поднять этотъ «султанчикъ», плачевно повисшій. Позже пріѣхалъ Мерленъ де Тіонвилль, вооруженный съ ногъ до головы; онъ предлагалъ казнить Бонапарта, чтобы «голова его скатилась къ ногамъ Свободы». Баррасъ нашелъ его смѣшнымъ. У эксъ-виконта не было недостатка въ личномъ мужествѣ,—онъ неоднократно доказывалъ это,—но сегодня онъ чувствовалъ, что всякая попытка противодѣйствія по его инициативѣ, во имя принциповъ, можетъ вызвать только насмѣшки а онъ боялся быть смѣшнымъ. И потомъ онъ не могъ повѣрить, чтобъ Бонапартъ такъ обманулъ и одурачилъ его, пожертвовалъ имъ, не припасши для него никакого вознагражденія.

Уже около полудня явились послы: Талейранъ и Брюи. Баррасъ не приходилъ, и они пришли къ нему, но только для того, чтобъ убрать этотъ обломокъ. Талейранъ вынулъ черновую прошенія объ отставкѣ, съ утра лежавшую въ его карманѣ, до такой степени перемаранную, что ее трудно было прочесть безъ запинокъ; она была адресована въ совѣтъ старѣйшинъ и составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Граждане-представители! вовлеченный въ общественныя дѣла единственно моею страстью къ свободѣ, я согласился войти въ составъ высшей власти въ государствѣ лишь для того, чтобы поддерживать его въ минуты опасности своею преданностью, охранять патріотовъ, дѣлающихъ государственное дѣло, отъ нападений враговъ его и обезпечить защитникамъ отечества тѣ особыя заботы о нихъ и попеченія, которыя могъ имъ дать только гражданинъ, свидѣтель съ давнихъ поръ ихъ геройскихъ добродѣтелей, всегда принимавшій къ сердцу ихъ нужды.

«Слава, сопутствующая возвращенію знаменитаго воина, которому я имѣлъ честь открыть дорогу къ славѣ, блестящія доказательства довѣрія, данныя ему законодательнымъ корпусомъ, и декретъ представителей націи убѣдили меня, что на какой бы постъ ни призвалъ его отнынѣ общественный интересъ, опасности, грозившія свободѣ, устранены, и интересы армій гарантированы. Я съ радостью возвращаюсь въ ряды простыхъ гражданъ, счастливый тѣмъ, что могу,

послѣ столькихъ бурь, передать неприкосновенными и болѣе, чѣмъ когда либо, чтимыми судьбы республики, которыхъ и я былъ хранителемъ, въ достойныя руки. Привѣтъ и почтеніе».

Только это и просили подписать Барраса два ловкихъ дипломата. Давъ уже столько доказательствъ своего самоотверженія и преданности общественному дѣлу, неужели онъ откажетъ въ этомъ послѣднемъ? Можно предположить, что Талейранъ былъ мягко настойчивъ, милъ и прямъ, учтивъ до отчаянія. Впрочемъ, всѣ лѣтописцы единодушно убѣждены, что письмо сопровождалось аргументомъ, къ которому Баррасъ не могъ остаться нечувствительнымъ, — предложениемъ круглой суммы, — и что ему постарались позолотить пилюлю. Въ своихъ «Мемуарахъ» Баррасъ самъ намекаетъ на ходившіе по этому поводу слухи и съ наивною, проглядывающей иногда сквозь его грубое лукавство, не признаетъ невѣроятнымъ фактъ, что его хотѣли купить. Онъ только утверждаетъ, что ему не пришлось даже отказываться отъ денегъ, вооружившись добродѣтельнымъ негодованіемъ, такъ какъ денегъ ему не принесли — они заблудились по дорогѣ въ карманахъ Талейрана. Гораздо болѣе вѣроятно, что деньги дошли по назначенію и произвели должное дѣйствіе — предполагая, что они дѣйствительно были даны. Не будетъ ли правильнѣе предположить, что Талейранъ и Брюи прибѣгли къ способу давленія, который на теперешнемъ нашемъ языкѣ носитъ спеціальное названіе — что они приберегли противъ Барраса документы, обнародованіе которыхъ окончательно раздавило бы его. Въ такихъ дѣлахъ трудно что-нибудь съ увѣренностью утверждать: въ эти тайны закулисной политики рѣдко удается проникнуть.

Какъ бы то ни было, Баррасъ понялъ, что Бонапартъ и Сійесъ, порѣшивъ отдѣлаться отъ него, имѣли полную возможность его уничтожить, но предпочитали вѣжливо выпроводить его. Когда вопросъ предсталъ передъ нимъ въ такомъ свѣтѣ, онъ еще разъ выказалъ себя чело-вѣкомъ рѣшительнымъ; по крайней мѣрѣ такъ говоритъ онъ самъ, приписывая свою быструю рѣшимость менѣе низкимъ побужденіемъ. «Я тотчасъ сообразилъ, что мнѣ надо дѣлать. Съ рѣшительностью, которая нерѣдко являлась у меня въ

трудныя минуты, я понялъ, что моя отставка въ сущности уже принята, и роль моя окончена». Разсудивъ такимъ образомъ, онъ одной рукой подписалъ бумагу, а другою, какъ есть серьезныя основанія предполагать, взялъ деньги. Съ не меньшей рѣшительностью онъ тотчасъ же попросилъ разрѣшенія уѣхать, исчезнуть, выразивъ желаніе удалиться въ свое помѣстье въ Гробуа и жить тамъ въ счастливой безизвѣстности, освободившись отъ бремени величія. А главное, тамъ онъ могъ на свободѣ излить свою злобу, свою горькую обиду: онъ бѣсился, можетъ быть, не столько оттого, что проигралъ, сколько оттого, что его одурачили, въ то время, какъ онъ думалъ, что помогаетъ дурачить другихъ.

Его просьба о разрѣшеніи уѣхать была слишкомъ справедлива и умѣстна, чтобы разрѣшеніе не было дано тотчасъ же. Какъ только его прошеніе объ отставкѣ получило въ Тюльери, Бонапартъ, не дожидаясь, пока президентъ Лемерсье внесетъ его въ списокъ «входящихъ», отобралъ сотню драгунъ для охраны и конвоированія невольнаго бѣглеца. Черезъ минуту подъ окнами Барраса уже раздавался конскій топотъ и бряцанье оружія. Подали карету, и запряженный почтовыми лошадьми экипажъ помчался подъ звонъ бубенчиковъ, щелканье кнута и мѣрный стукъ копытъ. Но у заставы неожиданно возникло затрудненіе: Фуше, вѣрный традиціямъ, прежде всего поспѣшилъ разослать повсюду приказъ запереть заставы, никого не впускать и не выпускать. Солдаты на посту остановили экипажъ и видя, что ямщикъ не намѣренъ останавливаться, пригрозили распороть брюхо лошадямъ. Послѣ долгихъ и тщетныхъ переговоровъ, пришлось послать къ Бонапарту, просить у него пропуска. Тотъ немедленно послалъ адъютанта снять запретъ, слишкомъ счастливый возможностью покончить съ Баррасомъ и дать ему съ позоромъ сойти со страницъ исторіи.

4.

Изъ министровъ и высшихъ чиновниковъ большинство уже успѣло явиться въ Тюльери. Въ инспекторскую залу, гдѣ теперь находился Бонапартъ вмѣстѣ съ Сійесомъ, Роже

Дюко и главными вожаками, и куда, казалось, было перенесено мѣстопробываніе правительства, одинъ за другимъ прибывали министры, вызванные подъ предлогомъ обезпечить выполненіе декрета; сперва Фуше и Камбасерэсъ, полиція и юстиція; затѣмъ Кинеттъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, и Рейнаръ—иностранныхъ. Робертъ Линде, министръ финансовъ, не откликнулся на первый зовъ, но пріѣхалъ по второму. Дюбуа-Крансе заперся у себя въ кабинетѣ, въ военномъ министерствѣ, и не выходилъ весь день, фактически обреченный на бездѣйствіе декретомъ, законодательнымъ порядкомъ предоставившимъ Бонапарту верховную власть надъ войсками.

Фуше разсыпался въ изъявленіяхъ преданности и не скупился на доказательства; его усердіе казалось порой даже неумѣстнымъ. Приказъ запереть заставы не понравился Бонапарту; эта отдача подъ арестъ Парижа имѣла характеръ насилія и чего-то революціоннаго, слишкомъ напоминавшаго прежнія времена, претившаго ему, который понималъ этотъ день совсѣмъ иначе, шедшаго въ разрѣзъ съ его желаніемъ какъ можно меньше нарушать привычки гражданъ и сдѣлать для нихъ потрясеніе едва замѣтнымъ. Его отвѣтъ дышалъ благородствомъ: «Богъ мой, къ чему всѣ эти предосторожности? Мы идемъ съ націей, движимые только ея силою. Ни одинъ гражданинъ не долженъ быть обезпокоенъ; торжество общественнаго мнѣнія не должно имѣть ничего общаго съ переворотами, учиненными мятежнымъ меньшинствомъ». Фуше пришлось разослать повсюду новый приказъ, отмѣняющій первый, возстановить свободное движеніе и поубавить усердія.

Камбасерэсъ серьезнѣе доказывалъ свое сочувствіе: это онъ дважды писалъ Роберту Линде; но, что касается его лично, онъ рѣшилъ свято соблюдать формы.

Первое его слово Бонапарту было: «Позвольте спросить васъ, сохраняетъ ли конституція силу государственнаго закона?»—«Почему вы мнѣ задали этотъ вопросъ?» Камбасерэсъ пояснилъ. Ему, какъ министру юстиціи, надлежало ввести въ силу декретъ старѣйшинъ, напечатавъ его въ «Вѣстникѣ законовъ», обнародовавъ обычнымъ порядкомъ и разославъ по всѣмъ администраціямъ. Въ силу конституціи, ни одинъ законъ не могъ быть опубликованъ иначе, какъ

по официальному приказу директоріи, подписанному ея президентомъ, который, кромѣ того долженъ былъ скрѣпить его приложеніемъ хранившейся у него печати республики. А, между тѣмъ, за отсутствіемъ Гойе, остававшагося въ Люксембургѣ, эта «чисто административная» санкція не могла быть выполнена. Правда, печать имѣлась на лицо; секретарь Лагардъ стащилъ ее изъ Люксембурга и привезъ съ собою; но Камбасерэсъ не считалъ себя вправѣ самолично наложить официальный штемпель. Низвергнуть правительство, перевернуть вверхъ дномъ всѣ учрежденія—противъ этого онъ ничего не имѣлъ; но, пока конституція существуетъ, онъ считалъ долгомъ подчиняться ея постановленіямъ и самъ не могъ позволить себѣ ни малѣйшей неправильности въ процедурѣ.

Бонапарта раздражала эта придирка, являвшаяся зацѣпкой для всего предпріятія, тѣмъ болѣе, что она могла вызвать неповиновеніе легальное. «Законники, говорилъ онъ, всегда тормозятъ ходъ дѣла». Впослѣдствіи онъ въ шутку упрекалъ Камбасерэса, что тотъ чуть было не провалилъ 18-го брюмера. Къ счастью, если Камбасерэсъ былъ большимъ формалистомъ, зато онъ былъ и казуистомъ. «Сейчасъ, — сказалъ онъ Бонапарту, — я говорилъ съ вами, какъ министръ, теперь я буду говорить, какъ человѣкъ, желающій вамъ помочь». И онъ предложилъ способъ устранить имъ же созданное затрудненіе. «Такъ какъ Гойе упорно не приходитъ, нельзя-ли разсматривать его, какъ удерживаемаго *force majeure* и не состоящаго болѣе на дѣйствительной службѣ?» Въ такомъ случаѣ, на основаніи имѣющихся прецедентовъ, Сійесу, предсѣдательствовавшему въ директоріи въ предыдущемъ триместрѣ, надлежало замѣнить теперешняго президента и дѣйствовать вмѣсто него. «Пусть Сійесъ подпишетъ и приложитъ печать, говорилъ Камбасерэсъ, остальное я беру на себя». Но къ этому маневру не понадобилось прибѣгать; Сійесъ только что хотѣлъ подписать, какъ явились Гойе и Мулень; видя, что всѣ бѣгутъ въ Тюльери, и они, въ концѣ концовъ, послѣдовали за другими; и ихъ притянулъ къ себѣ этотъ всепоглощающій центръ.

Гойе не отказывался сговориться съ Сійесомъ, составить и подписать новый актъ промудраціи по всей формѣ. Да онъ и не могъ поступить иначе, подъ угрозой

нарушенія конституціи, такъ какъ старѣйшины только воспользовались своимъ верховнымъ правомъ инициативы. По правдѣ говоря, онъ могъ и даже долженъ былъ возстать противъ параграфа о главнокомандующемъ войсками, такъ какъ въ конституціи это не было предвидѣно. Но онъ промолчалъ, по всей вѣроятности, въ убѣжденіи, что отдѣлаться хотѣли только отъ Барраса и что директорія, сбросивъ съ себя это компрометирующее бремя, снова всплыветъ на поверхность.

Пора было разбить его иллюзіи. Въ немъ больше не нуждались и начали сейчасъ же «выставлять» его, но не грубо, а съ нѣкоторой подготовкой. Бонапартъ, Сійесъ, Дюко, инспектора, Булэ, Шазаль, — всѣ вмѣстѣ старались склонить его къ смиренію, къ самоотреченію, дать ему понять, что о директоріи и конституціи можно говорить только въ прошедшемъ времени. Но это было не такъ то легко. Найдя въ Тюльери двоихъ изъ своихъ коллегъ, онъ тотчасъ предложилъ имъ устроить совѣщаніе—онъ съ самаго утра мечталъ объ этомъ. Напрасно Сійесъ и Дюко говорили, что они уже въ отставкѣ, и твердили о необходимости радикальной перемѣны; Гоие упрямо продолжалъ надеяться, что перемѣна ограничится пустяками, что большинство директоровъ и президентъ останутся на своихъ мѣстахъ и что день завершится сердечнымъ единеніемъ и объятіями. Вѣдь у него же всѣ обѣдаютъ нынче вечеромъ; Бонапартъ формально обѣщалъ. Бонапартъ, разсердясь, въ концѣ концовъ объявилъ ему: «Я сегодня не буду обѣдать».

Наконецъ Булэ и Шазаль заговорили на чистоту: отъ гражданина президента хотятъ, чтобы онъ подалъ въ отставку; понялъ онъ наконецъ? Тутъ бѣдняга разсердился, разразился упреками; думали, что онъ сейчасъ начнетъ упрячиться, но онъ чувствовалъ свое безсиліе, и гнѣвъ его скоро улегся. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ ссылаться на свои принципы, на свои обязанности, на конституцію и держаться на позиціи почетной обороны.

Мулень, «съ вытянутой фізіономіей», выказывалъ не меньше упорства, хотя у него не было уже никакого желанія что-либо предпринимать. Этотъ весьма посредственный генераль, неожиданно очутившійся у власти, именно благодаря своей успокоительной безвѣстности, все же со-

хранилъ кой-какія военныя привычки и утромъ выказалъ нѣкоторую рѣшимость. Въ сущности, онъ никогда не заблуждался относительно прочности правительства, къ которому принадлежалъ; съ перваго же дня, какъ онъ вошелъ въ его составъ, онъ какъ будто носилъ по немъ трауръ. Онъ внушалъ нѣкоторыя опасенія только вслѣдствіе приписываемаго ему родства въ Сантерромъ, экс-королемъ предмѣстій, зачинщикомъ прежнихъ рабочихъ возстаній. Одинъ моментъ въ Тюльери разнесся слухъ, что Сантерръ бѣгаетъ по предмѣстьямъ и бунтуетъ народъ. Бонапартъ, нахмуясь, пристально взглянулъ на Мулена и сказалъ: «Если Сантерръ вздумаетъ показаться, я отдамъ приказъ слѣдить за нимъ по пятамъ и убить его». Мулень послѣшилъ успокоить его: «Сантерру не собрать около себя и четырехъ человѣкъ». Невозможно представить себѣ болѣе разочарованнаго якобинца.

Тѣмъ не менѣе онъ и Гойе отказывались подать въ отставку, хотя ихъ порядкомъ прижали къ стѣнѣ. Булэ, мечтавшій разыграть относительно Гойе ту самую роль, которую Талейранъ такъ успѣшно сыгралъ по отношенію къ Баррасу, приставалъ къ президенту: «Соглашайтесь, гражданинъ Гойэ,—или вы хотите, чтобы къ просьбѣ присоединилось нѣчто большее?» Но Бонапартъ еще не соглашался на насиліе. Гойе и Мулень, почувствовавъ наконецъ, что имъ не мѣсто въ Тюльери, такъ какъ они хотятъ остаться вѣрными законности, пожелали уѣхать; ихъ не задерживали. Уѣхать—но куда? Имъ и въ голову не пришло показаться народу и сплотить разбросанные элементы оппозиціи; они просто сѣли въ карету и вернулись въ Люксембургъ, замкнувшись въ своемъ пассивномъ сопротивленіи.

Однако слѣдовало оберечь ихъ отъ враждебныхъ совѣтовъ и предупредить пробужденіе въ нихъ энергіи; поэтому сочли благоразумнымъ изолировать ихъ и арестовать домашнимъ арестомъ; это называлось въ то время «отдать подъ надзоръ». Бонапартъ рѣшилъ послать нѣсколько взводовъ пѣхоты для военной оккупации Люксембурга, съ тѣмъ, чтобы они заняли покинутые гвардіей посты и не выпускали обоихъ директоровъ. Посланы были три сотни людей 96-й полубригады и во главѣ ихъ, въ знакъ особеннаго довѣрія, Моро; его вкусомъ вполне отвѣчали

этотъ высокій постъ и въ тоже время чисто пассивная роль.

Триста пѣхотинцевъ уже готовы были двинуться въ Тюльери, когда, по разсказу Бонапарта, произошло нѣчто странное. Въ рядахъ раздался ропотъ; солдаты готовы были взбунтоваться—не потому, чтобы совѣсть запрещала имъ держать подъ замкомъ вчерашнихъ правителей, — нѣтъ, въ этотъ день, долженствовавшій навсегда упрочить республику, имъ противно было повиноваться Моро: ни рыба, ни мясо, извѣстный своей умѣренностью, онъ, какъ имъ казалось, не заслуживалъ довѣрія истинныхъ патріотовъ. Бонапарту пришлось уговаривать ихъ, гарантировать республиканизмъ Моро, взять на себя отвѣтственность за него передъ войскомъ.

Отрядъ двинулся. По прибытіи въ Люксембургъ, Моро представился Мулену и, не скрывая причины своего появленія, пытался завязать разговоръ; но тотъ вмѣсто отвѣта указалъ ему на дверь, сдѣлавъ знакъ пройти въ переднюю; тамъ отнынѣ было его мѣсто, ибо славный генераль унизился до роли тюремщика. Солдаты безцеремонно наводнили дворецъ, ходили по всѣмъ комнатамъ, заколачивали входы, запирали двери на задвижки. Гойе и Муленъ написали и послали совѣтамъ протестъ, само собой перехваченный по дорогѣ. Послѣ этого ихъ еще больше стѣснили: лишили ихъ всякаго сообщенія между собой, запретили разговаривать; часовой, приставленный къ Гойе, не отставалъ отъ него ни на шагъ; вечеромъ,—пишетъ бѣдный негодующій президентъ, — «онъ хотѣлъ остаться возлѣ моей кровати и сторожить даже мой сонъ». Внизу заперли на засовъ большую входную дверь, открывавшуюся наружу, что довершало тюремный видъ директорскаго дворца, преобразованнаго въ арестный домъ.

Солдаты строжайшимъ образомъ выполняли приказъ никого не впускать и не выпускать, не дѣлая исключенія даже для лицъ, желавшихъ говорить съ ихъ генераломъ. Приходили депутаты, офицеры; отвѣтъ всѣмъ былъ одинъ и тотъ же: «Входъ воспрещается». — Но вѣдь мы депутаты. — «Входъ воспрещается». — Дайте по крайней мѣрѣ расписаться у привратника. — «Входъ воспрещается». — Могу я видѣть генерала Моро? — «Входъ воспрещается». — Моро не смѣлъ сойти съ мѣста, и былъ нѣсколько сконфуженъ

навязанной ему ролью; сторожа своих плѣнныхъ, онъ самъ былъ плѣнникомъ своихъ людей.

Бонапартъ распредѣлилъ остальные войска, до тѣхъ поръ концентрированныя въ Тюльери, по стратегическимъ пунктамъ, доминировавшимъ надъ Парижемъ, или по крайней мѣрѣ обеспечивавшимъ оборону главныхъ позицій: дворца и его окрестностей, Елисейскихъ полей и дорогъ, ведущихъ въ Сен-Клу. Дислокація войскъ заняла не больше часа. Во главѣ различныхъ военныхъ группъ Бонапартъ поставилъ, надъ дежурными командирами, своихъ людей, по большей части генераловъ съ славными именами, волновавшими народное воображеніе. Лефевра онъ оставилъ при себѣ, какъ «старшаго своего замѣстителя»; Андреосси исполнялъ обязанности начальника генеральнаго штаба, имѣя помощниками Каффарелли и Дусе; Ланну поручено было завѣдывать Тюльерійскимъ дворцомъ, Беррюе дворцомъ Инвалидовъ. Мюратъ со своей кавалеріей былъ посланъ охранять дворець Бурбоновъ, Мармонъ поставленъ во главѣ артиллеріи, Моранъ остался плацъ-командиромъ. Макдональдъ былъ посланъ въ Версаль для надзора за находившимися тамъ якобинцами. Серюрье съ большимъ отрядомъ пѣхоты занялъ постъ на Пуэнъ-дю-Журъ, откуда на утро ему велѣно было отправиться въ Сен-Клу и отдаться въ распоряженіе тамошняго начальника войскъ, въ качествѣ его помощника; такимъ образомъ его отрядъ, соединившись съ другими войсками, въ желѣзныхъ тискахъ зажметъ со-вѣты, въ то время, какъ Парижъ останется подъ охраной избранной группы знаменитыхъ вождей, «совмѣщающихъ въ себѣ однихъ больше славы, чѣмъ нужно для того, чтобъ воодушевить нѣсколько армій и заставить дрожать Европу».

Обо всемъ этомъ парижане были извѣщены расклееннымъ по городу приказомъ, вышедшимъ изъ подъ станковъ національной типографіи, такъ какъ всѣ общественныя учрежденія, признавъ новую власть, функціонировали правильно. Адресъ старѣйшинъ, двойная прокламація Бонапарта къ народу и арміи, прокламація министра полиціи и другая — центральной администраціи—были вывѣшены на стѣнахъ, какъ официальные документы. Главное почтовое управленіе разслало по провинціи экстренныхъ гон-

цовъ съ узаконенными должнымъ порядкомъ указами, не переставая въ то же время удовлетворять общественныя потребности, — мальпосты выѣхали изъ города въ семь часовъ, почти безъ опозданія. Надъ Лувромъ и на другихъ возвышенныхъ пунктахъ былъ пущенъ въ ходъ воздушный телеграфъ; длинныя руки его безпрестранно рѣяли въ воздухъ, возвѣщая новость всѣмъ четыремъ странамъ свѣта. Во всѣхъ округахъ муниципалитеты были упразднены; правительственные комиссары, надежные агенты, захватили бразды правленія въ свои руки и присвоили себѣ муниципальныя функціи. Они каждый часъ переговаривались телеграммами съ центральнымъ комиссаромъ Реалемъ. Адьютанты велѣли бить тревогу, созвали національную гвардію, усилили посты, словомъ развернули картину буржуазнаго милитаризма; но эти предосторожности оставались чисто предупредительными мѣрами, такъ какъ нигдѣ не проявлялось и тѣни активнаго сопротивленія.

Въ Тюльери всѣ ворота заперли, приставивъ сильную стражу; смотрѣть было больше не на что, и любопытные удалились. Прилегающія ко дворцу аллеи и садъ понемногу пустѣли; толпа отхлынула, разсѣявшись внутри города. Парижъ, казалось, принялъ свой обычный видъ; многіе граждане возвращались къ своей работѣ, къ своимъ дѣламъ. На биржѣ, открытой съ утра, переворотъ отразился благопріятно; необычная вещь — государственные фонды повысились въ моментъ кризиса, даже раньше, чѣмъ сталъ извѣстенъ результатъ; консолидированная треть поднялась съ 11 фр. 37 до 12 фр. 88. Денежные люди продолжали оказывать поддержку. «Не прошло и трехъ часовъ, какъ въ государственное казначейство внесено было два милліона и два другихъ обѣщаны на завтра». Эти цифры, приведенныя въ газетахъ, несомнѣнно преувеличены, но министр Годенъ, которому предстояло на другой день принять портфель министра финансовъ, подтверждаетъ въ своихъ мемуарахъ самый фактъ аванса. Впрочемъ, надо принять въ расчетъ, что совѣтъ старѣйшинъ, прежде, чѣмъ разойтись, включилъ въ программу завтрашняго засѣданія обсужденіе вопроса о «делегаціяхъ», крайне важнаго для капиталистовъ, какъ бы намѣреваясь одновременно провести государственную реформу и удовлетворить финансистовъ.

Масса населенія казалась не столько взволнованной, сколько примиренной и «покорной». — Газеты на другой день говорили: «У насъ еще не бывало такой спокойной революціи». Въ предмѣстьяхъ ни тѣни волненія; мнимое появленіе Санterra было фальшивой тревогой. Профессиональные смутьяны вдругъ всѣ куда то попрятались. У открытыхъ снова заставъ военные посты удвоенной силы слѣдили за всѣми входящими и выходящими, позволяя себѣ подчасъ недовѣрчивое отношеніе, сарказмы и шуточки надъ представителями павшаго правительства. Если женщина выѣзжала изъ города въ каретѣ, она могла быть только «любовницей Барраса», спѣшившей убраться по добру по здорову. Ее пропускали, только удостовѣривъ ея личность.

Черезъ одну изъ заставъ въѣхала въ почтовой каретѣ прибывшая изъ Коппе г-жа де Сталь, дивясь, что она попала въ Парижъ въ день революціи. Во всѣхъ слышанныхъ ею разговорахъ между почтальонами и прохожими повторялось одно и то-же имя: Бонапартъ. И она поддалась коллективному увлеченію, чувствуя, какъ растетъ ея энтузіазмъ къ тому, кто выписывалъ ея произведенія въ Египетъ и перенесъ ея славу на берега Нила, къ тому, кого она звала своимъ «героемъ», и кто, безъ сомнѣнія, отдавая должное всякому превосходству, дастъ мѣсто и литературному гению въ средѣ будущаго правительства.

5.

Бонапартъ весь день пробылъ въ Тюльери, превращенномъ въ главную квартиру, военную и гражданскую, и лишь поздно вечеромъ вернулся ночевать домой въ улицу Шантеренъ. Въ Тюльери продолжали дефилировать союзники, всякій народъ: депутаты, члены Института, администраторы, убѣжденные и полуубѣжденные, и тѣ, кто уже не боялся окончательно связать себя, и тѣ, кто явился засвидѣтельствовать преданность, откладывая однако дальнѣйшія доказательства до исхода слѣдующаго дня. Явились люди завѣдомо враждебные или, по крайней мѣрѣ, очень сомнительные; во время смотра явился Журданъ; ему посовѣтовали сидѣть смирно. Ожеро, забывъ свои недавнія грязныя

и грубыя нападки на Бонапарта, хотѣлъ во что бы то ни стало увидѣть своего прежняго начальника и, кинувшись ему на шею, разцѣловаль его въ обѣ щеки; съ грубыми ужимками, стараясь быть ласковымъ и милымъ, онъ упрекаль генерала, зачѣмъ тотъ не довѣрился ему.—«Какъ, генераль, развѣ Вы не надѣетесь больше на Вашего маленькаго Ожеро». Онъ неуклюже ластился къ нарождающейся власти, еще не оторвавшись отъ якобинства.

Чѣмъ больше унижались эти люди, тѣмъ больше успокаивались вожди движенія, тѣмъ больше прояснялись ихъ лица; это была передышка послѣ первыхъ острыхъ волненій. Оптимисты припоминали забавные инциденты дня, острили, каламбурили по поводу наивности Гоёе и его обѣда. Имъ не приходило въ голову, чтобы успѣхъ могъ остановиться на полдорогѣ, чтобы дѣло, такъ превосходно начатое, могло споткнуться о какое нибудь жалкое препятствіе; они какъ будто не знали, что судьба такихъ насильственныхъ переворотовъ, какъ бы они ни отвѣчали общественнымъ стремленіямъ и настроенію умовъ, всегда виситъ на волоскѣ.

Нужно было однако распредѣлить слѣдующій день и выработать программу дѣйствій, пока весьма неопредѣленную. Для всякаго, кто умѣлъ предвидѣть и соображать, было очевидно, что настоящая опасность ждетъ въ Сен-Клу, и что тамъ придется пережить самый трудный моментъ кризиса.

Пока все совершалось подъ эгидой конституціи, подъ прикрытіемъ законности, допускавшей безсознательныя и сознательныя заблужденія, и заговорщикамъ, выставлявшимъ себя лишь исполнителями декрета, изданнаго полномочной частью законодательнаго корпуса, не приходилось прибѣгать къ черезчуръ рискованнымъ, компрометирующимъ мѣрамъ. Завтра предстоитъ день уже не конституціонный, придется задѣть за живое, сбросить маску, обнажить цѣль, показать, что дѣло идетъ не только о повтореніи 30-го преріала и объ изгнаніи нѣсколькихъ директоровъ, но о нарушеніи и ломкѣ основнаго договора, чего многіе еще не предвидѣли. Противъ этого, конечно, возстанутъ многіе, можетъ быть даже большинство въ совѣтѣ пятисотъ, которому въ первый моментъ зажали ротъ, равно какъ и мень-

шинство старѣйшинъ, не присутствовавшихъ на первыхъ дебатахъ; придется, безъ сомнѣнія, бороться съ отвагой и яростью якобинцевъ, преодолевать сомнѣнія другихъ партій, оказывать давленіе на колеблющихся и, быть можетъ, въ виду несомнѣннаго конфликта съ закономъ, подвергнуть опасному испытанію преданность войскъ. Всѣ эти положенія необходимо было предвидѣть и знать, какъ выйти изъ нихъ.

Втеченіи дня, въ инспекторской залѣ, Бонапартъ и его главные помощники не разъ бесѣдовали объ этомъ, но совѣщанія то и дѣло прерывались приходами и уходами, отдачей приказаній, общимъ смятеніемъ. Вечеромъ они въ послѣдній разъ собрались на совѣтъ, и съ тѣмъ, чтобы договориться до конца. Бонапартъ, Сійесъ, Дюко, разумѣется, присутствовали; пригласили они и вліятельнѣйшихъ своихъ друзей изъ обоихъ собраній: Лемерсье, Ренъе, Корнюде, Фарга, Люсьена, Булэ, Эмиля Годенъ, Шазэля, Кабаниса и нѣкоторыхъ другихъ.

Этотъ многочленный комитетъ, составленный изъ политиковъ чистой воды, или мыслителей, теряющихся, когда приходилось дѣйствовать, представлялъ собою, въ уменьшенномъ видѣ, образчикъ парламентскаго безсилія. Твердо установленъ былъ лишь одинъ пунктъ — необходимость устраненія директоріи, и, болѣе неопредѣленно, другой — замѣна ея временнымъ консульствомъ, которое, по соглашенію съ нѣсколькими избранными и отборными законодателями, займется переливкой въ новую форму государственныхъ учрежденій. Но слѣдовало обставить дѣло такъ, чтобы казалось, будто консульство получило свои полномочія отъ національныхъ представителей, чтобъ оно было создано постановленіемъ собраній, которыя затѣмъ должны были ступешаться, отложивъ свои засѣданія на неопредѣленное время; въ этомъ то и было затрудненіе. Въ какую форму облечь все это? Какъ воспользоваться собраніями и въ то же время отдѣлаться отъ нихъ, какъ ввести въ программу дебатовъ вопросъ о пересмотрѣ конституціи и заставить вотировать его въ принципѣ? кто возьмется внести такое предложеніе? кто его поддержитъ? какую роль дать старѣйшинамъ и какую оставить для совѣта пятисотъ? какъ убѣдить оба собранія, послѣ того, какъ они произведутъ на

свѣтъ новую власть, принести въ жертву самихъ себя и вернуться въ ничтожество? Присутствіе войскъ, конечно, облегчить достиженіе желаемого результата, но достаточно ли будетъ для этого простой военной демонстраціи и нравственнаго авторитета штыковъ?—не придется ли прибѣгать къ вооруженной силѣ, къ грубому насилію, средству рискованному и, во всякомъ случаѣ, нежелательному?

Бонапартъ присутствовалъ при совѣщаніяхъ, не принимая въ нихъ большого участія; болѣе политичный и хитрый, чѣмъ всѣ его товарищи, онъ чувствовалъ однако, что не его дѣло придумывать средства, какъ обойти законодательныя собранія, измышлять махинаціи для рѣшительнаго завтрашняго дня. Это дѣло людей бывалыхъ, практиковъ политическаго ремесла, старыхъ парламентскихъ пройдохъ, въ распоряженіе которыхъ онъ временно предоставилъ свою шпагу и свою популярность; имъ надлежитъ изобрѣсти фокусъ превращенія директоріи во временное консульство. И онъ съ досадой констатировалъ у этихъ людей неспособность прійти къ опредѣленному заключенію.

Дѣйствительно, Сійесъ, погруженный въ свои размышленія, высказывалъ лишь отвлеченныя идеи; Дюко изображалъ изъ себя лицо безъ рѣчей; депутаты никакъ не могли сойтись во мнѣніяхъ, имъ мѣшало честолюбіе, личныя вождедѣнія; каждому хотѣлось выкроить себѣ роль по-важнѣе въ завтрашнемъ днѣ, чтобъ обезпечить за собою львиную долю власти въ будущемъ. Люсьенъ увѣрялъ, что онъ подчинитъ себѣ совѣтъ пятисотъ и заставитъ его вотиловать все, что угодно—пусть только ему предоставятъ полную свободу дѣйствій. Онъ больше, чѣмъ кто бы то ни было, стоялъ за парламентскій способъ рѣшенія вопроса; для него важно было, чтобъ Бонапартъ-воинъ не слишкомъ доминировалъ надъ Бонапартомъ-гражданиномъ. И здѣсь опять таки «Люсьенъ дѣйствовалъ въ интересахъ брата, думая, что трудится для самого себя». Одинъ Шазаль ясно и точно формулировалъ свой планъ, но ему не удавалось убѣдить остальныхъ принять этотъ планъ, какъ окончательную программу дня. Камбасересъ, присутствовавшій при нѣкоторыхъ моментахъ совѣщанія, дивился, видя въ вождяхъ такъ мало согласія и такую неопредѣленность хотѣній. Споръ затянулся далеко за полночь, но изъ всей этой болтовни не

вышло никакого толку; въ концѣ концовъ судьба второго дня была предоставлена на волю случая, личныхъ вдохновеній, обстоятельствъ, благодѣтельнаго рока, даннаго импульса, а, главное,—потока народной воли, который, казалось, долженъ былъ все унести съ собой.

Это была крупная неосторожность, ибо въ политикѣ нельзя рассчитывать, что фактъ свершится, потому только, что онъ кажется неизбежнымъ. Между тѣмъ, какъ Бонапартъ напрасно полагался на политиковъ, въ надеждѣ, что они добьются успѣха парламентскими приемами, тѣ, съ своей стороны, дѣлали такую же ошибку, довѣряясь единственно престижу военнаго вождя, его личному обаянію, его вліянію на войска, достаточному для того, чтобы сдержать и усмирить несогласныхъ; этотъ двойной промахъ едва не погубилъ обоихъ.

Сійесъ, выйдя на минуту изъ отвлеченностей, предлагалъ, однако, средство упростить и сократить второй день, арестовавъ немедленно главныхъ якобинскихъ вожаковъ и тѣмъ обезглавивъ оппозицію. Это была все та же вѣчная система: произвести чистку собраній, чтобы лучше поработить ихъ. Бонапартъ отказался наотрѣзъ.

Было бы ребячествомъ объяснять этотъ отказъ щепетильностью по отношенію къ конституціи или чрезмѣрнымъ уваженіемъ къ личной свободѣ. Истинная причина разногласія крылась здѣсь въ томъ, что Сійесъ держался революціонныхъ традицій, Бонапартъ же все хотѣлъ сдѣлать по новому, находя, что въ интересахъ его славы, честолюбія, величавой оригинальности и прочности его будущаго правительства, необходимо, чтобы его день отличался отъ всѣхъ предыдущихъ и не повторялъ прежнихъ гоненій. Сійесъ не допускалъ, чтобъ революцію можно было довести до конца, не прибѣгая къ революціоннымъ приемамъ. Бонапартъ былъ слишкомъ увѣренъ въ себѣ, въ своемъ могуществѣ, въ своей неотразимости, чтобы позволить себѣ обойтись безъ гнусныхъ мѣръ, чтобы присоединить къ своей силѣ красивую декорацію—роскошь великодушія. Всѣ слишкомъ крутыя мѣры, казалось ему, должны были исказить картину имъ организованнаго переворота и шли въ разрѣзъ съ его собственнымъ взглядомъ на свое возвышеніе; главной его задачей было всегда добиться власти не только безъ крово-

пролитія, но и безъ борьбы, безъ насилій, чтобы авторитеты и партіи всюду сами сошли со сцены, чтобы факціи добровольно стушевались или были искусно приведены къ необходимости подчиниться единодушному желанію массъ. Вотъ почему онъ старался до конца оставаться въ соприкосновеніи съ этими факціями и не разрывать окончательно ни съ одной; якобинцы нѣсколько тревожили его, но онъ хранилъ надежду, если не покорить ихъ, то, по крайней мѣрѣ, [нейтрализовать, и продолжалъ исподтишка вести съ ними переговоры.

Якобинцы совѣта пятисотъ, болѣе двухсотъ депутатовъ, провели весь день и часть ночи, разыскивая другъ друга, собираясь для лихорадочныхъ совѣщаній. Собирались у своей же братіи или въ ресторанахъ, за обѣдомъ, горячились, проклинали, давали торжественныя клятвы, разыгрывая изъ себя Брутовъ, которымъ несносна всякая тиранія. Тѣмъ не менѣе у нихъ замѣчались различныя оттѣнки мнѣній, и они дѣлились на нѣсколько категорій, Военная группа якобинцевъ—Журданъ и Ожеро съ товарищами, примкнувшіе къ партіи изъ недовольства и обманутаго честолюбія, заключили съ Бонапартомъ нѣчто въ родѣ перемирія, которое они оставляли за собой право нарушить, или превратить въ окончательный миръ, смотря по тому, какой оборотъ приметъ дѣло. Это не мѣшало имъ участвовать въ общихъ собраніяхъ, гдѣ они сталкивались съ болѣе яркими, болѣе передовыми якобинцами, и порой давать собраніямъ благоразумныя совѣты.

Въ эти диссидентскія сборища вкрался нѣкій политическій бродяга, шнырявшій по всѣмъ партіямъ, корсиканецъ Салисетти, бывшій военный комиссаръ итальянской арміи, вдвойнѣ и даже втройнѣ шпионтъ, впрочемъ привлекательной наружности и съ мягкими вкрадчивыми манерами; къ якобинскимъ депутатамъ онъ, повидимому, явился посломъ своего великаго компатріота.

Бонапартъ велѣлъ передать имъ буквально слѣдующее: «Не бойтесь ничего, будьте спокойны, и республика будетъ спасена. Послѣ-завтра вы будете довольны,—мы пообѣдаемъ вмѣстѣ и объяснимся на чистоту». Цѣль его была добиться лаской того, чего Сійесъ хотѣлъ достигнуть силой,—помѣшкать якобинскимъ вожакамъ явиться завтра въ Сен-Клу,

убѣдивъ ихъ, что лично они рискуютъ, отираваясь туда, республика же, права народа, священные принципы, наоборотъ, не подвергаются никакой опасности. Онъ пошелъ даже дальше, намекнувъ имъ, что Сійесъ предлагалъ противъ нихъ крайнія мѣры, онъ-же категорически отвергъ этотъ способъ; онъ выставялъ себя, такимъ образомъ, защитникомъ народнаго представительства, поднимая свой престижъ за счетъ своего союзника.

Эта нѣсколько предательская откровенность отчасти достигла цѣли. Журданъ, Ожеро и ближайшіе ихъ друзья сговорились между собою не ѣздить въ Сен-Клу, но съ утра сидѣть у себя дома, оставаясь «пассивными зрителями событій», что не помѣшаетъ имъ въ послѣдствіи неожиданно выступить на сцену, если дѣла Бонапарта примутъ дурной оборотъ, и выудить власть изъ мутной воды. Гражданскіе яacobинцы, Бріо, Тало, Дестремъ, Арена, Гранмэзонъ, Дельбрель, Бигонне, Диньеффъ, Блэнъ, Сулье, наоборотъ, оставались непреклонными. Они сгорали желаніемъ открыть враждебныя дѣйствія,—но на кого опереться, разъ народъ отсутствуетъ? Было очевидно, что рѣшить участь республики еще разъ придется арміи, и пылкіе трибуны чувствовали необходимость противопоставить Бонапарту другой сильный мечъ,—генерала, который бы также имѣлъ вліяніе и власть надъ войсками; естественно, они вспомнили о Бернадотѣ, человѣкѣ съ выгодной внѣшностью, звучной рѣчью, голосомъ «бывшаго сержанта-инструктора»—ихъ прежнемъ военномъ министрѣ.

Бернадотъ въ тотъ день утромъ завтракалъ у Жозефа Бонапарта, днемъ показался въ Тюльери, потомъ рѣшилъ, что не худо будетъ сѣйтись съ Моро и попытаться эксплуатировать его колебанія; вечеръ онъ провелъ въ обществѣ яacobинцевъ и расстался съ ними, только назначивъ у себя на завтра въ пять часовъ утра ранде-ву вождей. Недовольный и обиженный, онъ агитировалъ внизу, кружилъ около событій, ища лазейки, чтобы самому пролѣзть впередъ и урвать кусокъ добычи. Въ революціи, которая должна была перевернуть всю Францію, онъ видѣлъ только неудачу для своего честолюбія и личную себѣ обиду; какъ же ему было не завидовать Бонапарту, игравшему ту самую роль, которой добивался и не добился онъ, Бернадотъ. Эту роль казалось

труднымъ вырвать изъ рукъ человѣка, такъ власто присвоившаго ее себѣ, но Бернадотъ не отчаивался войти въ долю съ этимъ человѣкомъ, навязать себя въ товарищи Бонапарту, отказавшись занять второе мѣсто послѣ него и войти въ составъ его свиты.

Онъ весь сказался въ планѣ, предложенномъ имъ якобинцамъ. Его программа была такова: пятистамъ, сообравшимся въ Сен-Клу, незачѣмъ тратить время на обсужденіе законности принятыхъ мѣръ; лучше всего, если они, съ первой же минуты, въ параллель съ декретомъ старѣйшинъ, особымъ указомъ назначать генерала Бернадота помощникомъ Бонапарта въ командованіи войсками, на равныхъ правахъ, для того, чтобы оба они совмѣстно блюли безопасность французскаго народа, совѣтовъ и государства. Бернадотъ будетъ держаться наготовѣ; получивъ указъ, онъ немедленно облечется въ мундиръ и, сѣвъ на коня, помчится на зовъ; по дорогѣ въ Сен-Клу онъ приметъ начальство надъ войсками, разбросанными на пути, и предстанетъ передъ Бонапартомъ съ такой свитой, что тотъ принужденъ будетъ фактически согласиться на раздѣлъ; такимъ образомъ будетъ созданъ военный дуумвиратъ,—рядомъ съ генераломъ старѣйшинъ, генераль пятисотъ—обеспечивающій передовой партіи всѣ желательныя ей гарантіи. Итакъ Бернадотъ питалъ необычайную надежду—подняться съ помощью парламентскаго декрета на одну высоту съ Бонапартомъ, стать съ нимъ рядомъ, на равной ногѣ, съ задней мыслью устранить его, если обстоятельства сложатся благопріятно, остаться одному хозяиномъ положенія и распоряжаться имъ согласно своимъ политическимъ симпатіямъ, а главное, своему честолюбію.

Якобинцы выслушали, приняли къ свѣдѣнію; нѣкоторые въ разгаръ кризиса и вспомнили о Бернадотѣ. Не видно однако, чтобы большинство депутатовъ усвоило себѣ его идею, или само ринулось въ битву съ готовымъ, выработаннымъ планомъ. Тѣмъ не менѣе они рѣшились бороться, а такъ какъ они были добрые бойцы, смѣлые и упорные, весьма способные силой овладѣть собраніемъ, полные рѣшимости, не то что жалкіе люксембургскіе узники,—предоставленная имъ возможность явиться въ Сен-Клу создавала крупную опасность, недостаточно принятую въ расчетъ Бонапартомъ.

Въ то же время онъ сдѣлалъ и другую ошибку. Слишкомъ полагаясь на свое счастье, и не допуская мысли, чтобы фортуна могла измѣнить ему, онъ не боялся въ бесѣдѣ съ приходившими къ нему, но еще не составившими себѣ окончательнаго мнѣнія людьми раскрывать свои планы будущаго и свой принципъ управленія: замиреніе при посредствѣ власти. «Довольно факцій: я не хочу ихъ и не потерплю ни одной», властно заявлялъ онъ, какъ будто его устами уже говорила народная воля, нетерпѣливо рвавшаяся на свободу, жаждавшая покончить съ агитаторами всякаго рода, жаждавшая безмолвія, порядка и покоя. Втайнѣ еще щадя факціи, онъ вслухъ высказывалъ намѣреніе покончить съ ними, слить ихъ съ народной массой, править съ Франціей и противъ партій; онъ нашелъ формулу и повторялъ ее безъ конца: «Я не принадлежу ни къ какой котеріи, я принадлежу къ великой котеріи французскаго народа».

Воинственный тонъ его рѣчей, еще больше подчеркивавшій ихъ смыслъ, произносимыя имъ иногда слова: «Я хочу», «я приказываю», рѣзали ухо слушавшимъ его и заставляли ихъ призадуматься. Въ этомъ тощемъ генералѣ съ огненными глазами, съ повадкой императора, казалось имъ, кипитъ рвущаяся наружу тиранія, а такъ какъ они хотѣли дать защитника республикѣ, не навязывая ей господина, хотѣли сохранить конституціонныя гарантіи и равновѣсіе властей, такъ какъ сами они были по большей части людьми извѣстной партіи и секты, нѣкоторые изъ нихъ, съ полнымъ довѣріемъ примкнувшіе къ его начинанію, уже готовы были отстать; у нихъ рождались сомнѣнія, походившія на угрызенія. Вокругъ Бонапарта, у многихъ старѣйшинъ, изъ которыхъ должна была завтра состоять его гражданская фаланга, въ этомъ недавно сформированномъ и еще плохо дисциплинированномъ войскѣ, замѣчалось колебаніе, тревожные симптомы: они, казалось, готовы были повернуть назадъ, въ тотъ самый часъ, когда вдали раздались первые раскаты грома оппозиціи. Странная непоследовательность—Бонапартъ все еще не соглашался на крутыя мѣры и въ то-же время позволялъ угадывать свое властолюбіе; вмѣсто того, чтобы разомъ запугать и пригнать къ землѣ противную партію, онъ вызывалъ недовѣріе у колеблющихся; его темпераментъ вредилъ его политикѣ.

Опасность эта не ускользнула отъ нѣкоторыхъ изъ главныхъ вожаковъ, или наиболѣе посвященныхъ, и смутила ихъ сердца. Вечеромъ, на дому у вліятельныхъ заговорщиковъ, въ министерствахъ, въ администраціяхъ, уже проскальзывали сомнѣнія относительно конечнаго исхода, и кто могъ бы заглянуть въ эти души, убѣдился бы, что ихъ преданность уже не такъ надежна, и измѣна недалеко. Бонапартъ, между тѣмъ, вернувшись домой, говорилъ Бурьенну: «Ну, сегодня было не такъ ужъ плохо; посмотримъ, что будетъ завтра». Ложась спать, онъ положилъ возлѣ себя заряженные пистолеты. Войска всюду держались насторожѣ. Ланнъ охранялъ огромную арену борьбы, Тюльери; солдаты, набившись въ залу старѣйшинъ и другія парламентскія помѣщенія, спали вооруженные, не снимая сапогъ. Парижъ оставался спокойнымъ. Въ театрахъ публика, видимо, все еще находилась подъ бодрящимъ впечатлѣніемъ происшедшаго утромъ. «Во Французскомъ театрѣ, гдѣ давно уже перестали слушать пѣсни циническаго характера, чрезвычайно много аплодировали прощальной пѣснѣ».

Между тѣмъ погода испортилась; дождь лилъ ливнемъ, разгоняя народныя сборища, пронизывая сыростью Парижъ, придавая похоронный видъ улицамъ. Этотъ день, вначалѣ согрѣтый золотыми лучами, полный дивныхъ надеждъ и увлекательныхъ зрѣлищъ, подъ конецъ, казалось, готовъ былъ перейти въ ноябрьскую ночь, дождливую и унылую.

Глава IX

Брюмеръ. — Второй день.

Движеніе къ Сенъ-Клу.—Камбасерэсъ и Шазаль; второй *coups d'état*, оставленный про запасъ.—Бенжаменъ Констанъ.—Отъездъ Бонапарта.—Дорога.—Набѣгъ на Сенъ-Клу.—Топографія мѣстности.—Помѣщеніе не умѣли приспособить во время; послѣдствія.—Оппозиція въ совѣтѣ пятисотъ; депутаты присягаютъ конституціи. — Нетерпѣніе Бонапарта; флегматичность Сійэса.—Совѣщанія старѣйшинъ урывками.—Дѣло не подвигается.—Бонапартъ является въ совѣтъ старѣйшинъ, чтобы дать имъ толчокъ; никакого впечатлѣнія. — Какія соображенія побудили его войти въ залу пятисотъ.—Его появленіе; взрывъ. — Страшная суматоха. — Оскорбленіе дѣйствіемъ. — Физическая слабость Бонапарта. — Якобинцы требуютъ объявленія его *вне закона*. — Обструкція.—Бонапартъ садится на копя.—Объездъ пѣхоты и кавалеріи. — Видъ раны. — Безпорядочное и яростное метанье во всѣ стороны.—Прѣближеніе ночи.—Неизбѣжность объявленія *вне закона*. — Люсьенъ изгнанъ изъ залы. — Онъ говоритъ рѣчь гренадерамъ.—Давленіе со стороны другихъ войскъ.—*Рубиконъ перейденъ*. — Гренадеры въ залѣ.—Словцо Мюрата.—Штыки.—Собраніе разсѣялось въ полной мглѣ и туманѣ. — Преклопеніе старѣйшинъ. — Оцѣнка роли Люсьена. — Обѣдъ у Талейрана. — Сумятица въ Парижѣ. — Вербовщики депутатовъ; попытка создать кое-что изъ обломковъ. — Ночныя засѣданія.—Рѣчи Люсьена, Булэ и Кабаниса; гражданскіе инициаторы переворота отнюдь не поклонники *цезаризма*.—*Національная республика*. — Временное консульство.—Исключеніе депутатовъ якобинцевъ.—Присяга; контрабандная публика.—Сенъ-Клу пустѣетъ; возвращеніе въ Парижъ.—

Брюмеръ, республика и революція.

1.

Къ утру 19-го брюмера погода прояснилась, хотя въ воздухѣ было свѣжо, и земля хранила слѣды дождя. По улицамъ шли войска, направляясь въ Сенъ-Клу, драгуны и стрѣлки эскадронами, въ походной формѣ, «со скатанными

шинелями», во главѣ генераль Лефевръ со своимъ штабомъ. Гренадеры національнаго представительства также покинули свою казарму въ улицѣ Капуциновъ. Повидимому, эта часть всегда внушала нѣкоторое недобъріе; по разсказу одного депутата, между ними сдѣланъ былъ строгій выборъ; малонадежныхъ оставили и заперли въ казармѣ; фактъ тотъ, что изъ цѣлаго батальона въ тысячу двѣсти съ лишкомъ человѣкъ взяли пятьсотъ — шестьсотъ, не больше. Отейль, Пасси, Ле Пуанъ-дю-Журъ были заняты гѣхотными отрядами; генерала Серюрье послали впередъ, принять начальство надъ войсками въ Сень-Клу и подготовить все необходимое; по пути разставлены были запасные отряды и посты для охраны дороги; въ помощь Серюрье назначенъ Леклеръ.

Весь Парижъ съ любопытствомъ и волненіемъ обращалъ взоры на Сень-Клу. Въ утреннихъ газетахъ искали свѣдѣній, подробностей, предсказаній. Газеты вышли все; органы «доброй партіи» проповѣдывали спокойствіе, гарантируя личную безопасность. Они изображали движеніе направленнымъ противъ якобинцевъ и опасности, грозившей съ ихъ стороны; заинтересованныхъ матерьяльно успокаивали посулами возстановленія правъ, отмѣны жестокихъ мѣръ и грабительскихъ законовъ. Якобинскій «*Journal des hommes*» ограничился изложеніемъ фактовъ подъ рубрикой: Революція. «*Другъ законовъ*» (*L'ami des lois*) Пульсье, недавно подвергнутый цензурной карѣ по приказу директоріи и вынужденный перемѣнить свое названіе, ликовалъ и ругался больше, чѣмъ когда либо. Онъ накинулся на Барраса, Гюйе и Мулена съ потоками яростной грубой брани; это было недостойное битье лежачаго, — низкое, ибо все казалось возможнымъ, кромѣ возстановленія директоріи! Смѣтливый журналистъ, редакторъ «*Espègle*», чтобы увеличить розничную продажу своего эфемернаго листка, далъ ему заманчивый подзаголовокъ: *Телеграфъ Сень-Клу*.

Посвященные обнаруживали большое оживленіе, не чуждое тревоги; они странствовали по городу пѣшкомъ и въ экипажахъ, навѣщая другъ друга, чтобы сговориться послѣднихъ подробностяхъ. Венжаменъ Констанъ не отстаивалъ отъ Сійэса и уже начиналъ критиковать — ему не нравился тонъ воззванія Бонапарта къ войскамъ. Камбасересъ чуть свѣтъ пріѣхалъ къ Шазапо узнать, привело ли къ

чему-нибудь вечернее совѣщаніе въ Тюльери, сговорились ли между собой депутаты. Шазаль принужденъ былъ сознаться, что совѣщаніе не дало результатовъ — онъ самъ внести выработанный имъ проектъ; но не сумѣлъ заставить собраніе принять его — и не скрылъ своихъ опасеній. — «Ничего не рѣшено, — говорилъ онъ, — ужь и не знаю, чѣмъ это кончится».

Камбасерэсъ, не ожидая ничего добраго отъ такъ плохо подготовленной битвы, принялъ свои предосторожности. Самое важное было — ни въ какомъ случаѣ не допустить, чтобы Парижъ снова достался въ руки якобинцамъ и гнуснымъ ихъ бандамъ. Не теряя времени, Камбасерэсъ разыскалъ двоихъ изъ военачальниковъ, оставленныхъ въ Парижѣ, и, по соглашенію съ ними, организовалъ какъ бы дополнительный *coup d'état*, запасной тріумvirатъ, въ замѣну тріумvirата Бонапарта, Сійэса и Роже Дюко, на случай, если тотъ, поставивъ крупную ставку въ Сень-Клу, будетъ разбитъ и разсѣянъ бурей. Существованіе Бонапарта всегда было сплошной борьбой противъ трагическихъ превратностей войны и политики, и наиболѣе разумныхъ его сторонниковъ почти не покидала мысль о необходимости имѣть въ запасъ, на случай катастрофы, готовое правительство, которое могло бы неожиданно выступить изъ за кулисъ на авансцену. По временамъ бывали и попытки осуществить эту мысль. Историки отмѣчаютъ такую попытку въ 1809 г., послѣ кровавой битвы подъ Эсслингомъ, въ 1808 г., послѣ первыхъ неудачъ въ испанской войнѣ, и еще раньше въ 1800 г., во время сраженія при Маренго. По мѣрѣ того, какъ освѣщается изнанка наполеоновской исторіи, источникъ этой предусмотрительности отодвигается все дальше и дальше, и мы видимъ начало ея уже 19-го брюмера.

Фуше оставался въ Парижѣ; ему поручено было слѣдить за населеніемъ и сдерживать его. Это было ему по вкусу; онъ занялъ полезный постъ, не слишкомъ себя компрометируя. Онъ распоряжался круто, съ своей стороны вошелъ въ соглашеніе съ военными властями, концентрировалъ всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи средства, требовалъ отъ полиціи неусыпнаго надзора за порядкомъ. «Кто вздумаетъ бунтовать, — говорилъ онъ, — того въ рѣку!» Подчинивъ себѣ такимъ образомъ Парижъ и распоряжался въ

немъ, какъ хозяинъ, онъ создалъ себѣ прочное положеніе— на всякій случай.

Онъ не все предвидѣлъ. Въ Сен-Клу, въ качествѣ представителя полиціи былъ посланъ его секретарь, генераль Тюро. Журналистъ по профессіи съ бойкимъ перомъ, и чиновникъ въ промежуткахъ, Тюро былъ человѣкъ неглупый, но интриганъ. Повидимому, его миссія въ Сен-Клу пробудила въ немъ честолюбіе; она открывала ему доступъ къ высшимъ должностямъ въ государствѣ, давала возможность отличиться, лично оказать услугу Бонапарту, выдвинуться за счетъ своего шефа и министра, оставшагося на заднемъ планѣ, и—почему бы и нѣтъ?—вытѣснить его по возвращеніи, чтобы самому занять его мѣсто. Онъ тоже замышлялъ свой маленькій *coup d'état* въ министерствѣ полиціи. Но это была неудачная мысль. Не такой человѣкъ былъ Фуше, чтобы позволить выставить себя подобнымъ образомъ. Впослѣдствіи, провѣдавъ объ интригѣ, онъ посчитался съ Тюро, и тотъ дорого поплатился, лишившись мѣста за то, что мѣтилъ слишкомъ высоко. Это положило начало враждѣ между ними, долго еще находившей отголосокъ въ печати.

У Бонапарта «армія генераловъ» была уже на ногахъ. Онъ лаконически отдавалъ приказанія, совѣты, инструкціи; корпуснымъ командирамъ запрещено было безъ особаго приказа покидать отведенныя имъ позиціи,—что бы имъ ни сообщили. Покончивъ съ военными, онъ обратился къ гражданскимъ своимъ гостямъ, — къ Камбасерэсу, пріѣхавшему подѣлиться съ нимъ своими опасеніями, къ Ле Кутэ, которому онъ предложилъ портфель министра финансовъ въ будущемъ правительствѣ. Тщетные дебаты предъидущей ночи, повидимому, просвѣтили его насчетъ парламентаріевъ и внушили отвращеніе къ нимъ. «Въ этихъ совѣтахъ мало людей. Видѣлъ я ихъ и слушалъ вчера цѣлый день,—какое убожество, какіе мелкіе гаденькіе интересы!» Подъ вліяніемъ полученныхъ наканунѣ уроковъ въ немъ, очевидно, уже складывалось намѣреніе какъ можно скорѣе измѣнить окраску дня, пустивъ въ ходъ вооруженную силу. Но онъ не признавался въ этомъ. «Неужели и вы думаете, что намъ безъ боя не обойтись?» Однако Ланну, просившему позволенія сопроводить его, онъ отвѣтилъ.—«Нѣтъ, гене-

раль, вы ранены, а намъ придется долго не сходить съ коня... Нѣтъ, мой другъ, останьтесь здѣсь».

— «Бертъе, вы ѣдете со мной; вы тоже, *толстый папаша* (хлопнувъ по животу толстаго генерала Гарданна). Но что съ вами, Бертъе? Вы нездоровы?»—*Бертъе*: У меня гвоздь въ сапогѣ; я накололъ себѣ ногу; пришлось положить припарку».—*Бонапартъ*.—Такъ оставайтесь.—*Бертъе*. Ну ужъ нѣтъ! Еслибъ даже мнѣ пришлось едва тащиться и терпѣть адскія муки, я васъ не покину».

Передъ отъѣздомъ «генералу» пришли сказать, что Жозефина желаетъ еще разъ видѣть его и говорить съ нимъ. Это, повидимому было ему пріятно. «Въ добрый часъ! Я приду, но сегодня бабамъ нечего путаться—не женское дѣло». Когда онъ вернулся, Ле Кутэ предложилъ ему ночевать у него въ Отейль, по близости къ Сен-Клу; генераль не отклонилъ приглашенія, но сказалъ: «только чтобъ не было бабъ; дѣло слишкомъ серьезное. Ѣдемъ!»

Онъ поѣхалъ въ каретѣ, со своими адъютантами, въ сопровожденіи кавалерійскаго отряда. Парижское населеніе прривѣтствовало его. Проѣзжая черезъ Отейль, онъ проѣхалъ мимо дома, гдѣ бились для него благородныя и нѣжныя сердца, гдѣ г-жи Гельвеніусъ и Кондорсе, въ кругу друзей, просидѣли безвыходно весь день, въ ожиданія вѣстей. Десятилѣтній мальчикъ, Амбруазъ Фирмень Дидо, влѣзь на скамью у входа, чтобы лучше разсмотрѣть его, и впоследствии вспоминалъ, что ему довелось въ этотъ тревожный день увидѣть генерала Бонапарта.

За нимъ слѣдовалъ его штабъ, гражданскій и военный. Адъютантъ Лавалеттъ и Бурьеннъ ѣхали въ экипажѣ. На площади Согласія, проѣзжая мимо мѣста казней, Бурьеннъ сказалъ своему спутнику: «Мы будемъ ночевать сегодня въ Люксембургѣ, или сложимъ головы здѣсь». Сійэсъ не мирился съ такой альтернативой и приберегъ себѣ третій исходъ: въ Сен-Клу, въ укромномъ мѣстѣ, у него припасены были лошади и экипажъ, на случай бѣгства; этому экипажу суждено было стать однимъ изъ знаменитыхъ аксесуаровъ драмы. Изъ наиболѣе скомпрометированныхъ депутатовъ нѣкоторые сознательно жертвовали жизнью. Вильетаръ взялъ съ собой самое дорогое, что у него было: двоихъ дѣтей, сына и племянника, ввѣреннаго его попе-

ченію; онъ спрягалъ ихъ въ дальномъ уголкѣ парка, въ кустахъ и велѣлъ ждать до вечера. «Если я не вернусь, бѣгите, спасайтесь; это будетъ значить, что меня нѣтъ въ живыхъ».

По дорогѣ изъ Парижа въ Сен-Клу, въ то время проходившей черезъ Булонскій лѣсъ, ѣхало и шло множество всякаго люда. Всевозможные экипажи, почтовые рыдваны, огромные неуклюжіе ящики на колесахъ, и болѣе легкіе экипажи, съ почтальонами и *жюкеями*, собственные и извозчичьи кабриолеты,—весь военный и политическій міръ дефилировали на этой дорогѣ. Мелькали фигуры законодателей и чиновниковъ, офицеровъ въ полной парадной формѣ; возлѣ нихъ статисты, фигуранты и просто любопытные; всѣ разновидности актеровъ и зрителей: убѣжденные, пылкіе, робкіе, скептики, разочарованные; тѣ, кому предстояло дать сраженіе, тѣ, кто будетъ кружить около, въ надеждѣ что-нибудь заполучить, и тѣ, кто просто хотѣлъ посмотрѣть.

Вліятельные люди везли съ собой своихъ друзей и приверженцевъ. Сійэсъ и неразлучный съ нимъ Рожэ Дюко ѣхали въ одномъ экипажѣ съ Лагардомъ, секретаремъ директоріи. Люсьенъ везъ съ собой своего вѣрнаго Салэ (*Saley*), Талейранъ своего бывшего «викарія» Деренода, и обоихъ Редереровъ, отца и сына. Жозефъ Бонапартъ счелъ долгомъ сопровождать своего брата. Бенжаменъ Констанъ и другіе политики, оставшіеся въ сторонѣ, примкнули къ главному ядру партіи; поэтъ Арно фигурировалъ въ качествѣ волонтера и вольтижера, перебѣгая отъ одного къ другому, производя развѣдки, передавая новости или приказы. Были здѣсь и многіе парижане, явившіеся въ качествѣ любителей, завсегдатаевъ всѣхъ интересныхъ зрѣлищъ, привлеченные неожиданностями общаго на сегодня представленія и новизною революціи въ деревнѣ. Событіямъ придавала особенный интересъ крупная и загадочная фигура Бонапарта: что такое въ сущности этотъ молодой человѣкъ съ властнымъ взглядомъ и тономъ? Великій честолюбецъ, или патріотъ высшаго разряда? Чего онъ хочетъ: узурпировать тиранію, или насаждать свободу? Вотъ о чемъ судили и рядили, пререкались, пророчествовали, философствовали, приводя примѣры изъ исторіи и цитаты изъ классиковъ. Шевалье де Сатюръ, старый баринъ и начитанный чело-

вѣкъ, говорилъ въ это утро: «сегодня вечеромъ онъ будетъ ниже Кромвеля, или выше Эпаминонда». Женское любопытство не отреклось отъ своихъ правъ, и г-жа де Сталь, не выходя изъ дому, устроилась такъ, чтобы каждый часъ имѣть свѣдѣнія о перипетіяхъ дня. Организовались новые способы доставки писемъ, нарочные, гонцы; большая часть газетъ прислали сотрудниковъ, собиравшихъ или выдумывавшихъ новости, редактировавшихъ парламентскіе отчеты. Художникъ Сабле, другъ Леклера, ѣхалъ наблюдать живописныя сцены, чтобы занести ихъ въ свой альбомъ.

Въ Сень-Клу весь этотъ людъ метался, суетился, копошился; каждый въ ожиданіи открытія занавѣса, прежде чѣмъ занять свое мѣсто на спектаклѣ, спѣшилъ подкрѣпиться, запасться силами. Повсюду завтракали. Гостиницы, кабаки, которыхъ масса въ дачныхъ мѣстахъ, брались съ бою. Для рестораторовъ среди мертваго сезона наступилъ нежданный праздникъ. Въ сатирической пьесѣ, написанной на тему брюмерскихъ событій, «Сень-Клусскій Флюгеръ» (*La Girouette de Saint-Cloud*), выведенъ главнымъ лицомъ именно такой трактирщикъ, мѣняющій убѣжденія соотвѣтственно тому, откуда подулъ вѣтеръ. Завтракали и въ комнатѣ дворцоваго швейцара¹⁾. Въ деревушкѣ, еще сохранившей свой сельскій видъ, на поднимавшихся въ гору узенькихъ улицахъ, среди увядшей зелени, было необычайнолюдно и шумно; распряженные экипажи, говоръ почтальоновъ и кучеровъ, импровизированныя трапезы,—общая картина колоссальнаго загороднаго пикника; только войска неподалеку наводили на болѣе серьезныя мысли.

Друзья старались держаться вмѣстѣ, отдѣльными группами. Колло заблаговременно нанялъ въ Сень Клу на этотъ день цѣлый домъ, по приказанію Бонапарта. Этимъ воспользовался Галейранъ, не игравшій въ этотъ день никакой официальной роли; онъ на цѣлый день водворился въ

¹⁾ Одна газета увѣряетъ, что многіе якобинскіе депутаты, готовясь къ битвѣ, подкрѣпляли себя обильными возпійніями. Въ особенности нализался Дестремъ; онъ вошелъ въ залу очень развязно, въ ухарски сдвинутомъ на бокъ токъ, нахально поглядывая по сторонамъ и говоря, какъ Дантонъ: „Смотрите, у меня еще голова на плечахъ“.—„Это не лучшее изъ того, что ты имѣешь“, отвѣтилъ ему его пріятель М. („*Ami des lois*“. 27 брюмера).

нанятомъ домикѣ, откуда, устроивъ себѣ тамъ обсерваторію, онъ могъ посылать совѣты и слѣдить за событіями. Вокругъ него собралось цѣлое общество: Редереръ съ сыномъ, Деренодъ, Колло, Дюкенуа, адвокатъ Моро де Сень-Мери и знаменитый Монронъ, жантильомъ въ индустріи и великій дѣлецъ, признанный любовникъ странной креолки, г-жи Амеланъ (*Hamelin*), остроумный и забавный разсказчикъ, поражавшій своей развязностью.—«Я его люблю,—говорилъ про него Талейранъ,—за то, что онъ не *безконечно* щепетилень».—«А я, возразилъ Моронъ, люблю Талейрана за то, что въ немъ совѣтъ нѣтъ щепетильности». Монронъ принесъ съ собою большой запасъ веселья и хорошаго настроенія. Колло, какъ человѣкъ солидный, на всякій случай положилъ въ карманъ пятьсотъ луидуровъ, которые могли пригодиться. Любопытно было бы послушать, что говорилось въ этой компаніи. Моро де Сень-Мери «взвѣшивалъ событія со всей добросовѣстностью нотаріуса изъ комической оперы». Деренодъ афишировалъ свои принципы и умилялся надъ судьбою оскорбленной конституціи. Вначалѣ надъ нимъ подтрунивали; потомъ его сѣтованія надѣли; его заставили замолчать.

Дворецъ невдалекѣ быстро наполнялся. Революція обобрала его, но не опустошила; позолота, картины остались нетронутыми; тамъ и сямъ, среди массивныхъ орнаментовъ, блистало солнце Людовика XIV съ своимъ надменнымъ девизомъ. Во времена директоріи въ этомъ дворцѣ давались общественные балы; тогда иллюминировали сады и танцевали въ оранжереѣ. Но тяжелыя времена и непостоянство моды все унесли съ собою. Теперь въ пустой дворецъ, холодный, какъ всѣ нежилыя помѣщенія, съѣзжались всѣ государственныя власти, чтобы разбить тамъ свой походный лагерь. Депутатовъ все прибывало, а дѣваться имъ было некуда. Масса обойщиковъ и декораторовъ работали, не покладая рукъ, надъ убранствомъ залы засѣданій, инспекторской залы и другой—для генеральнаго штаба. Во дворцѣ на постахъ были разставлены гренадеры законодательнаго корпуса; они же несли и службу ординарцевъ, но большинство ихъ были выстроены двумя шпалерами на парадномъ дворѣ, а позади ихъ нѣсколько взводовъ армейскимъ гренадеровъ. По дворцу сновали офицеры, но среди мундировъ

виднѣлись всякаго рода костюмы, такъ какъ нужно было до конца соблюсти формы и, уважая публичность засѣданій, допустить извѣстное количество зрителей. Увѣряютъ, будто вожаки набрали подложныхъ людей изъ народа, чтобы имѣть свою публику; съ другой стороны, несомнѣнно, что у якобинцевъ были среди публики свои люди. Мѣстные обыватели и прѣзжіе изъ окрестностей и изъ Парижа толпились у рѣшетки, охраняемой часовыми, въ надеждѣ что-нибудь увидѣть, создавая вокругъ дворца атмосферу напряженного любопытства, гсвора и шума толпы.

Ниже, на переднемъ дворѣ, на идущей въ гору подъѣздной аллеѣ и въ окрестностяхъ замка собирались войска всѣхъ родовъ оружія. Тамъ разбивали палатки, составляли козлы изъ ружей, располагались бивуакомъ отдыхающіе солдаты, не пренебрегавшіе разглядывать себя любопытнымъ и охотно вступали въ разговоры съ буржуа. Они, повидимому, были очень вооружены противъ режима, столько мѣсяцевъ заставлявшаго ихъ терпѣть лишенія. Иные, ворча, предъявляли доказательства своей бѣдности—лопнувшіе сапоги, заплаты на мундирахъ, прибавляя: а вдобавокъ еще и жалованье задерживаютъ, хлѣба мало даютъ, табаку ни понюшки. Цѣлая рота курила одну и ту-же, единственную трубку, переходившую изъ устъ въ уста; она такъ и называлась ротная трубка. Эти обнищавшіе солдаты винили во всѣхъ своихъ невзгодахъ адвокатовъ и парламентскихъ говоруновъ, по военному срывая свой гнѣвъ на собраніяхъ: «Пора вышвырнуть за бортъ (f...dehors) этихъ ораторовъ; они себѣ болтаютъ языкомъ, а мы, по ихъ милости, полгода сидимъ безъ жалованья и безъ сапогъ; не нужно намъ столько правителей». — «Ахъ! будь здѣсь хозяиномъ Бонапартъ!»... Эти слова повторялись чаще всего. Зато одинъ гвардейскій офицеръ говорилъ депутату: «Будьте спокойны и положитесь на насъ».

Въ общемъ, войскъ было не такъ много: не считая гвардейскаго батальона, восемь-десять ротъ пѣхоты, по большей части 79-го полка; одинъ эскадронъ корсиканскаго полка Себастиани; одинъ эскадронъ 8-го драгунскаго полка; одинъ эскадронъ конныхъ стрѣлковъ, одинъ-два взвода артиллеріи, — словомъ, какъ бы образчики всѣхъ войскъ, входящихъ въ составъ Парижской дивизіи. Позже подъ-

ѣхали человекъ 80—100 конныхъ гренадеровъ директоріи, вытянулись въ рядъ высокія мохнатыя шапки. Драгуны, съ нѣсколькими ротами пѣхоты, размѣстились на переднемъ дворѣ, вблизи замка; остальные войска стали эшелонами въ направленіи моста и рѣки для охраны анпрошей.

Вотъ за мостомъ показалась карета, окруженная драгунами и конными гренадерами; она сворачиваетъ влѣво, подымается по подъѣздной аллеѣ, вотъ въѣхала во дворъ, остановилась; изъ нея выходитъ нѣсколько офицеровъ, — Бонапартъ и его адъютанты: онъ, живой, ловкій, съ нѣсколько лихорадочной быстротой движеній; его слутники съ наружностью, не внушающей особеннаго почтенія, — толстикъ Гарденнъ, прихрамывающій Бертье. Ихъ встрѣчаютъ криками: «Да здравствуетъ Бонапартъ!», къ которымъ примѣшиваются крики: «Да здравствуетъ конституція!» кричатъ депутаты и кое-кто изъ публики. На пути Бонапарта всѣ войска салютуютъ ему; молодые солдаты съ любопытствомъ вглядываются въ него и въ памяти ихъ запечатлѣваются нѣкоторыя подробности: «Онъ былъ въ небольшой шляпѣ и при небольшой шпагѣ».

Войдя во дворецъ, онъ обходитъ посты, опрашиваетъ генераловъ, освѣдомляется, все ли готово для открытія засѣданій, назначеннаго на полдень. Оказывается, ничего не готово; перевозка обстановки парламентской залы, приспособленіе помѣщеній заняли болѣе времени, чѣмъ предполагалось, и это вызываетъ досадную проволочку.

Чтобы понять, какія приспособленія нужно было сдѣлать, чтобы размѣстить собранія, надо представить себѣ мѣстность, общій видъ и расположеніе зданій: эспланада, большая въ длину, чѣмъ въ ширину, выходящая изъ чуднаго парка, сжатая между надвигающимися одна на другую террасами и крутыми уступами; на этой площадкѣ замокъ и садъ; главный корпусъ зданія и два выдавшіеся впередъ флигеля окаймляютъ собою внутренній парадный дворъ; переходящій въ террасу, откуда открывается видъ на лѣса и Сену, и Парижъ вдаль — огромный безучастный Парижъ, о которомъ здѣсь идетъ споръ; впереди внутренняго двора, немного вправо, другой дворъ, въѣздной, съ воротами наружу; позади замка садъ, закрытый постройками, — садъ *à la française*, съ глубокими перспективами зелени, окаймлен-

ный съ одной стороны длинной стѣной, съ другой аллеей высокихъ деревьевъ, уцѣлѣвшихъ и понынѣ. Замокъ среднихъ размѣровъ, дворъ довольно сжатый и садъ невеликъ; на этомъ то небольшомъ пространствѣ и разыгралась вся битва, стиснутая и какъ-бы сдавленная высокими каменными стѣнами, высокими деревьями и грабинникомъ.

Лучшая зала во дворцѣ, занимавшая въ длину весь первый этажъ праваго флигеля, была отдана старѣйшинамъ; это была галерея Аполлона, вся расписная и декорированная Миньяромъ. Ходъ въ нее велъ черезъ салонъ Марса. Этотъ величественный вестибюль, внушительная перспектива галереи, блескъ золота и пышность аллегорій, развертывающихся на стѣнахъ, роскошно задрапированныя президентская эстрада и трибуна, правильные ряды стульевъ, наскоро навѣшенные ковровыя портьеры,—все это придавало засѣданію парадный, торжественный видъ. У главнаго входа, внутри самой залы, въ видѣ исключительной мѣры, поставили вооруженныхъ гренадеровъ.

Для пятисотъ не нашлось иного помѣщенія, кромѣ оранжереи, перпендикулярной пристройки къ фасаду дворца, выходящей окнами въ садъ. Невидимый со двора обширный параллелограмъ выдвигался изъ ряда построекъ, расположенныхъ сзади праваго крыла. Такимъ образомъ оранжерея, отведенная для пятисотъ, являлась какъ бы продолженіемъ галереи старѣйшинъ позади, въ глубинѣ; съ одной стороны она примыкала къ саду и тянулась параллельно высокой аллеѣ, отдѣленная отъ нея расширившимися посерединѣ цвѣтниками; другой стороной выходила на узкую дорогу, уцѣлѣвшую и понынѣ, сжатую между крутыми откосами.

Зала производила непривлекательное впечатлѣніе сѣрой наготы, несмотря на правильные ряды колоннъ, поддерживавшихъ громоздкую декорацію въ величавомъ стилѣ Людовика XIV. Двѣнадцать оконъ, высокихъ и широкихъ, выходили въ садъ, открываясь во всю длину, невысоко надъ землею; центральная дверь, также выходившая въ садъ, повидимому, была забита. Изъ дальняго конца залы виденъ былъ паркъ и различныя угодыя. Въ ближайшемъ ко двору концѣ была пробита дверь, служившая входной. Зданіе оранжереи и дворецъ не плотно примыкали другъ къ другу, но соединялись крытымъ ходомъ (*tambour*), который теперь на-

скоро задрапировывали коврами. Тамъ былъ поставленъ почетный карауль. Депутаты, входившіе со двора, могли проникнуть въ свою залу, не выходя на воздухъ, въ обходъ черезъ корридоры, гардеробныя и лѣстницы, такъ какъ нижній этажъ, *rez de chaussée* дворца, вслѣдствіе наклона почвы, былъ ниже сада и оранжереи.

Отступя приблизительно на треть залы отъ двери, у четвертаго окна возвышалась президентская эстрада; справа и слѣва два стола пониже, для секретарей; внизу трибуна съ двойной лѣстницей. Въ остальной части залы тянулись рядами стулья, скамьи, разрозненныя стильныя кресла, причемъ ряды сидѣній были расположены такъ, чтобы между дверью и трибуной оставался свободный проходъ. Съ обоихъ концовъ было оставлено по узкому пространству, отгороженному отъ депутатовъ задрапированной матеріей балюстрадой, гдѣ могло помѣститься около двухсотъ человѣкъ зрителей. Чтобы немного сгладить леденящее впечатлѣніе наготы, тамъ и сямъ навѣшивали ковры, драпировки. Все это наскоро, наспѣхъ; говоръ и болтовня рабочихъ смѣшивалась со стукомъ молотковъ.

Бонапартъ со своими офицерами прошелъ по всей залѣ, самолично осмотрѣлъ всѣ работы. Въ одномъ углу топились печи; возлѣ нихъ грѣлось нѣсколько депутатовъ; одинъ изъ нихъ, увидя генерала, пробормоталъ сквозь зубы: «*Ахъ, разбойникъ! Ахъ, злодѣй!*»)

Въ аллеяхъ сада, во дворахъ бродили вперемежку члены обоихъ совѣтовъ, не зная, что съ собой дѣлать и куда дѣваться. Порой они соединялись въ группы, завязывалась жаркая бесѣда, и тутъ-то обнаруживались всѣ неудобства и опасность проволоочки. Возмущеніе, сомнѣнья, тревога,—все успѣло разростись и созрѣть. Члены совѣта пятисотъ приходили въ соприкосновеніе со старѣйшинами; кто посмѣлѣе, негодуяще кричалъ: «*А! онъ хочетъ быть Цезаремъ, Кромвелемъ! Это надо вывести на свѣжую воду*». Войска, окруженный стражей дворецъ, обиліе мундировъ давали превосходныя темы для декламации. Иные старались выпытать у старѣйшинъ подлинныя мотивы перевода собраній; многіе изъ старѣйшинъ, шедшіе вслѣдъ за другими, не видя цѣли движенія, не знали, что отвѣтить, и съ тревогой сами спрашивали себя, куда ихъ ведутъ. Тѣхъ, кого

считали освѣдомленными, засыпали вопросами. Посвященные начинали понемножку, осторожно, раскрывать карты, зондируя почву, но ихъ намеки не вполне достигали желаемой цѣли. У большинства старѣйшинъ какъ-бы пошатнулась рѣшимость; ихъ сочувствіе стало какимъ-то смутнымъ и вялымъ. Многіе, еще наканунѣ встревоженные диктаторскими приемами Бонапарта, уже боялись сами попасть въ разставленную ими ловушку, уже хотѣли бы выпутаться и найти какой-нибудь способъ вернуться къ конституціонному порядку, придать легальный характеръ предстоящей реформѣ. Другіе, болѣе отважные, присоединялись къ оппозиціи; простые конституціоналисты искали прибѣжища въ якобинцахъ. Въ этомъ конгрессѣ подъ открытымъ небомъ изъ депутатовъ обѣихъ палатъ мѣстами уже поднимался сердитый вѣтеръ оппозиціи, крѣпчалъ и грозилъ разростись въ цѣлую бурю.

3.

Бьетъ полдень, половина перваго, часъ; помѣщеніе для пятисотъ, наконецъ, готово. Холодный сарай поглотилъ законодателей, облаченныхъ въ красныя тоги; Люсьенъ поднимается на президентское мѣсто и объявляетъ засѣданіе открытымъ.

На трибунѣ появляется одинъ изъ надежныхъ депутатовъ, Эмиль Годенъ. Онъ требуетъ назначенія особой комиссіи для провѣрки общественной опасности и изысканія мѣръ къ ея устраненію, съ тѣмъ, чтобы до представленія комиссіей отчета, вопросъ этотъ не подлежалъ обсужденію. Это парламентская уловка; на комиссію легче воздѣйствовать, чѣмъ на цѣлое собраніе, легче склонить ее къ назначенію консульства; притомъ-же, стушевавшись, пятисотъ дадутъ возможность старѣйшинамъ продолжать начатое наканунѣ и руководить событіями дня.

Но якобинцы понимаютъ, куда клонить Годенъ, и моментально раздражается буря. Раздаются яростные крики: *«Не надо диктатуры! Долой диктаторовъ! Мы здѣсь свободны, насъ не пугаютъ штыки!»* Оратора прерываютъ бранью, оскорбленіями; голоса его не слышно; онъ принужденъ сойти съ трибуны. Друзья Сійэса и Бонапарта съ первой же минуты

парализованы; они умѣренные и потому сразу оказываются слабѣе; масса идетъ за тѣми, у кого зычный голосъ, крѣпкія легкія, здоровая глотка; якобинскій кулакъ и энергія покоряютъ нерѣшительныхъ, и якобинцы становятся хозяевами положенія. Президенту Люсьену шикаютъ, свищутъ, угрожаютъ; несмотря на его испытанное мужество и рѣдкое присутствіе духа, ему трудно бороться съ потокомъ. Депутаты толпой осаждаютъ эстраду съ ревомъ: *Конституція или смерть!* Тѣ самые якобинцы, которые уже нѣсколько мѣсяцевъ замышляютъ пустить въ трубу конституцію, замѣнивъ её демагогической диктатурой, теперь цѣпляются за неё, какъ за ковчегъ завѣта. Они и слышать не хотятъ ни о какихъ измѣненіяхъ: не нужно имъ республики на американскій ладъ, не нужно конституціи англійскаго образца. «Не для того мы десять лѣтъ приносили всевозможныя жертвы, не для того потратили все свое достояніе, чтобы повиноваться такимъ правительствамъ. Десять лѣтъ уже льется французская кровь за свободу,—но не для того, чтобы имѣть конституцію, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, или правительство въ родѣ англійскаго!» Гражданинъ Дельбрель требуетъ, чтобы всѣ депутаты еще разъ по очереди присягнули конституціи; это предложеніе вызываетъ громъ аплодисментовъ.

На трибуну всходитъ другой якобинецъ, лучшій политикъ, чѣмъ его коллеги, признанный тактикъ партіи, Гранмэзонъ. Онъ поддерживаетъ предложеніе, но желалъ-бы еще другого: онъ хочетъ, чтобы собраніе немедленно послало запросъ старѣйшинамъ относительно фактовъ, мотивировавшихъ перемѣну резиденціи; пусть они объяснятъ свой декретъ, представляютъ доказательства существованія мнимаго анархистскаго заговора; а такъ какъ доказательства они представить не могутъ, это будетъ способъ разоблачить настоящій заговоръ, козни старѣйшинъ и Бонапарта, и уличить зачинщиковъ; такимъ манеромъ пятьсотъ сразу выступятъ мстителями за оскорбленную истину и законность. Но собранія временъ революціи питали пристрастіе къ эффектнымъ сценамъ и патетическимъ позамъ, а присяга—это такая эффектная вещь. Предложеніе было пущено на голоса, и совѣтъ рѣшилъ, что присяга должна быть принесена немедленно; при провѣркѣ голосовъ ни одинъ депутатъ не

осмѣлился встать. Люсьенъ не возражалъ; онъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы пятьсотъ, вмѣсто попытки разбить контръ-атакой построенную противъ нихъ махинацію, иммобилизовались, застывъ въ театральныхъ позахъ.

Согласно обычаю, депутаты, вызывавшіеся поименно, должны были поочереды всходить на трибуну и трагически, съ протянутой рукой, произносить формулу присяги. Эта процедура, вообще медлительная, должна была занять еще больше времени, въ виду возбужденнаго состоянія депутатовъ. Вся зала была на ногахъ и въ движеніи; депутаты уходили, возвращались, сбивались въ группы; поглощенные бурными спорами, многіе не сразу откликались на призывъ; приходилось посылать за ними, ждать ихъ; но все же они подходили и, повинуваясь данному импульсу, выполняли обрядъ,—и умѣренные, и крайніе, и конституціоналисты, и антиконституціоналисты. Президентъ первый подаль примѣръ. Когда онъ произнесъ присягу, кто-то крикнулъ: «Секретарь, занесите въ протоколъ!» Одинъ только депутатъ отказался присягнуть и публично сложилъ съ себя свои полномочія; его фамилія была Бергоэнъ. Депутаты собрались почти въ полномъ составѣ; не явились только Журданъ и Ожеро со своими сеидами; на трибунѣ торжественно, безъ конца, дефилировали члены собранія, не опуская ни единой формальности.

При перекличкахъ было принято за правило, чтобы, когда очередь дойдетъ до Робержо, одного изъ злополучныхъ раштадтскихъ полномочныхъ министровъ, президентъ отвѣчалъ замогильнымъ голосомъ: «*Умерщвленъ Австрійскимъ домомъ*». Люсьенъ не преминулъ отвѣтить. Было въ обычаѣ также, чтобы на мѣста, которыя прежде занимали жертвы, клали ихъ тоги, токи и шарфы, окутанные крепомъ; но мы не знаемъ, былъ-ли этотъ курьезный церемоніаль соблюденъ въ Сень-Клу. Публика на трибунахъ высчитала, что за первыя пять минутъ присягу принесло только трое—значитъ, за день не кончить. Но или расчетъ былъ невѣренъ, или потомъ дѣло пошло быстрѣе, ибо вся процедура окончилась незадолго до четырехъ часовъ. Старѣйшины могли бы успѣть за это время учредить консульство, заставить войска признать его, и тогда пятьсотъ, не успѣвъ докончить своего заблаговременнаго протеста, очутились бы лицомъ къ лицу съ совершившимся фактомъ.

Старѣйшины вступали въ свою залу величаво, съ достоинствомъ. съ соблюденіемъ обычнаго церемоніала. Впереди шли музыканты, исполнявшіе гимнъ: «*Allons, enfants de la patrie!*» Едва они усѣлись по мѣстамъ, какъ произошелъ инцидентъ. Нѣкоторые изъ членовъ, не позванныхъ на совѣтъ наканунѣ, заявили протестъ. Отъ имени отвѣтственныхъ за это инспекторовъ, Фаргъ возразилъ, что всѣ приглашенія были разсланы своевременно, съ разсылными, аккуратность которыхъ выше всякихъ подозрѣній. Лживость такого утвержденія слишкомъ очевидна, и партія переворота выходитъ не безъ урона изъ этой первой стычки. Большинство, хотя и склонное мирволить этой партіи, не смѣетъ остановить пререканій и само напрасно теряетъ время.

Расхрабрившееся несогласное меньшинство наступаетъ рѣшительнѣе, храня однакожъ важность и сдержанность, приличествующія дебатамъ верховнаго собранія. Савари, Гюйомаръ Коломбель просятъ инспекторовъ подробнѣе изложить причины, побудившія ихъ предложить переводъ собраній въ Сень-Клу: въ чемъ собственно заключается страшная опасность, угрожающая республикѣ и свободѣ? вмѣсто фразъ желательны были-бы факты. Эти факты инспекторамъ изложить довольно трудно: у нихъ нѣтъ въ запасѣ ни одного доказательства, хотя бы для видимости; они даютъ уклончивые отвѣты, стараются отдѣлаться неясными, запутанными фразами.

Чтобы прервать этотъ опасный споръ, дружественный ораторъ, Корнюде, находитъ одно только средство; поставить на видъ, что пренія совѣта старѣйшинъ имѣютъ силу лишь съ того момента, когда пятьсотъ офиціально извѣстятъ его, что сами они собрались въ Сень-Клу въ законномъ большинствѣ, и, слѣдовательно, декретъ о переводѣ выполненъ въ точности. А между тѣмъ пятьсотъ, поглощенные своей присягой, офиціально еще не подавали признака жизни. Корнюде требуетъ также, чтобы старѣйшины сами офиціально заявили о себѣ пятистамъ и даже директоріи, этой не существующей болѣе власти; причины такого формализма сейчасъ выяснятся. Старѣйшины постановляютъ послать обоимъ письменныя извѣщенія и, въ ожиданіи отвѣтовъ, въ четверть четвертаго, объявляютъ перерывъ засѣданія.

Въ половинѣ четвертаго, президентъ Лемерсье возобновляетъ засѣданіе, чтобы прочесть письмо Лагарда, секретаря директоріи. Лагардъ отвѣчаетъ, что извѣщеніе не могло быть доставлено по назначенію, такъ какъ директоріи болѣе не существуетъ: четверо изъ ея членовъ вышли въ отставку, а пятый находится подъ домашнимъ арестомъ. Число вышедшихъ въ отставку преувеличено, такъ какъ Гойе и Муланъ наотрѣзъ отказались это сдѣлать. Это лживое сообщеніе, вызванное Корнюде, по предварительному уговору съ Бонапартомъ. очевидно, должно было служить стимуловъ для старѣйшинъ; официальное удостовѣреніе о смерти директоріи приглашало создать новое правительство.

Для этого старѣйшинамъ надо было открыто поставить себя внѣ конституціи и прибѣгнуть къ явному превышенію власти, такъ какъ законная роль ихъ ограничивалась обсужденіемъ резолюцій другого собранія, которыя они могли утверждать или отвергать. Сами по себѣ, они имѣли право сдѣлать только одно — перевести въ другое мѣсто законодательный корпусъ — что и сдѣлали. Это исключительное право инициативы, предоставленное имъ, было уже исчерпано. Что же дальше? Смѣло перейти границы своихъ полномочій? Прежде, чѣмъ сдѣлать этотъ шагъ, они словно захотѣли дать себѣ передышку и опять объявили перерывъ.

Въ этомъ ощупываньи почвы, въ этихъ переговорахъ съ остановками, передышками и возвращеніями къ прежней темѣ, легко прослѣдить колебанія старѣйшинъ и возрастающую ихъ нерѣшительность. За отсутствіемъ выработаннаго плана и вожаковъ, за недостаткомъ согласія и предусмотрительности, толчокъ, который долженъ былъ послужить импульсомъ, не почувствовался въ самомъ началѣ, и масса представителей, сбитая съ толку неожиданными инцидентами, охваченная сомнѣніями, проистекавшими отъ добросовѣстности, или страхами, въ которыхъ она не смѣла сознаться, оставалась въ нерѣшимости. Между тѣмъ какъ большинство въ совѣтѣ пятисотъ, снова получившее якобинскую окраску, ожесточаясь, готовилось къ упорной борьбѣ, большинство въ совѣтѣ старѣйшинъ, въ принципѣ хорошо настроенное, начинало колебаться. Между сторонниками и

противниками задуманной реформы смутно обрисовывалась третья партія, склонная къ промежуточнымъ рѣшеніямъ. Въ разговорахъ отдѣльныхъ лицъ и группъ дѣлала явные успѣхи идея легкаго ремонта,—составленія новой директоріи изъ Бонапарта, Сійэса и двухъ-трехъ ихъ приверженцевъ, обновленія штата безъ урона для учреждений; это значило бы остановиться на полпути и оставить Францію въ прежнемъ бѣдственномъ положеніи.

А между тѣмъ, эти люди пережили революцію и всѣ ея ужасы; казалось бы, они должны были закалиться на этомъ огнѣ, большинство ихъ были свидѣтелями ряда послѣднихъ насилій и участниками проистекшихъ отъ нихъ выгодъ. Они прошли черезъ термидоръ и фрюктидоръ, но всегда, и въ термидорѣ, и въ вандемьерѣ, и въ фрюктидорѣ находился одинъ или нѣсколько человекъ—террористскихъ проконсуловъ, или генераловъ авантюристовъ—Талльеновъ, Рейбелловъ, Баррасовъ, выдвигавшихъ свою личную энергію и жестокость на мѣсто коллективнаго безсилія, и наносившихъ ударъ, передъ которымъ тотчасъ простирались ницъ оба собранія. Теперь же, когда принятая программа дѣйствию отдала движеніе въ руки чистыхъ парламентаріевъ, они оказались несостоятельными при выполненіи.

Да и гдѣ среди нихъ былъ человекъ, способный вызвать подъемъ въ другихъ, заразить ихъ своей энергіей? Кромѣ Сійэса, который не любилъ активныхъ ролей, но въ крайнемъ случаѣ умѣлъ дѣйствовать, Сійэса, не имѣвшаго доступа и голоса въ собраніяхъ, кромѣ Люсьена, роль котораго вскорѣ должна была вырости и опредѣлиться, кромѣ Булэ и еще двухъ-трехъ человекъ, *брюмерскіе* депутаты были прежде всего люди пера и кабинетной работы; представители революціи догматической, литературной и философствующей. Они уже нѣсколько мѣсяцевъ подкапывались подъ конституцію, поставивъ себѣ задачей подготовить для націи лучшее будущее; они комбинировали формулы, громоздили одна на другую абстракціи; но теперь, столкнувшись съ дѣйствительностью, не смѣли открыто возстать противъ нея; ихъ пугаль скачекъ въ нелегальность. И въ томъ, и въ другомъ собраніи они стушевывались, предоставляя первое мѣсто крайнимъ, или посредственностямъ. Теоретики, книжники, мыслители, ученые, Дану,

Кабанисъ, Шенъе, Андриё,—всѣ были здѣсь, и всѣ притаились: Институтъ усерднѣйшимъ образомъ проваливалъ свой *coup d'état*.

4.

Бонапартъ, два директора, его сообщники, ихъ агенты, всѣ эти правители, чающіе движенія воды, расположились въ апартаментахъ перваго этажа, невдалекѣ отъ старѣйшинъ. Когда, поднявшись на парадную лѣстницу, вы сворачивали налево, передъ вами открывалась анфилада высокихъ золоченыхъ салоновъ, безъ мебели, совершенно пустыхъ: въ двухъ все время толпился народъ, одни уходили, другіе входили; третій отведенъ былъ для генераловъ и офицеровъ генеральнаго штаба; рядомъ, за дверью, совѣщались Бонапартъ, Сійэсъ и Дюко въ будущемъ кабинетѣ императора.

Къ нимъ поминутно входили депутаты ихъ лагеря съ новостями, или за инструкціями. Въ сосѣдней гостиной ждали офицеры, стоя, скученные въ тѣсотѣ; имъ было не по себѣ въ этой сутолокѣ штатскихъ, и они начинали тревожиться. Они думали о томъ, что, въ сущности, день начался неважно и не предвѣщаль ничего хорошаго; дѣло не двигалось впередъ, а въ конспираціи не итти впередъ значитъ итти назадъ; душу точила глухая, смутная, но все растущая тревога; каждый чувствовалъ въ глубинѣ души близость крушенія. Впечатлѣніями обмѣнивались при помощи взгляда, вполголоса брошеннаго слова, не смѣя высказаться открыто. «Всѣ переглядывались, говорить Тьебо, но не разговаривали между собой, казалось, не смѣя задать вопросъ и страшась отвѣтить». Заявившіе о своей преданности уже сдѣлали полъ-оборота назадъ, сожалѣя, что слишкомъ поторопились; лица, замѣченныя наканунѣ или утромъ, не показывались болѣе.

Время отъ времени дверь отворялась, и на порогѣ появлялся Бонапартъ; въ рамкѣ полураскрытой двери обрисовывался его тонкій и властный силуэтъ. Видимо нервничая, онъ говорилъ отрывисто, рѣзко, обманывалъ свое нетерпѣніе, отдавая подробнѣйшія инструкціи, входя въ каждую мелочь, сердился на подчиненныхъ, налагалъ кары;

одинъ батальонный командиръ безъ его позволенія перевелъ постъ на другое мѣсто: арестовать его. Тѣбо былъ возмущенъ такой жестокостью, или воспользовался этимъ, какъ предлогомъ, и удалился.

Все остальное время Бонапартъ оставался въ большомъ кабинетѣ. Въ огромной пустой комнатѣ, съ двумя креслами вмѣсто всякой мебели, было холодно, какъ въ погребѣ; вязанка хворосту, горѣвшая въ каминѣ, не могла нагрѣть ея. У Сійэса зубъ на зубъ не попадалъ отъ холода; сидя у камина, онъ ворчалъ на помѣщеніе и, за отсутствіемъ щипцовъ, мѣшалъ полѣномъ огонь. Бонапартъ шагаль изъ угла въ уголь, («въ изрядной ажитаци»). Каждая десять минутъ являлся съ докладомъ адъютантъ Лавалеттъ, дежурившій на одной изъ трибунъ совѣта пятисотъ. Когда онъ сообщилъ, что «депутаты присягаютъ конституціи, Бонапартъ сказалъ: «Ну, вы видите, что они дѣлають!»—«О, о, откликнулся Сійэсъ,—присягнуть нѣкоторымъ статьямъ конституціи,—куда ни шло; но всей—это ужъ слишкомъ!»

Ходили и другіе тревожные слухи. Съ трибунъ Оранжеи якобинцы будто бы послали эмиссаровъ въ Парижъ, организовать движеніе и взбунтовать предмѣстья. Въ Сень-Клу начинали появляться подозрительныя личности — вязальщицы и завсегдатаи Манежа, пытавшіеся пробраться за ограду; то была армія безпорядка, подоспѣвшая на помощь.

Фактъ болѣе важный: прибыли Журданъ и Ожеро съ приспѣшниками, о которыхъ думали, что они примирились съ своей судьбой и никуда не тронутся изъ Парижа. Если они теперь явились, не смотря на свое первоначальное рѣшеніе, значитъ, имъ извѣстно, что положеніе Бонапарта скомпрометировано, и они думаютъ, что шансы на ихъ сторонѣ. Они не шли въ Оранжею, но бродили въ окрестностяхъ, приглядываясь къ войскамъ, прислушиваясь къ разговорамъ, вынюхивая и вывѣдывая; нѣкоторые увѣряли, будто изъ подъ ихъ штатскихъ плащей выглядывало шитье мундировъ и выпячивались эполеты, мигъ — и превращеніе могло совершиться на глазахъ; говорили также, что у нихъ заготовлены въ Сень-Клу осѣдланныя лошади. Замѣтили также, что у дверей Оранжеи все время стояли депутаты, выглядывая на улицу, словно кого то поджидая. Кого

ждали они? — Бернадота? Но Бернадотъ сидѣлъ дома и ждалъ у моря погоды, вмѣсто того, чтобъ пойти за нею самъ и вынудить фортуна улыбнуться.

Журданъ и Ожеро, съ своей стороны, и не помышляли о возстановленіи директоріи и спасеніи конституціи; они случайно надѣялись воспользоваться якобинской оппозиціей, не давая ей дойти до крайностей, выступить въ качествѣ распорядителей и посредниковъ и самимъ создать правительство, съ Бонапартомъ или безъ него. Ожеро проникъ къ нему въ кабинетъ; тономъ сочувствія и дружескаго укора, представлявшимъ рѣзкій контрастъ съ его заискиваніемъ наканунѣ, онъ совѣтовалъ Бонапарту сложить съ себя внѣконституціонныя полномочія, которыми облекли его старѣйшины. «Сиди смирно, отвѣтилъ ему Бонапартъ: снявши голову, по волосамъ не плачутъ». И повернувшись къ Жозефу, стоявшему рядомъ, прибавилъ: «онъ пришелъ пощупать меня». Въ дѣйствительности, изъ несогласныхъ вождей каждый стремился не столько избавиться отъ диктатуры, сколько войти въ долю съ диктаторомъ, или же выставить его, чтобы самому сѣсть на его мѣсто; осложненіемъ этого дня былъ именно конфликтъ задуманныхъ переворотовъ.

Бонапартъ чувствуетъ, что нельзя больше терять ни минуты, что его могутъ опередить и что онъ рискуетъ головой, если не вмѣшается лично, не сплотить своихъ друзей въ обоихъ совѣтахъ, не возьметъ въ свои руки заторможеннаго дѣла. Разъ парламентская машина, вмѣсто правильнаго хода, скрипитъ и дѣлаетъ не то, что надо, ему необходимо вмѣшаться. И вотъ, между половиной четвертаго и четырьмя, онъ собираетъ своихъ адъютантовъ и во главѣ ихъ, черезъ всѣ гостиныя, черезъ салонъ Марса, направляется прямо въ собраніе старѣйшинъ—главный винтъ, который онъ повернетъ своей рукой, своимъ властнымъ нажимомъ, и который увлечетъ за собой все остальное.

Перерывъ засѣданія еще не кончился, но всѣ старѣйшины мигомъ усѣлись по мѣстамъ, когда доложили о генералѣ. Началась какъ-бы офиціозная конференція; засѣданія такъ и не объявляли открытымъ, чтобы прикрыть неправильность поведенія Бонапарта, такъ какъ никому не дозволялось безъ офиціальнаго зова входить въ помѣщеніе законодательнаго собранія.

Бонапартъ хотѣлъ занять мѣсто въ самомъ центрѣ собранія, противъ президентской эстрады, но ему пришлось сѣсть правѣй, что мѣшаетъ ему смотрѣть въ лицо президенту, обращаясь къ нему, и вообще мѣшаетъ ему говорить. По обѣ стороны его сѣли Бертъе и Бурренинъ; вмѣстѣ съ нимъ вошли его адъютанты и нѣсколько вѣрныхъ людей, въ томъ числѣ Жозефъ; но все же нынче ужъ, нѣтъ вчерашней блестящей свиты, чтобъ ободрить и поддержать его.

Да и задача его не изъ легкихъ. Это не торжественное обращеніе къ аудиторіи, подобранной заранѣе; ему предстоитъ спорить, приводить доводы, убѣждать, дать толчокъ парламенту, вдохнуть въ него энергію, подчинить себѣ и вести большинство—а эта роль для него безусловно нова. Въ умѣнны уловлять души отдѣльныхъ людей, всколыхнуть волшебствомъ своихъ прокламацій толпы солдатъ и черни ему нѣтъ равныхъ; но онъ не привыкъ говорить въ собраніяхъ, не знаетъ словъ, которыя дѣйствуютъ именно на такую толпу, не изучилъ искусства управлять и руководить ею; притомъ же этотъ человѣкъ, въ своихъ писаніяхъ достигавшій необычайной увлекательности ораторскаго стиля и силы слова, былъ лишенъ дара говорить публично.

Передъ недвижными законодателями, передъ этими людьми въ красныхъ тогахъ, которые смотрятъ на него, не сводя глазъ, и напряженно ждутъ, что онъ скажетъ, его охватываетъ непобѣдимая неловкость, страхъ новичка-актера, чувствующаго себя совершенно парализованнымъ физически и морально. Онъ говоритъ—и плохо поставленный голосъ его детонируетъ; говоритъ, и слова застреваютъ у него въ горлѣ, или вырываются торопливой безсвязной рѣчью. Громкія фразы, не идущія къ дѣлу, не производящія эффекта; заученныя формулы на фонѣ отрывистыхъ безсвязныхъ словъ—вотъ и вся его рѣчь. Онъ хочетъ быть пылкимъ и увлекательнымъ, — онъ только напыщенъ и многорѣчивъ.

«Вы стоите на вулканѣ... Позвольте мнѣ говорить съ вами съ откровенностью солдата... Я спокойно жилъ въ Парижѣ, когда вы вызвали меня, чтобъ увѣдомить меня относительно декрета о переводѣ и поручить мнѣ его выполнение. Я собирало своихъ товарищей; мы летимъ къ вамъ

на помощь... Меня уже преслѣдуютъ клеветами, говорятъ о Цезарѣ, Кромвелѣ, о военной диктатурѣ... Военная диктатура — да еслибъ я къ этому стремился, развѣ я поспѣшилъ-бы на помощь національному представительству?... — Время не терпитъ; вы безотлагательно должны принять мѣры... Республика не имѣетъ больше правительства... остается только совѣтъ старѣйшинъ... Пусть же онъ принимаетъ мѣры, пусть говоритъ — я здѣсь, чтобъ выполнить его приказъ. Спасемъ свободу! спасемъ равенство!» — А конституція! «прерываетъ его голосъ представителя Ленгле.

Бонапартъ запнулся, «собираясь съ мыслями», по официальной версиі, затѣмъ продолжаетъ: «Конституція — вы сами уничтожили ее; вы нарушили ее 18 фрюктидора; вы нарушили ее 22-го флореала, вы нарушили ее 30 преріала. Всѣ давно утратили къ ней уваженіе. Я все скажу». Слушатели замерли въ напряженномъ ожиданіи. Что онъ скажетъ! Разоблачить наконецъ пресловутый якобинскій комplotъ, дать доказательства, ясныя и точныя указанія? Заинтересованное большинство надѣется на это, ибо въ сущности, оно только того и проситъ, чтобы его увлекли, чтобы рѣчь генерала дала ему предлогъ отрѣшиться отъ собственной нерѣшительности, найти въ себѣ смѣлость для принятія мѣръ общественной защиты.

Бонапартъ обвиняетъ, но туманно, бездоказательно: «факціи пытались обойти его; онѣ выдали ему свою тайну, эта тайна ужасна. Люди крови и грабежа хотѣли бы вырвать изъ совѣтовъ «всѣхъ, кто мыслить либерально». Сторонники эшафота собираютъ вокругъ себя своихъ сообщниковъ и готовятся привести въ исполненіе свои ужасные замыслы. Ничего лучшаго онъ не находитъ, чтобы точнѣе формулировать обвиненіе. И опять повторяется: «я боялся за республику; я присоединился къ моимъ братьямъ по оружію. Время не терпитъ; пусть рѣшаетъ совѣтъ старѣйшинъ». И снова оправдывается: «я не интриганъ; вы меня знаете. Думаю, что я далъ достаточно доказательствъ моей преданности отечеству. Если я измѣнникъ, будьте вы всѣ Брутами... Заявляю вамъ, что, когда это кончится, я буду въ республикѣ не болѣе, какъ рукой, поддерживающей установленное вами»...

Тутъ на выручку ему приходятъ его друзья въ свѣтъ, чтобы избавить его отъ невозможныхъ объясненій. Они поднимаются въ знакъ одобренія, увлекая за собой часть старѣйшинъ, и предлагаютъ вынести постановленіе. Но постановленіе можетъ быть вынесено лишь послѣ регулярныхъ дебатовъ; поэтому необходимо возобновить засѣданіе; Бонапарта официально приглашаютъ принять въ немъ участіе.

«Вы слышали его,—воскликаетъ Корнюде, взявшій на себя роль помощника, вы сами сейчасъ его слушали; тотъ, передъ кѣмъ Европа и вселенная склоняются въ безмолвномъ удивленіи, здѣсь передъ вами; это онъ подтверждаетъ вамъ существованіе заговора; неужели вы отнесетесь къ нему, какъ къ низкому обманщику?»—И Корнюде усиливается вызвать восторженный порывъ, разогрѣть, всколыхнуть собраніе. Если пятьсотъ медлятъ предлагать мѣры, старѣйшинамъ надлежитъ помочь ихъ бездѣйствию, взявъ на себя инициативу. Но депутаты противнаго лагеря, или просто нерѣшительные, перебиваютъ его, возвращаясь къ злополучному заговору, требуютъ фактовъ, именъ: «Назовите намъ имена!» Бонапартъ называетъ Барраса и Мулена, повѣрившихъ ему свои планы ниспроверженія существующаго строя. Многіе депутаты требуютъ немедленнаго назначенія общаго комитета (*comité général*) иными словами, закрытаго засѣданія, на которомъ можно было бы все сказать. — «Нѣтъ, нѣтъ,—возражаютъ другіе,—все должно быть сказано передъ лицомъ Франціи». Старѣйшины кричатъ, перебиваютъ другъ друга; представитель Дюффо напрасно призываетъ своихъ коллегъ къ спокойствію; онъ не узнаетъ серьезнаго, солиднаго собранія.

Среди всего этого шума Бонапартъ продолжаетъ говорить, но слова его не достигаютъ цѣли. Онъ положительно не въ своей тарелкѣ и потому утрируетъ, прибѣгаетъ къ самымъ неудачнымъ приемамъ, пытается запугать собраніе, мечетъ громы и молніи. Ему припомнилась фраза, нѣкогда брошенная имъ Каирскому *дивану*; онъ вставляетъ еѣ: «Вспомните, что я иду, сопутствуемый богомъ побѣды и богомъ войны». Эта фраза нѣкогда повергла во прахъ длиннородыхъ сыновъ Ислама и мусульманскихъ законниковъ; но на французскихъ законодателей она не дѣйствуетъ; слы-

пится ропоть неодобрения. Чтобы вооружить старѣйшинъ противъ другого собранія, Бонапартъ называетъ его очагомъ зажигательныхъ страстей: «Я рассчитывалъ только на совѣтъ старѣйшинъ; я не надѣялся на совѣтъ пятисотъ, гдѣ есть люди, которые желали бы вернуть вамъ конвентъ, революціонные комитеты и эшафоты, гдѣ въ настоящую минуту засѣдаютъ вожди этой партіи». Но напрасно онъ представляетъ эти пугала; между имъ и аудиторіей не устанавливается токъ, нравственное общеніе. Въ своемъ одиночествѣ, ища опоры и поддержки, онъ замѣчаетъ гренадеровъ на посту у входа и обращается къ нимъ: «А вы, мои товарищи и спутники, вы, храбрые гренадеры, которыхъ я вижу вокругъ этой палаты... если какой-либо ораторъ, подкупленный иноземцемъ, посмѣетъ произнести по отношенію къ вашему генералу слова: *«внѣ закона»*, пусть громъ войны убьетъ его тутъ-же на мѣстѣ». Это обращеніе къ военной силѣ, вмѣсто того, чтобы вдохнуть рѣшимость въ собраніе, раздражаетъ и оскорбляетъ его.

Президентъ Лемерсье пытается умѣрить эту опасную многорѣчивость; онъ желалъ-бы вернуться къ обсужденію главнаго вопроса—якобинскаго заговора; быть можетъ, онъ надѣется, что у Бонапарта есть въ запасѣ хоть какое-нибудь важное разоблаченіе. Бонапартъ не выходитъ изъ общихъ мѣстъ: агитація, сѣтъ интригъ, конституція осмѣянная, дискредитированная, не представляющая болѣе надежнаго оплота противъ факцій, величіе роли, выпавшей старѣйшинамъ. «Если погибнетъ свобода, на васъ падетъ отвѣтственность за это передъ вселенной, потомствомъ, Франціей и вашими семьями».

Въ концѣ концовъ, чтобы уйти отъ обсужденія, переходящаго въ допросъ, онъ удаляется. Онъ не хочетъ лично формулировать проектъ консульства, предоставляя это своей партіи, которую онъ, какъ ему кажется, успѣлъ наэлектризовать. Вся эта сцена длилась лишь нѣсколько минутъ, но онѣ должны были показаться страшно тяжелы его друзьямъ. Сумѣютъ ли они, все-таки, сдѣлать выводъ и предложить дѣйствительныя мѣры? Толчокъ былъ данъ неправильно, и движеніе остается слабымъ, идетъ по кривой. Корнюде и Лемерсье нападаютъ на конституцію, не смѣя прямо нанести ударъ; они хотятъ установить различіе между основ-

ными ея положеніями, которыя должны остаться неприкосновенными, и нѣкоторыми регламентарными, могущими быть измѣненными: не касаясь принциповъ, развѣ нельзя реорганизовать власть? Дальфонсъ защищаетъ конституцію, отстаиваетъ её цѣликомъ, указывая въ ней якорь спасенія, за который должна держаться республика въ годину бурь. Большинство колеблется, не зная, къ которому изъ двухъ мнѣній примкнуть. Слова Бонапарта не разогнали сомнѣній, не вызвали искры, которая, какъ электрическій токъ, пронизываетъ собранія и толкаетъ ихъ къ смѣлымъ рѣшеніямъ.

5.

По выходѣ изъ залы, къ Бонапарту снова вернулось прежнее спокойствіе, неподдѣльное или напускное. Онъ поручилъ Бурьенну отправить нарочнаго къ Жозефинѣ, чтобы сказать ей, что все идетъ хорошо, и углубился въ лабиринтъ коридоровъ, раздѣлявшій помѣщенія обоихъ собраній. На одной изъ внутреннихъ винтовыхъ лѣстницъ его нагналъ Арно, посланный Талейраномъ, который соскучился ждать. «Терпѣніе, отвѣчалъ Бонапартъ, все устроится». И онъ рѣшительно свернулъ въ увѣщенный коврами кулуаръ, ведшій въ Оранжею, въ залъ пятисотъ.

Что ему понадобилось въ этомъ собраніи, которое онъ только что такъ тяжко оскорблялъ? Какъ онъ самъ впоследствии признавался, онъ хотѣлъ привести свою недавнюю бесѣду съ Журданомъ, говорившимъ отъ имени цѣлой партіи, показавъ такимъ образомъ, что и наиболѣе выдающіеся якобинцы сами отрекаются отъ конституціи, какъ отъ орудія, негоднаго болѣе къ употребленію. Это былъ способъ поселить раздоръ между своими противниками, вызвать между ними конфликтъ, расколъ и черезъ эту брешь открыть доступъ усиліямъ своихъ друзей. Онъ несомнѣнно рассчитывалъ и на другое: привести собраніе въ бессильную ярость, раззадорить его до бѣшенства криковъ и споровъ, которые дадутъ право принять противъ него крутыя мѣры, выкажутъ его въ глазахъ старѣйшинъ элементомъ обструкціи и вопіющаго безпорядка, который лучше держать поодаль, а

въ случаѣ чего и вовсе устранить. Его появленіе, конечно, вызоветъ кризисъ, взрывъ — тѣмъ лучше: этотъ кризисъ можетъ очистить воздухъ, облегчить и ускорить развязку.

Онъ, конечно, ждалъ борьбы, насилій, возмущеній и позаботился взять съ собою, кромѣ своихъ офицеровъ, нѣсколько преданныхъ ему гренадеръ. Какъ онъ рассказываетъ, двое изъ солдатъ предостерегали его: «Вы не знаете ихъ (депутатовъ): они на все способны». Но ему-ли, не дрожавшему передъ лицомъ грозныхъ вражескихъ армій, ему-ли испугаться горлановъ-адвокатовъ? Не разъ въ теченіе своей карьеры героя онъ ставилъ крупную ставку, не разъ онъ бывалъ въ опасности, и всегда рѣдкая находчивость, во время импровизированный маневръ прорывалъ ряды противника, или же приводилъ его въ замѣшательство, пролагая путь побѣдѣ. Онъ думалъ, что и теперь будетъ то-же. — «Ожеро, сказалъ онъ своему товарищу битвъ, — вспомни Арколу!» Онъ думалъ что наступилъ моментъ, какъ на Аркольскомъ мосту, когда вождь долженъ броситься впередъ и схватить знамя, или, вѣрнѣе, самому стать знаменемъ и символомъ объединенія. Повинуясь своему боевому темпераменту, своему инстинкту нападенія, онъ кинулся на препятствіе, не столько въ надеждѣ сразу сбросить его съ дороги, сколько встряхнуть его и расколоть на части.

Онъ все предвидѣлъ, кромѣ немедленнаго нападенія, изгнанія при помощи грубой силы—а между тѣмъ это-то и случилось. Собраніе все время пребывало въ состояніи крайняго возбужденія; многіе депутаты стояли, по временамъ мѣняя мѣста и загораживая проходы. Было прочитано письмо Барраса; рѣчь шла о томъ, чтобъ замѣнить его немедленно, составить списокъ кандидатовъ, возстановить директорскую власть, выпустить прокламацію къ французамъ. Бигонне поддерживалъ предложеніе Гранмэзона относительно запроса старѣйшинамъ; самъ Гранмэзонъ только что снова взошелъ на трибуну. Люсьенъ, несмотря на все, не отчаявался еще погасить этотъ пылъ и привести большинство къ какому-нибудь компромиссу. Тѣмъ временемъ по сосѣдству раздался стукъ оружія; это часовые на посту отдавали честь Бонапарту и его свитѣ, вступавшимъ въ кулуаръ, который замѣняли переднюю.

Въ этомъ узкомъ коридорѣ тѣснота и давка были та-
кія, что генераль и его спутники еле подвигались впе-
редь. Наконецъ они дошли до двери и вступили въ залу.
Многіе депутаты не сразу замѣтили Бонапарта, который,
оставивъ у порога свиту, одинъ, безъ всякаго прикрытія,
пробирался между группами къ трибунѣ. Внезапно у трибуны
поднялся страшный шумъ, грозные крики: «Долой дикта-
тора! Долой тирана! Вънъ закона! И чуть не все собраніе
вскочило на ноги въ негодованіи на этого человѣка
въ высокихъ сапогахъ со шпорами и военномъ мундирѣ,
который ворвался въ его помѣщеніе и въ которомъ оно при-
знало Цезаря».

У трибуны, какъ водится, выстроилось нѣсколько дю-
жинъ якобинцевъ, какъ-бы держа её въ блокадѣ. Это были
тѣ самыя молодцы, которые въ засѣданіи 27 фрюктидора
кинулись съ кулаками на депутатовъ противной партіи; они
тотчасъ набросились и на генерала, чтобы вытолкать его
вонъ изъ залы. Со всѣхъ концовъ уже неслись другіе, пере-
прыгивая черезъ скамьи; Бонапарта окружили, стиснули;
нѣсколько человѣкъ заразъ свирѣпо трясли его за ворот-
никъ. Подъ напоромъ ихъ тѣлъ, отъ прикосновенія грубыхъ
рукъ, отъ близости ихъ устъ, извергавшихъ брань и дышав-
шихъ ему въ лицо лихорадочно жаркимъ дыханіемъ, тще-
душный маленькій Цезарь, нервный, впечатлительный, всегда
брезгливо чуравшійся непосредственнаго соприкосновенія
съ толпой, почувствовалъ приступъ физической слабости.
У него стѣснило дыханіе, помутилось въ глазахъ; онъ ви-
дѣлъ все, какъ въ туманѣ. Потомъ онъ могъ припомнить
только, что какой-то высокій депутатъ страшно напиралъ на
него грудью и всѣмъ своимъ огромнымъ тѣломъ; онъ за-
явилъ однако, что это былъ не Арена, офиціально обвинен-
ный въ покушеніи на убійство Бонапарта.

При видѣ своего генерала въ опасности, солдаты, остав-
шіеся у дверей, пробились на середину зала, и съ ними
офицеры. Мюратъ, Лефевръ, Гарданъ, Альбонскій кригсъ-
комиссаръ пустили въ ходъ кулаки. Зрители на трибунахъ,
испуганные, кинулись къ выходу; въ дверяхъ образовалась
давка. Протившіеся въ оконныхъ нишахъ черезъ окна по-
выскакали въ садъ. Посторонняя публика обоюго пола, перелѣзши черезъ перила своей трибуны, попала въ самую

давку. Свалка становится общей, шумъ невообразимый. Толчки, пинки, разорванное платье, нестройные крики. Какая-то женщина взвизгнула: «Да здравствует Бонапартъ!»—и крикъ ея тотчасъ подхватили народныя группы. Депутаты съ солдатами сцѣпились въ рукопашную; одинъ депутатъ запутался ногами въ складкахъ ковра и во весь ростъ валится на полъ; гренадеру Томе сверху до низу разорвали рукавъ мундира. Бонапартъ остается добычей великана депутата Дестрема, который кричитъ ему въ лицо: «Развѣ для этого ты побѣждалъ?» И рука якобинца тяжело опускается на его плечо, а «шлепокъ Дестрема стоитъ удара кулака всякаго другого». То не была трагическая и ужасная сцена, впоследствии изображенная легендой и популяризированная въ извѣстной гравюрѣ: побѣдитель Италіи и Египта, окруженный убійцами въ тогахъ, занесшими надъ ними кинжалы; то была схватка въ рукопашную, сцена низкаго и дикаго звѣрства.

Солдаты наконецъ вырвали Бонапарта изъ рукъ озвѣрѣвшихъ якобинцевъ и прикрыли его собой, своими тѣлами. Одинъ офицеръ маневрируетъ, направляясь къ двери. Четверо гренадеровъ, пятась задомъ, прикрываютъ ихъ отступление, между тѣмъ какъ колоссъ Дестремъ нещадно дубаситъ кулаками ихъ вмѣсто генерала. Наконецъ, Бонапарта вытащили изъ залы; онъ выходитъ поддерживаемый двумя гренадерами, страшно блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, съ свѣсившейся на плечо головой, задыхающійся, полумертвый.

Выходъ плачевный. «Внѣ закона! внѣ закона!» кричатъ ему вслѣдъ нѣсколько сотъ голосовъ. *Внѣ закона!* убійственный декретъ изгнанія, нѣкогда ускорившій паденіе Робеспьера; отголосокъ времени, когда слова убивали, анаэма, еще не вполне утратившая свою силу; брошенная Бонапарту цѣлымъ собраніемъ, она можетъ создать вокругъ отверженнаго пустоту, оброшенность, ужасъ, возстановить противъ него часть войскъ. Якобинцы, по обыкновенію, хотятъ страхомъ добиться такого постановленія; не давъ опомниться собранію, они уже отхлынули къ президентской эстрадѣ, взбѣгаютъ по ступенямъ и, стуча о бюро, грозя кулаками, наступаютъ на президента Люсьена, требуя, чтобы онъ пустилъ на голоса предложеніе.

Люсьенъ, не снимая шляпы, съ поразительнымъ хладнокровіемъ, съ большимъ достоинствомъ защищается отъ этого натиска; чудомъ энергіи ему удается сдержать нападающихъ и даже очистить позицію; шумъ стихъ, его готовы слушать.

Онъ начинаетъ говорить; сдержанная ловкая рѣчь «Волненіе, только что имѣвшее мѣсто въ совѣтѣ—показатель того, что на душѣ у каждаго, что на душѣ и у меня. Было однакожъ естественно подумать, что поступокъ генерала не имѣлъ иной цѣли, кромѣ желанія дать отчетъ о положеніи дѣлъ, или о чемъ нибудь, затрогивающемъ общественные интересы».—*Одинъ изъ членовъ*: Сегодня слава Бонапарта потускнѣла, и по его винѣ — стыдно!»—*Другой*: «Бонапартъ держалъ себя, какъ король!» Снова шумъ; наперерывъ сыплются предложенія; обычные корифеи якобинства, Бертранъ кальвадосскій, Бріо, Тало, Гранмэзонъ требуютъ слова Собраніе готово ихъ выслушать. Люсьенъ ждетъ всякаго неистовства, но его это не страшитъ, онъ человѣкъ изворотливый. Онъ говорилъ какъ президентъ; теперь онъ имѣетъ право говорить, какъ депутатъ; уступивъ свое кресло бывшему президенту, Шазалю, онъ спускается съ эстрады, чтобы взойти на трибуну. Она уже занята якобинцами, слово принадлежитъ имъ по праву первенства но онъ, все-таки, завладѣваетъ правой стороною трибуны и несмотря на постоянные толчки, съ цѣлью выбить его изъ позиціи, не покидаетъ своего мѣста, ждетъ очереди.

Да и собраніе присмирѣло; уже возобновленіе чего то въ родѣ правильныхъ преній есть шагъ назадъ. Дѣло въ томъ, что какъ только улегся первый порывъ негодованія, въ глубинѣ души всѣхъ этихъ людей вновь просыпается страхъ. Они чувствуютъ, что окружены со всѣхъ сторонъ враждебными войсками, что выходъ загоразиваютъ штыки; и страхъ вооруженнаго *coup d'état*, преслѣдующій ихъ уже пять мѣсяцевъ, сильнѣе прежняго тѣснитъ грудь. Прежде, чѣмъ нанести ударъ, они хотѣли бы сами себя обезпечить, утвердить и упрочить свою законную власть надъ частью войскъ, надъ ихъ гвардіей, и бурно пререкаются о подготовительныхъ мѣрахъ, хотя это не болѣе, какъ полумѣры.

Диньеффъ требуетъ, чтобы совѣтъ прежде всего занялъ оборонительную позицію и указываетъ мѣста, подлежащія

его вѣдѣнію и надзору; слышны дружные крики: «*Да, да, поддержать!*» Бертранъ кальвадосскій выясняетъ правовую точку зрѣнія: «Когда совѣтъ старѣйшинъ повелѣлъ перенести въ эту коммуну законодательный корпусъ, онъ имѣлъ на то право, предоставленное ему конституціей; но, назначая главнокомандующаго, онъ присвоилъ себѣ право, ему не предоставленное. Я требую, чтобы вы начали съ постановленія, что генераль Бонапартъ не начальникъ гренадеровъ, составляющихъ вашу гвардію». — «*Поддержать, поддержать!*» «Это значитъ подать сигналъ къ бою», возражаетъ кто-то изъ робкихъ. Но Тало не допускаетъ сомнѣній въ лояльности какой-бы то ни было изъ воинскихъ частей; въ случаѣ надобности онъ беретъ урезонить солдатъ. Онъ служилъ въ національной гвардіи и потому считаетъ себя старымъ рубакой и солдатомъ по ремеслу; поговорить съ товарищами по оружію, тронуть сердца этихъ храбрецовъ — это ужъ предоставьте ему, это его дѣло. И онъ произноситъ рѣчь, обращенную не столько къ депутатамъ, сколько къ солдатамъ на постахъ у входовъ.

«Я не боюсь солдатъ, окружающихъ насъ; они сражались за свободу; это наши родные, наши сыновья, братья, друзья. Мы сами служили въ ихъ рядахъ, и я тоже носилъ ружье и лядунку; я не могу бояться республиканскаго солдата, родители котораго подавали за меня голоса и почтили меня своимъ выборомъ въ число національныхъ представителей, но я заявляю, что вчера конституція была жестоко оскорблена... Вы должны вернуться въ Парижъ; ступайте туда въ своей парламентской одеждѣ, и васъ примутъ подъ свое покровительство граждане и солдаты, и по ихъ отношенію къ вамъ вы убѣдитесь, что они защитники отечества. Я требую, чтобы вы немедленно постановили, что войска, находящіяся въ данный моментъ въ здѣшней коммунѣ, входятъ въ составъ вашей гвардіи. Я требую, чтобы совѣту старѣйшинъ послано было приглашеніе издать декретъ, возвращающій насъ въ Парижъ».

Множество депутатовъ поддерживаютъ это предложеніе. Гранмэзонъ, Дестремъ, Блэнъ (*Blin*) настаиваютъ. Друзья Бонапарта успѣли однако нѣсколько оправиться. Крошэнъ возражаетъ, стараясь выиграть время; Люсьенъ, все еще на трибунѣ, отстаиваетъ свое право говорить. Но попытка

обструкціи слишком очевидна; раздаются протестующіе голоса: «Насъ водятъ за носъ, заставляютъ полусту трагитить время!» Съ грубой фамиллярностью революціонеровъ кричатъ президенту Шазано: «Что же ты, президентъ? дѣйствуй, пускай на голоса предложенія». Что-то голосуютъ, но шумъ и беспорядокъ таковы, что трудно разобрать, принято ли предложеніе. Мысль объявить несостоявшимся назначеніе Бонапарта, показаться войскамъ, вернуться въ Парижъ владѣть всѣми умами; но собраніе слишкомъ растерялось, чтобы привести ее въ исполненіе; говорятъ, что нужно выйти всѣмъ заразъ, и никто не рѣшается; собраніе бѣснуется и бесполезно топчется на мѣстѣ.

Бонапартъ вернулся въ свой кабинетъ въ первомъ этажѣ. Его окружили Сійэсъ, Дюко, генералы, вѣрные люди, союзники. Рассказываютъ, что вначалѣ рѣчь его была безсвязна, что онъ едва узнавалъ окружающихъ. Сійэсу онъ будто-бы сказалъ: «Генералъ, они хотятъ объявить меня внѣ закона».—«Они сами себя поставили внѣ закона», отвѣчалъ ему эксъ-аббатъ.

Физическая слабость скоро прошла, и Бонапартъ снова вернулся къ мысли, которая, повидимому, и привела его въ совѣтъ пятисотъ: надо воспользоваться смятеніемъ и шумомъ,—на которыя онъ, конечно, и рассчитывалъ, но которыя превзошли всѣ его ожиданія,—чтобы получить новое полномочіе, карательную власть надъ собраніемъ и тогда изгнать его. Но воля, нервы, послѣ жестокаго потрясенія, не сразу вернулись къ нормѣ; обычный апломбъ и самообладаніе измѣнили ему. Онъ дѣйствовалъ вначалѣ импульсивно, скачками, то колеблясь, то неистовствуя, то медля, то отдаваясь безразсчетному порыву.

Вокругъ него всѣ были за энергическія мѣры. Разъ въ парламентѣ не выгорѣло, значитъ, надо моментально повернуть дѣло иначе, поднять его шпагой, прибѣгнуть къ силѣ. Мюратъ и Леклеркъ, будущіе зятя, весь этотъ день неразлучные и дѣйствовавшіе заодно, главные инициаторы военнаго вмѣшательства, просятъ довѣриться войскамъ. Сійэсъ настойчиво повторяетъ, что пора перейти къ рѣшительнымъ мѣрамъ и рубнуть сплеча. Бонапартъ сгораетъ желаніемъ стереть съ лица земли совѣтъ пятисотъ, но можно ли ударить такъ сразу, безъ подготовки, перейти къ

явной и открытой нелегальности? Можно ли вполне положиться на всё войска?

Внизу кричатъ, волнуются гренадеры. Покушение на главнокомандующаго, повидимому, сильно взволновало ихъ. И все-же, принимая въ расчетъ происхождение и смѣшанный составъ этого войска, осмѣлится-ли оно поднять руку на одно изъ собраній, ввѣренныхъ его защитѣ? Привычка къ дисциплинѣ, привычка повиноваться командѣ, слава Бонапарта,—достаточно-ли будетъ всего этого, чтобы подвинуть ихъ всѣхъ на бой съ народными представителями, бунтующими, крича: «Да здравствуетъ республика!» Между ними можетъ обнаружиться расколъ, колебанія, сопротивленія. А, если они выкажутъ нерѣшительность, придется чего добраго пустить въ ходъ армію, какъ 18-го фрюктидора, и въ крайнемъ случаѣ перешагнуть черезъ нихъ, рискуя жестокимъ конфликтомъ. Но предъявите имъ указъ другого совѣта, декретъ старѣйшинъ, воплощающихъ въ себѣ «національную мудрость», пусть этотъ декретъ облечетъ Бонапарта гражданской властью, полномочіями правителя, и они не станутъ смотрѣть, правильно-ли составленъ этотъ указъ, имѣетъ ли онъ конституціонную силу; они еще разъ поддадутся обаянію словъ, иллюзіи формуль, и обрушатся на упорствующихъ. Нуженъ только обрывокъ законности, чтобы пристегнуть къ нему употребленіе силы.

Представитель Фаргъ беретъся убѣдить своихъ товарищей старѣйшинъ въ необходимости такого постановленія, изобразивъ имъ въ ужасномъ видѣ сцену въ оранжереѣ. Бонапартъ и другіе ждутъ его возвращенія въ центральномъ салонѣ, выходящемъ окнами на дворъ, какъ разъ надъ главнымъ входомъ. Вѣсти изъ совѣта пятисотъ кажутся болѣе тревожными, чѣмъ онѣ есть въ дѣйствительности, Дюкенуа и Монронъ, присланные Талейраномъ, увѣряютъ, что «Внѣ закона» ужъ дѣло рѣшенное. Бонапартъ угрюмо обнажаетъ шпагу, подходитъ къ открытому окну и кричить: «Къ оружію! къ оружію!»—крикъ несется дальше, во всѣ концы, повторяется всюду. Гренадеры внизу подтянулись, встали въ ряды; публика около нихъ мечется въ страхѣ. Но за дворомъ, на мостовой, на террасѣ, выстроились драгуны Себастіани, деташементы армейскихъ полковъ;

стройные ряды ихъ тянутся до самаго горизонта; и среди общаго смятенія, среди немолчнаго гула и шума, наполняющихъ замокъ, эти эскадроны въ высокихъ каскахъ. эти длинныя ряды пѣхотинцевъ, ровныя линіи ногъ въ штиблетахъ, синихъ мундировъ съ красными отворотами и алыхъ султановъ вносятъ впечатлѣніе порядка и силы.

Бонапартъ снова спускается, вмѣстѣ со своимъ штабомъ — показаться войскамъ и поговорить съ ними. Его окружаютъ.—«Что прикажете?»—«Моего коня». Но подведенный ему адмиральскій конь артачится; кидается въ сторону, подымается на дыбы. На него трудно сѣсть, трудно удержаться въ сѣдлѣ, еще труднѣй сохранить твердую и внушительную посадку: и этотъ эффектъ испорченъ. Совладавъ наконецъ съ злополучнымъ конемъ, Бонапартъ въѣзжаетъ въ ряды гренадеровъ.—«Солдаты, могу я положить на васъ?» Гренадеры въ смущеніи. Сійэсъ глядитъ въ окно, и ему кажется, будто ряды ихъ какъ-то подозрительно всколыхнулись, точно вотъ-вотъ окружаютъ Бонапарта и накинута на него.

Онъ посылаетъ предостережъ генерала. Тотъ, не оставиваясь, ѣдетъ все дальше, вотъ ужъ выѣхалъ съ параднаго двора, вотъ поскакалъ на террасу, къ драгунамъ и пѣхотѣ, къ этимъ душою преданнымъ ему войскамъ, словно ища у нихъ защиты и силы. Его встрѣчаетъ буря привѣтственныхъ клинковъ; онъ даетъ знакъ замолчать и, обращаясь къ офицерамъ, къ солдатамъ, разражается потокомъ яростныхъ словъ.

А такъ какъ онъ дѣйствительно раздраженъ до бѣшенства, и притомъ-же всѣ его таланты по части хитрости и лукавства снова вернулись къ нему,—онъ беспощадно клевететъ на совѣтъ пятисотъ и взводитъ на него небывалыя вины. Прежде чѣмъ двинуть на нихъ войско, онъ осыпаетъ ихъ оскорбленіями и клеветами: это негодяи, измѣнники, пособники иноземца, они подкуплены Англійей. «Я шелъ научить ихъ, какъ спасти республику, а они хотѣли убить меня». Обвиненіе ложно, ибо въ совѣтѣ пятисотъ его только помяли и прижали такъ, что онъ едва не задохся. Даже допуская, что нѣкоторые изъ депутатовъ имѣли при себѣ оружіе, очевидно, они не искали убить его, ибо сдѣлали-бы это, если-бы хотѣли: нѣсколько минутъ онъ былъ

совершенно въ ихъ власти. Не бѣда! Не худо облагородить случившееся, придавъ ему трагическій оттѣнокъ.

Бонапартъ видимо внѣ себя. Онъ носится въ галопъ передъ войсками, то круто поворачивая, то останавливаясь, съ трудомъ справляясь съ своей лошадыо, и все кричитъ, что его хотѣли убить. Видъ его ужасенъ. Отъ разныхъ болѣзней, которыми онъ страдалъ, лицо у него вообще воспаленное, красное, усѣяно прыщами; а тутъ, въ эти только что пережитыя имъ минуты смертельной душевной тревоги, онъ еще расцарапалъ его ногтями, такъ что на кожѣ выступила кровь. Это подтверждаетъ уже выдуманную кѣмъ-то басню о кинжалахъ, и слухъ, что Бонапартъ раненъ въ лицо, несетя во всѣ концы, все дальше, дальше, доходитъ до Парижа.

Генералы, главный штабъ, окружили вождя и повторяли его слова, прибавляя еще отъ себя. Мюратъ не отставалъ отъ него ни на шагъ, слѣдя за тѣмъ, чтобъ онъ не удалялся отъ главнаго мѣста дѣйствія. Леклеркъ былъ вездѣсущъ. Серюрье, командовавшій на въѣздномъ дворѣ, повторялъ пароль: «Старѣйшины примкнули къ Бонапарту, пятьсотъ хотѣли убить его»,—и, обходя ряды, рассказывалъ ужасныя вещи. Потомъ, видя, что солдаты достаточно наэлектризованы, и недалеко до взрыва, онъ, какъ старый хитрецъ-начальникъ, заботливо прибавлялъ: «Не трогайтесь съ мѣста, ждите приказа»,—зная, что иной разъ, чтобы подбавить усердія людямъ, нужно дѣлать видъ, будто ихъ сдерживаешь.

— «Солдаты, могу-ли я рассчитывать на васъ?» — повторялъ Бонапартъ. И крики: «Да! да!» дружными залпами вырывались изъ солдатскихъ грудей. Возмущенные солдаты топали ногами отъ ярости, судорожно сжимали оружіе; ихъ обычная ненависть къ «адвокатамъ» еще обострилась; раздавалась неистовая брань, проклятія по адресу депутатовъ-убійць. «Сейчасъ мы ихъ образуемъ», сказалъ Бонапартъ. Онъ только вернулся на парадный, внутренній дворъ и тамъ снова началъ говорить. Каждая фраза его, почти каждое слово вызывало крики негодованія у офицеровъ и гренадеровъ арміи. Но гренадеры законодательнаго корпуса, составлявшіе главную силу на этомъ дворѣ, все еще колебались, прикованные къ мѣсту сомнѣніемъ и тревогой.

И какъ же было имъ не смутиться, когда высшее начальство обращалось къ нимъ съ самыми противоположными требованіями? Но слѣдуетъ представлять себѣ сцену раздѣленной на-двое—впередѣ, т. е. у воротъ замка, неподвижная гвардія; позади въ оранжереѣ ревущее и бѣснующееся взаперти собраніе. Между оранжереей и дворомъ все же было сообщеніе; пятьсотъ дѣлали все, чтобы заявить о себѣ изъ залы, гдѣ ихъ хотѣли замуровать, подать голосъ, войти въ соприкосновеніе со своей гвардіей. По выходѣ генерала, нѣсколько гренадеровъ осталось въ залѣ. Къ нимъ гурьбой кинулись депутаты, уговаривали ихъ, стыдили, силились привлечь на свою сторону. Рѣчь Тало не пропала даромъ; отголоски ея проникли и за двери; вскорѣ затѣмъ явился одинъ гвардейскій офицеръ предложить свои услуги совѣту, полагая, что его часть заодно съ нимъ. Депутаты выходили изъ залы, пытались проникнуть во дворъ; другіе высывались изъ оконъ, жестикулировали, размахивали руками, силились подстрекнуть къ бунту своихъ приверженцевъ. Въ саду, во внутреннихъ коридорахъ, теперь для всѣхъ доступныхъ, во дворѣ, перекрикивались, переругивались, толкали другъ друга группы разномыслящихъ. Гренадеровъ окружала толпа, въ которой были свои приливы и отливы.

Въ этомъ беспорядочномъ метаньи проходили минуты, четверти часа, полчаса. Уже недалеко до пяти; день быстро гаснетъ. Въ комнатахъ совѣтъ стемнѣло. Надъ цвѣтникомъ поднимается ноябрьскій туманъ, ползетъ по стволамъ обнаженныхъ деревьевъ, заволакиваетъ дали. Еще нѣсколько минутъ, и невѣрный свѣтъ догорающаго дня смѣнится тьмою.

Всѣ чувствуютъ, что дольше тянуть нельзя. Изъ друзей Бонапарта трусы, колеблющіеся давно сбѣжали; храбрые, рѣшительные, тѣ, кто чувствуютъ себя безповоротно скомпрометированными, сомкнулись плотнѣе вокругъ вождя. Лавалеттъ, стоявшій на крыльцѣ среди толпы народа, увѣряетъ, будто узналъ въ одной изъ группъ Талейрана, покинувшего свою обсерваторію, съ его блѣднымъ, но мужественнымъ лицомъ смѣлаго игрока. Самъ Лавалеттъ сознается, что еслибъ въ эту минуту передъ гвардіей предсталъ энергичный, отважный вождь диссидентъ, невозможно предугадать, какой-бы оборотъ приняло дѣло. Но Журданъ бродилъ

въ нерѣшимости, то входя въ залу; то прогуливаясь вдоль рѣшетки, опираясь на руку адъютанта. Ожеро, несмотря на свой задорный видъ, не находилъ въ себѣ обычной дерзости. Къ крыльцу тѣмъ временемъ подъѣхалъ Бонапартъ, окруженный офицерами; его искаженное, налитое кровью лицо плохо скрывало бурю, кипѣвшую въ его душѣ.

Фаргъ не принесъ ему декрета старѣйшинъ. Фаргъ на-шелъ своихъ коллегъ въ полномъ сборѣ; они словно приросли къ своимъ стульямъ, испуганные криками, бѣготней въ нижнемъ этажѣ и шумомъ внизу. Онъ патетически избразилъ имъ картину покушенія и повергъ ихъ въ ужасъ своимъ рассказомъ, но не вдохнулъ въ нихъ рѣшимости. Наконецъ, объявивъ засѣданіе закрытымъ, они вынесли самое что ни на есть парламентское и практически ничего не стоящее рѣшеніе: вмѣсто правительства, учредили комиссію. Этой комиссіи изъ пяти человекъ поручено составить докладъ и предложить соотвѣтствующія мѣры. Это было все равно, что ничего—возобновленіе бесплодныхъ дебатовъ, и только. Становится все очевиднѣе, что старѣйшины сами по себѣ ничего не сдѣлаютъ; отъ нихъ требуютъ импульса, а они ждутъ его извнѣ.

Въ совѣтѣ пятисотъ положеніе опять обострилось. Якобинскіе вожаки знаютъ, что гвардія подъ ружьемъ, но однакожь не трогается съ мѣста, и становятся отважнѣе въ своей ярости. Люсьенъ, однако, наконецъ, добился слова. «Я долженъ замѣтить, что здѣсь подозрѣнія возникаютъ съ большою быстротой и съ малымъ основаніемъ. Неужели одинъ шагъ, хотя бы и неправильный, уже заставилъ забыть столько услугъ, оказанныхъ свободѣ?»—«Ихъ не забудутъ»,—отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ.—Люсьенъ: «Я требую, чтобы прежде чѣмъ предпринять что-нибудь, вы вернули сюда генерала.—*Мы не признаемъ его!*—Когда въ этой палатѣ возобновится спокойствіе, и необычайное, неприличное возбужденіе, проявившееся здѣсь, уляжется, вы воздадите должное, кому оно подобаешь по праву.—*Къ дѣлу! къ дѣлу!*» режутъ якобинцы, яростно требуя объявленія Бонапарта *вне закона*. Парламентскіе драчуны вновь принялись за дѣло. Одинъ изъ нихъ завелъ ссору съ Булэ у самой трибуны и тычетъ ему кулаками въ лицо. Поминутно прерываемая рѣчь ксеіена теряется среди возрастающаго шума.

Потерявъ надежду заставить себя слушать, Люсьень прибѣгаетъ къ жестамъ, къ мимикѣ, разыгрываетъ цѣлую сцену. Онъ быстро сбрасываетъ съ себя тогу, швыряетъ ее на полъ трибуны, за нею токъ и шарфъ съ золотой бахромой, и, придавъ необычайную звучность своему отъ природы немного глухому голосу, кричитъ: «Я долженъ отказаться отъ надежды быть выслушаннымъ, а такъ какъ меня не хотятъ слушать, я слагаю съ себя на трибуну, въ знакъ прискорбія, знаки народной магистратуры.» На минуту собраніе ошеломлено этимъ театральнымъ эффектомъ. Нѣсколько человѣкъ бросаются къ Люсьену, уговариваютъ его снова возложить на себя знаки своего достоинства и вернуться на президентское мѣсто. Другіе, желая во что бы то ни стало предотвратить роковую развязку, наоборотъ, кричатъ: «Надъ свободой учинено насиліе; совѣта не существуетъ болѣе; президентъ, закрывайте засѣданіе!» Но голоса якобинцевъ преобладаютъ, даютъ тонъ, и нестройные крики и ругань тонутъ въ оглушительномъ, все разрастающемся: «*Внѣ закона!*»

Уже нѣсколько минутъ Люсьень надѣялся только на вмѣшательство извнѣ. Разглядѣвъ въ толпѣ депутатовъ, топтавшихъ около трибуны, человѣка надежнаго, инспектора залы, генерала Фрежевилля, онъ наклонился къ нему и кинулъ шепотомъ, поручая передать это брату:

«Надо прервать засѣданіе; еще десять минутъ, и я уже ни за что не отвѣчаю!»

Фрежевилль выскользнулъ вонъ изъ залы и выполнилъ порученіе. Неужели нуженъ былъ этотъ сигналъ бѣдствія, чтобы Бонапарта осѣнило наконецъ вдохновеніе, чтобы въ мозгу его родилась блестящая мысль? Какъ бы то ни было, генераль наконецъ придумалъ, что нужно сдѣлать. Онъ понималъ, какое впечатлѣніе онъ можетъ произвести на гренадеръ, если ему удастся выгнать Люсьена изъ печи огненной, заручившись авторитетомъ президента, законнаго главы совѣта пятисотъ. Надо похитить Люсьена. Задумано, сказано, сдѣлано.

Одинъ гренадерскій капитанъ получаетъ приказъ, взявъ съ собою десять человѣкъ, войти въ залу. Онъ входитъ съ громкимъ крикомъ «Да здравствуетъ республика!» Крикъ этотъ отраденъ собранію: безъ сомнѣнія, это армія пришъ

отдать себя въ распоряженіе закона; на время страсти улеглись. Капитанъ безъ труда доходитъ до трибуны; за нимъ вооруженные гренадеры; онъ однимъ прыжкомъ очутился на верхней ступенькѣ, сказалъ что то глядющему на него сверху эксъ-президенту Шазалю, затѣмъ повернулся къ Люсьену, все еще цѣпляющемуся за перила, и пригласилъ его слѣдовать за собою. Люсьень, изнемогающій отъ усталости, не двигается съ мѣста, какъ будто не понимаетъ, въ чемъ дѣло; офицеръ настаиваетъ; Люсьень не противится. Тогда офицеръ, ставъ сзади него, беретъ его подъ руки, насильно поднимаетъ и ставитъ на землю у подножія трибуны, посреди гренадеровъ. Тѣ тащатъ президента вонъ изъ залы и ведутъ его черезъ весь замокъ на дворъ, къ брату.

Собраніе смущено, поставлено въ тупикъ этимъ исчезновеніемъ. Вбѣжавшій съ улицы депутатъ твердитъ о неминуемой опасности; онъ слышалъ, какъ ударили сборъ, видѣлъ, какъ засуетились солдаты. Дѣйствительно около Бонапарта энергически стягиваютъ войска; на первомъ дворѣ Серюрье, съ обнаженной шпагой въ рукѣ, разжигаетъ солдатъ; драгуны, пѣхота на терассѣ двинулись, словно готовые ворваться во дворъ; на парадномъ дворѣ вокругъ все уже грозно зашевелилось, какъ вдругъ тамъ показывается Люсьень въ центрѣ кучки гренадеровъ. Его встрѣчаютъ оглушительнымъ крикомъ.

Люсьень рядомъ съ братомъ; президентъ и генераль заодно — это вѣрный путь къ развязкѣ; это перемѣщеніе центра законности въ глазахъ всей гвардіи. Если Люсьень обратится къ нимъ за содѣйствіемъ, они подумаютъ, что это совѣтъ пятисотъ говоритъ съ ними въ лицѣ своего авторитетнаго представителя, что это онъ заклинаетъ ихъ прійти ему на помощь противъ кучки бунтовщиковъ, которые притѣсняютъ его, тиранизируютъ, держатъ его въ страхѣ своими кинжалами. Охранять свободу и безопасность преній, — это входитъ въ составъ ихъ обязанностей; очистить собраніе, отрубить гангренозный членъ, который заражаетъ весь организмъ, — это дѣло обычное, согласное со всѣми традиціями, со всѣми прецедентами, дозволенное революціоннымъ уставомъ. Властно прервать засѣданіе и на время очистить залу, чтобы добрые могли отдѣлится отъ злыхъ и затѣмъ спокойно возобновить обсужденіе, — въ гла-

захъ солдатъ это будетъ не столько посягательство на конституцію, сколько парламентско-полицейская мѣра, съ цѣлью освободить собраніе, а никакъ не распустить его.

Для того, чтобы задумать и взвѣсить все это, понадобилось меньше времени, чѣмъ для того, чтобы написать эти строки. На воздухѣ Люсьенъ тотчасъ оправился; для того, чтобы сыграть навязанную ему, или имъ самимъ на себя взятую роль, онъ обрѣлъ въ себѣ всѣ свои таланты и силы; и былъ въ ней по истинѣ необычаенъ и прекрасенъ. Онъ потребовалъ драгунскую лошадь, вскочилъ на нее и, вмѣстѣ съ братомъ подскакавъ къ гренадерамъ, крикнулъ, что есть духу:

«Президентъ совѣта пятисотъ заявляетъ вамъ, что огромное большинство совѣта въ данный моментъ держатъ въ страхѣ нѣсколько представителей, со стилетами осаждающихъ трибуну, угрожая смертью своимъ товарищамъ и добиваясь этимъ путемъ ужасающихъ постановленій. Заявляю вамъ, что эти дерзкіе разбойники, безъ сомнѣнія, подкупленные Англійей, взбунтовались противъ совѣта старѣйшинъ и осмѣлились предлагать объявить внѣ закона генерала, которому поручено исполненіе ихъ декрета. Заявляю вамъ, что эта кучка разъяренныхъ безумцевъ сама себя поставила внѣ закона своими покушеніями на свободу совѣта... Возлагаю на воиновъ заботу избавить отъ нихъ большинство. Генералы и вы, солдаты, и вы всѣ, граждане, вы будете признавать французскими законодателями только тѣхъ, кто соберется вокругъ меня. Тѣхъ же, кто упорно будетъ сидѣть въ оранжереѣ — гоните оттуда силой!... Эти разбойники уже не представители народа, а представители кинжала».

Представители кинжала, чудесное заглавіе для мелодрамы, способное разжечь самое тусклое воображеніе! Люсьенъ указываетъ на лицо брата, какъ будто израненное, на залекшуюся на немъ кровь. И наконецъ находитъ убѣдительный жестъ, неотразимую пантомиму. Онъ велитъ подать себѣ обнаженную шпагу, приставляетъ остріе ея къ груди Бонапарта и въ этой трагической позѣ, съ интонаціями *à la* Тальма, клянется, что своей рукой убьетъ своего брата, если тотъ когда-либо посягнетъ на свободу французовъ.

Гвардія потрясена, сомнѣнія ея разсѣялись. А сзади бѣшено напираетъ 77-й полкъ и драгуны, а рядомъ трепещутъ и рвутся въ бой армейскіе гренадеры; движеніе захватило ихъ, они сами рвутся впередъ. Наконецъ! Бонапартъ можетъ отдать приказъ; приказъ отданъ; офицеры заносятъ сабли, даютъ знакъ барабанщикамъ. Тѣ бьютъ атаку; съ боковъ, сзади, посыпалась барабанная дробь, скорая, частая, разсыпчатая, зловѣщій увлекательный ритмъ, зовущій на приступъ. Мюратъ построилъ гренадеровъ въ колонну и велитъ имъ итти за собой. Въ надвигающихся сумеркахъ ряды тронулись, прибавили шагу; толпа въ испугѣ шарахнулась въ сторону, но въ ней слышны голоса: *«Браво! долой якобинцевъ! долой 93-й! это переходъ Рубикона!»* Ужасъ, внушаемый политиками-революціонерами, желаніе поскорѣе покончить съ этими позорными тиранами заставляютъ привѣтствовать цезаря-избавителя. Предводительствуемые офицерами всѣхъ родовъ оружія, гренадеры взбираются на крыльцо, вступаютъ въ первый этажъ и направляются къ входу въ оранжерею.

Барабанный бой слышенъ и тамъ, несмотря на толстыя стѣны, и тревога сжимаетъ сердца. Эта «атака» не похоронный ли звонъ по отошедшемъ въ вѣчность режимѣ? не знакъ-ли, что войска идутъ, и участь пятисотъ рѣшена? Собраніе чувствуетъ, что все погибло, и думаетъ только о томъ, чтобъ умереть съ честью. Всѣ засуетились, заметались; зрители снова бѣгутъ, ополоумѣвъ, выскакиваютъ въ окна; многіе депутаты вскакиваютъ на скамейки, крича, что есть мочи: *«Да здравствуетъ республика! да здравствуетъ конституція III-го года!»* другіе бросаются къ трибунѣ, чтобы кончить красивымъ жестомъ, историческимъ словомъ. А барабанный бой все приближается, по коридорамъ, по лѣстницамъ, раздается. угрожающій, уже за стѣнами залы.

Дверь отворяется, показались штыки. На порогѣ начальникъ бригады Дюмуленъ; за нимъ барабанщики и гренадеры, дѣлающіе ружьями на караулъ. Мюратъ и другіе начальники рѣшительно устремляются впередъ, къ трибунѣ. Позади нихъ, колонна гренадеровъ вытягивается въ ниточку, чтобы пройти въ узкую дверь, потомъ опять разрастается, заполняетъ часть залы, ближайшую къ входу и остается

тамъ. Шумъ не прекращается. Депутаты уже бѣгутъ и другимъ даютъ знакъ: *Спасайся, кто можетъ!* но въ оставшемся свободномъ пространствѣ, въ глубинѣ галлерей упорствующая масса сплотилась, сбилась въ клубокъ, и изъ этого клубка несутся страшные вопли. Депутаты съ трибуны кричатъ солдатамъ: «*Солдаты, вы мараете ваши лавры!*» Мюратъ и офицеры режутъ: «*Граждане! вы распущены!*» Около президентскаго кресла выросъ невѣсть откуда взявшійся офицеръ и отъ имени генерала Бонапарта снова приглашаетъ публику разойтись. Барабанщики все время колотятъ палочками, мѣняя руку, барабанная дробь сыплется теперь не смолкая, заглушая крики. Второй эшелонъ солдатъ, подъ начальствомъ Леклерка, присоединился къ первому. Слышится команда: «*Гренадеры, впередъ!*» Мюратъ, повернувшись къ своимъ людямъ, грубо приказываетъ: «*Вышвырните отсюда всю эту свору!*» (*F...moi tous ce monde là dehors!*) Солдаты, скрестивъ штыки, идутъ на депутатовъ.

Передъ этой надвигающейся щетиной острыхъ штыковъ депутаты покоряются силѣ. Трибуна очищена. По мѣрѣ того, какъ отрядъ подвигается впередъ, красная масса таетъ, исчезая въ глубинѣ, или отливая къ бокамъ, чтобы выскользнуть черезъ всевозможные выходы. Подъ грохотъ опрокидываемыхъ стульевъ и скамеекъ, гренадеры подгоняютъ выходящихъ, напираютъ на тоги, не доводя до ударовъ, дѣлаютъ свое дѣло, какъ добрые полицейскіе. Въ пять минутъ, среди сгущающагося мрака, зала опустѣла, извергла изъ себя всѣхъ депутатовъ. Лишь нѣсколько упрямецевъ цѣпляются за свои стулья; солдаты хватаютъ ихъ поперекъ тѣла, какъ непослушныхъ дѣтей, и выставляютъ за дверь. Такимъ же способомъ очищены отъ депутатовъ сосѣдніе покои и коридоры; все парламентское помѣщеніе оккупировано войсками. А барабанъ все трещитъ, повелительный, грубый, властный.

Такъ сбылись, черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ они были сказаны, слова Мирабо: депутаты ушли, выгнанные штыками. Дѣло въ томъ, что воля народа, обезпечивавшая ихъ неприкосновенность въ Версали, уже не поддерживала ихъ въ Сенъ-Клу. Народъ отрекся отъ нихъ, не узнавая своихъ избранниковъ въ этомъ шумливомъ сбродѣ, послѣ цѣлаго ряда переворотовъ и тройнаго нарушенія из-

бирательнаго права. Нравственная сила, та сила, что создается глухимъ объединеніемъ воли отдѣльныхъ лицъ, была теперь на сторонѣ штыковъ, и революціи, гибнувшей отъ своей безудержности и заблужденій, оставалось только искать спасенія и прибѣжища во власти, по существу своему дисциплинирующей и распорядительной.

Большинство депутатовъ позволили вытолкать себя не безъ достоинства, хотя иные и прыгали въ низкія окна, или выкатывались кубаремъ въ двери, растерянные и смѣшные. Но за дверью всѣ они превратились въ стадо барановъ, которое опрометью мчится въ туманѣ, со слѣпу само не зная куда. Наталкиваясь на прибывающія отовсюду войска, на офицеровъ, гнѣвныхъ или насмѣшливыхъ, съ обнаженными шпагами и въ грозныхъ двурогихъ шляпахъ, они чувствуютъ себя смѣшными въ своихъ римскихъ одѣяніяхъ, стѣсненными въ движеніяхъ, униженными, осмѣянными, погибшими, и, охваченные паникой, кидаются въ рассыпную. Подъ градомъ насмѣшекъ злополучные депутаты, путаясь въ своихъ тогахъ, какъ въ юбкахъ, пробираются между солдатъ, бѣгутъ черезъ садъ, черезъ дворы, исчезаютъ въ туманѣ, во мракѣ. Многіе, выскочивъ за рѣшетку, пустились по подъѣздной аллеѣ; самыя смѣлыя хотѣли бѣжать въ Парижъ, гдѣ надѣялись найти поддержку и утѣшеніе; большинство просто искали убѣжища въ Сень-Клу, гдѣ бы переждать налетѣвшій шквалъ. Иные бѣжали напрямикъ черезъ лѣсъ, или по откосу внизъ, другіе забились въ чащу, уже окутанную тьмою. Нѣкоторые въ давкѣ растеряли свои тоги, токи, знаки отличія, или сами бросили ихъ на бѣгу: По этимъ отрепьямъ тогъ, валявшимся на землѣ, въ канавахъ, повисшимъ на кустахъ, изорваннымъ и жалкимъ, можно было шагъ за шагомъ прослѣдить великое бѣгство парламентаріевъ.

6.

Послѣ удара, нанесеннаго совѣту пятисотъ, старѣйшины вдругъ стали необычайно послушны. Одинъ изъ выгнанныхъ депутатовъ, похрабрѣе другихъ, пошелъ къ нимъ жаловаться на насиліе. Подоспѣвшій Люсьенъ поспѣшилъ перебить его. Онъ объяснилъ случившееся, утверждая,

что войска «только повиновались его требованію», вскользь упомянулъ о военной экзекуціи и распространился объ ужасныхъ замыслахъ якобинцевъ: негодяи, варвары, они хотѣли принудить его объявить внѣ закона его брата, родного брата! Какое оскорбленіе священнѣйшихъ человѣческихъ чувствъ, самой правды! Голосъ его дрожить, въ немъ слышатся слезы, на устахъ вся сантиментальная фразеологія Руссо; этотъ человѣкъ за одинъ день переигралъ двадцать ролей. Старѣйшины, впрочемъ, были побѣждены заранѣе и готовы вынести любое постановленіе. Они прервали тягостную сцену, рѣшивъ не слушать болѣе никого изъ членовъ другого собранія и—принялись за дѣло.

Только что назначенная комиссія собралась въ сосѣдней галлерей. Изъ пяти членовъ налицо только четверо; ничего! трое согласны между собой—значить, имѣется большинство. Наскоро выбранъ докладчикъ Корнюде, наскоро составленъ докладъ. Заговорщики рѣшились наконецъ предложить опредѣленный планъ дѣйствій: назначеніе трехъ временныхъ консуловъ—Бонапарта, Сійэса, Роже Дюко, распушеніе совѣтовъ до 1 нивоа, учрежденіе переходной законодательной комиссії путемъ выборовъ изъ числа старѣйшинъ. Корнюде облекъ все это въ форму постановленія, и къ семи часамъ декретъ былъ готовъ; противъ него подалъ голосъ одинъ только членъ, Дальфонсъ. Чтобы прикрыть нелегальность своего образа дѣйствій, старѣйшины притворились убѣжденными, что другой совѣтъ разошелся, рассѣялся, исчезъ съ лица земли добровольно. «Въ виду удаленія совѣта пятисотъ», инициатива и забота о судьбахъ республики переходила къ совѣту старѣйшинъ. Издавъ декретъ, они, какъ бы истощенные этимъ усиліемъ и притомъ задышавшіеся въ душной атмосферѣ залы, жаждавшіе подкрѣпитя, дать отдыхъ нервамъ и—узнать новости, объявили перерывъ засѣданія до девяти часовъ.

На дворѣ уже совсѣмъ стемнѣло. Внизу, въ садахъ, еще блуждало нѣсколько печальныхъ тѣней—депутатовъ распущеннаго совѣта. Реаль, встрѣтивъ одного такого, съ грубымъ смѣхомъ сказалъ ему: «Фарсъ разыгранъ». У ограды стояли на часахъ солдаты, отгонявшіе всѣхъ, кто пытался проникнуть во дворъ; подходившимъ они говорили: «Выйти можно, но не войти».

Въ плохо освѣщенныхъ покояхъ дворца на отбитыхъ позиціяхъ расположились лагеремъ побѣдители. Люсьена осыпали комплиментами, но не слѣдуетъ думать, что онъ на самомъ дѣлѣ спасъ своего брата, и успѣхомъ были обязаны всецѣло ему. Предположивъ, что ему не удалось бы отсрочить объявленіе «внѣ закона» и что онъ не явился бы во время передъ гвардіей, чтобы разсѣять ея колебанія, по всей вѣроятности, гвардія, въ концѣ концовъ, уступила бы давленію со стороны другихъ войскъ. И ужъ во всякомъ случаѣ эти другія войска, болѣе многочисленныя, исполненныя рѣшимости и чувствовавшія, что за ними Франція, пошли бы сами, сокрушая все на своемъ пути. Люсьень только выяснилъ способъ рѣшенія задачи, все сократилъ и упростилъ съ удивительной ловкостью.

Въ данный моментъ, впрочемъ, настроеніе его было не изъ важныхъ, хотя впоследствии онъ и изображалъ себя героемъ дня. Дѣло въ томъ, что онъ мечталъ быть героемъ совсѣмъ на другой ладъ. Онъ думалъ удержаться на парламентской почвѣ, подчинить себѣ депутатовъ и устроить сдѣлку между пятьюстами и старѣйшинами, нѣчто въ родѣ компромисса, который далъ бы ему возможность занять по отношенію къ своему брату очень сильную позицію. Загнанный на край обрыва, онъ поневолѣ долженъ былъ искать спасенія въ вооруженной силѣ и чудесно сумѣлъ воспользоваться ею. Это не мѣшало ему понимать, что, прибѣгая къ вмѣшательству войскъ, онъ шелъ противъ самого себя, политика и парламентарія, и игралъ въ руку солдату. Остальные заговорщики были нѣсколько смущены, взволнованы пережитой передрагой, но все же у нихъ точно камень съ души свалился: они чувствовали, что побѣда за ними, хотя досталась и не безъ труда.

«Надо итти обѣдать», сказала Талейранъ. Бонапартъ, Люсьень, Сійэсъ, всѣ вожди и генералы закусывали въ этотъ день гдѣ попало и чѣмъ Богъ послалъ; Талейранъ приберегъ для себя уютное и мягкое гнѣздышко, пріятный вечерокъ въ интимномъ кругу. У одной изъ его пріятельницъ, г-жи Симонъ, былъ хорошенькій домикъ въ Севрѣ; тамъ его ждалъ теплый очагъ и вкусный ужинъ. Онъ взялъ съ собою нѣсколькихъ близкихъ друзей; за столомъ перебирали событія дня. Монронъ рассказывалъ, какъ поблѣднѣлъ Бона-

партъ, когда ему пригрозили объявленіемъ *внѣ закона*, и рѣшили, что у великаго человѣка не хватило выдержки. «Генераль Бонапартъ, повторялъ онъ, генераль Бонапартъ, этакъ не годится—не по правилу».

Изъ Парижа пришли добрыя вѣсти. Предмѣстья не шевелились; нигдѣ никакихъ сборищъ, ни тѣни попытки сопротивленія. Всюду ожиданіе, любопытство, даже волненіе, большой интересъ къ каждой новости, но никакихъ беспорядковъ. Штабы, расположенные въ Тюльери, въ домѣ инвалидовъ, въ военной школѣ, часто получали извѣстія изъ Сень-Клу и все время были въ курсѣ дѣла; передъ вечеромъ они было сильно встревожились, но теперь успокоились. Фуше велъ себя превосходно; онъ разослалъ агентовъ къ заставамъ слѣдить за выходящими и, въ случаѣ надобности, отрѣзать отступленіе бѣглецамъ; если бы Бонапартъ потерпѣлъ пораженіе, онъ заперъ-бы городскія ворота для Бонапарта. Тюро, съ своей стороны, послалъ изъ Сень-Клу агентовъ къ заставамъ, въ надеждѣ забѣжать впередъ и «подставить ножку патрону», но агенты Фуше прибыли на мѣсто первыми. Въ городѣ опасность, которой подвергался Бонапартъ, и его мнимая рана вызывали негодующія нареканія и проклятія по адресу факціи убійцъ: что за чудовища эти якобинцы! Тѣмъ не менѣе, въ театрахъ представленіе началось, какъ обыкновенно, около пяти часовъ.

Во время представленія конные ординарцы развезли по всѣмъ театрамъ прокламаціи министра полиціи: Фуше удостовѣрялъ въ ней официальной печатью басню о неудавшемся покушеніи, но въ то-же время успокаивалъ парижанъ и рекомендовалъ имъ всецѣло ввѣрить себя защитѣ и охранѣ непобѣдимаго меча. «Совѣты собрались въ Сень-Клу на совѣщаніе о дѣлахъ, затрогивающихъ интересы республики и свободы; въ это время генераль Бонапартъ, войдя въ совѣтъ пятисотъ, чтобъ изобличить происки контръ-революціонеровъ, едва не погибъ жертвой убійства. Геній республики спасъ генерала; онъ возвращается со своей свитой. Законодательный корпусъ принялъ всѣ мѣры къ обезпеченію торжества и славы республики». Во всѣхъ театрахъ эту прокламацію читали со сцены, и вездѣ она вызывала громъ рукоплесканій. Успокоенный Парижъ уснулъ, не зная, при какомъ режимѣ онъ проснется завтра.

7.

Въ Сен-Клу побѣдители не спали всю ночь: имъ нужно было дополнить и оформить свою побѣду. Радость ихъ не лишена была горькой примѣси. Какъ отнесется народъ къ насильственному изгнанію совѣта пятисотъ? Это была слишкомъ крутая мѣра; хорошо-бы, еслибъ можно было представить её въ такомъ свѣтѣ, какъ будто это былъ инцидентъ, случайность, а не развязка дня. Правда, имѣлось позднѣйшее заключеніе: вотированный старѣйшинами декретъ объ учрежденіи временнаго консульства, но создаваемая имъ обстановка псевдо-легальности была слишкомъ шатка и эфемерна; придать ей устойчивость могло только хотя бы фиктивное единодушіе обоихъ собраній. Въ первый же моментъ у Люсьена явилась мысль до извѣстной степени возстановить совѣтъ пятисотъ. Многіе изъ разогнанныхъ депутатовъ, разумѣется, охотно примирились-бы съ совершившимся фактомъ; они, по всей вѣроятности, были неподалеку; поискавъ хорошенько, пожалуй, и можно будетъ набрать ихъ достаточно, чтобъ образовалось нѣкоторое подобіе собранія, а затѣмъ оно провозгласитъ себя большинствомъ. Тогда старѣйшины возьмутъ назадъ свой декретъ и въ будущемъ, чѣмъ меньше о немъ говорить, тѣмъ лучше; очищенный и укрощенный совѣтъ пятисотъ самъ вотируетъ его, взявъ на себя инициативу, а старѣйшины, вернувшись къ своей обычной роли, регистрируютъ его и утверждаютъ. Такимъ образомъ все будетъ сдѣлано по уставу, и самоубійство совѣта пятисотъ произойдетъ съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ формъ.

Разосланные Люсьеномъ пристава и вербовщики разбредлись по Сенъ-Клу въ погонѣ за депутатами, пригодными для всякаго дѣла (*députés à tout faire*). Ихъ находили въ кабачкахъ, въ трактирахъ, въ частныхъ домахъ, и приглашали возвратиться въ замокъ. Осматривали экипажи, ѣхавшіе въ Парижъ, и, если тамъ оказывались депутаты, ихъ просили выйти. Они не слишкомъ противились. Ощупью, среди холода и мрака, увлекаемые своими провожатыми, они вновь поднимались по тѣмъ самымъ дорогамъ, по которымъ бѣжали опрометью нѣсколько часовъ тому назадъ, къ огонькамъ, мерцав-

шимъ вверху, вдали. Тѣмъ временемъ во дворцѣ распорядители дня подготовляли *mise en scène* финала, условливались относительно подробностей, распредѣляли роли. Прибывавшихъ депутатовъ направляли въ ихъ залу. Сколько ихъ было? Тридцать, пятьдесятъ, самое большее сто. Парижъ коварно прозвалъ ихъ совѣтомъ тридцати; конечно, ихъ было больше; консульству пришлось включить въ свои собранія 180 чело-вѣкъ изъ совѣта пятисотъ; добрая половина ихъ навѣрное участвовала въ этомъ ночномъ засѣданіи и здѣсь дала первое доказательство своей благонадежности.

Страненъ былъ видъ этого собранія: почти темная, небранная зала; опрокинутыя скамьи, всюду слѣды безпорядка, нѣсколько свѣчей, поставленныхъ на конторкѣ на трибунѣ, озаряють тусклымъ мерцающимъ свѣтомъ отяжелѣвшія тѣла согнанныхъ сюда депутатовъ; измученные усталостью, они намѣреваются, кажется, не столько засѣдать, сколько выспаться; нѣкоторые «улеглись на трехъ скамьяхъ—одна для туловища, другая для ногъ, третья служить изголовьемъ». Тамъ и сямъ кучками стоятъ курьеры, *garçons de la salle*, пришедшіе погрѣться. Нѣсколько жожаковъ взялись сами вести засѣданіе, а отъ остальныхъ ждутъ лишь нѣмой покорности. Неутомимый Люсьенъ усаживается на предсѣдательское кресло и съ важностью, торжественно, произноситъ исполненную достоинства вступительную рѣчь. Шазаль предлагаетъ учредить временное консульство и на шесть недѣль распустить совѣты, т. е. все, что уже вотировали старѣйшины, съ той разницей, что, вмѣсто одной комиссіи, предполагается назначить двѣ, представительницы обоихъ собраній. Надо соблюсти всѣ формы, избѣгая неприличной торопливости, поэтому проектъ передается въ комиссію. Пока совѣщается комиссія, Люсьенъ, чтобы потѣшить аудиторію, произноситъ новую рѣчь, формальный обвинительный актъ противъ якобинцевъ, прелюдія къ исключительнымъ мѣрамъ, которыя будутъ предложены на утвержденіе собранія. Не худо также заставить совѣтъ пятисотъ вотировать отъ имени націи благодарность тѣмъ, кто его такъ ловко вышвырнулъ за бортъ; совѣтъ повинуется; въ постановленіи говорится объ офицерахъ, генералахъ и частныхъ лицахъ, о солдатахъ и въ особенности гренадерахъ, «добросовѣстно послужившихъ отечеству».

Въ одиннадцать часовъ Булэ, отъ имени комисси, представилъ докладъ. Затѣмъ говорилъ чистосердечный Кабанисъ. Рѣчи обоихъ замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ, съ различными оттѣнками, ясно выразилась мысль парламентскихъ *брюмерцевъ*. Это отнюдь не *цезаристы*; они вовсе не стремятся поставить надъ собой господина; это революціонеры, которые прежде всего хотятъ сохранить и упрочить дѣло революціи; они желаютъ удержать за собою власть, но наученные и исправленные опытомъ, хотятъ возстановить эту власть, не впадая въ деспотизмъ, мечтаютъ замѣнить чудовищнѣйшій произволь и болѣе упорядоченнымъ, и болѣе либеральнымъ режимомъ.

Булэ констатируетъ, что во Франціи нѣтъ «ни свободы общественной, ни свободы личности», что, съ другой стороны, существуетъ только «призракъ правительства». Онъ считаетъ необходимымъ возстановить во Франціи идею правительства, включающую понятіе объ урегулированной силѣ, постоянномъ воздѣйствіи и устойчивости. Только правительство, ограниченное въ своей дѣятельности надежными гарантіями, но достаточно сильное и независимое, чтобы держаться, не прибѣгая къ тиранническимъ насиліямъ, можетъ произвести замиреніе внѣ и внутри страны, начать серьезные переговоры съ иноземцемъ, примирить во Франціи порядокъ съ свободой, разрѣшить вѣчную проблему; только такое правительство можетъ упрочить республику и раздвинуть ея предѣлы. И Булэ обрушивается на нетерпимость якобинцевъ, на ихъ пристрастіе къ исключительности, на ихъ упорство невѣжественныхъ сектантовъ. «Мы хотимъ *націонализировать* республику; для нихъ республика—это ихъ партія».

Кабанисъ вложилъ въ свое представленіе о брюмерскомъ переворотѣ больше идеала и чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ оттѣнокъ меланхоли. Онъ всей душой жаждетъ возвращенія къ основнымъ принципамъ и всѣхъ призываетъ къ этому. «При данномъ положеніи вещей имѣеть-ли французскій народъ настоящую республику? Каждый изъ васъ смѣшитъ предупредить меня; вы въ одинъ голосъ отвѣчаете: «нѣтъ». Безъ сомнѣнія, несправедливо было-бы винить членовъ учредительнаго собранія III-го года за то, что дѣло ихъ такъ искажено; ихъ намѣренія были чисты; они зало-

жили прекрасный фундаментъ; но плохое хозяйничанье властей и чрезмѣрно частая смѣна ихъ на мѣсто устойчивости водворили шаткость и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Съ той поры республика, слишкомъ слабая, могла держаться, только время отъ времени прибѣгая къ произволу; чтобы вырвать ее изъ рукъ бунтовщиковъ, мудрые республиканцы, «патріоты-консерваторы» принуждены были принять участіе въ этихъ насиліяхъ, оплакивая ихъ. Результатомъ этихъ потрясеній было положеніе вещей, которое Кабанисъ считаетъ гибельнымъ для французской жизнеспособности; стоитъ замѣтить, въ какихъ выраженіяхъ этотъ честный республиканецъ резюмируетъ послѣдствія правленія революціонеровъ. «Резюмирую сказанное: конституція III года, такая, какъ она есть, не можетъ не повлечь за собой, и очень скоро, гибели свободы, и наше настоящее положеніе—разложенія самой французской націи».

Еще раньше онъ призналъ, что, въ виду постоянныхъ злоупотребленій, «идея республики во многихъ умахъ нераздѣльно слилась съ идеей разбойничества и притѣсненія». Если это прискорбное убѣжденіе укоренится, народъ бросится въ реакцію или призоветъ диктатора, что, въ глазахъ Кабаниса, не сулитъ ничего, кромѣ бѣдствій: «онъ безъ сомнѣнія скоро погибъ-бы, тиранъ, облеченный произвольной властью по волѣ слѣплого энтузіазма, но вмѣстѣ съ нимъ навсегда погибла-бы и великая нація». Чтобы спасти республику и дать ей возможность принести плодъ, есть одно только средство: преобразовать органическіе законы, ввѣривъ эту заботу временному правительству, которое можетъ, по зрѣломъ обсужденіи, разумно и мудро выработать новые законы; это будетъ послѣдній опытъ и самый важный».

Люсьенъ съ вдохновеннымъ видомъ, съ экстазомъ во взорѣ привѣтствуетъ зарю новыхъ дней, начинающуюся счастливую эру. Шабо-Латуръ говоритъ, что засѣданіе въ Сенъ-Клу «останется такимъ-же памятнымъ для французовъ, какъ и засѣданіе въ залѣ *Jeu de Paume* ¹⁾ въ Версали». Люсьену

¹⁾ Клятва въ залѣ *Jeu de Paume* (Игры въ мячъ). 20 іюня 1879 г. депутаты третьяго сословія, засѣдавшіе въ этой залѣ, поклялись, что не разойдутся, пока не дадутъ Франціи конституціи. Эта сцена увѣковѣчена въ знаменитой картинѣ Давида.

понравилось это сравненіе, и онъ развилъ его. «Свобода, народившаяся въ залѣ *Jeu de Paume* въ Версали, дотащилась до васъ, служба поочередно добычей безразсудства, слабости, конвульсивныхъ болѣзней дѣтства; сегодня она облеклась въ одежду возмужалости». Подъ эти метафоры выработанъ былъ проектъ учрежденія временнаго правительства, подкрѣпленный указомъ объ исключеніи изъ состава законодательнаго корпуса шестидесяти-двухъ депутатовъ, перечисленныхъ поименно. Большинство были завѣдомые якобинцы, слывшіе крайними; остальные выбраны наудачу изъ числа побѣжденныхъ.

Старѣйшины, съ своей стороны, возобновили засѣданіе. Въ ожиданіи резолюціи пятисотъ они сочли умѣстнымъ и весьма почтеннымъ заняться текущими дѣлами, чтобы засвидѣтельствовать свое душевное спокойствіе въ эти критическія минуты. Первымъ дѣломъ они отвергли проектъ объ отмѣнѣ *делегаций* и оставили за поставщиками право взимать въ уплату долга часть государственныхъ доходовъ. Докладчикъ Лебрень, вначалѣ сочувствовавшій этому проекту, теперь перемѣнилъ мнѣніе; эта характерная перемѣна фронта и вынесенная резолюція заставляютъ подозрѣвать, что между заговорщиками и финансистами состоялось нѣчто въ родѣ соглашенія. Затѣмъ старѣйшины перешли къ дѣламъ, не имѣвшимъ никакого отношенія къ происходившей революціи. Законодатель Кайльи восхваляетъ красоту этой сцены. «Среди величайшихъ опасностей заниматься частными интересами гражданъ, охранять ихъ права, неприкосновенность ихъ имуществъ,—что можетъ быть достойнѣе законодателей великаго народа? Займемся-же этими дѣлами въ свободные промежутки, остающіеся намъ отъ мѣръ, вызываемыхъ обстоятельствами, и закончимъ организацію нотаріата».

Всѣмъ хотѣлось, однако, вообще поскорѣе кончить, и всѣ находили, что пятьсотъ ужасные формалисты. Когда, наконецъ, уже послѣ полуночи, принесли резолюцію совѣта и списокъ исключенныхъ, зарегистрировать оба эти акта было дѣломъ одной минуты. Только двое изъ старѣйшинъ нашли, что обвиненія противъ исключенныхъ недостаточно опредѣленны, и отказались осудить, не выслушавъ.

Прежде, чѣмъ разойтись, оба совѣта вотировали адресъ французамъ, смыслъ котораго и отчасти текстъ были заимствованы изъ рѣчи Кабаниса. Въ немъ обращала на себя вниманіе фраза: «Пора обезпечить свободу гражданъ, верховное владычество народа и независимость конституціонныхъ властей, словомъ, обезпечить существованіе республики, именемъ которой слишкомъ часто освящалось нарушеніе всѣхъ принциповъ...» То былъ манифестъ умудренныхъ опытомъ революціонеровъ; то была также ихъ исповѣдь.

Оставалось выполнить еще одну формальность. Послѣ каждой перемѣны, насильственной, или проведенной законодательнымъ порядкомъ, революція предписывала присягу въ вѣрности вновь учрежденному или возстановленному порядку; неприлично было-бы сегодня отступить отъ этого освященнаго временемъ обычая. А между тѣмъ возникло затрудненіе; консульство было только временное; старая конституція уже не существовала; новая еще не существовала—кому же и чему присягать? Руководители заговора вышли изъ затрудненія, постановивъ присягнуть республикѣ, единой и нераздѣльной, и отвлеченнымъ принципамъ—свободѣ, равенству, представительному режиму; трое консуловъ присягнули первыми.

Они отправились прежде всего въ совѣтъ пятисотъ. Зала понемногу наполнялась. Изъ Парижа прибыли друзья новой власти, спѣша засвидѣтельствовать свое усердіе. Были и просто любопытные, неустрашимо дежурившіе съ утра, или нарочито пріѣхавшіе теперь, чтобы не пропустить развязки и послѣдняго дѣйствія этого траги-водевиля. Пріѣхала Полетта Леклеркъ, сестра генерала Бонапарта; были и другія дамы въ изящно-неприличныхъ костюмахъ той эпохи. Безъ церемоніи входили въ залу военные, модные франты, прихлебатели, лакеи и даже депутаты. Въ два часа ночи барабаны забили походъ, и въ залу вступили консулы. Знаменитый генераль, эксъ-аббатъ и бывший мировой судья помѣстились передъ Люсьеномъ, который сказалъ имъ маленькую рѣчь и прочелъ формулу присяги; всѣ трое заразъ, протянувъ руку, отвѣтили: «Клянусь!» Депутаты обнимались, искренно вѣря, что въ эту ночь положено было основаніе республикѣ и свободѣ. Остальные маши-

нально кричали: «Да здравствуетъ республика!» На трехъ присягавшихъ по временамъ напирали любопытные; позади ихъ звенѣли шпоры, шелестѣли женскія платья, шумная и очень разношерстная публика тѣснилась впередъ, чтобъ лучше видѣть; таковъ былъ контрабандный дебютъ самаго великаго правительства, какое только знала Франція.

Въ совѣтъ старѣйшинъ повторилась та-же сцена, только еще болѣе трогательно обставленная: послѣ присяги трое консуловъ взошли на эстраду и расцѣловались съ президентомъ. Много времени занялъ подсчетъ голосовъ при выборахъ въ законодательныя комиссіи. Нужно было также условиться относительно напечатанія произнесенныхъ рѣчей, воззваній къ войскамъ, отчета о засѣданіяхъ. Бонапартъ составилъ прокламацію въ высококомъ стилѣ, помѣченную одиннадцатю часами вечера, гдѣ онъ говоритъ: «Я не хотѣлъ примкнуть ни къ одной изъ партій». Онъ подчеркиваетъ значеніе совершившагося для возстановленія порядка въ государствѣ, но главнымъ образомъ выставляетъ себя поборникомъ умѣренности, представителемъ тѣхъ, кто въ наши дни зоветъ себя *либеральными консерваторами*; даже слова эти имѣются въ текстѣ его прокламаціи: «Консервативныя, охранительныя, либеральныя идеи вновь вступили въ свои права».

Этому предшествовалъ яркій рассказъ о перипетіяхъ дня, гдѣ Бонапартъ по своему изложилъ и освѣтилъ факты, опять таки преобразивъ въ убійцъ просто разсвирѣпѣвшихъ людей.—«Я прихожу въ совѣтъ пятисотъ, одинъ, безоружный, съ непокрытой головой; точно такъ-же, какъ я вошелъ въ совѣтъ старѣйшинъ, гдѣ меня встрѣтили аплодисментами... Кинжалы, угрожавшіе депутатамъ, тотчасъ поднялись на ихъ избавителя. Двадцать убійцъ бросаются ко мнѣ, чтобы пронзить мою грудь»...

Въ подтвержденіе этой окончательно установившейся версіи, сумѣли найти и доказательства, вещественныя улики. Въ газетахъ было напечатано, что гренадеры, очистивъ залу, подобрали нѣсколько кинжаловъ, и что кинжалы эти хранятся у генераловъ Бертье и Лефевра. Да и наконецъ, къ чему искать уликъ, когда на лицо имѣется такая убѣдительная улика, какъ мундиръ гренадера Томе, мундиръ съ разорваннымъ рукавомъ? Такъ разорвать его могъ

только кинжалъ якобинца; ударъ предназначался Бонапарту, но Томе самоотверженно бросился впередъ и заслонилъ его собой. Томе былъ офиціально признанъ спасителемъ Бонапарта, осыпанъ почестями, награжденъ пенсіей; генераль два дня подрядъ приглашалъ его къ себѣ на обѣдъ; Жозефина ласкала и цѣловала его, и сама надѣла ему на палецъ драгоценный перстень; о немъ кричали газеты, его узнавали въ театрахъ, ему рукоплескала толпа, его изображали на сценѣ, а онъ не препятствовалъ и бойко игралъ свою роль, про себя дивясь, какъ это онъ прослылъ героемъ.

Итакъ, событія дня были преобразены, отрывочныя, безсвязныя сцены, изъ которыхъ должна была выйти рестаurationъ Франціи, пригнаны и приспособлены къ пониманію публики; начало было положено; теперь можно было и разойтись по домамъ. Подъ утро Сень-Клу опустѣлъ; дворецъ снова застылъ въ ледяномъ безмолвіи, а побѣдители во весь опоръ мчались въ Парижъ. Бонапартъ ѣхалъ домой вмѣстѣ съ Бурьенномъ; всю дорогу онъ не говорилъ ни слова, погруженный въ свои мысли. Сійэсъ и Дюко ночевали въ Люксембургѣ, неподалеку отъ бѣднаго Гойе, все еще сидѣвшаго взаперти въ своихъ покояхъ, гдѣ на почетномъ мѣстѣ—иронія судьбы—красовался бюстъ Бонапарта. Моро, приставленный сторожемъ къ Люксембургу, весь день не трогался съ мѣста; не интересуясь внѣшними событіями, онъ весь день упорно курилъ свою трубку, наконецъ легъ и уснулъ въ тяжелой атмосферѣ табачнаго дыма, отравившаго всѣ сосѣднія комнаты. Муленъ на другой день нашель способъ скрыться; ему дали убѣжать. Депутаты, попавшіе въ списокъ исключенныхъ, боялись вернуться домой и прятались по знакомымъ; побѣжденные думали только о томъ, гдѣ бы укрыться отъ преслѣдованій.

Тѣмъ временемъ, среди ночного холода и мрака, по дорогѣ изъ Сень-Клу въ Парижъ тянулись войска—пѣхота, кавалерія, гвардія совѣтовъ, гвардія директоріи. Они возвращались въ свои казармы, мѣрно отбивая шаги, подъ грубыя солдатскія пѣсни. Разгоняя дорожную скуку, солдаты перепѣли всѣ свои излюбленныя революціонныя пѣсни, въ томъ числѣ и *Ça ira*, этотъ крикъ восторженнаго оптимизма, вырвавшійся у цѣлой Франціи въ началѣ великаго переворота и вскорѣ затѣмъ уже сопутствовавшій ужаснымъ

сценамъ. «*Ah! Ça ira!*» надрывались солдатики, — *ça ira, les aristocrats à laneterne, ça ira, on les pendra!*» Они возвращались довольные, съ легкой душой и чистой совѣстью, убѣжденные, что они спасли революцію и республику. Въ сущности они ошибались лишь на половину; они открыли Бонапарту путь къ самодержавной власти диктатора, больше чѣмъ короля; но въ то же время дали ему возможность и упрочить революціонные законы, которыхъ хватило на четырнадцать лѣтъ. Когда же и этотъ строй, въ свою очередь, рухнулъ, подорванный рядомъ катастрофъ, Франція осталась преобразованной, переустроенной, богатой огромнымъ наслѣдствомъ славы; они поставили непреодолимую преграду полному возврату прошлаго; нанесли смертельный ударъ республикѣ и спасли революцію.

Глава X

На другой день послѣ переворота.

Бонапартъ выходитъ изъ дому и черезъ весь Парижъ ѣдетъ въ Люксембургъ.—Газеты.—Улица.—Предмѣстья спокойны.—Всѣ вообще довольны, съ нѣкоторыми оговорками.—Вечеръ.—Прокламація новаго правительства.—Взрывъ энтузіазма.—Долой тирановъ!—*Миръ*.—Изліянія и иллюзія; Бонапарта привѣтствуютъ, какъ возстановителя свободы и предтечу мира.—Первыя засѣданія консуловъ.—Установленная очередь.—Составъ министерства.—Безденежье новаго правительства.—Скромный дебютъ.—Первые шаги Бонапарта; тактъ и простота.—День консула; разговоры.—Вечера въ Люксембургѣ.—Военная семья.—Первыя размолвки съ Сійэсомъ; Талейранъ въ роли соединительнаго звена.—Отмѣна закона о заложникахъ и прогрессивнаго налога.—Воззваніе къ финансовому міру; ограниченная помощь.—Народный энтузіазмъ не остываетъ.—Письмо Лефевра.—Якобинцы, изгнанные pro forma.—Первыя вѣсти изъ департаментовъ.—Оппозиція нѣсколькихъ чиновниковъ.—Ослабленіе якобинскаго вліянія.—Возстаніе контръ-революціонеровъ.—Безпорядки въ нѣкоторыхъ городахъ.—Политика Бонапарта.—Національное примиреніе.—Реакція не будетъ.—Парижскіе театры.—Фуше и администраторы *Opéra Comique*.—Реакція на сценѣ, въ пѣснѣ и карикатурѣ.—Якобинцы и уничтоженные парламентаріи.—Репрессалии съ цѣлью подавить реакцію.—Министерскіе циркуляры.—Отправка въ департаменты двадцати-четырехъ консульскихъ делегатовъ; на нихъ возложена задача быть проповѣдниками примиренія.—Безпорядки среди сельскаго населенія.—Крестьяне воображаютъ, что паденіе революціонной тираніи должно повлечь за собою упраздненіе всякихъ общественныхъ налоговъ.

1.

19-е брюмера приходилось на десятый день декады, т. е. въ республиканское воскресенье (*décadi*). Въ десять часовъ утра Бонапартъ выѣхалъ изъ дому въ каретѣ, въ штатскомъ платьѣ, въ сопровожденіи всего шести драгунъ,

въ Люксембургъ; нужно было поставить на ноги новое правительство. Послѣ вчерашнихъ зловѣщихъ слуховъ о грозившей ему опасности, его рады были видѣть живымъ и бодрымъ, «съ удовольствіемъ смотрѣли, какъ онъ ѣхалъ въ каретѣ по городу» ¹⁾; но овацій никакихъ ему не устраивали. По прибытіи въ малый Люксембургскій дворецъ, онъ прежде всего направился къ Сійэсу и заперся съ нимъ въ его кабинетѣ; около полудня всѣ три консула дворами прошли въ зданіе большого дворца и устроили засѣданіе въ той самой залѣ, гдѣ засѣдала директорія. Гвардія салютовала имъ оружіемъ, барабанщики били походъ; любопытные, собравшіеся на дворахъ и вокругъ дворца, завидя новыхъ правителей—консуловъ, встрѣтили ихъ привѣтственными кликами ²⁾.

Въ утреннихъ газетахъ подробно излагались событія предшествовавшаго дня. Дружественные органы курили фиміамъ побѣдителямъ; якобинская печать воздерживалась отъ комментарій; одна только якобинская газета имѣла мужество сказать, что мнимая рана Бонапарта была изобрѣтена въ интересахъ дѣла ³⁾. Кромѣ запрещенія разсылать по почтѣ нѣкоторыя газеты, полиція не принимала никакихъ мѣръ противъ печати, избѣгая бесполезныхъ придирокъ, чтобъ не нарушать привычекъ обывателей и обычнаго теченія жизни. Работы были прерваны и лавки закрыты на законномъ основаніи, по случаю праздничнаго дня; на улицахъ было большое движеніе, но все спокойно. День выпалъ теплый и дождливый. Народъ толпился передъ наклеенными на стѣнахъ бѣлыми афишами съ официальными, или офиціозными рѣчами въ защиту переворота; прокламація Бонапарта подтверждала басню объ убійцахъ-депутатахъ и легенду о кинжалахъ; двойная прокламація Фуше призывала къ единенію, къ довѣрію: «Добрые могутъ успокоиться; они заодно съ сильными» ⁴⁾. Стратегическіе пункты по прежнему были заняты войсками; всюду чувствовалось присутствіе вооруженной силы. Носился слухъ, что яко-

¹⁾ *Publiciste*, 21 брюмера.

²⁾ *Gazette de France* и *Propagateur*, 22 брюмера.

³⁾ *Journal des républicains*, бывший *Journal des hommes libres*, 21-го.

⁴⁾ *Moniteur*, 19 брюмера.

бинцы не отказались отъ борьбы и подготавливаютъ возстаніе въ предмѣстьяхъ. Эти опасенія скоро разсѣялись; рабочая масса выказывала сочувствіе Бонапарту, не становясь активно ни на чью сторону. Восемь мѣсяцевъ спустя предмѣстья активно высказались въ пользу перваго консула — мы увидимъ, при какихъ обстоятельствахъ, — но сейчасъ они оставались инертными: не помогали и не мѣшали.

Въ городѣ почти у всѣхъ были довольныя лица. У каждаго отлегло отъ сердца. Эти якобинцы, пять мѣсяцевъ обманывавшіе и угнетавшіе правительство, поборники анархій и покушеній, не внушали симпатіи; народъ радовался, что ихъ круто прижали къ стѣнѣ, оттѣснили, загнали въ ихъ берлогу. О директоріи никто не жалѣлъ; о конституціи немногіе. Здравомыслящіе друзья революціи, благоразумные *патриоты* охотно вѣрили, что республика, подъ руководствомъ Сійэса и подъ эгидой Бонапарта, найдетъ спасеніе въ лучшей организаціи; но они не безъ оговорокъ примкнули къ побѣдителямъ. Инцидентъ въ Сень-Клу, вмѣшательство штыковъ, изгнаніе депутатовъ, оскорбляли ихъ чувства; многіе вполне сочувствовали первому дню переворота и меньше — второму. По словамъ ихъ, они опасались, какъ бы реакція не истолковала по своему происшедшаго и не увидѣла въ бѣгствѣ депутатовъ крушенія всей революціи.

Финансовыя, дѣловыя, коммерческія круги также вздохнули свободнѣе. Тѣмъ не менѣе за десять лѣтъ Парижъ видѣлъ слишкомъ много насильственныхъ переворотовъ, слишкомъ много правительствъ, съ трескомъ взлетавшихъ на высоту и затѣмъ черезъ голову валившихся одно на другое; онъ былъ слишкомъ разбитъ губительными потрясеніями и обманутыми надеждами, чтобы новый насильственный переворотъ, хотя бы и учиненный Бонапартомъ, былъ сразу принятъ имъ за окончательный исходъ. На этотъ разъ талантъ Сійэса и геній Бонапарта, казалось, представляли болѣе серьезныя гарантіи; люди разсудительныя и умѣреннаго образа мыслей старались убѣдить себя и убѣждали, что можно надѣяться, но надежда не переходила въ полное и безусловное довѣріе. Этимъ объясняются слѣдующія строки въ первомъ донесеніи полицейскаго бюро: «Настроеніе умовъ вполне удовлетворительно; самое отрад-

ное въ немъ то, что къ общему удовольствію по поводу революціи 18-го брюмера не примѣшивается ни экзальтаци, ни энтузіазма, которые рождаются и умираютъ почти одновременно. Довольство таится въ глубинѣ сердець и всего свободнѣе проявляется въ семейномъ кругу» ¹⁾). Наблюдательница, стоящая очень близко къ событіямъ, констатируетъ общую радость, однако съ оговоркою: «Можно подумать, что мы вернулись къ первымъ днямъ свободы; но опытъ послѣднихъ десяти лѣтъ все же даетъ себя знать, и къ удовольствію примѣшивается недоверіе» ²⁾).

Не слѣдуетъ однако думать, чтобы день прошелъ совсемъ безъ всякихъ манифестацій. Парижъ не могъ не проявить внѣшнимъ образомъ своихъ господствующихъ настроеній; онъ проявилъ ихъ и весьма краснорѣчиво, вечеромъ, какъ только представился случай, и какъ только онъ убѣдился, что якобинцы не поднимутъ головы. Въ театрахъ, всегда открытыхъ, всегда полныхъ, сцена была однимъ изъ мѣстъ, гдѣ общественное мнѣніе высказывалось всего ярче; партіи и тамъ вели борьбу между собой—намеками. 22-го брюмера, повидимому, всѣ сердца вибрировали въ унисонъ. Въ пьесахъ, дававшихся въ тотъ день на сценѣ, всѣ мѣста, гдѣ можно было усмотрѣть намекъ на событія дня, на торжество Бонапарта, публика жадно подхватывала и покрывала аплодисментами. Въ *Оперѣ*, тогда именовавшейся театромъ Республики и Искусствъ, давали *Караванъ*. Тамъ говорится о героѣ-избавителѣ, который

. . . par son courage,
De la mort, du pillage,
Nous a préservés tous.

(своимъ мужествомъ избавилъ насъ всѣхъ отъ смерти и грабежа).

Кто это, Сень-Фаръ, герой пьесы? Нѣтъ, это Бонапартъ, побѣдитель ненавистной факціи, и вся зала рукоплещеть, кричитъ *bis*, требуетъ повторенія куплета.

Въ другихъ театрахъ уже сложили пѣсенки про депутатовъ, которые *полетѣли кувыркою, какъ каскады въ Сень-*

¹⁾ Aulard, „Études et leçons sur la Révolution“, 2 serie; „le Lendemain du 18 brumaire“, 223—225.

²⁾ „Lettres de madame Reinhard“, 99.

Клу. Въ театрѣ Фаваръ восхваляли въ стихотворномъ экспромтѣ, какъ реваншъ свободы, то, что позднѣе называли эрой деспотизма:

Plus de tyrans et plus d'esclaves!
. . . Trop longtemps ma noble patrie
Ploya sous un joug detesté,
Et le courage et le génie
Ont reconquis la liberté ¹⁾

(Нѣтъ больше ни тирановъ, ни рабовъ!.. Слишкомъ долго мое благородное отечество гнулось подъ ненавистнымъ ярмомъ; мужество и геній вернули ему свободу).

Общественныя зданія были иллюминированы и многіе частныя дома также, но общей иллюминаціи не было. По улицамъ расхаживали съ факелами представители муниципалитета, останавливаясь на площадяхъ, на перекресткахъ, передъ памятниками; затѣмъ одинъ изъ чиновниковъ звѣщалъ слушателямъ окончательный результатъ переворота, читалъ указы и прокламаціи новаго правительства. «Нѣтъ болѣе директоріи»; вмѣсто директоріи учреждена исполнительная консульская комиссія «изъ бывшихъ директоровъ: Сійэса, Роже Дюко и генерала Бонапарта». Вмѣсто совѣтовъ двѣ комиссіи, избранныхъ изъ числа членовъ прежнихъ совѣтовъ, съ правомъ издавать законы; вмѣсто семисотъ пятидесяти депутатовъ пятьдесятъ; шестьдесятъ одинъ человѣкъ (слѣдуетъ поименное перечисленіе) исключены изъ состава совѣтовъ. Эти сообщенія вызывали взрывы народной радости и шумнаго восторга: кортежи встрѣчали и провожали криками: «Долой якобинцевъ! да здравствуетъ Бонапартъ!» ²⁾ Въ одной изъ газетъ, крайне враждебной директоріи, появилось письмо, гдѣ говорится: «на площадяхъ обнимались въ избыткѣ радости, граничившей съ изступленіемъ» ³⁾, и всѣ рукоплескали избавителю. «Народъ веселъ, замѣчаетъ другой, болѣе безпристрастный свидѣтель, и думаетъ, что ему возвращена свобода» ⁴⁾.

¹⁾ *Le Diplomate*, 21 и 22 брюмера.

²⁾ *Bulletin royaliste*, 13 ноября 1799. Архивъ въ Шантильи.

³⁾ *Ami des lois*, 23-го.

⁴⁾ *Lettres de madame Reinhard*, 98.

У насъ имѣется подъ рукою протоколъ одного изъ такихъ муниципальныхъ обходовъ въ пятомъ округѣ, центральной части города, пріютѣ торговли и маленькихъ людей. Въ девять часовъ передъ ярко освѣщеннымъ зданіемъ муниципалитета выстроилась колонна, въ слѣдующемъ порядкѣ: между кавалерійскимъ и гренадерскимъ отрядами съ одной стороны и нѣсколькими взводами національной гвардіи съ другой, члены благотворительнаго комитета, полицейскіе комиссары, мировые судьи и ихъ помощники (*assesseurs*), комиссаръ округа верхомъ и вкругъ его помощники, также верхомъ; впереди и сзади факельщики въ большомъ количествѣ. Подъ звуки трубъ и барабановъ кортежъ двинулся и углубился въ лабиринтъ грязныхъ улицъ; по пятамъ за нимъ шла толпа обывателей.

Маршрутъ былъ таковъ: «Улица Лаврентія, предмѣстье Дени, улицы Нёвъ-Эгалитэ, Пти-Карро, Монторгейль, Грандъ Трюандери, Дени, Бонди, Ланкри, Мартина и предмѣстье Мартина». Донесеніе комиссара гласитъ: «Среди общаго ликовація, среди тысячу разъ повторявшихся криковъ: «Да здравствуетъ республика! Бонапартъ! миръ!» комиссаръ исполнительной власти огласилъ законъ 19-го брюмера на различныхъ мѣстахъ и перекресткахъ. Повсюду, и вкругъ кортежа, и у оконъ домовъ, собиралась толпа, жадно прислушивавшаяся къ словамъ публикаціи, какъ бы черпая въ нихъ надежду на восстановление порядка и благоденствія, надежду на счастье. *Въ особенноти сильно и ярко проявлялся народный энтузіазмъ при сообщеніи о намѣреніяхъ возрожденнаго правительства относительно мира (въ текстѣ прокламаціи была вставлена съ этой цѣлью соотвѣтствующая фраза), и не разъ комиссаръ, рѣчь котораго прерывали рукоплесканія и крики: „Да здравствуетъ республика!“ былъ вынужденъ повторить это благодѣтельное распоряженіе“* 1).

Долой якобинцевъ, долой тирановъ, дайте намъ миръ! Вотъ почти единодушный крикъ, привѣтствующій брюмеръ. Миръ при посредствѣ Бонапарта — такая ассоціація идей повергаетъ насъ въ изумленіе, но тогда она была у всѣхъ на умѣ, какъ вполнѣ отвѣчающая чертамъ избавителя, ка-

1) Протоколъ этотъ взятъ изъ драгоценнаго архива Гюстава Боръ (Bord).

кимъ его рисовало себѣ народное воображеніе. Простодушныя массы видѣли въ немъ прежде всего воина, генерала, «героя», способнаго на сверхчеловѣческіе подвиги; онѣ представляли его себѣ защитникомъ республики отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ; онѣ никогда не представляли его себѣ главой дѣйствительнаго государства. Когда онъ вошелъ въ составъ правительства, онѣ рукоплескали, потому что онъ шель въ блескѣ счастья и славы, потому что онъ избавилъ ихъ отъ якобинцевъ; но главная надежда ихъ все таки на то, что онъ прежде всего займется внѣшними дѣлами, что ему достаточно взмахнуть мечемъ, чтобы обезоружить коалицію. Это настолько вѣрно, что изъ всего написаннаго въ защиту и въ честь переворота, прокламацій, манифестовъ, афишъ, адресовъ, газетныхъ статей, брошюръ, куплетовъ, водевилей, нѣтъ ни одного, который бы не подлаживался подъ общія стремленія; вездѣ въ перспективѣ рисуется миръ. Бонапарта провожали при его восхожденіи по лѣстницѣ власти тѣмъ-же крикомъ, какимъ въ 1814 году встрѣтили возвратившихся Бурбоновъ: «*Мира! мира!*»

2.

Въ залѣ Люксембургскаго дворца, на насиженныхъ, еще не остывшихъ мѣстахъ директоровъ, теперь засѣдали три консула. Роже Дюко, пять мѣсяцевъ бывший тѣнью Сійэса, теперь круто перешелъ на сторону Бонапарта. «Къ чему голосовать президентство?—говорилъ онъ ему,—оно принадлежитъ вамъ по праву». Сійэсъ при этихъ словахъ сдѣлалъ гримасу. Бонапартъ это замѣтилъ, и, быстрый, какъ молнія, моментально принялъ рѣшеніе, которое, подтверждая его первенствующую роль, въ то-же время не было обиднымъ для самолюбія его коллеги. Онъ занялъ президентское мѣсто, но лишь затѣмъ, чтобъ предложить не выбирать постоянного президента, а предсѣдательствовать всѣмъ по очереди и въ алфавитномъ порядкѣ. Ежедневно дежурный консулъ будетъ руководить преніями, первый подписывать постановленія и втеченіе двадцати четырехъ часовъ не покидать Люксембурга, чтобы совѣщаться съ другими властями и, въ случаѣ надобности, принимать неотложныя мѣры. Бона-

партъ первый принялъ на себя эту функцію; затѣмъ установилась очередь ¹⁾.

Ночной законъ 19-го брюмера, учредившій консульство, стигодъ не предоставлялъ ему диктаторской власти. Трое консуловъ просто на просто унаслѣдовали исполнительныя полномочія директоріи, получивъ кромѣ того права инициативы въ области законодательства. Всѣ акты, носящіе законодательный характеръ, по предложенію ихъ, поступали на голосованіе въ комиссію совѣта пятисотъ, затѣмъ шли на утвержденіе въ комиссію старѣйшинъ. Обѣ эти комиссіи, по отношенію къ исполнительному комитету съ концентрированной теперь и сразу выросшей властью, представляли собой парламентъ въ миниатюрѣ. Комиссіи засѣдали ежедневно въ бывшихъ парламентскихъ помѣщеніяхъ, дворцѣ Бурбоновъ и въ Тюльери; засѣданія ихъ не были открыты для публики, но отчеты о нихъ печатались въ газетахъ. Консулы входили къ нимъ съ «отношеніями».

Первымъ дѣломъ нужно было найти министровъ. Этому консулы посвятили первое-же засѣданіе, учинивъ не столько перемѣну, сколько перетасовку въ старомъ министерствѣ. Трое министровъ остались, или, вѣрнѣе, были назначены вновь: Камбасерэсъ, оказавшій важныя услуги новому правительству, сохранилъ за собой партфель министра юстиціи; морскимъ министерствомъ и министерствомъ иностранныхъ дѣлъ временно остались завѣдывать Бурдонъ и Рейнаръ. Министры военный, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, Дюбуа Крансэ, Робертъ Линде и Кинеттъ, были очень учтиво выставлены, съ благодарностью и лестными письмами ²⁾.

Въ военное министерство Бонапартъ посадилъ своего чело-
вѣка, Бертъе, незамѣнимаго, какъ передаточная инстанція,
и прирожденнаго начальника главнаго штаба. Бонапартъ говорилъ о немъ: «Ввѣренныя ему на храненіе бумаги и въ

¹⁾ *Cambacérés*, „Eclaircissements inédits“. Такимъ образомъ можетъ быть согласована первоначальная версія, подтверждаемая Наполеономъ („Commentaire, IV, 45) и версія Aulard'a, составленная по официальнымъ источникамъ: *Registre des délibérations du Consulat provisoire* p. 5.

²⁾ „Протоколы совѣщаній временнаго консульства“, изданные Aulard'омъ (*Registre des délibérations du Consulat provisoire* p. 5—6).

головѣ у него разложены въ томъ-же порядкѣ, какъ въ его шкафу въ папкахъ» ¹⁾).

Что касается министерства финансовъ, Сійэсъ объявилъ, что за этимъ далеко ходить не надо: у него подъ рукою подходящій человѣкъ, Годэнъ, человѣкъ опытный и знатокъ своего дѣла, въ настоящее время комиссаръ при администраціи почтъ. Пять мѣсяцевъ тому назадъ Сійэсъ уже предлагалъ ему министерскій портфель, но Годэнъ отказался, приберегая себя для того времени, когда существованіе болѣе прочнаго правительства, чѣмъ шаткая директорія, дастъ возможность хорошо поставить и финансовое дѣло. Это время настало. Чуть свѣтъ вызванный въ Люксембургъ Сійэсомъ, Годэнъ былъ уже здѣсь и ходилъ въ сосѣднемъ кабинетѣ, смежномъ съ залой засѣданій; Сійэсъ пошелъ за нимъ и привелъ его. Годэнъ, не знавшій Бонапарта, увидалъ передъ собою небольшого человѣка, очень худощаваго, очень подвижнаго, съ желтымъ лицомъ, съ необычайно острымъ, пронзительнымъ взглядомъ; тотъ спросилъ у него: «Вы давно работаете по финансовой части?»—«Двадцать лѣтъ, генераль». «Намъ очень нужна ваша помощь, и я рассчитываю на нее. Ну, присягайте скорѣе, намъ некогда». И далъ ему два часа срока, чтобы принять дѣла отъ своего предшественника и взяться за работу ²⁾).

Для министерства внутреннихъ дѣлъ нужно было болѣе крупное имя. Такъ какъ департаментъ этотъ вѣдалъ и народное просвѣщеніе, и все, что касалось умственной жизни страны, консулы рѣшили испробовать, можетъ ли перво-классный ученый быть хорошимъ министромъ, и назначили Лапласа, съ тѣмъ, чтобы у кормила власти онъ былъ представителемъ науки и философіи, славнаго сословія ученыхъ, среди которыхъ реформа нашла и принципиальное сочувствіе, и высокоцѣнную поддержку. Назначеніе Лапласа было долей барышей, предоставленной Институту.

Министерство общей полиціи было первымъ изъ всѣхъ по значенію послѣ военнаго, такъ какъ на немъ лежала забота о поддержаніи порядка внутри страны и надзоръ за общественными теченіями во всѣхъ частяхъ республики и

¹⁾ *Cambacérés.*

²⁾ *Mémoires de Gaudin, duc de Gaëte, I, 45.*

въ частности, въ столицѣ. Полиціей правилъ Фуше,—быль ли онъ такъ ужъ незамѣнимъ? Сійэсъ, быть можетъ, зная, что до 18-го Фуше старался подставить ему ножку въ угоду Баррасу, весьма не довѣрялъ ему и не прочь былъ-бы отъ него отдѣлаться; но Бонапартъ оставилъ его, находя, что не въ интересахъ Фуше измѣнять имъ: его собственная выгода будетъ порукой его вѣрности. А его прошлое, его связи и знакомства отнюдь не повредятъ—напротивъ, могутъ пригодиться. «Я знаю, онъ не порвалъ со своими друзьями террористами; онъ видится съ ними; въ этомъ отношеніи онъ намъ будетъ полезенъ». Этотъ якобинскій элементъ, введенный въ правительственную среду, послужить презервативомъ противъ другихъ якобинцевъ, оставшихся за бортомъ; то было примѣненіе къ политикѣ системы инокуляціи.

Было особенно необходимо имѣть въ Парижѣ полицію, на которую можно было-бы вполне положиться. Центральное бюро, высшая полицейская инстанція, было обновлено въ своемъ составѣ, и всѣ должности замѣщены надежными людьми. Произвели чистку нѣсколькихъ парижскихъ окружныхъ муниципалитетовъ. Въ другихъ вѣдомствахъ и въ администраціяхъ департаментовъ консулы пока никого не смѣщали, полагая, что чиновники, хотя бы и самой якобинской окраски, преклонятся передъ совершившимся фактомъ, если отъ нихъ потребуютъ поступиться только ихъ взглядами, не жертвуя мѣстомъ. Съ перваго взгляда на всей французской территоріи только одинъ пунктъ внушалъ опасенія: Верхняя Гаронна. Говорили, что якобинскіе депутаты условились собраться въ Тулузѣ и тамъ сформироваться въ корпусъ, подъ покровительствомъ властей, выказавшихъ себя въ періодъ послѣдняго роялистскаго возстанія воинствующими республиканцами. Неужели Тулуза пойдетъ противъ Парижа? Генералу Ланну предложено было немедленно же отправиться на почтовыхъ въ Тулузу и принять начальство надъ войсками: на него возлагалась отвѣтственность за сохраненіе порядка.

Консулы выбрали себѣ въ секретари Марэ и дали ему въ помощники эксъ-секретаря директоріи, Лагарда, котораго надо же было вознаградить за то, что онъ повернулся спиной къ своимъ прежнимъ патронамъ. Въ заключеніе, прежде чѣмъ объявить засѣданіе закрытымъ, консулы со-

чинили прокламацію къ французамъ, довольно тусклую и никого не задѣвающую. Они не столько хвастались, сколько извинялись въ томъ, что упразднили конституцію: она была дискредитирована, искажена; она предавала Францію въ жертву «ненавистническимъ и алчнымъ факціямъ»; вотъ почему всѣ искренніе патріоты объединились, съ цѣлью устроить перемѣну. Въ заключеніе консулы сулили обновленной и упроченной республикѣ лучшее будущее ¹⁾. Это скромное извѣщеніе, не выдвигавшее никакихъ нерѣшенныхъ и подлежащихъ разрѣшенію проблемъ, не имѣло ничего общаго съ трескучимъ дебютомъ.

3.

Сообщенія были въ то время такъ медленны и затруднительны, что узнать, какъ отнеслись къ совершившемуся факту департаменты, не образовался ли гдѣ нибудь центръ протестовъ и сопротивленія, примкнуть ли къ побѣдителямъ войска, можно было лишь черезъ нѣсколько дней. А пока надо было править Парижемъ и укрѣпиться на мѣстѣ.

Временное консульство, скромный ростокъ, изъ котораго суждено было развиться и консульскому принципату, и грозной имперіи, народилось среди полного оскудѣнія; его окружали только развалины, разложеніе, развратъ и нищета. Первые доклады министровъ разрывали сердца. Какъ ни старался Годэнъ, какъ ни шарилъ въ кассахъ министерства финансовъ, онъ не могъ наскрести ничего, кромѣ остатковъ аванса, внесеннаго наканунѣ переворота ²⁾. Рассчитывали на нѣсколько поступленій въ теченіе декады, но какъ рѣдки были эти поступленія и съ какимъ трудомъ приходилось ихъ собирать! Канцеляріи представляли собой «неописуемый муравейникъ плутовъ и бездѣльниковъ» ³⁾. Во всѣхъ вѣдомствахъ чиновники ужъ десять мѣсяцевъ не получали жалованья. Черезъ нѣсколько дней министръ вну-

¹⁾ „Correspondance de Napoléon“, IV 4391.

²⁾ „Mémoires du duc de Gaëte“, VI, 4391.

³⁾ „Lettres de Tomas Lindet“; *Moutier*, „Robert Lindet“, 367.

треннихъ дѣлъ пришелъ сообщить, что въ его вѣдомствѣ всѣ дѣла «вотъ вотъ станутъ за отсутствіемъ фондовъ» ¹⁾.

Хуже всего было въ военномъ министерствѣ; тамъ царилъ хаосъ, въ которомъ невозможно было разобраться, и полное безденежье. По словамъ Бонапарта вызванъ былъ прежній министръ, чтобъ добиться отъ него хоть какихънибудь свѣдѣній. «Вы платите жалованье арміи. Можете же вы по крайней мѣрѣ сообщить намъ, сколько недоплачено.—Мы не платимъ жалованья.—Вы кормите армію; дайте намъ вѣдомости продовольственнаго бюро.—Мы не кормимъ ея.—Вы одѣваете армію; дайте намъ вѣдомости экипировочнаго бюро.—Мы не одѣваемъ ея» ²⁾. Этотъ рассказъ подтверждается докладомъ новаго министра Бертье о томъ, въ какомъ состояніи онъ нашелъ свой департаментъ, докладомъ, внесеннымъ въ протоколъ засѣданія. «Во всѣхъ отдѣленіяхъ полнѣйшая дезорганизація. Поставка фуража, провіанта, этапы, госпитали, транспорты, ночлеги, расквартированіе войскъ по казармамъ, караульная служба, все въ полномъ разстройствѣ; беспорядокъ повсюду» ³⁾. Правда, Дюбуа-Крансе выработалъ планъ общаго преобразованія военнаго вѣдомства, но непосредственный результатъ его добрыхъ намѣреній былъ неутѣшительный: все, что пытался сдѣлать его предшественникъ, пошло на смарку, и машина совсѣмъ стала ⁴⁾. И въ предѣлахъ, и за предѣлами Франціи войска жили на счетъ данной мѣстности, реквизиціями и грабежомъ кассъ. Министерство не имѣло никакой возможности контролировать военную администрацію и не могло прибрать ее къ рукамъ, да и не знало, какъ отнесутся арміи къ перевороту. Правительство могло рассчитывать только на поддержку стоящихъ въ Парижѣ войскъ—трехъ полубригадъ, драгуновъ, стрѣлковъ, гренадеровъ совѣтовъ и директоріи, собранныхъ теперь въ Люксембургѣ подъ именемъ консульской гвардіи; всего восемьсотъ—девятьсотъ человѣкъ противъ населенія въ восемьсотъ тысячъ душъ.

¹⁾ Запись совѣщаній временнаго консульства, *Aulard*, 56.

²⁾ „Commentaires“, IV, 42.

³⁾ Запись совѣщ. вр. консульства, 25 брюмера.—*Aulard*, 18.

⁴⁾ Архивъ Шантильи; бюллетень отъ 20 ноября.

При такихъ условіяхъ, консульство не могло быть правительствомъ кулака; чтобы существовать, оно должно было имѣть поддержку въ общественномъ мнѣніи. Эта огромная сила была за него, но ее нужно было беречь и осторожно утилизировать, по возможности объединять интересы, не задѣвая убѣжденій.

Консульству приходилось считаться со всѣми различными элементами, способствовавшими его возвышенію: парламентскимъ, вошедшимъ въ составъ законодательныхъ комиссій; интеллектуальнымъ и ученымъ, сосредоточеннымъ вокругъ Института; капиталистическимъ, отъ котораго оно ждало поддержки; необходимо было упрочить за собою и преданность войскъ, но такъ, чтобы это отнюдь не имѣло вида правленія при помощи меча и военной диктатуры. Къ концу второго дня въ Парижѣ все уже было спокойно; войска разсланы по казармамъ и даже съ правомъ выхода; городъ принялъ обычный видъ. Бонапартъ съ Жозефиной переѣхали въ Люксембургъ, въ прежніе апартаменты директоровъ Гоие и Мулена. Бонапартъ показывался теперь только въ штатскомъ платьѣ, зеленоватомъ «рединготѣ», висѣвшемъ, какъ на вѣшалкѣ, на его тощемъ тѣлѣ, и круглой шляпѣ; въ этомъ костюмѣ его увидали впервые по возвращеніи изъ Египта; кстати сказать, онъ не умѣлъ его носить.

За нимъ слѣдили съ несказаннымъ любопытствомъ, слѣдили за каждымъ его шагомъ, жестомъ, за каждымъ движеніемъ. Онъ мало выходилъ, ограничиваясь нѣсколькими визитами скорѣе частнаго, чѣмъ офиціальнаго характера, отмѣченными печатью рѣдкаго такта и скромности. 21-го, отбывъ первое свое двадцатичетырехчасовое дежурство въ Люксембургѣ, онъ вышелъ только затѣмъ, чтобы побывать въ Институтѣ на закрытомъ засѣданіи, и оставался тамъ три четверти часа, ровно столько времени, сколько нужно было для того, чтобы прочесть докладъ, заранѣе включенный въ программу. Отъ него и узналъ Лапласъ о своемъ назначеніи.

Въ слѣдующіе дни, предоставляя генераламъ Бертге и Лефевру собрать войска и привести ихъ къ присягѣ, онъ посвятилъ себя старымъ изувѣченными солдатамъ, устроилъ смотръ инвалидовъ на дворѣ отведеннаго имъ отеля

и лично разспрашивалъ каждого о его нуждахъ. Знали также, что онъ навѣстилъ престарѣлаго больного Добантона¹⁾, угасавшаго въ Музеумѣ²⁾. Знаменитый натуралистъ уже «начиналъ заговариваться»³⁾, но вниманіе, оказанное умирающему, всѣми было принято, какъ дань уваженія официальной наукѣ, отданная консуломъ въ весьма деликатной формѣ. И все это онъ дѣлалъ просто, легко, съ достоинствомъ, безъ тѣни тщеславія, какъ истый представитель республиканской власти. Его не встрѣчали въ общественныхъ мѣстахъ, въ нарядныхъ гостиныхъ; онъ сторонился отъ овацій, прятался отъ толпы, какъ будто, прежде чѣмъ войти въ непосредственное соприкосновеніе съ парижанами, онъ хотѣлъ дать имъ возможность судить его по его дѣламъ. Газеты сообщили, что Опера готовитъ въ честь его большой праздникъ «съ соотвѣтствующими балетами»; праздникъ не состоялся⁴⁾.

Каждое его слово было всегда умѣстно и, кстати, разсчитано на то, чтобъ итти прямо къ сердцу того, къ кому оно было обращено, и достигало цѣли. Несостоятельнымъ онъ оказывался лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда къ нему являлись *in corpore* представители той или другой конституціонной власти, когда ему приходилось принимать депутацію, отвѣчать на адресъ, импровизировать нѣчто въ родѣ рѣчи; тутъ онъ начиналъ говорить безсвязно, бормотать, запинаться; его друзьямъ больно было его слушать.

Зато въ интимной бесѣдѣ онъ былъ обаятеленъ. Частнымъ образомъ у него бывало много народу. Онъ принималъ по утрамъ и всегда оставлялъ завтракать нѣсколькихъ человѣкъ; послѣ докладовъ министровъ, послѣ консульскаго засѣданія, между послѣ-обѣденной и ночной работой, въ Люксембургѣ каждый вечеръ бывали приемы, весьма многолюдные, хотя и не пышные. На этихъ вечернихъ сборищахъ, въ пестрой толпѣ революціонеровъ уже начинали показываться пережитки стараго режима; Жозефина при-

1) Daubenton, знаменитый французскій натуралистъ, род. въ Монбарѣ, сотрудникъ Бюффона (1716—1799) *Прим. пер.*

2) Естественно-историческій Музей—это названіе дано было въ 1794 г. парижскому Ботаническому саду. — *Прим. пер.*

3) Письмо Неккера отъ 1 января 1800 г. Архивъ Коппэ.

4) Парижскія газеты съ 21-го по 30-е брюмера.

вела за собой свой кружокъ, и Жокуры, Тулонжоны, Крильоны, Сегюры сами себѣ дивились, переступая республиканскій порогъ ¹⁾. Съ водвореніемъ Жозефины унылые покои вѣчно печальнаго Мулена скоро преобразились; она сумѣла внести туда частицу самой себя, красивую роскошь, что-то теплое, интимное, согрѣвавшее холодные официальные салоны. Подъ пальчиками феи все преобразилось, стало красиво, приняло изящный, утонченный видъ. Женщины восторгались «великолѣпнымъ чайнымъ столомъ» ²⁾, за которымъ могло помѣститься до двадцати человекъ, золоченой деревянной колонной на мраморномъ пьедесталѣ, увѣнчанной рѣдкими цвѣтами. Перешептываясь между собой насчетъ Жозефины и считая пятна на ея репутациі, онѣ однако прибавляли: «А все таки эстетика несомнѣнно выиграла отъ 18-го брюмера» ³⁾. Бонапартъ завладѣвалъ мужчинами, и всѣ испытывали на себѣ обаяніе этого своеобразнаго, ни на кого не похожаго существа.

Его физическая хрупкость вызывала удивленіе; его взглядъ покорялъ. «Впалыя щеки, блѣдность лица, суровое чело», казалось, обличали «созерцательный и пылкій геній, грозный для враговъ его страны» ⁴⁾; но, наряду съ этимъ, въ немъ была болтливость, ласковая фамиллярность, сразу ободряющая собесѣдника, дерзость и запальчивость маленькаго корсиканца, оставшагося еще очень близкимъ къ природѣ. Его прямая, всегда своеобразная рѣчь рѣзко выдѣлялась на фонѣ вялой фразеологіи той эпохи. Любознательный, засыпающій вопросами, удивительно умѣющій будить чужую мысль, присваивать себѣ идеи и воспроизводить ихъ, отмѣтивъ ихъ своей печатью, онъ безъ устали учился, производя впечатлѣніе человекъ, знающаго все. Если порой въ немъ проявлялась неопытность, неловкость, грубая рѣзкость, онъ скоро заставлялъ забыть объ этомъ мѣткимъ и глубокимъ словомъ. Бесѣда съ нимъ была необычайно увлекательна; послѣ нея каждый чувствовалъ себя захваченнымъ, освѣженнымъ, словно оживленнымъ; избытокъ жизни

1) Архивъ Шантильи, „*Bulletin des agents de Condé*“ отъ 20 ноября.

2) „*Lettres de madame Reinhard*“.

3) *Ibid.*

4) Брошюра, выпущенная младшимъ интендантомъ Жюльеномъ послѣ разговора съ Бонапартомъ.

кипѣвшій въ немъ, передавался другимъ. Напрасно за спиной его злоязычные друзья давали понять, что ему не слѣдуетъ слишкомъ довѣрять, что онъ «нескромный, самонадѣянный, лживый, запальчивый, деспотъ и пр.» ¹⁾; обаяніе перевѣшивало. Въ его обращеніи, въ его рѣчахъ было что-то неотразимо увлекательное и вмѣстѣ съ тѣмъ очень простое, гордое и непринужденное, чуткое и молодое; онъ самъ говорилъ: «Идите ко мнѣ; мое правленіе будетъ правленіемъ молодости и ума» ²⁾.

У него бывали также приливы искренности, полной тонкаго разсчета, и признанія, обезоруживающія критику; онъ первый соглашался, что въ Сентъ-Клу было сдѣлано много промаховъ, первый признавалъ, что онъ плохо говорилъ въ совѣтѣ старѣйшинъ; декламировалъ некстати и фальшиво и закончилъ скверной фразой: *фортуна и богъ побѣды со мной...* Французы обладаютъ большимъ чувствомъ мѣры, и едва я произнесъ эти слова, какъ ропотъ неодобренія далъ мнѣ почувствовать, что я пересолилъ. Но что подѣлаешь? Меня такъ баловали всю дорогу! Отъ Марсели (!) до Парижа мнѣ такъ часто повторяли эти слова, что они засѣли у меня въ головѣ» ³⁾.

Эта и другія фразы ходили по городу и имѣли большой успѣхъ. Иногда онъ однимъ мѣткимъ словомъ, сравненіемъ, образомъ выражалъ цѣлую программу умѣреннаго правительства, приверженца золотой середины, или ставилъ крестъ надъ нелѣпыми преувеличеніями, смѣшными и глупыми слухами. Такъ, напримѣръ, Парижъ очень интересовался тѣмъ, какой костюмъ будутъ носить новые главы государства, и по этому поводу высказывались самыя нелѣпыя предположенія. Нѣкоторые предлагали одѣть ихъ въ бѣлый бархатный камзолъ при шпагѣ и башмаки краснаго сафьяна, но прибавить къ этому революціонную прическу и фригійскій колпакъ, словомъ, наложить на нихъ красную печать. Бонапартъ будто-бы отвѣтилъ на это: «Ни краснаго колпака, ни красныхъ каблучковъ» ⁴⁾.

¹⁾ Memoires d'Hyde de Neuville, I, 272.

²⁾ *Publiciste*, 23 брюмера.

³⁾ *Publiciste*, 23 брюмера.

⁴⁾ *Publiciste*, 6 фримера; *Ami des lois*, 6-го фримера.

У этого будущаго раздавателя коронъ всей своей роднѣ тогда еще не наблюдалось никакого nepотизма. Онъ не хотѣлъ, чтобы 18-е брюмера имѣло видъ семейнаго *coup d'état*, возвышенія цѣлаго клана; притомъ же ему желательно было присвоить себѣ всю честь двухдневной битвы. Роль Люсьена была по возможности затушевана; объ участи Леклерка умалчивали; о Жозефѣ совсѣмъ не упоминали, даже имя его не было названо. Одинъ Мюрать, еще не принадлежавшій къ семьѣ, простой претендентъ на руку Каролины, былъ награжденъ: его утвердили въ званіи дивизионнаго генерала и назначили начальникомъ консульской гвардіи. Наоборотъ, военная семья, генералы и офицеры—участники переворота были предметомъ постоянныхъ заботъ Бонапарта, старавшагося тѣснѣе сблизиться со всѣми крупными вождями. Въ газетахъ уже поговаривали о бракѣ между одной изъ его родственницъ и Моро. Нарочитый эмиссаръ, братъ Роже Дюко, былъ посланъ въ Швейцарію, къ Массенѣ, разъяснить ему событія и убѣдить его присоединиться къ правящей группѣ. Очень ухаживали за Брюномъ, вернувшимся послѣ недолгой батавской кампаніи. Бонапартъ, по-немножку, осторожно прибиралъ къ рукамъ всѣ военныя силы, обезпечивая за собой высшее начальство надъ ними, но еще продолжая дѣлить гражданскую власть со своими двумя товарищами ¹⁾).

Онъ сразу принялся за государственныя дѣла и работалъ страшно много. Въ каждое дѣло онъ входилъ и основательно изучалъ его, но рѣшенія принимались лишь послѣ обсуждения даннаго вопроса на общемъ совѣтѣ и исходили отъ консульскаго триумвирата, сведеннаго ничтожностью Дюко къ дуумвирату.

Быль-ли проченъ союзъ Сійэса и Бонапарта? могъ-ли онъ пережить испытаніе власти, раздѣленной между двумя и почти совмѣстной жизни? Въ политикѣ они приблизительно сходились въ общихъ чертахъ, но въ выборѣ людей Сійэсъ оставался по прежнему очень строгимъ, Бонапартъ же, наоборотъ, обнаруживалъ большую широту взглядовъ ²⁾; кромѣ того, столкновения здѣсь должны были явиться

¹⁾ Notes manuscrites *Grouvelle*.

²⁾ Архивъ Шантильи, бюллетень отъ 20 ноября.

результатомъ самой противоположности характеровъ. Сійэсъ, цѣликомъ ушедшій въ свои идеи, пропитанный философскою надменностью чудака, постоянно воображавшій, что имъ манкируютъ, что съ нимъ недостаточно почтительны, все время держался насторожѣ, и порывистый, властный Бонапартъ раздражался, не зная, какъ подступиться къ этой упорной замкнутой натурѣ. Уже 25-го брюмера между ними вышла стычка изъ-за редакціи одной дипломатической депеши, получившая въ обществѣ нежелательную огласку ¹⁾).

Тѣмъ не менѣе оба, и Сійэсъ, и Бонапартъ, твердо рѣшили держаться другъ друга, ибо каждый изъ нихъ чувствовалъ, что не можетъ обойтись безъ другого. Если Бонапартъ имѣлъ вліяніе на массу, вся политика которой состояла въ томъ, чтобы «видѣть и призывать только его, возлагать свои надежды только на него» ²⁾, то Сійэсъ продолжалъ пользоваться довѣріемъ политическихъ, парламентскихъ, ученыхъ круговъ, безъ которыхъ нельзя было ничего сдѣлать, и оставался нравственнымъ авторитетомъ для партіи брюмерцевъ, которую было-бы въ высшей степени неправильно называть бонапартистскою.

Рѣшивъ по возможности лучше уживаться между собою и опасаясь каждый своей природенной шероховатости, оба консула чувствовали потребность поставить между собой что-нибудь очень гибкое, мягкое, бархатисто-нѣжное, что смягчало бы соприкосновеніе. Талейранъ казался обоимъ самымъ подходящимъ для этого человѣкомъ; чтобъ имѣть его всегда возлѣ себя, они снова включили его въ составъ правительства ³⁾. Еще до конца брюмера ему былъ врученъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ, отобранный у Рейнара, въ видѣ вознагражденія за постоянное маклерство. Талейранъ, прозрѣвая будущее, служилъ главнымъ образомъ Бонапарту, не подавая въ томъ виду, и склонялъ Сійэса къ покорности, увѣряя его въ то-же время, что онъ дѣлаетъ это изъ дружбы. Потихоньку, понемножку Бонапартъ пере-

¹⁾ Lettres de madame Reinhard, 109. — Архивъ Шантильи, донесенія роялистовъ отъ 16-го и 20-го ноября.

²⁾ Ibid.

³⁾ Lettres de madame Reinhard 108—111.

тягивалъ на свою сторону власть, но пользовался ею умно, не кололъ другимъ глазъ своимъ первенствомъ, щадилъ самолюбіе своихъ коллегъ, совѣтовался съ ними, порою нащупывалъ почву, выпытывая мнѣнія и заручаясь сотрудничествомъ; онъ очень осторожно приступалъ къ своей великой задачѣ государственнаго переустройства.

Первыя мѣры, принятыя новымъ правительствомъ, были не реакціей противъ прошлаго, но исправленіемъ его ошибокъ. Гнусный законъ о заложникахъ привелъ въ Парижъ множество несчастныхъ, арестованныхъ на мѣстѣ жительства и оторванныхъ отъ своихъ очаговъ. Въ послѣднія времена существованія директоріи поумнѣвшіе совѣты склонялись въ пользу отмѣны этихъ черезчуръ строгихъ мѣръ; объ этомъ говорили, не приходя къ опредѣленному рѣшенію. Консульство безъ разговоровъ приступило къ дѣлу, выказавъ себя властью, которая умѣетъ хотѣть и дѣлать то, чего хочетъ, не откладывая въ долгій ящикъ исполненія. Въ одинъ день, 22 брюмера, предложеніе объ отмѣнѣ закона о заложникахъ было передано консулами въ обѣ комиссіи, принято ими, облечено въ форму закона и издано, какъ таковой. Бонапартъ самъ отправился въ Темплъ, государственную тюрьму при директоріи, ибо революція, даже конституціонная, только перенесла Бастилію въ другое мѣсто. По его приказу и въ его присутствіи заложники были выпущены на свободу. «Несправедливый законъ,—сказалъ онъ имъ,—лишилъ васъ свободы; мой первый долгъ возвратить вамъ ее» ¹⁾. Затѣмъ онъ посѣтилъ другія тюрьмы, юдоль страданія и ужаса, гдѣ еще уцѣлѣли узоры на стѣнахъ, нарисованные сентябристами кровью жертвъ. Онъ потребовалъ списокъ заключенныхъ, разспрашивалъ ихъ и общалъ имъ правый судъ; всюду, гдѣ онъ проходилъ, становилось свѣтлѣе, всходила заря надежды.

Все это привлекало симпатіи, но не доставляло денегъ. Во Франціи деньги теперь водились только у одного сорта людей—парижскихъ финансистовъ, банкировъ и поставщиковъ, честныхъ и сомнительно честныхъ дѣльцовъ. По отношенію къ этимъ капиталистамъ, изъ которыхъ многіе содѣйствовали перевороту, давая деньги на рас-

¹⁾ См. газеты за 26 брюмера.

ходы и всё горячо ему сочувствовали, существовало обязательство, по крайней мѣрѣ нравственное, покончить съ хищническимъ обложеніемъ, отмѣнить прогрессивный налогъ, который, будучи направленъ главнымъ образомъ противъ капиталистовъ, владѣльцевъ движимаго имущества, ложился отраженнымъ тяжкимъ гнетомъ на всё классы населенія. Только на этомъ условіи дѣльцы согласны были выдавать авансы, облегчать операціи государственнаго казначейства, поддерживать правительство, доведенное до того, что ему приходилось существовать частной подпиской.

Тотчасъ же принялись за изысканіе средствъ замѣнить прогрессивный налогъ менѣе утѣснительнымъ и съ болѣе обеспеченными поступлениями. Министръ финансовъ Годэнъ взялся за работу и не отходилъ отъ своего письменнаго стола, пока не сочинилъ проекта замѣны принудительнаго займа налогомъ въ двадцать пять сантимовъ, добавочнымъ къ суммѣ обложенія за VII годъ земельной собственности, движимыхъ имуществъ и предметовъ роскоши. Проектъ этотъ обсуждался 25-го брюмера въ комиссіи пятисотъ; Кабанисъ поддерживалъ его своимъ высокимъ авторитетомъ и произнесъ по этому поводу весьма любопытную рѣчь. Этотъ убѣжденный республиканецъ, этотъ великій идеалистъ откровенно, хотя и не безъ грусти, признавался, что правительство не можетъ обойтись безъ парижскихъ капиталистовъ, будь то хорошіе, или дурные люди, и буквально зависитъ отъ нихъ въ средствахъ къ жизни.

Осудивъ въ немногихъ словахъ прогрессивный налогъ во имя экономической науки и здравыхъ доктринъ, онъ попросилъ позволенія выдвинуть на первый планъ чисто практическое соображеніе. «Вслѣдствіе войны и разныхъ народныхъ невзгодъ, уцѣлѣвшіе въ странѣ остатки наличныхъ денегъ и дѣловыхъ оборотовъ сосредоточились въ Парижѣ вокругъ правительства, въ немногихъ рукахъ, къ которымъ вообще не слѣдуетъ присматриваться слишкомъ близко. Изъ этого слѣдуетъ, что во всякихъ финансовыхъ мѣрахъ надо прежде всего выяснитъ себѣ, какъ отразятся онѣ на настроеніи лицъ, имѣющихъ деньги, товары, или кредитъ въ Парижѣ. Можно смѣло утверждать, что, при теперешнемъ положеніи республики, налогъ, наносящій серьезный ущербъ земледѣлію и торговлѣ, но не являю-

щійся сигналомъ къ *спасайся кто можетъ* для парижскихъ капиталистовъ, имѣлъ бы менѣе гибельныя послѣдствія, чѣмъ такой, который, не представляя подобныхъ невыгодъ, шелъ бы въ разрѣзъ съ желаніями этихъ капиталистовъ, такъ какъ правительству чуть не каждый день приходится обращаться къ нимъ за поддержкой... Безъ сомнѣнія, крайне прискорбно очутиться въ рукахъ людей, которыхъ интересы не совпадаютъ, или, какъ имъ можетъ казаться, не всегда совпадаютъ съ общественными интересами, но это обусловливается фактами, которыхъ сразу не измѣнить. Мудрость законодателя, равно какъ и талантъ администратора, въ томъ и состоитъ, чтобъ извлекать наибольшую выгоду изъ людей, вещей и обстоятельствъ, беря ихъ такими, каковы они есть»... 1)

На основаніи этого чисто оппортунистскаго заключенія, прогрессивный налогъ 28-го брюмера былъ отмѣненъ законодательнымъ порядкомъ. Консульство, не теряя ни минуты, успѣшило извлечь изъ этого ощутительную выгоду. 3-го фримера именитѣйшіе представители финансоваго міра были созваны къ консулу Бонапарту. Здѣсь собрались всѣ крупные банкиры — Перрего, Давилье, Жерманъ, Севанъ, Фюльширонъ и др. Бонапартъ обѣщалъ имъ правительство общественной защиты, друга порядка, уважающее собственность во всѣхъ ея видахъ, миролюбивое въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ. Когда онъ кончилъ свою рѣчь и удалился, Годэнъ сдѣлалъ выводъ изъ нея, предложивъ банкирамъ выдать правительству авансъ въ 12 милліоновъ 2). Банкиры подписались на требуемую сумму, но ихъ довѣріе къ правительству еще не успѣло пустить корней, и они не спѣшили развязывать свои кошельки. На дѣлѣ авансъ сводился къ тремъ милліонамъ наличными; на остальную сумму пришлось устроить потерю, которую синдикатъ банкировъ согласился принять подъ свое покровительство и организовать; повидимому, потеря доставила требуемую сумму 3). Благодаря этому и нѣсколькимъ добавочнымъ авансамъ частнаго характера, можно было

1) *Moniteur*, 28-го брюмера.

2) См. протоколъ собранія, приведенный выше, стр. 216.

3) *Stourm*, „les Finances du Consulat“, 58—61.

пережить первые дни. Въ Парижѣ отмѣна прогрессивнаго налога произвела отличное впечатлѣніе. Состоятельные люди не такъ ужъ скрывали внѣшніе признаки своего богатства. Вечеромъ, у подъѣздовъ театровъ появились собственные экипажи; теперь снова можно было ѣздить въ Оперу въ своей каретѣ ¹⁾).

Парижъ улицы и лавокъ все еще жилъ въ атмосферѣ энтузіазма. Торжественное оглашеніе указовъ, заглаживающихъ прошлыя несправедливости, смотры и ученья, дефилированіе полковъ и національной гвардіи, идущихъ приносить присягу, каждый день давали поводъ къ народнымъ оваціямъ. Войска были на высотѣ положенія. Драгуны 8-го полка прислали Бонапарту пылкій адресъ, поздравляя себя съ тѣмъ, что 19-го они фигурировали въ первыхъ рядахъ. Эти ревностные воины, враги тирановъ, все еще воображали, что переворотъ пошелъ на пользу республикѣ. Офицеры главнаго штаба раздѣляли этотъ пылъ, республиканскій и вмѣстѣ бонапартистскій, и говорили о переворотѣ веселымъ, игривымъ тономъ, очень характернымъ для духа военной революціи той эпохи.

«Ну-съ, милѣйшій генераль, — писалъ Лефевръ Мортъе, получившему назначеніе въ провинцію, — что вы скажете о 18-мъ и 19-мъ брюмера? Конечно, рукоплещете вмѣстѣ со всѣми французами, потому что я не могу назвать этимъ именемъ кучку бунтарей, которые сами домогаются шишекъ и ранъ, и толкуютъ о принципахъ, попирая даже тѣ, кои были чтимы вѣками.

«Эта удивительная и благотворная революція прошла безъ всякихъ потрясеній; въ ней чувствовалась настоящая потребность: безсильное правительство, презираемый всѣми законодательный корпусъ, всѣмъ ненавистные законы, на [протяженіи шестидесяти лѣтъ] царство шуановъ, ни копѣйки денегъ, ни капли довѣрія, страхъ возвращенія террора, — все предвѣщало гибель Франціи, крушеніе республики. Эта неутѣшительная картина смѣнилась очень отрадной. Теперь ликование общее. Всюду, на улицахъ, въ общественныхъ мѣстахъ, въ особенності, въ театрахъ, раздаются крики: *Да здравствуетъ республика, да здравствуетъ Бонапартъ!*

¹⁾ *Publiciste*, 30 брюмера.

Общественное мнѣніе на сторонѣ свободы; повторяются лучшіе дни французской революціи; но что въ особенности утѣшительно—это возвратъ довѣрія, повышеніе государственныхъ фондовъ; и мѣры, уже принятыя правительствомъ, могутъ только усилить это довѣріе.

«Мы должны безконечно много выиграть отъ этой перемѣны. Солдатъ не будетъ больше игрушкой въ рукахъ кучки мятежниковъ, воровъ, потѣшавшихся надъ его лишеніями и его законными требованіями. Я произвелъ сегодня смотръ національной гвардіи, гарнизону этого огромнаго города, и привелъ его къ присягѣ. Навѣрное, никогда еще войска не присягали такъ радостно, съ такою готовностью, не вкладывали столько энергіи въ слова; мнѣ казалось, что я снова переживаю 1789 годъ, первые дни революціи. На этотъ разъ, *ça ira*, я вамъ за это ручаюсь»¹⁾.

Всѣ будто ожили, помолодѣли, подбодрились. Среди всеобщаго ликованія, длившагося нѣсколько дней, изгнанные изъ совѣтовъ якобинцы, «братья и друзья», профессиональные агитаторы не показывались. По традиціи революціонеровъ, по старой привычкѣ обращаться съ побѣжденными, какъ съ виноватыми, полиція охотилась за ними. 20-го отданъ былъ приказъ объ арестѣ шестидесяти человекъ²⁾, газеты называли «Лебуа, автора *Отца Дюшена*, Клемансо, Жеффона съ женой, врача Лемери, Туссена Вигурё и жену его»³⁾. Не разыскавъ Арена, считавшагося главнымъ виновникомъ покушенія на жизнь Бонапарта, арестовали его брата. Арестованныхъ отвезли въ Темплъ, но черезъ нѣсколько дней большинство изъ нихъ выпустили: новое правительство стремилось не столько наполнять тюрьмы, сколько опустошать ихъ; что же касается Фуше, онъ всегда щадилъ террористовъ, какъ отдѣльныхъ личностей, даже въ то время, когда поражалъ ихъ, какъ партію. Тѣмъ не менѣе казалось неизбѣжнымъ принять общія мѣры противъ якобинцевъ, больше для острастки, чѣмъ грозящія имъ серьезной опасностью.

1) Письмо отъ 24 брюмера. Тревизскій архивъ.

2) Национальный архивъ, F. 7, 6267.

3) *Publiciste*, отъ 26 брюмера.

Исторія этого псевдо-гоненія довольно курьезна. Сійэсъ очень опасался, какъ бы якобинцы опять не перешли въ наступленіе, не выходилъ изъ Люксембурга и ночью боялся нападенія. Онъ говорилъ о необходимости крутыхъ мѣръ и полагалъ, что всякій хорошо задуманный и удавшійся день обязательно долженъ былъ завершиться проскрипціей, мас-совой высылкой вредныхъ элементовъ. Фуше, чтобы разсѣять недовѣріе къ нему Сійэса и снискать его благоволеніе, тотъ-часъ ухватился за эту мысль, сдѣлавъ видъ, что она пришла ему очень по вкусу; Сійэсъ былъ ему за это признателенъ; Бонапартъ не препятствовалъ.

Немедля былъ составленъ списокъ лицъ, подлежащихъ ссылкѣ. Съ непослѣдовательностью, по всей вѣроятности умышленной, Фуше перемѣшалъ въ немъ самыя гнусныя и самыя славныя имена: ужасный Момэнъ (Momin), хваставшій что онъ убилъ принцессу де Ламбалль и вырвалъ у нея сердце изъ груди, и побѣдитель при Флерюсѣ (*Fleurus*), Журданъ, чьи заблужденія не могли изгладить его заслугъ; многіе депутаты, особенно неистовствовавшіе въ Сен-Клу, и такіе, которыхъ даже не было на засѣданіи. Консулы утвердили списокъ цѣликомъ и подписали постановленіе, обрекавшее на ссылку въ Гвіану тридцать-семь изъ обозначенныхъ въ списокѣ лицъ, а двадцать два остальныхъ на ссылку на Ре или Олеронъ, острова, приписанные къ департаменту нижней Шаранты. Такъ какъ большинство осужденныхъ не были арестованы, постановленіе обязывало ихъ явиться и отдать себя въ руки властей, причемъ до прибытія ихъ на мѣсто, гдѣ они должны быть посажены на суда, они лишались всякихъ правъ собственности; иными словами, имущество ихъ подлежало секвестру, а ихъ семьи обрекались на нищету. Эта гнусность была повтореніемъ худшихъ приемовъ революціоннаго судопроизводства.

26-го брюмера постановленіе съ приложеніемъ наскоро составленнаго списка осужденныхъ, безъ всякой провѣрки, было передано въ газеты и напечатано. Впослѣдствіи *Moniteur*, въ то время еще только офиціозъ и притомъ главный органъ Сійэса, объявилъ, что постановленіе попало въ печать преждевременно и по ошибкѣ. Быть можетъ, хитрый Фуше, напустившій на себя свирѣпость, но на дѣлѣ жалѣвшій своихъ прежнихъ друзей, самъ намѣренно позволилъ себѣ

такую нескромность, съ тайнымъ умысломъ вызвать въ обществѣ ропотъ неодобренія, что сдѣлало-бы задуманную мѣру неосуществимой? ¹⁾

Неодобреніе не заставило себя ждать, особенно среди людей умѣренныхъ взглядовъ. Проскрипціи и насилія были такимъ обычнымъ явленіемъ, онѣ такъ утомили всѣхъ, такъ всѣмъ наскучили, опротивѣли до тошноты, что, при всемъ отвращеніи къ якобинцамъ, общество не допускало, чтобъ ихъ били ихъ же оружіемъ. За исключеніемъ роялистскихъ листковъ, всѣ газеты протестовали.

Даже въ правительственномъ кругу лучшіе были возмущены. Камбасерэсъ, министръ юстиціи, прежде чѣмъ ввести въ силу новый указъ, включивъ его въ *Бюллетень законовъ*, представилъ Бонапарту свои возраженія. Тотъ сейчасъ-же свалилъ всю отвѣтственность на своихъ коллегъ, говоря, что онъ уступилъ лишь въ угоду имъ. Они условились съ Камбасерэсомъ обойтись безъ офиціального опубликованія, что дѣлало указъ незаконченнымъ и допускало возможность отмѣны. Такимъ образомъ, согласившись на крутыя мѣры, Бонапартъ утилизировалъ ихъ, выставляя себя умѣряющимъ пылъ своихъ коллегъ,—первая скромная попытка намѣтить свою собственную политику, примирительную, готовую считаться съ обращеніями и раскаяніемъ, старающуюся вызывать то и другое. Орудіе репрессіи онъ превратилъ въ способъ сближенія ²⁾.

Отдѣльныя лица покорились своей участи. Журданъ въ письмѣ къ Фуше изъявилъ готовность поступить въ Ла Рошель, въ то-же время не безъ достоинства напоминая о своихъ заслугахъ. На другой день утромъ министръ вы-

¹⁾ Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что въ 1815 г. Фуше—министръ Людовика XVIII, прибѣгнулъ точно къ тому-же приему, чтобъ умѣрить жестокость роялистской реакціи. Когда ему поручили составить списокъ лицъ, обреченныхъ на изгнаніе, выбравъ ихъ изъ числа скомпрометированныхъ втеченіе ста дней и своихъ ближайшихъ друзей, онъ довелъ его до такого непопозволительнаго объема, что всѣ возмущились, до министровъ включительно. „Я склоненъ думать, говорить Паскье, что доведя до послѣдней крайности эту мѣру, онъ хотѣлъ сдѣлать ее напрасной, даже смѣшной“. *Mémoires du chancelier Pasquier*, III, 369.

²⁾ *Cambacerés*, „Eclaircissements inédits“.—*Fauriel*, „Les derniers jours du Consulat“, p. 6.

валъ его къ себѣ; онъ явился въ сопровожденіи Бернадота. Фуше сказалъ ему: «Какъ только я получилъ ваше письмо, я отнесъ его Бонапарту; тотъ прочелъ его и сказалъ слѣдующее: *Это постановленіе издано по настоянію аббата Сійэса; списокъ составляли онъ и его приверженцы. Я этой мѣрѣ не сочувствую. Еслибъ я послушалъ этихъ трусовъ, пролилась бы кровь. Скажите Журдану, что онъ можетъ ѣхать куда хочетъ, и будетъ по прежнему получать свой генеральскій окладъ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не позволятъ мнѣ дать ему занятіе.*»¹⁾ Журданъ былъ вычеркнутъ изъ списка и 1-го фримера это было опубликовано въ *Moniteur*'ѣ. Бонапартъ написалъ ему чувствительное письмо, выражая желаніе всегда видѣть побѣдителя при Флерюсѣ на пути, который ведетъ къ организаци, истинной свободѣ и счастью»²⁾.

Было вычеркнуто изъ списка и много другихъ, вслѣдствіе личныхъ и коллективныхъ прошеній. Каждый день газеты сообщали о присоединеніи кого-либо изъ ярыхъ республиканцевъ, изъ исключенныхъ депутатовъ; большинствомъ руководилъ интересъ или страхъ; иными искреннее желаніе, хотя и съ примѣсью усталости и скептицизма, еще разъ попытать счастья съ новой республикой. Нѣкій Дюбрейль одинъ осмѣлился выразить протестъ въ брошюрѣ, предвѣщавшей эру деспотизма. «Дай Богъ, чтобъ ты былъ послѣднимъ кумиромъ французовъ!»—воскликаетъ онъ, обращаясь къ Бонапарту. Но этотъ одинокій голосъ не нашелъ отклика. Въ виду такого ослабленія оппозиціи крайней лѣвой, консулы не давали ходу обѣщаннымъ карательнымъ мѣрамъ, хотя и не отмѣняли ихъ. Они заботились не столько о преслѣдованіи, сколько о возвращеніи на путь истинный заблудшихъ республиканцевъ, такъ какъ теперь опасность грозила консульству съ другой стороны, справа: опасностью грозило не столько оппозиціонное движеніе, сколько компрометирующій энтузіамъ.

1) „Notice“ de Jourdan о 18 брюмера.

2) Corr. IV, 4397.—Имени Журдана нѣтъ въ списокѣ, приложенномъ къ протоколу перваго консульскаго засѣданія, но весьма возможно, что этотъ протоколъ, притомъ же не подписанный консулами, былъ исправленъ впоследствии и въ него включены измѣненные или позже принятыя рѣшенія.

4.

Стали, наконецъ, приходиться вѣсти и изъ департаментовъ, что дальше, то больше; онѣ были недурны, хотя и не вполне удовлетворительны. Говоря объ отношеніи къ *сour d'état* въ провинціи, надо различать такъ сказать официальную провинцію, т. е. мѣстныхъ властей, выборныхъ или по назначенію, мѣстные совѣты, судей, чиновниковъ, по большей части ярко выраженныхъ революціонеровъ съ якобинской окраской—и настоящую, т. е. само населеніе: администрацію и управляемыхъ.

Среди властей полного единодушія не было. Если огромное большинство ихъ и приняло готовую революцію, присланную имъ изъ Парижа, все же раздавались, хотя и отдѣльные, протестующіе голоса. Предсѣдатель Йоннскаго суда, гражданинъ Барнабе, отказавшійся зарегистрировать брюмерскій законъ, былъ не единственнымъ. Въ Падекалэ, комиссаръ центральной власти, Роберъ Краше, пытался воспрепятствовать обнародованію закона; одинъ изъ администраторовъ этого департамента подалъ въ отставку. Въ Руанѣ муниципальный агентъ отказался содѣйствовать обнародованію закона¹⁾. Въ Юрѣ департаментскія власти открыто выражали свое негодование; поговаривали даже о томъ, чтобы вооружить рать и двинуть Юру на Парижъ. Нѣкоторые департаменты приняли вѣсть о перемѣнѣ съ энтузіазмомъ или раболѣпной услужливостью; другіе съ огорченіемъ, угрюмо и мрачно. Были и такіе, гдѣ власти вначалѣ совсѣмъ не откликнулись на извѣщеніе. Но эти слабыя попытки оппозиціи тотчасъ-же заглохли передъ явнымъ сочувствіемъ, или инертностью массъ. Если, въ первый моментъ, вѣсть о новой революціи—какъ разъ теперь, когда послѣ ряда внѣшнихъ побѣдъ наступило нѣчто въ родѣ затишья—нѣсколько удивила и взволновала народъ, то одобреніе не заставило себя ждать. Ни въ одномъ документѣ не отмѣчено, ни въ одномъ городѣ, округѣ, мѣстечкѣ, ни въ одномъ уголкѣ Франціи—мы, конечно, не говоримъ о за-

¹⁾ Запись совѣщаній временныхъ консуловъ, 27 брюмера и 4 фримера. *Aulard*, стр. 21 и 41.

падѣ, гдѣ гражданская война была въ полномъ разгарѣ — нигдѣ не замѣчалось и попытки сопротивленія со стороны настоящаго народа, поселянъ или буржуазіи, движенія въ защиту униженныхъ учрежденій и противъ восходящей звѣзды Бонапарта.

Правда, кое-гдѣ зашевелились было клубы, но эти особнякомъ стоявшія группы, ненавистныя населенію, скоро почувствовали свое безсиліе. Къ тому же военныя власти и войска горячо встали на защиту переворота; они хотѣли республики, но только республики Бонапарта, и это импонировало прочимъ. Такъ было въ Тулузѣ, многолюдномъ городѣ, внушавшемъ серьезныя опасенія. При первыхъ же слухахъ о переворотѣ клубъ, съ которымъ часть городскихъ властей находила необходимымъ считаться, объявилъ непрерывное засѣданіе и поднялъ крикъ: *Къ оружію!* Но тутъ заговорили войска, съ комендантомъ во главѣ, и очень энергично; власти, вынужденныя покориться, обнародовали законъ, хотя и неохотно, и безъ всякой помпы ¹⁾. Тѣмъ временемъ прибылъ изъ Парижа Ланнъ, принялъ начальство надъ войсками, объѣхалъ весь районъ, разсѣялъ сомнѣнія честныхъ республиканцевъ, и спокойствіе водворилось снова. Приблизительно такъ-же обошлось дѣло въ другихъ городахъ и мѣстностяхъ, гдѣ преобладали красныя комитеты. Въ общемъ, на всей французской территоріи сопротивленіе якобинцевъ свелось почти на нѣтъ. Члены клубовъ, на словахъ уже четыре мѣсяца готовые къ бою, прикусили языки передъ первымъ-же энергичнымъ шагомъ противника.

Зато среди городского населенія страшно волновались и очень агрессивно выражали свою радость совѣмъ иного рода группы, тоже бурливыя и шумливыя, — воинствующіе реакціонеры, союзы молодежи, банды мяскаденовъ и контрреволюціонеровъ, которые съ дубинкой въ рукахъ боролись противъ послѣдовательныхъ попытокъ воскрешенія якобинства. Большинство изъ нихъ были, въ сущности, роялистами, хотя они выставляли себя просто-напросто антиякобинцами и боролись противъ революціи во имя ея же

¹⁾ *Morère*, „Учрежденіе консульства въ Тулузѣ“ въ „*Révolution française*“, т. XXXIII стр. 16 и слѣд.

принциповъ. Событія въ Сень-Клу, на первый взглядъ, направленныя противъ революціи, опыянили ихъ надеждой. Они думали, что часъ ихъ насталь, и во многихъ городахъ въ свою очередь начали разыгрывать роль господствующей факціи.

Бордо былъ весь охваченъ реакціей. Вѣсти изъ Парижа пришли 24 брюмера. Первый день былъ весь отданъ радости; чтеніе бюллетеней въ общественныхъ мѣстахъ и театрахъ вызывало взрывы рукоплесканій, въ перемѣшку съ шиканьемъ и свистками по адресу изгнанныхъ депутатовъ. На другой день въ театрахъ публика потребовала злободневныхъ куплетовъ; полицейскій комиссаръ воспротивился; поднялись крики, шумъ; зрители взбунтовались; въ интересахъ возстановленія порядка, генераль, командовавшій мѣстными войсками, принужденъ былъ сдаться на просьбы публики и отмѣнить запрещеніе. Тѣмъ не менѣе городъ былъ наэлектризованъ и, повидимому, не намѣренъ больше терпѣть установленной власти ¹⁾. Клермонъ-Ферранъ наблюдалъ сцены въ томъ-же родѣ; публика въ театрѣ не хотѣла слушать *марсельезы* и требовала *бонапартки* ²⁾. Въ Нанси толпа гражданъ своею властью заперла якобинскій клубъ и прибила саванъ къ дверямъ. Въ Верхней Саонѣ правительственный комиссаръ пишетъ: «Ужъ не думаютъ-ли якобинцы присвоить себѣ плоды 18-го и 19-го? Они угрожаютъ республиканцамъ, повергаютъ въ трепетъ покушниковъ національныхъ имуществъ, говорятъ о королѣ и о старомъ режимѣ ³⁾. Въ Каннѣ произошла какъ-бы перета-

¹⁾ Донесеніе помощника комиссара исполнительной власти при центральной администраціи Жиронды, отъ 27 брюмера, министру внутреннихъ дѣлъ:—„Я не вправѣ скрывать отъ васъ, гражданинъ министръ, что ни одна изъ установленныхъ властей г. Бордо не пользуется довѣріемъ общества, что дѣлаетъ необходимой почти полную реформу. Общества требуютъ, чтобы ожидаемыя перемѣны осуществились какъ можно скорѣе, иначе власть перестанутъ признавать, и всѣ ея указы потеряютъ силу; тогда спокойствіе по необходимости будетъ нарушено...“—Национальный Архивъ, T.S.G., III, 8.

²⁾ *Le Propagateur*, 5 фримера. См. постановленіе администраціи департамента отъ 27 о томъ, чтобы музыка играла поочередно *Hymne des Marseillais*, *Le chant du départ*, *Ça ira*, *Veillons au salut de l'Empire* и *la Bonaparte*.—*Bonnefoy*, II, 319.

³⁾ *Schmidt*, „Tableaux de la revolution“, 467.

совка партій, вслѣдствіе которой реакціонеры всплыли на верхъ. Во множествѣ округовъ и мѣстечекъ происходили шумныя манифестаціи, нападенія на чиновниковъ, и поведеніе Парижа, который за послѣдніе дни тоже началъ подавать голосъ, поощряло это движеніе.

Почти повсемѣстно народная масса была на сторонѣ своихъ вождей; изъ страха и отвращенія къ игу революціонеровъ народъ, казалось, готовъ былъ итти на буксирѣ за роялистами. Когда пало правительство гоненій, всѣ французы, чьей безопасности оно угрожало, или нарушило ее, всѣ разоренные имъ, преслѣдуемые, униженные, обращенные въ илотовъ, — а такихъ были сотни тысячъ — испытывали радость освободившихся узниковъ. Они рукоплескали тѣмъ, кто яростно возставалъ противъ продажныхъ душъ и угнетателей—чиновниковъ, противъ явныхъ и тайныхъ властей, противъ клубовъ и комитетовъ, противъ суровости республиканскаго законодательства и его раздражающихъ мелочныхъ придирокъ, противъ всѣхъ формъ революціонной тираниі, теперь шаткой и сбитой съ позиціи. Въ 1789 г. мы видѣли самопроизвольное народженіе анархіи; теперь такъ-же самопроизвольно нарождалась реакція, грозя перейти въ другой видъ анархіи — въ бредъ возмездія.

Бонапартъ тотчасъ почувалъ опасность, ибо онъ прежде всего не хотѣлъ, чтобъ имя его стало синонимомъ реакціи. Задуманный имъ планъ будущаго былъ великій, спасительный планъ, — тотъ-же, что у королей и политиковъ, нѣкогда создававшихъ и пересоздававшихъ Францію. Освободившись отъ партій, оставивъ по правую и по лѣвую руку все крайнее, онъ пойдетъ прямо къ народу, къ массѣ, къ миллионамъ французовъ, у которыхъ нуждъ больше, чѣмъ мнѣній, которые просто мечтаютъ о внутреннемъ мирѣ, о внѣшнемъ и о мирѣ религіозномъ; онъ завоюетъ ихъ преданность, обезпечивъ имъ эти блага; въ основу своего правленія онъ положитъ народное довольство и будетъ строить на этомъ фундаментѣ. Въ покоренной и объединившейся массѣ потонуть и расплывутся тѣ сотни и тысячи, которыя кинулись въ гражданскія распри подъ вліяніемъ скорби и гнѣва, больше подъ вліяніемъ минутной экзальтаціи, чѣмъ изъ принципа и по твердому убѣжденію, составленному заранѣе; такимъ образомъ онъ лишитъ партіи са-

мой ихъ сущности, ихъ настоящей силы, и тогда ему придется имѣть дѣло только съ вождями безъ войскъ, или съ отдѣльными смутьянами. И этихъ онъ будетъ бить, бить безпощадно, пока не сведетъ на нѣтъ этотъ осадокъ факцій. Выбравъ изъ всѣхъ партій людей, могущихъ быть полезными государству, онъ объявитъ забвеніе, признаетъ прошлое несуществующимъ, велитъ французамъ прощать другъ другу и отучить ихъ ненавидѣть; широкимъ размахомъ губки сразу согреть десять лѣтъ преступленій и ужасовъ, десять лѣтъ взаимныхъ обидъ. На модномъ тогда миеологическомъ языкѣ это называлось: *дать Франціи напитокъ воды изъ Леты!* Призвавъ къ себѣ представителей самыхъ противоположныхъ взглядовъ, онъ поставитъ объединяющимъ центромъ сильное и справедливое правительство, достаточно искреннее, достаточно славное, для того, чтобы при немъ могли примириться между собою всѣ благонамѣренные французы, чтобъ имъ жилось привольно при этомъ величавомъ и щедромъ режимѣ.

Онъ писалъ депутату Бейтсу, одному изъ протестовавшихъ въ Сенъ-Клу: „Ни одинъ здравомыслящій человекъ не можетъ думать, что миръ, котораго все еще требуетъ Европа, можетъ быть результатомъ дѣятельности факцій и ея неизбежнаго послѣдствія — дезорганизаціи. Примкните къ массѣ народа. Простое званіе французскаго гражданина ужъ конечно стоитъ титула роялиста, якобинца, фельянтинца и тысячи другихъ именъ, порожденныхъ духомъ факцій, ужъ десять лѣтъ толкающихъ націю въ пропасть, откуда пора, наконецъ, извлечь ее разъ навсегда. Къ этой то цѣли и будутъ направлены всѣ мои усилія. Ей и только ей принадлежитъ отнынѣ уваженіе мыслящихъ людей, уваженіе народа и слава»¹⁾).

Эту спасительную программу Бонапартъ въ то время уже могъ начертать, но тогда онъ еще не имѣлъ власти осуществить ее. Онъ можетъ рекомендовать примиреніе, но заставить примириться у него нѣтъ средствъ; для этого онъ недостаточно увѣренъ въ массѣ націи, которую онъ рѣшилъ сдѣлать своей точкой опоры и великимъ центромъ поглощенія; онъ еще не чувствуетъ, чтобъ Франція всецѣло была

¹⁾ „Переписка Наполеона“, т. VI.

въ его рукахъ. Онъ хочетъ, по крайней мѣрѣ, не дать этой массѣ, въ общемъ расположенной къ нему, но непостоянной и измѣнчивой, пойти инымъ путемъ, чѣмъ тотъ, какой онъ ей предназначилъ, и вернуться къ чистой реакціи. Активныхъ роялистовъ меньшинство, но это меньшинство воплощаетъ въ себѣ партійную ненависть, и при столкновеніи съ нимъ, его экзальтація и фанатизмъ могутъ передаваться населенію. Тогда Франція попадетъ изъ одной крайности въ другую: вмѣсто того, чтобъ укрѣпляться и насаждать порядокъ, она только перемѣнитъ источникъ золь. Повторится натискъ реакціи, которая передъ фрюкtidоромъ едва не отодвинула Францію далеко назадъ. Могутъ снова повториться насилія, залившія кровью торжество термидорцевъ, ліонскія жестокости, сентябрьскія звѣрства Прованса, ибо у бѣлаго Юга, какъ и у краснаго Парижа, были свои сентябристы. Порожденные революціей интересы уже затронуты; можетъ произойти общее смятеніе. Всѣ, у кого ст революціей связано ихъ будущее, дѣла, карьера, страсти, или слава—покупщики національныхъ имуществъ, политики, философы, военные—отпадутъ отъ перебѣжчика Бонапарта и пойдутъ искать спасенія въ другомъ мѣстѣ. Если онъ отпуститъ отъ себя этихъ людей, изъ которыхъ лучшіе помогали его возвышенію, если онъ оторвется отъ этой базы, настроеніе массъ еще недостаточно прочно для того, чтобы поддержать его и нести его дальше, и онъ вынужденъ будетъ отдаться въ руки партіи, которая видитъ въ немъ лишь временное орудіе—стать плѣнникомъ реакціи.

Безъ сомнѣнія, онъ и самъ чувствуетъ необходимость вызвать реакцію тамъ, гдѣ она законна и неизбежна, но эта реакція должна быть направлена въ его пользу; онъ вызоветъ ее, когда самъ найдетъ нужнымъ и своевременнымъ, и съ тѣмъ, чтобы въ его власти всегда было остановить ее, удержать въ извѣстныхъ границахъ. Если предоставить ее собственной участи и самому отдаться теченію, потокъ опрокинетъ его, умчитъ и броситъ разбитымъ къ ногамъ претендента. И такъ, онъ останется на сторонѣ революціи, но при этомъ усиливаясь внести въ нее примиреніе и великодушіе. Въ его правительство будетъ открытъ доступъ и справа, и слѣва, но главнымъ образомъ слѣва, по крайней мѣрѣ по внѣшности. Прежде, чѣмъ добиться

слиянiя всѣхъ французовъ, онъ объединитъ революціонеровъ на почвѣ республики, исполненной привѣтливости и сердечности; умѣряя ихъ страсти, сдерживая ихъ эксклюзивизмъ, онъ долго еще будетъ льстить ихъ предрасудкамъ, ихъ манiямъ, ихъ поклоненiю кумирамъ, а главное— объявитъ неприкосновенными ихъ интересы и ихъ имущества. Отнынѣ лозунгомъ временнаго консульства, всюду извѣстнымъ и вездѣ повторяемымъ, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи, будетъ: «Не надо реакціи».

5.

Въ Парижѣ реакція проявлялась по парижски, т. е. въ водевиляхъ и пѣсняхъ. Всѣ политическіе кризисы въ то время находили откликъ на театрѣ, въ пьесахъ на случай, сшитыхъ на живую нитку, скоро пріѣдавшихся, эфемерныхъ, интересныхъ лишь тѣмъ, что онѣ были написаны на злобу дня. Брюмерскія событія вызвали къ жизни цѣлую такую литературу. Уже 21-го въ скромномъ театрѣ *Молодыхъ Артистовъ* данъ былъ сигналъ представленiемъ маленькой пьески «*bluette*», озаглавленной *Первый лучъ солнца*. А 22-го въ комической оперѣ, или въ итальянскомъ театрѣ, весьма усердно посѣщаемомъ, поставили *Les Mariniers de Saint Cloud*, шутливый алооеозъ «дня избавленiя»¹⁾. Пьеса имѣла необычайный успѣхъ; въ ней нравилась и лесть, въ изобиліи расточаемая Бонапарту, и мѣткія словечки по адресу изгнанныхъ депутатовъ, «шарлатановъ, интригановъ, разбойниковъ, тирановъ», противъ ихъ секты и клики²⁾. Шумное одобренiе публики разрослось въ цѣлую контръ-революціонную манифестацію. Толчекъ былъ данъ, всѣ театры стали готовить къ постановкѣ анти-якобинскія, анти-парламентскія пьесы.

Консульское правительство не замедлило обратить на это вниманіе и вмѣшаться. Но такъ какъ народныя страсти

1) *Moniteur*, 3 фримера.

2) „Napoléon et les théâtres populaires“, *Maurice Albert; Revue des Deux Mondes*, 15-го іюня 1902 г. — *Henry Lecomte*, „Napoléon et l'empire, racontés par le théâtre“, 48—53.

слѣдовало обуздывать, не идя имъ круто въ разрѣзъ, такъ какъ было условлено, что новое правительство прежде всего будетъ терпѣливымъ и либеральнымъ, Фуше началъ съ очень легкихъ мѣръ. вмѣсто того, чтобы запретить пьесу, онъ сдѣлалъ попытку убѣдить администрацію Комической Оперы добровольно снять ее съ репертуара, принеся въ жертву крупный барышъ на алтарь согласія. Онъ написалъ директорамъ письмо, гдѣ высказываетъ очень возвышенныя и справедливыя мысли по поводу одного *impromptu*: «Когда всѣ страсти должны смолкнуть передъ закономъ, когда мы готовы принести въ жертву желанію внутренняго мира всю нашу жажду мести за обиды, когда и народъ и его правители энергично выражаютъ свою волю въ этомъ направленіи и сами подають трогательный примѣръ незлопамятности, никому не дозволено итти наперекоръ этому желанію. Вы покоритесь ему, граждане. Я достаточно высококачественнаго мнѣнія о вашемъ патріотизмѣ, и убѣжденъ, что вы, не дожидаясь моего приказа, пожертвуете вашей пьесой въ интересахъ общественаго спокойствія».

Въ то-же время центральному ¹⁾ бюро полиціи поручено было слѣдить за театрами, заблаговременно знакомиться съ содержаніемъ пьесъ, «не допускать на сценѣ ничего, что можетъ свращать умы, питать ненависть, длить тягостныя воспоминанія» ²⁾.

Администраторы Комической Оперы не вняли увѣщаніямъ министра. вмѣсто того, чтобы снять пьесу съ репертуара, они только прислали ее въ главное бюро съ предложеніемъ сдѣлать въ ней нѣсколько купюръ. Полиція пошла на этотъ компромиссъ и создала себѣ массу работы, такъ какъ теперь на одобреніе ея стало поступать множество рукописей, водевилей, комедій, сатиръ. Большая часть этихъ пьесъ очень рѣзко и ярко отражали настроеніе умовъ; въ одной, *le Représentant postiche*, былъ выведенъ на сценѣ депутатъ «совершеннѣйшимъ болваномъ»; въ другихъ выведены бывшіе совѣты и директорія подъ видомъ комическихъ, или гнусныхъ персонажей; якобинцы выводились подъ очень прозрачными омонимами: *разбойника, стилета*,

¹⁾ Газеты за 24-е.

²⁾ Національный архивъ А.Ф. IV, 1329.

сокрушителя и пр. ¹⁾). Центральное бюро сокращало, вымарывало, вычеркивало, но все-же пропустило достаточное количество пьесъ для того, чтобы программа театральныхъ представлений на 28-е брюмера могла быть составлена слѣдующимъ образомъ; у Итальянцевъ *Унтера въ Сенъ-Клу*; въ театрѣ Трубадуровъ: *Ловля якобинцевъ, или день въ Сенъ-Клу*; въ Водевильѣ: *Флюгеръ Сенъ-Клу*; въ театрѣ Національныхъ Побѣдъ: *Девятнадцатое брюмера или день въ Сенъ-Клу*; въ театрѣ Мольера: *День въ Сенъ-Клу, или не сбывшіяся ожиданія*. Въ урѣзанныхъ цензурою пьесахъ публика все таки искала намековъ и находила ихъ, и тогда подымалась буря аплодисментовъ и криковъ, и мстительныхъ свистковъ; публика рада была отвести душу, осыпавъ оскорбленіями побѣжденныхъ, этихъ смѣшныхъ и гнусныхъ тирановъ, вышедшихъ изъ подонковъ общества и заставившихъ Францію столько страдать; а якобинцы, получая удары, въ свою очередь, ревѣли и неистовствовали, какъ только могли.

Изъ театровъ и запертыхъ помѣщеній реакція перешла на улицу, проявляясь въ тысячѣ формъ. Въ витринахъ эстампныхъ магазиновъ появился цѣлый цвѣтникъ карикатуръ, раскрашенныхъ картинокъ, на которыхъ депутаты фигурировали въ самомъ плачевномъ видѣ; на одной народъ былъ изображенъ въ видѣ бѣдняка носильщика, который вздохнулъ свободно, сбросивъ съ плечъ своихъ къ ногамъ тяжелую ношу: груды красныхъ лохмотьевъ, связку парламентскихъ тогъ; внизу подпись: «Семьсотъ пятьдесятъ это слишкомъ» ²⁾). А что это за афиша на стѣнахъ? *Прощаніе Отца Дюшена съ французами*, предполагаемое завѣщаніе разбитаго и обращеннаго въ бѣгство якобинства. На перекресткахъ бродячіе пѣвцы во все горло распѣвали якобинскую пѣсенку; *Фанфары Сенъ-Клу*; другіе расхаживали по улицамъ, распѣвая куплеты въ томъ же духѣ, или жалобу бѣднаго депутата, выброшеннаго въ окно.

Мелкая печать также пестритъ издѣвательствами по адресу *законниковъ* и плачевнаго бѣгства ихъ черезъ лѣсъ; на нихъ сыплются и шуточки, и грубыя обиды; одна газетка увѣряетъ, будто одинъ изъ депутатовъ на бѣгу выро-

¹⁾ *Aulard*, „Le Lendemain du 18 Brumaire“ 226—227.

²⁾ Коллекція Фредерика Масона.

нили изъ кармана бумагу, кѣмъ-то подобранную и заключающую въ себѣ цѣлую программу народнаго образованія, гдѣ дѣтямъ рекомендовалось внушать слѣдующія добродѣтели: «невѣжество, воровство, нечестіе, неуклонное соблюденіе закона о правѣ сильнаго» ¹⁾. Насмѣшки сыплются со всѣхъ сторонъ, обѣглцовъ хлещутъ язвительными словами, провокаютъ ихъ галопаду адскимъ шиканьемъ и свистомъ.

Явные роялисты не скрывали больше своихъ замысловъ и надеждъ, превознося Бонапарта; въ то же время они упорно смотрѣли на него, какъ на переходную ступень къ болѣе прочному и окончательному строю, называли его «Королевскимъ мостомъ» (*Pont Royal*) ²⁾. Ихъ газеты, весьма многочисленные, пользовались «давнишней усталостью народа и накопившейся въ немъ ненавистью къ людямъ, предписывающимъ законы» ³⁾, чтобы дискредитировать самую идею народнаго представительства: лучше ужъ одна концентрированная власть, иными словами, король. Парижскіе католики требовали возвращенія еще церковей, кромѣ тѣхъ, которыми скупно надѣлилъ ихъ умирающій конвентъ. Въ *Notre-Dame* конституціонный епископъ Ройе съ кафедры назвалъ 18-е брюмера началомъ религіозной реставраціи. Торговцы опять стали открывать лавки въ десятый день и закрывать ихъ по воскресеньямъ, на свой ладъ протестуя противъ нетерпимости наизнанку, перемѣнившей день обязательнаго отдыха. Въ городѣ циркулировали брошюрки и слухи о скоромъ возвращеніи къ старымъ порядкамъ, объ отмѣнѣ новой системы мѣръ и вѣсовъ, республиканскаго календаря, республиканскихъ празднествъ и декадъ; народъ тѣшилъ себя надеждой, что вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ отмѣненъ и сугубо-ненавистный налогъ на съѣстные припасы. Случалось, народъ силою препятствовалъ исполненію закона. Бывали и уличныя беспорядки: передъ монастыремъ св. Бенедикта взбунтовавшаяся толпа вырвала изъ рукъ стражи эмигранта, контрабандой вернушагося въ столицу; при

¹⁾ *L'Aristarque*, 3 фримера. — Отчетъ о дѣятельности центрального бюро за фримеръ. Национальный архивъ, AF, IV, 1329.

²⁾ Архивъ Шантильи, Переписка агентовъ Конде, 2 января 1800 г.

³⁾ *Moniteur*, 3 фримера.

этомъ чуть не убили полицейскаго офицера и порядкомъ помяли нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ ¹⁾.

Напрасно твердили офиціозныя газеты, что реакціи не будетъ; она казалась неизбежною многимъ, вначалѣ примкнувшимъ къ консульскимъ начинаніямъ, и тѣмъ, кто былъ другомъ еще наканунѣ, и тѣмъ, кто смирился на другой день послѣ переворота. Дѣло въ томъ, что за парижскими манифестантами и театральными буянами имъ видѣлись болѣе опасные враги: возвратившіеся на родину эмигранты, готовые выйти изъ своихъ потайныхъ убѣжищъ, священники, занимавшіеся политической пропагандой, и, еще дальше, неугасавшій мятежь на западѣ, союзы Жиронды и Шаранты, провансальскія банды, вооруженная и свирѣпая контръ-революція, которая никогда не отказывалась отъ борьбы и теперь легко могла поднять голову. 27-го брюмера главный яacobинскій органъ, бывшая *Газета свободныхъ людей*, возвысила голосъ, чтобы обличить «элементы смертоносной реакціи», приводя цѣлый рядъ дѣйствительныхъ или выдуманныхъ актовъ насилія, совершенныхъ въ провинціи надъ республиканцами, и много дней подрядъ наполняла свои столбцы ужасающей хроникой происшествій. Даже очень враждебныя яacobинству газеты высказывали опасеніе, какъ-бы опять не забрали силу «яacobинцы реакціи» ²⁾.

Къ этимъ тревогамъ печати присоединились и тревоги въ парламентѣ, т. е. въ комиссіяхъ, составлявшихъ продолженіе совѣтовъ. Отчетъ о засѣданіи комиссіи пятисотъ 26-го брюмера гласитъ: «Многіе члены комиссіи выражаютъ неудовольствіе по поводу сатиръ и язвительныхъ остротъ, содержащихся въ театральныхъ пьесахъ, написанныхъ на злобу дня, 18-е брюмера. Постановлено: двумъ членамъ инспекціи отправиться къ министру полиціи съ предложеніемъ воспретить представленіе пьесъ, нарушающихъ предписываемое закономъ уваженіе къ народному представительству ³⁾».

Не дождавшись этого запроса, консулы сами высказались, и очень ясно, устами авторитетнаго уполномочен-

¹⁾ *Ami des lois*, 29 брюмера.

²⁾ *Ami des lois*, 26 брюмера.

³⁾ *Moniteur*, 28 брюмера.

наго. Еще наканунѣ, въ комиссіи, Кабанисъ, любившій выступать въ качествѣ оратора и брать подъ свою защиту правительство, торжественно отрекся, отъ имени консуловъ и ихъ друзей, отъ всякой идеи о реакціи. Онъ напомнилъ, что *coup d'état* 18-го брюмера былъ дѣломъ рукъ умѣренныхъ и съ нѣскольکو наивнымъ самодовольствомъ поздравляетъ эту партію,—самъ будучи однимъ изъ ея корифеевъ, съ тѣмъ, что на этотъ одинъ единственный разъ она сумѣла проявить инициативу и энергію, словно забывъ, что барабаны и штыки, что рѣшительность Мюрата и Леклерка очень кстати поддержали ослабѣвающую отвагу умѣренности. «Вы доказали имъ,—т. е. факціямъ и фанатикамъ всѣхъ лагерей, — что умѣренные умѣютъ дерзать, когда это нужно; теперь вы покажете имъ, какова должна быть энергія умѣренности послѣ побѣды» ¹⁾.

Правительство не ограничилось этимъ манифестомъ; оно присоединило къ слову дѣло. Относительно театровъ были наконецъ приняты радикальныя мѣры: запрещеніе всѣхъ пьесъ, «заглавіемъ своимъ сколько-нибудь напоминающихъ о брюмерскихъ событіяхъ», и приказъ представить на разсмотрѣніе администраціи всѣ пьесы, «имѣющія отношеніе къ революціи, въ какое бы время онѣ ни были поставлены» ²⁾. Полиція заставила убрать изъ витринъ карикатуры на депутатовъ; въ донесеніи центральнаго бюро о его дѣятельности говорится даже: «Воспрещено пѣвцамъ пѣть и продавать на улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ пѣсни, имѣющія отношеніе къ брюмерскимъ событіямъ и оскорбительныя для народнаго представительства» ³⁾. Предписано было молчать о «переездѣ на другую квартиру (*deménagement*) пятисотъ» и сценахъ въ оранжереѣ ⁴⁾. Казалось, консульство хотѣло во что-бы то ни стало омыть себя отъ первороднаго грѣха и заставить республиканцевъ, дорожащихъ формами, забыть, что оно возвысилось при помощи насилія; впервые еще правительство на глазахъ у всѣхъ отрекалось отъ своего происхожденія и запрещало говорить о немъ.

1) *Moniteur*, 28 брюмера.

2) Национальный архивъ. AF. IV, 1329.

3) *Ibid.*

4) По выраженію газеты *Aristarque*, 3 фримера.

Противъ реакціонныхъ сборищъ генераль Лефевръ выпустилъ строгую прокламацію, предписывая войскамъ разгонять такія сборища силой, предварительно предложивъ разойтись честнымъ гражданамъ и любопытнымъ». Слишкомъ рьянымъ проповѣдникамъ ¹⁾ были сдѣланы выговоры; епископъ Ройе призванъ къ умѣренности. Расклеенныя по городу афиши доводили до свѣдѣнія жителей, что всѣ республиканскіе законы по прежнему остаются въ силѣ, и распространители противоположныхъ слуховъ будутъ преслѣдуемы судомъ. Наконецъ, чтобы доказать, что правительство продолжаетъ держаться лѣвой и не ищетъ виновныхъ среди республиканцевъ, консулы отмѣнили свой приговоръ пятидесяти девяти якобинцамъ, замѣнивъ ссылку простымъ арестомъ. Поводомъ къ отмѣнѣ послужилъ рапортъ Камбасереса, составленный по приказанію Бонапарта и убѣждавшій предать забвенію мимолетныя заблужденія. «Дѣло суда, сказалъ консулъ, поправлять глупости, которыя творить полиція» ²⁾. Тѣмъ не менѣе, оказывалось, что Фуше ловко велъ свою игру: онъ разогналъ опасенія Сійэса, составивъ списокъ подлежащихъ ссылкѣ, и въ то-же время, преувеличивъ принятыя мѣры, далъ поводъ Бонапарту отмѣнить ихъ и провести политику республиканскаго согласія.

Всѣ указы, направленные къ тому, чтобы затормозить реакціонное движеніе, были обнародованы почти одновременно, между 30 брюмера и 6 фримера; это было сдѣлано съ цѣлью сильнѣе подѣйствовать на парижанъ. Въ то-же время раздалось и правительственное слово, обращенное ко всей странѣ; министры внутреннихъ дѣлъ и полиція разослали каждый своимъ подчиненнымъ и обнародовали циркуляръ, гарантирующій отъ возвращенія эмигрантовъ и преобладанія какого-бы то ни было культа.

Въ официальномъ языкѣ двухъ министровъ однако чувствуется разница. Лапласъ стоитъ на почвѣ философской непреклонности; онъ ополчается противъ религій: «Не упускайте ни одного случая доказать вашимъ согражданамъ, что *суетerie* не больше роялизма выиграетъ отъ перемѣнъ,

¹⁾ *Moniteur*, 3 фримера.

²⁾ *Cambacérés*, „Eclaircissements inedites“.

происшедшихъ 18-го брюмера». Фуше, болѣе гибкій, лучший политикъ, вкладываетъ въ свою официальную прозу смѣсь твердости и умилительнаго благодушія; онъ объявляетъ эмигрантамъ, что Франція навсегда отторгла ихъ отъ своего лона, но при этомъ желаетъ имъ найти «если они могутъ, покой и миръ вдали отъ родины, которую они хотѣли поработить и погубить». Онъ говоритъ также: «Да будетъ вѣдомо тѣмъ, кто еще вѣритъ въ химеру возстановленія королевской власти во Франціи, что республика нынѣ упрочена. Пусть фанатики оставляютъ надежду добиться господства не знающаго терпимости культа; правительство равно покровительствуетъ всѣмъ исповѣданіямъ, не поощряя ни одного изъ нихъ въ особенности». — *Правительство равно покровительствуетъ всѣмъ исповѣданіямъ*,—эти слова, сулящія жестоко гонимому католицизму миръ и, наравнѣ со всѣми, защиту закона, были произнесены извѣстнымъ осквернителемъ церквей, страшнымъ иконоборцемъ 1793 года. Но Фуше умѣлъ всегда быть на высотѣ положенія; онъ, съ своимъ тонкимъ чутьемъ, первый проникся новыми вѣяніями, исходящимъ отъ правительства духомъ умѣренности.

Уже 29 брюмера консулы рѣшили войти въ непосредственныя сношенія съ департаментами. Законъ 19-го брюмера предоставлялъ имъ право посылать делегатовъ въ провинцію; они назначили двадцать-четыре такихъ уполномоченныхъ, по одному на каждую военную дивизію. Эти *missi dominici* получили инструкцію въ формѣ постановленія консуловъ, съ приложеніемъ объяснительной замѣтки ¹⁾. Они посылались для того, чтобы представить брюмерскія событія въ истинномъ свѣтѣ, истолковавъ ихъ въ смыслѣ торжества умѣренности. Они могли въ случаѣ надобности увольнять очень ужъ гнусныхъ чиновниковъ и закрывать клубы, но этой властью имъ рекомендовалось пользоваться весьма осмотрительно, преимущественно же изслѣдовать и изучать настроеніе общества, настроеніе администраціи. Въ особенности же имъ предписывалось убѣждать всѣхъ выкинуть изъ памяти названія и оскорбительныя

¹⁾ Это постановленіе имѣется въ „Перепискѣ Наполеона“ т. VI; объяснительная замѣтка приведена *Aulard*’омъ въ „le Lendemain du 18 Brumaire“, 240—241.

прозвища партій, лично подавая примѣръ сдержанностью и кротостью въ рѣчахъ, гасить ненависть, трудиться на пользу упроченія республики, путемъ примиренія, избѣгать всякаго столкновенія съ военными властями и по возможности дѣйствовать заодно съ ними, «не ѣздить въ департаменты, гдѣ все спокойно и гладко идетъ — и поскорѣе возвращаться»).

Избранные делегаты были старые конвенціоналисты и депутаты, примкнувшіе къ брюмерцамъ, хотя довольно различныхъ тенденцій; въ списокѣ фигурируютъ Маллармэ, Фабръ де л'Одъ, Барре, Шоссе, Лекуантъ-Пюираво, Крошонъ, Жаръ-Панвилле. Сійэсъ бралъ только людей съ настоящимъ революціоннымъ прошлымъ¹⁾. Всѣмъ предписывалось держать себя скромно, дѣйствовать безъ шума, безъ помпы, чтобы ничѣмъ не напоминать оставившихъ по себѣ такую страшную память делегатовъ Конвента. Да и недостатокъ въ деньгахъ вынуждалъ стоять за простоту. На путевые расходы делегатовъ было выдано всего сто тысячъ франковъ на всѣхъ. Нѣкоторые взяли почтовыхъ лошадей; другіе храбро отправились на перекладныхъ, въ дилижансѣ²⁾ — скромность, приличествовавшая представителямъ власти, которая выставяла себя не столько укротительницей партій, сколько общей миротворицей, трудолюбиваго, практическаго правительства, казалось, желавшаго занять положеніе мирового судьи для всѣхъ французовъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ консульскимъ легатамъ предстояла довольно трудная задача, ибо броженіе, обнаружившееся въ городахъ, теперь перешло въ деревни, въ видѣ агитаціи почти антиобщественной. Повсюду разнесся зажигательный слухъ, что ни одна изъ общественныхъ повинностей не переживетъ паденія директоріи: разъ Бонапартъ,

¹⁾ *Bulletin royaliste*, 20 ноября. „Шазаль предложилъ *клиншица* *), творившаго на своемъ вѣку всевозможныя гнусности; онъ былъ принятъ, но затѣмъ позорно вычеркнутъ изъ списка, по настоянію Сійэса—Арх. Шантильи.

*) *Clichien*—роялистская партія, образовавшаяся во Франціи послѣ 9-го термидора и разбитая 18 фрюктидора, получила свое названіе отъ сада Клиши, гдѣ въ первое время собирались ея члены.—*Прим. пер.*

²⁾ *Le Publiciste*, 6-го фримера.

этотъ магъ и чародѣй, прогнавъ директоровъ, всѣ напасти должны прекратиться: не будетъ больше ни налоговъ, ни обложенія въ пользу арміи, ни реквизицій, ни конскрипцій; и народъ волновался, когда представители власти напоминали ему, что законы еще существуютъ и что нужно ихъ исполнять.

Въ самыхъ различныхъ пунктахъ, въ Луарэ, Уазѣ, Франшъ-Конте, въ сѣверномъ районѣ, обнаруживались симптомы анархіи среди крестьянскаго населенія, и власти объясняли это происками реакціонеровъ¹⁾. Изъ Вельгіи крестьяне департамента *Двухъ Нэтъ* силой отпирали церкви, отказывались платить заставныя пошлыны и нападали на сборщиковъ. Въ Брюгге «пришлось дважды официально опровергать слухъ о прекращеніи уплаты податей»²⁾. Даже у воротъ Парижа были округа, отказывавшіеся платить налоги; въ Пьерфиттѣ всѣ дѣла пришли въ разстройство. «Народъ, увѣренный злонамѣренными людьми, будто Бонапартъ отмѣнилъ всѣ налоги, отказывается платить положенную дань...»³⁾. Въ другихъ мѣстахъ крестьяне ополчились противъ сбора на содержаніе въ исправности дорогъ и поколотили сборщиковъ⁴⁾. Крестьянамъ трудно было повѣрить, чтобы гибель правительства насилія и гнета не была равносильна упраздненію вообще всякаго правительства. Въ торжествѣ Бонапарта они видѣли не столько наступленіе эры преобразованій, сколько паденіе тираніи, и праздновали это радостное событіе грубыми возліяніями, забавами спущенныхъ съ цѣпи рабовъ. Фактъ странный, а между тѣмъ неоспоримый: появленіе великаго водворителя порядка, котораго считаютъ прежде всего освободителемъ французовъ, пребывавшихъ въ рабствѣ у революціонной факціи. вызвало прежде всего усиленные безпорядки.

1) Военный архивъ, общая переписка; донесенія изъ Орлеана и Амьена отъ 23 и 24 брюмера.—*Roederer*, VI, 394.

2) *Lauzac de Laborie*, „la Domination française en Belgique“ I, 307.

3) *Schmidt*, „Tableaux de la Révolution“, III, 474.

4) *Moniteur*, 3 фримера.

Глава XI

Франція при временномъ консульствѣ.

Парижъ.

Реакціонное броженіе стихаетъ. — Осторожность Бонапарта. — Парижъ таковъ, какимъ его сдѣлала революція. — Контрасты. — Общая запущенность. — Памятники и учрежденія; парадоксальное примѣненіе ихъ. — Улица. — Паразитныя отрасли промышленности. — День парижанъ. — Бомондъ. — Безумная жажда наслажденій. — Вліявіе Бонапарта на моды. — Спокойные объѣды. — Салоны. — Театръ. — Улицы небезопасны. — Избытокъ проституціи. — Темные и опасные элементы. — Армія контрабандистовъ. — Грабежъ въ Пале-Рояль. — Разговоръ Бонапарта за завтракомъ; какъ онъ пользуется печатью. — Либерализмъ и воздержаніе полиціи. — Газеты. — Воскресеніе *Газеты Свободныхъ Людей*. — Политика Фуше; революціонная защита. — Неувѣренность и колебанія въ настроеніи парижскаго общества. — Какъ Бонапартъ завоевалъ Парижъ.

1.

Въ общемъ, консульство лучше принимали, чѣмъ слушали, охотнѣе рукоплескали, чѣмъ повиновались ему. Однако въ Парижѣ буйства реакціонеровъ прекратились довольно скоро, такъ какъ населеніе оставалось неспособнымъ къ сильному длительному подъему. Спокойствіе, по крайней мѣрѣ внѣшнее, было восстановлено; что-же теперь предприметъ Бонапартъ? примется ли онъ муштровать Парижъ, начнетъ ли преобразование Франціи съ приданія приличнаго и благоустроеннаго вида ея столицѣ? Въ этомъ отношеніи работы предстояла масса, такъ какъ даже наиболѣе враждебные революціи классы населенія, сталкиваясь съ ней

заимствовали отъ нея привычки разнузданности; наряду съ анархистами по убѣжденію, сколько сдѣлались «анархистами по привычкѣ»¹⁾. Въ результатѣ получилось общее разслабленіе, небрежность, распушенность. Этотъ хаосъ оскорблялъ Бонапарта, претилъ его инстинкту порядка, его прирожденной страсти къ систематичности. Но онъ понималъ, что если онъ поспѣшитъ, круто обойдется съ парижанами, слишкомъ рано начнетъ муштроватъ ихъ, они могутъ и заупрямиться. Нѣтъ, онъ лишь постепенно, очень постепенно дастъ имъ почувствовать свою власть. Не злоупотребляя, даже не пользуясь правами и полномочіями, унаслѣдованными имъ отъ прежнихъ правительствъ, онъ даетъ Парижу иллюзію свободы и едва рѣшается чуть-чуть подтянуть возжи.

Странный какой-то, нескладный этотъ Парижъ первыхъ недѣль консульства, Парижъ переходной эпохи, гдѣ старое общество робко-робко пытается поднять голову, а рядомъ кипитъ и бурлитъ другое, только-что народившееся общество, живущее чисто внѣшней жизнью. Внѣшній видъ города — какой то сумбуръ, путаная амальгама безобразія и красоты, молодые побѣги, пробивающіеся сквозь развалины. Прибывающій въ Парижъ иностранецъ, осмѣлившійся вернуться изгнанникъ, которому съ чужихъ словъ мерещатся всѣ ужасы террора, ожидаетъ найти Парижъ въ крови и развалинахъ, увидѣтъ страшную печать террора, «кровь, отрубленные головы»; но если онъ заговоритъ объ этомъ, ему отвѣчаютъ. — «О, это уже старо!»²⁾.

Если онъ пріѣхалъ съ запада, онъ прежде всего видитъ Елисейскія поля, болѣе прежняго оживленные, хотя еще сохранившія видъ дубравы. Вообще, съ западной стороны столица удивительно красива. Директоріи угодно было обратить площадь Согласія, кровавую площадь революціи, нынѣ окруженную вновь отстроенными зданіями и зелѣнющими садами, въ величественное преддверіе столицы. «Мостъ, Тюльери, Елисейскія Поля, набережныя, дворецъ Бурбоновъ, — все это вмѣстѣ составляетъ замѣчательный

¹⁾ *Mallet du Pan*, „la Révolution française vue de l'étranger“, p. 538.

²⁾ Архивъ Шантлильи, письмо отъ 1-го дополнительнаго дня VIII года.

ансамбль»¹⁾. Влѣво отъ Елисейскихъ Полей, за предмѣстьями Онорэ и Руль, вырастаетъ новый городъ, свѣтлый, роскошный: кварталы Анжу, Шоссе-д'Ангэнъ, Роше, кварталы, поднимающіеся въ гору къ Поршеронамъ и Монмартру; городъ разжившихся людей, поставщиковъ, генераловъ, набившихъ карманы въ Италиі, артистовъ и комедіантокъ. Тамъ любятъ селиться всѣ тѣ, кого выдвинула революція, кого она вывела въ люди; въ своихъ красивыхъ отеляхъ съ греческимъ фронтономъ и колоннадами, въ обстановкѣ, которая уже начинаетъ приближаться къ строгому античному стилю, среди краснаго дерева, золота, фрескъ, коринѳской рѣзбы и гармоніи полосатыхъ тканей съ нѣжными тонами фона, они довольно неуклюже учатся быть изящными.

За бульваромъ тянется опять старый городъ, но весь взбудораженный, перевернутый вверхъ дномъ. И королевскій Парижъ, раскинувшійся по обоимъ берегамъ рѣки, былъ полонъ контрастовъ роскоши и нищеты; теперь контрасты еще сильнѣй бьютъ въ глаза, такъ какъ революція только перемѣстила роскошь и усилила нищету. Отдѣльныя мѣста стали красивѣе. Чище прежняго содержится Тюльери съ его мраморными амфитеатрами, квадратами зелени и цѣлымъ войскомъ статуй; противоположный саду фасадъ дворца, выходящій на Карусель, ободранный пулями 10-го августа, такимъ и остался; нижняя часть его исчезаетъ подъ густой растительностью — республика стыдливо прикрываетъ зеленью жилище королей. Хорошъ Ботаническій садъ на другомъ концѣ города, обогатившійся новыми растеніями и музеемъ, созданный похвальнымъ усиленіемъ революціи, съ цѣлью организовать науку. Но отъ Люксембурга, его цвѣтниковъ, его тѣнистыхъ кущъ остались однѣ руины; эспланада Инвалидовъ вся въ ямахъ и рытвинахъ; садъ Пале-Рояля до такой степени опустошенъ, что его пришлось закрыть на нѣсколько мѣсяцевъ для того, чтобы привести въ порядокъ. Памятники, даже и тѣ, что присвоила себѣ революція, ограблены, расшатаны и ежеминутно грозятъ рухнуть. Ограблены, осквернены безчисленныя церкви и могущественныя аббатства, хранилища богатствъ и со-

¹⁾ „Lettres de Charles de Constant“, стр. 26.

кровищъ искусства; ихъ шпицы сломаны, статуи вывезены, гробницы опустошены. Часть церквей, именуемыхъ *храмами*, служатъ въ извѣстные часы для отправленія культа декады; въ остальное время здѣсь уживаются, хотя и не мирно, другіе культы—католическій, конституціонный, теофилантропическій, соперничающіе и взаимно ненавистные другъ другу.

Даже и эти церкви ограблены, лишены своихъ сокровищъ, и *Музей французскихъ памятниковъ* на набережной Августинцевъ могъ только подобрать обломки колоссальнаго крушенія. Зато Лувръ пополняется сокровищами, награбленными въ Италіи; оттуда то и дѣло прибываютъ чудеса, шедевры — Аполлонъ Бельведерскій, Венера Капитолійская, Лаокоонъ, еще не совсѣмъ раскупоренные, едва выглядывающіе изъ залитыхъ гипсомъ ящичковъ, куда ихъ уложили на дорогу. Бронзовая квадрига¹⁾, приписываемая рѣзцу Фидіа и похищенная изъ Венеціи, пока стоитъ въ саду Инфанты; ее хотятъ перевезти на площадъ Побѣдъ и впречь четверку въ триумфальную колесницу.

На площадяхъ стоятъ осиротѣвшіе пьедесталы безъ статуй; аллегоріи изъ дерева и гипса, обломки революціонныхъ апофеозовъ, осыпающихся подъ дождемъ. На площади Побѣдъ, на Вандомской, на Королевской площадяхъ и въ прилегающихъ къ нимъ кварталахъ фасады старинныхъ, величественныхъ зданій пестрѣютъ кричащими вывѣсками, нарушающими гармонію линій и симметрію. Жилища знати, аристократическіе отели Сень-Жерменскаго предмѣстья, отели богачей въ Марэ, за исключеніемъ тѣхъ, которые спасли капиталисты, забравъ ихъ себѣ, превращены въ увеселительныя заведенія, въ аукціонные залы, въ агентства, попали въ руки парижскихъ спекуляторовъ, шарлатановъ, сводней. Все не на мѣстѣ; биржа — въ церкви Батюшекъ (*Petits-pères*), общественный залъ — залъ Зефировъ — на кладбищѣ близъ церкви Св. Стюльпиція. Попадаются курьезнѣйшія учрежденія, невозможное сочетаніе именъ; въ улицѣ Ангуана открыли пріютъ для жертвъ государственныхъ банкротствъ, убѣжище для рантье.

¹⁾ Двуколесная греческая колесница, запряженная четверкой лошадей. *Прим. пер.*

Госпитали, отданные подъ покровительство мірскихъ добродѣтелей, сидятъ безъ денегъ, и однако дивный институтъ Валентина Гаюи ¹⁾ существуетъ; дѣтище аббата Сикара ²⁾ пережило изгнаніе своего автора; въ Божонѣ иностранецъ дивится успѣхамъ благотворительности, умѣло пользующейся всѣми ресурсами, предоставляемыми ей наукой,—благотворительности, созданной порывомъ гуманности и тѣмъ толчкомъ къ великодушной помощи ближнему, который революція въ первое время давала умамъ ³⁾.

Но кварталы, гдѣ обитали духовное сословіе и церковная благотворительность, линія монастырей, примыкавшая къ террасѣ Фельянтинцевъ, городъ духовенства, ютившійся подъ сѣнью собора Парижской Богоматери, Сорбонна и ея коллегіи, очаги церковной учености и обширныя монастырскія общинныя земли за уцѣлѣвшими кварталами лѣваго берега, — все это отдано въ жертву спекуляціи, ломкѣ, военнымъ поставкамъ, скороспѣлой и нечистой наживѣ, или же просто пошло подъ клоаки и свалки мусора; цѣлые кварталы преобразились въ сплошные магазины торговцевъ старымъ тряпьемъ и всевозможными отбросами.

Останемся въ центрѣ. Подъ осеннимъ небомъ, чернымъ, какъ сажа, скверно вымощенныя улицы, лишенныя тротуаровъ, изборожденныя посерединѣ зловонными ручьями, извиваются между домовъ съ грязно-желтыми фасадами, съ неровными крышами, причудливой архитектуры, съ которыхъ глазъ бы не свести нашимъ современнымъ любителямъ живописнаго. На обезображенныхъ площадяхъ еще виднѣются на облѣзшихъ древкахъ красныя фригійскіе колпаки, деревья свободы, увѣшанныя трехцвѣтными лохмотьями; на каждомъ углу переправленныя или сокращенныя надписи съ урѣзанными именами святыхъ; нижніе этажи домовъ всѣ сплошь заклеены афишами, такъ какъ каждому предоставляется невозбранное право расклеивать

¹⁾ Valentin Haüy, братъ знаменитаго минералога, создателя кристаллографіи, — основатель пріюта для слѣпыхъ дѣтей; ему первому пришла идея выпуклой азбуки для слѣпыхъ. (1745—1822). *Прим. пер.*

²⁾ Sicard (аббатъ) — знаменитый наставникъ глухонѣмыхъ (1742—1822). *Прим. пер.*

³⁾ Charles de Constant, 67.

что ему только угодно; граждане-сосѣди перебраниваются на стѣнахъ, вывѣсивая плакаты, наполненные грубой руганью; афиши позорятъ памятники и пачкаютъ фонтаны. На шоссе вы теперь мало увидите красивыхъ и опрятно содержимыхъ экипажей и совсѣмъ не видно каретъ съ гербами, зато имѣются 1,162 извозничьихъ фіакра, съ нерѣдко проставленными мѣломъ нумерами и женщинами на козлахъ; въ улицахъ Майль и Дени по цѣлымъ днямъ стоятъ ломовыя телѣги, загромаждая проѣздъ; 2,690 кабріолетовъ во весь опоръ мчатся по городу, давя, пугая, опрокидывая въ своей безумной скачкѣ прохожихъ; въ газетахъ стонъ стоитъ отъ жалобъ на эти «смертоносныя орудія»¹⁾. По тротуарамъ торопливо шагаютъ съ озабоченнымъ видомъ дѣловые люди, мелкими шажками бѣгутъ парижанки—но сколько среди нихъ жалкихъ и темныхъ личностей, рантье безъ ренты, рабочихъ безъ работы, чиновниковъ безъ жалованья, подозрительныхъ субъектовъ, вѣчно боящихся, что за ними слѣдятъ и пугливо оглядывающихся назадъ. А рядомъ, наоборотъ, безстыдство въ осанкѣ и манерахъ: хорошо одѣтая женщина, подобравшая платью до колѣнъ, «молодая женщина въ мужскомъ костюмѣ»²⁾; покойникъ въ гробу, котораго тащатъ, словно какой нибудь тюкъ, безъ всякой помпы и даже благопристойности. Старыя моды сталкиваются съ новыми; одни ходятъ въ напудренныхъ волосахъ съ косичкой и надвинутой на глаза треуголкѣ, другіе стрижеными, прикрывая свою прическу à la Коріоланъ широкополой фетровой шляпой; рядомъ съ господами въ длинныхъ сюртукахъ съ пелериной, въ бланжевыхъ камзолахъ, или въ голубыхъ съ бѣлыми пуговицами, видишь людей въ карманьолѣ. Военные, *защитники отечества* бѣгутъ за жалованьемъ, что не мѣшаетъ имъ высоко нести свой общипанный плюмажъ. Многіе молодые люди вернулись съ войны изувѣченными: у того рука на перевязи, этотъ ходитъ на костыляхъ. Въ этомъ необыкновенномъ смѣшеніи типовъ и костюмовъ попадаются и воспоминанія о колоссальномъ греко-римскомъ карнавалѣ, восемь лѣтъ странствовавшемъ по Парижу: на Королевскомъ мосту въ

¹⁾ *Ami des lois*, 13 фримера.

²⁾ *Charles de Constant*, стр. 32.

ужаснѣйшую погоду встрѣчаешь («учениковъ художника Давида, одѣтыхъ совершенно, какъ ученики Апеллеса, съ обнаженной головой, съ голыми ногами въ котурияхъ, безъ всякой одежды, кромѣ двойной туники, падающей волнистыми складками»¹⁾); прохожіе любезно и насмѣшливо предлагаютъ имъ зонтики.

На мостахъ, на площадяхъ, на улицахъ—всюду передвижныя выставки товаровъ, торговля подъ открытымъ небомъ, игры и лото, лотки и балаганы, загромаждающіе улицы, мѣшающіе движенію. Это изобиліе паразитныхъ видовъ промышленности, этотъ захватъ улицы—одна изъ характерныхъ чертъ тогдашняго Парижа; она придаетъ всему городу ярмарочный видъ.

На Новомъ Мосту, на Гревской площади, на Луврской набережной, на бульварѣ Темпля—непрерывное представленіе фокусниковъ, фигляровъ, шутовъ, акробатовъ, показывателей рѣдкостей и странствующихъ пѣвцовъ. Сколько здѣсь мелкихъ ремесль, странныхъ и безымянныхъ товаровъ, какая выставка всевозможнаго лома, *bric-à-brac'a*, стараго желѣза, старыхъ книгъ и эстамповъ! Продавцы подъ полой плаща торгуютъ гравюрами съ изображеніемъ бывшей королевской семьи, запрещенными уборами и эмблемами. Полиція гонитъ ихъ, поощряетъ другихъ. Вскорѣ прохожіе толпятся передъ картинкой, изображающей «перваго консула Бонапарта среди сектантовъ различныхъ культовъ, призывающимъ ихъ всѣхъ къ взаимной терпимости»²⁾.

Гуляющіе, праздношатаи всякаго рода, тѣ, кто остался не у дѣль и кто выбитъ изъ колеи, собираются въ извѣстные часы дня тамъ, гдѣ можно поѣсть. Революція, выбросившая на мостовую десятки тысячъ людей, вырванныхъ съ корнями изъ родной почвы, была благодатью для содержателей ресторановъ. Не говоря уже о короляхъ вкуснаго стола, Мео, Верн, Робертъ, Сэврѣ, Розѣ и ихъ талантливыхъ ученикахъ, число трактирщиковъ, кабатчиковъ, торговцевъ лимонадомъ, винами и ликерами страшно возросло. Всюду видишь объявленіе: *Холодные завтраки*. Въ рестораны забираются съ утра, такъ какъ жизнь начинается рано. Да многіе парижане

¹⁾ Mémorial de Norvins, II, 250.

²⁾ *Publiciste*, 30 вантова.

и весь день проводятъ въ кафе, въ нескончаемой болтовнѣ; у каждой партіи, у каждого кружка свой излюбленный кафе, изъ котораго она дѣлаетъ нѣчто въ родѣ клуба и читаетъ тамъ свои излюбленныя газеты, хотъ и не вѣрить тому, что въ нихъ написано.

Даже и «свѣтъ», бошондъ, живетъ, въ общемъ, больше на улицѣ, чѣмъ дома. Что представляетъ собою этотъ «свѣтъ»? Маркизовъ, пажей, мушкатеровъ и пр. замѣнила иного рода молодежь: поставщики, ажіотеры, прокурорскіе клерки¹⁾. Они катаются верхомъ, или въ фаэтонахъ, которыми сами правятъ, выставляютъ на показъ своихъ любовницъ. Паркъ Монсо служитъ главнымъ образомъ для утреннихъ прогулокъ. Днемъ ѣздятъ въ Булонскій лѣсъ укрѣплять мышцы играми, или гимнастикой на античный ладъ, ибо грекоманы вводятъ въ моду атлетизмъ, какъ въ послѣдствіи его вводили въ моду англومانъ. Люди болѣе возвышенныхъ вкусовъ предпочитаютъ зѣвать на конференціяхъ, организованныхъ *Лицеємъ искусствъ*, Республиканскимъ Портикомъ, или-же мечтаютъ объ открытіи вновь концертовъ *Общества Любителей* въ улицѣ Клеры. Подъ вечеръ наполняются всѣ тридцать пять банковъ съ разрѣшенными общественными играми и безчисленные игорные притоны, гдѣ часы бѣгутъ незамѣтно среди лихорадочнаго возбужденія. На тускломъ фонѣ приниженой буржуазіи и честныхъ людей, смутно мечтающихъ о болѣе упорядоченномъ существованіи, волнуется, блистаетъ, веселится, острить, изрекаетъ приговоры и судить вкривь и вкосъ о чемъ угодно другое общество—выскачекъ и выброшенныхъ за бортъ своимъ кругомъ; здѣсь ни признака мысли, ни тѣни заботы о будущемъ, о томъ, чтобы построить чтонибудь прочное. Дни, когда вся Франція спекулировала и безумно увлекалась биржевой игрой на ассигнаціи, миновали, но сколько еще людей проводятъ весь день на биржѣ, или за игрою въ кости, въ погонѣ за скорой наживой, за минутнымъ удовольствіемъ, за удачей въ деньгахъ или въ любви.

На людныхъ и торговыхъ улицахъ съ утра появляются женщины, пришедшія за покупками, съ легонькимъ сѣтчатымъ мѣшечкомъ, *reticule*, у пояса. Магазины прихораши-

1) *Charles de Constant*, „Lettres“ 63.

ваются на перебой, соблазняютъ заманчивыми витринами съ роскошною рѣзью, съ колонками. Процвѣтаютъ тѣ лавки, гдѣ продаются модныя бездѣлки, перья, ленты, кружева и всякія балаболки. Женщины ищутъ здѣсь, чѣмъ расцвѣтить, изукрасить свой туалетъ, не заботясь о главномъ, ибо онѣ продолжаютъ носить подъ своими мѣхами вмѣсто платья «лишь краткое извлеченіе, и то насколько возможно прозрачное»¹⁾, и рядятся въ заморскія ткани, въ англійскіе газы и кисеи. Старая французская промышленность, снабжавшая былую аристократію иного рода роскошными тканями, томится и чахнетъ безъ дѣла.

Однако, вотъ уже нѣсколько дней творится что то странное. Въ улицахъ Бурбоннэ и Бутэ, гдѣ нѣкогда процвѣтала торговля, гдѣ прозябаютъ нѣкогда знаменитыя фирмы, въ давно заброшенныхъ магазинахъ шелковыхъ тканей появились покупательницы, да еще въ такомъ множествѣ, что хвостъ стоитъ у дверей. И все это сдѣлалъ анекдотъ съ Бонапартомъ, котораго мода, еще раньше политики, признала диктаторомъ. Рассказываютъ, будто онъ однажды вечеромъ, въ Люксембургѣ, находясь въ обществѣ Жозефины и другихъ дамъ, блиставшихъ слишкомъ ужъ афинскимъ изяществомъ, заставлялъ лакея усиленно топить каминъ, набивать его углемъ, подкладывать еще и еще; ему замѣтили, что такъ можно надѣлать пожару, но онъ продолжалъ свое и, обернувшись, говорилъ: «Развѣ вы не видите, что эти дамы голыя?» Слухъ, что Бонапартъ призываетъ моду къ приличію, съ задней мыслью оживить національную промышленность, проникъ и въ газеты; нѣкоторые опровергаютъ его, другіе подтверждаютъ; «и тотчасъ же наши дамы-патріотки ну заказывать платья, юбки, спенсеры, шали, душегрѣби на зиму, и все шелковое»²⁾.

Весь этотъ людъ обѣдаетъ между четырьмя и пятью. Изъ богачей съ сравнительно устойчивыми средствами только банкиры и негоціанты, да и то частью иностранцы, «чьи космополитическія гостинныя пользуются большимъ вліяніемъ»³⁾, пытаются вернуться къ традиціямъ гостеприим-

¹⁾ Архивъ Шантильи, письмо отъ 1-го дополнительнаго дня VIII года.

²⁾ *Journal des hommes libres*, 13 фримера.

³⁾ *Charles de Constant*, „Lettres“, 19.

ства и пышныхъ пріемовъ, что однако не вполне имъ удастся. «Не знаю, подлинно-ли красиво обставленная комната, тонкій обѣдъ, изысканные туалеты, реверансы и каламбуры составляютъ хорошее общество». Мужчины любятъ обѣдать въ ресторанахъ; бюромерцы, депутаты и чиновники, участвовавшіе въ переворотѣ, чтобы не потерять связи между собой, сходятся всегда у ресторатора Роза; тамъ они въ мечтахъ строятъ зданіе будущаго правительства, раздають милости, привлекають, сплочивають сочувствующихъ, достигаютъ общаго замиренія. До *брюмера* разница взглядовъ въ обществѣ была такъ велика, что невозможно было усадить нѣсколько человекъ за одинъ и тотъ же столъ, безъ того чтобы не зашла рѣчь о политикѣ, и бесѣда не перешла въ «безтолковый и шумный споръ»¹⁾. Мерсье жалуется на это въ своей *«Новой Картиль Парижа»*. А теперь начинаютъ отвыкать отъ споровъ «изъ-за мнѣній, и крикъ услышишь только въ кабакахъ»²⁾. Газеты отмѣчаютъ мирный тонъ обѣдовъ, какъ одно изъ послѣдствій лозунга, даннаго консульствомъ.

Открылось нѣсколько официальныхъ салоновъ, гдѣ принимали въ опредѣленные дни. Особенно усердствовала въ нихъ г-жа де Сталь; «она вертѣлась, какъ волчекъ, вокругъ выдающихся людей»³⁾. Стремясь упрочить свое вліяніе, доставивъ видныя мѣста своимъ друзьямъ, она немало хлопотала и о несчастныхъ, объ эмигрантахъ, старалась облегчить ихъ участь, добиться освобожденія, исключенія изъ списка, и не давала покоя судьямъ. Открыла она и собственный салонъ, гдѣ составляли списки новыхъ законодателей и проводили своихъ кандидатовъ.

Изъ представителей прежняго общества иные уже пытаются пробить себѣ дорогу въ этомъ новомъ свѣтѣ; другіе держатся поодаль, довольные и тѣмъ, что ихъ не трогаютъ. Въ улицѣ Онорэ, въ домикѣ скромной наружности доживаетъ жизнь нераскаянная вольтерьянка, принцесса де Бово; она ни на одинъ день не прекращала своихъ пріемовъ; живетъ она въ небольшой квартиркѣ, «меблиро-

1) *Gazette de France*, 19 вантоза.

2) *Ibid.*

3) *Lettres de madame Reinhard*, 99.

ванной остатками прежняго изящества». — «Покинувъ грязную лѣстницу, общую для всѣхъ жильцовъ, вы сразу чувствовали себя перенесеннымъ въ особый міръ; все въ этихъ маленькихъ комнаткахъ носило отпечатокъ изысканности и благородства. Немногіе слуги, которыхъ вы видѣли тамъ, были уже стары и немощны; но вы все время чувствовали, что и ихъ мнѣніе чего-нибудь да стоитъ: очень ужъ хорошее общество они видѣли на своемъ вѣку»¹⁾. Въ этотъ укромный уголокъ заглядывали и политики, и философы, мнившіе, что, бывая здѣсь, они «становятся похожими на людей стараго режима»²⁾.

Въ пять часовъ открываются театры. Полиція не можетъ добиться, чтобъ они закрывались въ установленный часъ — бульварные въ девять, городскіе въ половинѣ десятаго. Театръ для всѣхъ сборный пунктъ, мѣсто встрѣчъ, манифестацій и безпутныхъ наслажденій. Въ самый разгаръ революціи въ *prospectus*'ѣ одного театра было объявлено, ради привлеченія публики, что всѣ ложи будутъ снабжены кроватями. Актеры разыгрываютъ изъ себя важныхъ особъ, занимаютъ весь Парижъ своими претензіями и ссорами, приняты во всѣхъ кругахъ общества. Послѣ 18-го брюмера артисты комической оперы сочли долгомъ послать Бонапарту поздравительный адресъ. Въ большихъ театрахъ сценическая постановка очень тщательная, балеты и декорации великолѣпны, артисты выше тѣхъ произведеній, которыя имъ приходится воплощать на сценѣ. Въ области драматической литературы производство обильное, но весьма посредственнаго достоинства: холодныя трагедіи, плоскіе водевили, или мрачныя драмы. Публика продолжаетъ держаться реакціонныхъ тенденцій. Великія слова, которыми нѣкогда упивалась Франція и которыя, въ устахъ революціонеровъ, производили главнымъ образомъ ораторскій эффектъ — свобода, отечество, добродѣтель — теперь не трогаютъ сердце.

Въ нѣкоторыхъ театрахъ ложи являются выставками ослѣпительныхъ туалетовъ, не столько женскихъ нарядовъ, сколько костюмовъ — Гебъ, Флоръ, гречанокъ, одалисокъ;

¹⁾ *Vicomtesse de Noailles*, „Vie de la princesse de Poix, née Beauvau“, (въ продажѣ нѣтъ).

²⁾ *Ibid.*

однажды вечеромъ г-жа Талльенъ явилась въ оперу въ костюмѣ Діаны-охотницы, съ колчаномъ за спиной, съ тигровой шкурой черезъ плечо, съ брилліантовымъ полумѣсяцемъ въ волосахъ, одѣтая главнымъ образомъ въдрагоценности, блеснуть въ послѣдній разъ своей торжествующей наготой¹⁾. Жозефина тоже не прочь блеснуть, но роскошью лучшаго тона: «19-го фримера: вчера Бонапартъ былъ въ оперѣ вмѣстѣ съ супругой, послѣдняя была въ бѣломъ атласномъ платьѣ, а не въ батистовомъ, безъ брилліантовъ, но съ большимъ количествомъ античныхъ камней въ кольцахъ и браслетахъ. Ихъ ложа была полна очаровательныхъ и нарядныхъ женщинъ»²⁾. Въ другихъ театрахъ публика въ общемъ очень мало заботится о костюмѣ. Лишь по прошествіи двухъ мѣсяцевъ полицейскій надзоръ отмѣчаетъ улучшение въ этомъ смыслѣ; въ нивозѣ читаемъ полицейскую замѣтку въ обычномъ претенціозномъ стилѣ: «замѣчено, что съ нѣкотораго времени наряды стали среди зрителей болѣе обычнымъ явленіемъ. Масса видимо возвращается къ навыкамъ и формамъ, составившимъ французамъ въ Европѣ репутацію самаго учтиваго и любезнѣйшаго изъ народовъ»³⁾.

Послѣ восьми часовъ вечера ходитъ пѣшкомъ рискованно. Зажженныхъ фонарей тысячи, но очень многіе скоро начинаютъ мигать и гаснуть; какія-то подозрительныя фигуры крадутся во мракѣ, собирается на подозрительныя сходки. Несчетное количество воровъ оперируетъ въ одиночку или шайками, нападаютъ на прохожихъ, проникаютъ въ дома, которые имѣли неосторожность оставить открытыми.

Теперь зима, и мы уже не увидимъ ночныхъ сборищъ въ увеселительныхъ мѣстахъ подъ открытымъ небомъ; сады, пріюты танцевъ и любви погасили свои огни. Наслажденіе запирается въ теплой комнатѣ, тщательно законопачивая всѣ щели, но зато напоминаетъ о себѣ огненными сигналами. Наружный фасадъ оперы освѣщенъ «столь-же новымъ, какъ и блестящимъ способомъ»⁴⁾. Изъ театровъ идутъ къ

1) *Norvins*, II, 250—251.

2) *Le Diplomate*, 19 фримера.

3) *Schmidt*, „Tableaux de la Révolution française“, III, 486.

4) *Ami des lois*, 3 фримера.

Гарши, въ улицу Ришельё, гдѣ и свѣтло, и шумно; нарядныя дамы заходятъ туда ѣсть мороженое. Въ шесть часовъ начинается играть музыка на платныхъ балахъ. Никто теперь не устраиваетъ танцевальныхъ вечеровъ у себя; предпочитаютъ *чи*, сборища не столь парадныя, хотя всякой ѣды потребляется на нихъ въ изрядномъ количествѣ, зато цѣлыми кружками ходятъ танцовать на «абонементные балы». Лучшіе изъ нихъ даются антрепризой, снявшей бывшій отель Юзесь, въ улицѣ Монмартръ, и въ салонахъ Аполлона, близъ обители капуциновъ; танцуютъ въ двухстахъ, трехстахъ мѣстахъ, кружась въ томной, или бѣшеной пляскѣ. Но и помимо того во многихъ улицахъ, глухихъ переулкахъ и тупикахъ сонъ мирныхъ гражданъ тревожатъ сильные голоса, циничные призывы; обыватели жалуются, что уличныя дѣвки все скандалятъ и своими драками не даютъ покоя по ночамъ.

Проституція — одна изъ зіяющихъ язвъ столицы. Она наводнила весь городъ, бьетъ черезъ край. Въ Пале-Роялѣ цѣлая армія «дѣвокъ», проституція въ бѣлокуромъ парикѣ и фалбалахъ торгуетъ собой въ фойе театра Монтансье, котораго Бонапартъ не смѣетъ закрыть изъ страха возстановить противъ себя «всѣхъ старыхъ холостяковъ въ Парижѣ»; галереи даже днемъ недоступны для честныхъ женщинъ, такъ какъ «дѣвки», проживающія на антресоляхъ дворца, высовываются въ окна и «зазываютъ прохожихъ». На Итальянскомъ бульварѣ опять «дѣвки»; подъ сводами Комической оперы бродячія нимфы въ невозможномъ декольте, несмотря на холодъ; на бульварѣ Темпля дѣвочки отъ восьми до шестнадцати лѣтъ, предлагающія себя любителямъ; на площади Карусели, въ скученныхъ, подслѣповатыхъ домахъ, лѣзущихъ на середину площади, почти всѣ квартиры заняты продажными женщинами; въ Тюльери, въ Люксембургѣ, на всякихъ зрѣлищахъ, въ первыхъ рядахъ — дѣвки. По вечерамъ, на Большомъ Августинскомъ рынкѣ и на сосѣдней набережной женщины завлекаютъ прохожихъ и удовлетворяютъ ихъ «тутъ-же, на чистомъ воздухѣ, между лавокъ торговцевъ живностью». Есть и такія, что торгуютъ собой въ монастыряхъ стариннаго Аббатства ¹⁾.

¹⁾ Полицейское донесеніе отъ 28 брюмера. Національный архивъ АР. IV, 1329.

И сколько еще других, нечистых, темных и опасных элементов кишмя кишатъ въ Парижѣ: итальянскіе бѣглецы, революціонеры изъ-за горъ, выгнанные изъ дому побѣдами Суворова и паденіемъ цизальпинскихъ республикъ, ищущіе въ Парижѣ убѣжища и хлѣба, всегда готовые пустить въ ходъ ножи и оказать помощь смутьянамъ; колонія опасныхъ иностранцевъ, одинъ изъ элементовъ безпорядка, наиболѣе тревожащихъ консуловъ — выходцы изъ Ирландіи, вандейцы, покинувшіе свою опустошенную родину; разбойники съ большой дороги, южные *поджариватели* (*chauffeurs*), оставившіе свое ремесло ради огромнаго города, гдѣ все теряется и тонетъ въ общей массѣ; цѣлое войско ослушниковъ, дезертировъ; порой, гдѣ-нибудь подъ лѣстницей, подымается люкъ и показывается суровая фигура шуана, который выходитъ изъ своего тайника, словно въ родной Бретани, чтобы выслушать лозунгъ или отыскать себѣ другое убѣжище. На окраинахъ бульваровъ, въ предмѣстьяхъ, шатаются толпами рабочіе безъ работы. Промышленность въ такомъ застоѣ, что въ нивозѣ полиція отмѣчаетъ, какъ утѣшительный фактъ, возвращеніе рабочихъ на одну изъ мануфактуръ.

Предмѣстья теперь уже не бунтуютъ изъ-за куска хлѣба, не выходятъ съ крикомъ и шумомъ на улицу, но зато многіе берутся за постыдныя ремесла, или-же примыкаютъ къ шайкамъ контрабандистовъ. Контрабанда ведется въ широкихъ размѣрахъ; это одно изъ главныхъ занятій парижскаго населенія; у контрабандистовъ своя организація, свое войско и вожди; они совершенствуютъ свои приемы, ведутъ подступы и подготовительныя работы. По подземнымъ ходамъ, по таинственнымъ коридорамъ, прорытымъ подъ наружными городскими стѣнами и ведущимъ въ дома соучастниковъ, несутъ изъ-за заставы бочки съ винами и спиртными напитками. Почтенные на видѣ буржуа поощряютъ эту отрасль промышленности и поддерживаютъ ее деньгами. Контрабандисты не останавливаются и передъ вооруженными нападеніями, грабежами со взломомъ, ночными набѣгами; у заставъ происходятъ настоящія битвы между стражей и контрабандистами, причемъ побѣда нерѣдко остается за послѣдними.

Втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ эти безпорядки все растутъ и растутъ. Полки контрабандистовъ на день расходятся по пригороднымъ селеніямъ, по пустырямъ, готовятъ нападенія, грозятъ смертью обывателямъ, которые осмѣлились-бы донести на нихъ или помѣшать ихъ ночнымъ похождениямъ. А ночью принимаются за работу. Съ восточной стороны Парижъ буквально осаждаютъ эти орды варваровъ и кочевниковъ. «Контрабандистовъ насчитываютъ больше десяти тысячъ, все народъ храбрый, мужественный, отлично вооруженный; ими предводительствуютъ смѣлые предприимчивые вожди: говорятъ, они заклятые враги правительства... Между портомъ Ла-Рапэ и Ла-Вильеттѣ живетъ около 2500 контрабандистовъ; жилища ихъ расположены за стѣнами, но невдалекѣ отъ нихъ; при домахъ довольно обширные склады товаровъ. Многіе изъ главарей хвастаютъ тѣмъ, что, если бы началось движеніе, они могли бы направить по желанію всѣхъ своихъ подчиненныхъ¹⁾... Настоятельно необходимо принять мѣры противъ нихъ, иначе ввозныя пошлины скоро сведутся на нѣтъ; да и контрабандистовъ развелось такое множество, что они могутъ вызвать большія волненія, помогая факціямъ»²⁾. Это разбойничье войско, въ случаѣ надобности, легко могло преобразоваться въ армію бунтовщиковъ.

2.

Съ какого конца взяться за эту грудю нечистотъ, чтобы спустить ее въ стокъ, или растворить и очистить Парижъ? Консульская полиція медлила что либо предпринять, да у нея и не было на то средствъ. Армія выказала себя мало пригодной къ внутреннему надзору и чисткѣ; въ національной гвардіи, изъ пяти человекъ, по крайней мѣрѣ двое ставили вмѣсто себя на службу нанятыхъ ими за деньги и мало надежныхъ людей; нѣсколько жандармскихъ бригадъ, размѣщенныхъ въ казармахъ въ Темплѣ, представляли собой силу слишкомъ недостаточную. Всѣ жаловались, за-

¹⁾ Донесеніе полиціи отъ 15 термидора, VIII. Національный Архивъ, А. Ф., 1329.

²⁾ Донесеніе отъ 13-го термидора.

чѣмъ правительство не сформируетъ чисто полицейскаго войска, городской стражи, которая бы бдительно слѣдила за Парижемъ и шарила по всѣмъ его притонамъ и закоулкамъ. «Намъ нужны, говорила одна газета, люди, которые бы знали Парижъ до мельчайшихъ и постыднѣйшихъ подробностей»¹⁾. Въ видахъ уже одного только обузданія контрабандистовъ, власти признаютъ «необходимымъ содержать все время въ дѣйствующемъ составѣ вооруженную силу, учрежденную единственно съ этой цѣлью»²⁾. Но гдѣ взять денегъ на организацію этой силы, когда полиціи и безъ того нечѣмъ платить своимъ надзирателямъ, комиссарамъ, окологороднымъ и сыщикамъ? Еще и по прошествіи девяти мѣсяцевъ правленія консульства, весь служебный персоналъ полиціи чуть не ежедневно докучаетъ своими жалобами, требуя жалованья за полгода, а въ государственной кассѣ нѣтъ ни гроша на уплату этого невыданнаго въ срокъ жалованья. При такихъ условіяхъ трудно было дѣйствовать методически и настойчиво.

Фуше вначалѣ ограничился тѣмъ, что объявилъ войну публичнымъ женщинамъ. 12-го фримера нѣсколько отрядовъ пѣхоты и кавалеріи окружили Пале-Рояль, загородили всѣ выходы, захватили нѣсколько сотенъ несчастныхъ. Затѣмъ обшарили сосѣдніе кварталы, что вызвало немало стычекъ между солдатами и рыночными силачами.

Что сдѣлаютъ со всѣми этими плѣнницами?³⁾ Законъ позволялъ преслѣдовать ихъ судебнымъ порядкомъ лишь въ томъ случаѣ, если онѣ будутъ уличены въ открытомъ нарушеніи нравственности. Публика, строя предположенія, додумалась до высылки въ мѣста отдаленныя. Известно было, что Бонапартъ очень интересовался египетской арміей, своими вѣрными друзьями и товарищами, брошенными въ трудную минуту; словно для того, чтобы заслужить ихъ прощеніе, онъ въ ожиданіи, пока явится возможность послать имъ сильную подмогу, старался доставлять имъ разныя удовольствія и развлеченія. Серьезнаго и важнаго Лапласа онъ просилъ набрать труппу актеровъ для Египта,

¹⁾ *Ami des lois*, 20 фримера.

²⁾ Донесеніе полиціи отъ 15 термидора VII года. Національный Архивъ, А. F., IV, 1329.

³⁾ *Ami des lois*, 13 и 20 фримера.

добавивъ: «Не худо бы прихватить парочку-другую танцовщицъ» ¹⁾). И вотъ, публика вообразила, будто правительство, исходя изъ той же точки зрѣнія, произвело въ Пале-Роялѣ облаву на дѣвокъ, съ цѣлью отправить ихъ въ Египеть, для употребленія войскъ, и что всѣхъ этихъ Манонъ повезутъ за море. Это показалось слишкомъ ужъ безцеремоннымъ, чрезмѣрнымъ произволомъ, посягательствомъ на свободу личности, отдававшимъ деспотизмомъ.

Бонапартъ рѣшилъ сразу прекратить эти слухи и объяснить по поводу ихъ въ интимномъ разговорѣ, но съ такимъ расчетомъ, чтобы слова его получили широкую огласку. Дѣйствіе происходитъ въ Люксембургѣ, утромъ, за завтракомъ; постороннихъ никого, кромѣ Редерера и Вольнэй.

Бонапартъ.—Что за чортъ! кто это выдумалъ, будто я хочу отправить арестованныхъ въ Пале-Роялѣ дѣвицъ въ Египеть?

Г-жа Бонапартъ.—Министръ полиціи мнѣ самъ сказалъ на дняхъ, что ихъ отправятъ въ Египеть.

Бонапартъ.—Это ужасъ что такое! Чортъ возьми! такъ не ссылаютъ.

Редереръ.—Вчера и мнѣ говорилъ Веньо, что у министра полиціи это уже рѣшенный вопросъ.

Бонапартъ.—Съ чего онъ это взялъ? Гражданинъ Редереръ, прошу васъ написать хорошую статью, чтобы разсѣять эти слухи, не какихъ-нибудь двѣ-три строчки, а цѣлую статью, чтобъ она обратила на себя вниманіе. Можно желать обуздать распущенность Пале-Рояля, но такъ не ссылаютъ людей.

Вольнэй отпускаетъ циничную шутку.

Бонапартъ, (смѣясь).—Ого, гражданинъ Вольнэй, это немножко черезчуръ! Вы шутите, какъ старый холостякъ. Нашимъ войскамъ въ Египтѣ не нужны парижскія дѣвицы; у нихъ есть тамъ свои, да еще какія красавицы! у нихъ тамъ есть черкешенки. (*Мамелюкъ, стояцій за спиной г-жи Бонапартъ, улыбается.*)

Бонапартъ (глядя на него).—Ага! вотъ онъ меня понимаетъ,—не правда-ли, ты понимаешь меня? (*Смѣясь.*) У насъ

¹⁾ Переписка Наполеона т. VI.

въ Египтѣ женщины достаточно? (*Оборачивается къ своему мамелюку, который прислуживаетъ ему*). Не правда-ли, Рустанъ, въ Египтѣ есть красавицы султанши? (*Встаетъ изъ за стола, повторяетъ свой вопросъ Рустану и прибавляетъ*): Ты вѣдь теперь ужъ научился понимать по французски, а? (*Беретъ его за голову обѣими руками и два-три раза раскачиваетъ её справа направо*).

Переходятъ въ гостиную. Генеральтъ шагаетъ изъ угла въ уголъ и вдругъ, круто повернувшись къ Вольнэю и Редереру, спрашиваетъ:

— А что, была когда-нибудь факція Орлеанскаго? ¹⁾

И дальше разговоръ идетъ ужъ на другую тему. А вечеромъ Редереръ пишетъ статью и помѣщаетъ ее въ *Journal de Paris*. Такимъ образомъ стало извѣстно, что Бонапартъ не находитъ возможнымъ ссылать безъ суда даже и самыхъ презрѣнныхъ тварей. Фуше принялъ это къ свѣдѣнію и удовольствовался тѣмъ, что нѣкоторое время продержалъ въ надежномъ мѣстѣ арестованныхъ дѣвицъ, прозванныхъ въ насмѣшку *женщинами свѣта*, изъявъ ихъ изъ обращенія. Дерзость разврата была до извѣстной степени обуздана. Въ благородномъ порывѣ добродѣтели Фуше объявилъ даже, что онъ порветъ съ традиціей своихъ предшественниковъ и не станетъ больше пользоваться публичными женщинами, какъ тайными агентами полиціи, для собиранія справокъ, предпочитая отказаться отъ этого способа освѣдомленія. Но онъ все еще не принималъ никакихъ мѣръ противъ уличной грязи и вони, противъ безпорядочной ѣзды, противъ загроможденія улицъ ломовыми телѣгами и всевозможными выставками, грязнившими тротуары и собиравшими толпы зѣвакъ, противъ темныхъ профессій, которыми кормилось столько народу; полиція какъ будто даже отказалась отъ придирчиваго и слишкомъ любознательнаго надзора за мнѣніями ²⁾. Консулы продолжали ща-

¹⁾ Oeuvres de Roederer, III, 304—305.

²⁾ Прусскій посланникъ писалъ: „Не чувствуется никакого надзора и никакого инквизиторскаго сыска“. „Preussen und Frankreich“, II, 347. Бюллетени агентовъ Кондэ устанавливаютъ, что полиція, „которую можно было-бы назвать политической, въ данный моментъ почти не существуетъ“. 4-го нивоза. Архивъ Шалтильи.

дить Парижъ и въ то же время усиленно заботиться о немъ, слѣдя за правильной доставкой провiанта и снабженiемъ города съѣстными припасами ¹⁾, но избѣгая всякой излишней регламентации. Газеты потѣшались насчетъ центрального бюро, которое, имѣя передъ собою такую кучу злоупотребленiй, ограничивается правкой орфографическихъ ошибокъ на лавочныхъ вывѣскахъ и съ педантической придирчивостью ополчается на барбаризмы.

Не трогалъ Фуше и прессы, и ежедневныхъ газетъ выходило множество, около восьмидесяти различныхъ названiй. Прекратились напрасные и грубые аресты, съ наложенiемъ печатей, принуждавшiе только, во времена директорiи, арестованную газету мѣнять имя и адресъ редакци, но не препятствовавшiе прессѣ вести яростную борьбу противъ правительства, донимавшаго своими преслѣдованiями и вмѣстѣ съ тѣмъ слабого. Послѣ брюмера почти всѣ цензурныя строгости прекратились. За полтора мѣсяца существованiя временнаго консульства только однажды было возбуждено преслѣдованiе противъ одной газеты, *Aristarque*, съ ярко-роялистской окраской. Были даже арестованы редакторъ и типографщикъ, но центральное бюро, получивъ отмѣну приказанiя свыше, скоро ихъ выпустило и ограничилось выговоромъ ²⁾.

Тѣмъ не менѣе въ этой области Фуше учинилъ мастерскую штуку. Органъ крайнихъ якобинцевъ, бывшая *Газета свободныхъ людей* (*Journal des hommes libres*) въ послѣднее время переименовавшая нѣсколько названiй, вынужденная послѣдовательно именовать себя то *Врагомъ угнетателей всѣхъ временъ*, то *Газетой людей*, то *Газетой республиканцевъ*, продолжала влачить шаткое существованiе, однакожъ пользуясь при этомъ симпатiями передовыхъ группъ. Вмѣсто того, чтобы бороться противъ этой силы, Фуше утилизировалъ ее. Купивъ газету на полицейскiя деньги, онъ посадилъ въ нее главнымъ редакторомъ одного изъ самыхъ двусмысленныхъ памфлетистовъ якобинской печати, Мегэ де ла Туша, челоуѣка, за деньги готоваго на все; ему данъ

¹⁾ См. *Aulard*, „Registre de leurs délibérations“, - засѣданiе 4 фримера.

²⁾ Отчетъ за фримерь. Национальный Архивъ, AF, IV, 1329.

быть приказъ хвалить Бонапарта и, въ особенности, его министра, въ тонѣ *Отца Дюшена*. 10 фримера газета вновь вышла подъ прежнимъ своимъ названіемъ—*свободныхъ людей*, и это возрожденіе имени само по себѣ казалось яримъ демократамъ порукой за будущее. Газета вновь съ пѣной у рта громила реакцію и ея сподвижниковъ, но въ то-же время съ тайнымъ цинизмомъ намѣчала другой курсъ, ворчливо похваливая Бонапарта.

Фуше вернулъ такимъ образомъ право голоса якобинцамъ, если не якобинской оппозиціи, но лишь съ тѣмъ, чтобы они поддерживали его собственную политику. Фуше полагалъ, что, разъ онъ министръ, революція выполнила свое назначеніе, и пора ей остановиться; теперь онъ хотѣлъ бы видѣть ее стоящей на твердой почвѣ, стойко оберегающей свое достояніе, но умудренной опытомъ и миролюбивой; онъ не отступалъ и передъ извѣстнымъ рискомъ, въ смыслѣ либерализма и прощенія, но подъ условіемъ, чтобы мѣста и власть оставались исключительнымъ удѣломъ революціонеровъ, включая сюда и жестоко скомпрометированныхъ, чья карьера была тождественна съ его собственной. А между тѣмъ, онъ чувствовалъ, что броженіе умовъ, хотя и подавленное въ первыхъ своихъ вспышкахъ, продолжаетъ забирать вправо. Около Бонапарта формировалась цѣлая партія правой изъ Редерера, Галейрана и другихъ, гнувшая въ сторону принципата съ монархическими формами и учрежденіями; и Фуше опасался, что реакція, если ей дать волю, не остановится на вещахъ и обратится противъ личностей. И, передъ лицомъ усиливающихся элементовъ и вліяній правой, онъ смѣло объявилъ себя министромъ революціонной защиты. Однимъ изъ средствъ, которыми онъ пользовался, было воскрешеніе рѣзкой и бранчивой *Газеты свободныхъ людей*. Этотъ якобинскій догъ, котораго Фуше держитъ на привязи, но не слишкомъ короткой, будетъ отличнымъ сторожемъ революціонныхъ формъ и учрежденій. Своимъ ворчаніемъ, а въ случаѣ чего и зубами, онъ будетъ защищать Бонапарта отъ компрометирующихъ его друзей; въ то-же время его грубоватый лай будетъ внушать довѣріе крайнимъ республиканцамъ. Эти послѣдніе, слыша каждый день quasi-официальныя нападки на религію и священниковъ, на набожныхъ буржуа, дворянъ,

франкизовъ и всѣ разновидности реакціонеровъ, будутъ увѣрены, что республика, въ которой они живутъ, именно такова, какой они хотѣли ее видѣть.

Несмотря на всѣ эти предосторожности, принимаемыя съ цѣлью руководить и направлять въ опредѣленное русло различныя теченія общественной мысли, Парижъ въ общемъ уже успѣлъ нѣсколько поостыть¹⁾. Не то, чтобы Бонапартъ утратилъ для него прежнее обаяніе, — нѣтъ, но онъ спрашивалъ себя, куда Бонапартъ ведетъ Францію, и не умѣлъ разобраться въ будущемъ.

Впрочемъ, Парижъ и не способенъ былъ въ то время оказать какому-бы то ни было правительству устойчивую и серьезную поддержку. По всѣмъ другимъ вопросамъ, кромѣ мира и войны, въ массѣ еще не сложилось никакихъ опредѣленныхъ мнѣній. Небрежность и любопытство больше, чѣмъ довѣріе, мимолетныя надежды, тотчасъ смѣнявшіяся разочарованіями; въ блестящихъ, легкомысленныхъ кругахъ общества повиновеніе, смѣшанное съ фрондерствомъ, насмѣшливый скептицизмъ, жажда наслажденій, толкавшая жить безъ оглядки настоящимъ днемъ, не задумываясь о будущемъ; въ другихъ классахъ какаля-то болѣзненная спячка, ропотъ безъ возмущенія, унылая зыбь жалобъ и желаній, что-то безсвязное и вялое, не столько противящееся захвату, сколько ускользящее изъ рукъ власти: вотъ что представлялъ собою Парижъ передъ брюмеромъ, вотъ чѣмъ онъ снова сталъ очень скоро послѣ переворота, ибо никому не дано было власти сразу устранить причины, поддерживавшія такое состояніе умовъ, т. е. память прошлыхъ ошибокъ, обманутыхъ надеждъ, жестокихъ разочарованій и тяжкое бремя невзгодъ настоящаго. Только въ качествѣ перваго консула, съ присвоенной ему болѣе широкой личной властью, Бонапартъ могъ совершить это чудо — вызвать, въ особенности въ народѣ, вмѣсто непрочнога энтузіазма первыхъ часовъ, вмѣсто «апатичнаго спокойствія»²⁾ послѣдующихъ дней, активное содѣйствіе, постепенно возрастающее сочувствіе постоянную трепетную отзывчивость, страстную готовность

1) *Lettres de madame Reinhard*, 27 брюмера, 99.

2) Донесеніе полиціи отъ 12 плювіоза VIII года. — Національный Архивъ, А. F. IV, 1329.

повиноваться. Онъ дѣлалъ это дѣло медленно, осторожно, съ необычайнымъ искусствомъ, чередуя осторожность со смѣлостью, пока оглушительный громъ побѣды, возвѣстившей миръ, не увѣнчалъ собой его успѣха и не довершилъ завоеванія Парижа.

Департаменты.

Мѣры, принятыя повсемѣстно во Франціи. — Революціонные законы остаются въ силѣ, но нѣсколько смягчены въ примѣненіи. — Мѣры, примѣненныя къ нѣкоторымъ категоріямъ священниковъ. — Дороги. — Недостатокъ въ деньгахъ. — Ухищренія капиталистовъ. — Прямые налоги. — Административное междуцарствіе. — Дѣла по прежнему въ разстройствѣ. — Югъ и Юго-Западъ. — Итальянская армія. — Военные бунты. — Другія арміи. — Какое впечатлѣніе произвели брюмерскія событія на французовъ за предѣлами Франціи. — Эмигранты и ссыльные. — Неожиданное возвращеніе Лафайета. — Огромное большинство республиканцевъ присоединяется къ временному правительству. — Якобинцы. — Роялисты ошиблись въ расчетѣ. — Умѣренные лѣвой и умѣренные правой; послѣдніе держатся въ сторонѣ; характерное письмо. — Масса гражданъ возлагаетъ свои надежды на Бонапарта и вѣрится ему, но еще не дошла до полного довѣрія. — Успѣхъ роялистовъ на Западѣ. — Сюрпризы въ Мансѣ и Нантѣ. — Вандея и Нормандія. — Генераль Эдувильль и г-жа Тюрпанъ де Криссе. — Какое дѣйствіе произвели на западѣ 18-е брюмера и послѣдующіе указы. — Перемиріе. — Бонапартъ не окончательно разочаровываетъ роялистовъ; ему желательно иммобилизовать и усыпить всѣ партіи.

1.

Въ провинціи правительственная и административная дѣятельность временныхъ консуловъ также свелась къ весьма немногому. Читая протоколы ихъ совѣщаній и постановленій, находимъ одни только индивидуальныя или подготовительныя мѣры. Самое большее, если они рѣшаются уволить нѣсколькихъ чиновниковъ, не скрывавшихъ своего враждебнаго отношенія къ перевороту, или слишкомъ ужъ возстановившихъ противъ себя общественное мнѣніе. Неоднократно встрѣчаются такія мотивировки увольненія: «пользуется дурной славой, врагъ всякаго общественнаго порядка», — «сторонникъ анархіи», — «привлеченъ къ отвѣт-

ственности за подкупъ и вымогательство», — «судился за подлогъ», — или «за недобросовѣстное выполненіе обязанностей службы»¹⁾).

Уволить такихъ людей значило убрать нѣсколькихъ мѣстныхъ тирановъ, что, конечно, способствовало оздоровленію страны. Но ни одинъ изъ ненавистническихъ законовъ фрюктидора не былъ открыто отмѣненъ; ограничивались тѣмъ, что смягчали ихъ немного въ практическомъ примѣненіи. Духъ терпимости консуловъ сообщился военнымъ властямъ. Военные суды чаще оправдывали эмигрантовъ. Одно изъ консульскихъ постановленій освобождало отъ ссылки священниковъ трехъ нижепоименованныхъ категорій: 1) принесшихъ всѣ присяги, какихъ послѣдовательно требовала революція; 2) женатыхъ; 3) тѣхъ, которые никогда не отправляли церковныхъ требъ, или перестали ихъ отправлять и потому не подлежали присягѣ. Эта мѣра была выгодна для конституціоналистовъ; изъ католиковъ же она была примѣнима лишь къ тѣмъ, кто отрекся отъ обязанностей своего сана. Это вовсе не значило эманципировать культъ, ввести въ нормальное русло религіозную жизнь, удовлетворить крупнымъ нравственнымъ запросамъ, которые по прежнему оставались въ загонѣ.

Въ матерьяльномъ отношеніи Франція пришла въ полный упадокъ. Главнымъ препятствіемъ къ возрожденію экономической жизни, движенію, обращенію денегъ и товаровъ являлось убійственное состояніе дорогъ. Уже недалеко была пора, когда въ ненастный сезонъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ всякое сообщеніе должно будетъ прекращаться, когда отдѣльныя коммуны окажутся отрѣзанными и отъ своихъ сосѣдей, и отъ остального міра. Министру внутреннихъ дѣлъ особымъ закономъ открытъ былъ кредитъ въ четыре милліона на улучшеніе дорогъ. Госпитали, пріюты, убѣжища, всѣ благотворительныя учрежденія горько плакались на безденежье; правительство попыталось удовлетворить самыя насущныя ихъ потребности.

На то, чтобы сдѣлать больше и лучше, недоставало денегъ. Добавочные сантимы къ контрибуціямъ VII года,

¹⁾ *Aulard* „Registre des délibérations du Consulat provisoire“, 22-25, 54, 61, 74.

замѣнившіе собою прогрессивный налогъ, прибывали лишь очень медленно и постепенно. Текущій годъ не далъ еще ни одного су, такъ какъ мѣстныя администраціи не успѣли составить списковъ плательщиковъ. Недоимка за прошлые годы собиралась съ большимъ трудомъ, да и львиную долю ея перехватывали по пути жалованные особыми на то *делегациями* поставщики. Чтобы обезпечить на будущее время болѣе справедливое распредѣленіе и правильное поступленіе налога, брюмерское правительство придумало чудеснѣйшую мѣру: учрежденіе администраціи непосредственныхъ сборовъ, т. е. особаго штата агентовъ, назначенныхъ государствомъ и отъ него только зависящихъ, которые будутъ дѣйствовать съ большимъ безпристрастіемъ и методичностью, чѣмъ анархическіе муниципалитеты. Но и этотъ институтъ, съ тѣхъ поръ сохранившійся въ полной неприкосновенности, не сразу могъ снабдить деньгами государственное казначейство; получекъ приходилось ждать довольно долго. То-же было и съ другими финансовыми мѣрами, принятыми временнымъ консульствомъ — обязательствомъ для податныхъ сборщиковъ представить въ извѣстный срокъ извѣстное количество облигацій авансомъ въ счетъ поступления налога, съ залогами, вносимыми тѣми же податными сборщиками въ кассу обезпеченія и погашенія.

А пока, Бонапарту приходилось выжимать деньги буквально изо всего. Генералъ Мармонъ рассказываетъ въ своихъ *Мемуарахъ*, что его послали въ Голландію устраивать заемъ, разрѣшивъ предлагать въ обезпеченіе и даже закладывать (*Régent*) векселя на мѣсныя порубки; и все-таки заемъ не удался¹⁾. Бонапартъ выхлопоталъ себѣ право продавать доходные дома и земли въ Парижѣ, принадлежащія государству; онъ подумывалъ даже о новомъ выпускѣ бумажныхъ денегъ, гарантированныхъ національными имуществами; это значило-бы повторить злосчастный опытъ съ ассигнаціями. Комиссія старѣйшинъ весьма благоразумно остановила на полпути этотъ неудачный проектъ. Мѣры, направленные къ ускоренію взноса суммъ, еще неоплаченныхъ за національныя имущества, къ покрытію огромныхъ *дебетовъ*, отнесенныхъ на счетъ бухгалтеровъ, къ сожалѣнію,

¹⁾ „Mémoires du duc de Raguse“, II; 107—180. *Stourm*, 53—105.

немного увеличили тощѣ ресурсы, на которые приходилось жить временному консульству.

Не меньше, чѣмъ въ деньгахъ, чувствовался недостатокъ въ людяхъ, въ служебномъ персоналѣ, преданномъ дѣлу, бдительномъ и честномъ. Консуламъ почти всюду приходилось довольствоваться еще директорами поставленной администраціей, а эта послѣдняя изнемогала подъ бременемъ общественнаго осужденія. Притомъ же, менѣе чѣмъ когда либо увѣренная въ завтрашнемъ днѣ, она и сама теперь не хотѣла браться ни за какое дѣло. Департаментскія и окружныя власти, правительственные комиссары не знали, какая участь ждетъ ихъ, оставлять ихъ, или увольять, и удастся ли имъ найти себѣ другое мѣсто при новомъ режимѣ, который складывался вдали отъ нихъ. Перейдя на положеніе «временно исполняющихъ», сбитые съ толку, недоумѣвающіе, они переставали интересоваться дѣломъ и сидѣли сложа руки ¹⁾. Пружины государственнаго механизма, вмѣсто того, чтобъ натянуться и выпрямиться, окончательно ослабли.

Правда, что эта слабость мѣстной власти давала иногда и благотворные результаты. Если агенты республики не дѣлали ничего хорошаго и полезнаго, зато они не дѣлали и зла. Они не управляли, зато меньше прежняго тиранизировали. Цѣлыя области, въ особенности въ Бельгіи, вздохнули свободнѣе, и населеніе, почти предоставленное самому себѣ, начинало успокаиваться. «Администрація почти ни во что не входитъ, — пишетъ невдолгъ послѣ того агентъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но я принужденъ сказать, что отъ этого живетъ только спокойнѣе» ²⁾. Зато, благодаря этому своего рода административному междуцарствію, во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ царили хаосъ и анархія.

Двадцать четыре консульскихъ легата не безъ труда добрались до мѣстъ своего назначенія, стоянокъ военныхъ дивизій. Можно-ли было рассчитывать, что они исправятъ машину, заставятъ ее функционировать въ духѣ порядка и мирнаго развитія? Каждый изъ нихъ, по прибытіи на мѣсто,

¹⁾ *Lanzac de Labori*, „la Domination française en Belgique“, I. 311.

²⁾ *Ibid.*

началь съ объѣзда своего района, съ цѣлью осмотрѣться. Но ни одинъ изъ нихъ, насколько можно судить по немногимъ документамъ, свидѣтельствующимъ объ ихъ дѣятельности, не сумѣлъ внести въ нее единства и метода. Объѣзжая департаменты и обходя города, они попадали въ самую гущу мѣстныхъ страстей и не умѣли разобраться въ нихъ; осаждаемые жалобами и противорѣчивыми требованіями, они не знали, кого слушать, что предпринять. Многие изъ нихъ прислушивались къ голосу обывателей, возмущавшихся, что ими правятъ люди съ позорнымъ прошлымъ, и пользовались предоставленной имъ властью увольнять и смѣщать, результатомъ чего были гекатомбы. Мѣстные «братья и друзья» писали жалобы на нихъ въ Парижъ, увѣряя, что республика гибнетъ, такъ какъ удаляютъ ея лучшихъ друзей ¹⁾. Въ Бордо делегатъ произвелъ генеральную чистку, всѣ чиновники были замѣнены новыми; въ Еврѣ делегатъ, какъ увѣряли, поддался вліянію контрреволюціонеровъ и забралъ слишкомъ вправо; по этому поводу въ газетахъ даже было напечатано опроверженіе. Но, помимо того, делегаты ни во что не вмѣшивались; они только выпускали прокламаціи, собирали гражданъ и толковали консульскія рѣчи, говоря золотыя слова о внутреннемъ и внѣшнемъ мирѣ; они добросовѣстно служили дѣлу національнаго примиренія, но не производили впечатлѣнія власти.

Въ смыслѣ имущественной и личной безопасности не замѣчалось никакого прогресса. Въ большей части департаментовъ, оставляя западъ въ сторонѣ, картина была одна и та-же: въ городахъ сравнительно спокойно; въ деревняхъ мѣстныя волненія, вспышки мести, убійства, возмущенія крестьянъ противъ сборщиковъ податей и вербовщиковъ; дезертирство, отъ котораго таютъ вспомогательные батальоны; по лѣсамъ и вокругъ жилья бродятъ мошенники по профессіи и случайные грабители, опустошая страну на подобіе средневѣковыхъ рыцарей большой дороги. На большихъ проѣзжихъ дорогахъ, этихъ жизненныхъ артеріяхъ страны, все та-же язва—разбойники, поминутно прерывающіе, или, по крайней мѣрѣ, нарушающіе правильное сообще-

¹⁾ См. донесенія, хранящіяся въ Национальной Библиотекѣ.

ніе. Въ концѣ брюмера и въ фримерѣ были одинъ за другимъ ограблены дилижансы, ходившіе между Клермономъ и Парижемъ, Бордо, Орлеаномъ и Парижемъ, Лиономъ и Безансономъ.

Особенно беспокойны были въ этомъ отношеніи юго-западная и южная часть Ронской области. Въ Лионѣ отставили отъ командованія войсками генерала Доверня, державшаго въ страхѣ населеніе, и благодаря этому, поддерживавшаго хоть внѣшній порядокъ. Теперь здѣсь оставалось организованнымъ одно только разбойничество внѣ и внутри городовъ. Кражи страшно участились. «Воры дѣлятся на три шайки; одна останавливается на большихъ дорогахъ курьеровъ и дилижансы; вторая срѣзываетъ сундуки и чемоданы, привязываемые сзади къ каретамъ на дорогѣ и даже на постоянныхъ дворахъ; третья грабитъ магазины, лавки и частныя квартиры при помощи взлома и подобранныхъ ключей»¹⁾. Четвертой разновидностью бандитовъ являлись мѣстныя власти. Такъ какъ во главѣ департамента оставлены были люди, присутствіе которыхъ казалось вызовомъ, брошеннымъ общественной нравственности, буржуазное населеніе уклонялось отъ всякаго содѣйствія властямъ и не довѣряло имъ²⁾. По соглашенію съ мѣстной администраціей, консульскій делегатъ Везэнъ хотѣлъ занять у мѣстныхъ коммерсантовъ триста тысячъ рублей на общественныя нужды; онъ не получилъ этихъ денегъ³⁾. Пониже Лиона и по обоимъ склонамъ цѣпи Севенновъ язвой страны остается разбойничество болѣе или менѣе политическаго характера; теперь банды заглядываютъ и въ департаментъ Пюи-де-Домъ, который онѣ до сихъ поръ щадили⁴⁾. Виварэ весь цѣликомъ сплошной разбойнической притонъ.

Въ департаментѣ Устье-Роны и сосѣднихъ съ нимъ власти въ своихъ донесеніяхъ еще въ началѣ брюмера ука-

1) Донесеніе полиціи отъ 24 плувіоза. — Нац. Архивъ А. Ф.

2) См. донесеніе новаго командующаго войсками, Монсея въ книгѣ герцога Конельяно. — *Duc de Conegliano „le Maréchal Moncey“*, 102, 109.

3) *Ibid.* 109.

4) *Vonnefoy*, „Histoire de l'administration civile dans le département du Puy-de-Dôme“, II.

зываютъ на повсемѣстность разбойничества. «Этихъ чудовищъ (разбойниковъ) такое множество, что они вездѣ появляются въ одно и тоже время. Они грабятъ и республиканцевъ, и роялистовъ, но убиваютъ только первыхъ. У нихъ имѣются свои списки обреченныхъ, съ которыми они, обобравъ путника, справляются, и, если онъ фигурируетъ въ списокѣ, его прикалываютъ или разстрѣливаютъ. Облава на разбойниковъ не дала никакихъ результатовъ, такъ какъ послѣдніе были за два дня предупреждены друзьями короля»¹⁾. Въ то-же время правительственный комиссаръ не смѣетъ двинуться изъ Э (Aix), тогда главнаго города департамента, боясь по дорогѣ попасться въ руки разбойниковъ. И два мѣсяца спустя, въ концѣ фримера, ничто не указываетъ на то, чтобы положеніе улучшилось, несмотря на присутствіе делегата, Фабра де л'Объ. Комиссаръ пишетъ, что «спокойствіе воцарилось-бы въ странѣ, если-бы мы только могли избавиться отъ королевскихъ бригадъ, что ни день творящихъ все новые и новые ужасы... 22 брюмера, семнадцать разбойниковъ, очень прилично одѣтыхъ, въ маскахъ, остановили въ Женестскомъ проходѣ челоуѣкъ сорокъ путешественниковъ»²⁾. Марсель былъ обложенъ, словно вражеской ратью, довольно хорошо организованными бандами, которыя грабили по четыре дилижанса въ день, прерывали сообщеніе, терроризировали деревни, а порой заглядывали и въ городъ.

На Югѣ существовала еще особая причина безпорядка — близость итальянской арміи, постоянно выбрасывавшей въ этотъ край тучи дезертировъ, готовыхъ присоединиться къ любой шайкѣ мятежниковъ, или грабителей. Эта злополучная армія, разбитая, оттѣсненная, стоявшая подъ Шампюннаэ, наполовину въ Аппенинахъ, наполовину на восточной окраинѣ французскихъ Альпъ, обязанная прикрывать собою Геную съ Лигуріей, Ниццу, Варъ и департаментъ Морскихъ Альпъ, положительно распадалась. Матерьяльное положеніе войскъ было ужасно: стоянки въ опустошенныхъ мѣстностяхъ и разоренныхъ городахъ; впереди австрійцы, постоянно тревожившіе наши аванпосты; позади, вокругъ, повсюду,

¹⁾ Архивъ департамента Устьевь-Роны, серія L, запись 558.

²⁾ Ibid.

засады партизановъ и *барбэ*; холодъ, снѣгъ и ни крошки хлѣба, чтобы подкрѣпить силы; въ довершеніе напастей на побережьи свирѣпствовала болѣзнь, напоминавшая чуму. Въ этой арміи, считавшей себя покинутой, изболѣвшейся душой и тѣломъ, вовсе не было единодушія по отношенію къ перевороту; она едва мирилась съ нимъ, не проявляя никакого энтузіазма.

Нѣкоторыя части войскъ одобряли переворотъ, ибо всякая переменна несла съ собой надежду на лучшее, но онѣ предпочли-бы, чтобъ Бонапартъ, вмѣсто новыхъ потрясеній государственныхъ основъ, пріѣхалъ къ нимъ и воскресилъ свою старую итальянскую армію». Сомнѣніе, сожалѣніе, даже что-то въ родѣ обиды проглядываютъ въ слѣдующемъ письмѣ дивизионнаго командира Ватрэна: «2 фримера. Вчера до насъ дошла вѣсть о парижскихъ событіяхъ; солдаты обрадовались ей; они надѣются, что Бонапартъ улучшитъ ихъ положеніе; я слышалъ отъ нихъ сужденія, поражающія своей глубиной. Безъ сомнѣнія, тѣ, кто устроили эту переменну, считали ее необходимой; безъ сомнѣнія также они видѣли въ ней непогрѣшимое лекарство отъ всѣхъ золъ отечества. Если такъ, я восхищаюсь самоотверженіемъ, съ которымъ они осуществили свой замыселъ и взяли на себя обузу правленія, — но Бонапартъ былъ-бы такъ полезенъ арміи! ¹⁾

Другія части почти открыто возмущались. Настроеніе 3-й полу-бригады, стоявшей близъ Генуи, было таково, что полковникъ Мутонъ, несмотря на формальный приказъ Шампіонне, не рѣшился потребовать отъ нея присяги, какъ того требовали консулы. «Всѣ командиры убѣждены, что солдаты отказались-бы присягнуть» ²⁾. Три полу-бригады генуэзкаго гарнизона, 3-я, 17-я и 55-я, громогласно заявляли о своемъ намѣреніи вернуться во Францію, захвативъ съ собою знамена; когда же офицеры напоминали имъ объ ихъ славномъ прошломъ и о томъ, какія обязательства оно на нихъ налагаетъ, солдаты возражали: «Тогда мы были *патриотами*; теперь мы французскіе солдаты и не желаемъ ни ходить безъ платья и обуви, ни умирать вдаль отъ отече-

¹⁾ Архивъ принца Эсслинга, письмо отъ 2 фримера, VII. 1.

²⁾ *Bourgue*, „Historique de 3-e régiment d'infanterie“, 222.

ства). — «Хорошо, сказали имъ тогда генераль Сень-Сиръ, — уходите и унесите знамена; я и ваши офицеры, мы остаемся»¹⁾. Этотъ спокойный голосъ прозвучалъ, какъ голосъ чести; нѣтъ такого французскаго солдата, который смогъ бы устоять противъ него, и три полубригады мало по малу присмирѣли. Но дивизіи Виктора и Лемуана дезертировали въ полномъ составѣ и хлынули бурнымъ потокомъ къ границѣ, поощряемые злой волей вождей, отсутствіемъ дисциплины и враждебностью ихъ отзывовъ о новомъ правительствѣ.

Нѣсколько позже, Массена, принявъ начальство надъ войсками, писалъ Бонапарту изъ Ниццы: «Армія вовсе не сочувствуетъ перевороту 18-го и 19-го брюмера. Дивизіи Виктора и Лемуана энергически высказываются противъ него и во всеуслышаніе ведутъ оскорбительныя для правительства рѣчи, оба начальника публично подаютъ тому примѣръ. Напримѣръ, они заявляютъ, что солдаты вправѣ покинуть свой постъ, разъ имъ не выдадутъ хлѣба. Отнынѣ я ввелъ строгій надзоръ и буду сажать подъ арестъ смутьяновъ. Сказанное мною находится въ довольно близкой связи съ недавними возмущеніями въ арміи...»²⁾

И сочувствіе другихъ армій не было вполне обезпечено. Побѣдоносная швейцарская (гельветическая) армія уже не представляла собой отдѣльной, единичной силы, съ тѣхъ поръ, какъ передъ нею не стояло ни одного еще не разбитаго врага; главные элементы ея слились съ остатками нашихъ армій дунайской и рейнской. Теперь отъ Констанца до Страсбурга, въ виду австрійцевъ, занявшихъ Баварію и Швабію, наши войска тянулись вдоль Рейна непрерывной цѣпью, которая должна была двинуться по мановенію одной руки, и этотъ важный постъ, столь соблазнительный для французскаго офицера, былъ ввѣренъ Моро; 25 фримера онъ получилъ предписаніе принять начальство надъ рейнскими войсками. Эта новая великая рейнская армія, по существу, состоявшая изъ тѣхъ-же элементовъ, какъ и старая, насчитывала въ своихъ рядахъ благороднѣйшія силы Франціи; она была проникнута энергическимъ революціоннымъ ду-

1) Ibid.

2) Архивъ принца Эсслинга.

комъ и гораздо меньше предана Бонапарту, чѣмъ свободѣ. Многие офицеры и солдаты въ ней не отдѣляли воинскаго долга отъ долга гражданина. Именно въ силу своихъ добродѣтелей и страстей, эта армія была не слишкомъ податлива: притомъ же и она натерпѣлась столько нуждъ и лишеній, что громко жаловалась, несмотря на свой стоицизмъ. Самъ Моро, недовольный подчиненной и почти унижительной ролью, которую онъ позволилъ навязать себѣ въ брюмерѣ, обнаруживалъ нѣкоторое высокомеріе и неохотно шелъ на любезности Бонапарта.

Батавская армія, расквартированная на союзной территории, не такъ бѣдствовала, какъ другія, и гордая своими успѣхами, выказывала недовѣріе. Офицеры и солдаты допускали, что Бонапартъ конституціоннымъ порядкомъ облеченъ исполнительной властью, но имъ было вовсе не желательно, чтобы Франція и армія имѣли господина. У нихъ было одно и ярко выраженное желаніе: не нужно диктатуры; они пугались самаго слова, не отдавая себѣ хорошенько отчета въ его значеніи. Генераль Мармонъ, находившійся въ Голландіи въ моментъ учрежденія новой конституціи, подмѣтилъ характерную черту. Старый дивизионный генераль Макоръ, командовавшій артиллеріей, не безъ опаски бесѣдовалъ съ нимъ «о происшедшихъ перемѣнахъ и революціи 18-го брюмера» и въ заключеніе сказали: «Представьте себѣ, генераль, кто-то пустилъ слухъ, будто генераль Бонапартъ назначенъ диктаторомъ. Всѣ пришли въ отчаяніе отъ этой вѣсти; еще немного, и вспыхнулъ бы бунтъ. Но наконецъ на помощь намъ пришелъ телеграфъ; онъ извѣстилъ насъ, что генераль Бонапартъ сдѣланъ первымъ консуломъ, и мы вздохнули свободнѣе» ¹⁾.

Независимо отъ нашихъ армій и помимо ихъ, цѣлая половина Франціи оставалась внѣ Франціи. Прежде всего, эмигранты, цѣлый народъ дворянъ, то отдалявшихся отъ родины, то приближавшихся къ ней, по мѣрѣ того, какъ наступали, или отступали наши арміи,—народъ, разсѣянный по Германіи, Италіи, Австріи, Россіи и Англіи, гонимый дыханіемъ бури то въ одну, то въ другую сторону. Тысячи эмигрантовъ разбрелись, куда глаза глядятъ, влача по свѣту

¹⁾ „Mémoires du duc de Raguse“, II, 108.

свою жизнь, полную интригъ или изысканія средствъ къ существованію, свое легкомысліе и свою бесполезную храбрость; они отрекались отъ Франціи и все-же обожали ее, и въ сущности эти легкомысленные люди были истыми французами. Каждый изъ этихъ несчастныхъ въ душѣ томился своимъ изгнаніемъ; каждому до тошноты опротивѣло ради куска хлѣба побираться на чужбинѣ. Пріотворите имъ только дверь, и они ринутся въ нее, давая другъ друга; они немногата просятъ—только клочокъ французской земли, чтобы припасть къ нему усталой головой, дать отдыхъ членамъ, изболѣвшимъ въ долгомъ пути. А пока они жили предположеніями и догадками, не зная, чему вѣрить, на что надѣяться; по поводу брюмерскихъ событій ходили самыя противорѣчивыя, самыя нелѣпыя предсказанія.

Многіе эмигранты видѣли въ новомъ переворотѣ лишь одну изъ случайностей революціи, которая рядомъ толчковъ приближается къ финальной катастрофѣ; для этихъ Бонапартъ все еще оставался героемъ вандембера, террористомъ поинтеллигентнѣе другихъ, который тѣмъ не менѣе пойдетъ по стопамъ своихъ предшественниковъ и сложитъ кости въ общей могилѣ, гдѣ покоются останки прежнихъ революціонныхъ правительствъ. Другіе воображали, что Бонапартъ, чувствуя невозможность удержаться собственными силами, начнетъ искать, какому бы королю преподнести Францію; они боялись только, какъ-бы его выборъ не обошелъ законной вѣтви. Сень-Присту было достовѣрно извѣстно, какъ онъ увѣрялъ, что корону намѣрены предложить испанскому инфанту и что объ этомъ очень старается берлинскій дворъ ¹⁾. Но огромное большинство вѣрныхъ, одолѣваемое страстью къ историческимъ сближеніямъ, не колеблясь, утверждало, что въ Бонапартѣ воскреснетъ Монкъ ²⁾, и каждый день на утро ждали реставраціи. Въ маленькомъ городкѣ Шёнгау, въ Баваріи, куда отхлынула армія Кондэ послѣ своихъ швейцарскихъ пораженій, офицеры и солдаты слагали пѣсни про бѣгущихъ депутатовъ. Тамъ, въ одномъ изъ кочевыхъ салоновъ, которые создавала вокругъ себя эмиграція, когда

¹⁾ Архивъ министерства иностр. дѣлъ, письма Saint-Priest отъ 13-го и 15-го декабря 1799 г.

²⁾ Монк, сподвижникъ Кромвеля, разбившій роялистовъ и посадившій Карла II на тронъ отцовъ.

все поздравляли себя съ такимъ счастливымъ предзнаменованіемъ, одна умная женщина справедливо замѣтила: «Быть можетъ, это и счастье для Франціи, но не для насъ. Отнынѣ Франція не будетъ нуждаться въ королѣ — Бонапартъ вернетъ ей покой» ¹⁾. Больной Малле дю Панъ, отрѣшившійся отъ своихъ знаменитыхъ заблужденій насчетъ Бонапарта, взоромъ умирающаго прозрѣвалъ будущее и видѣлъ мѣсто для Цезаря между дошедшей до послѣдней крайности революціей и безсильной контръ-революціей ²⁾.

Не якаясь съ эмигрантами, за границей скитались и другого рода изгнанники — люди, добросовѣстно двигавшіе впередъ революцію и выброшенные ею за бортъ; тѣ, кого она переросла, растоптала, сурово отвергла: бывшіе члены учредительнаго собранія въ жанрѣ Малуэ и его школы, никогда не заходившіе дальше королевства на англійскій манеръ и системы двухъ палатъ; Лафайетъ, Ламеты и друзья ихъ, изгнанники 10-го августа, вообразившіе, что конституція 1791 года будетъ вѣнцомъ революціи и торжествомъ свободы; наконецъ, пострадавшіе въ фрюктидорѣ, въ 1797 г. за то, что они хотѣли обуздать республику и сдѣлать ее только переходнымъ режимомъ. Большая часть этихъ группъ въ недалекомъ будущемъ должны были примкнуть къ консульскому правительству; пока онѣ еще расходились съ нимъ въ мнѣніяхъ и тенденціяхъ. Фрюктидорцы ждали призыва и находили, что съ восстановленіемъ справедливости слишкомъ медлятъ. Лафайетъ и подобные ему, раздѣляя иллюзіи г-жи де Сталь, были въ восторгѣ: они воображали, что Бонапартъ побѣждалъ для нихъ, что штыки вновь проложили дорогу принципамъ, и что вечеромъ 19-го брюмера въ Сенъ-Клу изгнанная свобода вернулась на свое мѣсто, выломавъ двери, чтобы войти.

Александръ де Ламетъ писалъ изъ Гамбурга г-жѣ де Сталь: «Я не писалъ вамъ, дожидаясь, пока вы вернетесь въ Парижъ, но изъ газетъ мы узнали, что вы прибыли туда въ день торжества Бонапарта, которое мы считаемъ и торжествомъ свободы. Если восстановленіе законнаго

¹⁾ Маркизь *Costa de Beauregard*, „Souvenirs tirés du comte A. de La Ferronnays“, 97.

²⁾ „La Révolution vue de l'étranger“, 552—553.

правительства дѣло его рукъ, онъ еще больше Фабія достоинъ того, чтобы на памятникъ ему красовалась надпись

Tu maximus ille es
Unus qui nobis... restituis rem.

...Мы живемъ здѣсь въ ожиданіи великихъ переменъ, которыя должны произойти во Франціи, не сомнѣваясь, что республика теперь вернется къ принципамъ умѣренности и справедливости, и не теряемъ надежды вскорѣ увидѣть, какъ осуществится ваше пожеланіе, и добрые будутъ отдѣлены отъ злыхъ. Бонапартъ слишкомъ великъ для того, чтобъ онъ хотѣлъ и могъ держаться не на почвѣ справедливости; недаромъ онъ говорилъ, что пришло время, когда лучшихъ друзей республики уже не будутъ смѣшивать съ врагами. Пусть же засіяетъ наконецъ этотъ счастливый день! Мое сердце льститъ себя надеждой, что вы найдете его именно такимъ и приблизите его, если только это въ вашей власти. Восемь лѣтъ тюрьмы или изгнанія — страшный пробѣлъ въ жизни или, вѣрнѣе, очень продолжительная пытка; но если намъ доведется увидѣть наше отечество, друзей, семью, слѣды несчастья скоро изгладится». Мы уже видѣли, что Лафайетъ жаждалъ вернуться во Францію. При первой же вѣсти о происшедшемъ онъ не выдержалъ, перебрался черезъ границу и поскакалъ прямо въ Парижъ. Онъ не ждалъ такого приѣма: его встрѣтили недовѣрчиво, почти сурово и посовѣтовали какъ можно меньше показываться людямъ. Ужъ не боялся-ли Бонапартъ, какъ бы эта старая популярность не повредила его юной славѣ? Скорѣе надо думать, что консуль, желая вернуть изгнанниковъ, вовсе не имѣлъ въ виду, чтобъ они возвращались сами, нарушая запретъ; эти неумѣстные выходки мѣшали его политикѣ выжиданія въ угоду изгонявшимъ и заставляли его, какъ онъ самъ выражался, «держатъ круче по вѣтру». Въ глазахъ неподдѣльныхъ революціонеровъ, по прежнему составлявшихъ свиту консульства, Лафайетъ былъ и слишкомъ либераленъ, и недостаточно республиканецъ.

Присмотрѣвшись ближе къ настроенію партій, придется констатировать, что временное консульство, благодаря принятой имъ предосторожности держаться лѣвой, успѣло

привлечь къ себѣ огромное большинство республиканцевъ. Партийные мудрецы и умудренные опытомъ республиканцы, оставшіеся или вновь сдѣлавшіеся приверженцами порядка, однимъ словомъ умѣренные лѣвой, имѣли полное основаніе радоваться. Бонапартъ дѣйствовалъ отъ имени ихъ, все время стоя на почвѣ ихъ интересовъ. По правдѣ говоря, въ этой категоріи республиканцевъ, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи, не всѣ стремились единственно къ тому, чтобы сохранить за собою пріобрѣтенное положеніе и имущество. Среди нихъ были безкорыстные и искренніе люди, которые рады были бы душой примирить съ порядкомъ свободу, представительный режимъ и прогрессъ философскихъ наукъ. Они давно отвернулись отъ покрывшей себя стыдомъ директоріи и призывали реформы. Реформаторскіе приемы Бонапарта вначалѣ оттолкнули ихъ: они нашли, что въ Сень-Клу сабля играла слишкомъ видную роль. Однако депутаты ихъ партіи, ихъ естественные представители, если и не всѣ были участниками переворота, то всѣ потомъ примкнули къ его руководителямъ и теперь нѣкоторые изъ этихъ депутатовъ считали долгомъ представить объясненія своимъ довѣрителямъ; они разсылали въ департаменты открытыя письма и манифесты, гдѣ превозносили переворотъ и оправдывали свое въ немъ участіе.

Положеніе до переворота, говорили они, было невозможное; все равно, не было ни конституціи, ни свободы, республика умирала отъ гангрены. Примкнуть къ совершившемуся было единственнымъ шансомъ спасти республику и направить ее на лучшій путь. Что же до окончательнаго результата, надо было надѣяться, что принципы будутъ соблюдены, что будущее конституціи дастъ всѣ гарантіи въ этомъ смыслѣ и что во Франціи будетъ наконецъ настоящая республика.

Относительно этихъ послѣдствій депутаты и общественные дѣятели, отдающіе себя на судъ своихъ согражданъ, высказывались, однако, менѣе увѣренно. Они ругались только за собственные добрыя намѣренія и повидимому были готовы восхвалять себя или каяться, бѣя себя въ грудь, смотря по тому, оправдаетъ ли будущее ихъ предсказанія. Ле-Кутэ-де-Кантеле, президентъ парижской администраціи, первый заявилъ публично, послѣ пышныхъ пане-

гириковъ Бонапарту и благопріятныхъ предсказаній относительно будущаго: «если событія не оправдаютъ моихъ намѣреній и успѣй, я заранѣе отдаю въ ваши руки, сограждане, мой обвинительный актъ и приговоръ моего позора и смерти». Лосса (изъ нижнихъ Пиринеевъ), Лапотѣрь (изъ Морбигана), Арманъ (изъ Мёзы) высказывались съ такими же оговорками, но тутъ же спѣшили опровергнуть ихъ.—Нѣтъ, Бонапартъ не будетъ тираномъ; за него ручается его прошлое, его незапятнанная слава, его блестящій антуражъ; онъ отрѣшился отъ псевдо-легальныхъ формъ—лишь для того, чтобы создать настоящую, окончательную законность, вмѣсто учреждений, которыя распались сами собой. И, такъ какъ послѣ брюмера правительство все время, и на словахъ, и на практикѣ доказывало свой либерализмъ, такъ какъ въ общемъ это «на другой день послѣ переворота» ничѣмъ не напоминало грубаго и яркаго торжества принципа власти, да въ этотъ періодъ общей усталости люди и не были особенно требовательны по части гарантій, этого оказалось вполне достаточнымъ, чтобы успокоить въ провинціи умѣренныхъ республиканцевъ и буржуа-раціоналистовъ.

Ударъ былъ направленъ противъ другой половины республиканской партіи, противъ якобинцевъ и демагоговъ, но Бонапартъ, одержавъ побѣду, на другой-же день заявилъ, что побѣжденныхъ не было, что онъ не желаетъ ихъ знать. «Исключенныхъ депутатовъ, якобинцевъ, проявлявшихъ хоть малѣйшее раскаяніе» ¹⁾ онъ очень охотно вознаграждалъ невидными, но тепленькими мѣстечками, выпуская назадъ, черезъ подворотню, тѣхъ, кого онъ выбросилъ въ окно. Этотъ способъ амнистіи былъ весьма пригоденъ къ тому, чтобы успокоить раздраженіе, пролить бальзамъ на вчерашнюю рану; шпага Бонапарта начинала походить на копьё Ахилла, одаренное волшебной силой исцѣлять нанесенныя имъ раны.

Какъ партія, якобинцы прекрасно понимали, что ихъ царству пришелъ конецъ, но, видя, что консульство преслѣдуетъ ихъ даже меньше, чѣмъ подчасъ, бывало, директорія, они надѣялись, что, вылетѣвъ кубаремъ изъ Сень-

¹⁾ Бюллетень агентовъ Кондэ, 20 ноября. Архивъ Шантильи.

Клу, каждый изъ нихъ въ отдѣльности, все-таки, встанетъ на ноги. Чувствуя, что ихъ сдерживаютъ и въ то же время щадятъ, видя передъ собой человѣка, который по военному оборветъ всякую попытку сопротивленія, но въ то же время никого не лишаетъ возможности пробить себѣ дорогу, они не были на него въ претензіи. Само собой, уволенные чиновники, нѣкоторые провинціальные клубы, члены бабувистскихъ сообществъ ругали его подъ сурдинку. Нѣкоторые болѣе выдающіеся демократы, убѣжденные и пронизательные, жалѣли о судьбѣ республики, попавшей въ руки честолюбца, но они горевали про себя; со стороны казалось только, что они охладѣли вдругъ къ общественному дѣлу и мечтаютъ о своемъ шатрѣ ¹⁾; другіе ограничивались тѣмъ, что выражали сомнѣнія и уповали на «справедливое возмездіе, всегда постигающее честолюбцевъ и предателей» ²⁾. Алчная же масса съ радостью сама лѣзла подъ ярмо, лишь бы только его не дѣлали сразу слишкомъ явнымъ и тяжелымъ. Такимъ образомъ вокругъ народившагося консульства сплотились республиканцы самыхъ различныхъ оттѣнковъ, примиренные съ совершившимся фактомъ въ его непосредственныхъ результатахъ.

Напротивъ, роялисты чувствовали себя обманутыми въ своемъ нетерпѣливомъ ожиданіи реакціи. Строгія мѣры, принимаемая противъ нихъ, главнымъ образомъ, на словахъ, забота консуловъ о сохраненіи въ принципѣ революціонныхъ законовъ и заявленія ихъ о неприкосновенности этой глыбы сглаживали для нихъ впечатлѣніе очень рѣзкой переменѣны; они печально говорили: «Это все та же республика, созданная революціей, а не національная республика» ³⁾. Большинство однако не переставало надѣяться, полагая, что новая власть, порожденная анти-якобинскимъ движеніемъ, рано или поздно поддастся внушеніямъ своего первоисточника, и что, несмотря на все, реакція приближается. А пока, они изучали Бонапарта, эту великую загадку: что имъ надлежало думать объ этомъ необычайномъ

¹⁾ См. письмо Роберта Линде отъ 3 нивоза, *Amand Montier*, 383.

²⁾ См. письмо бывшего члена Конвента, Гильемарде, посланника при испанскомъ дворѣ; *La révolution française*, нумеръ отъ 14 іюня 1902 г.

³⁾ Бюллетени агентвъ Кондэ, отъ 20 ноября. Арх. Шантильи.

и сложномъ существѣ. Одинъ изъ корреспондентовъ Кондэ слѣдующимъ образомъ разлагалъ его на составные элементы: «Въ немъ треть философа, треть якобинца и треть аристократа»¹⁾, и прибавлялъ: «Ни одного атома роялиста» думая, однако, про себя, что узурпаторъ подготовить возвращеніе законнаго государя, снова приучивъ французовъ повиноваться господину. Иные воображали, что Бонапартъ скрываетъ свою игру, идетъ къ реставраціи кривыми и окольными путями. Каждый сочинялъ о немъ свой собственный романъ. Эта общая неувѣренность относительно его намѣреній шла ему на пользу, позволяя возлагать на него самыя противоположныя надежды.

Помимо откровенныхъ роялистовъ, были еще такъ называемые теперь простые консерваторы, умѣренные правой, связанные съ прошлымъ своимъ происхожденіемъ и правами, но не отвергающіе цѣликомъ дѣла революціи, довольно либеральныя, но слабыя республиканцы, склонныя однакожъ удовольствоваться всякимъ правительствомъ, только бы оно сумѣло утвердить общество на истинныхъ его основаніяхъ. Эти послѣдніе вначалѣ расцвѣли и перевели духъ, но теперь медлили окончательнымъ сужденіемъ и препирались между собою, высчитывая шансы будущаго. Къ нимъ давно уже относились, какъ къ побѣжденнымъ и подозрительнымъ людямъ, но, и отстраненные отъ дѣлъ, они никакъ не могли заставить себя не интересоваться ими, не говорить о политикѣ. Въ данный моментъ въ провинціальныхъ кружкахъ, въ салонахъ маленькихъ городковъ, въ деревенскихъ усадьбахъ, гдѣ эти полуроялисты влачили свое сѣуженное и шаткое существованіе, только и было рѣчи, что о Бонапартѣ; онъ властвовалъ надъ воображеніемъ, но еще не повелѣвалъ умами.

Оптимисты утверждали, что ему отъ природы дана способность все исцѣлять, что это ужъ одинъ изъ атрибутовъ генія; другіе, наоборотъ, отказывались признать въ немъ человѣка, который найдетъ выходъ и разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ. Едва достигнувъ власти, онъ уже спѣшилъ собрать вокругъ себя республиканцевъ и взялъ курсъ влѣво,—не значило-ли это, что онъ въ одинъ прекрасный

¹⁾ Ibid. 16 ноября.

день примирится съ крайними якобинцами и вернется на торную дорожку? Ему безспорно данъ въ удѣлъ военный гений и даръ одерживать побѣды, но вѣдь при этомъ не обязательно обладать великимъ государственнымъ умомъ. Разобраться въ страшномъ наслѣдствѣ революціи, ликвидировать его—не шутка, кто знаетъ, не падеть-ли Бонапартъ подъ тяжестью такой задачи. Вотъ о чемъ спрашивали себя умные и доблестные люди, впоследствии вошедшіе въ составъ консульскаго правительства лучшими его элементами. Соглашеніе съ этой важнѣйшей частью консервативныхъ силъ еще далеко не было достигнуто. Де Брантъ, будущій префектъ перваго консула писалъ изъ Оверни своему сыну, ученику Политехнической Школы, слѣдующее письмо, полное возраженій и оговорокъ:

« . . . Не велико геройство заставить скакать въ окна стадо представителей и штыками вырвать власть у людей, совершенно лишенныхъ военной силы и не стоящихъ подъ защитой общественнаго мнѣнія . . . Тотъ, кто, какъ Кромвелль, изгналъ ораторовъ и демагоговъ, долженъ умѣть царствовать, какъ онъ. Кромвелль бралъ въ руки бразды правленія въ государствѣ, которое никто не тревожилъ и не могъ тревожить извнѣ. Тамъ не было даже и зародыша возможности войны съ иноземцами. А внутреннія факціи онъ хорошо изучилъ и привыкъ имѣть съ ними дѣло. Армія вся была за него, притомъ армія, уже четыре года игравшая самую видную роль въ революціи. Здѣсь, ни одно условіе не совпадаетъ, и если черезъ мѣсяцъ не будетъ заключенъ миръ . . . никакія заискиванья не помогутъ, и герой падеть, покрытый смѣхомъ, если не стыдомъ.

«За обманутыя надежды мстятъ ненавистью, презрѣніемъ, униженіемъ. Это идетъ непрерывно вотъ ужъ шесть лѣтъ. Всѣмъ дѣлателямъ революцій воскуряли фимиамъ, пока думали, что учиненная ими переменна всѣмъ пойдетъ на пользу. Сколько похвалъ расточали этому гнусному Талльену, обрызганному кровью сентябрьскихъ убійствъ, пока вѣрили, что его 9-е термидора принесетъ съ собой порядокъ, миръ, справедливость,—и какъ потомъ все это выместили на немъ! Даже у Мерлена, послѣ 18-го фрюктидора, развѣ не было приверженцевъ, и очень ис-

креннихъ: въ нашей революціи всегда достаточно было прогнать кого-нибудь и сѣсть на его мѣсто, чтобы завоевать общее расположеніе, по крайней мѣрѣ на двѣ недѣли. Главное не въ этомъ, а въ томъ, чтобъ удержаться, довести драму до развязки съ честью и пользой для себя и къ выгодѣ другихъ. Эта задача еще не рѣшена, и я желалъ-бы чтобы Б. . . , окруженный метафизиками въ политикѣ и учеными свѣтилами Института, далъ намъ эту столь желанную, столь долгожданную развязку. Но я не надѣюсь на это въ такой мѣрѣ, какъ другія извѣстныя мнѣ лица, — и потому, что я измѣрилъ трудности, и потому, что я не ставлю этого человѣка такъ ужъ высоко, какъ его восторженные поклонники. . . ¹⁾.

Правда, подѣ конецъ этой «яростной тирады» — его собственное выраженіе, — де Брантъ какъ будто самъ себя немножко винить въ пессимизмѣ; онъ признаетъ, что герои дня выше своихъ предшественниковъ, что, по крайней мѣрѣ, «ядовитые гады устранены, а славные воины, воцарившіеся на мѣсто ихъ, принадлежатъ къ лучшей и болѣе благородной породѣ. Это во всякомъ случаѣ выигрышъ». Но до того онъ писалъ: «Къ несчастью, во всемъ, что происходитъ, я вижу только смѣну актеровъ, а не развитіе дѣйствія».

Волна сочувствія поднималась главнымъ образомъ снизу, изъ глубокихъ слоевъ населенія, и шла лично къ Бонапарту, не заботясь о его товарищахъ и окружающихъ. Его собственной партіей, еще только формирующейся, была вся Франція, пресытившаяся политикой и мечтавшая навсегда развязаться съ ней, Франція простыхъ и работающихъ людей, несчетная масса мелкихъ собственниковъ, полу-буржуазія, промышленность, земледѣліе, настоящій народъ, который не надо смѣшивать ни съ якобинской кликой, ни съ демагогами правой. Въ томъ и сила Бонапарта, что онъ сумѣлъ вложить свои собственные взгляды въ умы тѣхъ, кто ихъ никогда не имѣлъ, или утратилъ. Эти мирные труженики еще не получили отъ него никакого положительнаго удовлетворенія; тѣмъ не менѣе они любятъ его, ибо любятъ въ немъ свою надежду; они заранѣе благодарны ему за то, чего

¹⁾ Архивъ семейства де Брантъ. Мы обязаны сообщеніемъ этого письма любезности барона де Брантъ.

ждутъ отъ него; за отсутствіемъ реальной возможности дѣйствовать, его спасаетъ колоссальная репутація, внушая нѣкоторое довѣріе къ его будущей созидательной работѣ.

Довѣріе еще хрупкое, опасливое, ибо народъ слишкомъ часто обманывали, суля ему спасеніе, для того чтобъ онъ не страшился новыхъ неудачъ. Потому мы и не видимъ широкаго разлива энтузіазма, обыкновенно сопутствующаго осуществленію великихъ упованій, не слышимъ бреда надежды, привѣтствовавшаго начало революціи и первые ея шаги. Народъ однако чувствуетъ, что среди всеобщаго разложенія, путаницы идей и распаденія теорій, теперь хоть есть возможность уцѣпиться за что-нибудь конкретное и сильное. Резонеры, политики, чиновники, литераторы, охотно представляютъ себѣ, что глава правительства Сійэсъ, что онъ думаетъ за всѣхъ, мудро устроая будущее; нѣкоторыя провинціальныя власти въ официальныхъ бумагахъ ставятъ имя Сійэса впереди имени Бонапарта ¹⁾. Народное чутье не ошибается; оно предчувствуетъ и угадываетъ истиннаго вождя, того, кто сумѣетъ повелѣвать. Генераль Ланнъ, покончивъ свой объѣздъ на юго-западѣ и опросивъ всѣ классы населенія, пишетъ Бонапарту: «Каковы бы ни были заслуги тѣхъ, кто дѣлилъ съ вами опасности и славу, во всѣхъ странахъ, объѣханныхъ мною, не кричатъ ни *«Да здравствуетъ Сійэсъ!»* ни *«Да здравствуетъ Моро!»* но *«Да здравствуетъ Бонапартъ!»* Васъ любятъ сердечно и *будутъ боготворить васъ, если вы дадите имъ миръ*, всѣ собственники, мирные труженики, народная масса, всѣ жертвы политическихъ движеній, вызываемыхъ честолюбцами». На югѣ, сѣверѣ, востокѣ, въ глухо волнующихся селеніяхъ, въ огромной массѣ городовъ, еще плохо защищенныхъ отъ силій якобинцевъ и угрозъ контръ-революціонеровъ, является однакоже чувство успокоенія, ибо въ сторонѣ Парижа блещитъ свѣтлая точка, видимая отовсюду; изъ мрака бѣдствій, въ который все еще погружена Франція, милліоны взоровъ обращаются къ маяку надежды, загорѣвшемуся въ центрѣ.

¹⁾ *Lanzac de Laborie*, „La Domination française en Belgique“, I, 306.

2.

На западѣ горизонтъ прояснялся. Бунтъ роялистовъ разыгрался какъ разъ наканунѣ брюмера. Необходимо вернуться къ этому кризису, чтобы выяснить, въ какомъ положеніи застали консулы страну, какую роль сыграли они сами въ дѣлѣ замиренія и какую долю слѣдуетъ отвести ихъ предшественникамъ.

Когда вспыхнулъ организованный бунтъ, республиканцы извѣдали на западѣ такія неудачи, какихъ они не испытывали и въ великую вандейскую войну. Въмѣсто простыхъ бандъ въ большомъ количествѣ и составѣ, хозяйничающихъ въ деревняхъ, мятежники огромными массами вторгались въ города не столько для того, чтобы утвердиться тамъ, сколько для того, чтобы запасть оружіемъ и продовольствіемъ, нагнать страху на населеніе и все привести въ разстройство. Въ центрѣ Мэна первымъ возсталъ Бурмонъ со своими людьми. Въ ночь съ 22-го на 23-е вандемьера на улицахъ Монса раздалась ружейная пальба; три колонны шуановъ выломали городскіе ворота и наводнили весь городъ; они захватили ратушу, казармы, арсеналь, пушки, уносили или разбивали ружья, перемѣшали всѣ бумаги, освободили заключенныхъ. Захваченный врасплохъ гарнизонъ стрѣлялъ наудачу, не попадая въ цѣль; подъ ружейнымъ огнемъ и съ улицы и изъ оконъ солдаты могли сдѣлать только одно: пробиться къ заставѣ, спасти знамя и выйти изъ города, оставивъ за собою раненаго на смерть генерала Симона. Три дня городъ оставался всецѣло во власти Бурмона, который тамъ же произвелъ и смотрѣ своимъ войскамъ.

Районъ нижней Луары былъ наводненъ отрядами Шатильона. 27-го вандемьера, въ безлунную ночь, подъ прикрытіемъ густого тумана, они вторглись въ Нантъ, направляясь къ центральнымъ площадямъ, увлекая другъ друга, крича: «Да здравствуетъ король! Сдавайтесь! Сдавайтесь! Впередъ, ребята! Впередъ!...» Республиканскіе солдаты, чиновники, разбуженные шумомъ буржуа, полоумные отъ страха, высыпали на улицу, и все смѣшалось при блескѣ выстрѣ-

ловъ. Еще до свѣту шуаны ушли изъ города, ничего не добившись; они только раззорили нѣсколько домовъ и освободили нѣсколькихъ заключенныхъ. Но слухъ объ этомъ дерзкомъ нападеніи разнесся далеко; вся мѣстность между нижней Луарой и Виленой отнынѣ была въ ихъ власти. Выше по Виленѣ вокругъ Фужера, Ла-Превалэ поддерживалъ большой очагъ мятежа, но ему не удавалось подкрѣпить движеніе на Монсъ и Нантъ атакой на Реннъ.

Въ Морбиганѣ оперировали Кадудаль и его давно подготовленная къ бою дивизія. Новая тактика этихъ шуановъ была та-же, что и въ другихъ мѣстахъ: стремительное массовое нападеніе. Они попробовали атаковать Ваннъ и промахнулись; съ тысячью человекъ кинулись на Сенъ Бриекъ и владычествовали тамъ цѣлую ночь. Дальше Динанъ, Сенъ-Серванъ, Сенъ-Мало дрожали отъ страха, запираясь въ своихъ стѣнахъ. Редонъ сдался отряду шуановъ, Ла-Рошъ-Соверъ, Нозо, Бэнъ, Локминэ были взяты силой и временно заняты ими; республиканскіе посты и квартиры потонули въ потокѣ инсургентовъ.

По обѣимъ окраинамъ этой линіи непріязненныхъ дѣйствій, въ Вандеѣ и Нормандіи положеніе республиканцевъ было нѣсколько менѣе плачевно. Въ Вандеѣ Антишанъ собралъ подъ свое знамя во имя короля отъ шести до восьми тысячъ человекъ; замѣтивъ, что въ этихъ округахъ движеніе чисто поверхностное, и не находя былого энтузіазма, онъ бился главнымъ образомъ изъ повиновенія своему государю; 11-го брюмера большой отрядъ инсургентовъ былъ обращенъ въ бѣгство Траво послѣ битвы при Сентъ-Обэнъ-дю-Кормье. Однако нижній Пуату все же кишѣлъ бандами, поддерживавшими сношенія съ корпусами мэнскимъ, анжуйскимъ и бретонскимъ. Въ Нормандіи Фроттэ, высадившійся близъ Байе, объявилъ всеобщій призывъ и учинилъ смотръ всѣмъ способнымъ немедленно же взяться за оружіе, но онъ пока пускалъ въ бой лишь отдѣльные небольшие отряды. Одна изъ такихъ группъ обложила Виръ; другія угрожали Мортэну, Вильдье, Авранту, Фалэзу. Алансонъ и департаментъ Орны оставались безъ всякаго прикрытія; Ламаншъ былъ уже отчасти захваченъ врагомъ; въ Кальвадосѣ шла глубокая подпольная агитація.

Это обширное возстаніе носило особый характеръ; оно отличалось отъ прежнихъ стараніями вождей организовать свои войска, вести правильную войну. Шуанство теперь ужъ не то, что во времена конвента и Гоша: вмѣсто скопищъ вооруженныхъ крестьянъ, руководимыхъ безвѣстными вождями, грубыми и невѣжественными, какъ они сами, теперь мы видимъ войну дворянъ, возвратившихся эмигрантовъ, ведущихъ въ бой сформированные ими отряды; въ такомъ видѣ оно производитъ болѣе внушительное впечатлѣніе и представляетъ собою меньше серьезной опасности. Почти на всемъ протяженіи зоны мятежа мы видимъ правильные наборы и реквизиціи, нѣсколько попытокъ помѣшать слишкомъ ужъ гнуснымъ насиліямъ, сохраненіе мѣстъ за деревенскими властями подъ условіемъ слѣпного повиновенія, сборъ королевской подати и десятины, огромную сѣть шпионства, охватывающую всю страну; тамъ и сямъ генеральные штабы съ бѣлыми султанами и крестомъ Св. Людовика, войска, развертывающіяся въ линію, въ мундирахъ, съ флейтами и барабанами, даже небольшіе кавалерійскіе отряды.

Это не значитъ, что арміи католиковъ роялистовъ постоянно находятся въ сборѣ и на чеку; если и есть въ нихъ постоянные отряды, большая часть ихъ формируется и распадается смотря по обстоятельствамъ и по приказу начальства. При помощи системы моментальныхъ мобилизацій, каждый изъ главныхъ вождей можетъ располагать въ любой моментъ цѣлой арміей, собранной для спеціальной операціи; вотъ почему они имѣютъ возможность нападать на города и наносить серьезные удары противнику.

Несмотря на обнаруженную ими энергію и силу порыва, вожди мятежниковъ чувствовали, что моментъ выбранъ неудачно; дѣла республики поправились; съ внѣшней стороны они обстояли блестяще, и возстаніе, имѣвшее цѣлью помочь коалиціи, оставалось рискованнымъ и не достигающимъ цѣли. Послѣ Цюриха и Бергена, когда въ парижскихъ политическихъ сферахъ повѣяло умѣренностью и миролюбіемъ, директорія назначила новаго командующаго войсками на западѣ, которому Сійэсъ полунамекомъ далъ разрѣшеніе вступать въ переговоры; это былъ генералъ Эдувилль, офицеръ старой арміи, весьма миролюби-

вый, даже слишком миролюбивый, въ глубинѣ души симпатизировавшій возставшимъ дворянамъ, какъ человѣкъ ихъ круга ¹⁾. Ему даны были строгія официальныя инструкціи и въ то же время очень широкія полномочія. Какъ только онъ устроился въ Анжерѣ, куда перенесъ и главную квартиру, онъ сталъ искать посредниковъ для переговоровъ съ Шатильономъ, воевавшимъ на низовьяхъ Луары. Въ прежнихъ замиреніяхъ играла довольно видную роль нѣкая госпожа Тюрпенъ де Криссе. Спасаясь отъ закона о заложникахъ, она незадолго передъ тѣмъ покинула Анжеръ и скрывалась въ одномъ замкѣ, въ глуши лѣсовъ. Эдувилль розыскалъ ее; между этой остывшей роялисткой и чуть тепленькимъ республиканцемъ легко установилось взаимное пониманіе. Г-жа Тюрпенъ де Криссе объявила, что нынѣшнее возстаніе вызвано главнымъ образомъ ненавистью къ закону о заложникахъ и религіозными преслѣдованіями, и обѣщала приложить старанія.

Тѣмъ временемъ пришла вѣсть о брюмерскихъ событіяхъ. Въ городахъ, въ мѣстечкахъ, еще занятыхъ республиканцами, власти поспѣшили дать ей самую широкую огласку. Дѣйствіе получилось двойное. Республиканская армія подъ бременемъ лишеній совершенно упала духомъ; солдаты массами дезертировали, переходили на сторону шуановъ; многимъ офицерамъ опротивѣло служить распадающейся власти, и они съ полуслова вступали въ соглашеніе съ мятежниками, или же сражались очень вяло. Когда они узнали, что публика ожила отъ притока новыхъ силъ, молодой, чистой крови, когда они узнали, что Бонапартъ сдѣлался консуломъ, а Бертъе министромъ, въ нихъ отчасти воскресъ прежній пылъ ²⁾; переходъ власти въ руки Бонапарта снова пробудилъ въ нихъ преданность республикѣ, остановилъ потокъ дезертирства и компромиссовъ. На возставшихъ роялистовъ поселянъ имя Бонапарта также произвело должное впечатлѣніе; это былъ противникъ, король *голубыхъ*, но все же знаменитый полководецъ, такой вождь, подъ начальствомъ котораго каждый съ радостью

¹⁾ См. очеркъ *Paul Robiquet*, появившійся въ *Revue*.

²⁾ См. восторженное письмо генерала Гринья, у *Chassin* III, 441.

пошелъ бы сражаться за правое дѣло: «репутация генерала Бонапарта удивительно прочно установилась въ этой мѣстности. Одинъ вандейскій крестьянинъ говорилъ вчера на рынкѣ въ Нантѣ двумъ гражданамъ: «*Будь у насъ такой Бонапартъ, мы одержали бы верхъ*» 1).

Вскорѣ распространившаяся вѣсть объ отмѣнѣ закона о заложникахъ многихъ настроила миролюбиво; разъ новое правительство съ самаго начала вступило на путь терпимости и справедливости, слѣдуетъ оказать ему нѣкоторое довѣріе и подождать судить его, пока оно не проявитъ себя надѣлѣ. Нѣкоторые изъ вождей руководствовались болѣе глубокими соображеніями. Раздѣляя весьма распространенное въ ихъ партіи заблужденіе, они были недалеко отъ мысли, что Бонапартъ работаетъ въ интересахъ короля. Они находили, что надо по крайней мѣрѣ дать себѣ время проникнуть въ его намѣренія, и первый консулъ, проявлявшій себя яримъ республиканцемъ въ Парижѣ, повидимому, остерегался разрушать на Западѣ иллюзіи, которыя были ему очень и очень на руку. Другіе, менѣе довѣрчивые, соглашались только на отсрочку. Если при нихъ останутся ихъ войска и оружіе и всѣ средства борьбы, они не прочь были прекратить кровопролитіе и приостановить войну, начинавшую внушать ужасъ столь многимъ.

Въ Анжерѣ шли переговоры между Эдувиллемъ и Шатильономъ, при посредствѣ г-жи Тюрпень де Криссе. Эдувилль позволялъ себѣ при этомъ весьма рискованныя вещи, вплоть до свиданій непосредственно съ вождемъ мятежниковъ; въ тайну этихъ встрѣчъ проникли другіе республиканскіе офицеры и подняли крикъ объ измѣнѣ 2). Тѣмъ не менѣе условія мира были поставлены не изъ легкихъ: свобода вѣроисповѣданій, освобожденіе отъ налоговъ, гарантія безопасности эмигрантовъ и священниковъ, присоединившихся къ бандамъ,—вотъ чего требовалъ Шатильонъ; только на такихъ основаніяхъ онъ готовъ былъ пойти на перемиріе. Временное консульство, въ отвѣтъ на эти требованія, выказывало гордость только на словахъ: въ своихъ инструкціяхъ Эдувиллю оно заявляло, что ему весьма и весьма не-

1) Ibid.

2) *Robiquet*, 15—16.

желательно было-бы вступать въ переговоры съ мятежниками, но оно не видитъ причины, почему бы не сдѣлать имъ кой-какихъ уступокъ по собственной инициативѣ, «добровольно и доброхотно»¹⁾. А для того надо было выяснитъ въ точности, къ чему сводятся ихъ требованія—слѣдовательно принимать эмиссаровъ и бесѣдовать съ ними; словомъ, приходилось относиться къ инсургентамъ, какъ къ равнымъ, признать ихъ воюющей стороной.

Прежде чѣмъ стовариваться насчетъ условій мира, Шатильонъ, къ которому присоединились также Антишанъ и Бурмонъ, считалъ необходимымъ испросить согласія другихъ начальниковъ, устроить совѣтъ вождей; для этого всѣ вожди изъ Вандеи, Нормандіи и Бретани должны были съѣхаться сюда, въ область Нижней Луары, главный центръ враждебныхъ дѣйствій и переговоровъ. Республиканскія власти нашли это вполне естественнымъ и не противились. А пока Эдувилль съ Шатильономъ 2 февраля 23 ноября заключили перемиріе; между 11-мъ и 19-мъ это перемиріе было послѣдовательно распространено на всѣ мятежные районы, отъ департамента Двухъ-Сэвръ до владѣній Фроттэ. Обѣ партіи до того смѣшались и перепутались между собой, что установить демаркаціонную линію, отвести каждой свои предѣлы было положительно невозможно. Порѣшили только взаимно воздерживаться отъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій. Старались также обезпечить свободное сообщеніе, безопасность дорогъ. Вопросъ о томъ, предоставить ли шуанамъ полную свободу собирать реквизиціи деньгами и натурою, не былъ затронутъ.

Перемиріе плохо соблюдалось; его часто нарушали и нападенія и грабежи; тѣмъ не менѣе оно было выгодно для обѣихъ сторонъ. Бонапартъ выигрывалъ время, возможность стянуть больше войскъ на западъ и усилить средства къ подавленію мятежа; зато мятежникамъ была облегчена доставка моремъ субсидій и оружія: теперь они могли безъ помѣхи совершенствовать свою организацію, набирать новыхъ ратниковъ, укрѣплять свои позиціи въ захваченныхъ деревняхъ. Но Бонапартъ, дорожа нравственнымъ воздѣйствіемъ,

¹⁾ Инструкціи отъ 29 брюмера.—Военный архивъ англійской арміи.

которое должно было произвести на всю Францію это начало, или по крайней мѣрѣ кажущееся начало замиренія, не препятствовалъ Эдувиллю. Онъ только предупреждалъ его, чтобы тотъ не давалъ «водить себя за носъ»¹⁾, но или заключилъ бы миръ, или возобновилъ войну съ новой энергіей, постаравшись проникнуть въ замыслы мятежниковъ; онъ не допускалъ и мысли о проволочкѣ—все должно было кончиться такъ или иначе еще до исхода зимы.

Прегращеніе военныхъ дѣйствій могло произвести въ Парижѣ только благоприятное впечатлѣніе, заставивъ на время забыть о грандіозномъ пожарѣ, снова разыгравшемся на западѣ. Этой отрадной вѣсти было однакожь недостаточно, чтобы разогнать колебанія и ввести въ опредѣленные границы шаткое общественное мнѣніе. Парижъ тревожила теперь другая забота. Правительство посулило въ ближайшемъ будущемъ конституцію, которая опредѣлитъ судьбы республики: зачѣмъ-же оно медлитъ? Беззаботность нетерпѣливость—вотъ два противорѣчивыхъ термина, которыми можетъ быть охарактеризованъ темпераментъ парижанъ; ихъ мало интересовало, какова будетъ эта конституція, только бы она была дана. Газеты отмѣтили народное рожденіе новой факціи *нетерпѣливыхъ*. Дѣловые круги, уже готовые примкнуть къ правительству, остановились на полдорогѣ, какъ и повышение государственныхъ фондовъ, вначалѣ очень быстрое; консолидированная треть, послѣ брюмера поднявшаяся до двадцати франковъ, колебалась около этой цифры и не шла дальше. Бонапартъ видѣлъ эти симптомы, подмѣтилъ общую усталость отъ переходнаго состоянія и хотѣлъ какъ можно скорѣе произвести впечатлѣніе окончательно установившагося строя; это была одна изъ причинъ, побудившихъ его поторопиться съ конституціей.

1) Переписка Наполеона, VI.

Глава XII

Конституція VIII года.

Законодательныя комисси.—Отдѣлы (sections), выработывавшія конституцію.—Обращеніе къ Сійэсу.—Сійэсъ, не написавъ ни слова, позволяетъ вывѣдать у себя свои идеи.—Измѣненіе перваго его проекта.—Принципы и интересы.—Сійэсъ предлагаетъ упразднить избирательную систему и хочетъ упрочить навсегда господство революціонеровъ.—Сенатъ—источникъ всякой власти.—Двѣ пирамиды.—Великій избиратель.—Серьезное разногласіе въ мнѣніяхъ съ Бонапартомъ.—Предложеніе пойти на сдѣлку.—Колючій споръ.—Разрывъ кажется неизбѣжнымъ.—Парижъ во время кризиса.—Бульварный инцидентъ.—Испанская карета.—Охлажденіе между Бонапартомъ и Сійэсомъ.—Въ споръ втягиваютъ комисси.—Сійэсъ обмануть.—Бонапартъ заманиваетъ къ себѣ обѣ *секціи*; ночныя собранія; расширеніе собраний; засѣданія въ полномъ составѣ.—Проектъ Дону.—Бонапартъ разбиваетъ оба проекта, одинъ посредствомъ другого.—Листки Дону; *Recto* и *Verso*.—Восемь рѣшительныхъ словъ.—Единодушіе исполнительнаго комитета.—Бонапартъ продолжаетъ переговоры съ Сійэсомъ; соглашеніе относительно личностей.—Удовлетвореніе, данное революціонной олигархіи.—Камбасерэсъ и Лебрень.—Споръ о гарантіяхъ.—Комисси наконецъ раздѣлились.—Какъ Бонапартъ заставилъ ихъ вотировать конституцію.—Сцены при закрытыхъ дверяхъ.—Сійэсъ—великій избиратель.—Немедленное оглашеніе, — Слово женщины изъ народа.—Исслѣдованіе конституціи; ея пробѣлы и неясности.—Консулы.—Сенатъ.—Трибунатъ.—Законодательный корпусъ.—Какимъ образомъ конституція VIII года, плодъ компромисса между Бонапартомъ и революціонной олигархіей, носитъ въ себѣ зародышъ будущихъ переворотовъ и должна привести къ демократическому деспотизму.—Конституція, отданная на судъ гражданъ; открытіе записей.—Бонапартъ угадываетъ результатъ плебисцита и убѣждаетъ ввести въ силу конституцію.—Послѣдніе труды комисси.—Законъ о пострадавшихъ въ фрюктидорѣ.—Законъ о національныхъ празднествахъ.—Доля Сійэса. Бонапартъ вступаетъ въ обязанности перваго консула.

I.

По временнымъ законамъ, установленнымъ въ брюмерѣ, конституцію должны были выработать двѣ законодатель-

ныхъ комиссій—комиссія пятисотъ и комиссія старѣйшинъ. Каждая изъ нихъ выдѣлила изъ себя секцію для подготовительныхъ работъ; секція пятисотъ состояла изъ Буле-де-ля Мёрта, Люсьена Бонапарта, Шазала, Дону, Мари-Жозефа Шённе, Кабаниса и Шабо Латура, секція старѣйшинъ изъ: Гара, Лосса, Лемерсье, Ленуаръ Лароша и Ренъе. Никто изъ нихъ не хотѣлъ братья за дѣло, не посовѣтовавшись съ оракуломъ, не спросивъ Сійэса. За десять лѣтъ законодательныя собранія трижды безуспѣшно пытались разрѣшить проблему конституціи, а тутъ подъ рукою былъ человекъ, о которомъ говорили, что это рѣшеніе у него давно готово въ силу таинственной, особой интуиціи; его приговора ждали такъ почтительно, какъ будто сами отказывались отъ способности судить; ловили каждое слово, слетавшее съ его устъ,— вотъ, вотъ, наконецъ, она станетъ вѣдома всѣмъ, эта тайна общаго благоденствія, которую Сійэсъ такъ безстрастно хранилъ для себя. Въ концѣ брюмера къ нему стали приходять Буле де-ля-Мёртъ и другіе, убѣждая его нарушить молчаніе; и подолгу бесѣдовали съ нимъ.

У Сійэса сложилось извѣстное количество идей, плодъ долгихъ, одинокихъ размышленій. Онъ всю жизнь преклонялся передъ этими идеями, любовался ими, находя въ нихъ свое собственное отраженіе, но перейти отъ мечтаній къ кабинетной работѣ было для него страшнымъ, почти непреодолимымъ трудомъ; онъ до сихъ поръ еще не рѣшился изложить на бумагѣ свои идеи. Когда его попросили представить свой планъ конституціи, этотъ человекъ, одержимый маніей сочинять конституціи, казалось, былъ захваченъ врасплохъ.

Онъ началъ однако же излагать принципы, формулируя ихъ, какъ догматы. «Довѣріе должно итти снизу, власть должна исходить свыше». Народъ есть основа зданія, но онъ долженъ служить только для того, чтобы поддерживать и упрочивать собою вершины; нѣтъ режима болѣе ненавистнаго, чѣмъ господство демократіи «въ сыромъ видѣ», властвующаго надъ государствомъ большинства. Есть только одинъ способъ правленія, примѣнимый къ многочисленнымъ и просвѣщеннымъ обществамъ, рачіонально организованнымъ: это система представительства, правленія по довѣренности, и искусство совершеннаго законодателя

состоить въ томъ, чтобы выдѣлить часть націи, обладающую необходимыми качествами, для того, чтобы быть представительницей всѣхъ другихъ, («цвѣтъ представительства»). Что касается способовъ осуществить этотъ планъ, Сійэсъ говорилъ, что и они имѣются въ его распоряженіи, но общалъ ихъ не сразу, а понемногу, съ оговорками, измѣненіями и поправками. Понадобилось около двѣнадцати дней, для того, чтобы извлечь изъ него полностью его идеи.

Ему удалось, однакоже, или другимъ удалось составить за него планъ. Булэ, въ присутствіи котораго Сійэсъ думалъ вслухъ, дѣлалъ замѣтки, набрасывалъ на бумагѣ этотъ планъ въ общихъ чертахъ. Въ него были посвящены и другіе друзья; они не молчали, и вскорѣ тайна Сійэса сдѣлалась общеизвѣстной, причемъ, какъ водится, въ передачѣ она была нѣсколько искажена. Десятаго фримера *Moniteur*, отношеніе котораго къ Сіэсу ни для кого не было тайной, напечаталъ статью, очевидно, продиктованную ему или инспирированную, съ цѣлью опровергнуть ложныя толкованія, ориентировать общественное мнѣніе, установить подлинный текстъ. «Изъ всѣхъ версій вотъ, повидимому, наиболѣе достовѣрная, если не считать нѣсколькихъ измѣненій и пропусковъ». Эта статья очень цѣнна. Она — единственно дошедшій до насъ документъ, тогда же и написанный, и притомъ близко стоящимъ къ дѣлу человѣкомъ; сопоставивъ ее съ позднѣйшими признаніями Булэ де-ля-Мёртъ, мы понемногу выясняемъ себѣ планъ въ цѣломъ, угадываемъ и мысль Сіэса, и то, чего онъ не договаривалъ.

Его проэктъ былъ надежнѣйшимъ оружіемъ, какое только можно было выдумать въ интересахъ самозащиты и самосохраненія извѣстной партіи. Уже пять лѣтъ партія бывшихъ членовъ конвента и ихъ приверженцевъ владѣла Франціей, удерживая власть путемъ періодическихъ узурпацій народнаго господства. Въ III году эти господа устроили подлогъ на выборахъ, произвольно навязавъ гражданамъ двѣ трети конвента; въ фрюктидорѣ V года они сломали эти выборы саблей Ожеро; въ флореалѣ VI года объявили ихъ недѣйствительными, въ виду того, что кандидаты ихъ не получили большинства. Сійэсъ шелъ въ этой прогрессіи еще дальше, шелъ до конца. Онъ совершенно упразднилъ выборы.

Въ началѣ революціи никто больше его не старался о томъ, чтобы противопоставить національное право монархическому, установить принципъ верховнаго владычества народа. Теперь онъ уже не хотѣлъ, чтобы нація фактически вручала власть своимъ избранникамъ; избирательныя невзгоды, пережитыя его партіей, да и болѣе возвышенныя соображенія — опытомъ выработанное отвращеніе къ демагогіи, зрѣлице выборовъ, всегда извращенныхъ духомъ насилія и партійности, отсутствіе во Франціи всякаго политическаго воспитанія, несоотвѣтствіе между людьми и законами, — вотъ, что заставило его отречься отъ прежнихъ убѣжденій. Теперь онъ полагалъ, что народъ долженъ лишь косвенно участвовать въ выборѣ своихъ представителей — не избирать самъ, а лишь указывать на тѣхъ, кто, по его мнѣнію, достоинъ быть избраннымъ — не назначать депутатовъ, а составлять списки кандидатовъ; да и то это право будетъ предоставлено такому ничтожному количеству лицъ, что на практикѣ обратится въ иллюзію.

Это была знаменитая система *списковъ нотаблей*. Въ каждомъ *общинномъ округѣ* (*arrondissement communal*) — новое раздѣленіе страны, также придуманное Сійэсомъ, — *активные* граждане, т. е. французскіе подданные, платящіе подать, равную стоимости трехъ рабочихъ дней, выбираютъ изъ своей среды сотню общинныхъ нотаблей, наиболѣе уважаемыхъ, именитыхъ гражданъ. Эти нотабли перваго разряда въ свою очередь выбираютъ изъ своей среды десять нотаблей втораго разряда, департаментскихъ нотаблей, а тѣ уже такимъ же манеромъ составляютъ національный списокъ въ пять тысячъ гражданъ. По этому списку, являющемуся результатомъ трехстепенныхъ выборовъ, дважды прошедшихъ сквозь прессу, будутъ уже избираться въ члены законодательнаго и исполнительнаго комитета. Кто же будетъ избирать ихъ? Здѣсь то и обнаруживается главный винтъ машины, маховое колесо, настоящій узурпаторскій органъ: корпусъ, пользующійся верховной властью, составленный вначалѣ изъ инициаторовъ переворота, т. е. изъ термидорцевъ и фрюктидорцевъ, ставшихъ партіей брюмера и затѣмъ пополняющійся своими средствами; власть постоянная, несмѣняемая, могущественная, съ огромными денежными средствами, плодъ совершившагося факта и

закрѣпленнаго приобрѣтенія—*конституціонное жюри (jury constitutionnaire)*, въ окончательной редакціи переходящее въ *консервативный сенатъ (Sénat conservateur)*.

«Будетъ учреждено конституціонное жюри — пишетъ *Moniteur*,—состоящее изъ восьмидесяти членовъ»,—большой совѣтъ революціонеровъ - учредителей. Этотъ сенатъ или жюри, по мысли Сійэса, долженъ быть прежде всего истолкователемъ и хранителемъ верховнаго закона; Сійэсъ предоставляетъ ему право отмѣнять всѣ указы, противные конституціи, будь то законы или правительственныя постановленія. Идея была бы превосходна, если-бъ она этимъ и ограничилась. Нѣтъ истинной республиканской конституціи тамъ, гдѣ не существуетъ высшей судебной инстанціи, хранительницы основныхъ законовъ, обязанной сдерживать узурпаторскія поползновенія исполнительной власти и въ то же время обуздывать собраніе, такъ какъ законодательная тираннія не менѣе опасна, чѣмъ другая. Но Сійэсъ не ограничивалъ роли сената этими регулирующими функциями. Онъ дѣлалъ его фактическимъ родоначальникомъ, источникомъ власти, превращалъ его въ избирательный корпусъ. Не издавая законовъ и не управляя, сенатъ будетъ создавать законодателей и правителей путемъ окончательнаго выключенія и тончайшаго подбора.

По національному списку сенатъ будетъ выбирать членовъ собранія. Палатъ будетъ двѣ: трибунатъ—палата законодательной инициативы, вырабатывающая законы и обсуждающая ихъ, и законодательный корпусъ, который ихъ вотируетъ или отвергаетъ безъ обсуждения. Сійэсъ надѣялся такимъ путемъ устранить или по крайней мѣрѣ локализовать злоупотребленіе трибуной, тѣмъ болѣе, что трибунатъ и законодательный корпусъ—оба будутъ дѣтищами величаваго сената. И наконецъ, главою и вѣнцомъ всего административнаго зданія будетъ единый судья, избираемый сенатомъ изъ числа своихъ членовъ и получающій титулъ *Великаго Избирателя*.

Этотъ высшій чинъ въ государствѣ будетъ назначать настоящихъ правителей: членовъ исполнительнаго комитета и двухъ консуловъ; одинъ изъ консуловъ будетъ вѣдать внѣшнія дѣла: военныя, морскія и дипломатическія, другому будутъ подчинены всѣ отрасли внутренней администраціи.

Такимъ образомъ оба консула окажутся запертыми каждый въ кругу извѣстныхъ функцій, недоступномъ для другого, хотя внѣшнія и внутреннія государственныя дѣла и тѣсно связаны между собой. Каждый консуль будетъ стоять во главѣ служебной іерархіи. У него будутъ свои министры, свои совѣтники, своя судебная административная палата. Главныхъ своихъ агентовъ онъ будетъ выбирать изъ національнаго списка кандидатовъ, мѣстныхъ агентовъ—изъ списковъ низшаго разряда. Обѣ іерархіи будутъ изображать собою нѣчто въ родѣ двухъ рядомъ поставленныхъ конусовъ съ широкимъ основаніемъ, утончающихся къ вершинѣ; а надъ двумя вершинами, т. е. надъ обоими консулами, пребываетъ въ равновѣсіи *Великій Избиратель*. Назначивъ консуловъ, онъ будетъ проводить дни свои на покоѣ, въ позлащенной праздности; отнынѣ роль его становится главнымъ образомъ почетной и декоративной. На содержаніе его двора государство отпускаетъ шесть милліоновъ; жить онъ будетъ въ Версали, окруженный многочисленной стражей и почти королевской пышностью.

За нимъ останется однако право общаго надзора и увольненія консуловъ; но и самъ онъ, назначаемый безсмѣнно на всю жизнь или на очень долгій срокъ, будетъ все же зависѣть отъ сената. Здѣсь выступалъ наружу очень искусный, очень тонкій механизмъ, приспособленный къ тому, чтобы дѣйствовать безъ толчковъ и сотрясеній: право поглощенія (*droit d'absorption*).—Если великій избиратель, одинъ изъ консуловъ или кто нибудь изъ высшихъ сановниковъ навлекаетъ на себя подозрѣніе въ честолюбивыхъ замыслахъ или выдѣляется слишкомъ яркими заслугами, сенатъ можетъ *поглотить* его, т. е. вернуть въ свое лоно и тамъ оставить, признавъ его неспособнымъ къ активному распорядительству—иными словами безъ шума уволить.

Такая организація остракизма не прикрывала ли собой задней мысли? Въ 1799 г. Сійэсъ приводилъ весьма вѣскіе доводы, заставлявшіе его предпочитать республикѣ строго ограниченную монархію. Притомъ же, по его словамъ, разница между двумя режимами чувствовалась только на вершинѣ зданія. «Кто любитъ облекать въ конкретные образы отвлеченныя понятія, тотъ можетъ представлять себѣ монархическій образъ правленія заканчивающимся шплицемъ, а

республиканскій—платформой» ¹⁾). Теперь онъ самъ хотѣлъ перестроить государственное зданіе, превративъ его въ пирамиду съ остроконечной вершиной, т. е. придавъ ей, по его собственному опредѣленію, монархическое завершеніе. Что такое представлялъ собой Великій Избиратель? Замѣнялъ-ли онъ государя, или же только готовялъ мѣсто для настоящаго короля, котораго нужно еще найти? Не исчезнетъ ли онъ неожиданно, въ данный моментъ, поглощенный сенатомъ, очистивъ мѣсто королю, котораго приведетъ Сійэсъ при помощи своей конституціи съ предохранительнымъ клапаномъ? Какъ бы то ни было, сенатъ всегда могъ легальнымъ порядкомъ распустить и реформировать исполнительный корпусъ, точно такъ же, какъ онъ имѣлъ право каждые два года обновлять на одну треть составъ сената и законодательнаго корпуса.

Эти чрезмѣрно широкія полномочія, казалось, умѣрялись налагаемымъ на сенатъ обязательствомъ выбирать своихъ избранниковъ по національному списку. Но на дѣлѣ эта послѣдняя гарантія сводилась на нѣтъ дополнительными постановленіями. Прежде всего сенату предоставлялось право *чистки* національнаго списка, съ выключеніемъ изъ него до одной сотой именъ. Кромѣ того, наряду съ внесенными въ списки по выборамъ, были вписанные по праву; тѣхъ, кто занималъ въ послѣдніе годы государственныя должности, безъ избранія вносили въ списки, такъ что революціонное правительство всегда могло найти тамъ и отобрать своихъ. Наконецъ, списки предполагалось составить лишь въ X году и пользоваться ими только для частичныхъ обновленій состава. При первоначальномъ-же основномъ формированіи кадровъ творцы конституціи будутъ назначать по своему выбору всѣхъ законодателей, замѣщать всѣ высшіе административные и судебные посты; и когда эти ими сформированные кадры ими же будутъ и заполнены, названныя ими имена войдутъ въ органическій актъ, станутъ неотъемлемой составною частью конституціи. «Конституція, говорилось въ *Moniteur*'ѣ, выйдетъ вполне организованной и съ именами всѣхъ государственныхъ чиновниковъ, которыхъ она зачислитъ на дѣйствительную службу».

¹⁾ *Albéric Néton*, „Siyès“. 155.

Само собой, новый статутъ, вмѣстѣ съ именами привилегированныхъ, долженъ былъ еще пройти черезъ плебисцитъ. Но Сійэсъ и друзья его знали, чего стоитъ эта ратификація *post factum*. За шесть лѣтъ массѣ гражданъ пришлось дважды высказаться по поводу двухъ конституцій, весьма различныхъ между собою, и она одинаково одобрила обѣ; свою независимость относительно правительства она проявляла только на выборахъ. По всей вѣроятности, большинство кандидатовъ, оптомъ преподнесенныхъ народу, не были бы избраны, но изъ-за нихъ онъ не отвергнетъ конституціи, такъ какъ, несмотря на все, будетъ видѣть въ ней прибѣжище, гарантію устойчивости и покоя, да и великое имя Бонапарта проведетъ за собою всѣ другія. Такимъ путемъ можно будетъ заставить народъ утвердить цѣлый штатъ служащихъ — тотъ самый, который въ теченіе четырехъ лѣтъ постоянно противопоставилъ революціонное право праву національному. Въ итогѣ система Сійэса легализировала, освящала, упрочивала навѣки царство революціонной олигархіи ¹⁾.

Разсматривая этотъ планъ съ другихъ точекъ зрѣнія, надо-ли указывать на его утопическія и химерическія стороны, столь часто подчеркиваемыя? Мысль Сійэса, всегда остроумная, порой глубокая, питалась сама собой, жила въ абсолютномъ, пренебрегая истиной и сложностью вещей. Онъ превосходно умѣлъ возводить въ принципы свои инте-

¹⁾ *Минь* въ своей „Исторіи французской революціи“, II, весьма подробно анализируетъ планъ, довольно отличный отъ этого проэкта, на основаніи признаній Сійэса одному конвенціоналисту (см. *La Fayette* V. 158). Этотъ планъ предполагалъ трибунатъ въ составѣ ста первыхъ кандидатовъ *національнаго списка, выборный* законодательный корпусъ, *конституціонное жюри*, государственный совѣтъ министровъ, учреждающій правительство, и надъ всѣми этими винтами и колесами *великій прокламаторъ избиратель*, выбирающій *изъ списковъ нотаблей* всѣхъ агентовъ исполнительной власти. Намъ кажется очевиднымъ, что этотъ проэктъ, о которомъ нигдѣ больше не упоминается въ документахъ VIII года, былъ выдуманъ Сійэсомъ въ III году, но только онъ не осмѣлился представить его цѣликомъ конвенту. Съ тѣхъ поръ его идеи подверглись эволюціи; теперь онъ уже не хотѣлъ ни одного выборнаго корпуса и, съ другой стороны, придумалъ систему двухъ консуловъ, чтобы дать мѣсто Бонапарту. Сійэсъ надѣялся, что онъ удовольствуется половиной исполнительной власти.

ресы и страсти; у него были и принципы, независимые отъ всякихъ личныхъ точекъ зрѣнія. Однажды формулировавъ эти принципы съ присущей ему точностью выраженія, онъ прилѣплялся къ нимъ съ полной убѣжденностью, но ему было невѣдомо искусство проводить ихъ на практикѣ.

Нынѣ, отстраняя народъ отъ всякаго непосредственнаго участія въ дѣлахъ, отдавая государство въ руки правящаго класса, онъ не организовалъ этого класса, этой касты, въ сплоченное правительство. Онъ раздѣлилъ его на абсолютныя политическія единицы, предназначенныя удерживать другъ друга въ равновѣсіи. Постоянно противопоставляясь и уравниваясь, эти части, въ концѣ концовъ, уничтожили бы одна другую, и результатъ получился бы чисто отрицательный, если только при первомъ же столкновеніи сама машина не распалась бы, не развалилась бы въ куски. Гдѣ же въ этомъ организмѣ жизнь, дѣйствіе, двигательная сила? За вычетомъ гарантіи, предоставленной революціонерамъ, ничего положительнаго и конкретнаго; тѣни, всюду только тѣни; трибунатъ и законодательный корпусъ—тѣни народнаго представительства; великій избиратель—тѣнь верховной власти; консулы—двѣ тѣни правителей, скованные между собою соперники. Даже сенатъ, утвержденный на болѣе прочномъ основаніи, царствовалъ, не управляя, но, хотя онъ и создавалъ всѣ власти и могъ однимъ жестомъ снова обратить ихъ въ ничто, онъ не имѣлъ силы оживить свое созданіе, вдохнуть въ него дыханіе жизни. Весь аппаратъ былъ способенъ функционировать лишь въ области идеала и теоріи. Сіѣсу нравилось разлагать способности души, одѣляя каждою изъ нихъ особое политическое тѣло, особое отдѣленіе своей машины: трибунату—воображеніе, инициатива; законодательному корпусу—рѣшимость; консулату—переходъ къ дѣлу; сенату—разсудокъ, поддерживающій равновѣсіе частей, и инстинктъ сохраненія. Но этотъ философскій анализъ, въ примѣненіи къ проблемѣ правительства, давалъ лишь чисто головную и бесполезную концепцію. Чтобы создать правительство, т. е. живое, дѣятельное существо, одаренное всѣми человеческими свойствами, недостаточно было нагромождать одна на другую абстракціи. И какой же моментъ былъ выбранъ

для того, чтобы преподнести Франці эту экстра-человѣческую систему? Моментъ, когда Франція, жаждущая чего-нибудь положительнаго, призывала къ власти единство, силу, простоту, и когда Бонапартъ блисталъ въ ея глазахъ всѣми этими реальными качествами. Нація заранѣе отрекалась отъ своихъ правъ въ пользу этого человѣка; она не отрекалась бы отъ нихъ ради метафизическихъ сущностей.

2.

Мало по малу и Бонапартъ ознакомился съ идеями Сійэса. Обычные посредники—Талейранъ, Булэ, Редереръ теперь почти не выходили изъ малаго Люксембургскаго дворца, ихъ то и дѣло видѣли во дворцѣ, переходящими изъ одного павильона въ другой, изъ квартиры одного консула въ квартиру другого, передавая возраженія, вопросы и отвѣты. Бонапартъ не возражалъ противъ системы постепеннаго подбора нотаблей и выборныхъ правъ, предоставленныхъ сенату, но и не обманывался относительно значенія этихъ новшествъ: «народъ будетъ лишень всякаго непосредственнаго вліянія на назначеніе законодателей; его участіе въ этомъ будетъ весьма призрачное и чисто отвлеченное». Въ этомъ отношеніи пристрастіе Сійэса къ отвлеченности не было ему непріятно. Онъ чувствовалъ себя избранникомъ народа, возлагавшаго на него свои надежды и довѣріе, единственнымъ избранникомъ, и не хотѣлъ имѣть соперниковъ. Раздоръ начался по другому поводу: изъ-за Великаго Избирателя и предоставленныхъ ему преимуществъ.

Нельзя сказать съ увѣренностью, что Сійэсъ съ самаго начала приберегалъ для Бонапарта эту пассивную верховную власть; постъ консула по внѣшнимъ дѣламъ, генералиссимуса, великаго адмирала и хозяина въ дипломатическихъ сношеніяхъ, этотъ постъ, казалось, былъ созданъ для него; но Бонапартъ рѣшительно заявилъ: «мнѣ кажется, что теперь, когда Сійэсъ, Роже Дюко и я пользуемся исполнительной властью, другая власть правительству не нужна. Сійэсъ не настаивалъ, попытался соблазнить его приманкой высшаго чина и поручилъ Редереру предложить ему мѣсто

Великаго Избирателя. Бонапартъ внимательно выслушалъ посланнаго. «Такъ ли я васъ понялъ?—сказалъ онъ наконецъ,—мнѣ предлагаютъ мѣсто, гдѣ я буду назначать всѣхъ, кому надо что нибудь дѣлать, съ тѣмъ, чтобы я самъ ни во что не вмѣшивался?...» ¹⁾ И онъ рѣшительно возсталъ противъ этого плана. Съ безпощадной логикой онъ разобралъ детали предлагаемой ему функціи и показалъ, что въ основѣ она представляетъ собою или ложь, или ничто. Онъ ставилъ дилемму и допускалъ только двѣ гипотезы. Въ первомъ случаѣ *Великій Избиратель* назначаетъ консулами лицъ, преданныхъ ему и инспирируетъ каждый ихъ шагъ, все время держа ихъ подъ угрозой увольненія; такимъ образомъ онъ фактически править страной, но глухо, съ помощью обмана, тогда почему не предоставить ему открыто власть, которую онъ всегда можетъ взять хитростью, окольнымъ путемъ? Во второмъ случаѣ *Великій Избиратель* относится совершенно серьезно къ своей роли ничего не дѣлающаго монарха; онъ ничего не предпринимаетъ, не трогается съ мѣста, воздерживается даже отъ желаній и совершенно отстраняется отъ общественныхъ дѣлъ, довольствуясь своимъ высокимъ саномъ, возникаетъ ли смута въ государствѣ, переходитъ ли врагъ наши границы, онъ продолжаетъ сидѣть сложа руки; онъ получаетъ шесть милліоновъ за то, что ничего не дѣлаетъ. Но какой же человекъ съ душой, сколько нибудь уважающій себя, согласится взять на себя столь постыдную роль и примириться съ этимъ положеніемъ «откармливаемой свиньи»? ²⁾ Это ему, Бонапарту, предлагаютъ такимъ недостойнымъ образомъ измѣнить довѣрію народа! «Это невозможно; пусть конституція сто разъ предписываетъ это, народъ этого не потерпитъ; я не стану играть такой смѣшной роли. Лучше ничего, чѣмъ быть смѣшнымъ» ³⁾.

На дѣлѣ онъ хотѣлъ быть всѣмъ и прежде всего въ области исполнительной власти; онъ хотѣлъ управлять, направлять, руководить, утолить свою жажду владычества. дать свободу развиваться своему таланту повелѣвать людьми. Сильная исполнительная власть, сосредоточенная въ его

¹⁾ *Roederer*, III, 303.

²⁾ *Mémoires de Fouché*, I, 162.

³⁾ *Roederer*, III, 304.

рукахъ, съ обезпеченнымъ будущимъ, вышедшая изъ подъ ферулы собраній, на сколько возможно освобожденная отъ ихъ контроля—ничего другого онъ не допускалъ: высшую функцію онъ принялъ бы только подъ условіемъ принять всѣ связанныя съ нею обязанности и всѣ ея прерогативы. Его блестящая діалектика казалась тѣмъ убѣдительнѣе, что была направлена противъ пустой, лживой, неосновательной концепціи; онъ могъ призвать здравый смыслъ на помощь своей алчности.

Сійэсъ хмурился и упорно цѣплялся за свои идеи. Онъ видѣлъ народное единство власти и обличалъ опасность, грозившую свободѣ. При томъ же ему казалось, что въ этомъ механизмѣ, имъ выдуманномъ и выдѣланномъ, всѣ части такъ тѣсно были связаны одна съ другой, что отнять что нибудь или прибавить—значило нарушить гармонію и повредить ходъ всей машины.

Бонапартъ и Сійэсъ видѣлись только на консульскихъ засѣданіяхъ. Ихъ друзья вообразили, что они лучше поймутъ другъ друга, если увидятся и потолкуютъ частнымъ образомъ, на свободѣ. Талейранъ, такъ ловко сумѣвшій привести ихъ къ соглашенію наканунѣ брюмера, не отчаявался сблизить ихъ и теперь. Въ концѣ первой декады брюмера онъ устроилъ между ними частное свиданіе и самъ при немъ присутствовалъ, но это свиданіе чуть было совсѣмъ не испортило дѣла. На убѣдительныя возраженія Бонапарта Сійэсъ отвѣчалъ ядовитыми, презрительными афоризмами, подсказанными ему невозмутимой самоувѣренностью, замыкаясь въ своей гордости, какъ въ неприступной твердынѣ. Этотъ способъ уклоняться отъ обсуждения путемъ утвержденія приводилъ въ негодное состояніе Бонапарта. «Сійэсъ, говорилъ онъ на другой день, думаетъ, что онъ одинъ знаетъ истину; когда ему начинаютъ возражать, онъ отвѣчаетъ будто по наитію свыше и дѣлу конецъ» ¹⁾. Самъ онъ былъ запальчивъ, несдержанъ, рѣзокъ. Сійэсъ наконецъ грубо спросилъ его: «Такъ вы что-же, хотите стать королемъ?» ²⁾ При этомъ словѣ, сохранившемъ въ себѣ что то отталкивающее, Бонапартъ сталъ горько

¹⁾ *Boulay „Théorie constitutionnelle de Sieyès“.*

²⁾ *Notes manuscrites de Grouvelle.*

жаловаться, что его невѣрно понимаютъ и дурно судятъ о немъ; онъ возмущался, какъ могли заподозрить искренность его республиканскихъ убѣжденій. Споръ настолько обострился, закончился такой тяжелой сценой, что даже Талейранъ, не смотря на свое обычное безстрастіе, былъ очень огорченъ ¹⁾.

Редереръ и Булэ ломали себѣ голову, не находя средства помирить ихъ. На другой день оба явились въ Люксембургъ, каждый съ готовой мировой на слѣдующихъ условіяхъ: Редереръ предлагалъ *великаго избирателя*, которому былъ-бы предоставленъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшающій голосъ. Булэ предлагалъ *перваго консула*, который бы всегда присутствовалъ при совѣщаніяхъ двухъ другихъ и могъ бы своимъ голосомъ дать одному изъ нихъ перевѣсъ. Бонапартъ обсуждалъ оба проэкта, не скрывая, однако, что «ни тотъ, ни другой ему не по душѣ» ²⁾. Сійэсъ сухо замѣтилъ Редереру, что его проэктъ лишень всякаго здраваго смысла, а проэктъ Булэ, по его словамъ, отдавалъ королевской властью ³⁾,—его излюбленное страшное слово. Въ довершеніе затрудненія въ дѣло впутался Люсьенъ, который всѣмъ мѣшалъ, суетился, волновался, высказывалъ идеи, уже вышедшія изъ моды, разглагольствовалъ и говорилъ некстати. Съ назойливостью *enfant terrible* онъ обличалъ главный недостатокъ системы Сійэса, заявляя, что въ результатѣ она навяжетъ націи нежелательныхъ ей людей. «Вы хотите учредить пожизненныя должности,—кого-же вы посадите на эти мѣста? теперешнихъ членовъ національныхъ собраній? но всѣ эти господа неуютны народу. Скажутъ, что вы хотите воскресить герцоговъ и пэровъ и что лучше ужъ было оставить прежнихъ» ⁴⁾. Люсьенъ разыгрывалъ демократа, требовалъ республики на американскій образецъ, республики, дѣйствительно основанной на представительствѣ, гдѣ онъ надѣялся отвоевать себѣ видное мѣсто. Булэ, Редереръ, Сійэсъ и даже Бонапартъ возмущались и негодовали на эту помѣху. Однако, и Бонапартъ уже начиналъ крити-

¹⁾ *Boulay*, 47.

²⁾ *Ibid.* 49.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Ibid.* 52.

ковать, въ цѣломъ, систему Сійэса, «какъ аристократическую, покушающуюся на свободу и верховную власть народа» ¹⁾).

Подъ вечеръ дурное настроеніе Сійэса страшно усилилось. Онъ уже поговаривалъ о томъ, чтобы все бросить и уѣхать въ деревню, а, если надо, то и за границу. Бонапартъ соображалъ, какъ воспользоваться такого рода случайностью, и тономъ человѣка, который твердо рѣшился, говорилъ Редереру: «Если Сійэсъ уѣдетъ въ деревню, составьте мнѣ наскоро планъ конституціи; я созову черезъ недѣлю первичныя собранія и заставлю ихъ одобрить его, предварительно распустивъ комиссіи» ²⁾. Люди, насквозь пропитанные чистѣйшимъ брюмерскимъ духомъ, тѣ, кто мечталъ о среднемъ рѣшеніи, кто желалъ и правительства, и свободы, теперь уже не знали, на чью сторону имъ перейти; казалось, дѣлу брюмера, созданію двухъ дней суждено было погибнуть среди трудностей третьяго.

3.

До слуха парижанъ долетали лишь слабые отзвуки этой распри. Газеты печатали проэктъ конституціи отрывками, клочками, и эта нескромность возбуждала больше любопытства, чѣмъ интереса. Когда заговорилъ *Moniteur*, офиціозные публицисты, Редереръ и другіе, стали оправдывать основную часть этой системы—упраздненіе избирательнаго права. Въ этихъ оправданіяхъ ярко сказалась буржуазность этихъ людей, ихъ темпераментъ, по существу анти-демократическій. Изъ оппозиціи якобинской системѣ, непосредственному самоуправленію народа, или, вѣрнѣе, правленію черни, Редереръ восхвалялъ превосходство представительнаго режима, но въ то же время утверждалъ, что кандидаты департаментовъ, избираемые отдѣльными фракціями французской единицы, не могутъ быть истинными представителями всей націи; логически это привело бы только къ знаменитой системѣ *коллегіальной единицы*. А внѣ такого недопустимаго приема, гдѣ же, спрашиваетъ Ре-

¹⁾ *Boulay*, 49.

²⁾ *Boulay de la Meurthe*, 50.

дерерь, искать настоящихъ представителей націи? Въ группѣ, существовавшей до областныхъ выборовъ и стоящей выше ихъ, но функционирующей «съ согласія народа» ¹⁾, иначе говоря, въ освященной плебисцитомъ олигархіи, среди цвѣта теперешнихъ властителей, пожизненной аристократіи, замѣнившей прежнее дворянство; вотъ какова могла-бы быть основа режима, «чуждаго и ужасамъ демагогіи, и притѣсненіямъ аристократіи, словомъ, отвѣчающаго интересамъ великой націи, которая состоитъ не изъ однихъ только грубыхъ и невѣжественныхъ пролетаріевъ, равно какъ и не изъ однихъ только привилегированныхъ по наслѣдству» ²⁾.

Всего удивительнѣе, что эти софизмы не встрѣтили возраженій. Ни въ печати, ни въ обществѣ, не возникало серьезныхъ пререканій по этому поводу. Миновали времена страстныхъ споровъ о формѣ, въ какую облечь народныя полномочія, о томъ, какъ народу пользоваться своей верховной властью; измученная нація думала не столько о своихъ правахъ, сколько о своихъ нуждахъ; ей администрація была еще нужнѣе конституціи, хорошее правитель-ство нужнѣй законовъ; и сколько французовъ, наскучивъ правами, пользованіе которыми привело только къ жестокимъ распрямъ, въ сущности, сочли бы себя счастливыми, еслибъ ихъ освободили отъ ихъ доли верховной власти!

Правда, въ другихъ отношеніяхъ, планы Сійеса пришли не по вкусу большинству. Ихъ нашли сложными и непрактичными; слово *поглощеніе* (*absorption*), новое въ нашемъ политическомъ лексиконѣ и заключающее въ себѣ слишкомъ мудреную идею для того, чтобы ее легко было усвоить, вызывало шуточки безъ конца, ибо парижанинъ любить смѣяться надъ тѣмъ, чего не понимаетъ ³⁾. И что это за Великій Избиратель, вѣнчающій собой вершину пирамиды въ священной неподвижности, въ ореолѣ пышности и великолѣпія? Нѣчто въ родѣ конституціоннаго государя,

¹⁾ *Journal de Paris*, 17 брюмера.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ „Въ ресторанахъ теперь спрашиваютъ *абсорбированную*, т. е. хорошо прожаренную яичницу, *абсорбированный* супъ и другія блюда. Шутники, угрожая пріятелю, говорятъ: Если ты станешь разсуждать, я тебя *абсорбирую*“. *Journal des hommes libres*, 22 фримера. — *Absorber*—поглощать, всасывать, втягивать внутрь.

предтечи королевской власти, призваннаго воскресить для насъ обстановку и приемы монархизма. Ярые республиканцы, особенно дорожащiе формой, находили это подозрительнымъ.

Ихъ опасенiя еще возрасли послѣ одного уличнаго или, вѣрнѣе, бульварнаго инцидента. Однажды утромъ, вблизи бульвара, толпа зѣвакъ собралась у бывшаго отеля Монморанси, теперь занятаго каретникомъ, привлеченная необычнымъ и великолѣпнымъ зрѣлищемъ — роскошной королевской каретой сплошь изъ стеколъ и позолоты. Это могъ быть только экипажъ, заказанный для Великаго Избирателя, котораго Сийэсъ предлагалъ съ помпой водворить въ Версали — королевскiй экипажъ. Всѣ головы принялись за работу. Черезъ нѣсколько дней парижане поняли свою ошибку: карета была заказана для испанской королевы; ее отправили за Пиринеи ¹⁾. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя газеты увѣряли, что Сийэсъ хотѣлъ надѣлать своего *Великаго Избирателя* пожизненной властью, а Бонапартъ отвергъ это новшество, противное всѣмъ принципамъ демократическаго государства. Чтобы не обострять раздора между двумя властелинами, Редереръ въ своей газетѣ напечаталъ опроверженiе, но кое-что осталось, и Бонапартъ прослылъ истымъ республиканцемъ.

Кризисъ въ Люксембургѣ къ вечеру 10-го фримера все еще не вышелъ изъ остраго состоянiя, но Булэ, Редереръ и Талейранъ не отчаявались уладить его и угодить Бонапарту, не слишкомъ оскорбивъ Сийэса. Въ концѣ концовъ, они придумали вмѣшаться въ дѣло комиссiи и какъ-бы отдаться имъ на судъ. Булэ пользовался большимъ влiянiемъ среди своихъ коллегъ и брался подготовить большинство такъ, чтобъ оно высказалось за основныя положенiя Бонапарта. Отъ Сийэса, разумѣется, утаили эту подготовительную работу, убѣдивъ его, что Булэ и другiе все время заботятся о томъ, чтобы шансы обоихъ были равны. Сийэсъ рассчитывалъ, что комиссiи будутъ за него, и рассчитывалъ напрасно; ему предстояло очутиться лицомъ къ

¹⁾ Газеты за 10 — 16 фримера. — *Taillandier*, „Documents historiques sur Daupou“, 172. — По этому поводу написанъ былъ водевиль: „Испанская Карета“.

лицу съ чѣмъ-то въ родѣ парламентскаго постановленія, котораго онъ не предвидѣлъ и передъ которымъ ему было-бы очень трудно не склониться.

Друзья все время хлопотали около обоихъ консуловъ, стараясь смягчить ихъ натянутыя отношенія. Это сдѣлалось само собой; ночь раздумья ослабила и яростное нетерпѣніе Бонапарта, и блѣдный гнѣвъ Сійэса. Хоть Бонапартъ и напускалъ на себя надменную безпечность, разрывъ съ Сійэсомъ поставилъ бы его въ очень затруднительное положеніе; онъ, по всей вѣроятности, былъ вынужденъ порвать и со многими другими; а тогда пришлось-бы совершенно отрѣшиться отъ легальныхъ формъ и поднести конституцію французамъ на остріѣ меча, что еще претило ему. такъ какъ его честолюбивыя мечты умѣрялись благороднымъ. Этотъ разрывъ вызвалъ бы расколъ въ брюмерской партіи, съ которой онъ сначала конспирировалъ, затѣмъ управлялъ, внесъ бы разстройство въ его центральный батальонъ. Съ другой стороны, Сійэсъ уже не могъ не замѣтить, что стеченіе обстоятельствъ и настроеніе умовъ все сильнѣй и сильнѣй влекутъ Францію къ Бонапарту, и этотъ потокъ сломаеть, опрокинетъ всякаго, кто вздумаетъ преградить ему дорогу. Около него не было недостатка въ такъ называемыхъ друзьяхъ, въ родѣ Фуше, чтобы напомнить ему, что генераль располагаетъ военной силой и, слѣдовательно, неопровержимыми доводами, чтобы внушить ему страхъ къ «мужу брани» ¹⁾: Сійэсъ былъ «не вполне недоуменный подобнымъ впечатлѣніямъ» ²⁾.

Въ общемъ, сопротивленіе его ослабѣвало; онъ не отрекался отъ своихъ идей, не жертвовалъ ими, но и не противопоставлялъ болѣе идеямъ Бонапарта несокрушимой преграды—нежеланія выслушать и вникнуть. Они снова встрѣтились, въ присутствіи Талейрана, Булэ и Редерера; на этотъ разъ бесѣда шла учтиво, спокойно, словно академическая конференція на тему возвышенныхъ и туманныхъ общихъ мѣствъ. Сійэсъ и Талейранъ блеснули каждый въ своемъ родѣ, Бонапартъ доказалъ свое превосходство во всѣхъ смыслахъ, и Булэ, много лѣтъ спустя, еще помнилъ, какое впечатлѣніе оставилъ въ немъ этотъ турниръ умовъ.

¹⁾ *Boulay de la Meurthe*, 59.

²⁾ *Cambacérés*. „Eclaircissements inédits“.

столь же различныхъ между собой, какъ и незаурядныхъ ¹⁾). Были затронуты самыя трудныя проблемы политической науки, но не касались жгучихъ практическихъ вопросовъ, которые отнынѣ рѣшено было разсматривать лишь при участіи обѣихъ комиссій. Сійэсъ, наполовину обманутый, наполовину покорившійся, соглашался на этотъ способъ покончить споръ ²⁾—не безъ задней мысли собрать у себя членовъ комиссій и заручиться ихъ содѣйствіемъ. Но Бонапартъ предупредилъ его; онъ не терялъ ни минуты.

11-го же вечеромъ онъ собралъ у себя въ гостиной членовъ обѣихъ *секцій*, пригласивъ также Сійэса и Дюко ³⁾. Начатый разговоръ скоро перешелъ въ конференцію и затянулся далеко за полночь. Въ слѣдующіе вечера было то-же. Черезъ нѣсколько дней Бонапартъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ пятьдесятъ членовъ обѣихъ комиссій и устроилъ засѣданіе въ полномъ составѣ. Днемъ, оба меньшихъ собранія продолжали свои обычныя засѣданія во дворцѣ Бурбоновъ и въ Тюльери, съ соблюденіемъ всѣхъ принятыхъ формъ, съ печатавшимися въ газетахъ отчетами, обсуждали дѣла, вотировали законы. А вечеромъ разсматривалось все касающееся конституціи и обсуждалось со-обща, но въ закрытомъ, частномъ засѣданіи, подъ наблюденіемъ консуловъ, для того, чтобы комиссія, когда имъ придется утверждать новый общественный договоръ, лишь запротоколили то, о чемъ онѣ во всѣхъ подробностяхъ створились заранѣе.

Бонапартъ торопилъ, подгонялъ, и въ десять-двѣнадцать засѣданій, въ десять-двѣнадцать вечеровъ все было кончено. Его игра состояла въ томъ, что онъ пользовался Сійэсомъ противъ комиссій и комиссіями противъ Сійэса. Онъ по секрету говорилъ коллегѣ: «Эти люди слишкомъ низки и для васъ, и для меня» ⁴⁾, чтобы внушить ему отвращеніе къ этимъ остаткамъ парламента. По его настоянію, рѣшено было выслушать сперва Сійэса и просить его полностью развить свою идею. Сійэсъ изложилъ ее весьма

¹⁾ *Boulay de la Meurthe*, „Théorie constitutionnelle de Sieyès, 57“.

²⁾ *Grouvelle* въ своихъ запискахъ прямо говоритъ: „обхаживаютъ комиссіи, обманываютъ Сійэса“.

³⁾ *Le Publiciste*, 12 фримера.

⁴⁾ *Grouvelle*, „Notes manuscrites“.

подробно, все на словахъ. Слушатели, повидимому, одобрили и восхищались, съ одной лишь оговоркой: все это очень хорошо, но не замѣняетъ писаннаго проэкта, не даетъ положительной базы для преній. Нуженъ редакторъ, умѣлое перо, кто нибудь, кто бы взялся построить планъ на бумагѣ. Эта задача возложена была на Дону, весьма опытнаго по этой части; Бонапартъ рекомендовалъ ему поторопиться.

На другой день Дону принесъ проэктъ, плодъ напряженнаго, упорнаго труда и его собственныхъ давнишнихъ размышлений, существенно разнившійся отъ концепціи Сійэса. Проэктъ этотъ грѣшилъ и сложностью, и чрезмѣрнымъ изобиліемъ статей, но онъ былъ полонъ искренности и либерализма.

Дону, главный авторъ конституціи III-го года, сохранилъ къ ней отцовскую слабость. вмѣсто того, чтобъ уничтожить ее и замѣнить другой, онъ рѣшилъ только пересмотрѣть ее, приспособивъ ее къ требованіямъ даннаго момента и общему настроенію умовъ, исправить ея недостатки, заполнить пробѣлы на основаніи пріобрѣтеннаго опыта.

Онъ оставлялъ народу право выбирать своихъ представителей, подъ условіемъ выбирать ихъ изъ числа людей, уже доказавшихъ на дѣлѣ свою способность выполнять политическія функціи, департаментскія, или муниципальныя; онъ оставлялъ и два собранія: *пятисотъ* и *двусотъ*, нѣчто въ родѣ верхней палаты. Предоставленіе законодательной инициативы исключительно парламенту, какъ это было до сихъ поръ, давало мѣсто массѣ злоупотребленій; Дону раздѣлилъ эту инициативу между правительствомъ и одною изъ палатъ—собраніемъ пятисотъ. Тамъ онъ сосредоточилъ ее въ тѣсномъ кругу постоянной комиссіи инициативы, въ коллегіи *трибуновъ*: десять трибуновъ, избираемыхъ своими товарищами изъ совѣта пятисотъ, должны выслушивать желанія народа и формулировать ихъ въ видѣ проэктвовъ, которые затѣмъ будутъ обсуждать и вотировать оба собранія. У Сійэса Дону заимствовала институтъ высшаго жюри съ правомъ отмѣнять указы, несогласные съ конституціей. вмѣсто того, чтобъ раздѣлить исполнительную власть между пятью директорами, онъ дѣлилъ ее между тремя консулами, но допускалъ между ними первоприсутствующаго, чтобы выдвинуть Бонапарта. Рядомъ особыхъ

постановленій гарантировались народныя вольности, хотя и ограниченныя довольно строгой регламентаціей ¹⁾.

Всѣ свои мысли Дону записаль на отдѣльныхъ летучихъ листкахъ, на маленькихъ четвертушкахъ бумаги и захватилъ съ собой цѣлую папку ихъ, отправляясь на конференцію въ надеждѣ, что его планъ будетъ принятъ. Но передъ властной волей, мало по малу все покорявшей и перевѣшивавшей, что могли значить эти легкіе листки?

Наличность двухъ проектовъ, Сійэса и Дону, позволяла Бонапарту противопоставить ихъ одинъ другому, взять изъ каждаго то, что отвѣчало его честолюбію, и бросить остальное. Онъ сказалъ Дону: «Гражданинъ Дону, берите перо и садитесь вотъ здѣсь!» ²⁾ Дону, съ перомъ въ рукѣ, началъ читать свои замѣтки. Бонапартъ каждый пунктъ подвергалъ обсужденію, прежде чѣмъ пустить его на голоса. Его друзья и приспѣшники, Булэ и другіе, предлагали значительныя поправки, вдохновляясь то идеями Сійэса, то совершенно противоположными идеями. Большинство членовъ комиссій соглашались на поправки. Бонапартъ держаль ихъ въ рукахъ надеждой на мѣста, приманкой безсмѣннаго сенаторства или воскрешеннаго титула государственнаго совѣтника; онъ эксплуатироваль всѣ виды алчности, кишашей вокругъ успѣха.

Каждую поправку, принятую большинствомъ голосовъ, Дону волей-неволей приходилось записывать, такъ какъ онъ принялъ на себя роль редактора. Онъ меланхолически переворачиваль листокъ и на обратной сторонѣ записываль принятое постановленіе, противъ котораго нерѣдко самъ возставаль ³⁾. Эти листки сохранились и представляютъ собою курьезный документъ; нерѣдко написанное на одной сторонѣ идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что написано съ другой; *recto* мы видимъ собственную мысль Дону, *verso*—формулированную имъ по желанію собранія. Что касается Сійэса, то если онъ кой въ чемъ и выигралъ, все же въ

¹⁾ *Taillandier*, „Notice sur Daunou“, 174—188. Изъ неизданныхъ документовъ Дону, сообщенныхъ намъ благодаря любезности г. Жильбера Буше.

²⁾ *Taillandier*, 171.

³⁾ *Taillandier*, „le Consulat et l'Empire“, I, 103.

самомъ существенномъ его работа пропала даромъ: все было искажено, онъ не узнавалъ своей идеи.

Система списковъ нотаблей, передача избирательнаго права народомъ сенату прошли, вопреки желанію Дону. Сговорились также относительно учрежденія трибуната и законодательнаго корпуса. Булэ возсталъ противъ права поглощенія и убѣдилъ отмѣнить его, не смотря на протесты Сійэса. Самую главную трудность, казалось, представляла собой организація исполнительнаго власти. Но власть сама, неудержимой силою вещей, благодаря ослабленію воли противниковъ, шла въ руки Бонапарта. Она переходила къ нему понемногу, по частямъ, рядомъ послѣдовательныхъ отреченій.

По первоначальной концепціи, Бонапартъ, Великій Избиратель, парилъ надъ правительствомъ, не участвуя въ его трудахъ, парилъ въ бездѣйствіи надъ обоими консулами. Булэ въ своемъ проэктѣ заставилъ его сойти съ облаковъ; онъ дѣлалъ его самого консуломъ и даже первымъ консуломъ; сажалъ его между его двухъ коллегъ съ тѣмъ, чтобы онъ обсуждалъ съ ними выборъ чиновниковъ и всѣ административныя и правительственныя мѣры, чтобы голосъ его обезпечивалъ коллективныя постановленія и создавалъ большинство. Дону шелъ дальше: однимъ изъ своихъ параграфовъ онъ предоставлялъ первому консулу право назначать единоличною своею властью всѣхъ агентовъ, назначеніе которыхъ зависѣло отъ исполнительнаго комитета; но въ статьѣ имѣлась и оговорка; она заканчивалась такъ: «Во всѣхъ другихъ актахъ исполнительнаго власти второй и третій консулы имѣютъ рѣшающій голосъ, какъ и первый». Такимъ образомъ первый консулъ все могъ сдѣлать по соглашенію съ тѣмъ или другимъ изъ своихъ коллегъ и ничего, еслибы оба они оказались противоположнаго мнѣнія. Этого Бонапартъ никоимъ образомъ не могъ допустить; ему нужно было, чтобы мнѣнія навязанныхъ ему совѣтниковъ никогда и ни къ чему его не обязывали. И этотъ послѣдній шагъ былъ сдѣланъ: предложенная поправка принята, и Дону, похеривъ свой собственный текстъ, написалъ на оборотѣ листа слѣдующія рѣшающія строки: «Въ другихъ правительственныхъ актахъ второй и третій консулы имѣютъ совѣщательный голосъ. Они подписываютъ протоколы засѣданій, констатируя свое

присутствіе и, если хотять, могутъ тутъ же изложить свое мнѣніе; *послѣ чего достаточно рѣшенія перваго консула*» ¹⁾).

Этими восемью словами рѣшалась судьба Франціи, правительство снова обрѣтало единство воли, въ теченіе десяти лѣтъ отсутствовавшее. При этомъ, однако же, старались соблюсти приличіе, маскировали дѣйствительность, для виду жертвовали правдой, одной изъ ложныхъ идей, которыми держалась революція,—будто республика заключается въ множественности главъ государства. Правительственныя постановленія, принятыя на засѣданіи консуловъ и скрѣпленныя тремя подписями, должны были казаться исходящими отъ коллективнаго правительства, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они исходили отъ одного человѣка.

Сійэсъ не заблуждался на этотъ счетъ; онъ чувствовалъ себя слишкомъ жестоко проведеннымъ и обманутымъ. Онъ не возставалъ, но, казалось, теперь утратилъ интересъ ко всему. Бонапартъ частнымъ образомъ спросилъ его, какое вознагражденіе онъ желалъ бы получить. Въ первый моментъ онъ отвѣтилъ: «Никакого; я прошу только отставки». Но весьма важно было, чтобы Сійэсъ не дулся, и главное, чтобы незамѣтно было, что онъ дуется. Въ глазахъ класса вліятельнѣйшихъ революціонеровъ и философовъ, Бонапартъ былъ бы настоящимъ главой, представителемъ, хранителемъ (*dépositaire*) революціи лишь до тѣхъ поръ, пока люди, подобные Сійэсу, оставались бы подлѣ него, окружая и покрывая его своимъ престижемъ. Поэтому онъ продолжалъ частнымъ образомъ видѣться съ теоретикомъ и вести съ нимъ переговоры, какъ равный съ равнымъ. Сійэсъ былъ не такой человѣкъ, чтобы долго сердиться наперекоръ своимъ выгодамъ и удобствамъ, чтобы бороться изъ за невозможнаго. Теперь онъ съ какимъ то фатализмомъ давалъ дорогу неизбежному, въ надеждѣ, что оно только временное и пройдетъ, а будущее выдвинетъ другія комбинаціи. Вѣра его въ непогрѣшимость его концепцій не пошатнулась ни на іоту, но онъ считалъ, что Франція въ данный моментъ еще не въ состояніи оцѣнить всю ихъ утонченную красоту, и ему доставляло какое то горькое удовлетвореніе чувствовать себя непонятымъ; его гордость тѣшило это одиночество мысли.

¹⁾ Листокъ съ обоими текстами сохранился въ бумагахъ Дону.

Тѣмъ не менѣе онъ хотѣлъ спасти, если ужъ не принципы. то хоть матеріальное положеніе своей партіи и свое собственное; съ его стороны не было полной капитуляціи передъ Бонапартомъ; онъ только пошелъ на сдѣлку.

И вотъ на какихъ условіяхъ. Въмѣсто того, чтобы остаться возлѣ Бонапарта въ положеніи, поневолѣ низшемъ, онъ станетъ наряду съ нимъ во главѣ законодательной власти. Онъ будетъ предсѣдательствовать въ Сенатѣ, а главное, ему будетъ предоставлена полная возможность вліять на выборъ *первыхъ консерваторовъ* при назначеніи членовъ трибуната и законодательнаго корпуса; на дѣлѣ выборъ членовъ обѣихъ палатъ будетъ предоставленъ ему. Путемъ страннаго перемѣщенія Великій Избиратель, вначалѣ—глава исполнительной власти, становится во главѣ власти законодательной, и этимъ великимъ избирателемъ будетъ Сійэсъ. Роль отца и создателя собраній была ему по душѣ, такъ какъ она позволяла ему послѣ творенія отдыхать въ созерцательномъ и весьма доходномъ бездѣйствіи, оставаясь въ то же время невидимой душой созданныхъ имъ тѣлъ. Онъ могъ по желанію пересадить туда всѣ пережитки конвенціонной буржуазіи и философской школы, членовъ бывшаго совѣта старѣйшинъ, присоединенныхъ изъ совѣта пятисотъ,—всѣхъ, кто болѣе или менѣе представлялъ собою революціонныя традиціи, интересы, духъ и эксклюзивизмъ революціи.

Съ помощью этой, хотя и сильно поубавившейся партіи, Сійэсъ все еще надѣялся сдержать и ограничить Бонапарта. Съ своей стороны, Бонапартъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы позволить дискредитированной олигархіи размѣститься въ виду его законодательныхъ позицій, сдѣлать себѣ изъ нихъ убѣжище и пристанище. Эти люди соединили свою судьбу съ его судьбой въ брюмерѣ; иныхъ онъ не зналъ и не могъ противопоставить имъ. Къ тому же онъ не былъ недоволенъ тѣмъ, что собранія, съ которыми ему придется считаться, будутъ составлены изъ людей, ненавистныхъ націи и уже родятся непопулярными. Если бы они вздумали ставить препоны его политикѣ, общественное мнѣніе, голосъ народа всегда будутъ на его сторонѣ. Въ предстоящихъ столкновеніяхъ съ его вчерашними союзниками и завтрашними противниками у него будетъ крупный ресурсъ—возможность апеллировать на нихъ къ народу.

4.

Отъ разговоровъ о компенсаціи Сійэса, Бонапартъ переходилъ къ вечернимъ работамъ, къ совѣщательнымъ преніямъ о конституціи, и все больше торопилъ ихъ. Форма верховной власти въ государствѣ была выяснена; теперь занялись остальнымъ. Во главѣ государства поставленъ великій консуль; какими же учрежденіями окружить эту столь высоко вознесенную власть? будутъ-ли то либеральныя учрежденія? найдетъ ли она свое ограниченіе въ организаціи правъ личности и коллективныхъ правъ? Нѣсколько членовъ комиссій, въ томъ числѣ Дону и Шенье, съ мужествомъ, достойнымъ всякаго уваженія, пытались воздвигать преграды и требовали гарантій. Бонапартъ разсердился за это на Дону и Шенье и въ наказаніе исключилъ ихъ изъ состава будущаго сената: по его предложенію, было постановлено, что членами сената могутъ быть только граждане не моложе сорока лѣтъ: ни Дону, ни Шенье не достигли этого возраста.

Вообще, Бонапартъ старался по возможности устранять и сокращать принципиальные споры. Въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ онъ считалъ себя особенно компетентнымъ, онъ порою самъ предлагалъ редакцію постановленія, краткую, властную, съ звучащей въ ней воинственной ноткой. Однажды вечеромъ онъ взялъ перо и нацарапалъ слѣдующія двѣ строчки, которыя должны были служить текстомъ одной изъ статей: «Если департаментъ открыто взбунтуется, онъ будетъ объявленъ на военномъ положеніи, и съ этого момента въ немъ допускается одна лишь военная власть. Формулѣ не доставало точности, и словъ «военная власть» лучше было не произносить. Лебренъ предложилъ сказать то же, но иначе, и предвидя всѣ случаи возмущенія. Въ концѣ концовъ была принята слѣдующая редакція, почти такая же, какъ у Дону: «въ случаѣ вооруженнаго мятежа или беспорядковъ, угрожающихъ безопасности государства, законъ можетъ приостановить для данной мѣстности и на опредѣленный имъ срокъ дѣйствіе конституціи. (Дону предлагалъ сказать: *нѣкоторыхъ специально обозначенныхъ*

конституционных постановлений). Подобная приостановка может быть произведена въ тѣхъ же случаяхъ и правительственнымъ указомъ, когда законодательный корпусъ распущенъ подъ условіемъ, чтобъ этотъ корпусъ былъ созванъ въ кратчайшій срокъ на основаніи одной изъ статей того же указа ¹⁾).

Какъ видите, Бонапарту не во всемъ удавалось диктовать законы. Когда возникало препятствіе, онъ порой бѣсился, топалъ ногами, грызъ ногти ²⁾, но почти тотчасъ же усиленъ воли овладѣвалъ собой, обуздывалъ себя, пряталъ когти и становился снова миролюбивымъ и спокойнымъ; необузданность характера, сдержанная страсть прорывались въ немъ лишь вспышками. Однажды вечеромъ, когда представитель Матье позволилъ себѣ рѣзкость выраженій, слишкомъ напоминавшую другія времена, Бонапартъ бросилъ ему язвительное слово: «Вы говорите точно въ клубѣ» ³⁾. Это замѣчаніе нагнало холода на всѣхъ присутствующихъ. Но минуту спустя Бонапартъ нашель случай подойти къ Матье и извинился за свою рѣзкость ⁴⁾.

Эта борьба съ людьми, которые говорили лучше его и которыхъ ему не всегда удавалось покорить своей желѣзной волѣ, раздражала его и энервировала. И все же въ спорѣ онъ учился, изучалъ и судилъ своихъ противниковъ. восхищался ихъ ораторскимъ талантомъ, проникаясь въ то же время глубокимъ презрѣніемъ къ ихъ идеямъ. На островѣ Св. Елены онъ слѣдующимъ образомъ формулировалъ свои наблюденія за фримеръ VIII года: «онъ замѣтилъ, что люди хорошо пишущіе и одаренные краснорѣчіемъ были въ то же время лишены всякой основательности въ сужденіяхъ, лишены логики и очень жалки въ спорѣ. Дѣло въ томъ, что есть люди, отъ природы одаренные способностью писать и хорошо излагать свои мысли, какъ другіе бываютъ одарены талантомъ къ музыкѣ, живописи, скульптурѣ и пр. Для государственныхъ дѣлъ, административныхъ и военныхъ, нужны сила мысли, глубокой анализъ и спо-

¹⁾ Все три рукописныя редакціи имѣются въ бумагахъ Дону: снятое съ нихъ *факсимиле* приведено у *Taillandier*.

²⁾ *Fouché*, „Memoires“, I, 165.

³⁾ *Thibaudeau*, le Consulat et l'Empire.

⁴⁾ „Commentaires“, I, IV, 73.

собность въ теченіе долгаго времени сосредоточиться на известномъ предметѣ, не утомляясь» ¹⁾).

По прошествіи нѣсколькихъ ночей комиссары падали отъ усталости; его усталость точно не коснулась; онъ сохранилъ всю гибкость мысли въ тщедушномъ, порою лихорадящемъ тѣлѣ. Уже послѣ того, какъ вотирована была конституція, онъ разрѣшилъ себѣ заболѣть на два дня ²⁾. Въ промежутокъ совѣщаній его занимала теперь другая мысль; онъ думалъ о ней день и ночь. Всѣ охотно представляли ему выборъ второго и третьяго консуловъ — но кого же возьметъ онъ въ товарищи? Слишкомъ крупный, для того, чтобы возвеличить себя, окружая себя ничтожествами, онъ хотѣлъ имѣть настоящихъ помощниковъ, дѣятельныхъ сотрудниковъ, которые бы во многихъ вещахъ помогали его неопытности; онъ выбралъ способныхъ и достойныхъ.

Камбасерэсъ показался ему самымъ подходящимъ человѣкомъ для поста второго консула. Это былъ одинъ изъ первыхъ персонажей республики. Онъ былъ вовсе не поклонникъ либеральныхъ учреждений. Въ немъ прежде всего сказывался правительственный конвентецъ правящей группы, одинъ изъ тѣхъ, кто всегда умѣлъ среди худшихъ волненій сохранить или вновь обрѣсти понятіе о государствѣ, блюсти традицію королевскаго государства, приспособляя его на революціонный ладъ. Теперь онъ всей душою призывалъ настоящее правительство, великое правительство и желалъ только, чтобы эта сильная власть проявлялась съ умѣренностью. Природное благоразуміе заставляло его порицать, или, по крайней мѣрѣ, оплакивать всякаго рода крайности; когда онъ чувствовалъ себя безсильнымъ помѣшать злу, онъ ступшеывался и давалъ ему дорогу, потомъ возвращался, чтобы предупредить послѣдствія и поправить нанесенный вредъ; это былъ герой вторыхъ дней кризиса. Онъ любилъ удобства, умѣлъ цѣнить и наслаждаться матеріальными выгодами власти, былъ очень чувствителенъ къ почестямъ, чтилъ церемоніаль и, конечно, не могъ прослыть

¹⁾ *Publiciste*, 29 фримера.

²⁾ „Бонапартъ слегка прихворнулъ на этихъ дняхъ. Два вечера подрядъ дверь его дома закрывалась ранѣе обыкновеннаго“ — См. „*Commentaires de Napoléon I, IV, 72—73*“. Его нездоровье приписали злоупотребленію кофе.

типомъ республиканской суровости; но онъ прибавилъ бы блеску консульству, такъ какъ въ его вкусахъ, даже въ его слабостяхъ и наслажденіяхъ, было что то импонирующее. «Его никогда не покидаетъ торжественное спокойствіе», говоритъ о немъ одна тонкая наблюдательница, прибавляя слѣдующія пророческія строки: «Я увѣрена, что Камбасерэсъ могъ бы цѣлый вѣкъ прожить бокъ о бокъ съ Бонапартомъ, не сказавъ ему ни одного рѣзкаго или не особенно вѣжливаго слова» ¹⁾. Во всякомъ случаѣ солидность его знаній, его мѣткія сужденія, кроткая величавость его рѣчи дѣлали изъ него совѣтника всегда полезнаго и никогда не бывающаго нескромнымъ.

Выбрать третьяго консула было не такъ легко. Бонапартъ долго колебался между Ле-Кутэ, Крете и Лебрёномъ, пока наконецъ не остановился на Лебрёнѣ. Это былъ человекъ уже въ лѣтахъ, до революціи извѣстный, какъ писатель; потомъ онъ засѣдалъ въ учредительномъ собраніи и въ совѣтѣ старѣйшинъ; его положеніе въ политическомъ мірѣ было второстепенное, но почетное и прочное.

Бонапарту казалось, что Камбасерэсъ и Лебрёнъ, именно въ силу контраста своего прошлаго и своихъ тенденцій, должны дополнять другъ друга. Камбасерэсъ выдвинулся въ самый разгаръ революціи и достаточно зарекомендовалъ себя; Лебрёнъ, по слухамъ, симпатизировалъ роялистамъ и, главное, сохранилъ связи съ ними. Въ консульскомъ правительствѣ не худо было поставить рядомъ съ бывшимъ конвентцемъ бывшаго члена учредительнаго собранія, рядомъ съ умудреннымъ опытомъ республиканцемъ—присоединеннаго роялиста. Лебрёнъ будетъ его правымъ крыломъ, Камбасерэсъ лѣвымъ, и черезъ посредство ихъ обоихъ онъ, Бонапартъ, будетъ имѣть возможность вліять на оба лагеря общественнаго мнѣнія; такимъ образомъ ему легче будетъ привлечь ихъ къ себѣ и абсорбировать въ одномъ общемъ движеніи. Кромѣ того Камбасерэсъ былъ очень знающимъ юристомъ, а Лебрёнъ много занимался финансовыми вопросами; у каждаго была своя сфера компетентности и своя спеціальность. Бонапартъ, съ большимъ тактомъ, окончательно остановилъ свой выборъ на Лебрёнѣ лишь послѣ того,

¹⁾ Lettres de madame Reinhard. 113.

какъ получилъ на то какъ-бы согласіе Камбасереса. «Давайте, сговоримся—сказалъ онъ ему—относительно третьяго консула. Намъ нуженъ человѣкъ, который, не будучи совершенно чуждымъ революціи, поддерживалъ-бы сношенія съ остатками прежняго общества и могъ-бы успокоить ихъ насчетъ будущаго» ¹⁾. Предварительно, онъ навелъ подробныя справки у Редерера, хорошо знавшаго всѣхъ политическихъ дѣятелей, и учинилъ ему настоящій экзаменъ относительно Лебрёна.

Бонапартъ. — Чѣмъ былъ Лебрёнъ?

Редереръ. — Сперва секретаремъ канцлера Мону, затѣмъ выдающимся литераторомъ, членомъ учредительнаго собранія, президентомъ версальской администраціи и законодателемъ.

Бонапартъ. — Что онъ сдѣлалъ въ литературѣ?

Редереръ. — Перевелъ Гомера и Тасса.

Бонапартъ. — Какая у него репутація?

Редереръ. — Онъ слыветъ роялистомъ, но всегда пользовался довѣріемъ патріотовъ и всегда оправдывалъ его. Разъ онъ уже примкнулъ къ какой-нибудь партіи, онъ остается ей вѣрнымъ; надежнѣй его нѣтъ человѣка.

Бонапартъ. — Онъ не орлеанистъ?

Редереръ. — Ничуть не бывало.

Бонапартъ. — Лафайеттистъ?

Редереръ. — Еще того меньше.

Бонапартъ. — Характеръ у него уживчивый?

Редереръ. — Превосходный. Это милѣйшій человѣкъ, тихій, скромный, отъ природы миролюбивый.

Бонапартъ. — Онъ не пользуется репутаціей *патріота*?

Редереръ. — Вы слишкомъ щепетильны: я бы на вашемъ мѣстѣ плюнулъ на всѣ эти репутаціи.

Бонапартъ. — Мнѣ нужно только, чтобы человѣкъ былъ уменъ; объ остальномъ я ужъ самъ позабочусь... Лебрёнъ женатъ?

Редереръ. — Не знаю, но думаю, что женатъ.

Бонапартъ. — ... Пришлите мнѣ его сочиненія; я хочу ознакомиться съ его стилемъ.

¹⁾ *Cambacérés*, „Eclaircissements inédits“.

Редереръ.—То есть что именно? Его рѣчи въ законодательномъ и учредительномъ собраніи?

Бонапартъ.—Нѣтъ, его литературныя произведенія.

Редереръ.—Чѣмъ же они могутъ помочь вамъ рѣшить, способенъ-ли онъ быть консуломъ?

Бонапартъ.—Я посмотрю его посвященія.

Редереръ.—На этотъ разъ вы меня удивили; такого любопытства я не ждалъ. Я часто сравнивалъ ваши разспросы о людяхъ и вещахъ съ изслѣдованіемъ пригоршни песку, которую вы рассматриваете въ лупу, песчинку за песчинкой; посвященія Лебрёна—это послѣднее зернышко песку въ горсти.

Бонапартъ (смѣясь).—Уже два часа; мнѣ пора въ консульство. Приходите ко мнѣ обѣдать» ¹⁾.

Этотъ разговоръ происходилъ 19-го фримера; вечеромъ въ тотъ же день, когда учредительный комитетъ собрался для работы, оказалось, что Дону уже переписалъ на-бѣло многія изъ принятыхъ статей. Но все же конституція была еще далеко не закончена; въ такомъ видѣ ее нельзя было читать на официальномъ засѣданіи. Многіе вопросы были еще не рѣшены, и какіе вопросы! Дѣлать ли *декларацию правъ*, согласно прецедентамъ 1793, 1798 и III года? Включить ли въ конституцію статьи о преобразованіи администраціи, департаментовъ судебныхъ учреждений, о свободѣ печати? Все это были спорные вопросы, но Бонапартъ такъ спѣшилъ покончить съ конституціей, точно обозначивъ въ ней какъ можно меньше пунктовъ, что уже 21-го, въ обыкновенномъ дневномъ засѣданіи комиссіи пятисотъ Булэ началъ читать изложеніе мотивировки еще не выработаннаго окончательно основного закона. Прочитавъ начало, онъ остановился, отложивъ продолженіе до завтра; чтеніе мотивировки должно было предшествовать чтенію самыхъ статей ²⁾.

Этому продолженію не суждено было увидѣть свѣтъ. Вечеромъ у Бонапарта снова собралась конференція для обработки еще не затронутыхъ пунктовъ. По вопросамъ объ окончательной организаціи власти и о судебныхъ учрежде-

¹⁾ *Roederer*, III, 305—306.

²⁾ *Moniteur*, отчетъ о засѣданіи 21 фримера.

ніяхъ комиссіи сильно разошлись между собою; въ нѣкоторыхъ пунктахъ имъ прямо невозможно было сговориться, установить редакцію статей; началась неурядица ¹⁾. Возникло опасеніе, что если завтра одинъ изъ спорныхъ пунктовъ будетъ прочитанъ на открытомъ засѣданіи, онъ можетъ вызвать возраженія, оппозицію; чего добраго, придется все начинать сначала; въ виду гласности засѣданій, распря изъ газетныхъ отчетовъ станетъ извѣстной публикѣ— все это Бонапартъ счелъ необходимымъ пресѣчь въ самомъ началѣ, принявъ рѣшительныя мѣры.

На другой день засѣданія обѣихъ комиссій начались въ обычный часъ, но ни во Дворцѣ Бурбоновъ, ни въ Тюльери, не было сказано больше ни слова о конституціи; Булэ остерегался продолжать чтеніе мотивировки, чтобы не вызвать преній. Поздно вечеромъ члены комиссій въ послѣдній разъ собрались запросто въ Люксембургѣ, въ салонѣ Бонапарта, гдѣ находились также Сійэсъ и Дюко. Здѣсь имъ прочитали конституцію, обрывавшуюся на томъ самомъ мѣстѣ, съ котораго она не могла сойти наканунѣ, и предложили одобрить её такъ, какъ она есть, безъ дальнѣйшихъ церемоній, поставивъ каждый свою подпись внизу. Запертые въ одной комнатѣ, попавшіе въ ловушку, измученные долгими бдѣніями и бессонными ночами, они не посмѣли возмутиться противъ деспотической наглости такого приема. Притомъ же, здѣсь былъ Бонапартъ, съ его повелительнымъ тономъ и взглядомъ,—какъ противиться этому ужасному человѣку! Пятьдесятъ парламентаріевъ покорились, и урѣзанная конституція, результатъ торопливыхъ импровизаций, была принята поневолѣ, не подвергшись ни формальному обсужденію, ни правильному голосованію.

Это было нѣчто въ родѣ комнатнаго *coup d'état*, завершившагося характернымъ эпилогомъ. Чтобы оказать, хотя по виду, уваженіе комиссіямъ, рѣшено было, что онѣ для проформы выберутъ трехъ консуловъ, намѣченныхъ заранѣе. Баллотировали ихъ тутъ-же, не сходя съ мѣста, у Бонапарта. Указная мѣрка, вмѣстимостью въ литръ, или декалитръ, служила избирательной урной. Пока отбирали бюллетени, Бонапартъ стоялъ, прислонившись спиной къ ка-

¹⁾ *Cambacérés*, „Eclaircissements inédits“.

мину, и грѣлся у огня. Только что хотѣли приступить къ чтенію, какъ вдругъ онъ подошелъ къ столу, сгребъ въ кучу всѣ билетки и не далъ ихъ разворачивать. Затѣмъ, повернувшись къ Сійэсу, любезно молвилъ: «Вмѣсто того, чтобы читать эти бюллетени, дадимъ новое доказательство нашей признательности гражданину Сійэсу, предоставивъ ему право назначить трехъ первыхъ чиновъ республики и будемъ считать, что назначенныя имъ лица будутъ тѣ-же самыя, кого мы только что избрали» ¹⁾.

Къ чему эта новая неправильность? Или Бонапартъ боялся неожиданностей закрытой баллотировки? Комиссія, несомнѣнно, не рѣшилась бы обманомъ отказать ему въ выборѣ угодныхъ ему лицъ, но, повидимому, нѣкоторые члены, въ видѣ косвеннаго протеста, намѣревались подать голоса за Дону, выбирая его третьимъ консуломъ, а Бонапартъ хотѣлъ, чтобы его коллеги, какъ и самъ онъ, были избраны единогласно. Кромѣ того, его властный поступокъ былъ какъ-бы утвержденіемъ вновь заключеннаго съ Сійэсомъ договора, способомъ признанія за нимъ правъ верховнаго избирателя: теперь онъ фиктивно назначитъ консуловъ, потомъ будетъ въ дѣйствительности назначать депутатовъ и трибуновъ. Сійэсъ въ началѣ отнѣживался, затѣмъ назвалъ имена Бонапарта, Камбасереса и Лебрёна. Раздались аплодисменты, и въ газетахъ было напечатано, что избраніе состоялось «*par acclamation*, безъ баллотировки и единогласно» ²⁾. Было одиннадцать часовъ вечера; неразвернутые бюллетени догорали въ каминѣ.

Въ присутствіи членовъ обѣихъ комиссій, все еще толпившихся въ тѣсной гостиной, имена консуловъ были вписаны въ конституцію и сюда же внесены имена сначала Сійэса, затѣмъ Дюко, какъ первоприсутствующихъ сенаторовъ. Было упомянуто и о томъ, что Сійэсу, которому для формы даны были въ помощники Дюко, Камбасересъ и Лебрёнъ, предоставляется выбрать двадцать девять сенаторовъ, а они, подъ его руководствомъ, въ свою очередь, выберутъ двад-

¹⁾ *Cambacérés*, „Eclaircissements inédits“, подтверждающія въ этомъ отношеніи слова Дону, приводимыя *Taillandier*, 191—192 и *Larévellière Lépeaux*, „Mémoires“, II, 420—426.

²⁾ *Publiciste*, 23-го фримера.

цать девять другихъ, и составленный такимъ образомъ сенатъ будетъ выбирать депутатовъ и трибуновъ. Отъ немедленнаго назначенія и включенія въ конституцію списковъ съ именами избранниковъ рѣшили отказаться. Кандидатовъ было несравненно больше, чѣмъ мѣстъ; полагали, что не слѣдуетъ никого обезкураживать и что во время плебисцита больше стоящихъ людей будетъ поддерживать конституцію, если у нихъ сохранится надежда при помощи ея пристроиться и получить свою долю ¹⁾). Сговорившись относительно этихъ подробностей и окончательно распредѣливъ права и сферы вѣдѣнія между Бонапартомъ и Сійэсомъ, пятьдесятъ комиссаровъ, вслѣдъ за тремя временными консулами, подписали конституцію.

Текстъ ея, помѣченный 22-мъ фримера, былъ въ ту-же ночь сданъ въ типографію. Бонапартъ, скорый во всемъ, хотѣлъ, чтобы она на другой же день къ вечеру была обнародована въ Парижѣ, чтобы муниципалитеты, построенные колоннами, по военному, прошли по городу, съ барабанщиками впереди, оповѣщая о ней. Утромъ 23-го были командированы и войска для сопровожденія ихъ. Реаль, правительственный комиссаръ при администраціи Сены, циркулярно предложилъ муниципалитетамъ своего округа, не медля ни минуты, принять всѣ зависящія мѣры къ напечатанію указа, какъ только онъ выйдетъ изъ подъ станка: «Черезъ нѣсколько минутъ вы получите корректурные оттиски законовъ, которые вы должны будете обнародовать. Ставлю вамъ на видъ, что это обнародованіе должно состояться не позже сегодняшняго вечера ²⁾). Но наскоро составленный текстъ былъ такъ безсвязенъ, что пришлось просить Дону выправить его въ корректурѣ, расположивъ въ большемъ порядкѣ статьи ³⁾). Это вызвало задержку;

¹⁾ Lettres de madame Reinhard, 103.

²⁾ Парижская городская библіотека, отдѣлъ 21, рукописи.

³⁾ Парижъ, 23 фримера VIII лѣта французской Республики, единой и нераздѣльной.

Главный Секретарь Консуловъ гражданину Дону, народному представителю.

„Честь имѣю послать вамъ, гражданинъ, неисправленную корректуру конституціи. Присоединяю нѣсколько замѣчаній относительно распредѣленія различныхъ статей, вошедшихъ въ составъ VII отдѣла:

пришлось отложить церемонію обнародованія до одиннадцати часовъ утра слѣдующаго дня; 25-го конституція была напечатана въ газетахъ.

Кабанисъ въ комиссіи пятисотъ сказалъ похвальное слово ей отъ имени философіи и института. Метафизики, видя, что для нихъ обезпечено мѣсто въ сенатѣ, законодательномъ корпусѣ и трибунатѣ, что отнынѣ имъ уже не угрожаютъ опасностью капризы народныхъ выборовъ и народной немилости, нашли, что, въ концѣ концовъ, конституція освящаетъ неприкосновенность ихъ привилегій. Почему-бы Бонапарту, воину-философу, гордящемуся своей принадлежностью къ институту, и не позволить имъ облекать свои ученія въ форму законовъ, безъ помѣхи со стороны грубой толпы и демократовъ, которые своимъ шумомъ и беспорядочностью нарушали-бы чинность ихъ совѣщаній? Кабанисъ говорилъ: «Невѣжественный классъ не будетъ отнынѣ оказывать вліянія ни на законодательство, ни на правительство; все дѣлается для народа и во имя народа: ничто не дѣлается его собственными руками и подъ его неразумную диктовку» ¹⁾. Иные еще не отрѣшились отъ мысли, что созданное брюмеромъ правительство будетъ цвѣтомъ интеллигенціи, умственной аристократіей, правящей въ интересахъ революціоннаго дѣла и революціоннаго идеала.

Парижскій народъ видѣлъ яснѣе; для него правительство—это былъ Бонапартъ. Что ему трибуны, депутаты, сенаторы, вся эта іерархія, въ которой онъ ничего не смыслилъ, эти разнообразныя полномочія, къ перечисленію которыхъ онъ оставался глубоко равнодушень? ²⁾ Одинъ

Обиця распоряженія. Прошу васъ какъ можно скорѣе вернуть мнѣ корректурные листы съ поправками, которыя вы признаете необходимымъ сдѣлать, для того, чтобы я могъ, согласно желанію консуловъ, ускорить печатаніе.

„Примите увѣреніе въ глубокомъ уваженіи

Гюгъ-Б. Марэ.

„Посланный будетъ ждать корректуру“.

(Изъ бумагъ Дону).

¹⁾ *Ami des lois*, 4 нивоза.

²⁾ „Въ общемъ, народъ Парижа выслушалъ эту конституцію и отнесся къ ней скорѣе равнодушно, чѣмъ съ интересомъ. Народу все наскучило, кромѣ мира“. *Baillen*, II, 356.

человѣкъ, казалось ему, взялъ на себя задачу исцѣлить Францію, — пусть покажетъ себя; его будутъ судить по дѣламъ; онъ одинъ и отвѣтитъ за успѣхъ или неудачу. Когда конституцію провозглашали на улицахъ подъ звуки трубъ и грохотъ барабановъ, её читалъ одинъ изъ чиновъ муниципалитета, и всѣ такъ толкались, чтобъ лучше слышать, что никому не удавалось поймать двухъ фразъ подрядъ. Одна женщина сказала своей сосѣдкѣ: «Я ничего не слышала.—А я такъ не пропустила ни одного слова.— Ну, что-жъ тамъ такое, въ этой конституціи?— Тамъ Буонапарте» ¹⁾.

5.

Впослѣдствіи Бонапартъ говорилъ Редереру: «Конституція должна быть краткой и... — ясной хотѣлъ докончить Редереръ.— Да, продолжалъ Бонапартъ, не давай ему сказать слова, краткой и неясной» ²⁾. Съ этой точки зрѣнія конституція VIII года должна была ему нравиться; во многихъ своихъ частяхъ она была образцомъ двусмысленности. За исключеніемъ вершины и нѣкоторыхъ рѣзко выдѣленныхъ линій, все въ этомъ зданіи государственнаго благоустройства было окутано тѣнью, было смутно, неясно, безформенно.

Первая глава предоставляла званіе гражданина каждому совершеннолѣтнему французу, внесшему свое имя въ списки гражданъ. Каждый гражданинъ могъ пользоваться своими политическими правами въ той коммунѣ, гдѣ онъ имѣлъ постоянное мѣсто жительства въ теченіе года. Это было почти возстановленіе всеобщей подачи голосовъ, фигурировавшей только въ не примѣнявшейся на практикѣ конституціи 1793 года. И въ то-же время это была лишь платоническая честь, ибо доля регулярнаго вмѣшательства гражданина во внутреннія политическія дѣла страны ограничивалась участіемъ въ составленіи списковъ общинныхъ натаблей, которые предполагалось впервые составить въ IX году, покрывъ ихъ затѣмъ департаментскими и національнымъ списками. По ст. 14-й, граждане, назначенные для перваго сформированія штатовъ властей, (къ этому

¹⁾ *Gazette de France*, 26 фримера.

²⁾ *Roederer*, III, 428.

сформированію предполагалось приступить немедленно), обязательно должны быть внесены и въ первые списки. Но какимъ же образомъ, путемъ какой баллотировки будутъ избираемы другіе нотабли для будущихъ списковъ? И что требуется для того, чтобы попасть въ списки — цензъ, или только правоспособность? Объ этомъ конституція умалчивала. Она ограничивалась тѣмъ, что давала чертежъ механизма; чтобы обезпечить его функционированіе, нужно было еще дополнить её рядомъ органическихъ постановленій, собранныхъ въ одно стройное цѣлое.

По составленіи списковъ, званіе нотабля перваго или втораго разряда давало право занимать мѣстные должности. Высшіе чины государства выбирались сенатомъ по національному списку. Сенату конституція создавала весьма привилегированное положеніе. «Охранительный сенатъ (*Le Sénat conservateur*) состоитъ изъ восьмидесяти членовъ, несмѣняемыхъ и пожизненныхъ... Расходы сената покрываются доходами съ нарочито для того отведенныхъ національныхъ имуществъ. Изъ этихъ доходовъ выплачиваются годовые оклады жалованья его членамъ, равные каждый двадцатой части суммы, ассигнуемой на содержаніе консульства (т. е. 25,000 фр., такъ какъ консулы втроемъ получали 500,000 фр. ежегодно)». Сенатъ, первоначально состоящій изъ шестидесяти членовъ, въ теченіе десяти лѣтъ постепенно и самостоятельно пополняя свой составъ, долженъ дойти до намѣченной цифры въ восемьдесятъ; также самостоятельно замѣщаетъ онъ могущія въ немъ открыться вакансіи. Онъ же выберетъ консуловъ, по истеченіи полномочій Бонапарта, Камбасереса и Лебрёна, уже облеченныхъ властью; консулы всегда могутъ быть избраны снова, но не сказано, въ какой формѣ должно происходить это избраніе, или переизбраніе. Начиная съ IX года сенатъ приступаетъ къ частичнымъ обновленіямъ состава трибуната и законодательнаго корпуса; но не сказано, будутъ ли выбывающіе члены удалены по жребію, или по указанію сенаторовъ.

Среди всѣхъ этихъ недомолвокъ и двусмысленностей рѣзко выдѣляется глава IV: *О Правительствѣ*. За исключеніемъ нѣсколькихъ пунктовъ, умышленно невыясненныхъ, все тамъ опредѣленно и ясно; эта часть конституціи рельефно выдается впередъ и доминируетъ надъ цѣлымъ. А

цѣлое обусловливается всѣми чувствуемой, назрѣвшей потребностью возвратить государству голову и удовлетворить требованіямъ Бонапарта. Центральная власть, лишенная въ 1791 г. самыхъ существенныхъ своихъ атрибутовъ, ставшая тѣнью самой себя и мишенью для общихъ нападокъ, власть, возрожденная конвентомъ въ видѣ чудовищной автократіи и принявшая при директоріи форму безпорядочной тиранніи, появляется снова, снабженная здоровыми и правильно функционирующими органами; это возрожденіе авторитета.

Бонапартъ назначенъ первымъ консуломъ на десять лѣтъ. Онъ издаетъ законы, назначаетъ и увольняетъ государственныхъ совѣтниковъ, министровъ, пословъ и другихъ иностранныхъ агентовъ, офицеровъ сухопутныхъ армій и флота, Его власть надъ чинами судебнаго вѣдомства ограничена правомъ несмѣняемости. Онъ назначаетъ, но не увольняетъ всѣхъ судей по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, за исключеніемъ членовъ кассационнаго суда, назначаемыхъ сенатомъ, и мировыхъ судей. Въ 1791 г., въ первомъ порывѣ революціонныхъ страстей и революціонной искренности избирательное начало—повсюду; тогда хотѣли, чтобы народъ избиралъ и законодателей, и администраторовъ, вводили мѣстные совѣты всѣхъ разрядовъ, судей всѣхъ категорій, офицеровъ національной гвардіи, даже епископовъ и священниковъ, — въ VIII за нимъ оставили лишь право выбирать мировыхъ судей.

Во всѣхъ другихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ, кромѣ назначенія чиновниковъ, офицеровъ и судей, первый консулъ, прежде чѣмъ рѣшить, совѣтуется со своими двумя коллегами. Правительство, т. е. Бонапартъ, печется о внутренней и внѣшней безопасности государства. Онъ руководитъ дипломатіей, ведетъ переговоры, подписываетъ договоры, съ тѣмъ ограниченіемъ, что объявленія войны, мирные, союзные и торговые договоры, должны быть предлагаемы, обсуждаемы и принимаемы въ формѣ законовъ. «Онъ распредѣляетъ силы морскія и сухопутныя и регулируетъ ихъ употребленіе».

Конституція, такимъ образомъ, дѣлала Бонапарта очень сильнымъ, очень могущественнымъ, гораздо болѣе могущественнымъ. чѣмъ англійскій король, болѣе могуществен-

нымъ, чѣмъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ; и все-же большой ошибкой было бы сказать, что она создавала диктатуру. Диктаторъ соединяетъ въ себѣ всѣ виды власти; онъ издаетъ законы, онъ же и исполняетъ; онъ самъ—живой и дѣйствующій законъ. Бонапартъ принялъ на себя всѣ функціи исполнительной власти, онъ также предлагалъ законъ, но не издавалъ его, ибо предложенный законъ надлежало еще обсудить трибунату и законодательному корпусу, по сохранившемуся старинному выраженію, *декретировать* его.

Законодательный механизмъ въ принципѣ функционируетъ слѣдующимъ образомъ—детали должны быть выяснены послѣдующими законами. По инициативѣ консуловъ, государственный совѣтъ, техническая коммисія, вырабатываетъ законопроекты; трибунатъ обсуждаетъ ихъ и высказывается въ пользу принятія, или отклоненія ихъ; послѣ чего трое трибуновъ совмѣстно съ делегатами отъ государственнаго совѣта обсуждаютъ законопроектъ съ трибуны въ законодательномъ корпусѣ; этотъ послѣдній, выслушавъ всѣ рѣчи *pro* и *contra*, приступаетъ безъ совѣщанія къ закрытой баллотировкѣ, какъ безмолвный и безпристрастный судья. Подъ вліяніемъ сильной анти-парламентской реакціи, охватившей въ то время Францію, казалось необходимымъ разбить законодательную функцію надвое, отдѣлить обсужденіе отъ голосованія и предоставить слово лишь одному собранію изъ двухъ. Не рисковали ли при этой странной концепціи достигнуть какъ разъ обратнаго тому, чѣмъ задавались? Предоставляя одному лишь трибунату право обсужденія, создавая исключительно ораторское сословіе, сословіе адвокатовъ, тѣмъ самымъ его побуждали утрировать свою функцію, во всемъ искать спорныхъ пунктовъ и возраженій, прививали ему духъ придирчивости и сутяжничества, духъ оппозиціи, духъ постоянного противорѣчія. Съ другой стороны, роль законодательнаго корпуса, лишеннаго права ближе ознакомиться съ вопросомъ путемъ совѣщанія въ своей средѣ, не сводилась-ли къ постоянной угодливости, или нѣмой обструкціи, тѣмъ болѣе, что ему предстояло вотировать или отвергать каждый законъ *en bloc*—трибунамъ не дозволялось предлагать ему поправки.

На обязанности Государственного Совѣта лежало составить правила исполненія закона, но конституція не разграничивала областей законодательства и регламентаціи. Въ ней было отмѣчено, однако, что распредѣленіе государственныхъ доходовъ и расходовъ будетъ устанавливаться ежегодно особымъ закономъ. Сессія законодательнаго корпуса длится не долѣе четырехъ мѣсяцевъ; правительство всегда можетъ созвать его на чрезвычайную сессию. Трибунату предоставляется право засѣдать круглый годъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и право дѣлать перерывы, замѣняя себя комиссіей изъ десяти—пятнадцати членовъ. Правительство не располагало никакими легальными способами оказывать давленіе на рѣшенія обѣихъ палатъ, и независимость ихъ, въ предѣлахъ ихъ полномочій, была довольно хорошо обозначена. Это настолько вѣрно, что собранія, менѣе безгласныя, чѣмъ это думаютъ, не разъ конституціоннымъ порядкомъ становились въ оппозицію проектамъ, наиболѣе затрагивающимъ будущее націи, и оказывали весьма серьезное противодѣйствіе консульской волѣ.

Трибунату предоставлялось даже нѣкоторое общее право контроля. Ему надлежало передавать въ сенатъ, какъ законодательные декреты, такъ и правительственные указы, признанные имъ несогласными съ конституціей. Сюда же должны были направлять граждане свои петиціи. Трибунатъ, по собственной инициативѣ, можетъ «высказывать свое мнѣніе о законахъ, уже составленныхъ, или имѣющихъ быть составленными, о злоупотребленіяхъ, которыя надлежитъ устранить, объ улучшеніяхъ, которыя предполагается ввести во всѣхъ отрасляхъ общественной администраціи, но отнюдь не о гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, представленныхъ для разбирательства въ суды». Правда съ этимъ правомъ критики и увѣщанія не связывалось никакой положительной санкціи, какъ это ясно было сказано и въ конституціи, но санкція могла найтись въ отвѣтственности министровъ. Фактъ, достойный вниманія: конституція VIII года, вотъ уже сто лѣтъ принимаемая за образецъ, является единственной изъ нашихъ слишкомъ многочисленныхъ органическихъ хартій, практически опредѣлившей и регламентировавшей отвѣтственность министровъ.

Относительно этого необходимо оговориться. Дѣло

шло вовсе не объ организаціи министерскаго правленія, системы парламентскихъ кабинетовъ, вышедшихъ изъ палатъ и управляющихъ согласно ихъ желаніямъ и взглядамъ, живущихъ ихъ довѣріемъ и не переживающихъ неодобрительной резолюціи,—объ этомъ не могло быть и рѣчи,—но объ отвѣтственности министровъ передъ палатами, отвѣтственности круговой и главнымъ образомъ нравственной. Этого рода отвѣтственность является прежде всего коррективомъ монархической наследственности и вовсе не обязательна въ республиканскомъ режимѣ, даже и наиболѣе свободномъ. Это особый приемъ, изобрѣтенный англичанами съ ихъ либерализмомъ и въ то-же время вѣрностью традиціямъ, съ цѣлью примирить *self-government*, самоуправленіе страной при посредствѣ ея делегатовъ, съ сохраненіемъ благодѣтельной королевской власти; король все время остается, не вмѣшиваясь непосредственно въ веденіе дѣлъ; министры правятъ и смѣняются. Пересаженный изъ своей родной почвы на другую, приемъ этотъ вызывалъ у всѣхъ народовъ, не сумѣвшихъ организовать въ партіи съ рѣзко выраженной іерархіей, постоянную шаткость и неустойчивость власти; онъ ставитъ передъ министерствомъ альтернативу: или пасть при первомъ же капризѣ большинства, или же руководить его рѣшеніями, поддѣлываясь къ его страстямъ. Законодателямъ революціи никогда не приходило въ голову ввести у насъ этотъ приемъ. И тѣмъ не менѣе, конституція VIII года точно опредѣляла въ извѣстныхъ, заранее предвидѣнныхъ случаяхъ, личную и уголовную отвѣтственность министровъ. Консулы были не отвѣтственны, но всякій ихъ указъ долженъ былъ быть скрѣпленъ подписью одного изъ министровъ, а по ст. 70, «министры отвѣтственны 1) за всякій правительственный указъ, подписанный ими и признанный сенатомъ противнымъ конституціи; 2) за неисполненіе законовъ и постановленій (*règlements*) общей администраціи; 3) за отданныя ими частныя распоряженія, если эти распоряженія противны конституціи, законамъ и уставамъ (*règlements*)». Въ случаяхъ, предвидѣнныхъ этой статьей, трибунатъ представляетъ обличительный докладъ о дѣятельности этого министра въ законодательный корпусъ, который можетъ предать министра верховному суду, въ составѣ судей, на-

значаемыхъ кассационнымъ судомъ, и присяжныхъ, выбираемыхъ по національному списку.

Эти постановленія были предложены и формулированы Дону, съ цѣлью устранить опытомъ выясненное неудобство. При режимѣ III года, отсутствіе министровъ съ точно установленной отвѣтственностью, которые могли бы ослабить столкновенія между консулами и директоріей, способствовало умноженію того, что мы называемъ теперь правительственными кризисами, въ противоположность кризисамъ министерскимъ. Дону ухитрился заполнить этотъ пробѣлъ. Тѣмъ не менѣе была какая то странная аномалія въ этомъ возложеніи отвѣтственности на лишенныхъ инициативы министровъ, простыхъ агентовъ консульской воли, и въ признаніи неотвѣтственнымъ главы государства, облеченнаго въ то же время активной властью. И все же вышеуказанныя распоряженія, если бы они только примѣнялись, давали бы возможность собраніямъ оказывать реальное воздѣйствіе на исполнительную власть. Но дѣло въ томъ, что въ случаяхъ простого разногласія между консульствомъ и палатами, конституція не устанавливала никакого способа легальнаго разрѣшенія конфликта. Она не давала права распушенія палатъ, этого предохранительнаго клапана свободныхъ правительствъ. Да и какъ было распускать собранія, съ тѣмъ, чтобы они могли предстать передъ своими естественными судьями, когда они получили свои полномочія не отъ этихъ избирателей? Здѣсь обнаруживался основной недостатокъ этого законодательства, подрывающій все зданіе.

Невоенные главари и приверженцы послѣдняго переворота не стремились пройти вторично черезъ народное голосованіе; они предпочитали помимо этого сдѣлаться сенаторами, законодателями и трибунами; этой повторной узурпаціей они слишкомъ облегчали задачу того, кто вздумалъ бы принять противъ нихъ чрезвычайныя экстра-легальныя мѣры при соучастіи націи. Для консула было, конечно, очень выгодно, что ему противопоставали, вмѣсто настоящаго представительства четырехсотъ законодателей и трибуновъ, получившихъ свои полномочія отъ сенаторовъ, числомъ тридцать-одинъ, въ свою очередь, назначенныхъ Сійэсомъ, Рожэ Дюко, Камбасересомъ и Лебрѣномъ. Но такъ какъ этихъ собраній нельзя было и усмирить закон-

нымъ путемъ, буде онѣ проявили бы враждебное настроеніе, то Бонапартъ очень скоро поддался искушенію дѣйствовать экстраконституціонными мѣрами; въ концѣ концовъ онъ произвелъ не меньше *coups d'Etat*, чѣмъ директорія, но эти перевороты подъ сурдинку прошли почти незамѣченными современниками и потомствомъ, ослѣпленными великими благодѣяніями его правленія, къ тому же эти перевороты не насильовали общественнаго мнѣнія, а шли ему на встрѣчу. Бонапартъ, несомнѣнно призванный къ власти волей народа, чутьемъ угадывавшій его инстинктивные стремленія, правившій согласно желаніямъ огромнаго большинства французовъ, одинъ представлялъ собою въ смѣшанномъ режимѣ VIII года демократическій принципъ. При помощи своихъ плебисцитарныхъ *coups d'Etat* онъ снова далъ возможность демократіи войти въ составъ правительства, но ввелъ ее туда дисциплинированной, подавшеяся его обаянію, покоренной; вотъ почему фримерская конституція, дѣйствовавшая путемъ сочетанія олигархіи съ широкой личной властью, привела къ чистѣйшему демократическому деспотизму, т. е. къ деспотизму принятому, поддерживаемому, вознесенному и одобренному народной массой.

Помимо прерогативъ, предоставленныхъ сенаторамъ, трибунамъ и законодателямъ, конституція не ставила никакихъ преградъ хотя бы чрезмѣрной предприимчивости власти: гарантирована была, казалось, только личная свобода: жилище французскаго гражданина было объявлено неприкосновеннымъ убѣжищемъ; всякій арестъ, внѣ случаевъ предусмотрѣнныхъ закономъ, составлялъ преступленіе, именовавшееся произвольнымъ задержаніемъ; но въ то же время ст. 75 запрещала гражданамъ подавать въ судъ на чиновника безъ разрѣшенія начальства того вѣдомства, въ которомъ онъ служилъ. Это постановленіе, остававшееся въ нашемъ законодательствѣ до 1870 года и пережившее шесть революцій, узаконивало отказъ въ правосудіи. Точно такъ же отъ исполнительной или законодательной власти зависѣло проявлять ли либерализмъ, или прибѣгать къ ограничительнымъ мѣрамъ въ другихъ отношеніяхъ. Свобода вѣроисповѣданій, свобода печати, свобода сходовъ и союзовъ,— всѣ эти пункты не были затронуты консти-

туціей. Однако часть гарантій, провозглашенныхъ революціей и дѣлающихъ ей большую честь, были сохранены, какъ напимѣръ институтъ присяжныхъ.

Сохранилось даже одно изъ учрежденій эпохи конвента и директоріи, увѣковѣченное въ ст. 38: «учреждается національный институтъ для храненія открытій, для усовершенствованія наукъ и искусствъ». Тѣ, кто получили матеріальныя выгоды отъ революціи, вздохнули съ облегченіемъ, прочитавъ слѣдующія строки, почти дословно списанныя съ конституціи III года: «Французская нація объявляетъ, что она ни въ какомъ случаѣ не потерпитъ возвращенія французовъ, которые, покинувъ свое отечество послѣ 14 іюля 1789 года, не вошли въ списки лицъ, изъятыхъ изъ-подъ власти закона, изданнаго противъ эмигрантовъ; она воспрещаетъ всякія дальнѣйшія изъятія въ этомъ смыслѣ». Такимъ образомъ по отношенію къ эмигрантамъ статутъ VIII года оставался боевымъ закономъ; не дѣлая разницы между выселившимися добровольно и бѣжавшими отъ гнуснѣйшихъ притѣсненій, законъ этотъ постановлялъ, что за предѣлами нашей страны всегда должна существовать другая Франція, отвергнутая и проклятая. Для того, чтобы довершить сближеніе этихъ двухъ Францій, Бонапартъ долженъ былъ нарушить конституцію и вернуть эмигрантовъ.

Внутренняя организація страны была намѣчена лишь въ общихъ чертахъ. Конституція создавала, ступеню ниже департамента, новое подраздѣленіе, общинный, или *коммунальный округъ (arrondissement communal)*, состоящій изъ нѣсколькихъ коммунъ и, повидимому, призванный заступитъ мѣсто прежняго округа, кантона, котораго автономное управленіе было характерной чертой предшествовавшаго режима. Въ конституціи не говорилось, будетъ-ли вновь призвана къ жизни коммуна, задавленная въ III году кантономъ, не указывалось, какія власти будутъ управлять департаментомъ, округомъ и коммуной, но возвращенное исполнительному комитету право назначать ихъ подготавливало централизацію власти. Не было установлено также число судовъ, ихъ компетенція, подсудность и судебная іерархія. Конституція ограничивалась выдѣленіемъ въ принципѣ спорныхъ дѣлъ изъ числа чисто судебныхъ,

обязывая государственный совѣтъ «разрѣшать возникающія затрудненія административнымъ порядкомъ». Это былъ, самое большее, фундаментъ, на которомъ Бонапартъ уже намѣревался строить самъ.

Въ общемъ, конституція отнюдь не была политическимъ и административнымъ кодексомъ, но лишь органическимъ уставомъ для первыхъ властей ¹⁾. Въ ней были превосходныя мѣста, и во многихъ своихъ частяхъ она вполне отвѣчала потребностямъ и темпераменту Франціи, но она не давала гражданамъ никакихъ гарантій и сама по себѣ вовсе не обезпечивала будущаго. Взаимодѣйствіе органовъ власти, которыхъ она одѣлила неравной силой и въ то же время противопоставила одни другимъ, по всей вѣроятности, привело-бы къ новымъ конфликтамъ и потрясеніямъ, еслибы главою государства былъ не Бонапартъ, а кто либо другой, еслибы зерно деспотизма, вложенное имъ въ конституцію, не разрослось въ огромное дерево и не заглушило всего остального. Конституція могла существовать лишь при условіи развиваться и въ то же время искажаться, какое было ей дано съ самаго начала. Сама по себѣ это была выжидательная конституція,—еще одна временная мѣра, прибавленная къ столькимъ другимъ. Но и въ такомъ видѣ, съ своими сильно и удачно задуманными частями, съ своей безсвязностью, неясностями, огромными пробѣлами и опасностями, со своими заимствованіями у стараго французскаго режима и нашихъ различныхъ попытокъ создать республику, со своей античной декорацией, она была достойна фигурировать рядомъ со всѣми мертворожденными конституціями, вышедшими изъ революцій, и не портила этой коллекціи монстровъ.

6.

Конституція должна была еще пойти на утвержденіе гражданъ, получить санкцію плебисцита ²⁾. А такъ какъ

¹⁾ Совершенно то же можно сказать и о конституціи, которая править нами теперь.

²⁾ Никакимъ постановленіемъ не опредѣлялось, будетъ ли достигнуть плебисцитъ путемъ всеобщей подачи голосовъ, какую ввела новая конституція, или же ограниченной, согласно конституціи

конституція назначала Бонапарта первымъ консуломъ, вторымъ и третьимъ Камбасерэса и Лебрена, а Сійэса и Дюко первоприсутствующими сенаторами, оказывалось, что плебисцитъ будетъ распространенъ не только на учрежденія, но и на личности, чего никогда еще не бывало. Передъ подавляющей извѣстностью Бонапарта меркли и ступшевывались всѣ другіе, такъ что подавать голосъ, въ сущности, приходилось за него. или противъ него. Сійэсъ и другіе теоретики, въ своемъ неизлечимомъ недовѣрїи къ народу, хотѣли изъять изъ области вѣдѣнія его уполномоченныхъ назначеніе первыхъ чиновъ государства, преподнеся ему уже готовый выборъ; вписывая имя Бонапарта въ статью конституціи, вводя въ наши политическіе нравы утвержденіе плебисцитомъ извѣстнаго имени, они сами не понимали всего значенія этого новшества, которое должно было оказать такое огромное вліяніе на будущее.

Что конституція будетъ принята, это не подлежало сомнѣнію, но друзья Бонапарта нѣсколько боялись оцѣпененія и инертности массъ. При прежнихъ плебисцитахъ, народъ никогда не отвѣчалъ на поставленный ему вопросъ отрицательно, но воздерживавшихся отъ подачи голоса всегда было несравненно больше, чѣмъ вотировавшихъ. Редереръ въ офиціозной статьѣ считалъ необходимымъ подготовить умы къ возможности такого полу-успѣха ¹⁾. Событія должны были опровергать эти робкія догадки, и дѣйствительность превзошла всякія надежды, но проволочка, обусловливаемая дальностью разстояній, плохими путями сообщенія, суровостью времени года, наконецъ, безпорядками, еще не прекратившимися въ нѣкоторыхъ районахъ, не позволяли въ короткій срокъ собрать и произвести подсчетъ голосамъ. Не всѣ французы вотировали одновременно, въ одинъ день; пришлось два мѣсяца ждать результатовъ этого затяжнаго плебисцита.

Въ Парижѣ голосованіе началось тотчасъ же и протекало въ полномъ спокойствїи. Не было ни подготовитель-

III года. Въ принципъ, повидимому, всѣ могли быть допущены къ голосованію, хотя нельзя сказать, вездѣ-ли соблюдались одинаковыя правила. См. докладъ Редерера о результатахъ плебисцита. *Oeuvres* VI, 402.

1) Ibid.

ныхъ собраній, ни шумныхъ съѣздовъ; въ опредѣленныхъ мѣстахъ открыты были двойные списки, куда граждане могли вносить свое одобреніе или отказъ. Многіе изъ нихъ не рѣшались придти и записываться, изъ опасенія, какъ бы въ случаѣ новаго переворота этотъ списокъ именъ не обратился въ списокъ лицъ, подлежащихъ изгнанію; эти страхи не свидѣтельствовали о твердой вѣрѣ въ стойкость и непристрастность правительства. Чтобы успокоить гражданъ и привлечь ихъ къ голосованію, пришлось обѣщать имъ, что записи будутъ потомъ сожжены. Войска подавали голоса отдѣльно. Генераль Лефевръ собралъ ихъ на Марсовомъ полѣ и повелъ дѣло быстро, по военному. Солдатамъ прочитали указъ для того, чтобы каждый могъ свободно высказаться о немъ; затѣмъ, какъ рассказываютъ газеты, бравый генераль произнесъ пылкую рѣчь и въ порывѣ краснорѣчія, черезчуръ ужъ наивнаго, воскликнулъ: «Мы переживаемъ вновь золотые дни революціи. . . утвержденіе конституціи положитъ конецъ нашимъ распрямъ. Только бунтовщики способны отвергнуть ее. Клянемся нашими штыками истребить ихъ!». И солдаты вотировали, какъ имъ было приказано ¹⁾. Въ официальной печати рѣчь Лефевра появилась въ исправленномъ видѣ.

Что касается гражданскаго населенія, очень скоро выяснилось, что, помимо нѣсколькихъ, обратившихъ на себя вниманіе, случаевъ оппозиціи, нѣсколькихъ отказовъ принять участіе въ голосованіи, рѣзко мотивированныхъ и подчасъ оскорбительныхъ, населеніе почти единодушно вотировало за конституцію. Бонапартъ, которому хотѣлось во что бы то ни стало поскорѣе выйти изъ переходнаго состоянія, рѣшилъ, на основаніи согласія Парижа, что и вся Франція будетъ за него. 2 нивоза—23 декабря, по его настоянію, законодательными комиссіями изданъ былъ декретъ, объявлявшій, что съ 4 числа конституція вступаетъ въ силу, и новые правители въ исполненіе своихъ обязанностей,—словомъ, что временное положеніе уступаетъ мѣсто окончательному. Бонапартъ самъ сдѣлалъ себя первымъ консуломъ, заранѣе увѣренный въ согласіи націи.

Комиссіямъ, составлявшимъ часть временнаго режима, оставалось жить всего нѣсколько часовъ; до послѣдняго

¹⁾ См. *Diplomate*, 27 фримера.

момента Бонапартъ заставлялъ ихъ работать. Онъ готовилъ французамъ рядъ сюрпризовъ къ завтрашнему дню, знаменательному дню, когда власть должна была перейти въ его руки. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ великія, плодотворныя, освободительныя идеи, почерпнувшія въ немъ силу, сразу распустились пышнымъ цвѣтомъ правительственныхъ указовъ; чтобы это былъ какъ бы внезапно хлынувшій потокъ, «взрывъ справедливости и милосердія». Существующіе законы, исключительные и строгіе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стѣсняли его; а такъ какъ онъ не могъ отмѣнить ихъ своею волей, необходимо было, чтобы комиссія, унаслѣдовавшая законодательную власть, позволили ему правительственнымъ указомъ предписать примиреніе.

Каждая фаза, каждый кризисъ революціи, въ концѣ концовъ, умножали число изгнанниковъ. Въ ссылку, въ изгнаніе отправляли сторонниковъ и правой, и лѣвой. Бонапартъ имѣлъ твердое намѣреніе возвращать ихъ постепенно, послѣдовательными наслоеніями, проявляя и здѣсь смѣсъ смѣлости и осторожности, отличавшую всѣ его дѣйствія. Общественное мнѣніе требовало возвращенія прежде всего пострадавшихъ въ фрюктидорѣ, недавнихъ и славныхъ жертвъ, чьи имена и несчастія были еще свѣжи въ памяти у всѣхъ. Этихъ бѣдняковъ осудили на ссылку безъ суда, но на основаніи закона, и только законъ могъ разрѣшить имъ вернуться. Но брюмерскія комиссіи состояли почти исключительно изъ фрюктидорцевъ, изъ тѣхъ, кто отправилъ ихъ въ ссылку, и эти гонители, конечно, не согласились бы открыто признать неправымъ свой приговоръ; да и можно ли было вновь открыть доступъ во Францію всѣмъ изгнанникамъ фрюктидора?—Вѣдь нѣкоторые изъ нихъ завѣдомо вошли въ соглашеніе съ иноземцами! Прибавимъ, что Бонапартъ хотѣлъ по возможности присвоить себѣ всѣ выгоды милосердія и желалъ только одного: чтобы законодательныя комиссіи развязали ему руки.

Фушэ предложилъ и заставилъ принять слѣдующую редакцію закона, чудеснѣйшій образецъ лицемѣрія: «всякое лицо, осужденное на ссылку, съ обозначеніемъ имени, безъ предварительнаго суда, постановленіемъ законодательнаго корпуса, не можетъ вернуться на территорію республики подѣ страхомъ быть разсматриваемымъ, какъ эмигрантъ,

если только оно не получит на то отъ правительства особаго разрѣшенія)... Вся благодѣтельность закона въ этомъ введномъ предложеніи, вставленномъ въ концѣ фразы; на первый взглядъ текстъ его какъ бы подтверждаетъ и возобновляетъ проскрипцію, но эта закорючка даетъ возможность исполнительной власти вернуть каждого въ отдѣльности изъ пострадавшихъ въ фрюктидорѣ, или же произвести между ними выборъ. Въ обѣихъ комиссіяхъ не раздалось ни одного голоса въ пользу расширенія и обобщенія этого робкаго милосердія, этой произвольной справедливости; онѣ оказали слишкомъ большую услугу Бонапарту, признавъ за нимъ однимъ право быть справедливымъ.

Движимый тѣмъ же стремленіемъ къ миру и согласію, онъ особымъ указомъ отмѣнилъ празднества въ память кровавыхъ дней, казалось, имѣвшія цѣлью освятить и увѣковѣчить ненависть, постоянно освѣжая страшныя воспоминанія. Ужасный праздникъ 21 января былъ ненавистенъ огромному большинству французамъ; это былъ праздникъ эшафота. 18 фрюктидора праздновали память ссылки; оба эти праздника были вычеркнуты изъ республиканскаго календаря, точно такъ же какъ и 10 августа, но тѣ, кто свято хранилъ культъ Робеспьера, не имѣли причины жаловаться, такъ какъ одновременно съ этимъ переставали праздновать и память 9 термидора. Вѣдь все они—умѣренные термидорцы, фрюктидорцы, якобинцы и роялисты—были дѣти одного и того-же отечества—отечества, которое предстояло пересоздать. Имъ пора было забыть свои заблужденія и свои горести, отвернуться отъ прошлаго и смотрѣть только впередъ; это прошлое Бонапартъ хотѣлъ-бы вырвать изъ исторіи—къ чему же постоянно напоминать о немъ? По инициативѣ правительства комиссія вотировала законъ, сводящій къ двумъ число національныхъ праздниковъ: отнынѣ будутъ праздновать только 14 іюля, память взятія Бастиліи, преобразеннаго легендой, и великаго братскаго порыва федераціи, и 22 вандемьера,—годовщину Республики.

Къ этимъ мѣрамъ общаго характера присоединена была иного рода мѣра—законъ, изданный въ интересахъ одного человѣка. Бонапартъ, за подписью своей и Дюко, внесъ въ обѣ комиссіи предложеніе «пожаловать гражданину Сійэсу, въ видѣ награды за услуги, оказанныя націи.

въ собственность и владѣніе одно изъ помѣстій, находящихся въ распоряженіи государства. Обѣ комиссіи вотировали этотъ даръ; Сійэсъ имѣлъ слабость принять его и сдѣлался владѣльцемъ помѣстья Кронъ, оцѣненнаго въ 480.000 франковъ ¹⁾. Сійэсъ былъ честный человекъ; онъ не искалъ наслажденія безумной роскоши, но любилъ землю и деньги; изъ пристроившихся революціонеровъ онъ былъ награжденъ щедрѣе всѣхъ—первымъ мѣстомъ въ сенатѣ, затѣмъ помѣстьемъ и, не успѣвъ осуществить свой политическій идеалъ, отыгрался на болѣе осязательныхъ благахъ. Это значило сыграть въ руку тѣмъ, кто обвинялъ его въ торговлѣ убѣжденіями. Бонапартъ нашелъ средство скомпрометировать его еще больше при новомъ режимѣ, афишировать его и подорвать его репутацію. Обоготивъ Сійэса, онъ сдѣлалъ его менѣе могущественнымъ, заплативъ ему за услуги, унижилъ его.

Прежде, чѣмъ разойтись, комиссіи занялись выработкой распоряженій, имѣвшихъ цѣлью регулировать передачу полномочій и дѣль новымъ конституціоннымъ властямъ. 3 нивоза—24 декабря 1799 года, состоялось послѣднее засѣданіе временнаго консульства. Въ 8 часовъ вечера Бонапартъ, собравъ у себя въ Люксембургѣ своихъ двухъ новыхъ коллегъ, министровъ и государственныхъ совѣтниковъ, заставилъ признать себя первымъ консуломъ и принялъ власть. Выслужившійся офицеръ, баловень счастья, поднявшійся такъ высоко, оглянулся ли онъ въ эту минуту на пройденный путь, на головокружительные этапы, въ какіе-нибудь 7 лѣтъ вознесшіе его на вершину, гдѣ онъ сталъ равнымъ королямъ? Когда дежурный офицеръ явился къ нему за приказаніемъ, первый лозунгъ, данный имъ въ качествѣ главы государства, былъ: *Фридрихъ II и Дюгоммье*. Фридрихъ—побѣдоносный философъ, подчинившій своему обаянію весь XVIII вѣкъ; Дюгоммье—бывшій начальникъ маіора артиллеріи Буонапарте при осадѣ Тулона.

¹⁾ Sieyès à Bonaparte a fait présent du trone, sous un pompeux débris croyant l'ensevelir: Bonaparte à Sieyès a fait présent de Crosne pour le payer et l'avilir.

(Сійэсъ подарилъ Бонапарту тронъ, думая похоронить его подъ пышными развалинами; Бонапартъ подарилъ Сійэсу Кронъ, чтобы расплатиться съ нимъ и унижить его).

Глава XIII

Первый консуль.

Прокламація къ французамъ. — Большія слова. — *Умѣренность* — основа всякаго истинно-національнаго правительства. — Министерство Бонапарта. — Талейранъ. — Фушэ. — Люсьенъ. — Правая и лѣвая въ консульствѣ. — Водвореніе государственнаго совѣта. — Обращеніе ко всѣмъ партіямъ и учетъ авансомъ дарованій. — Составъ сената. — Предоставленіе Сійэсу преобладающаго вліянія на выборъ законодателей и трибуновъ; Бонапартъ воздерживается отъ вмѣшательства. — Честолюбіе и низость. — Составъ трибуната и законодательнаго корпуса. — Остатки конвента. — Въ консульскія собранія вошли многіе члены совѣтовъ директоріи. — Почему общественное мнѣніе будетъ поддерживать перваго консула въ ущербъ собраніямъ. — Холодный пріемъ, оказанный конституціи. — Расцвѣтъ консульской политики. — *Moniteur* 7 нивога. — Прокламація къ западнымъ департаментамъ. — Первая мѣра, клонящаяся къ введенію религіозной свободы. — Отмѣна исключительныхъ законовъ противъ бывшихъ дворянъ и родственниковъ эмигрантовъ. — *Храмъ Марса*. — Возвращеніе большинства пострадавшихъ въ фрѣгидорѣ. — Послѣдовательныя мѣры. — Глубокое впечатлѣніе. — *Царство справедливости*. — Реставрація здраваго смысла. — Открытіе церквей; расцвѣтъ католицизма. — Въ административной области продолжается междоусобица; настоятельная потребность въ органическихъ законахъ. — Массы продолжаютъ тяготѣть къ Бонапарту. — Якобинская оппозиція. — Опасность справа. — Сила вліянія роялистовъ; отколовшіяся провинціи. — Западъ все еще не складываетъ оружія; конспирація на югъ. — Внѣшнія войны не прекращаются; перспектива новой кампаніи. — Тѣсная связь между внутренними дѣлами и внѣшними. — Только побѣда, носящая въ себѣ зародышъ міра можетъ обезпечить существованіе консульства и достиженіе Бонапартомъ полнаго могущества.

I.

Бонапартъ призвалъ Редерера и продиктовалъ ему черновую прокламаціи, въ которой консулы объявляли себя главами республики. Прокламація написана отрывочно

не отдѣланными фразами, не рѣдко заканчивающимися *etc.*, и тѣмъ не менѣе она поражаетъ своей точностью и простотой. Въ заголовкѣ своего правленія, Бонапартъ ставитъ слова: порядокъ, правосудіе, устойчивость, сила и прежде всего умѣренность.

«Принимая мѣсто перваго чина республики, я чувствовалъ, какія обязательства я принимаю на себя *etc.*».

«Вотъ какой цѣли я долженъ достигнуть во время моего правленія *etc.*».

«(1) упрочить республику *etc.*».

«(2) сдѣлать ее страшною для ея враговъ».

«Чтобы упрочить республику, нужно, чтобы законы были основаны на умѣренности, порядкѣ и справедливости».

«Умѣренность есть основа морали и первая добродѣтель человѣка; безъ нея человѣкъ не что иное, какъ лютый звѣрь. *Безъ нея можетъ существовать факція, но отнюдь не національное правительство.*».

«Порядокъ въ доходахъ и расходахъ; послѣдняя (*sic*) можетъ имѣть мѣсто лишь при устойчивости организаціи административной, судебной и военной».

... «Отсутствіе порядка въ финансахъ погубило монархію, подвергну опасности свободу, въ теченіе 10 лѣтъ поглощало милліоны».

«Правосудіе есть истинное благодѣяніе равенства, какъ гражданская свобода—благодѣяніе, обусловливаемое политической свободой. Безъ него нѣтъ начала, регулирующаго отношенія между собой гражданъ; при отсутствіи его образуются факціи».

«Устойчивость, сила правительства однѣ могутъ гарантировать непристрастность правосудія».

«Республика можетъ быть страшна своимъ врагамъ лишь въ томъ случаѣ, если она будетъ вносить мудрость и добросовѣстность въ свои внѣшнія отношенія и будетъ обладать на сушѣ и на морѣ многочисленными, хорошо вооруженными арміями»...

«Для того, чтобы арміи были грозными для враговъ, охранительницами народной независимости, ими должны командовать способные офицеры, что можетъ быть только результатомъ устойчивости и порядка въ управленіи страной».

Если каждую войну старые кадры замѣнять новыми, въ нихъ не можетъ сохраниться прежній духъ чести. Это будетъ уже скопище людей, а не армія.

«Военная наука и искусство состоятъ изъ всѣхъ наукъ и всѣхъ искусствъ. Хорошіе офицеры опять таки являются однимъ изъ результатовъ политическаго равенства, при которомъ для повышенія требуются по закону извѣстныя знанія и дарованія»...

«Во всѣ вѣка люди судили о счастьѣ и благоденствіи націй на основаніи ихъ торговли и земледѣлія. Ни то, ни другое не могутъ развиваться среди политическихъ волненій и безъ сильнаго правительства» ¹⁾.

Редереръ докончилъ фразы, облагородилъ стиль, подбавилъ красокъ, словомъ улучшилъ форму, довольно щепетильно оберегая мысль, но тѣмъ не менѣе прибавилъ кое что свое о будущихъ благодѣяніяхъ. Бонапартъ, просмотрѣвъ редакцію, нашель, что его заставляютъ обѣщать слишкомъ много: «У васъ тутъ выходитъ, что я обѣщаю въ ближайшемъ будущемъ сдѣлать и то и другое, а между тѣмъ здѣсь много такого, чего не сдѣлаешь пожалуй и въ 10 лѣтъ. Надо просто говорить: *я долженъ сдѣлать то-то, мой долгъ сдѣлать* и т. д. А въ заключеніе сказать, что право каждаго француза слѣдить, буду ли я въ теченіе 10 лѣтъ посвящать всѣ усилія выполненію моихъ обязанностей» ²⁾. Въ концѣ концовъ заключеніе было формулировано такъ: «Французы, мы сказали вамъ, въ чемъ заключаются наши обязанности. Ваше дѣло сказать намъ. сумѣли ли мы ихъ выполнить» ³⁾.

Бонапартъ тотчасъ же составилъ свое собственное министерство, соединивъ въ немъ и уже испытанные, и новые элементы. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ онъ не задумался оставить Талейрана, о которомъ въ присутствіи Камбасерэса отозвался такъ: «Въ немъ много того, что нужно для переговоровъ: свѣтскость, знаніе европейскихъ дворовъ, лукавство—чтобъ не сказать болѣе, невозмутимое спокойствіе въ чертахъ лица, наконецъ, крупное имя...

¹⁾ Roederer, III, 328.

²⁾ Ibid., III, 327.

³⁾ Ibid., III, 329.

Я знаю, что въ революціи онъ проявилъ себя только съ другой стороны; якобинецъ и дезертиръ въ учредительномъ собраніи, онъ будетъ крѣпко держаться насъ; въ томъ намъ порука его личный интересъ»¹⁾. Въ морскомъ министерствѣ оставили Форфэ, весьма извѣстнаго изслѣдователя моря, много писавшаго о намъ; онъ уже съ конца брюмера занималъ въ министерствѣ временнаго консульства мѣсто Бурдона; это былъ человекъ съ крупной репутаціей, но не обнаружившій особыхъ талантовъ. Бертье, конечно, сохранилъ за собою портфель военнаго министра, а Фуше остался министромъ полиціи. Въ министерствѣ юстиціи пришлось замѣнить другимъ Камбасерэса, назначеннаго вторымъ консуломъ; выборъ палъ на работающаго и умѣреннаго конвента — гражданина Абриаля.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ знаменитый Лапласъ повелъ себя такъ, что оставить его оказалось невозможнымъ. Съ первыхъ же дней временные консулы убѣдились, что онъ слишкомъ большой математикъ для того, чтобы правильно судить о политическихъ дѣлахъ. Лапласъ ни одного вопроса не разсматривалъ подъ настоящимъ угломъ зрѣнія; онъ всюду искалъ хитроумныхъ комбинацій, высказывалъ лишь проблематическія идеи и вносилъ въ администрацію духъ безконечно-малыхъ²⁾. Бонапартъ пересадилъ его въ сенатъ, приложивъ всѣ старанія, чтобы не задѣть его самолюбія, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо: *Бонапартъ консулъ республики гражданину Лапласу, члену охранительнаго сената.* — Услуги, которые вы призваны оказать Республикѣ, гражданинъ, выполненіемъ возлагаемыхъ на васъ высокой важности функцій, уменьшаютъ мое сожалѣніе объ уходѣ вашемъ изъ министерства, гдѣ вы своею дѣятельностью завоевали общія симпатіи. Честь имѣю предупредить васъ, что вашимъ преемникомъ я назначилъ гражданина Люсьена Бонапарта. Предлагаю вамъ безотлагательно передать ему портфель»³⁾. Бонапартъ рѣшилъ наградить Люсьена. Этотъ безпокойный и пылкій юноша

1) *Cambacerés, Eclaircissements.*

2) „*Commentaires*“, IV, 47.

3) З нивоза. Документъ, врученный намъ маркизомъ Кольберъ.

могъ сдѣлаться опаснымъ, если его не сумѣть утилизировать: лучшимъ способомъ удержать его при себѣ было дать ему мѣсто. Къ тому же Бонапартъ цѣнилъ въ немъ умъ и рѣшимость, проявлявшіяся блестящими вспышками, не закрывая глазъ на его огромные недостатки — недисциплинированность, неспособность къ усидчивому труду, привычку къ разсѣянной жизни, пристрастіе къ дѣльцамъ, и денежнымъ аферамъ. Если ужъ дать ему министерство, то, пожалуй, всего лучше министерство внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ здѣсь видное мѣсто занимали почетныя обязанности: ему придется поддерживать сношенія съ артистами, литераторами, учеными, придется много говорить, председательствовать, открывать общества, выставки, засѣданія, — все это Люсьенъ умѣлъ дѣлать блистательно. Что же касается активной работы, къ тому же весьма уменьшившейся съ образованіемъ министерства полиціи, Люсьену можно дать искусныхъ сотрудниковъ, которые, въ случаѣ надобности, могутъ и замѣнить его.

Люсьенъ съ самаго брюмера искалъ себѣ дороги и, какъ только передъ нимъ открылся путь, бурно устремился по немъ. Еслибы его посадили въ трибунатъ, онъ, по всей вѣроятности, выдвинулся бы въ качествѣ вождя либеральной парламентской оппозиціи. Но онъ попалъ въ исполнительный корпусъ и хотеть сдѣлать его какъ можно болѣе сильнымъ, чтобы возвеличить самого себя, расширить свою собственную роль и свое будущее. Сдѣлать Бонапарта болѣе, чѣмъ главой республиканскаго государства, чѣмъ-то въ родѣ пожизненнаго властелина, *принцемъ*, и затѣмъ довершить его власть назначеніемъ ему заранѣе намѣченнаго преемника, которымъ можетъ быть, конечно, только наиболѣе стоящій на виду членъ его семьи, — вотъ какія мысли очень скоро зародились въ умѣ Люсьена, толкая его все впередъ и впередъ. Впрочемъ, его взгляды мѣнялись, повидимому, одновременно съ тѣмъ, какъ перемѣщались цѣли его честолюбія. Со свойственной ему гибкостью ума и быстротой соображенія, онъ уже говорилъ себѣ, что въ старомъ режимѣ было много такого, что слѣдуетъ сохранить, и что желать все перестроить по отвлеченному типу было бы чистѣйшей химерой и безуміемъ. Эта истина тѣмъ болѣе соблазняла его, что она казалась ему новой, и онъ каждый день мнилъ о себѣ, что

открылъ здравый смыслъ. Поэтому онъ болѣе, «чѣмъ кто бы то ни было, проникся идеей консульства, великодушной идеей исправить и загладить ошибки прошлаго; онъ пошелъ даже дальше и вскорѣ началъ оказывать замѣтное предпочтеніе людямъ и вещамъ, носившимъ отпечатокъ былого. Этотъ самый Люсьенъ, который впослѣдствіи, послѣ ссоры съ Наполеономъ, называлъ себя единственнымъ республиканцемъ въ семьѣ, и которому потомство повѣрило на слово, вначалѣ былъ реакціоннѣйшимъ изъ министровъ Бонапарта. Въ кабинетѣ министровъ онъ былъ правой, а Фушэ — лѣвой. Составъ кабинета былъ пополненъ еще назначеніемъ Марэ статсъ-секретаремъ при консулахъ, безъ званія министра. Одновременно съ этимъ Бонапартъ формировавъ свой государственный совѣтъ.

Изъ всѣхъ политическихъ дѣятелей страны онъ выбралъ тѣхъ, въ комъ видѣлъ и созидательный инстинктъ, и пониманіе того, какъ нужно строить на развалинахъ—любовь къ полезной, прикладной, практической работѣ, предпочтительно передъ трескучими спорами. Онъ привлекалъ ихъ, обѣщая имъ почетъ взамѣнъ упорнаго труда, прочное положеніе, почести, возможность приносить дѣйствительную пользу, давая имъ понять, что отнынѣ государственный совѣтъ станетъ центромъ всѣхъ дѣлъ и черезъ него пройдетъ ось правленія. Булэ, Редереръ, Ренье, Крете, пожелали войти сюда, вмѣсто того, чтобы стать сенаторами, или трибунами; а съ ними и Брюнъ, Реньо, Дежонъ; Лакюз, Мармонъ, Петіэ, Гантомъ, Шампаньи, Дюфальга, Флеріэ, Лескалье, Редонъ, Дефермонъ, Дюшатель, Девэнъ, Дюфрэнъ, Дюбуа (изъ Вогезовъ), Жолльэ, Берлье, Моро сень-Мери, Эммери, Реаль, Бенезекъ, Шапталъ, Фуркруа; все это были государственные совѣтники первой формаци и въ то же время собственный штатъ Бонапарта, въ противоположность приверженцамъ Сійэса. Съ этими людьми онъ намѣревался приступить къ дѣлу государственнаго переустройства; онъ хотѣлъ также, чтобы Совѣтъ былъ его лабораторіей и опытнымъ полемъ; тамъ, окруженный компетентными людьми и специалистами, допуская и вызывая споры, требуя возраженій, онъ будетъ изучать, изслѣдовать, глубже проникнетъ во всѣ области государственной жизни, испробуетъ на опытѣ свои идеи.

При выборѣ государственныхъ совѣтниковъ, онъ не обращалъ никакого вниманія на ихъ происхожденіе и прошлое. «Я беру, говорилъ онъ, всѣхъ, у кого есть способности и охота идти со мной. Вотъ почему я составилъ свой государственный совѣтъ изъ тѣхъ, кого въ учредительномъ собраніи звали умѣренными или *фельянтинцами* — какъ Дефермонъ, Редереръ, Реньо; изъ роялистовъ, какъ Девэнь и Дюррэнъ; и наконецъ, изъ якобинцевъ, какъ Брюнь, Реаль и Берлье. Я люблю честныхъ людей всѣхъ оттѣнковъ»¹⁾. Въ испорченной атмосферѣ прежнихъ собраній эти люди не могли примѣнить съ пользой своихъ способностей; поддаваясь вліянію чужихъ страстей и внѣшнихъ бурь, они принимали участіе въ насиліяхъ и компромиссахъ. Перенесенные въ другую среду, въ болѣе здоровую атмосферу, подчиненные извѣстному уставу и при другомъ методѣ занятій, они стали превосходнѣйшими государственными работниками. Талантъ Бонапарта въ томъ и проявился, что онъ, перемѣнивъ систему, сохранилъ людей; со старымъ штатомъ служащихъ онъ создалъ новое правительство.

Вечеромъ 1-го нивоза онъ уже собралъ членовъ государственнаго совѣта въ Люксембургѣ, въ своей собственной квартирѣ и подъ своимъ предсѣдательствомъ. Очень просто, безъ всякой помпы онъ открылъ первое засѣданіе и далъ толчекъ работѣ; такъ народилось великое учрежденіе, которому суждено было пережить своего автора, долгое время однако сохраняя на себѣ его печать. Совѣтники выработали себѣ уставъ, разбились на секціи: гражданскаго и уголовнаго законодательства, финансовая, внутреннихъ дѣлъ, военная, морская, — и тотчасъ-же ушли въ работу, разбираясь въ хаосъ революціонныхъ законовъ и старыхъ регламентовъ, изучая тексты, справляясь съ прецедентами. редактируя «мнѣнія», классифицируя проекты, словомъ, создавая новое зданіе благоденствія націи.

¹⁾ *Thibaudeau*, I, 115. „Бонапарту приписываютъ новое и, въ годину революціи, смѣлое слово; „Доступъ къ государственнымъ должностямъ будетъ открытъ для французовъ всѣхъ мнѣній, лишь бы они обладали знаніями, способностями и добродѣтелями“. Газета *Le Diplomate*, 23 фримера.

Въ сосѣдней комнатѣ Сійэсъ съ помощью Роже Дюко, Камбасереса и Лебрёна, выбиралъ двадцать девять первыхъ сенаторовъ, сенаторовъ-основателей, сенаторовъ-избирателей, которымъ предстояло въ свою очередь немедленно-же выбрать себѣ въ помощь еще двадцать-девять. Эта двойная операція заняла два дня. Сійэсъ произвелъ свой выборъ въ первую же ночь и продиктовалъ всѣ имена, чтобы поставить Бонапарта лицомъ къ лицу съ совершившимся фактомъ¹⁾; повидимому, первый консулъ могъ оказать вліяніе лишь на послѣдующіе выборы.

Наиболѣе выдающіеся члены законодательныхъ комиссій, по крайней мѣрѣ достигшіе установленнаго возраста, были одѣлены первыми; этотъ концентрированный экстрактъ старыхъ собраній послужилъ основой сенату. Такъ были назначены Корне, Фаргъ, Бошои, Лемерсье, Ленуаръ-Ларошъ, Крѣзе-Латушъ, Корнюде, Фрежвиль, Жакмино; къ нимъ были присоединены Кузень, изъ совѣта старѣйшинъ; Дюбуа-Дюбэ, Гарро-Гулонъ, Сэръ и Дize, бывшіе члены конвента; пять бывшихъ членовъ учредительнаго собранія, Дайльи, Дестю де Траси, Ле Кутэ де Кантелё, Шуазель-Праленъ, Лавилль-Леру; эксъ-директоръ и министръ внутреннихъ дѣлъ Франсуа де Нефшато; много бывшихъ министровъ и чиновниковъ, въ томъ числѣ Клеманъ де Рисъ, личный другъ Сійэса; нѣсколько крупныхъ представителей официальной науки, Лапласъ, Монжъ, Бертолле, Вольней, Добантонъ; представителями искусства и литературы должны были быть поэтъ Дюси и живописецъ Вьень (Vien). Но Дюси не принялъ предложеннаго ему мѣста сенатора; вся его жизнь была примѣромъ благородной независимости, потому-то его современники и считали его чудачкомъ. Бонапартъ хотѣлъ, чтобъ армія и флотъ также имѣли своихъ делегатовъ въ числѣ революціонныхъ патриціевъ; по его желанію, сенаторами были назначены Келлерманъ и Серрюрье, генералы Казабьянка, Гатри, Лепинасъ, адмиралъ Бугэнвилль, Плевиль-Лепелей и Мораръ. Такимъ образомъ, сенатъ, въ огромномъ большинствѣ, состоялъ изъ лицъ весьма заинтересованныхъ въ упроченіи результатовъ революціи; тѣмъ не менѣе онъ былъ проник-

¹⁾ *Grouvelle*, „Notes manuscrites“.

нуть довольно свободнымъ духомъ и заключалъ въ себѣ не мало блестящихъ и славныхъ именъ, служившихъ ему украшеніемъ.

Президентомъ былъ избранъ Сійэсъ; подъ его руководствомъ сенаторы въ теченіе сорока восьми часовъ выбирали трибуновъ и депутатовъ. Ихъ засыпали просьбами и ходатайствами; кандидатовъ въ одномъ Парижѣ явилось видимо-невидимо. Они осаждали Люксембургъ, наводняли приѣмныя, заблаговременно представляя рекомендаціи и поручительства. Въ ходъ были пущены всѣ пружины; не обошлось и безъ вмѣшательства женщинъ; г-жа де Сталь жила въ постоянной ажитаци, нѣсколько тревожившей ея отца, жившаго на покоѣ съ Конне. «По твоему письму отъ 10 фримера, дорогая моя Минеточка, я угадываю, что ты нервничаешь... Мнѣ отраднo видѣть, что многіе спѣшатъ записаться въ ряды новой милиціи; укаждаго свой вкусъ»¹⁾. Серьезный *Moniteur* подшучивалъ надъ этимъ усердіемъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ конституція создала множество мѣстъ съ хорошими окладами, сколько народу заволновалось! Какъ много почти незнакомыхъ лицъ стараются наговорить вамъ глаза! Сколько забытыхъ именъ зашевелилось подъ спудомъ Революціи! Сколько гордыхъ республиканцовъ VII года унижаются ради того, чтобы добраться до вліятельнаго человѣка, который можетъ пристроить ихъ!»²⁾.

Они дѣйствительно очень унижались, усердно гнули спину, конечно, съ тѣмъ, чтобы нѣсколько вознаградить себя за это, когда мѣста будутъ уже за ними. Но хотя теперь они разсыпались въ изъявленіяхъ сочувствія, обѣщали преданность, способную выдержать всякое испытаніе, они видоизмѣняли свои обязательства, смотря по тому, обращались-ли они къ Сійэсу, или къ Бонапарту, и съ каждымъ изъ этихъ владыкъ говорили тѣмъ языкомъ, какой, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ ему больше нравиться. Характерно поведеніе Бенжамена Констана. Послѣдній просилъ Шабо-Латура представить его Бонапарту, съ которымъ онъ раньше не былъ знакомъ лично, и

¹⁾ Письмо Неккера отъ 19 фримера. Архивъ города Конне.

²⁾ *Thiers*, I, 114—115.

выразилъ желаніе быть назначеннымъ трибуномъ, свидѣтельствуя свою безграничную преданность великому вождю. «Вы сами чувствуете, что я вашъ. Я не изъ тѣхъ идеологовъ, которые умѣютъ только думать и воображаютъ, что этого достаточно. Мнѣ нужно что-нибудь положительное. Если вы меня назначите, вы можете рассчитывать на меня». Чтобы попасть отъ Бонапарта къ Сійэсу, нужно было только перейти черезъ дворъ. У Сійэса сразу перемѣна декорацій, совсѣмъ иная рѣчь. Сійэсу Бенжаменъ заявляетъ: «Вы знаете, какъ я ненавижу силу; я не могу быть другомъ сабли. Мнѣ нужны принципы, мысли, справедливость. И потому, если вы подадите за меня голосъ, вы можете рассчитывать на меня, такъ какъ я жестокій врагъ Бонапарта¹⁾».

Честный Шабо-Латуръ не могъ прійти въ себя отъ изумленія. На дѣлѣ, Бенжаменъ безстыдно солгалъ Бонапарту и сказалъ правду Сійэсу.

Бонапартъ умышленно держался въ сторонѣ, не оказывая почти никакого вліянія на выборы²⁾. Изготовленные Сійэсомъ и его друзьями списки кандидатовъ были утверждены сенаторами простымъ поднятіемъ руки, почти безъ обсужденія. Въ результатѣ произошло перемѣщеніе: чуть не весь контингентъ прежняго парламента попалъ въ члены новыхъ собраній.

Изъ ста трибуновъ шестьдесятъ-пять были членами совѣтовъ пятисотъ и старѣйшинъ; изъ трехсотъ членовъ законодательнаго корпуса, двѣсти тридцать вышли оттуда же. Кандидаты были распредѣлены между двумя учреждениями соотвѣтственно характерамъ и способностямъ: въ трибунатъ посадили ораторовъ и риторовъ, воинствующихъ философовъ, литераторовъ, окунувшихся въ политику, и политиковъ, занимавшихся литературой, людей остраго и

1) „Souvenirs d' Aimé Martin“, напечатанные въ „Intermédiaire des chercheurs et des curieux“, t. XXIX.

2) Относительно этого всѣ свидѣтельства сходятся. См. *Roederer*, III. 339: *Stanislas de Girardin*, „Journal et souvenirs“, I, 187—188; *Barante*, I, 74. *La Gazette de France*, нивозъ VIII года. Съ другой стороны, въ донесеніи полиціи Конде читаемъ: „Всѣ выбраны Сійэсомъ. Въ списокъ, представленномъ генераломъ, изъ двадцати кандидатовъ прошли только два, и то съ большимъ трудомъ“. 2 января 1890 г. Архивы Шантильи.

яркаго ума; въ законодательный корпусъ — остальныхъ. Трибунатъ надо было сдѣлать живымъ и дѣятельнымъ учрежденіемъ, способнымъ къ оппозиціи; поэтому въ немъ сосредоточили людей съ талантами, съ большою репутаціей, съ честолюбіемъ, и даже убѣжденныхъ: Дону, философъ Ларомигьеръ, Бенжамэнъ Констанъ, экономистъ Ж. В. Сэй, Мари-Жозефъ Шенье, остроумный поэтъ Андриэ, педантъ Генгенэ, который при директоріи добился дипломатическаго поста, только для того, чтобы людей насмѣшить, Фабръ де л'Одъ, Шовелень, маркизь либераль, Шазаль, Байель, Демёнъ, Жанъ Дебри, Шассиронъ, Гушиль-Префелю, Жаръ-Панвилье, Лалуа, Пенъеръ, — все люди, уже извѣстные своими успѣхами на трибунѣ, все испытанные революціонеры, противники христіанства и ненавистники поповъ. Въ видѣ исключенія было дано мѣсто Станиславу де Жирардену, который въ фрюктидорѣ благородно сталъ на сторону угнетенныхъ. Законодательный корпусъ былъ заполненъ бывшими старѣйшинами и бывшими членами совѣта пятисотъ, засѣдавшими и подававшими голоса въ полной безвѣстности. Къ этимъ вчерашнимъ депутатамъ прибавили нѣсколько третьегоднихъ, выброшенныхъ за бортъ на послѣднихъ выборахъ. Впрочемъ, и здѣсь выдѣлилось нѣсколько извѣстныхъ именъ, какъ напр. Грегуара, епископа конституціоналиста и храбраго Ла-Туръ д'Оверня, «гренадерскаго капитана», представлявшаго собою славу. Лишнія мѣста были предоставлены нѣсколькимъ именитымъ дѣльцамъ: крупнымъ коммерсантамъ, парижскимъ и провинціальнымъ банкирамъ; но этотъ элементъ, представлявшій собою экономическіе интересы, какъ бы терялся въ массѣ политическихъ дѣятелей.

Бывшихъ членовъ конвента всюду было много; они занимали второе мѣсто въ консульствѣ, захватили въ свои руки министерства полиціи и юстиціи, предсѣдательствованіе въ сенатѣ; первый президентъ трибуната, Дону, также былъ изъ ихъ лагеря. Наряду съ этими остатками конвента главный контингентъ новыхъ собраній составляла сравнительно умѣренная партія прежнихъ совѣтовъ, партія Сійэса, та самая, которая въ VII году рѣзко разошлась съ якобинцами, но вначалѣ поддерживала тиранію директоріи, т. е. ту же якобинскую тиранію, пониженную на одну ступень. Какъ въ III году двѣ трети конвента произвольно

вошли въ составъ совѣта, такъ и теперь приблизительно половина состава совѣта засѣдала въ консульскихъ собраніяхъ, по милости Сійеса и съ согласія Бонапарта. Общество отмѣтило эту необычайную жизнеспособность сначала съ удивленіемъ, потомъ съ негодованіемъ. Передъ лицомъ этихъ людей, изъ которыхъ многіе, умудренные опытомъ искренно хотѣли попытать счастья съ легальной республикой, но которые воплощали въ себѣ упорство и непопулярность своей партіи, сила Бонапарта заключалась именно въ томъ, что онъ стоялъ выше партій и правилъ не въ угоду имъ, а въ интересахъ Франціи. Онъ говорилъ Тибодо: «Управлять при помощи какой-нибудь партіи—это значитъ рано или поздно стать въ зависимость отъ нея; на этомъ меня не поймаютъ; я націоналенъ¹⁾».

2.

Парижане продолжали подавать голоса за конституцію, проявляя больше покорности, чѣмъ энтузіазма. Одинъ шутникъ переложилъ текстъ ея стихами, посвященными г-жѣ Бонапартъ. Иные утромъ расписывались въ сочувствіи, а вечеромъ въ салонахъ, въ собраніяхъ, въ кругу друзей и знакомыхъ отзывались весьма безцеремонно объ этомъ лицемѣрномъ указѣ. Убѣжденные республиканцы видѣли въ немъ деспотизмъ; роялисты находили его слишкомъ революціоннымъ. Нѣкоторые либеральные консерваторы отнеслись къ новой конституціи очень скептически и даже негодовали: вѣдь она освѣщала и увѣковѣчивала существованіе класса прожорливыхъ политиковъ. «Держу какое угодно пари, писалъ Барантъ, что всѣ консерваторы, сенаторы, законодатели, трибуны и пр. находятъ новую конституцію превосходной; а намъ бѣднымъ, тѣмъ, кто ихъ кормить и платить имъ жалованье за то, чтобы всю жизнь подчиняться имъ—намъ дозволено въ видѣ вознагражденія сердиться, порицать то, что уже сдѣлано и что еще собираются сдѣлать и смѣяться надъ всѣми пристроившимися и чающими пристроиться²⁾».

¹⁾ *Thibaudeau*, 1, 115.

²⁾ Письмо это сообщено барономъ де-Барантъ; въ немъ говорится о томъ, какъ неодобрительно отнеслись къ конституціи различные круги парижскаго общества.

Зато понравились и плѣнили ихъ указы изданные Бонапартомъ тотчасъ вслѣдъ за конституціей, указы, которые были, такъ сказать, оболочкой пилюли, преподнесенной французамъ: великодушные указы, заглаживавшіе прежнія обиды, примирявшіе и бодрившіе, разбивая въ то же время скрижали проскрипціи. Почувствовавъ себя болѣе сильнымъ, болѣе свободнымъ, болѣе господиномъ своихъ рѣшеній, Бонапартъ, первый консуль, смѣло открываетъ эру національнаго блеска и примиренія.

Представьте себѣ впечатлѣнія парижскаго буржуа, 7-го нивоза, просматривающаго *Moniteur*, со вчерашняго дня ставшій официальнымъ органомъ, перейдя отъ Сійеса къ Бонапарту. Въ газетѣ большого формата, на четырехъ страницахъ въ 3 столбца каждая, еле умѣстились всѣ консульскія прокламаціи, предписанія, постановленія, и каждое слово въ этихъ постановленіяхъ облегчаетъ чью-нибудь тяготу или возвеличиваетъ принципъ, утѣшаетъ огорченныхъ, осушаетъ слезы, или радуется сердца, оставшіеся вѣрными культу патриотической республики. На первой страницѣ прокламація консуловъ, обращенная номинально къ западнымъ департаментамъ и на самомъ дѣлѣ ко всей Франціи. Это призывъ къ миру. За нимъ слѣдуютъ постановленія, обѣщающія полную амнистію инсургентамъ, подъ условіемъ, чтобъ они немедленно разоружились и распустили свои полки. Въ ней есть суровыя слова по адресу государей; революція же выставлена въ ней достаточно высокой для того, чтобы сознаться въ своихъ ошибкахъ, достаточно справедливой для того, чтобъ исправить ихъ; а главное, сулящей въ перспективѣ капитальное благодѣяніе, великій источникъ утѣшенія и радости—религіозную свободу.

«Несправедливые законы издавались и исполнялись во Франціи; акты произвола нарушали безопасность гражданъ и свободу совѣсти; повсюду неосмотрительное внесеніе въ списки эмигрантовъ поражало гражданъ, никогда не покидавшихъ своего отечества, ни даже своего семейнаго очага; словомъ, были попораны великія основы общественнаго строя.

«Именно для того, чтобы исправить эти ошибки и загладить несправедливости, было провозглашено и признано націей правительство, опирающееся на священные устои —

свободу, равенство, представительную систему; постояннымъ желаніемъ, а равно интересомъ и славой первыхъ чиновъ государства будетъ залечить всѣ раны Франціи; порукой въ томъ всѣ уже принятыя ими мѣры.

«Такъ, прискорбный законъ о принудительномъ займѣ и еще болѣе пагубный законъ о заложникахъ уже отмѣнены; лица, отправленныя въ ссылку безъ суда, возвращены родинѣ и своимъ семьямъ. Каждый день правленія консуловъ ознаменовывается актами правосудія; такъ будетъ и впредь; государственный совѣтъ трудится, не покладая рукъ, выработывая реформы плохихъ законовъ и болѣе удачную комбинацію распредѣленія государственныхъ налоговъ.

«Консулы заявляютъ также, что свобода вѣроисповѣданій гарантирована конституціей ¹⁾, что никакой государственный чиновникъ не имѣетъ права посягать на нее; ни одинъ человѣкъ не смѣетъ сказать другому человѣку: *ты долженъ исповѣдывать такую то религію, ты можешь совершать свое богослуженіе только въ такой то день...* «Законъ 11-го преріала III-го года, предоставляющій въ пользованіе гражданъ зданія, посвященныя религіозному культу, будетъ исполняться.

«...Еслибы, не смотря на всѣ принятыя правительствомъ мѣры, еще нашлись бы люди, которые осмѣлились бы вызвать вновь гражданскую войну, первымъ властямъ государства оставалось бы только выполнить прискорбный, но необходимый долгъ—силой заставить ихъ покориться. Но нѣтъ, отнынѣ всѣ будутъ одушевлены однимъ только чувствомъ — любовью къ отечеству. Служители Бога мира будутъ первыми радѣтелями о примиреніи и согласіи; пусть они идутъ въ храмы, нынѣ снова открывшіеся для нихъ, и вмѣстѣ съ своими согражданами принесутъ искупительную жертву за преступленія гражданской войны и за пролитую въ ней кровь».

Эти открывающіеся храмы, эти слова: «ни одинъ человѣкъ не можетъ сказать другому, ты долженъ исповѣдывать такую то вѣру, ты можешь молиться только въ такой то день», — это уже религіозная свобода, по крайней мѣрѣ начало ея.

¹⁾ Случайная, или умышленная ошибка, такъ какъ въ конституціи совѣмъ не упоминалось о вѣроисповѣданіяхъ.

Чтобы прочувствовать все значеніе этихъ словъ, достаточно вспомнить, каково было положеніе католицизма подъ гнетомъ директоріи и фрюктидорскаго режима: огромное большинство церквей не были возвращены католикамъ, несмотря на законъ, изданный конвентомъ 11 преріала III года; во многихъ коммунахъ церкви отпирали только въ десятый день декады; всѣ священники обязаны были приносить вновь установленную присягу и наравнѣ съ прочими подлежали административной ссылкѣ; въ то же время, по милости варварскаго законодательства, большинство священниковъ терпѣли гоненія и преслѣдованія за непринесеніе прежней присяги.

И вотъ, консулы объявляютъ, что законъ о возвращеніи церквей будетъ исполненъ; больше того, заявляя, что никто не смѣетъ воспретить гражданину совершать обряды своей религіи въ какой ему угодно день, они разрѣшаютъ воскресное богослуженіе и обуздываютъ гонителей, требовавшихъ неуклоннаго соблюденія декады¹⁾. Принципы, положенные ими въ основу своей прокламаціи, санкціонируются двумя постановленіями, напечатанными тутъ-же, въ концѣ, и въ повелительной формѣ. Первое предоставляетъ гражданамъ свободу распоряжаться общественными зданіями, отведенными подъ храмы до 22 сентября 1793 г., т. е. до великаго гоненія, и послѣ того не отчужденными. Второе гласитъ: «Консулы Республики, во вниманіе къ мотивированному представленію государственнаго совѣта, узнавъ, что нѣкоторыя администраціи, искажая смыслъ законовъ о республиканскомъ календарѣ, издали особыя постановленія, не позволяющія открывать зданія, отведенныя для богослуженія, иначе, какъ въ десятый день декады, въ виду того, что вышеупомянутыя администраціи никакимъ закономъ не уполномочены принимать подобныя мѣры. поста-

¹⁾ Законы объ упраздненіи другихъ церковныхъ обрядовъ и строгомъ соблюденіи десятаго дня еще не были отмѣнены, но на практикѣ допускались поблажки. Такъ, въ Руанѣ судили судомъ исправительной полиціи торговцевъ, закрывшихъ свои лавки на первый день Рождества. Одинъ изъ нихъ, вмѣсто защиты, привелъ слова Бонапарта: „Ни одинъ человекъ не смѣетъ сказать другому человеку: Ты долженъ исповѣдывать такую-то религію и т. д.“— Его оправдали.

новили: 1.—Сказанныя постановленія отмѣнить и уничтожить.—2.—Законы касательно свободы вѣроисповѣданій исполнять неуклонно по духу и формѣ».

Эти два постановленія дополнялись третьимъ, не менѣе важнымъ, отмѣнявшимъ политическую присягу для священниковъ. «Всѣ государственные чиновники, священники, наставники и прочія лица, законами, изданными до конституціи, обязанные къ принесенію присяги, или иного рода деклараціи, отнынѣ довольствуются слѣдующимъ заявленіемъ: *Объщаю хранить вѣрность конституціи.*» Послѣ освобожденія религіи была облегчена участь священниковъ.

Вотъ первое удовлетвореніе, данное Бонапартомъ народу, нетерпѣливо требовавшему свободы алтарей. Разумѣется, это еще не полная свобода, съ гласнымъ призывомъ къ молитвѣ, съ внѣшними манифестаціями; это только свобода молиться внутри храмовъ, добросовѣстное примѣненіе режима, установленнаго термидорскимъ конвентомъ. Священники освобождены только на половину; они еще связаны обязательствомъ, которое можетъ оказаться тягостнымъ, и относительно ихъ Бонапартъ не отказывается отъ жестокихъ полномочій, присвоенныхъ директоріи. Тѣмъ не менѣе, правовѣрные католики отнынѣ могутъ, заручившись консульскимъ словомъ, заставить вездѣ открыть себѣ церкви, собираться въ нихъ, молиться Богу, какъ имъ угодно и въ какіе имъ желательно дни, подъ руководствомъ священниковъ, переставшихъ быть предметомъ систематическихъ гоненій. Въэтотъ день, 9-го нивоза VIII года, Бонапартъ положилъ начало режиму терпимости, благодаря которому, за два года, почти всюду воздвиглись снова національныя католическіе алтари, безъ ниспроверженія другихъ.

Но будемъ продолжать чтеніе *Moniteur*'а. На первой страницѣ, внизу, въ третьемъ столбцѣ—*мнѣніе (avis)* государственнаго совѣта, одобренное консулами и вошедшее въ силу обязательнаго распоряженія. Это крупная мѣра, въ смыслѣ исправленія прошлыхъ ошибокъ. Законы 3 брюмера III года, 19 фрюктидора V года и 9 фримера VI года лишили пользованія правами гражданства всѣхъ родственниковъ эмигрантовъ и бывшихъ дворянъ; они не могли принимать участія въ выборахъ, ни быть избранными на какую-бы то ни было должность, ни занимать её по назначенію; такимъ об-

разомъ чуть не половина націи была лишена гражданскихъ правъ; во Франціи была создана каста парій, несчетное множество эмигрантовъ въ предѣлахъ страны. Цѣлый рядъ законовъ, въ итогѣ возстанавливавшихъ сословныя различія и освящавшихъ привилегіи различинства, вычеркнутъ Бонапартомъ однимъ *митнiемъ*, истолковывавшимъ смыслъ конституціи. Государственный Совѣтъ признаетъ, что конституція, не ставя никакихъ ограниченій пользованію гражданскими правами, тѣмъ самымъ упразднила всѣ распоряженія противоположнаго свойства. «Притомъ же сказанные законы были лишь случайными, обусловленными обстоятельствами, бѣдственными временами и слабостью тогдашняго правительства. Теперь подобныя причины уже не могутъ быть признаны уважительными. Правительство, созданное конституціей VIII года, достаточно сильно для того, чтобы быть справедливымъ и держаться, во всей ихъ чистотѣ, принциповъ равенства и свободы. Единственное различіе, которымъ оно можетъ руководствоваться при выборѣ людей, это различіе въ степени честности, даровитости и патріотизма». Эти послѣднія слова были взяты изъ *Декларации Правъ*; такимъ образомъ первое же проявленіе общественной дѣятельности государственнаго совѣта было практической данью вѣрности одному изъ основныхъ принциповъ 1789 года — принципу равенства всѣхъ передъ закономъ.

На второй страницѣ *Moniteur*'а читаемъ докладъ, подписанный министромъ внутреннихъ дѣлъ, Люсьеномъ Бонапартомъ, и вслѣдъ за нимъ одобрительное постановленіе консуловъ. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы увѣковѣчить военную славу Франціи, примиривъ прошлое съ настоящимъ, сливъ ихъ воедино въ одномъ общемъ памятникѣ, — Отелѣ Инвалидовъ, превращенномъ въ *Храмъ Марса*. И въ самой концепціи, и въ способѣ изложенія много напыщенности, амфазы, олимпійской надменности, но эта напыщенность меньше шокируетъ, если принять въ расчетъ, что величіе воинскихъ подвиговъ той эпохи было достойно стилия прославленія ихъ.

«... Обширная эспланада, разстилающаяся между зданіемъ и Сеной, будетъ усажена разнаго рода деревьями. Они укроютъ въ своей тѣни могилы воиновъ, павшихъ съ оружіемъ въ рукахъ.

«Посрединѣ этого Элизіума забьетъ вода изъ большой античной порфировой чаши; этотъ первый памятникъ украсятъ аллегорическіе атрибуты и бронзовый левъ, привезенный изъ Венеціи.

«У входа въ первый дворъ будутъ убраны трофеи дурного вкуса, вѣнчающіе два старинныхъ пьедестала, и замѣнены величественными группами.

«Коринескіе кони, добытые въ Венеціи, будутъ поставлены въ большемъ внутреннемъ дворѣ, впряжены въ колесницу Побѣды и подняты на пьедесталь, украшенный трофеями современнаго оружія.

«... Церковь будетъ превращена въ военную галерею. На стѣнахъ будутъ начертаны даты и краткая исторія главныхъ побѣдъ французовъ въ войнѣ за свободу; это будетъ военный календарь; надъ входомъ будетъ красоваться надпись: *Побѣды*. Между аркадами будутъ поставлены пьедесталы для статуй храбрыхъ, прославлявшихъ и защищавшихъ отечество во всѣ времена. Тамъ, подлѣ статуй Тюренна и побѣдителя при Нордлингенѣ и Рокруа, (въ то время еще не считали возможнымъ обойтись безъ перифразы, говоря о великомъ Кондэ), будутъ воздвигнуты статуи Гошу, Жуберу, Дюгоммье, Марсо и Дампьеру.

«Въ этомъ храмѣ всегда будетъ совершаться торжественный приѣмъ отнятыхъ у непріятели знаменъ; этими знаменами и будетъ украшенъ сводъ. Художникамъ будетъ предложено расписать фресками на военные сюжеты часть стѣны, нынѣ закрытую органомъ; такимъ образомъ будетъ сдѣлана попытка натурализовать во Франціи этотъ родъ живописи, которому отдавали предпочтеніе знаменитѣйшіе мастера итальянской школы.

«На возвышеніи, гдѣ помѣщался алтарь, поставлена будетъ статуя Марса, а передъ статуей трибуна, съ которой будутъ произносить надгробныя рѣчи и воинственныя воззванія.

«... Элизіумъ воиновъ будетъ школой побѣдъ.»

Вслѣдъ за этимъ высокопарнымъ докладомъ идетъ рубрика: *Министерство общей полиціи*. Фуше вноситъ гуманитарную ноту, въ нѣсколькихъ строкахъ поздравляя центральное бюро съ введеніемъ въ тюрьмахъ болѣе мягкаго режима. Фуше объявляетъ, что онъ приказалъ представить

себѣ подробный и точный списокъ заключенныхъ, въ видахъ освобожденія произвольно арестованныхъ и скорѣйшаго возстановленія справедливости.

Этимъ сообщеніемъ Фуше заканчивается рядъ официальныхъ приказовъ. Ниже, подъ рубрикой *Парижъ*, рядъ краткихъ сообщеній, начинающихся каждое съ красной строки — все новости дня. Одна изъ нихъ имѣетъ крупное общественное значеніе. Не прошло и сорока восьми часовъ съ водворенія консуловъ, какъ они уже разрѣшили вернуться тридцати восьми сосланнымъ въ фрюктидорѣ депутатамъ, съ отдачей ихъ подъ надзоръ. Они возвращены отечеству и семьѣ, эти люди, «изъ которыхъ всѣ почти могутъ быть причислены къ гражданамъ, наиболѣе выдающимся своей образованностью и нравственностью ¹⁾»: Карно, организаторъ побѣды, Бартеlemi, Барбэ-Марбуа, Лафонъ-Ладеба, Пасторе, Катрмеръ де Кэнси и другіе. Надо впрочемъ отмѣтить, что Бонапартъ, чтобы доказать свое безпристрастіе, этимъ же самымъ постановленіемъ вернулъ, съ отдачей подъ надзоръ полиціи, двухъ депутатовъ крайней лѣвой, гнусныхъ террористовъ Барера и Вадье.

А вотъ и слова ободренія для нашихъ армій, которыя страдаютъ, ожидая отъ правительства облегченія. «Уже приняты самыя энергическія мѣры къ улучшенію ихъ бѣдственнаго положенія и каждый день принимаются новыя. Независимо отъ уже высланныхъ крупныхъ суммъ и тѣхъ, которыя будутъ выданы арміямъ департаментами, на этотъ предметъ ассигнованъ и на дняхъ отправленъ изъ Парижа еще милліонъ». Наконецъ, въ рубрикѣ: *Разныя разности*, передъ статьейкой „*О женщинахъ, ихъ нравственныхъ качествахъ и положеніи ихъ у различныхъ народовъ и при различныхъ формахъ правленія*“, передъ перечнемъ новыхъ книгъ, курсомъ биржевыхъ цѣнностей и программой зрѣлищъ, находимъ еще коротенькую замѣтку, очевидно продиктованную Бонапартомъ; это категорическое опроверженіе сообщенія другой газеты, *Други законовъ*, (*L'Ami des lois* № 1585) о томъ, будто бы первый консулъ Бонапартъ приказалъ устроить праздникъ, который обойдется въ двѣсти тысячъ франковъ.—

¹⁾ Письмо г-жи Делессеръ отъ 9 января 1800 г., сообщено Жоржемъ Бертэномъ.

Это неправда. Первый консуль Бонапартъ знаетъ, что двѣсти тысячъ франковъ составляютъ шестимѣсячное жалованье полу-бригады.

И до того, и въ послѣдующіе дни, мы видимъ лишь мѣры справедливости, направленныя къ славѣ Франціи, бодряція, отрадныя мѣры: учрежденіе *почетнаго оружія* для награжденія офицеровъ, отличившихся на службѣ республикѣ, — прокламація перваго консула къ французскимъ солдатамъ: «Солдаты! когда настанетъ время, я буду посреди васъ, и Европа вспомнитъ, что вы изъ породы храбрыхъ»; — прокламація къ итальянской арміи: «Первыя добродѣтели солдата — стойкость и дисциплина, мужество идетъ уже послѣ нихъ. Солдаты! нѣсколько отдѣльныхъ частей оставили свои позиціи, не внявъ голосу своихъ офицеровъ. 17-я легкая бригада изъ ихъ числа. Неужели же они всѣ умерли, храбрецы, бывшіе при Кастильоне, при Риволи, при Неймарктѣ! Они сами предпочли бы погибнуть, чѣмъ бросить свои знамена, и сумѣли бы вернуть на путь чести и долга своихъ болѣе юныхъ товарищей. Отнынѣ мнѣ будутъ ежедневно представлять отчетъ о поведеніи всѣхъ войсковыхъ частей вообще и въ частности 17-й легкой бригады и 63-й линейной. Они вспомнятъ, какое довѣріе я питалъ къ нимъ». — На другой день отдается приказъ объ изысканіи средствъ закончить списокъ эмигрантовъ, прекратить эту запись изгнанниковъ, всегда открытую для произвола; — оказано правосудіе первой группѣ эмигрантовъ, этимъ несчастнымъ, которые, потерпѣвъ крушеніе въ Калэ, были вновь выброшены бурей на наши берега, и которыхъ прежнія правительства таскали изъ тюрьмы въ тюрьму, презирая элементарнѣйшіе принципы справедливости; — возвращены писатели, сосланные въ фрюктидорѣ, въ томъ числѣ Лагарпъ, Фонтанъ, Фьевэ, Сикаръ, благодѣтель слѣпыхъ; — освобождены священники, содержащіеся въ заключеніи на океаническихъ островахъ; — обнародованъ законъ, не позволяющій черезъ нѣсколько дней праздновать 21-е января — и, въ видѣ противовѣса этому, освобождены изъ подъ надзора якобинцы, осужденные на изгнаніе послѣ брюмера и затѣмъ помилованные. Всѣ эти мѣры какъ-бы подтверждаютъ на дѣлѣ послѣднія слова временныхъ консуловъ: «Граждане, революція остановилась на

принципахъ, во имя которыхъ она была начата; она закончена»¹⁾).

Революція, сдержавшая свои обѣщанія, завершающаяся въ мирѣ, подъ властью консуловъ, — возможно ли такое чудо! Это казалось слишкомъ хорошимъ для того, чтобы оно могло длиться. Но — конецъ, или только временное затишье — это было восхитительно, и всѣ наслаждались моментомъ. Правительство, которое не изгоняетъ болѣе во имя свободы, но возвращаетъ изгнанниковъ, — чудо чудное, диво дивное! Какъ ни жаждалъ народъ покоя и порядка во что бы то ни стало, старый идеалъ свободы и справедливости, идеалъ 1789 года, еще не совсѣмъ изгладился изъ памяти души у парижской буржуазіи, представительницы общественнаго мнѣнія средняго сословія, по существу, умѣреннаго въ своихъ взглядахъ. Осуществленія этого идеала французская буржуазія ждала послѣдовательно отъ возрожденной королевской власти, отъ собраній, отъ народа, собиравшагося на съѣзды (comices), отъ прогресса просвѣщенія и народнаго сознанія; послѣ ужасовъ террористическаго режима она рассчитывала на либеральную республику или возстановленіе ограниченной монархической власти, и каждый разъ воскресшія надежды разбивались, падая съ высоты. Неужели же наконецъ осуществится, по волѣ одного человѣка, этотъ неуловимый идеалъ, до сихъ поръ являвшійся только въ мечтахъ? Правда этой терпимости, гуманности, правосудію, нѣтъ гарантій въ законахъ; онѣ исходятъ отъ Бонапарта по его доброй волѣ, какъ правительственная мѣра, въ силу его консульской прерогативы, потому что онѣ отвѣчаютъ его инстинктивному стремленію къ политикѣ широкихъ горизонтовъ, потому что онѣ кажутся ему наиболѣе пригодными къ объединенію этой Франціи, которую онъ задумалъ пересоздать по своему и сдѣлать шедевромъ; и все же ему благодарны за эти мѣры; ему прощаютъ узурпацію власти за то употребленіе, какое онъ дѣлаетъ изъ нея. Конституцій видѣли слишкомъ много для того, чтобы полагаться на подобныя гарантіи; предпочитаютъ положиться на одного гениальнаго человѣка, увѣровавъ въ его умѣренность.

Правленіе Бонапарта вначалѣ—это идеальный произ-

¹⁾ *Napoléon, Correspondance, VI, 422.*

воль; послѣ законодательной тираніи, послѣ припадочнаго правленія факцій, онъ является сущимъ благодѣяніемъ. Положимъ, нѣкоторые акты, если приглядѣться къ нимъ ближе, оказываются испорченными ограниченіями и расчетами чисто личнаго характера, но все-же они представляются великодушными, мужественными и глубоко разумными. Консулу признательны за то, что онъ снова выдвинулъ на почетное мѣсто истинные принципы власти, за то, что онъ вернулъ Францію къ дѣйствительности, побѣдивъ химеру; въ немъ, какимъ онъ проявляетъ себя, привѣтствуютъ главнымъ образомъ побѣду здраваго смысла. И, по мѣрѣ того, какъ эта лучезарная заря все выше и выше разливается по горизонту, въ ней видятъ обѣтъ грядущихъ мирныхъ дней: Г-жа Делессеръ пишетъ изъ Парижа за границу объ утѣшительномъ будущемъ и прибавляетъ: «Вы понимаете, съ какимъ облегченіемъ вздохнули друзья этой страны, ибо они надѣются, что результатомъ этого царства справедливости и администраціи, столь-же твердой, какъ и упорядоченной, будетъ миръ»¹⁾.

Изъ всѣхъ принятыхъ мѣръ, ни одна не произвела такого впечатлѣнія во всей странѣ, какъ прекращеніе религіозныхъ гоненій и открытіе церквей. Въ Парижѣ, съ тѣхъ поръ, какъ фрюкtidоръ лишилъ католиковъ часовень и домовыхъ церквей, устроенныхъ ими въ каждомъ кварталѣ, въ ихъ распоряженіи осталось всего восемь старыхъ приходскихъ церквей, и то они не пользовались ими безраздѣльно. А тутъ моментально было уважено ихъ прошеніе объ открытіи церквей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ²⁾, и признаны ихъ права. Это возвращеніе культу произвольно закрытыхъ храмовъ было настоящимъ праздникомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть донесеніе центральнаго бюро; не забывайте, что это донесеніе писано чиновниками весьма республиканскаго образа мыслей, старающимися выказать себя людьми безъ предразсудковъ, фило-

1) Lettre de M-me Delessert, 9 janvier 1800.

2) Роялистская записка 14 нивоза—4 января: „Во всѣхъ кварталахъ Парижа открываются католическіе храмы. Муниципалитеты не мало тормозятъ дѣло, ставя затрудненія лицамъ, предлагающимъ отвести нѣсколько зданій подъ церкви, но центральное бюро устраняетъ затрудненія, приказывая исполнять законъ“. Архивъ г. Шантильи.

софами, изрекающими поученія, хотя и не стоящими уже за преслѣдованія. «Постановленіе перваго консула относительно свободы вѣроисповѣданій произвело въ Парижѣ настоящую сенсацію. Всѣ эти дни замѣчалось значительное стеченіе народа у воротъ храмовъ. Много закрытыхъ церквей, теперь были открыты вновь, къ большому удовольствію толпы людей, очень шумно и ярко проявлявшихъ свою радость. Многіе обнимались и обмѣнивались рукопожатіями. Всѣ доказывали справедливость наблюденія, выносиваго изъ исторіи всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ: преслѣдованіе ведетъ только къ тому, что возрѣнія гонимаго обостряются до настоящаго фанатизма ¹⁾).

Въ провинціи, въ особенности, въ деревняхъ, движеніе приняло иной характеръ: беспорядковъ и мятежей. Сельское населеніе не разумѣетъ юридическихъ тонкостей, не понимаетъ, какъ это можно позволить молиться въ храмѣ и не позволять благовѣстити къ молитвѣ. Для него свобода вѣроисповѣданія значитъ право исповѣдывать свою вѣру, какъ прежде. Двери храма открыты настежь для вѣрныхъ, Господь—хозяинъ у себя дома, не допускающій никакого раздѣла. Долой обряды десятаго дня, долой языческія эмблемы; нужно хоромъ пѣть воскресную обѣдню, звонить, трезвонить во всѣ колокола; воскресеніе цѣликомъ должно быть праздникомъ, днемъ молитвы и отдыха, днемъ сборищъ, забавъ, танцевъ, веселья,—вотъ чего, шума и волнующь, требуетъ народъ. Ему нужно, чтобы священникъ имѣлъ право въ одеждѣ, присвоенной его сану, итти за гробомъ вѣрующаго и благословить его могилу; ему нужны, въ извѣстные дни, пышныя церемоніи, ослѣпляющія его своимъ блескомъ, когда онъ былъ еще ребенкомъ, процессіи, крестные ходы съ хоругвями и знаменами, рѣющимися надъ толпой, релігіозныя зрѣлища, — символическія торжества, поклоненіе легендарнымъ святымъ,—вся эта убогая роскошь деревни, эта поэзія смиренныхъ, золотящая небеснымъ лучомъ ихъ убогую жизнь, влачащуюся по землѣ.

Наконецъ, ему нуженъ *добрый батюшка*, священникъ, не присягавшій, не имѣющій ничего общаго съ нечестивымъ

¹⁾ Донесеніе центрального бюро, 13 нивоза. Національный архивъ, AF, IV, 1692.

режимомъ, священникъ, молитва и благословеніе котораго были бы угодны Господу. Но гдѣ они, такіе священники? Когда кончился терроръ, ихъ вдругъ появилось множество; они показывались въ народѣ, совершали требы; съ наступленіемъ второго фрюктидорскаго террора они снова куда-то исчезли. Всѣ знаютъ, однако-же, что большинство изъ нихъ не покидали родины, что они тутъ, недалеко, прячутся въ домахъ благочестивыхъ католиковъ, живутъ милостью добрыхъ душъ, которыя пекутся объ ихъ нуждахъ, нерѣдко скитаются, каждую ночь мѣняя кровъ и пристанище, укрываясь въ чащѣ лѣса, въ пещерахъ, и все таки не хотятъ эмигрировать. Теперь, когда слыше прозвучалъ глаголь освобожденія, довѣріе къ этому слову, пламенное желаніе снова послужить вѣрѣ и долгу влечетъ ихъ выйти изъ своихъ убожищъ, а между тѣмъ требованія закона ими не соблюдены. Отъ нихъ требуютъ обѣщанія вѣрности конституціи; они видятъ въ этомъ повтореніе ненавистныхъ присягъ и не хотятъ его подписывать; но въ то же время имъ говорятъ о новыхъ вѣяніяхъ, о великодушїи и терпимости новаго правительства, и они, набравшись храбрости, покидаютъ свои убожища, тайники, погреба, подвалы; внезапно цѣлыя полчища священниковъ выходятъ изъ подъ земли. Рясъ не видно; они одѣты, какъ всѣ, какъ крестьяне; церковь слилась съ народомъ, почерпнувъ въ этомъ источникѣ новыя силы. Народъ, торжествующій, тащитъ ихъ въ храмы; безъ церемоній, тяжелой мужицкой рукой расчищаетъ имъ дорогу, освобождаетъ святилище, заставляетъ властей убрать принадлежности обрядовъ десятаго дня, перенести въ другое мѣсто свое мірское служеніе. Алтарь отечества разрушенъ, какъ будто этимъ святотатствомъ надѣются изгладить слѣды великихъ оскверненій святыни. Колокола ужъ не молчатъ; ихъ торжественный и чистый голосъ разносится въ безмолвіи селеній, напоминая Богу о человѣкѣ, который гнетъ спину надъ бороздой, и скрашивая его трудъ.

Колоколь нуженъ селянину еще и затѣмъ, чтобы знать время. Бывало, онъ по колоколу распредѣлялъ свою жизнь; у бѣдняка-пахаря не водится часовъ; колоколь будилъ его утромъ на работу, говорилъ въ полдень, что пора отдохнуть, потомъ опять звалъ на работу и вечеромъ усталаго посылалъ на покой; безъ колокола онъ не знаетъ какъ быть, и

путаеть время. Колокольный вопросъ существуетъ во Франціи уже нѣсколько лѣтъ; родился онъ въ годину полузамиренія III-го года; фрюктидорскія притѣсненія не могли окончательно задушить его; теперь онъ снова воскресъ и понемногу развязались мѣдныя языки. Прислушайтесь! вначалѣ только въ отдѣльныхъ мѣстахъ слышенъ робкій боязливый звонъ, но понемногу онъ крѣпчаетъ; колокола расхрабрились; они, непокорные, звонятъ во весь голосъ, перекликаются изъ деревни въ деревню; радостный звонъ оглашаетъ просторъ полей. Вслушайтесь! это пробужденіе, воскресеніе, бунтъ колоколовъ.

Въ Парижѣ безчисленныя стрѣльчатыя башни пока безмолвствуютъ; голосъ ихъ еще не покрываетъ городского шума. Но лишь только вы миновали заставу, навстрѣчу вамъ изъ ближнихъ и дальнихъ селеній несется колокольный звонъ; звонятъ у воротъ Сень-Дени, въ Пьерфиттѣ и въ другихъ кантонахъ Сены и Уазы; звонятъ къ сѣверу отъ Парижа, звонятъ къ югу. Въ Этампѣ низвергнуть алтарь декады, и версальскія власти боятся, какъ бы виновные не избѣгли кары: «Чего добраго, ихъ оправдаютъ, какъ оправдали недавно субъектовъ, выставившихъ, вопреки закону 7-го вандемьера, у дверей своего дома покойника, а возлѣ него распятіе, освященную воду и зажженную восковую свѣчу,—тоже нарушеніе закона, повидимому, разрѣшаемое этампской полиціей»¹⁾. Въ Луарѣ, въ Куртенэ также не признаютъ больше декады. Въ Уазѣ, принимая въ расчетъ интересы населенія, которое не въ состояніи больше обходиться безъ колоколовъ, мѣстныя власти пошли на компромиссъ—ввели съ 18-го брюмера такъ сказать свѣтскій звонъ: «Колокола звонятъ, но не призывая къ богослуженію; они зовутъ къ труду, напоминаютъ о дневной работѣ, и звонятъ они по другому, не такъ, какъ бывало звонили къ *Angelus*, а въ десятый день молчатъ, потому что это день не рабочій». Въ департаментѣ Нижней Сены, въ Гурнэйскомъ округѣ власти просятъ разрѣшенія сдѣлать то-же, замѣчая, что «во всѣхъ сосѣднихъ кантонахъ звонятъ; ихъ

¹⁾ Эта и слѣдующія выдержки взяты изъ донесеній гражданской и судебной властей и жандармеріи, хранящихся въ Национальной Библиотекѣ, французскій отдѣлъ, 11361, нивозъ-вантозъ VIII года.

округъ единственный, гдѣ соблюдаютъ законъ, и это вызываетъ нареканія жителей»).

Двинемся ли мы дальше на западъ, въ область великихъ волненій, сейчасъ успокоенную перемиремъ. Тамъ уже настоящій расцвѣтъ католицизма. Во всей нижней Нормандіи воскресная служба въ церкви идетъ подъ звонъ колоколовъ. Въ Бретани и сосѣднихъ съ ней мѣстностяхъ священники отказываются присягать и все таки правятъ обѣдню и церковныя требы. У дороги опять появились деревянные кресты и священные изображенія въ нишахъ на перекресткахъ; «воскресенье убиваетъ десятый день»; на колокольномъ крестѣ и пѣтухъ замѣнили фригійскій колпакъ; изъ подъ обламывающейся по кускамъ революціонной наклепки выступаетъ неизгладимая печать католицизма. Въ городахъ Анжу и Мэнъ, въ окрестныхъ селеніяхъ католицизмъ вернулъ себѣ всѣ права; вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессируетъ и замиреніе страны. Изъ Мэны и Луары доносятъ: «Католическіе священники вернулись къ выполненію своихъ функцій; народъ толпой валитъ за ними и съ удовольствіемъ присутствуетъ при ихъ церемоніяхъ. Правда, десятыя дни соблюдаютъ теперь только въ Сомюръ и Анжеръ, да и то съ большими поблажками, но священники въ общемъ проповѣдуютъ миръ и покорность, хотя и подписавшихъ заявленіе пока мало». Другое донесеніе: «Въ глазахъ народа всего важнѣе возвращеніе священниковъ; этой побѣдѣ онъ больше всего радуется». Въ департаментѣ обѣихъ Севръ центральный комиссаръ предлагаетъ, въ видахъ успокоенія страны, «расширить предѣлы религіозной терпимости, отмѣнивъ постановленіе, требующее деклараціи отъ священниковъ, или же смотрѣть сквозь пальцы на его исполненіе».

Въ другихъ мѣстахъ власти, не столь умудренныя опытомъ, менѣе покладисты. Нѣкоторыя упорствуютъ въ борьбѣ противъ здраваго смысла, держась нелѣпыхъ и гнетущихъ постановленій и запрещая всякія внѣшнія проявленія религіозности; иныя признаютъ себя побѣжденными, сопротивляются вяло и понемногу сдаются; отводя душу въ слезливыхъ и жалобныхъ донесеніяхъ. По всей Франціи, отъ края до края, распространилось это движеніе; интенсивность его въ различныхъ мѣстностяхъ различна, повсюду полу-свобода, дарованная Бонапартомъ, толкуется, какъ полная свобода.

Въ принейскихъ долинахъ цѣлое нашествіе священниковъ, до сихъ поръ укрывавшихся въ Испаніи или въ горахъ; Арьежскія власти жалуются, что «непокорные священники повсюду совершаютъ богослуженіе подъ звонъ колоколовъ и безъ всякой предварительной деклараціи». Нѣкій администраторъ утверждаетъ, что «опаснѣйшій источникъ агитаціи, это возвращающіеся отовсюду и въ большомъ количествѣ слушники, нарушающіе всѣ законы о надзорѣ за вѣроисповѣданіями и сѣющіе раздоръ среди гражданъ». Въ Верхней-Гароннѣ, въ коммунѣ Портэ, въ тулузскомъ земледѣльческомъ округѣ, «на мѣстѣ дерева свободы, срубленнаго и брошеннаго въ рѣку, 6-го утромъ нашли красивое распятіе съ надписью: *Кто его ломаетъ, того Богъ наказываетъ*. (*Qui l'ôte, Dieu le punira*)». Въ Эро (*Hérault*) «фанатики кантона Мартэнъ де-Лондръ, подобно многимъ другимъ, истолковали въ свою пользу постановленіе 7-го нивоза: звонятъ въ колокола, поотпирали церкви, возстановили всѣ внѣшнія проявленія культа; говорятъ даже, будто священники правятъ всѣ службы безъ предварительной деклараціи». Изъ Нима власти пишутъ: «Фанатики, введенные въ заблужденіе ложнымъ толкованіемъ постановленія о свободѣ вѣроисповѣданій, опрокинули, изломали, сожгли все республиканское убранство храма декады». Въ Устьяхъ-Роны, послѣ брюмера, въ большей части коммунъ «республиканскими учрежденіями небрегутъ, десятыхъ дней не соблюдаютъ, зато праздники и бывшія воскресенья празднуютъ съ помпой и проводятъ ихъ въ ничегонедѣланіи»¹⁾. Въ Марсели католикамъ возвращены двѣ старинныхъ церкви: въ Э (*Aix*) четыре²⁾. Въ Варѣ еще повинуются закону и соблюдаютъ ограниченія.

Центръ весь охваченъ религіозной реакціей. Въ Лозерѣ «возвратившіеся священники смѣло показываются всюду, безъ всякихъ декларацій завладѣваютъ церквями, направляютъ народъ на тѣхъ, кто повинуется закону; объ этомъ единодушно доносятъ всѣ комиссары кантона, прибавляя, что они истощили всѣ способы убѣжденія и не видятъ

¹⁾ Донесеніе комиссара центральной администраціи Устье-Роны, Э, 11 фримера. Архивъ Устье-Роны. запись 558.

²⁾ *Saint Yves et Fournier*, „Le Département des Bouches du Rhône de 1800 à 1810, —316—317, 318—319.

средства помѣшать нарушенію закона; вліяніе священниковъ на народъ такъ велико, что еслибъ захотѣть установить судебнымъ порядкомъ всѣмъ извѣстныя безчинства, не нашлось бы ни одного свидѣтеля». Въ другомъ донесеніи говорится: «Факты, имѣвшіе мѣсто въ Канургѣ 16-го и 20-го нивоза, противные закону о вѣроисповѣданіяхъ, вновь повторились въ Марвежолѣ 20-го текущаго мѣсяца. Народъ толпой устремился къ кюрэ, викарію и другимъ послушнымъ священникамъ и поволокъ ихъ въ церковь для совершенія католическихъ обрядовъ. Но, хотя съ виду эти священники и дѣйствовали по принужденію, надо полагать, что они сами были зачинщиками движенія». Въ Канталѣ насчитываютъ пятьсотъ послушныхъ священниковъ; триста изъ нихъ подъ надзоромъ полиціи, остальные скрываются; они «безъ всякой предварительной деклараціи звонятъ въ колокола, отпираютъ церкви и правятъ церковныя службы, или же совершаютъ свои обряды въ лѣсахъ и уединенныхъ пещерахъ; вотъ какъ они отплачиваютъ правительству за его милосердіе».

Въ департаментѣ Роны, въ мѣстечкѣ Тизи собралось на церковную службу двѣ тысячи человекъ. Комиссаръ Сены и Луары пишетъ: «Въ Семюрѣ 30-го нивоза общественное спокойствіе было нарушено многолюднымъ сборищемъ при колокольномъ звонѣ, послѣ чего въ церкви была отслужена обѣдня священниками, отнюдь не выполнившими предписываемыхъ закономъ формальностей. 11-го плювіоза подобное же сборище въ Шаньи учинило величайшія безчинства, изломало алтарь отечества и республиканскія эмблемы». Въ Дубсѣ имѣли мѣсто факты въ томъ-же родѣ. Въ Верхней-Сенѣ, морейскія власти жалуются, что «фанатики не могутъ успокоиться, пока колокольнымъ звономъ не возвѣстятъ о томъ, что они зовутъ своимъ торжествомъ; каждый день приходится звать жандармовъ, чтобы прекратить эти безчинства и добиться исполненія закона». Въ Йоннѣ по деревнямъ ходитъ петиція, требующая полной религіозной свободы, и роялисты пытаются обратить её въ орудіе пропаганды. Въ Шалонѣ-на-Марнѣ разыгрывается чрезвычайно характерная сцена: «16-го, въ часъ дня, триста человекъ проникли въ колокольную бывшаго собора и принялись трезвонить въ единственный уцѣлѣвшій колоколъ и въ тотъ, что на часовой башнѣ. Вскорѣ откликнулись дру-

гіе городскіе колокола, а тамъ по очереди и всѣ колокола сосѣднихъ деревень. Мы не сомнѣваемся, что это мятежное движеніе разольется по всему департаменту».

Въ Энѣ, Краоннѣ и сосѣднихъ округахъ, со времени постановленія 7-го нивоза, церкви открыты, десятыя дни не соблюдаются, и администрація напрасно тратитъ время на жалобы и доносы. Въ Арденнахъ властями издано постановленіе противъ «злоупотребленія колокольнымъ звономъ во всѣхъ коммунахъ». Въ департаментѣ Страшной Горы (Mont Terrible), въ Варштэдтѣ сжигаютъ алтарь отечества. Набожная Бельгія вся молится въ открытыхъ церквяхъ; изъ Анвера доносятъ: «Открытіе нѣсколькихъ храмовъ вслѣдствіе консульскаго постановленія отъ 7-го нивоза, повидимому, принесло большую пользу и вызвало общее удовлетвореніе, но служители католической религіи не даютъ никакихъ о себѣ заявленій... Открытіе церквей въ Габроэкѣ сопровождалось беспорядками, сборищами женщинъ и дѣтей, оскорбившихъ слугу конституціи». Со всѣхъ концовъ старой и вновь приобрѣтенной территоріи, день за днемъ приходятъ донесенія, свидѣтельствующія о религіозномъ рвеніи французскаго народа, обостренномъ гоненіями, объ агрессивномъ характерѣ этого рвенія, о твердомъ желаніи Франціи снова стать христіанской.

Сила, стремительность, искренность этого движенія не могли не поразить глубоко наблюдательнаго ума Бонапарта. Не онъ создалъ это движеніе; не онъ своею властью воздвигъ алтари и повелѣлъ вѣрить въ Бога; онъ только отмѣнилъ нѣкоторые слишкомъ ужъ ненавистные запреты, только бросилъ на вѣтеръ слово «свобода»,—и всюду сами собой воздвиглись алтари, словно чудомъ выростая изъ подъ земли. Католическое движеніе существовало до Бонапарта, но въ скрытомъ состояніи, просачивающимся тонкой струйкой подъ гнетомъ преслѣдованій и карательныхъ мѣръ: достаточно было нанести одинъ ударъ въ эту грудь, расчленивъ её, чтобы плѣнный источникъ вырвался на свободу, брызнулъ и разлился широкой волной. Эту силу Бонапартъ не чувствуетъ въ себѣ ни желанія, ни власти подавлять; напротивъ, ему мало по малу приходитъ мысль утилизировать её, какъ факторъ—сперва зампренія, затѣмъ господства. Это одна изъ главныхъ причинъ, побудившихъ его

впослѣдствіи официально возстановить католицизмъ; но тогда онъ еще не могъ регулировать, дисциплинировать и подчинить себѣ всѣ жизненныя силы націи; для этого время еще не пришло.

Также и съ конституціей; она сдѣлала его почти господиномъ правительства, но она еще не дѣлала правительства господиномъ Франціи. Отнынѣ у государства есть голова, мозгъ, съ рѣдкой мощью мысли и волевыхъ импульсовъ, но нѣтъ членовъ, или-же члены эти слабы и вялы. У Бонапарта свои министры, свои государственные совѣтники, но у него еще нѣтъ своихъ префектовъ, своихъ супрефектовъ, мэровъ, судей, жандармеріи, полиціи, всѣхъ этихъ винтовъ и колесъ, которыми онъ сначала захватить Францію, чтобъ выпрямить её, потомъ сожметъ такъ, что ей трудно станетъ дышать. Пока онъ не добился отъ трибуната и законодательнаго корпуса основныхъ законовъ, позволяющихъ ему пересоздать заново административный механизмъ и персоналъ, онъ держитъ въ своей власти страну исключительно силой общественнаго мнѣнія и своего личнаго обаянія.

Административное междуцарствіе затянулось. Почти вездѣ замѣчается скорѣе тенденція къ либеральной анархіи, чѣмъ возстановленіе авторитета власти. Представители мѣстной администраціи, отнынѣ убѣжденные въ томъ, что они скоро будутъ замѣнены другими, или же самое учрежденіе преобразовано, совершенно отложили попеченіе о дѣлахъ. Мы уже видѣли, какая неурядица царила въ администраціи въ области примѣненія на практикѣ расширенной религіозной свободы; то-же или приблизительно то-же было и во всемъ. Многіе чиновники совершенно не понимали консульской политики, или же въ глубинѣ души не одобряли ея. Иные оставались вѣрными крайнимъ партіямъ. Всѣ стояли за конституцію, но иные только на словахъ, съ оговорками про себя, порой весьма опредѣленнаго свойства. Ультрареволюціонная партія, имобилизованная и на половину присоединенная послѣ брюмера, а теперь уже недовольная конституціей, сохранила за собой часть своихъ позицій. Въ провинціи по прежнему существовали клубы и были среди нихъ такіе, которымъ не сидѣлось смирно. Ихъ слабость заключалась въ ихъ непопулярности, въ отвращеніи, внушаемомъ ими народу; но все же, если бы они осмѣлились

возстать открыто, то у нихъ еще нашлась бы въ административномъ кругу негласная поддержка.

Тѣмъ не менѣе главная опасность грозила Бонапарту справа.

Бонапартъ хотѣлъ организовать и подчинить себѣ революцію; онъ и не думалъ отречься отъ нея. Онъ хотѣлъ успокоенія, а не реакціи. Но въ этой широкой терпимости, которую онъ въ интересахъ успокоенія проявляетъ по отношенію къ религіознымъ и политическимъ взглядамъ, къ народнымъ обычаямъ, привычкамъ, традиціоннымъ вѣрованіямъ, и сила его, и грозящая ему опасность. При помощи ея онъ привлекаетъ на сторону новаго строя миллионы французовъ, доказывая имъ, что свобода совѣсти и личная безопасность могутъ совмѣщаться съ республикой, какъ онъ ее понимаетъ, но съ другой стороны, смягченіе революціонныхъ законовъ поощряетъ явныхъ реакціонеровъ-поборниковъ стараго режима — а такихъ осталось еще не мало. Роялистское движеніе, обнаружившееся въ послѣднія времена директоріи, не остановилось сразу; возвышеніе Бонапарта замедлило его, толкнуло его на другой путь, но не поставило ему непреодолимой преграды. Положительно можно утверждать, что весьма значительная часть французовъ, пока видѣла въ Бонапартѣ только послѣднюю ступень къ восстановленію королевской власти, только временнаго, хотя и поразительно даровитаго правителя. Мирные роялисты, лишь теоретически отдававшіе предпочтеніе королевской власти, теперь уже склонялись въ пользу примиренія, готовы были удовольствоваться той безопасностью, которую давало имъ консульство; роялисты боевого типа, люди пламенной вѣры и дѣла, отнынѣ не собирались сложить оружія, хотя и готовы были пойти на перемиріе. Они порѣшили, въ случаѣ, если консулъ въ ближайшемъ будущемъ не исполнитъ ихъ требованій, пустить въ ходъ противъ него всѣ тѣ средства, при помощи которыхъ они вели борьбу съ его предшественниками, объявить ему войну на жизнь и смерть, — и эти враги были бы дѣйствительно опасны, ибо они одни способны были стойко держаться противъ Бонапарта. Общественное мнѣніе относилось къ нимъ до извѣстной степени сочувственно, видя въ нихъ открытыхъ противниковъ якобинства.

Самъ консулъ замѣтилъ это и говорилъ Редереру: «Вы увѣрены, что въ общественномъ мнѣніи не можетъ произойти поворота въ пользу королевской власти?»¹⁾ Редереръ успокаивалъ его, говоря, что народу нужно сильное правительство, какое и будетъ ему дано, и что онъ приметъ его какъ эквивалентъ королевской власти, подъ республиканскимъ этикетомъ, еще милымъ сердцу многихъ французовъ. Относительно народныхъ массъ Редереръ былъ правъ. Масса, желавшая только одного—чтобы ее не слишкомъ угнетали и разумно правили ею, продолжала идти навстрѣчу Бонапарту, сначала медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе, пока изъ глубины не хлынулъ огромный валъ, все увлекшій за собою; но въ то время этотъ валъ еще не обозначился ясно подъ противоположными теченіями, кипѣвшими и борющимися на поверхности. При такомъ сильномъ тяготѣніи народа къ Бонапарту роялистамъ трудно было, чѣмъ когда либо, завоевать Францію; но они еще могутъ волновать ее, затягивать старые безпорядки и вызывать новые.

На всемъ протяженіи французской территоріи нѣтъ такого центра, имѣющаго большое значеніе, или хотя бы самое ничтожное, гдѣ бы не нашлось меньшинства, готоваго поддержать всякое явное контръ-революціонное движеніе; кромѣ того весьма обширные районы остаются какъ бы обособленными, оторванными отъ государственной общности; другіе держатся кажется только на волоскѣ, который вотъ вотъ оборвется подъ напоромъ элементовъ, давно укоренившася безпорядка, дающаго преобладаніе факціи правой. Въ то самое время, какъ Бонапартъ сдѣлалъ себя первымъ консуломъ, противъ него зрѣлъ обширный заговоръ, къ которому мы еще возвратимся съ цѣлью отвлечь отъ него югъ, сдѣлавъ его опорой и резиденціей монархіи, которую желательно было возстановить²⁾. Въ центрѣ и на юго-западѣ пытались слиться воедино обломки старыхъ мятежей. На западѣ, хотя религиозное замиреніе подорвало популярность возстанія и какъ бы подрѣзало его у корня, армія шуановъ оставалась подъ ружьемъ и перемиріе не вполне

¹⁾ *Oeuvres de Roderer*, 111, 305.

²⁾ См. *Lebon*, „l'Angleterre et l'émigration française“ 278—282.

прекратило ея дѣятельность. Вѣжди продолжали вести переговоры, но наиболѣе вліятельные изъ нихъ допускали только вооруженный миръ, т. е. то-же перемиріе, только лучше соблюдаемое,—миръ, который давалъ бы имъ возможность въ любой моментъ снова начать войну. Они требовали ни болѣе ни менѣе, какъ особаго режима для своего края, чего то въ родѣ автономіи запада, сохраненія бѣлой Франціи среди Франціи трехцвѣтной.

Опасность, грозившая со стороны роялистовъ, была страшна тѣмъ, что она была тѣсно связана съ внѣшней опасностью. Всѣ заговоры опирались на за границу и оттуда черпали свои ресурсы; единственнымъ ихъ реальнымъ шансомъ на успѣхъ была затяжная внѣшняя война. Побѣды при Цюрихѣ и Бергенѣ отодвинули вражеское кольцо, тѣснившее наши границы, но не разорвали его. Правда, Павелъ I, изъ антипатіи къ своимъ союзникамъ и по внезапному капризу, отозвалъ свои войска. Бонапартъ написалъ ему и англійскому королю гордые и умно составленныя открытыя письма, гдѣ онъ приглашалъ ихъ положить конецъ кровопролитію и начать переговоры о мирѣ. Эти письма были обращены не столько къ повелителямъ враждебныхъ странъ, сколько къ французамъ, жаждавшимъ мира; они должны были убѣдить ихъ, что правительство только по неволѣ, по принужденію возобновить враждебныя дѣйствія, въ случаѣ отказа непріятели или унижительныхъ для Франціи требованій съ его стороны.

На дѣлѣ миръ въ данный моментъ былъ по прежнему невозможенъ. Наслѣдникъ революціонной традиціи. Бонапартъ, хотѣлъ обезпечить за Франціей линію Рейна, разрѣшить все еще открытый крупный вопросъ о естественныхъ границахъ, прибавивъ къ нимъ всѣ новѣйшія французскія завоеванія; кромѣ того онъ разсчитывалъ вновь завоевать Италію, первую арену своей военной славы, безъ которой отъ его первыхъ подвиговъ останется только тѣнь — и воспоминаніе, которое скоро изгладится. Съ своей стороны Австрія, дошедшая до Вара, уже коснувшаяся республиканской территоріи, конечно не согласилась бы безъ боя отступить вглубь Италіи, назадъ къ Кампо-Форміо. Лондонскій кабинетъ допускалъ миръ лишь съ Франціей, вернувшейся къ прежнимъ границамъ, и то лишь при

обязательномъ условіи возстановленія тамъ королевской власти.

Значить, нужны еще битвы, и коалиція, зная, какъ истощена Франція, но не оцѣнивая по достоинству непобѣдимой силы нашихъ армій, считаетъ возможнымъ одержать верхъ даже и надъ Бонапартомъ¹⁾; она тѣмъ болѣе вѣрится въ успѣхъ, что чувствуетъ себя въ силахъ завладѣть Провансомъ, что имѣетъ точку опоры въ самой Франціи, благодаря волненіямъ и проискамъ внутреннихъ враговъ, благодаря роялистскому агенству въ Парижѣ, содержащемуся на англійскія деньги, благодаря шуанамъ на югѣ, въ Лангедокѣ, на Западѣ. Коалиція надѣется окружить консула кольцомъ мятежей, взбунтовать противъ него провинціи и натравить одну половину Франціи на другую. Будущей весной, если война въ Альпахъ и на Рейнѣ останется въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи, если Бонапарту не удастся сразу рѣшительной побѣдой очистить отъ враговъ наши границы, на него съ помощью иноземцевъ можетъ возстать контръ-революція и напасть на него съ тыла.

Какого бы успѣха онъ ни достигъ вначалѣ, внутренній порядокъ, замиреніе мятежныхъ и полумятежныхъ провинцій, включеніе ихъ въ составъ единого національнаго цѣлаго останется непрочнымъ, пока коалиціи не будетъ нанесенъ прямой ударъ, который заставитъ роялистовъ отложить свои надежды на неопредѣленное время.

Да и вообще, дать устойчивость общественному мнѣнію и упрочить положеніе правительства можетъ только миръ, или, по крайней мѣрѣ побѣда, сулящая миръ въ ближайшемъ будущемъ. Пока нація лишена этого блага, какъ бы символизирующаго и освящающаго собой всѣ другія, ничего прочнаго, въ сущности, не достигнуто. Франція уже не цѣпляется больше за республиканскія учрежденія, не дорожитъ ни духомъ ихъ, ни даже формой, хотя и старается сохранить ихъ по имени; конституцію будутъ судить по ея результатамъ: «если она даетъ намъ миръ, еѣ найдутъ превосходной²⁾. Такимъ образомъ внѣшній вопросъ продол-

¹⁾ *Lebon*, 276—277. *Daudet*, „les émigrés et la seconde coalition“, XIV—XVIII.

²⁾ Письмо Ле Коза *Roussel*, 328.

жаеть подчинять себѣ внутренній; окончательное право управлять французами Бонапарту предстояло завоевать черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на полѣ битвы.

А пока онъ продолжалъ свое разумное и великое дѣло, въ которое вкладывалъ всего себя: пересоздавалъ всѣ области управленія, усмирять факціи, укрощалъ злобу и ненависть, съ высоты власти внушалъ умѣренность, изъ всѣхъ партій выбиралъ и выдвигалъ способныхъ людей, становился вождемъ и центромъ объединенія націи, сближалъ подъ своею властью двѣ враждующія половины французскаго народа, кладя конецъ великому расколу во Франціи. Въ его способѣ борьбы съ препятствіями была необычайная смѣсь силы и ловкости, но ни одно изъ нихъ ни разу не заставило его свернуть съ начертаннаго имъ себѣ прямолинейнаго пути. Онъ идетъ къ цѣли доблестно и осторожно, разсчитывая каждый шагъ. Вѣря въ удачу, въ свою счастливую звѣзду, онъ одинъ только не обманывается насчетъ огромныхъ трудностей своей задачи. Онъ еще не знаетъ, въ какой формѣ ему позволено будетъ окончательно слить свою судьбу съ судьбами Франціи, которую онъ хочетъ сначала успокоить и переустроить. Что сдѣлаютъ изъ него обстоятельства? Будетъ ли онъ Вашингтономъ? Онъ позволяетъ это думать другимъ, быть можетъ, самъ думаетъ также. Любители историческихъ сближеній продолжаютъ твердить: Кромвелль. Вокругъ него слышится порою шепотъ: Монкъ; его инстинктъ отвѣчаетъ: Цезарь. Подниматься выше, выше — таковъ законъ и роковое свойство его натуры. Но для того, чтобы дойти до вершины, гдѣ его честолюбіе станетъ вполне сознательнымъ и откуда ему откроются безграничные горизонты, ему понадобилось шесть мѣсяцевъ; онъ лишь постепенно достигъ полной власти, основанной на полномъ подчиненіи себѣ общественаго мнѣнія; понадобилось Маренго, чтобы довершить дѣло Брюмера.

Приложеніе.

I.

Документы, касающіеся отставки Бернадота.

Протоколы Директоріи. Засѣданіе 28 фрюктидора VII г.

Засѣданіе началось чтеніемъ корреспонденціи.

Директорія совѣщается объ увольненіи гражданина Бернадота, военнаго министра, неоднократно предлагавшаго ей подать въ отставку. Она принимаетъ его предложеніе и на мѣсто гражданина Бернадота назначаетъ гражданина Дюбуа-Крансэ, дивизионнаго генерала. Новому министру посылается телеграмма съ извѣщеніемъ о его назначеніи и предложеніемъ немедленно занять свой постъ. Постановлено, что временно министерствомъ будетъ завѣдывать бывшій министръ, гражданинъ Миле-Мюро. Постановленія Директоріи сообщены гражданамъ Бернадоту и Миле-Мюро; послѣднему приказано немедленно принять дѣла. (Національный Архивъ, АФ. III, 16).

Протоколъ подписанъ пятью директорами, вопреки утвержденію, будто это рѣшеніе было принято безъ вѣдома и безъ всякаго участія Гойе. (*Mémoires de Gohier*, I, 138—139, 142—144).

Письмо къ Бернадоту, отъ 28 фрюктидора ¹⁾.

Исполнительная Директорія, согласно неоднократно выраженному Вами желанію вернуться въ дѣйствующую армію, назначила Вамъ замѣстителя въ военномъ мини-

¹⁾ Черновая, писанная рукой Сійэса, изобилуетъ поправками и помарками; видно, что редактировать это щекотливое письмо было не такъ легко.

стерствѣ. Она уполномочиваетъ генерала (*написано рукой Сійэса: «министра» и зачеркнуто—по всей вѣроятности, министра юстиціи Камбасереса*) начальника дивизіи Миле-Мюро временно принять портфель военнаго министра. Будьте столь любезны сдать ему дѣла. Директорія рада будетъ видѣть Васъ во время Вашего пребыванія въ Парижѣ для бесѣды обо всемъ, касающемся новаго назначенія, которое она Вамъ готовитъ.

(Подписи пяти директоровъ).

Письмо къ Дюбуа-Крансэ, 28 фрюктидора.

(Послано по телеграфу).

Исполнительная Директорія назначила Васъ, гражданинъ-генераль, военнымъ министромъ. Выѣзжайте немедленно и увѣдомьте о Вашемъ выѣздѣ телеграммой.

(За подписью четырехъ директоровъ;
подписи Сійэса нѣтъ.)

Письмо къ Миле-Мюро, отъ 28 фрюктидора.

Исполнительная Директорія, уступая неоднократно выраженному генераломъ Бернадотомъ желанію оставить военное министерство и снова принять командованіе одной изъ войсковыхъ частей, назначила новаго министра. Въ то же время Директорія избрала Васъ для временнаго завѣдыванія военнымъ министерствомъ. Въ виду этого, благоволиите явиться немедленно. Гражданинъ Бернадотъ предупрежденъ. (Національный Архивъ, АГ. III, 627).

(Подписано пятью директорами).

II.

Послужной списокъ Жюбе, командовавшаго 18 брюмера гвардіей Директоріи, и Бланшара, командовавшаго гвардіей совѣтовъ.

Архивъ военнаго министра.

Жюбе (Августинъ), родился въ Вальтти (деп. Сены-и-Уазы) 12 мая 1765 г., до Революціи служилъ въ канцеляріи морского управленія Шербургскаго порта. Въ 1793 г. сдѣлался начальникомъ легіона шербургской національной

гвардіи; какъ таковому, ему ввѣренъ надзоръ за охраной портовъ и батарей береговъ Ламанша. 31 августа 1796 г. назначенъ начальникомъ штаба 3-й армейской субдивизіи Океанійскихъ береговъ; 12 октября произведенъ въ генераль-адъютанты и назначенъ помощникомъ начальника гвардіи Директоріи, а затѣмъ исполняетъ обязанности начальника. Послѣ 18 брюмера назначенъ на короткій срокъ начальникомъ штаба гвардіи консуловъ, но на этомъ и останавливается его псевдо-военная карьера. Его послѣдовательно дѣлають трибуномъ, префектомъ, генераль-инспекторомъ государственнаго коннозаводства, историографомъ общевоеннаго архива (dépôt). До 18 брюмера ему сильно протезируетъ Баррасъ, при Реставраціи не менѣе протезируетъ герцогъ Беррійскій, произведшій его въ генераль-майоры. Въ это время онъ уже именуется барономъ де-ла-Перелль. Онъ умеръ въ 1824 г. Братъ его былъ женатъ на сестрѣ Лассепэда.

Бланшаръ (Антуанъ-Жозефъ), родился въ Сентъ-Обэнѣ (сѣверъ) 3 февраля 1751 г., началъ службу гвардейцемъ въ ротѣ Коннетабля. Во время Революціи, въ чинѣ пѣхотнаго капитана, онъ продѣлалъ всю кампанію до 1795 г. въ рейнской арміи, а 27 фрюктидора III года перевелся въ гренадеры національнаго представительства; къ 18 фрюктидора онъ уже командовалъ батальономъ и былъ помощникомъ начальника гренадеровъ. Послѣ этого тревожнаго дня, когда онъ сильно способствовалъ измѣнѣ гвардіи, онъ былъ назначенъ начальникомъ гвардіи совѣтовъ, на мѣсто Рамеля, арестованнаго и сосланнаго. Послѣ 18 брюмера онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника консульской гвардіи, потомъ жандармскимъ полковникомъ и, въ качествѣ таковаго, попалъ на замѣчаніе «за упорное протезированіе офицеровъ, противъ которыхъ имѣлись серьезныя обвиненія въ правонарушеніяхъ при рекрутскомъ наборѣ». Уволенный отъ должности 21 февраля 1814 г., онъ просилъ, чтобы его уволили въ отставку съ чиномъ бригаднаго генерала, на основаніи «своихъ прежнихъ заслугъ, старшинства въ чинѣ полковника и своей преданности особѣ Его Величества, доказанной имъ 18 брюмера, когда онъ командовалъ гренадерами, прикомандированными для охраны національныхъ пред-

ставителей». Просьба его не была уважена, въ виду тяготѣвшихъ надъ нимъ обвиненій. Онъ умеръ въ 1824 г.

Понсаръ, командовавшій 18 и 19 брюмера батальономъ гренадеровъ совѣта пятисотъ, ранѣе былъ капраломъ французской гвардіи и фурьеромъ въ управленіи профоса городской думы (à la Prévôté de l'Hôtel). Изъ кампаній онъ участвовалъ только въ западной, игралъ дѣятельную роль въ переворотѣ, былъ назначенъ бригаднымъ командиромъ, затѣмъ командиромъ 1-го жандармскаго легіона, пожалованъ титуломъ барона и въ 1813 году вышелъ въ отставку бригаднымъ генераломъ.

III.

Брюмеръ.

Ссылки и критика источниковъ.

О брюмерскихъ дняхъ существуетъ несчетное множество рассказовъ, включенныхъ въ *Мемуары* различныхъ лицъ, или же вышедшихъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ. Приводимъ ниже, съ указаніемъ строкъ и страницъ по нашей номенклатурѣ, указанія текстовъ, которые мы комбинировали и сравнивали, чтобы возстановить ходъ событій.

Изъ сочиненій, могущихъ бросить свѣтъ на факты, оставшіеся темными, или сомнительными, мы пользовались главнымъ образомъ:

1) Неизданными «Разъясненіями» *Колбасерэса* (Eclaircissements inédits de *Cambacerès*)—холодный, спокойный и серьезный рассказъ о событіяхъ.

2) «Записками» *Грувелля* (*Notes manuscrites de Grouvelle*). Эти краткія, часто совсѣмъ неотдѣланныя по формѣ замѣтки, повидимому, писанныя со словъ Сійеса, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ переживаемыхъ событій, во многомъ исправляютъ и дополняютъ установленную версію.

3) «Запиской» *Журдана* о 18 брюмера (*Jourdan*, «Notice sur le 18 Brumaire»), тѣмъ болѣе цѣнной, что въ ней есть характерныя признанія.

4) Подслушанными разговорами, записанными *Ле Кутэ де Кантеле* и включенными въ отрывокъ изъ его *Мемуаровъ*.

помѣщенный *Lescure*'омъ въ «*Journées révolutionnaires*» II, 205—229.

5) «Письмами» 2-жи *Ренаръ*, «*Lettres de M-me Reinhard*» (письма за брюмеръ, фримеръ и нивозъ VIII года), вышедшими въ свѣтъ уже послѣ того, какъ нашъ рассказъ появился почти цѣликомъ въ *Revue des Deux Mondes* (апрѣль—май 1900 г. 15 марта 1901 г.) и въ *Correspondant* (10 и 25 ноября—10 декабря 1900 г.). Эти письма, какъ мы съ удовольствіемъ убѣдились, подтверждаютъ нашу оцѣнку событій.

Съ другой стороны, вѣскимъ свидѣтельствомъ остается двойной рассказъ Редерера (*Journal de Paris* 19 брюмера, приведенный и въ полномъ собраніи сочиненій, *Oeuvres*, III, прим. къ стр. 296—301 и въ «Запискѣ о моей жизни для моихъ дѣтей» («*Notice de ma vie pour mes enfants*», *Oeuvres*, III, 296—302). Мало извѣстный рассказъ Себастиани у *Vatout*, 234—242 даетъ ясное представленіе о первыхъ движеніяхъ войскъ. «Воспоминанія шестидесятилѣтняго старика» *Арно* (*Arnault* «*Souvenirs d'un sexagénaire*»), впоследствии постояннаго секретаря французской Академіи, болѣе литературнаго, чѣмъ историческаго характера, цѣнны только нѣкоторыми живописными черточками и подробностями общественной жизни. Къ тогдашнимъ газетамъ, хотя и очень интереснымъ, слѣдуетъ, однако, относиться съ осторожностью: зато онѣ чудесно рисуютъ фізіономію тогдашняго Парижа и состояніе умовъ. Полнотѣ внѣшней картины много способствуютъ подробности, приводимыя въ «Историческихъ Мемуарахъ о 18 брюмера», вышедшихъ въ свѣтъ нѣсколько недѣль спустя послѣ событія и писанныхъ со словъ очевидцевъ.

Наоборотъ, фактическій матерьялъ въ рассказахъ главныхъ участниковъ событій, т.-е. Бонапарта, Барраса, Гойе и др. остается подъ сомнѣніемъ; ихъ писанія естественно носятъ характеръ апологіи или самозащиты заднимъ числомъ. Къ нимъ также надо относиться съ осторожностью и, если возможно, читать между строкъ, въ особенности, записки Люсьена, которому слишкомъ много вѣрили на слово. Люсьенъ написалъ свою «Брюмерскую Революцію» («*Révolution de Brumaire*») прежде всего, чтобъ возвеличить собственную роль въ прошломъ, а за-

тѣмъ, въ защиту политической тезы, которую онъ проводилъ въ началѣ июльской монархіи.

Реляціи второстепенныхъ участниковъ или свидѣтелей событій также составлялись много времени спустя; онѣ изобилуютъ сомнительными, нерѣдко противорѣчивыми подробностями, и носятъ отпечатокъ страстей той эпохи, когда онѣ были написаны, по крайней мѣрѣ на столько-же, насколько эпохи, о которой въ нихъ идетъ рѣчь. Вообще мы приняли за правило считать доказанными лишь факты, установленные многими совпадающими свидѣтельствами, составленными независимо однѣ отъ другихъ. Свидѣтельства современниковъ, печатныя или неизданныя статьи, брошюры, частныя письма, полицейскіе отчеты заслуживаютъ болѣе вѣры, но и ихъ мы принуждены подвергать такой-же провѣркѣ.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

Стр. 316. — Стр. 5 и слѣд. *Cornet*, „Notice sur le 18 brumaire“.

Стр. 15 и 16. Фактъ этотъ былъ констатированъ въ засѣданіи старѣйшинъ въ Сень-Клу. *Moniteur*, 21.

Стр. 18—20. Газеты за 19-е, въ особенности *Publiciste*.

Стр. 21 и слѣд. Себастиани, у *Vatout*, 238—240. *Fouché*, *Mémoires*, I, 119, подтверждаютъ, что военный министръ былъ предупрежденъ и хотѣлъ оказать противодѣйствіе. *Tissot*, „Histoire de Napoléon, I, 208. Въ документахъ военного архива находимъ доказательства тому, что 9-й драгунскій полкъ дѣйствительно былъ запертъ въ казармахъ.

Стр. 33 и слѣд. О дѣйствіяхъ 8-го полка см. адресъ, присланный Бонапарту этимъ полкомъ послѣ брюмерскихъ событій. Парижскія газеты, въ особенности, *Propagateur*, за 24-е.

Стр. 317. Стр. 1. *Roederer*, III, 301.

Стр. 2 и слѣд. Тамъ же.

Стр. 27 и слѣд. *Moniteur* за 20-е и другія газеты.

Стр. 318. Стр. 7 и слѣд. *Bulletin des lois*.

Стр. 319. Стр. 16 и слѣд. Легенда о *мышеловкѣ* долго сохранялась въ этомъ кварталѣ. Она подтверждается тѣмъ фактомъ, что Себастиани поручено было поставить стражу у дверей и никого не выпускать. (*Vatout*, 240), а также и угрозой секвестра имущества Бернадотта (*Barras*, IV, 71; *Touchard-Lafosse*, 233—237 и *Sarrazin*, 131—133). Относительно расположенія дома и сада см. *Lenôtre*. „*Vieilles maisons, vieux papiers*“, 188—189; относительно длины аллеи — *Sarrazin*, 126.

Стр. 319. Стр. 32. Гоіе приводитъ дословно записку, полученную имъ отъ жены, I, 324—325.

Стр. 320. Стр. 14 и слѣд. О Лефеврѣ см. рассказъ Себастиани у *Vatout*. 241—242. „*Commentaires*“, IV, 20—21.

Стр. 32. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, Бернадоттъ, при видѣ множества офицеровъ, отказался войти въ домъ, но Баррасъ

подробно рассказываетъ, какъ онъ вошелъ, и приводитъ свой разговоръ съ Бернадоттомъ, и Тушаръ-Лафоссъ также. *Barras*, IV, 70—72; *Touchard-Lafosse*, 233—237. На самомъ дѣлѣ оба заимствовали этотъ рассказъ у Русселена де Сентъ-Альбэнъ, друга Бернадотта; съ другой стороны, Сарразень, первый, кому Бернадоттъ рассказалъ свои впечатлѣнія, подтверждаетъ фактъ встрѣчи.— *Sarrazin*, „Mémoires“, 131—133.

Стр. 321. Стр. 14. О Себастиани у *Valout*, 240. „Commentaires“, IV, 21. Газеты за 21—23 брюмера.

Стр. 30—32. О погодѣ 18-го утромъ см. *Cornet*, 18 и *Fouché*, „Mémoires“, I, 132.

Стр. 22. Стр. 1 и слѣд. Въ текстѣ декрета, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ вотированъ, не упоминается о гвардіи директоріи. Въ приказѣ Бонапарта войскамъ, расклеенномъ въ Парижѣ, (экземпляръ этого приказа лежитъ у насъ передъ глазами) упоминается. Это вполне согласуется съ тѣмъ фактомъ, что гвардія была какъ бы изъята изъ подъ власти директоровъ, даже тѣхъ, которые были заодно съ Бонапартомъ.

Стр. 322. Стр. 18 и слѣд. „Commentaires“, IV, 20. Въ музеѣ Карнавалъ есть экземпляръ эстампа той эпохи, изображающаго эту сцену.

Стр. 24. „Commentaires“, IV, 21.

Стр. 28 и слѣд. „Memoires du duc de Raguse“, II, 93.

Стр. 323. Стр. 4 и слѣд. Письмо Уврара помѣщено въ *Nouvelle Revue rétrospective*, 2-я серія, 1900, первое полугодіе. *Ouvard* въ своихъ „Mémoires“ (I, 49), сообщаетъ, что онъ жилъ въ улицѣ Провансъ и въ улицѣ Монбланъ. Въ *Торговомъ Календарѣ (Almanach de commerce)* за IX годъ онъ показанъ живущимъ въ улицѣ Провансъ.

Стр. 16 и слѣд. Рассказъ Себастиани у *Valout*, 242—244. *Marmont* въ своихъ „Mémoires“ говоритъ, что площадь была занята 9-мъ полкомъ, II, 94.

Стр. 24 и слѣд. Письмо безъ подписи, помѣченное 18-мъ 12 ч. дня. въ коллекціи автографовъ дома Шаравай.

Стр. 324. Стр. 10—12. „Mémorial de Norvins“, II, 217.

Стр. 24. *Ibid.* *Musnier-Descloux (Réel)* сообщаетъ, что Бонапартъ былъ принятъ, „какъ пзбавитель“, I, 346.

Стр. 25 и слѣд. „Mémorial de Norvins“, II, 217. *Roederer*, III, 297.

Стр. 30—33. „Mémoires de Barras“, IV, 76.

Стр. 33 и слѣд. „Lettres de madame Reinhard“, 107—108.

Стр. 325. Стр. 3—18. О планѣ Сіѣса явиться вооруженнымъ и въ сопровожденіи гвардіи въ Тюльери *Грувелль* въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ: „Онъ все устроилъ и подготовилъ, но другіе, съ виду какъ будто одобряя его дѣйствія, съ своей стороны, принимали инныя мѣры. Сіѣсъ рассчитывалъ вступить въ Тюльери выстѣ

съ преданными ему директорами во главѣ гвардіи, а гвардіи не оказалось“. Бонапартъ сознается, что онъ предупредить гвардію, чтобы она слушалась только его приказа. (*Commentaires*“, IV, 23). Говорятъ, однако, что Жюбэ своимъ цинизмомъ произвелъ на него неблагоприятное впечатлѣніе.—*Brinkmann*, 394.

Стр. 20. *Savary*, „*Mon examen de conscience sur le 18 brumaire*“, 22.

Стр. 33—36. Газеты за 19-е.

Стр. 36—37. *Gohier*, „*Mémoires*“, I, 239.

Стр. 326. Стр. 6 и слѣд. См. подлинный текстъ инспекторскихъ записокъ у *Barras*, IV, 77 и у *Gohier*, I, 237—238.

Стр. 23 и слѣд. *Gohier*, 236—237 и *Fouché*, „*Mémoires*“, I, 128—129.

Стр. 327. Стр. 1. Многія газеты увѣряютъ, будто Муленъ хотѣлъ послать батальонъ оцѣпить домъ Бонапарта; съ другой стороны. Баррасъ рассказываетъ (IV, 92), что Муленъ говорилъ ему объ одномъ батальонномъ командирѣ, вызывавшемся стать со своими людьми на пути Бонапарта, когда онъ будетъ возвращаться изъ Тюльери, и напасть на него. Здѣсь свидѣтельства различныхъ лицъ согласуются между собою. Баррасъ увѣряетъ, будто онъ великодушно предупредилъ Бонапарта о готовящемся покушеніи на его жизнь.

Стр. 11. *Cambacérès*, *Eclaircissements inédits*.

Стр. 30. Себастьяни, у *Vatout*, 244.

Стр. 328. Стр. 1—3. *Roederer*, III, 297.

Стр. 16 и слѣд. *Ibid.*

Стр. 29 и слѣд. Отчетъ въ *Moniteur*’ѣ, отъ 19 брюмера.

Стр. 36—38. О салонѣ Свободы см. *Constant* „*Lettres*“. 75.

Стр. 329. Стр. 31 и слѣд. Приводимъ слова Ботто по *Moniteur*’у. Смысль ихъ одинаковъ во всѣхъ рассказахъ. Подробности описываемой сцены въ различныхъ газетахъ приведены различныя. Нѣсколько дней спустя въ газеты было послано болѣе точное изложеніе фактовъ, озаглавленное: „*Разоблаченнос поведеніе эксъ-директора Барраса*“. Этимъ изложеніемъ мы и руководились. Довольно прочесть его, чтобы убѣдиться, что оно исходитъ отъ самого Ботто или, по крайней мѣрѣ, отъ кого-нибудь изъ близкихъ къ Баррасу людей. На другой день послѣ рѣшительныхъ событій Баррасъ еще хвасталъ, что онъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ Бонапартомъ и одобряетъ все предпріятіе. такимъ образомъ заблаговременно опровергая то, что онъ утверждалъ впоследствии въ своихъ „*Мемуарахъ*“.

Стр. 330. Стр. 34—37. Адресъ былъ напечатанъ въ „*Ennemi des oppresseurs*“ (*Врагъ угнетателей*), бывшей *Газетъ свободныхъ людей* („*Journal des Hommes libres*“). X, отъ 14 брюмера.

- Стр. 17** и слѣд. Донесенія роялистскихъ агентовъ принцу Кондэ, отъ 6 июня 1800 г., Архивъ Шантильи. О неумѣнь Бонапарта говорить см. *Roederer*, III, 302.
- Стр. 332. Стр. 4.** *Séguir*, „Mémoires d'un aide de camp de Napoléon“, изд. 1894 г. стр. 2. Немного времени спустя Сегюръ дѣйствительно поступилъ въ *гусары Бонапарта*.
- Стр. 19—20.** Одна изъ этихъ прокламацій у насъ передъ глазами. Слѣдующій текстъ взятъ у *Roederer*'а, III, 298—299; онъ перепечатанъ всѣми газетами.
- Стр. 333. Стр. 27.** Подлинный текстъ въ „*Mémoires historiques sur le 18 brumaire*“, 16—17.
- Стр. 334. Стр. 15—16.** Этотъ діалогъ цѣликомъ приводитъ *Roederer*, III, 299—302.
- Стр. 335. Стр. 32** и слѣд. Отчетъ въ *Moniteur* за 9-е брюмера.
- Стр. 336. Стр. 12.** Въ газетахъ сказано: „Сильный эскадронъ кавалеріи стоялъ передъ совѣтомъ пятисотъ“. Съ другой стороны, Себастьяни рассказываетъ, что Бонапартъ просилъ его занять своими драгунами мостъ Согласія. *Vatout*, 237—238.
- Стр. 337. Стр. 4.** О томъ, что у Гоіе была задняя мысль, мы имѣемъ два свидѣтельства: *Le Cousteulx*, у *Lescure*, II, 223 и г-жи Ренаръ („*Lettres*“, 94). Они согласуются и съ признаніями г-жи Гоіе, которыя мужъ ея наивно повторяетъ въ своихъ „*Мемуарахъ*“, I, 235—236. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что Гоіе отправился въ Тюльери, какъ только ему вручили, вмѣстѣ съ текстомъ декрета, копію отставки Барраса („*Mémoires de Gohier*“, I, 255). Онъ думалъ, что устранять только Барраса и на этомъ останутся.
- Стр. 15—19.** О томъ, что всѣ оставили Барраса, см. его собственные признанія „*Mémoires*“, IV, 76—82.
- Стр. 40.** Имя Дебелля находимъ впоследствии въ спискѣ офицеровъ, принявшихъ активное участіе въ движеніи.
- Стр. 338. Стр. 3.** *Barras*, IV, 81. О визитѣ г-жи Тальенъ см. „*Mémoires de Fouché*“, I, 127.
- Стр. 5.** *Barras*, IV, 79.
- Стр. 23.** Приводимъ текстъ по *Roederer*'у, автору письма, III, 80.
- Стр. 339. Стр. 6.** См. *Duruy*, предисловіе къ т. IV „*Мемуаровъ Барраса*“ и *Albert Sorel*, „*la Révolution de Brumaire*“, *Revue des Deux Mondes* 1 janvier 1898.
- Стр. 339. Стр. 10.** *Barras*, „*Mémoires*“, IV, 263. выноска.
- Стр. 39.** *Ibid.* IV, 80.
- Стр. 340. Стр. 26.** Газеты за 19-е.
- Стр. 341. Стр. 6.** См. письмо Камбасерэса къ Ланде, у *Montier*, 373, съ приложеніемъ *facsimile*. „*Lettres de madame Reinhard*“, 94. Камба-

серась въ своемъ письмѣ, перечисляя присутствовавшихъ министровъ, не называетъ имени Дюбуа-Кранса. *Frédéric Masson*, „Napoléon et sa famille“, I, 283.

Стр. 22. „Commentaires“, IV, 25. Относительно приказа и отмены приказа сходятся всѣ газеты.

Стр. 33. Относительно опубликованія и приложенія печати, мы слѣдовали неизданному разсказу Камбасераса и цитаты заимствовали у него. Существовалъ прецедентъ, въ силу котораго Сийясъ могъ взять на себя обязанности президента. 30 преріала, послѣ отставки тогдашняго президента Мерлена, его предшественникъ, Баррасъ, снова временно исполнялъ обязанности президента.—„Протоколы Директоріи“ Национальный Архивъ. А. Ф. III, 15.

Стр. 342. Стр. 38—40. Разсказъ Камбасераса. Актъ промульгаціи, подписанный Гойе и скрѣпленный печатью. фигурируетъ и въ *Bulletin des lois*.

Стр. 343. Стр. 27. *Cornet*, 17.

Стр. 30. *Le Couteulx*, письмо къ женѣ отъ 19. *Lescure*, II, 223.

Стр. 35. *Талъ-же*.

Стр. 344. Стр. 9—16. *Cornet*, 17; *Fouché*, I, 133.

Стр. 23. *Le Couteulx*, *loc. cit.* Разговоръ въ томъ видѣ, какъ его приводитъ *Gohier*, I, 256—260, несомнѣнно имѣ исправленъ и приспособленъ для того, чтобы выставить себя въ болѣе выгодномъ свѣтѣ.

Стр. 345. Стр. 4-я и сл. Фактъ бунта солдатъ противъ Моро приводится только въ „Commentaires“, IV, 22. съ неточнымъ указаніемъ нумера полубригады (вмѣсто 96-й—86-й).

Стр. 15. *Gohier*, I, 269. *Propagateur*, 20.

Стр. 32. *Ibid.* I, 269. „Mémoires de Thiébaul“.

Стр. 346. Стр. 9 и сл. Дневной приказъ. III. 67. расклеенный въ Парижѣ.

Стр. 29—31. *Le Publiciste* за 19-е.

Стр. 33. Передъ глазами у насъ летучій экземпляръ съ пометкой: *Национальная Типографія*.

Стр. 39—40. Подробности въ газетахъ.

Стр. 347. Стр. 8 и сл. Изданнымъ въпослѣдствіи закономъ были признаны дѣйствительные гражданскіе акты вообще и въ частности, браки, заключенные въ теченіе этихъ дней окружными комиссарами. *Запись совѣщаній временнаго консульетса*, *Aulard*, p. 42.

Стр. 29—31. *Publiciste* за 19-е.

Стр. 32—35. „Mémoires du duc de Gâcle“, I, 139.

Стр. 35—40. *Journal des Débats* и *Décrets*. См. рукопись Дельбеля, опубликованную въ *Révolution française*, XXV, 170 и слѣд.

Стр. 348. Стрк. 3. *Fievée*, „Correspondance et relations avec Bonaparte“, CLXVIII.

Стрк. 12. *Талъ-же*.

Стр. 348. Стрк. 14 и слѣд. „Considérations sur les principaux événements de la Révolution française“ IV-e partie, 230.

Стрк. 22. Архивъ Коппэ.

Стр. 349. Стрк. 5—7. *Commentaires*, IV, 25. *Roderer* III, 298 и всѣ газеты.

Стрк. 12—14. Корнэ говоритъ: „Я утверждаю, что все это дѣлалось какъ-то весело“. „Notice“, 18.

Стр. 350. Стрк. 12 и др. Выдержки о ссорѣ, происшедшей вечеромъ въ Тюльери, заимствуемъ изъ ненапечатаннаго разсказа Камбасерэса. *Cornet*: „Въ этомъ собраніи много говорили, но не сговорились и не пришли ни къ какимъ заключеніямъ“, „Notice“, 12.

Стр. 351. Стрк. 20 и др. *Commentaires*, IV, 25. „Фактъ подтверждается и записками *Грувелля*. См. Люсьенъ, у *Lescure*, II, 129.

Стр. 353. Стрк. 35—38. Эти типичныя слова, дѣйствительно, были имъ сказаны. Въ этомъ Бонапартъ самъ сознался въ бесѣдѣ съ военнымъ комиссаромъ, Жюльеномъ, который явился къ нему для форменнаго *интервью* нѣсколько времени спустя и потомъ опубликовалъ свой разговоръ съ Бонапартомъ въ брошюрѣ, озаглавленной: „Entretien politique sur la situation actuelle de la France et sur les plans du nouveau gouvernement“.

Стр. 354. Стрк. 12—15. „Notice de Jourdan“. *Barras*, IV, 86 и *Savary*“, 25.

Стр. 355. Стрк. 6. Планъ Бернадотта совершенно тождественно излагаетъ *Баррасъ*, IV, 87—88. *Touchard-Lafosse*. 244—248. *Sarrazin* высказывается въ томъ-же смыслѣ, 133—135.

Стр. 356. Стр. 7. *Cornet*, 12 и *Cambacérés*.

Стрк. 15—16. *Cambacérés*.

Стрк. 27 и др. О старѣйшинахъ Корнэ говоритъ, стр. 12: „Въ это мгновеніе три четверти тѣхъ, кто помогъ совершиться утреннему событію, рады были-бы отступить“. *Fauriel*. „Les derniers jours du Consulat“, p. 6 (отмѣтка на поляхъ).

Стр. 357. Стрк. 7—9. „Mémoires de Bourrienne“, III, 81.

Стрк. 10 и др. О занятіи Тюльери см. подробности въ „Mémoires historiques sur le 18 brumaire“, 21.

Стрк. 15—19. Полицейскія донесенія у *Aulard*. „Etudes et leçons sur la Révolution française“, 2-ème serie, 224.

Стрк. 20—22. *Gazette de France* отъ 19-го. Въ *Bien Informé*, номеръ отъ 2-го фримера приведены метеорологическія наблюденія за время отъ 18-го брюмера до 1-го фримера.

ВТОРОЙ ДЕНЬ.

Стр. 358. Стр. 1—2. Судя по вышеупомянутому метеорологическому бюллетеню, 19-го дождя не было.

Стр. 3. „Mémoires de Ségur“, изд. 1894 г., 2.

Стр. 359. Стр. 3. Военный Архивъ: расходы на содержаніе войскъ, входящихъ въ составъ 17-й военной дивизіи за время съ 15-го по 30-е брюмера (съ указаніемъ мѣстонахожденія частей).

Стр. 4 и слѣд. *Savary*, „Mon Examen de conscience sur le 18 brumaire“, 26. „Les Mémoires historiques“ (стр. 65) утверждаютъ, что взято было не болѣе 400—500 человѣкъ.

Стр. 37. Ле Кутэ, письмо къ женѣ, у *Lescure*, II, 229.

Стр. 39. О разговоръ съ Шазалемъ и отвѣтномъ *compte d'Etat* см. „Éclaircissements inédits de Cambacérès“. Первоначальный планъ временнаго Консульства былъ составленъ Шазалемъ; онъ же предложилъ этотъ планъ и заставилъ принять его въ ночномъ засѣданіи 19-го.

Стр. 360. Стр. 38—39. „Mémoires d'un sexagénaire“ часть, приведенная у *Lescure*, II, 260, „Mémoires de Fouché“, I 137.

Стр. 361. Стр. 6. „Mémoires d'un séxag.“, *Lescure*, II, 270. Попавъ въ немилость, Тюро сталъ редактировать *Gazette de France*, рѣзко полемизируя съ *Journal des Hommes libres*, сдѣлавшимся органомъ Фуше, причемъ оба, не стѣсняясь, давали исходъ накопившейся злобѣ.

Стр. 22. *Le Couteulx*, письмо, уже приведенное выше. 224—225.

Стр. 362. Стр. 1 и слѣд. *Ibid.* 226—227.

Стр. 19. Въ „Souvenirs d'un nonagénaire“, стр. 178. *François Yves Bernard* говоритъ: „Я позволилъ себѣ поклониться ему; онъ былъ такъ любезенъ, что отвѣтить, хотя, повидимому, былъ поглощенъ своими думами.“

Стр. 20—23. *Antoine Guillois* „Le Salon de madame Helvétius“, 2.

Стр. 31—32. *Bourrienne*, III, 82.

Стр. 39—40. По преданію, сохранившемуся въ семьѣ.

Стр. 363. Стр. 5 и слѣд. О поѣздѣ въ Сентъ-Клу см. *Fouché*, „Mémoires“, I, 137. *Thiébaul*, „Mémoires“, III, 67—68.

Стр. 21. „Mémoires historiques sur le 18 brumaire“, 66.

Стр. 22. *Roederer*, III, 301.

Стр. 364. Стр. 1—2. „Mémoires de *Thiébaul*“, III, 67.

Стр. 3—5. „Considérations sur les principaux événements de la Révolution française“, II, 233.

Стр. 9. Саблэ изобразилъ въ картинѣ заключительную сцену — присяги временныхъ консуловъ. Картина эта хранится въ Нантскомъ музеѣ.

Стр. 17 и слѣд. См. *Henry Lecomte*, „Napoléon et l'Empire racontés par le théâtre“, 45—50.

Стр. 21. *Thiébaul*, III, 68.

Стр. 29 и слѣд. *Roederer*, III, 301. „Souvenirs d'un sexagénaire“ у *Lescure*, II, 263.

Стр. 365. Стр. 8—12. „Mémoires anecdotiques du général marquis de *Bonneval*“, 245.

Стр. 13—15. *Roederer*, III, 301.

Стр. 365. Стр. 16. „Souvenirs d'un sexagénaire“, 264. *Roederer*, III, 301.

Стр. 26 и слѣд. *Goncourt*, „Histoire de la société française sous le Directoire“, 208.

Стр. 36 и слѣд. О судѣ чести см. *Publiciste* отъ 20-го и „Les Cahiers du capitaine *Coignet*“, 76.

Стр. 366. Стр. 3 и слѣд. *Buchez et Roux*, „Histoire parlementaire, XXXVIII. 220. „Mémoires historiques sur le 18 brumaire“, 65.

Стр. 11. „Mémoires historiques“, 74—75; *Buchez et Roux* 220. Послѣдніе авторы, несомнѣнно руководствовались *Мемуарами*, но прибавили отъ себя нѣсколько подробностей.

Стр. 22. Инцидентъ съ трубкой. Авторы „Mémoires historiques“ увѣряютъ, будто видѣли это своими глазами, стр. 75.

Стр. 27. *Ibid* и *Buchez et Roux*, *loc. cit.*

Стр. 31—32. *Savary*, Mon Examen de conscience sur le 18 brumaire. 824.

Стр. 34. „Mémoires historiques“, 65, 66. Военный Архивъ, исторія 79-го и 96-го армейскихъ полковъ.

Стр. 367. Стр. 19—20. *Cahiers du capitaine Coignet*.

Стр. 27. Возстановленіе картины мѣстности въ томъ видѣ, какой она имѣла въ моментъ событіи; распланированіе собраній и различныхъ частей войскъ казалось намъ необходимымъ для уясненія событіи. Для этого мы не только тщательно изучили мѣста, гдѣ происходили описываемыя нами событія, но и сравнили съ прежними изображеніями и планами дворца, со всѣми графическими документами, которые намъ удалось добыть.

Стр. 368. Стрк. 7 и слѣд. Объ убранствѣ заль см. современные эстампы

Стрк. 36. Это расположеніе точно обозначено на планѣ, приложенномъ къ книгѣ графа Флѣри. *Fleury*, „Histoire du palais de Saint-Cloud“, 230. *Bourrienne*, III, 152.

Стр. 369. Стрк. 6. Изъ эстамповъ, изображающихъ сцену въ Оранжереѣ, въ большинствѣ случаевъ не имѣющую ничего общаго съ дѣйствительностью, лучшій принадлежитъ перу Моннэ. грав. Гельманомъ, г. X; одинъ экземпляръ его хранится въ музеѣ Карнавалэ. Президентская эстрада и трибуны помѣщены на немъ передъ четвертымъ окномъ, что соотвѣтствуетъ и указанію въ „Notice sur le 18 brumaire“, приписываемомъ *Combes-Dounous*. Разстояніе между дверью и трибуной равнялось лишь одной трети всей длины заль, стр. 35.

Стрк. 24—25. „Notice“, стр. 24.

Стрк. 26. Относительно послѣдствій проволочки всѣ свидѣтельства сходятся.

Стрк. 35—36. „Mémoires historiques“, 67.

Стр. 370. Стрк. 25—26. Рѣчи и инцидентъ засѣданія до появленія Бонапарта мы передаемъ по отчету отъ 20 брюмера, *Moniteur*.

Стр. 372. Стрк. 24. Постановленія совѣта пятисотъ послѣ рапштадскаго покушенія.

Стрк. 27. *Lavalette*, I, стр. 350.

Стрк. 36—38. Отчетъ *Moniteur*'а отъ 21-го. По этому отчету мы и цитируемъ и анализируемъ рѣчи старѣйшинъ; въ немъ указано и время перерывовъ и возобновленій засѣданія.

Стр. 376. Стрк. 7. *Thiebault*, III, 68. *Lavalette*, I, 350. „Commentaires“ IV, 26.

Стрк. 31—34. *Thiebault*, III, 68.

Стрк. 35 и слѣд. *Ibid.*

Стр. 377. Стрк. 5—18. *Lavalette*, I, 350.

Стрк. 19—28 „Commentaires“, IV, 27. *Jourdan* въ своемъ „Notice“ говоритъ, что онъ и его друзья прибыли около четырехъ часовъ.

Стр. 378. Стрк. 4. „Намъ противно было, говорить *Jourdan* въ „Notice“, защищать правительство, которое привело государство на край бездны и учрежденія, неудовлетворительность которыхъ всѣ мы сознавали“. И онъ выражаетъ сожалѣніе, что онъ и его друзья не могли направить движеніе къ желанному для нихъ исходу. См. „Mémoires de *Joseph*“, I, 76.

Стрк. 13. *Ibid.*, I, 79.

Стр. 379. Стрк. 23—35. О безсвязной и прерывистой рѣчи Бонапарта Буррьенъ приводитъ много подробностей, подтверждаемыхъ всѣми свидѣтелями. Текстъ этой рѣчи въ „Перепискѣ“ (VI, 433) при-

веденный по *Journal Militaire*, и въ *Moniteur*’ѣ, несомнѣнно, были исправлены впослѣдствіи. Мы беремъ изъ нея лишь особенно выдающіяся фразы, по всей вѣроятности, не имѣвшія связи съ прочими.

Стр. 381. Стр. 36—38. *Sybel*, „Histoire de l’Europe pendant la Révolution française“, переводъ *Dosquet*, VI, 276.

Стр. 382. Стр. 16—25 *Bourrienne*, III, 91. „Mémoires d’un sexagénaire“ у *Lescure*, II, 264.

Стр. 26 и слѣд. *Jourdan* въ „Notice“ говоритъ: „Бонапартъ неоднократно увѣрялъ меня, что, входя въ совѣтъ пятисотъ, онъ имѣлъ намѣреніе передать совѣту нашъ разговоръ (15-го брюмера), чтобы доказать ему, что среди представителей, пользовавшихся репутацией превосходныхъ патриотовъ, есть люди, убѣжденные въ необходимости измѣненія конституціи“.

Стр. 384. Стр. 7—9. „Commentaires“, IV, 30.

Стр. 17—18. *Ibid.*, 27.

Стр. 385. Стр. 1 и сл. *Bourrienne*, IV, 153. *Lavalette*, I, 350.

Стр. 12 и сл. „Notice sur le 18 brumaire“ (*Combes-Dounous*), 24.

Стр. 24—25. *Матерьяльное соприкосновеніе съ толпой всегда внушало ему отвращеніе.* 20-го марта 1815 года, когда обезумѣвшая, разъяренная толпа офицеровъ на половинномъ жалованьи чуть не на рукахъ понесла его въ аппартаменты Тюльерійскаго дворца „онъ позволялъ нести себя, вытянувъ руки впередъ, съ закрытыми глазами, съ вастывшей на губахъ улыбкой, какъ бы въ состоянн сомнамбулизма“. *H. Houssaye*, „1815“, I, 363.

Стр. 30—32. Диктуя свои записки на островѣ Св. Елены Бонапартъ сначала сказалъ, что депутатъ, особенно напирившій на него, былъ не Арена; потомъ вычеркнулъ эту фразу. Мы своими глазами видѣли исправленный текстъ.

Стр. 33 и слѣд. Въ „Notice sur le 18 brumaire“ (*Combes-Dounous*) имѣется подробное и характерное описаніе этой сцены, 35—37. Сравни. рассказъ Дельбреля. Журдана, Бигоннэ, описаніе той-же сцены въ „Mémoires historiques“, 73, и въ брошюрѣ, озаглавленной „Bonaparte à Saint-Cloud“, 35.

Стр. 386. Стр. 3. „Bonaparte à Saint-Cloud“, 35.

Стр. 9—12. *Gazette de France*. 22 брюмера. „Mémoires historiques“, 73.

Стр. 13—14. *Ibid.* 22 брюмера.

Стр. 23—27. О выходѣ Бонапарта см. *Savary*, мимо котораго онъ прошелъ: „Mon exam. de conse. sur le 18 brumaire“, 32.

Стр. 387. Стр. 1 О рѣчи Люсьена послѣ изгнанія, о послѣдующихъ рѣчахъ, перерывахъ и предложеніяхъ см. *Moniteur*, отъ 20-го.

Стр. 387—388. „Notice sur le 18 brumaire“, 38.

- Стр. 389. Стр. 16—19.** *Thiébault*, III, 70, *Roederer*, III, 302 и *Grouvelle* въ своихъ „Notes manuscrites“ подтверждаютъ версію Сійеса, но не Бонапарта.
- Стр. 390. Стр. 3 и слѣд.** *Grouvelle*, „Notes“: „Говорятъ, что гвардія законодательнаго корпуса колебалась и не хотѣла покинуть его, ради неизвѣстнаго ей генерала“.
- Стр. 26—27. *Moniteur*, отъ 21-го.
- Стр. 33—36. *Roederer*, III, 302. *Grouvelle*, „Notes“.
- Стр. 391. Стр. 9—11.** „Mémoires historiques“, 70.
- Стр. 11—14. *Roederer*, III, 301. *Buchez et Roux* увѣряютъ, будто генераль сначала упала съ лошади, 217.
- Стр. 15—18. *Grouvelle*.
- Стр. 20 и сл. „Mémoires historiques“, 70.
- Стр. 36. *Aulard* окончательно доказалъ лживость легенды о кинжалахъ. „Révolution française“ XXVII, 113—127. Въ книгѣ озаглавленной „L'Empereur Napoléon et le duc de Ravigo“ и подписанной только инициалами, *A. Année* рассказываетъ, что одинъ изъ депутатовъ, Анжубо, былъ вооруженъ пистолетами; въ моментъ изгнанія Бонапарта изъ залы, Анжубо уронилъ на полъ свои пистолеты, „которые превратились въ цѣлый арсеналь“.
- Стр. 392. Стр. 6.** „Mémoires historiques“, 70. „Его лицо и рѣчь ясно говорили о волненіяхъ, испытанныхъ имъ во время только что пережитой ужасной сцены“. Ср. рассказъ Журдана.
- Стр. 8—14. „Récit de *Sapey*, conservé par tradition de famille“— Это объясняетъ, почему газеты сообщили, что Бонапартъ раненъ въ лицо.
- Стр. 24—27. „Mémoires historiques“, 71.
- Стр. 28—30. „Mémoires du duc de *Raguse*“, II, 99.
- Стр. 34. „Mémoires historiques“, 70—71. *Buchez et Roux*, 219.
- Стр. 393 Стр. 9—12.** Отчетъ въ *Moniteur*ѣ, отъ 20-го брюмера.
- Стр. 13—15. *Buchez et Roux*, 214. „Mémoires historiques“, 214 удостоверяютъ фактъ со словъ очевидца.
- Стр. 16 и слѣд. *Lavalette*, I, 352.
- Стр. 34. *Ibid.*
- Стр. 393 (стр. 40) 394, стр. 1 и сл.** „Mémoires historiques“, 73.
- Стр. 394. Стр. 7 и слѣд.** *Moniteur*, 21-го.
- Стр. 22. *Moniteur*, 20-го.
- Стр. 37—40 и слѣд. „Notice sur le 18 brumaire“, 33.
- Стр. 395. Стр. 21—27.** *Lescure*, II, 148. Весьма вѣроятно, что Люсьенъ далъ знать на дворѣ о надвигающейся неминуемой бѣдѣ. Но, хоть онъ и увѣряетъ, будто онъ самъ потребовать вооруженной помощи, это неправда. Обстоятельства, при которыхъ состоялось его похищеніе, доказываютъ, что оно было для всѣхъ неожиданностью и совершилось почти помимо воли Люсьена.

Стр. 395. Стр. 37 и слѣд. „Notice sur le 18 brumaire“, 38, несомнѣнно, разсказъ очевидца. И въ описаніяхъ газетъ уходяъ Люсьена носитъ скорѣе характеръ похищенія, чѣмъ ожиданнаго избавленія. „Входятъ 20 гренадеровъ, идутъ прямо къ столу, хватаютъ Люсьена Бонапарта и уводятъ его съ собою“. *Propagateur*, 20-го. По словамъ *Buchez et Roux*, Люсьенъ сначала думалъ, что гвардія явилась арестовать его по приказанію депутатовъ; онъ даже будто бы крикнулъ: „Вы говорите о примиреніи, а сами арестуете меня!“ Разсказъ самого Люсьена въ этомъ мѣстѣ не соответствуетъ дѣйствительности.

Стр. 396. Стр. 15. „Mémoires historiques“, 73.

Стр. 397. Стр. 13 и слѣд. Цитируемъ по разсказу Люсьена, (*Lucien*, 152—153) и по газетамъ.

Стр. 33 и сл. Разсказъ *Sapry*.

Стр. 35. *Bourguenne*, III, 97. *Gohier*, I, 310.

Стр. 398. Стр. 1 и сл. Исторія 79-го и 96-го полковъ (Военный Архивъ) доказываетъ, что именно части этихъ полковъ опредѣлили характеръ движенія. Въ исторіи 96-го полка говорится: „Гренадеры 96-го принимали участіе въ изгнаніи депутатовъ изъ Оранжерей“. Вокъ-Годаръ, командовавшій 79-мъ полкомъ и получившій приказъ послать батальонъ въ Сень-Клу, пишетъ, что барабанщики этого полка забили *аттаку* и такъ подбодрили этимъ гренадеръ, что они вошли.

Стр. 9—18. „Mémoires historiques“, 74.

Стр. 398. Стр. 31—33. *Moniteur*, 20-го брюмера.

Стр. 34 и сл. Полковникъ Дюмуленъ, прикомандированный къ штабу Брюна, незадолго передъ тѣмъ прибылъ въ Парижъ. Въ „*Commentaires*“ (IV, 32) и въ „*Mémoires de Lavalette*“ упоминается о сыгранной имъ роли, но имя искажено. Въ Военномъ Архивѣ, въ его собственномъ *досье*. имѣется его письмо, писанное имъ изъ Кадикса военному министру отъ 25 вандемьера X года, въ этомъ письмѣ онъ возвращается къ прошлому и горько жалуется на Леклерка. . . . Я обращался къ нѣсколькимъ офицерамъ штаба генерала Леклерка, и они сознались мнѣ, что генераль удалил меня изъ арміи, за то, что я у него въ домѣ сказалъ, что 18 брюмера я вошелъ въ Оранжерею во главѣ гренадеровъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это онъ разогналъ совѣтъ пятисотъ. Конечно, я не отрекусь отъ этого дня... Да, я дѣйствительно вошелъ въ Сень-Клу во главѣ гренадеровъ... Леклеркъ говоритъ что тотъ, кто, не будучи связанъ узами кровнаго родства съ Бонапартомъ, пошелъ на сенать, достоинъ смерти. Нѣтъ, я не въ кровномъ родствѣ съ Бонапартомъ, но я связанъ съ нимъ узами чести и величія души, невѣдомыми Леклерку. На письмѣ помѣтка Бертье: „Дать ему приказъ вернуться во Францію“. Въ нивозѣ VIII года онъ былъ произведенъ въ генералы Бонапар-

томъ, испыталъ много превратностей въ своей карьерѣ и умеръ начальникомъ дивизиі уже послѣ реставраціи.

Стр. 36 и слѣд. О происшедшемъ внутри залы и объ изгнаніи Бонапарта всего правдивѣй разсказъ, приписываемый Комбу-Дуну (*Combes-Dounou*, 39—40). Онъ вполне согласуется съ газетными отчетами, въ особенности же съ отчетомъ „*Propagateur*“а, которому серьезная *Décade philosophique* выдала слѣдующій патентъ на правдивость изображенія: „Читая этотъ отчетъ, какъ бы самъ присутствуешь въ залѣ. Это, несомнѣнно, писалъ очевидецъ“. *La Décade*, 30 брюмера. Ср. *Buchez et Roux*, 215—216. О заключительныхъ словахъ Мюрата мы имѣемъ частныя свѣдѣнія.

Стр. 400. Стр. 7 и слѣд. „*Notice sur le 18 brumaire*“ (40) и *Dulaure*, „*Esquisses historiques sur les principaux événements de la Révolution française*“ 26 livraison, утверждаютъ, что большинство депутатовъ, прежде чѣмъ обратиться въ бѣгство, успѣли переодѣться, оставивъ свои тоги въ гардеробной. Тѣмъ не менѣе достовѣрно, что многіе растеряли знаки своего депутатскаго достоинства во время бѣгства, или когда выпрыгивали въ окна. И газеты констатируютъ, что чья то тога—Арена, или какого-то другого депутата была найдена во рву. Г-жа Рейнаръ пишетъ 20-го, со словъ секретаря своего мужа, посланнаго своимъ патрономъ въ Сень-Клу: „Тѣлонъ (секретарь) однимъ изъ послѣднихъ вышелъ изъ залы преній; онъ видѣлъ, какъ разбѣжались пятьсотъ, пользуясь каждой лазейкой, чтобы ускользнуть изъ залы, оставляя ключья своихъ одеждъ на вѣткахъ апельсиновыхъ деревьевъ. Они бродили по парку въ самомъ жалкомъ видѣ, гонимые страхомъ и не умѣя ориентироваться въ туманѣ“. „*Lettres de M-me Reinhard*“, 96. *Coignet* въ своихъ запискахъ („*Cahiers*“) говоритъ: „И тутъ, глядимъ, наши толстяки лѣзутъ въ окна; плащи, красивые токи и перья летятъ на землю; гренадеры срываютъ съ плащей галуны“. (77). Въ „*Notice*“, приписываемой *Combes-Dounou*, говорится: „Бѣгство нѣкоторыхъ депутатовъ сопровождалось чрезвычайно забавными подробностями“. (40).

Стр. 401 Стр. 36—37. *Buchez et Roux*, 212.

Стр. 39—40. *Savary*, 33.

Стр. 402 Стр. 18. Люсьенъ въ своемъ разсказѣ проговорился о „сдѣлкѣ между двумя совѣтами“, *Lescure*, II, 147. Ср. *Masson*, „*Napoléon et sa famille*“, I, 295—96.

Стр. 34—30. *Roederer*, III, 302.

Стр. 403. Стр. 13—20. *Lavalette*, 355; *Arnault*, 267.

Стр. 403. Стр. 30—39. Въ національной Библиотекѣ имѣется экземпляръ адресованный администраціи Комической Оперы. Прокламацію читали также въ наиболѣе популярныхъ кафѣ.

Стр. 404. Стр. 12—20. *Bourrienne*, IV, 159, со словъ Колло.

Стр. 31 и слѣд. „*Mémoires historiques*“, 76.

- Стр. 405. Стр. 21** и сл. О рѣчахъ, произнесенныхъ на ночномъ засѣданіи. См. *Moniteur*, 20-е и 21-е и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе полный текстъ у *Buche et Roux*, 224—255.
- Стр. 405. Стр. 25** и сл. Когда въ послѣдствіи Шазалю было пожаловано дворянство императоромъ, онъ помѣстилъ въ своемъ гербѣ двѣ вѣтви апельсиннаго дерева въ память Оранжереи въ Сентъ-Клу.
- Стр. 408. Стр. 19.** О перемѣнѣ взглядовъ Лебрёна см. *Delbrel*, рукопись, уже напечатанную въ выдержкахъ и полностью въ „*Révolution française*“.
- Стр. 409. Стр. 1** и слѣд. Текстъ адреса у *Buche et Roux*, 249—250.
Стр. 24 и сл. *Masson*, „*Napoléon et sa famille*“, I, 304. Себастиани говоритъ: „Зала была полна офицеровъ“, *Vatout*, 271.
Стр. 28. „*Mémoires historiques*“, 107.
- Стр. 410. Стр. 7.**—*Ibid*, 107.
Стр. 13. Прокламація эта приведена въ „*Correspondance de Napoléon*, VI, 4389.
- Стр. 411. Стр. 17** и сл. *Bourrienne*, III, 105.
Стр. 21—22. „*Mémoires de Gohier*, I, 344.
Стр. 23 и сл. „*Notes de Grouvelle*“.
Стр. 27 и сл. Протоколъ, составленный однимъ изъ комиссаровъ и хранящійся въ архивахъ полицейской префектуры, опубликованъ. *Jean Destrem*, „*Documents sur les déportations du Consulat*“, *Revue historique* (mai—août 1878).
- Стр. 411—412.** Разсказъ газеты *Diplomate*, воспроизведенный *Aulard* въ его сборникѣ: „*Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire*“, X, 789.

Оглавленіе.

СТР.

Предисловіе	
Введеніе.—Революціонеры—пристроившіеся. Правительство.— Революціонеры противъ націи.—Господство олигархіи; управленіе при помощи періодическихъ государственныхъ переворотовъ.—Теорія и практика.—Институтъ.—Роялисты и якобинцы.—Прострація народа.—Армія замѣняетъ народъ въ смыслѣ революціонной силы и въ каждомъ кризисѣ играетъ рѣшающую роль.—Директорія.—Баррасть.—Продажность.—Низость.—Политика качель.—18 фрюктидора.—22 флореаля.—Невозможность для правителей удержатъ власть, не прибѣгая къ ряду насилій	1

Страна. Революціонное положеніе затягивается.—Экономическая неурядица.—Агитація якобинцевъ и <i>большой терроръ</i> .—Разбой съ политической окраской.—Шуаны.—Общая неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ.—Безсиліе и низость администраціи; безденежье.—Общественныя повинности заброшены; порча дорогъ и памятниковъ; Франція въ развалинахъ.—Тираннія фрюктидорцевъ.—Почему французы примутъ Бонапарта, какъ избавителя.—Настоящее убіеніе свободы.—Послѣ фрюктидора народное представительство только фикція.—Порабощеніе печати.—Религіозная жизнь.—Конвентъ термидорцевъ и культы.—Возрожденіе католицизма.—Возобновленіе гоненій.—Все духовенство поставлено внѣ закона въ силу предоставленнаго директоріи права безъ суда ссылатъ священниковъ.—Новая присяга.—Республиканскіи календарь — орудіе борьбы противъ христіанства.—Условія религіознаго замрненія.—Тираннія <i>демады</i> ; ея крайности и нелѣпныя изощренія.—Народное обученіе.—Школа, улица, зрѣлища, праздники.—Кокарда.—Списокъ эмигрантовъ.—Экономическое и соціальное положеніе.—Застой въ крупной торговлѣ и промышленности.—Облегченіе, принесенное революціей земледѣльческому классу.—Освобожденіе земли.—Налоги.—Рекрутскій наборъ.—Свобода торговли и промышленности; въ Парижѣ меньше про-	
---	--

летаріевъ, чѣмъ при старомъ режимѣ. — Бѣдственное положеніе *ранты*; состоянія, нажитыя во время революціи. — Крупные и мелкіе паразиты. — Важность роли финансистовъ и поставщиковъ; партія *новоиспеченныхъ богачей*. — Видъ Парижа; безумное мотовство и горькая нужда. — Лѣтніе вечера. — Паденіе всѣхъ сословныхъ перегородокъ. — Женщины, балы, моды, нравы. — Разложеніе общества. — Послѣдствія развода по взаимному согласію; характерные примѣры. — Различныя оцѣнки общаго состоянія нравовъ. — Извѣстная часть французовъ упорно хранить въ душѣ республиканскій и философскій идеалъ. — Господствующая черта общественнаго настроенія — желаніе мира. — Франція враждебно относится къ старому режиму, а революціонеры ей опротивѣли — Правителей выносятъ лишь изъ апатіи и страха новыхъ потрясеній. — Состояніе умовъ въ среднихъ и либеральныхъ классахъ; ихъ способъ оппозиціи. — Бонапартъ въ перспективѣ. — *Герой*. — Бонапартъ не могъ завладѣть властью въ 1797 г., потому что не нашелъ поддержки и сообщниковъ среди правительства; путь къ власти былъ ему проложенъ одной изъ правящихъ группъ во время Египетскаго похода

16

Глава I. 30-е преріалъ. Вторая коалиція. — Дефицитъ. — Гангрена распространяется. — Потокъ гнусностей. — Пораженія въ Германіи и Италіи. — Финансовые скандалы. — Начало краха фрюктидорской директоріи. — Униженіе совѣтовъ; видъ засѣданій. — Какимъ образомъ у нѣкоторыхъ умудренныхъ опытомъ революціонеровъ зародилась мысль измѣнить учрежденія и пересоздать правительство. — Обострившійся инстинктъ самосохраненія. — Первая мысль о переворотѣ съ цѣлью государственнаго переустройства. — Сійэсъ. — Его вступленіе въ директорію. — Въ немъ видятъ спасителя. — Якобинскіе выборы VII года. — Война противъ воровъ становится войной противъ всѣхъ разбогатѣвшихъ людей и владѣльцевъ крупныхъ движимыхъ имуществъ. — Якобинцы и умѣренные новаго типа объединяются въ совѣтахъ противъ фрюктидорской директоріи. — Парламентскій бунтъ. — Роль Сійэса. — Измѣна Барраса. — Преріальскіе дни. — Избраніе Трейльера кассировано. — Сопротивленіе Ларевельера Лепо и Мерлэна. — Необходимость вмѣшательства войскъ; Жуберъ и Бернадотъ. — Ларевельеръ и Мерлэнъ сходятъ со сцены. — Замѣна вышедшихъ директоровъ; позорный выборъ. — Парижъ перестаетъ интересоваться кризисомъ. — Садъ Тиволи вечеромъ 30-го преріалъ. — Карикатуры, игра словъ. — Равнодушіе и бездѣйствіе населенія.

81

Глава II. Послѣдній натискъ якобинцевъ. Узурпаторская ярость совѣтовъ. — Законъ о заложникахъ. — Призывъ на дѣйстви-

тельную службу рекрутовъ всѣхъ разрядовъ.—Прогрессивный налогъ въ сто милліоновъ, вотированный въ принципѣ. — Новые министры. — Бернадотъ. — Преріальскіе побѣдители раздѣлились; національное „топанье въ лужѣ“. — Умѣренные и якобинцы. — Новая директорія. — Газетный шумъ. — Парижъ наводненъ памфлетами. — Засѣданія законодателей.—Требованія отдачи подъ судъ прежнихъ директоровъ отклонены.—Люсьенъ Бонапартъ.—Клубы снова открыты.—Засѣданія въ Манежѣ.—Уличные безпорядки; вновь появились *черные воротники*. — Вечеръ 23-го мессидора въ Тюльери. — Бульваръ. — Паника. — Совѣтъ старѣйшинъ запрещаетъ членамъ клубовъ собираться въ Манежѣ. — Общественное мнѣніе возмущено противъ якобинцевъ — Въ виду грозящаго напора анархистовъ, Сійѣсъ готовитъ новый *coup d'État* для спасенія отечества. — Роль, предназначенная Жуберу.—Стратегическая и политическая комбинація. — Воззваніе къ умѣреннымъ всѣхъ эпохъ, сближеніе съ изгнаннымъ Лафайетомъ.—На другой и на третій день.—Настроеніе высокопоставленныхъ революціонеровъ.—Протестантскія тенденціи. — Посмертное вліяніе Фридриха Великаго. — Сношенія съ агентами Орлеанскаго. — Чѣмъ кончилась бы эта затѣя, не будь Бонапарта.

Глава III. Борьба партій. Отъѣздъ Жубера въ Италію; его женитьба. — Сійѣсъ начинаетъ борьбу противъ якобинцевъ. — Его рѣчи на Марсовомъ Полѣ. — Парижскій комендантъ и военный министръ. — Камбасерасъ. — Старѣйшины. — Перемѣны въ парижскомъ гарнизонѣ.—Якобинцы улицы Бакъ.—Обращеніе къ Фуше; его назначеніе министромъ полиціи.—Какъ онъ сразу поставилъ себя въ глазахъ общества.—Ловкая осада. — Пули 10-го августа. — Марбо устраненъ. — Закрытіе клуба; отношеніе къ этому населенію; опасенія совѣта пятисотъ.—Якобинская агитація въ провинціи; роялистская контръ-агитація.—Мѣсяць жизни въ провинціи.—Югъ; эпидемія разбоевъ и убійствъ. — Долина Роны. — Лионъ. — Центръ.—Юго-Западу грозитъ возстаніе.—Тулуза и Бордо — Упадокъ духа въ Вандеѣ. — Шуаны. — Волненія въ сѣверныхъ городахъ. — Бельгія и рейнскіе департаменты. — Четыре Вандеи въ перспективѣ. — Сила и слабость роялистской партіи: принцы.—Возстаніе въ Верхней Гароннѣ и сосѣднихъ департаментахъ.—Занять отсталы; рѣшено взяться за оружіе. — Три заговора. — Что предпринимаетъ правительство.—Воззваніе *madame* де Сталь къ справедливости — Тираниія и распушенность.

Глава IV. Кризисъ, вызванный битвой при Нови, и якобинскіе законы. Битва при Нови: смерть Жубера. — Слухи объ убійствѣ. — Общество поражено. — Волненіе въ политическомъ

мірѣ.—Англо-русскія войска въ Голландіи.—Ударъ, нанесенный печати.—Якобинцы предлагаютъ Бернадоту низвергнуть правительство.—Отвѣтъ Бернадота.—Предложеніе объявить отечество въ опасности.—Ужасное засѣданіе совѣта пятисотъ; кулачный бой въ парламентѣ; Парижъ вечеромъ.—Ночной совѣтъ въ Люксембургѣ.—Украденный у Бернадота портфель.—Засѣданіе 28-го фрюктидора; *conseil d'état* въ перспективѣ.—Предложеніе Журдана отклонено, якобинская орда вокругъ дворца Бурбоновъ.—Равнодушіе настоящаго народа.—Примѣненіе якобинскихъ законовъ.—Парижъ въ виду прогрессивнаго налога.—Сопrotивленіе и капитуляція старѣйшинъ.—Организація налога.—Оцѣночное жури.—Капиталу объявлена война.—Какъ она отразилась на сословіяхъ.—Характерные инциденты въ Лионѣ.—Финансисты призываютъ спасителя.—Словцо, приписываемое поставщику Колло.—Финансовыя результаты.—Механизмъ закона о заложникахъ.—Частныя его примѣненія.—Лиги притѣсненій.—Неизбѣжность возстанія на Западѣ.—Призывъ рекрутовъ всѣхъ разрядовъ страшно увеличиваетъ число ослушниковъ.—Увеличеніе разбойничества.—Смятеніе властей.—Общая зараза и разложеніе. . . .

187

Глава V. Республиканскія побѣды.—Возвращеніе Бонапарта. Состояніе умовъ; призываетъ ли Франція Цезаря?—Прострація народа.—Безучастіе и неурядица въ другихъ классахъ общества.—Успѣхи роялизма.—Крестьяне и Бонапартъ.—Внѣшняя опасность надвигается.—Якобинцы снова переходятъ въ наступленіе.—Сійѣсъ и его друзья вырабатываютъ планъ переворота.—Роль Люсьена.—Парижъ въ концѣ лѣта.—Первый бюллетень побѣды.—Бергенъ.—Цюрихъ.—Полезное волненіе.—Суворовъ въ Швейцаріи.—Парижъ трепещетъ.—Бонапартъ напоминаетъ о себѣ бюллетенемъ о битвѣ подъ Абукиромъ.—Три побѣды сразу.—Рядъ толчковъ оживляетъ настроеніе общества; рѣшительный ударъ.—Первый слухъ о высадкѣ Бонапарта.—Отъ Фрежюса до Лиона.—Сійѣсъ. Моро и Бодэнъ Арденнскій.—Парижъ днемъ 22 вандемьера.—Овація черни.—Правительство, совѣты, партіи, арміи, народная масса.—Какъ должно толковать пріемъ, оказанный Бонапарту.—Революція и миръ . . .

229

Глава VI. Бонапартъ въ Парижѣ. Бонапартъ идетъ прямо въ Парижъ черезъ Бурбоннэ; неожиданное и негласное прибытіе.—Домъ въ улицѣ Побѣды.—Визитъ правительству.—Возвращеніе Жозефины; семейный раздоръ; прощеніе.—Наплывъ посѣтителей.—Первая забота Бонапарта.—Онъ изучаетъ настроеніе общественнаго мнѣнія и партій.—Упорная борьба крайнихъ партій; возстаніе на Западѣ.—Напряженіе ослабѣваетъ; желаніе успокоенія въ публикѣ и у мно-

гихъ людей, причастныхъ къ политикѣ.—Общественное мнѣніе не требуетъ насильственнаго переворота.—Какимъ образомъ Бонапартъ думаетъ осуществить желаніе націи.—Гдѣ онъ найдетъ точку опоры.—Бонапартизмъ правой и бонапартизмъ лѣвой.—Сійэсъ, или Баррасъ.—Причины, побуждающія Бонапарта вначалѣ сторониться отъ Сійэса; послѣдній отказывается сдѣлать первый шагъ.—Инцидентъ; посредничество Талейрана; обмѣнъ визитовъ.—Завязываются переговоры.—Обѣдъ у Барраса.—Соглашеніе съ Сійэсомъ.—Тактика, принятая по отношенію къ Баррасу.—Характеръ договора, заключеннаго между Бонапартомъ и главарями пристроившихся революціонеровъ.—Острота одного, изъ нихъ.—Бонапартъ и Институтъ.—Генераль идеологовъ.—Вашингтонъ, или Цезарь?

Глава VII. Приготовленія къ перевороту. Бонапарту сообщаютъ планъ переворота.—Онъ одобряетъ его, съ мысленными оговорками.—Выработанная программа дѣйствій.—Будущій режимъ и даже составъ временнаго правительства съ точностью не выяснены.—Задняя мысль Люсьена.—Сношенія Бонапарта съ якобинцами.—На него возлагаютъ надежды всѣ партіи; общее недоразумѣніе.—Народъ остается безучастнымъ зрителемъ.—Генераль *Вандельверъ*.—Народъ по прежнему главнымъ образомъ озабоченъ вопросомъ: будетъ война или миръ?—Гарнизонныя войска.—Брюмерскіе гренадеры; оказывается, что эти мнимые преторіанцы совсѣмъ не знали Бонапарта, и среди нихъ было много подложныхъ солдатъ.—Моро.—Бернадотъ.—Подготовка и подстрекательство.—Откуда брались деньги.—Финансовыя компаніи.—Главный командиръ.—Отдѣльныя совѣщанія.—Салонъ въ улицѣ Побѣды.—Бонапартъ въ свѣтъ.—Малое количество посвященныхъ цѣликомъ въ тайну.—Паника у Талейрана.—Фуше не допущенъ въ число посвященныхъ: самое важное ему не открыто.—День назначенъ: 18-е брюмера.—Торжественная трапеза въ храмъ Побѣды.—Знаменательное ликованіе народа.—Драгуны Себастиани должны быть центромъ тяжести всей операціи.—Комбинація неожиданнаго нападенія этихъ войскъ съ парламентскимъ *coup d'Etat*.—Жозефина и Гоше.—Директора оцутаны съѣтью хитростей и лжи.—Печальный обѣдъ у Камбасереса.—Послѣднія минуты

Глава VIII. Брюмеръ.—Первый день. Ночная работа.—Засѣданіе на разсвѣтъ.—Декретъ старѣйшинъ.—Улица побѣды.—Наплывъ офицеровъ; они поняли и въ восторгѣ.—Прибытіе генераловъ.—*Мышеловка*.—Лефевръ.—Бернадотъ.—Торжественный отъѣздъ.—Вокругъ города.—Финансистъ Уваръ.—Близъ Тюльери.—Утро 18-го въ Люксембургѣ.—Баррасъ не

трогается съ мѣста.—Первое разочарованіе Сійеса. — Фуше. — Бонапартъ въ совѣтъ старѣйшинъ. — Знаменитая рѣчь. — Плагіатъ. — Видъ войскъ и толпы. — Революція, или смотръ? — Афиши и брошюры. — Переворотъ во имя свободы. — Неожиданный перерывъ засѣданія совѣта пятисотъ. — Выходъ въ отставку и исчезновеніе Барраса; инцидентъ у заставы. — Министры въ Тюльери. — Формализмъ Камбасереса. — Печать республики и голосованіе новаго указа. — Полу-соучастіе Гойе; онъ подписываетъ указъ. — Гойе и Мулена убѣждаютъ подать въ отставку: они противятся; ихъ арестуютъ; роль Моро. — Физиономія Парижа; биржа. — Стратегическія распоряженія. — Засѣданіе въ Тюльери; бесплодные дебаты. — Бонапартъ старается сохранить отношенія съ якобинцами. — Бурное совѣщаніе. — Якобинцы военные и штатскіе. — Бернадотъ пытается войти въ дѣло и присвоить себѣ всѣ выгоды. — Ни у кого нѣтъ опредѣленнаго плана на завтра. — Промахи Бонапарта. — Первые тревожные симптомы; часть старѣйшинъ уже готова перейти въ отступленіе. — Парижъ вечеромъ 18-го брюмера.

Глава IX. Брюмеръ. — Второй день. Движеніе къ Сень-Клу. — Камбасересъ и Шазаль; второй *coup d'état*, оставленный про запасъ. — Бенжаменъ Констанъ. — Отъѣздъ Бонапарта. — Дорога. — Набѣгъ на Сень-Клу. — Топографія мѣстности. — Помѣщеніе не успѣли приспособить во время; послѣдствія. — Оппозиція въ совѣтъ пятисотъ; депутаты присягаютъ конституціи. — Нетерпѣніе Бонапарта; флегматичность Сійеса. — Совѣщанія старѣйшинъ урывками. — Дѣло не подвигается. — Бонапартъ является въ совѣтъ старѣйшинъ, чтобы дать имъ толчокъ; никакого впечатлѣнія. — Какія соображенія побудили его войти въ залу пятисотъ. — Его появленіе; взрывъ. — Страшная суматоха. — Оскорбленіе дѣйствіемъ. — Физическая слабость Бонапарта. — Якобинцы требуютъ объявить его *вне закона*. — Обструкція. — Бонапартъ садится на коня. — Отъѣздъ пѣхоты и кавалеріи. — Видъ раны. — Безпорядочное и яростное метанье во всѣ стороны. — Приближеніе ночи. — Неизбѣжность объявленія *вне закона*. — Люсьенъ изгнанъ изъ залы. — Онъ держитъ рѣчь къ гренадерамъ. — Давленіе со стороны другихъ войскъ. — *Рубиконъ перейденъ*. — Гренадеры въ залѣ. — Словоцо Мюрата. — Штыки. — Собраніе разсѣялось въ полной мглѣ и туманѣ. — Преклоненіе старѣйшинъ. — Оцѣнка роли Люсьена. — Обѣдъ у Талеїрана. — Сумятица въ Парижѣ. — Вербовщики депутатовъ; попытка создать кое-что изъ обломковъ. — Ночныя засѣданія. — Рѣчи Люсьена, Булэ и Кабаниса; гражданскіе инициаторы переворота отнюдь не поклонники *цезаризма*. — *Національная республика*. — Временное консульство. — Исключеніе депутатовъ якобин-

цевъ. — Присяга; контрабандная публика. — Сень-Клу пу-
стѣетъ; возвращеніе въ Парижъ. — Брюмеръ, республика и
революція.

Глава X. На другой день послѣ переворота. Бонапартъ выходитъ
изъ дому и черезъ весь Парижъ ѣдетъ въ Люксембургъ. —
Газеты. — Улица. — Предмѣстья спокойны. — Всѣ вообще до-
вольны, съ нѣкоторыми оговорками. — Вечеръ. — Проклама-
ція новаго правительства. — Взрывъ энтузіазма. — Долой ти-
рановъ! — *Миръ*. — Изліянія и иллюзіи; Бонапарта привѣт-
ствуютъ, какъ возстановителя свободы и предтечу мира. —
Первыя засѣданія консуловъ. — Установленная очередь. —
Составъ министерства. — Безденежье новаго правительства. —
Скромный дебютъ. — Первые шаги Бонапарта; тактъ и про-
стота. — День консула; разговоры. — Вечера въ Люксембургѣ. —
Военная семья. — Первые размолвки съ Сійэсомъ; Талей-
ранъ въ роли соединительнаго звена. — Отмѣна закона о
заложникахъ и прогрессивнаго налога. — Воззваніе къ фи-
нансовому міру; ограниченная помощь. — Народный энтузі-
азмъ не остываетъ. — Письмо Лефевра. — Якобинцы, изгнан-
ные pro forma. — Первые вѣсти изъ департаментовъ. — Oppo-
зиція нѣсколькихъ чиновниковъ. — Ослабленіе якобинскаго
вліянія. — Возстаніе контръ-революціонеровъ. — Беспорядки
въ нѣкоторыхъ городахъ. — Политика Бонапарта. — Націо-
нальное примиреніе. — Реакціи не будетъ. — Парижскіе теа-
тры. — Фуше и администраторы *Opéra Comique*. — Реакція на
сценѣ, въ пѣснѣ и карикатурѣ. — Якобинцы и уничтоженные
парламентаріи. — Репрессалии съ цѣлью подавить реакцію. —
Министерскіе циркуляры. — Отправка въ департаменты двад-
цати четырехъ консульскихъ делегатовъ; на нихъ возложена
задача быть проповѣдниками примиренія. — Беспорядки
среди сельскаго населенія. — Крестьяне воображаютъ, что па-
деніе революціонной тираніи должно повлечь за собою уп-
раздненіе всякихъ общественныхъ налоговъ

Глава XI. Франція при временномъ консульствѣ. — Парижъ. Реак-
ціонное броженіе стихаетъ. — Осторожность Бонапарта. —
Парижъ таковъ, какимъ его сдѣлала революція. — Контра-
сты. — Общая запущенность. — Памятники и учрежденія; па-
радоксальное примѣненіе ихъ. — Улица. — Паразитныя
отрасли промышленности. — День парижанъ. — Бомондъ. —
Безумная жажда наслажденій. — Вліяніе Бонапарта на
моды. — Спокойныя объѣды. — Салоны. — Театръ. — Улицы не
безопасны. — Избытокъ проституціи. — Темныя и опасныя
элементы. — Армія контрабандистовъ. — Грабежъ въ Пале-
Роялѣ. — Разговоръ Бонапарта за завтракомъ; какъ онъ
пользуется печатью. — Либерализмъ и воздержаніе поли-
ціи. — Газеты. — Воскрешеніе *Газеты Свободныхъ Людей*. — По-

литика Фуше; революціонная защита. — Неувѣренность и колебанія въ настроеніи парижскаго общества. — Какъ Бонапартъ завоевалъ Парижъ.

Департаменты. Мѣры, принятыя повсемѣстно во Франціи. — Революціонные законы остаются въ силѣ, но нѣсколько смягчены въ примѣненіи. — Мѣры, примѣненные къ нѣкоторымъ категоріямъ священниковъ. — Дороги. — Недостатокъ въ деньгахъ. — Ухищренія капиталистовъ. — Прямые налоги. — Административное междуцарствіе. — Дѣла по прежнему въ разстройствѣ. — Югъ и Юго-Западъ. — Итальянская армія. — Военные бунты. — Другія арміи. — Какое впечатлѣніе произвели брюмерскія событія на французовъ за предѣлами Франціи. — Эмигранты и ссыльные. — Неожиданное возвращеніе Лафайета. — Огромное большинство республиканцевъ присоединяется къ временному правительству. — Якобинцы. — Роялисты опшблись въ расчетѣ. — Умѣренные лѣвой и умѣренные правой; послѣдніе держатся въ сторонѣ; характерное письмо. — Масса гражданъ возлагаетъ свои надежды на Бонапарта и вѣрять ему, но еще не дошла до полнаго довѣрія. — Успѣхъ роялистовъ на Западѣ. — Сюрпризы въ Мансѣ и Нантѣ. — Вандея и Нормандія. — Генераль Эдувиль и г-жа Тюрпэнъ де Криссе. — Какое дѣйствіе произвели на западѣ 18-е брюмера и послѣдующіе указы. — Перемиріе. — Бонапартъ не окончательно разочаровываетъ роялистовъ; ему желательно иммобилизовать и усыпить всѣ партіи.

Глава XII. Конституція VIII года. Законодательныя комиссіи. — Отдѣлы (*sections*), вырабатывавшіе конституцію. — Обращеніе къ Сійэсу. — Сійэсъ, не написавъ ни слова, позволяетъ вывѣдать у себя свои идеи. — Измѣненіе перваго его проэкта. — Принципы и интересы. — Сійэсъ предлагаетъ упразднить избирательную систему и хочетъ упрочить навсегда господство революціонеровъ. — Сенатъ — источникъ всякой власти. — Двѣ пирамиды. — Великій избиратель. — Серьезное разногласіе въ мнѣніяхъ съ Бонапартомъ. — Предложеніе пойти на сдѣлку. — Колочій споръ. — Разрывъ кажется неизбежнымъ. — Парижъ во время кризиса. — Бульварный инцидентъ. — Испанская карета. — Охлажденіе между Бонапартомъ и Сійэсомъ. — Въ споръ втягиваютъ комиссіи. — Сійэсъ обманутъ. — Бонапартъ заманиваетъ къ себѣ обѣ *sections*; ночныя собранія; расширеніе собраній; засѣданія въ полномъ составѣ. — Проэктъ Дону. — Бонапартъ разбииваетъ оба проэкта, одинъ посредствомъ другого. — Листки Дону; *Recto* и *Verso*. — Восемь рѣшительныхъ словъ. — Единодуніе неполнительнаго комитета. — Бонапартъ продолжаетъ переговоры съ

Сійэсомъ; соглашеніе относительно личностей. — Удовлетвореніе, данное революціонной олигархіи. — Камбасерэсъ и Лебрёнъ. — Споръ о гарантіяхъ. — Комиссіи, наконецъ, раздѣлились. — Какъ Бонапартъ заставилъ ихъ вотировать конституцію. — Сцены при закрытыхъ дверяхъ. — Сійэсъ — великій избиратель. — Немедленное оглашеніе. — Слово женщины изъ народа. — Исслѣдованіе конституціи; ея пробѣлы и неясности. — Консулы. — Сенатъ. — Трибунатъ. — Законодательный корпусъ. — Какимъ образомъ конституція VІІІ года, плодъ компромисса между Бонапартомъ и революціонной олигархіей, носитъ въ себѣ зародышъ будущихъ переворотовъ и должна привести къ демократическому деспотизму. — Конституція, отданная на судъ гражданъ; открытіе записей. — Бонапартъ угадываетъ результатъ плебисцита и убѣждаетъ ввести въ силу конституцію. — Послѣдніе труды комиссіи. — Законъ о пострадавшихъ въ фрюктидорѣ. — Законъ о національныхъ празднествахъ. — Доля Сійэса. Бонапартъ вступаетъ въ обязанности перваго консула.

Глава XIII. Первый консуль. Прокламація къ французамъ. — Большія слова. — Умѣренность — основа всякаго истиннонаціональнаго правительства. — Министерство Бонапарта. — Талейранъ. — Фуше. — Люсьенъ. — Правая и лѣвая въ консульствѣ. — Возвращеніе государственнаго совѣта. — Обращеніе ко всѣмъ партіямъ и учетъ авансомъ дарованій. — Составъ сената. — Предоставленіе Сійэсу преобладающаго вліянія на выборъ законодателей и трибуновъ; Бонапартъ воздерживается отъ вмѣшательства. — Честолюбіе и низость. — Составъ трибуната и законодательнаго корпуса. — Остатки конвента. — Въ консульскія собранія вошли многіе члены совѣтовъ директоріи. — Почему общественное мнѣніе будетъ поддерживать перваго консула въ ущербъ собраніямъ. — Холодный пріемъ, оказанный конституціи. — Расцвѣтъ консульской политики. — *Moniteur* 7 нивоза. — Прокламація къ западнымъ департаментамъ. — Первая мѣра, клонящаяся къ введенію религіозной свободы. — Отмѣна исключительныхъ законовъ противъ бывшихъ дворянъ и родственниковъ эмигрантовъ. — Храмъ Марса. — Возвращеніе большинства пострадавшихъ въ фрюктидорѣ. — Послѣдовательныя мѣры. — Глубокое впечатлѣніе. — *Царство справедливости*. — Реставрація здраваго смысла. — Открытіе церквей; расцвѣтъ католицизма. — Въ административной области продолжается междуцарствіе: настоятельная потребность въ органическихъ законахъ. — Массы продолжаютъ тяготѣть къ Бонапарту. — Якобинская оппозиція. — Опасность справа. — Сила вліянія роялистовъ; отколовшіяся провинціи. — Западъ все еще не складываетъ оружія; конспирація на югъ. — Внѣшнія войны не прекра-

	СТР.
щаются; перспектива новой кампаніи.—Тѣсная связь между внутренними дѣлами и внѣшними: — Только побѣда, носящая въ себѣ зародышъ мира, можетъ обезпечить существованіе консульства и достиженіе Бонапартомъ полного могущества.	551
Приложеніе.	586

